Боспорские исследования

Вып. XLIII

BOSPOROS STUDIES

Vol. XLIII

Керчь Симферополь
Kerch Simferopol
2021

УДК 94(477.75)082
ББК 63.4-63.3 (0)32
Б85

Научная подготовка журнала осуществляется
Научно-исследовательским центром истории и археологии Крыма
Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского
и Центром археологических исследований
Благотворительного фонда «Деметра»

Рекомендовано к изданию Научно-техническим советом Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского (Протокол № 6 от 05.10.2021 г.)

Редакция:
Зинько В.Н., д.и.н., ответственный редактор
Зинько А.В., к.и.н., ответственный секретарь

Редакционная коллегия:
Айбабин А.И., главный редактор, д.и.н., Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского (Симферополь)
Виноградов Ю.А., д.и.н., проф., Институт истории материальной культуры РАН (Санкт-Петербург)
Зинько В.Н., заместитель главного редактора, д.и.н., Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского (Симферополь)
Казанский М.М., д.и.н., Центр истории и цивилизации Византии Коллеж де Франс (Париж, Франция)
Молев Е.А., д.и.н., проф., Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (Нижний Новгород)
Сидоренко В.А., к.и.н., Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского (Симферополь)
Храпунов И.Н., д.и.н., Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского (Симферополь)
Цецхладзе Г.Р., PhD, профессор, главный редактор «Ancient West and East» (Левен, Бельгия)
Цукерман К., д.и.н., проф., Центр истории и цивилизации Византии Коллеж де Франс (Париж, Франция)

Состав редколлегии утвержден Ученым советом Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского (Протокол № 4 от 30.11.2020 г.)

Боспорские исследования. Вып. XLIII/ Отв. ред. В.Н. Зинько. –
Б 85 Керчь: Керченская городская типография, 2021. 416 с.
+2 с. вкл.
ISBN 978-5-6046127-1-2

В XLIII выпуске «Боспорских исследований» публикуются статьи и материалы по результатам исследований античных и средневековых памятников Боспора и Северного Причерноморья, а также по отдельным вопросам изучения истории материальной культуры и методике проведения археологических раскопок.

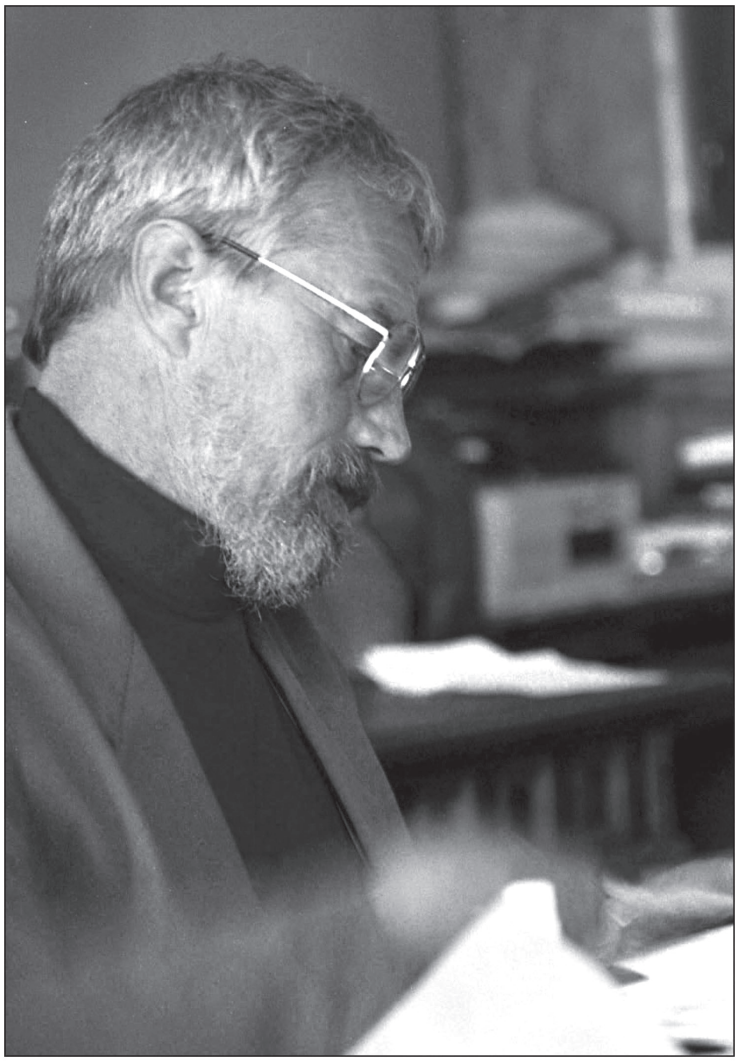
Для археологов, историков, музейных сотрудников, студентов и преподавателей, а также всех, кто интересуется древней историей и археологией юга России.

УДК 94(477.75)082
ББК 63.4-63.3 (0)32

Издание профинансировано Благотворительным фондом «Деметра»

ISSN 2413-1938
ISBN 978-5-6046127-1-2

© Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, 2021
© Центр археологических исследований БФ «Деметра», 2021
© Авторы, текст, 2021

ПОСВЯЩАЕТСЯ
Евгению Яковлевичу РОГОВУ
(28.05.1951 г. – 15.07.2001 г.)

Е.Я. Рогов. Санкт-Петербург. 1999 г. Фото С.В. Яблочкина

Ю.А. ВИНОГРАДОВ
YU.A. VINOGRADOV

Е.Я. РОГОВ, ЧЕЛОВЕК, КОТОРОГО ЗАБЫТЬ НЕВОЗМОЖНО
E.YA. ROGOV, THE MAN, WHO IS IMPOSSIBLE TO FORGET

28 мая 2021 г. исполнилось 70 лет со дня рождения Евгения Яковлевича Рогова (рис. 1). К огромному сожалению, он дожил лишь до своего 50-летия, покинув этот мир 15 июля 2001 г. Ужасная, нелепая, несправедливая смерть, смириться с которой невозможно даже по прошествии немалого времени. Память о Е.Я. Рогове жива, друзья вспоминают его очень часто, периодически проводятся научные мероприятия, приуроченные к юбилейным датам из жизни выдающегося ученого [Вахтина и др., 2002; Вахтина, Виноградов, 2005; 2011; Виноградов, Кашаев, 2011]. Но я хотел бы рассказать о другом: Женя оставил столь яркий отпечаток в моей памяти, что и сейчас он как живой встаёт перед моим мысленным взором.

Мы встретились с Е.Я. Роговым осенью 1971 г., когда я только что поступил на кафедру археологии Ленинградского государственного университета, а он учился на курс старше, к тому же на вечернем отделении, поэтому на занятиях мы почти не пересекались, так что знакомство оказалось шапочным. Настоящее знакомство, переросшее в крепкую дружбу, произошло позднее, когда мы стали первыми участниками кафедрального Греко-варварского семинара, который вёл А.Н. Щеглов. Мы – это не только Женя и я, но и М.Ю. Вахтина, В.А. Горончаровский, Н.К. Жижина, О.Ю. Соколова и др., – в общем, все ленинградские студенты-археологи, так или иначе связанные с изучением классических древностей Северного Причерноморья и входившие в профессию в 70-х гг. прошлого века. В этом ряду Евгений Яковлевич был настоящей звездой.

В Ленинградское отделение Института археологии АН СССР (ныне ИИМК РАН) мы – М.Ю. Вахтина, В.А. Горончаровский, Е.Я. Рогов и я – попали сразу после окончания университета, пусть и в разных качествах. Наше стремление найти свой путь в науке, как сейчас кажется, не знало границ. Женю уже тогда захватывала проблема греческой колонизации, её он считал основной для нашей науки, в ней, по его мнению, заложен корень всего дальнейшего развития греческих государств региона. Этой проблеме так или иначе были посвящены наши первые, пусть не во всем совершенные, совместные публикации [Вахтина и др., 1979, 1980], она волновала Е.Я. Рогова и позднее [Виноградов, Рогов, 1997; Рогов, 1999]. С вопросами греческого освоения Западного Крыма он связывал исследование экологии района [Рогов, 1996]. Его очерк «Греки и варвары в Северо-

Западном Крыму», подготовленный для нашей коллективной монографии и вышедший уже после смерти автора, стал по-настоящему классическим [Рогов, 2005, 2018].

Вторая проблема, всегда волновавшая Женю, была связана с изучением древних некрополей и отдельных погребальных комплексов. Благодаря его стараниям и его археологическому таланту в некрополе Панское были обнаружены сырцовые склепы [Рогов, 1985] и тем самым открыта новая страница в изучении культуры древнего населения региона. Небольшая заметка Е.Я. Рогова, посвященная херсонесскому некрополю V–IV вв. до н.э., в высшей степени оригинальна [Рогов, 1992], а его исследование подстенного склепа 1012, в котором доказана жреческая принадлежность сделанных здесь погребений, на мой взгляд, является образцовым [Рогов, 2000а]. Для меня также в высшей степени любопытны работы Е.Я. Рогова об ольвиополитах в Северо-Западном Крыму [Рогов, 2000б].

Вообще же он был уверен, что современные учёные не в полной мере используют информативные возможности материалов, полученных при раскопках некрополей. Когда в нашу жизнь стали входить компьютеры, у него созрела идея о создании банка данных по всем античным погребениям, при этом не только Северного Причерноморья, но гораздо шире – Черноморского и Средиземноморского бассейнов. Многим эта идея казалась немыслимой, «дон-кихотской», но ведь именно такие идеи, подобно ледоколам, ломают лёд повседневной рутины и в науке, и в жизни.

Третье обстоятельство, на которое непременно надо обратить внимание, заключается в том, что лучшие археологические открытия Е.Я. Рогова были связаны с изучением хоры – будь то хора Херсонеса, Ольвии или Боспора Киммерийского. Он лучше многих понимал, какое огромное значение имеют систематические раскопки скромных сельских памятников (поселений и некрополей), какую бесценную информацию они дают для понимания экономики греческих государств, их социальной и этнической структуры [Головачёва и др., 1991]. Евгений Яковлевич внёс большой вклад в изучение комплекса находок, происходящих из раскопок, которые следует признать классическими, усадьбы 6 поселения Панское-1 в Северо-Западном Крыму [Rogov, 2002].

С годами мы (К.К. Марченко, Е.Я. Рогов и я) пришли к осознанию того факта, что хронология этих памятников (их массовое появление или исчезновение) даёт ключ к пониманию военно-политической ситуации или, правильнее сказать, ситуаций в Причерноморских степях [Виноградов и др., 1989, 1997].

Е.Я. Рогов был настоящим мастером своего дела, непревзойдённым знатоком культурного слоя, лучшим археологом-полевиком из всех, кого я знал и знаю. Не буду оригинальным, если скажу, что любой археологический памятник ставит перед исследователем немало трудных вопросов, которые в некоторых случаях кажутся абсолютно неразрешимыми. Они встречались и в практике Евгения Яковлевича. Он болезненно переживал такие моменты, старался вновь и вновь делать «зеркальные» зачистки площади, подолгу размышлял над полученной картиной. Если все эти мероприятия не помогали, приказывал полить зачистку водой, накрыть брезентом (что-

бы вода быстро не испарялась), посмотреть на неё в лучах восхода/заката (даже ночью при полной луне!). В конце концов памятник «сдавался», ситуация прояснялась, и, к примеру, на дне неглубокой ямы, заполнение которой, на первый взгляд, ничем не отличалось от материкового, оказывалась великолепная терракотовая статуэтка (так это было, к примеру, на Березани).

Мне довелось поработать с Женей на самых различных памятниках и в самых разных местах – в Западном Крыму, на хоре Ольвии, на Березани, на берегах Керченского пролива и даже на юге Туркмении. Никогда не забуду первой встречи с ним в поле, это было на Панском в 1976 г. Меня вышел поприветствовать высокий, стройный, симпатичный молодой человек, сильно загоревший, просто выгоревший на солнце. Он очень напоминал героев американских вестернов, но героев, разумеется, положительных. Художник Дмитрий Хмельницкий, работавший на Панском, нарисовал дружеский шарж на Е.Я. Рогова, обозначив в его лице монголоидные черты (рис. 2). Получился такой степняк! Конечно, художник имел на это право, но будь я автором шаржа, то изобразил бы Евгения Яковлевича в образе ковбоя Мальборо, вот только прикуривал бы он не сигарету известной фирмы, а папироску «Беломорканал».

Обаяние Жени было феноменальным, при этом оно многократно увеличивалось благодаря удивительному артистизму его натуры. Все знают, что на День археолога в экспедициях проводятся всякого рода церемонии (приём новичков в археологи и пр.), ставятся представления – драматические или даже оперные. На Панском однажды был поставлен балет, главную партию в котором, конечно, исполнял Евгений Яковлевич. «Талантливый человек талантлив во всём» – так нередко говорил Женя в самых различных ситуациях, скажем, во время приготовления овощного супчика в экспедиционных условиях.

Уверен, что со мной не согласятся некоторые из людей, хорошо знавших Женю. В его облике – высокой суховатой фигуре, походке, характерной жестикуляции и пр. я замечал некоторое сходство с Розовой пантерой из известного мультфильма. Теперь при звуках знаменитой мелодии Генри Манчини в моих воспоминаниях восстаёт отнюдь не мультяшный герой, а реальный человек, периодически попадавший в отнюдь не простые, не выдуманные ситуации. Жизненный путь Е.Я. Рогова не был безмятежным и бесконфликтным. Увы, над его головой, фигурально выражаясь, часто сгущались тучи и грохотали грозы. К примеру, конфликт случился с глубоко им уважаемым учителем – А.Н. Щегловым. Женя был глубоко расстроен этим разладом, как, по всей видимости, и Александр Николаевич. Во всяком случае, многие помнят событие, случившееся в 1995 г., когда в столовой Эрмитажа проходили поминки А.М. Гилевич (супруги А.Н. Щеглова). Тяжело переживая потерю и стремясь найти поддержку близкого человека, Александр Николаевич в слезах бросился к Жене на шею и долго не мог от него оторваться.

В тяжёлых жизненных ситуациях Е.Я. Рогова спасало его выдающееся чувство юмора. Многие его остроумные словечки и выражения становились «народ-

ным достоянием» для сотрудников экспедиций. Его характеристики отдельных личностей или даже целых организаций, как правило, были вполне справедливы, но порой не очень приличны. Не буду вспоминать, как он отзывался о нашем институте (ЛОИА АН СССР – ИИМК РАН). Вообще его шуточки были, что называется, «ниже пояса». Так, в присутствии девушек он мог задать вопрос: «Что общего между женскими ножками и горными вершинами?». И сам на него отвечал: «Чем выше, тем больше дух захватывает».

Помнится, ранней зимой мы шли с ним на лекцию по истории философии (необходимый кандминимум). Путь наш лежал по набережной Невы, мимо Эрмитажа и дальше через Дворцовый мост в здание Академии наук. В этот день в Ленинграде выпал снег, лежавший «великолепными пластами» на деревьях и камнях набережной. Такое в нашем городе можно увидеть не часто, обычная серость быстро съедает зимнюю красоту. Какая-то молодая пара, обрадованная редкостной картиной, затеяла игру в снежки. Отметив это, я обратился к Жене: «Посмотри, сколько радости, энергии и грации в движениях молодых людей». Тот сразу ответил: «Да, доиграются до аборта».

Наверно, он был ближе, так сказать, к правде жизни, нежели я. Во всяком случае мне этот эпизод запомнился, хотя ничего особенно примечательного в нём нет. Да простит меня читатель за этот «скверный анекдот», но без него и подобных ему образ Евгения Яковлевича в моей голове не складывается.

В подтверждение сказанного приведу один, так сказать, документ. После смерти Е.Я. Рогова в Отдел истории античной культуры ИИМК РАН из семьи были доставлены коробки с его бумагами. В основном это были конспекты, черновики каких-то статей, наброски к чертежам и т.д. Среди них я с удивлением обнаружил «Личный листок по учёту кадров АН СССР», который все мы заполняли при поступлении в институт. Но этот бланк был заполнен Евгением Яковлевичем в очень шутейной и чрезвычайно характерной для него манере (рис. 3). Приведу этот документ полностью. Из 20 пунктов, содержащихся в анкете, ответы были даны на 15:

1. Ф.И.О.: *Рогов Евгений Яковлевич*
2. Пол: *Кому надо, знают*.
3. Год, число и м-ц рождения: *1971*
4. Место рождения: *Тарханкут, палатка № 1 (родильная)*
5. Национальность: *Смешанная*
6. Соц. происхождение: –
7. Партийность: *Член*
   Партстаж: *Длительный*
   Партбилет №: *Первый*
8. Состоите ли членом ВЛКСМ: *Ещё как состою*
9. Образование: *Сверхвысокое*
   Факультет: *Ненужных вещей*

Какую специальность получил: *Разнообразную*

10. Какими иностранными языками владеете: –
11. Учёная степень: *Кандидат в доктора*
12. Какие имеете научные труды: *Всевозможные*
13. Выполняемая работа: –
14. Пребывание за границей: *Бывал*
15. Участие в партийных и советских органах: –
16. Какие имеете правительственные награды: *Орден Большого и Малого Атлеша* [1]
17. Имеете ли партвзыскания: *Имею епитимию и эпиталаму*
18. Отношение к воинской обязанности: *Отрицательное*
    Состав: *Командно-матерный*
    Род войск: *Полевой*
19. Семейное положение: *Выяснить не удалось*
20. Домашний адрес и телефон: –

Обращу внимание, что годом своего рождения Е.Я. Рогов признал 1971-ый, когда, очевидно, впервые принял участие в археологической экспедиции, а местом рождения назвал лагерную палатку. И в этой шутке, как говорится, имеется лишь доля шутки.

Я не хочу, чтобы у кого-то сложилось впечатление, что Евгений Яковлевич был лишь талантливым учёным, способным на забавные выходки, своего рода профессором Паганелем. Совсем нет, всё гораздо сложней! Он был очень тонким, ранимым, страдающим от несовершенства нашей жизни, верующим человеком. В начале марта 1996 г. мы приняли участие в конференции «Эллины на Чёрном море», проводившейся в Салониках (Греция). Помнится, нас повели в какую-то средневековую церковь. Зайдя туда, мы с Женей перекрестились, вызвав удивлённые взгляды участников российской и украинской делегаций. Почти все тогда ещё стеснялись открыто демонстрировать свою принадлежность к стаду Христову, но к моему другу это не имело никакого отношения.

К сожалению, Е.Я. Рогов оставил не так много печатных работ, к тому же многие из них вышли уже после смерти автора [Рогов, 2001а, 2001б, 2002, 2005; Рогов, Кашаев, 2002; Рогов и др., 2005; Головачёва, Рогов, 2002; Golovacheva, Rogov, 2001; Vinogradov et al., 2001; Rogov, 2002], но почти все они являются настоящими бриллиантами. В советское время «пристроить» статью в хороший научный журнал было не так просто, поэтому многие археологи, особенно молодые, занимались тиражированием тезисов докладов для различных конференций, благо таковых проводилось много. Уже тогда было ясно, что эти публикации сильно засоряют

[1] Большой и малый Атлеш – две живописные бухты в Западном Крыму, которые так нравились Е.Я. Рогову [см. Смекалова, Кутайсов, 2017. С. 38–40].

библиографию, но это обстоятельство никого не смущало – каждый год для отчёта о работе надо было иметь некоторое количество печатных работ. Готовя очередную крохотную публикацию, мы часто шутили, что заканчиваем работу над выпуском пятого, шестого или десятого тома своих тезисов. Это обстоятельство отчасти было обыграно авторами коллажа с изображением Е.Я. Рогова, появившегося в ИИМКе в начале 2001 г. (рис. 4). Женя представлен на нём в образе мэтра, с улыбкой указывающего на сотни томов своих бесценных и бессмертных трудов.

Е.Я. Рогов защитил кандидатскую диссертацию очень поздно – в апреле 1998г., когда ему было почти 48 лет. Обычно в таком возрасте защищают докторские, но работа Евгения Яковлевича «Некрополь Панское-1 и его место среди некрополей IV–III вв. до н.э. в Северном Причерноморье» по масштабу и глубине охвата материала является докторской. Она намного превосходит уровень кандидатских диссертаций того времени, уж не говоря о современных. Женя не успел издать её в виде монографии, и мы с М.Ю. Вахтиной взялись за это дело после смерти автора. Работа оказалась чудовищно трудной – вполне готовый электронный набор кусков глав то исчезал, то появлялся в другом месте.., но монография всё-таки увидела свет в 2011 г., в год 60-летия нашего друга [Рогов, 2011]. Если где-нибудь в загробном мире у меня кто-нибудь спросит: «Что ты сделал полезного при жизни?», я, не задумываясь, отвечу: «Принял участие в подготовке издания монографии Жени Рогова».

Лучший фотографический портрет Евгения Яковлевича принадлежит Сергею Яблочкину – фотографу Боспорской экспедиции ИИМК РАН и подлинному художнику (рис. 1). Снимок был сделан в середине января 2001 г., когда мы принимали участие в Международном коллоквиуме «Греки и негреки на северном берегу Чёрного моря», проходившем в г. Мюнстер (Германия, земля Северный Рейн – Вестфалия). В один из вечеров вся наша делегация была приглашена в Ратушу этого милого городка, где в Зале Мира прошёл скромный банкет. Мы сразу вспомнили о Вестфальском мире (1648 г.), положившем конец страшной Тридцатилетней войне и подписанном в Мюнстере. Особое волнение вызывало то, что этот город был полностью разрушен во время Второй мировой войны, не уцелела и ратуша, но старинные деревянные резные панели, украшавшие стены Зала мира, были спасены. После войны, когда Мюнстер был восстановлен (буквально возродился из пепла), панели были возвращены на своё место. Они стали фоном для портрета Е.Я. Рогова.

Никогда не забуду нашей последней встречи. Это было в Отделе истории античной культуры ИИМК в конце июня 2001 г. Тогда после какого-то заседания (а они проходили по пятницам) Женя торопился уйти, поскольку хотел успеть на электричку, чтобы уехать на дачу. Мне же очень хотелось обсудить с ним какие-то вопросы, связанные с раскопками на Таманском полуострове. На моё настойчивое обращение он ответил кратко: «Мы обсудим это потом». Встречи «потом» уже не было, и вообще это были последние слова, которые я от него услышал.

18 июля 2001 г. я не смог присутствовать на похоронах Е.Я. Рогова, поскольку был вынужден уехать в экспедицию. Говорят, что людей собралось очень много,

всё утопало в цветах, что совсем не удивительно. Евгений Яковлевич упокоился на Волковском православном кладбище, и могила его не забыта.

По словам упоминавшегося выше Сергея Яблочкина, в день похорон было очень жарко. Отпевание проходило в церкви Святого праведного многострадального Иова, что на Волковке. Небольшое пространство церкви было забито народом. Сергей всячески пытался найти удачный ракурс для снимка и не заметил, что одна из горевших свечей согнулась от жары и подожгла сзади его пиджак. Инцидент был быстро устранен, С. Яблочкин лишь отметил: «Это была последняя шутка гения».

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Вахтина М.Ю., Виноградов Ю.А., Горончаровский В.А., Рогов Е.Я. Некоторые вопросы греческой колонизации Крыма // Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. Материалы 1-го Всесоюзного симпозиума. Тбилиси: Мецниереба, 1979. С. 75–81.

Вахтина М.Ю., Виноградов Ю.А., Рогов Е.Я. Об одном из маршрутов военных походов и сезонных миграций кочевых скифов // ВДИ. 1980. № 4. С. 155–161.

Вахтина М.Ю., Виноградов Ю.А., Зуев В.Ю. Евгений Яковлевич Рогов. Основные вехи биографии // БФ. Погребальные памятники и святилища. I. СПб, 2002. С. 7–17.

Вахтина М.Ю., Виноградов Ю.А. Памяти Евгения Яковлевича Рогова (1951–2001) // Скифия, Фракия и эллинский мир. Stratum plus. 2003–2004. № 3. СПб, Кишинев, Бухарест, 2005. С. 9–12.

Вахтина М.Ю., Виноградов Ю.А. О книге Е.Я. Рогова // Рогов Е.Я. Некрополь Панское-1 в Северо-Западном Крыму. МАИЭТ. Supplementum 10. Симферополь, 2011. С. 4–7.

Виноградов Ю.А., Кашаев С.В. Заседание Отдела истории античной культуры ИИМК РАН, посвящённое памяти Е.Я. Рогова // Записки ИИМК РАН. 2011. № 6. С. 249–250.

Виноградов Ю.А., Марченко К.К., Рогов Е.Я. К вопросу о культурно-историческом единстве сельского населения Нижнего Побужья античного времени // Древнее Причерноморье. Чтения памяти проф. П.О. Карышковского. Тезисы докладов. Одесса, 1989. С. 16–17.

Виноградов Ю.А., Марченко К.К., Рогов Е.Я. Сарматы и гибель Великой Скифии // ВДИ. 1997. № 3. С. 93–103.

Виноградов Ю.А., Рогов Е.Я. Некоторые закономерности становления и развития греческих государств Северного Причерноморья // Stratum plus. ПАВ. Петербург, Кишинёв, 1997. С. 66–72.

Головачёва Н.В., Марченко К.К., Рогов Е.Я., Соловьёв С.Л. Античное поселение Нижнего Побужья Козырка-12 // КСИА. 1991. Вып. 204. С. 66–71.

Головачёва Н.В., Рогов Е.Я. Сельский храм и зольник у поселения Козырка-11 на хоре Ольвии // БФ. Погребальные памятники и святилища. Ч. 2. СПб, 2002. С. 41–44.

Рогов Е.Я. Сырцовые конструкции в погребальных сооружениях некрополя Панское-I // КСИА. 1985. № 182. С. 45–50.

Рогов Е.Я. О некрополе Херсонеса V–IV вв. до н.э. // Межполисные взаимоотношения в Причерноморье в доримскую эпоху. Экономика, политика, культура. Материалы к конференции в Херсонесском заповеднике 26–30 октября 1992 г. Севастополь, 1992. С. 38–39.

Рогов Е.Я. Экология Западного Крыма в античное время // ВДИ. 1996. № 1. С. 70–85.

Рогов Е.Я. Некоторые проблемы становления и развития Херсонесского государства // Stratum plus. 1999. № 3. С. 116–144.

Рогов Е.Я. Столетие открытия подстенного склепа 1012 в Херсонесе // Stratum plus. 2000а. № 3. С. 88–97.

Рогов Е.Я. Ольвиополиты в Северо-Западном Крыму // ΣΥΣΣΙΤΙΑ. Памяти Ю.В. Андреева. СПб, 2000б. С. 227–232.

Рогов Е.Я. Общественный источник в юго-восточной части Херсонесского городища // Археологія. 2001а. № 4. С. 116–119.

Рогов Е.Я. О месте производства феодосийских и херсонесских серег роскошного стиля // БФ: Колонизация региона, формирование полисов, образование государства. Ч. 2. СПб, 2001б. С. 66–73.

Рогов Е.Я. Херсонес и варвары Юго-Западного Крыма в IV в. до н.э. // АМА. 2002. Вып. 11. С. 140–53.

Рогов Е.Я. Греки и варвары в Западном Крыму // Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху. СПб, 2005. С. 137–210.

Рогов Е.Я. Некрополь Панское-1 в Северо-Западном Крыму. МАИЭТ. Supplementum. Вып. 10. Симферополь, 2011. 213 с.

Рогов Е.Я. Греки и варвары в Западном Крыму // Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху. СПб, 2018 (второе издание). С. 137–210.

Рогов Е.Я., Кашаев С.В. Чернолаковая керамика из раскопок поселения Вышестеблиевская-11 // АВ. 2002. Вып. 9. С. 124–135.

Рогов Е.Я., Кашаев С.В., Форназир Й. Керамический комплекс из хозяйственных ям поселения Вышестеблиевская-11 на юге Таманского полуострова // БИ. 2005. Вып. 8. С. 177–217.

Смекалова Т.Н., Кутайсов В.А. Археологический атлас Северо-Западного Крыма. Поздний бронзовый век. Ранний железный век. Античность. СПб, 2017.

Golovacheva N.V., Rogov E.Y. Note on the Rural Temple on the Northern Edge of the Archaic Chora of Olbia // North Pontic Archaeology. Recent Discoveries and Studies. Leiden, Boston, Köln, 2001 (Colloquia pontica. Vol. 6). P. 143–148.

Rogov E.A. Metal Objects. Stone Objects. Ceramic Objects. Glass Objects. Bone Objects // Panskoe I. Vol. 1. The Monumental Building U 6. Aarhus University Press, 2002. P. 252–279.

Vinogradov Ju.A., Rogov E.Ja., Stähler K., Fornasier J. Archäologische Untersuchungen auf der Taman' – Halbinsel, Russland // Eurasia Antiqua. 2001. Bd. 7. S. 169–185.

REFERENCES

Golovacheva N.V., Marchenko K.K., Rogov E.Ya., Solov'ev S.L. Antichnoye poseleniye Nizhnego Pobuzh'ya Kozyrka 12. *Kratkie soobscheniya Instituta arkheologii AN SSSR.* Moscow, 1991. T. 204. pp. 66–71.

Golovacheva N.V., Rogov E.Ya. Note on the Rural Temple on the Northern Edge of the Archaic Chora of Olbia. *North Pontic Archaeology. Recent Discoveries and Studies*. Leiden, Boston, Köln, 2001, pp. 143–148 (Colloquia pontica. Vol. 6).

Golovacheva N.V., Rogov E.Ya. Sel'skiy khram i zol'nik u poseleniya Kozyrka 11 na khore Ol'vii. *Bosporskiy fenomen. Pogrebal'nyye pamyatniki i svyatilishcha.* Vol. 2. St. Petersburg, 2002, pp. 41–44.

Rogov E.Ya. Syrtsovyye konstruktsii v pogrebal'nykh sooruzheniyakh nekropolya Panskoye I. *Kratkie soobscheniya Instituta arkheologii AN SSSR.* Moscow, 1985. T. 182, pp. 45–50.

Rogov E.Ya. O nekropole Khersonesa V–IV vv. do n.e. *Mezhpolisnyye vzaimootnosheniya v Prichernomor'ye v dorimskuyu epokhu. Ekonomika, politika, kul'tura. Materialy k konferentsii v Khersonesskom zapovednike 26–30 oktyabrya 1992 g. Sevastopol',* 1992, pp. 38–39.

Rogov E.Ya. Ekologiya Zapadnogo Kryma v antichnoye vremya. *Vestnik drevney istorii.* 1996. № 1, pp. 70–85.

Rogov E.Ya. Nekotoryye problemy stanovleniya i razvitiya Khersonesskogo gosudarstva. *Stratum plus.* 1999. № 3, pp. 116–144.

Rogov E.Ya. Stoletiye otkrytiya podstennogo sklepa 1012 v Khersonese. *Stratum plus.* 2000a. № 3, pp. 88–97.

Rogov E.Ya. Ol'viopolity v Severo-Zapadnom Krymu. ΣΥΣΣΙΤΙΑ. *Pamyati Yu.V. Andreeva.* St. Petersburg, 2000b, pp. 227–232.

Rogov E.Ya. Obshchestvennyy istochnik v yugo-vostochnoy chasti Khersonesskogo gorodishcha. *Arkheologiya*. Kiev, 2001a. № 4, pp. 116–119.

Rogov E.Ya. O meste proizvodstva feodosiyskikh i khersonesskikh sereg roskoshnogo stilya. *Bosporskiy fenomen: Kolonizatsiya regiona, formirovaniye polisov, obrazovaniye gosudarstva.* T. 2. St. Petersburg, 2001b, pp. 66–73.

Rogov E.Ya. Khersones i varvary Yugo-Zapadnogo Kryma v IV v. do n.e. *Antichnyy mir i arkheologiya.* Saratov, 2002. Vol. 11, pp. 140–53.

Rogov E.A. Metal Objects. Stone Objects. Ceramic Objects. Glass Objects. Bone Objects. *Panskoe I. Vol. 1. The Monumental Building U 6.* Aarhus University Press, 2002, pp. 252–279.

Rogov E.Ya. Greki i varvary v Zapadnom Krymu. *Greki i varvary Severnogo Prichernomor'ya v skifskuyu epokhu.* St. Petersburg, 2005, pp. 137–210.

Rogov E.Ya. *Nekropol' Panskoye 1 v Severo-Zapadnom Krymu. Materialy po arkheologii, istorii i etnpgrafii Tavrii.* Supplementum. Vol. 10. Simferopol', 2011. 213 p.

Rogov E.Ya. *Greki i varvary v Zapadnom Krymu. Greki i varvary Severnogo Prichernomor'ya v skifskuyu epokhu.* St. Petersburg, 2018 (second edition), pp. 137–210.

Rogov E.Ya., Kashayev S.V. Chernolakovaya keramika iz raskopok poseleniya Vyshestebliyevskaya 11. *Arkheologicheskie vesti.* St. Petersburg, 2002. T. 9, pp. 124–135.

Rogov E.Ya., Kashayev S.V., Fornazir Y. Keramicheskiy kompleks iz khozyaystvennykh yam poseleniya Vyshestebliyevskaya–11 na yuge Tamanskogo poluostrova. *Bosporskie issledovaniya.* Kerch, 2005. Vol. 8, pp. 177–217.

Smekalova T.N., Kutaysov V.A. *Arkheologicheskiy atlas Severo-Zapadnogo Kryma. Pozdniy bronzovyy vek. Ranniy zheleznyy vek. Antichnost'.* St. Petersburg, 2017.

Vakhtina M.Yu., Vinogradov Yu.A., Goroncharovskiy V.A., Rogov E.Ya. Nekotoryye voprosy grecheskoy kolonizatsii Kryma. *Problemy grecheskoy kolonizatsii Severnogo i Vostochnogo Prichernomor'ya. Materialy 1-go Vsesoyuznogo simpoziuma.* Tbilisi, 1979, pp. 75–81.

Vakhtina M.Yu., Vinogradov Yu.A., Rogov E.Ya. Ob odnom iz marshrutov voyennykh pokhodov i sezonnykh migratsiy kochevykh skifov. *Vestnik drevney istorii.* 1980. № 4, pp. 155–161.

Vakhtina M.Yu., Vinogradov Yu.A., Zuyev V.Yu. Evgeniy Yakovlevich Rogov. Osnovnye vekhi biografii // *Bosporskiy fenomen. Pogrebal'nye pamyatniki i svyatilishcha.* T. I. St. Petersburg, 2002, pp. 7–17.

Vakhtina M.Yu., Vinogradov Yu.A. Pamyati Evgeniya Yakovlevicha Rogova (1951–2001). *Skifiya, Frakiya i ellinskiy mir. Stratum plus. 2003–2004.* St. Petersburg, Kishinev, Bukharest, 2005. № 3, pp. 9–12.

Vakhtina M.Yu., Vinogradov Yu.A. O knige E.Ya. Rogova // Rogov E.Ya. *Nekropol' Panskoye 1 v Severo-Zapadnom Krymu. Materialy po arkheologii, istorii i etnpgrafii Tavrii.* Supplementum 10. Simferopol', 2011, pp. 4–7.

Vinogradov Ya.A., Kashayev S.V. Zasedaniye Otdela istorii antichnoy kul'tury IIMK RAN, posvyashchennoe pamyati E.Ya. Rogova. *Zapiski IIMK RAN.* St. Petersburg, 2011. № 6, pp. 249–250.

Vinogradov Yu.A., Marchenko K.K., Rogov E.Ya. K voprosu o kul'turno-istoricheskom edinstve sel'skogo naseleniya Nizhnego Pobuzh'ya antichnogo vremeni. *Drevneye Prichernomor'ye. Chteniya pamyati prof. P.O. Karyshkovskogo. Tezisy dokladov.* Odessa, 1989, pp. 16–17.

Vinogradov Yu.A., Marchenko K.K., Rogov E.Ya. Sarmaty i gibel' Velikoy Skifii. *Vestnik drevney istorii.* 1997. № 3, pp. 93–103.

Vinogradov Yu.A., Rogov E.Ya. Nekotoryye zakonomernosti stanovleniya i razvitiya grecheskikh gosudarstv Severnogo Prichernomor'ya. Stratum plus. *Peterburgskiy arkheologicheskiy vestnik.* Peterburg, Kishinev, 1997, pp. 66–72.

Vinogradov Ju.A., Rogov E.Ja., Stähler K., Fornasier J. Archäologische Untersuchungen auf der Taman' – Halbinsel, Russland. *Eurasia Antiqua.* 2001. Bd. 7, s. 169–185.

Резюме

Статья посвящена воспоминаниям о Е.Я. Рогове (1951–2001). Автор был дружен с ним со студенческих лет. Научные заслуги Е.Я. Рогова в области античной археологии Северного Причерноморья, в особенности в изучении некрополей Херсонеса Таврического, признаны всеми. Это был очень яркий, жизнерадостный, преданный изучению древностей человек.

Ключевые слова: Е.Я. Рогов, история науки, Северное Причерноморье, античная археология.

Summary

The article is devoted to the memories of E.Ya. Rogove (1951–2001). The author has been friend with him since his student days. Scientific merits of E.Ya. Rogov in the field of classical archeology of the Northern Black Sea region, especially in the study of the necropolises of Chersonesos, are recognized by all. He was a very bright, cheerful person devoted his life to the study of antiquities.

Key words: E.Ya. Rogov, history of science, Northern Black Sea region, antique archeology.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ
Виноградов Юрий Алексеевич, д.и.н.,
ведущий научный сотрудник Института
истории материальной культуры РАН
(С-Петербург).
(812) – 764 – 85 – 71
vincat2008@yandex.ru

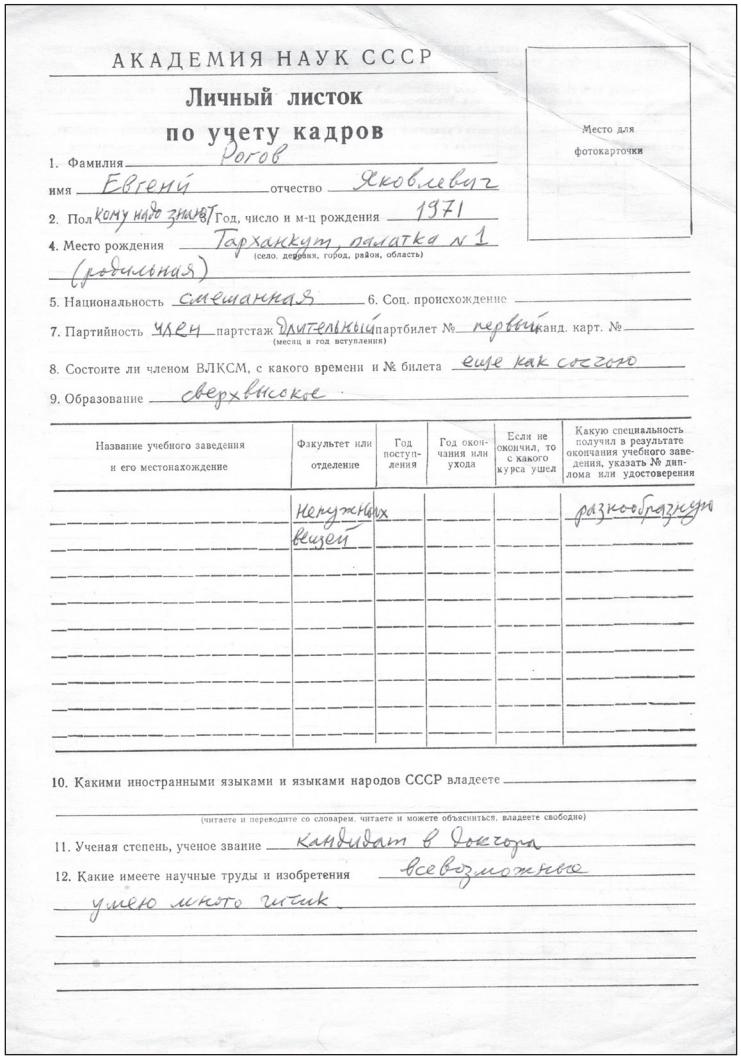
INFORMATION ABOUT THE AUTHOR
Vinogradov Iurii Alekseevich,
doctor of the historical sciences,
leading scientific researcher of the Institute
for the History of Material Culture RAS
(St. Petersburg).
(812) – 764 – 85 – 71
vincat2008@yandex.ru

Рис.1. Е.Я. Рогов в Зале мира ратуши, г. Мюнстер (январь 2001 г.). Фото С. Яблочкина.

Рис. 2. Е. Я. Рогов на Тарханкуте (шарж Д. Хмельницкого).

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Личный листок

по учету кадров

Место для фотокарточки

1. Фамилия Рогов
имя Евгений отчество Яковлевич
2. Пол кому надо знать Год, число и м-ц рождения 1971
4. Место рождения Тарханкут, палатка № 1 (родильная)
(село, деревня, город, район, область)
5. Национальность смешанная 6. Соц. происхождение
7. Партийность член партстаж длительный партбилет № первый канд. карт. №
(месяц и год вступления)
8. Состоите ли членом ВЛКСМ, с какого времени и № билета еще как сосгого
9. Образование сверхвысокое

Название учебного заведения и его местонахождение	Факультет или отделение	Год поступления	Год окончания или ухода	Если не окончил, то с какого курса ушел	Какую специальность получил в результате окончания учебного заведения, указать № диплома или удостоверения
	Ненужных вещей				разнообразную

10. Какими иностранными языками и языками народов СССР владеете
(читаете и переводите со словарем, читаете и можете объясниться, владеете свободно)
11. Ученая степень, ученое звание кандидат в докторы
12. Какие имеете научные труды и изобретения всевозможные
умею много читать

Рис. 3. Первая страница «анкеты» Е.Я. Рогова.

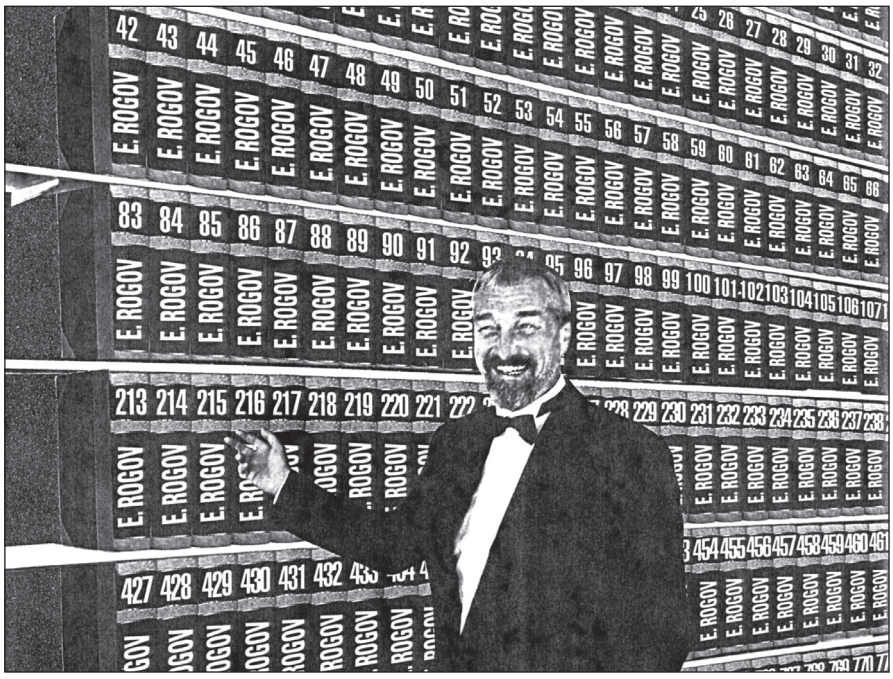

Рис. 4. Шуточный коллаж (2001 г.).

В.Н. ЗИНЬКО
V.N. ZIN'KO

ВСПОМИНАЯ ЕВГЕНИЯ…
REMEMBERING EUGENE...

Вспоминать Евгения легко и солнечно. Именно таким он был для всех на первый взгляд, но все было намного сложнее и не так однозначно. Все началось с Греко-варварского семинара под руководством А.Н. Щеглова на кафедре археологии Ленинградского государственного университета, который я начал посещать с осени 1977 г. Здесь, конечно же, бывал и вчерашний выпускник нашей кафедры Евгений Яковлевич Рогов. Но первая встреча в стенах дворцового кабинета с двумя окнами на Петропавловку, где размещалась группа античной археологии ЛОИА АН СССР, как-то мало отложилась в памяти.

Другое дело – первый сезон в составе Тарханкутской экспедиции, когда, прибыв летом 1978 г. на Панское-I, вначале пришлось вместе с Евгением несколько раз ставить смываемый проливными дождями экспедиционный лагерь, а затем перебазироваться на другой берег озера Панского и организовывать отдельный небольшой лагерь рядом с поселением Панское-III, получивший у всех его обитателей ласковое название «Роговка». Евгений тогда был назначен начальником археологического отряда и впервые самостоятельно исследовал поселенческую структуру. Он сильно волновался и переживал, но итогом сезона стала блестяще полностью раскопанная эллинистическая сельская усадьба. И весь этот ежедневный совместный без выходных труд «на лопате» проходил под шутки Евгения, который был душой небольшого экспедиционного отряда. Мы, молодые студенты кафедры С. Л. Соловьев, И.В. Тункина, С.Е. Адаксина, просто боготворили нашего Евгения, запоминали его шуточные фразы и остроумные замечания, которыми он сопровождал весь процесс раскопок и полевые, на скудном пайке, будни. Всех выматывали бесконечные зачистки сырцовых развалов и каменных завалов под паляшим крымским солнцем, но, услышав веселую фразу Евгения «Не зарежешь, не поймешь», принимались вновь за работу с удвоенной силой. Если все это не помогало, сложный участок зачистки тщательно и главное (sic!) равномерно пробрызгивался широким веником и плотно накрывался брезентом или пленкой на несколько часов. А затем происходило созерцание мокрого участка раскопа, с попыхиванием неизменной папиросы «Беломорканал» Ленинградской фабрики им.Урицкого в уголке рта Евгения. Этот процесс мог длиться бесконечно долго, при разном освещении, до тех пор, пока не проявлялись следы древних стен или ям. Столь же тщательно Евгений относился к

процессу фотофиксации. Это сейчас масса складных лестниц и защитных экранов, сверчувствительной оптики с разнообразными фильтрами. А тогда Евгений «висел» наверху ржавой шатающейся стремянки, а мы держали большой кусок брезента и создавали тень над объектом. В конце этого сезона в Роговку буквально на несколько дней заехал светлокудрый и как всегда красный от загара Ю.А. Виноградов. Встреча была незабываемой и впоследствии стала питерским археологическим апокрифом.

Затем на протяжении всех лет обучения на кафедре и в аспирантуре были ежегодные раскопки и разведки на Тарханкуте, сезон на юге Туркменистана в экспедиции А.Я. Щетенко, когда на Теккем-депе Евгением впервые были выявлены в сырцовых развалах глинобитные желоба – древние арыки. В Западном Крыму на Панском-I в 1979 г. А.Н. Щеглов поручил Е.Я. Рогову начать раскопки нового объекта – усадьбы У-7. Для меня это была классика раскопок сельского поселения, когда разбивку раскопа мы делали по высоте и сочности степной травы над древними постройками, оставляя дерн на стенах, чтобы они впоследствии не разваливались от времени и непогоды. Конечно, это можно было делать в нетронутой плугом дикой степи и на однослойном, как первоначально представлялось, памятнике. Но все, как позднее выяснилось, было значительно сложнее и интересней. Усадьба У-7 оказалась самой ранней на поселении Панское-I и во многом не схожей с исследованной ранее здесь же усадьбой У-6. Все это впоследствии нашло блестящее научное объяснение в публикациях Е.Я. Рогова. Раскопки велись на одном дыхании. Случалось так, что вечером мы чертили предполагаемый план и реконструкцию внешнего облика, скажем, дома с простадой, а затем проводили его раскопки.

Каждый сезон на День археолога Евгений был организатором и главным участником театрализованного представления. Стихи совместного сочинения становились золотым фондом экспедиционного фольклора. В последний сезон на Панском, когда не писалось и не пелось, был поставлен балет, где Евгений вел главную партию, танцуя босиком по стеклам случайно разбитых чересчур рьяным «оркестрантом» бутылок. Но ран на ступнях не оказалось! «Талантливый человек талантлив во всём» – так любил говорить Евгений.

Евгений был археологом от Бога, он легко решал сложнейшие стратиграфические задачи, но его любовью оставались погребальные комплексы некрополя Панское-I, где благодаря его блестящему археологическому таланту были обнаружены сырцовые склепы. А в холодном промозглом Питере были шумные встречи и походы в Невские бани на улице Марата. Лишь иногда у него проскальзывало нервное неудовольствие какими-то домашними передрягами или столь затянувшейся лаборантской должностью в ЛОИА с нищенской зарплатой. В 1986 г. был и последний сезон на Панском, когда после долгих споров и раздумий вместе оставили родную Тарханкутскую экспедицию. Этот уход затем долго сказывался на научной судьбе Евгения – начались его «метания» от Ольвии и до Боспора. На несколько лет была отложена А.Н. Щегловым и защита моей диссертации.

Благодаря настоянию Н.Л. Грача последовавший в начале 1989 г. мой отъезд в Керчь все больше и больше отдалял нас. Попытка создать на Боспоре под крылом директора Керченского историко-культурного заповедника Э.В. Яковенко (мамы Норы – как ее мы называли на Тарханкуте) совместную экспедицию закончилась лишь небольшими охранно-спасательными раскопками некрополя античного сельского поселения близ Мирмекия весной 1990 г. Мы неоднократно долго и весело обсуждали планы на будущее в маленьком музейном домике у склепа Деметра, где я тогда обитал с семьей. Но в августе 1991 г. рухнула страна и все нужно было начинать заново и совсем-совсем по-другому. И каждый пошел своей дорогой. У Евгения она оказалась до обидного короткой…

Евгений Яковлевич Рогов сыграл исключительную роль в моем становлении как полевого археолога. Его, как сейчас сказали бы, мастер-классы на различных археологических объектах незабываемы, а искрометное чувство юмора просто непостижимо. Скромной данью глубокого уважения и искренней любви стала моя возможность опубликовать в 2011 году в Керчи его масштабную кандидатскую работу «Некрополь Панское-1 и его место среди некрополей IV–III вв. до н.э. в Северном Причерноморье». Это было последнее прощай ушедшему старшему товарищу.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ
Зинько Виктор Николаевич, д.и.н.,
ведущий научный сотрудник,
Крымский федеральный университет
им. В.И. Вернадского,
Научно-исследовательский центр
истории и археологии Крыма.
295007, г. Симферополь,
проспект Академика Вернадского, 4.
zinko@bf-demetra.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR
Viktor N. Zin’ko, DSc,
Leading Researcher,
V.I. Vernadsky Crimean Federal University,
Research center of History
and Archaeology of the Crimea,
Prospekt Vernadskogo, 4, 295007, Simferopol,
Russian Federation.
zinko@bf-demetra.ru

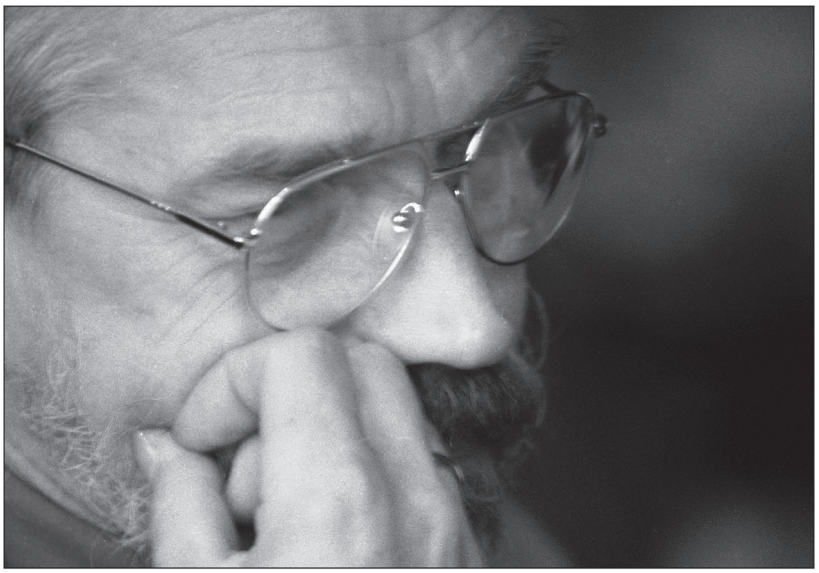

Рис. 1. Е.Я. Рогов, Санкт-Петербург, 1999 г. Фото С. Яблочкина.

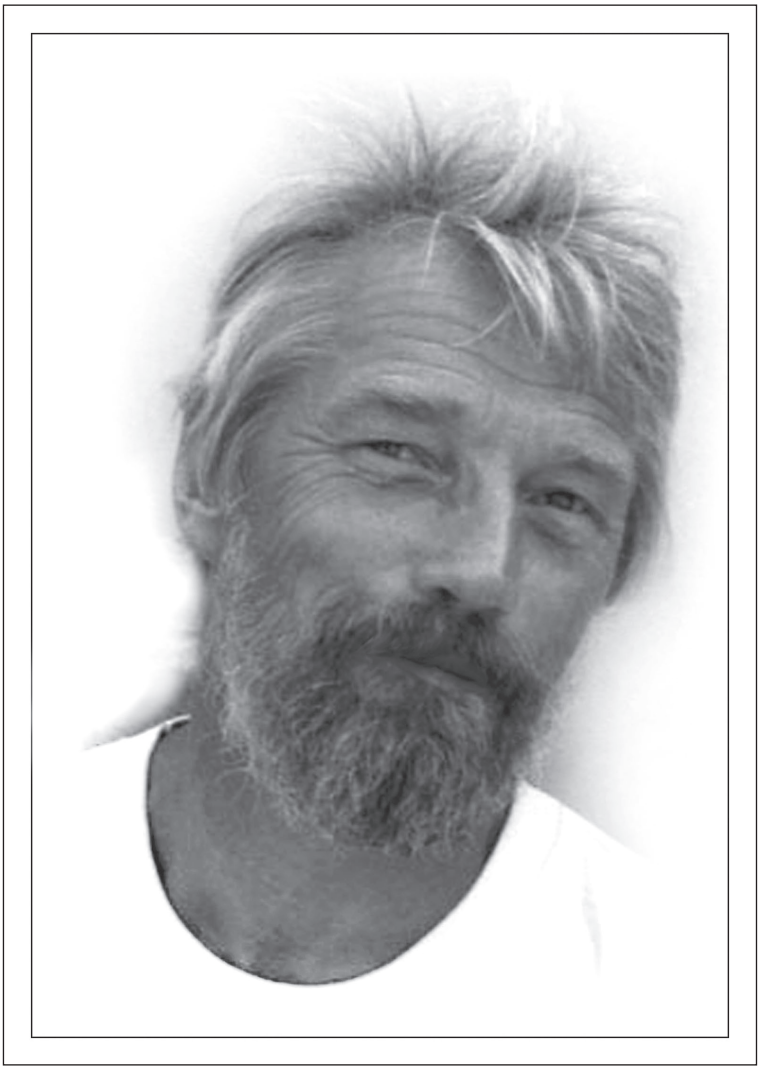

Рис.2. Е.Я. Рогов, Тамань, 1998 г. Фото С. Яблочкина.

СТАТЬИ

В.Н. ЗИНЬКО
V.N. ZIN'KO

ИЗ РАННЕЙ ИСТОРИИ ТИРИТАКИ
FROM THE EARLY HISTORY OF TYRITAKE

Начиная в 2002 г. проект «Боспорский город Тиритака», трудно было предположить, что на столь известном, благодаря раскопкам В.Ф. Гайдукевича, в советской античной археологии памятнике можно открыть ранее совершенно неизвестные хронологические периоды и по-новому интерпретировать начальные страницы истории этого города. Однако после нескольких лет исследований в центральной части города (раскоп XXVI), когда были изучены многометровые слои Салтово-Маяцкого селища, ранневизантийского, а затем и города первых веков н.э., мы неожиданно сразу вышли практически по всей площади раскопа на жилищно-хозяйственные комплексы позднеархаического времени. И самое главное – они перекрывали самый ранний, до этого совершенно неизвестный, горизонт, связанный с основанием эллинской апойкии, который благодаря столовой керамике и амфорной таре удалось датировать в пределах второй трети VI в. до н.э. Дальнейшие раскопки на этом участке, а затем у западной крепостной стены (раскоп XXVII) принесли многочисленные материалы, которые существенно изменили представления о ранней истории этого города. В первую очередь это касается самого раннего этапа, связанного с основанием греческой апойкии и становлением градостроительной структуры полисного центра.

В центральной части Тиритаки (участок XXVI) вблизи восточного края высокой приморской террасы были впервые открыты в темном стерильном слое древней дневной поверхности ранее не известные постройки первых эллинских переселенцев , которые датируются второй третью VI в. до н.э. [Зинько, 2010, с.222 – 224; 2014, с.22, сл.]. От двух из них (полуземлянка №1 и полуземлянка №3) сохранились сооруженные в материковом суглинке котлованы овальной формы площадью от 8 до 10,4 кв.м и глубиной до 0,68-0,86 м. Судя по развалам сырца, стены были сложены из сырцовых кирпичей на высоту до 1,5 м. В северо-западном углу обеих полуземлянок находились небольшие входные тамбуры со ступеньками. Для полуземлянки №1 (рис.1) можно предполагать шатровое перекрытие, а для полуземлянки № 3 – односкатную крышу. Полуземлянка № 3 была выявлена по «проседанию» центральной части стены № 195 позднеархаического дома (СК-XXXIV II-го строительного периода) в заполнении котлована более раннего сооружения (рис.2). Материал из заполнения характеризует время функционирования полуземлянки № 3 в пределах второй-третьей четверти VI в. до н.э. [Зинько, 2014, с.36]. Все эти постройки были

вытянуты с севера на юг вдоль восточного края высокой приморской террасы, и расстояние между ними составляло около 6 м. Вероятно, полуземлянки функционировали одновременно, однако установить, являлись ли они жилыми или хозяйственными постройками, не представилось возможным. Следует только отметить, что в них не были найдены какие-либо следы очагов или жаровень.

Третья постройка, землянка № 2, – округлое в плане сооружение, выкопанное в материковом суглинке глубиной 1,61 м и вытянутое с севера на юг на 3,25 м, а с востока на запад на 2,61 м. Глубина врезанного в материк котлована – 1,61 м, стенки вертикальные. В юго-западном борту ее котлована находился небольшой входной тамбур с несколькими оплывшими ступенями. Площадь землянки составляла около 8,5 кв. м и имела шатровое перекрытие. Эта землянка № 2 находится между полуземлянками № 1 и № 3 и, возможно, функционировала одновременно или несколько ранее их. Из заполнений землянки № 2 был проведен отбор палеоботанических проб объемом около 10 л каждая[1]. Анализ растительных остатков был проведен Г.А. Пашкевич в отделе биоархеологии Института археологии НАНУ. Во всех образцах основную массу составляют зерновки двух зерновых культур: пшеницы голозерной и ячменя пленчатого с преобладанием зерновок ячменя на дне, а зерновок голозерных пшениц – в образцах из верхнего уровня. Количество зерновок других культурных растений очень незначительно. Это лишь единичные зерновки пленчатых пшениц однозернянки и двузернянки, ячменя голозерного, проса и семян бобовых растений – вики эрвилии и чечевицы. Также найдены 13 семян винограда культурного Vitis vinifera, 1 костянка сливы Prunus sp. и несколько зерновок сорных растений. Известно, что, во время греческой колонизации в Северном Причерноморье в числе основных выращивавшихся зерновых культур были голозерные пшеницы вместе с ячменем пленчатым и этот ассортимент эллины привезли с собой. Палеоэтноботанические исследования материалов из первых построек греков-колонистов Тиритаки подтверждают эти выводы [Зинько, Пашкевич, 2010].

К западу от этих непритязательных построек находилось 5 хозяйственных ям, большинство из которых (№ 130/1, 130/2, 131, 132) имели колоколовидную форму и глубину от 1,09 до 1,72 м. Лишь яма № 133 была прямоугольной формы и небольшой глубины – 0,48 м. Керамический материал из заполнения этих ям позволяет их датировать второй третью VI в. до н.э. [Зинько, 2014, с.36-60]. Особо следует отметить, что в двух хозяйственных ямах найдено по нескольку бронзовых наконечников стрел и железный наконечник дротика. Возможно, все открытые в восточной части раскопа в центральной части Тиритаки на площади около 200 кв. м заглубленные в материк сооружения второй трети VI в. до н.э. составляли единый жилищно-хозяйственный комплекс греческих колонистов. В 30 м к западу от него небольшие участки слоя второй трети VI в. до н.э. сохранились в юго-западном углу раскопа

[1] Всего было взято 4 пробы: верхнего, среднего уровней заполнения и дна землянки, а также из заполнения входного тамбура.

XXVI, где в материке было оконтурено подпрямоугольное пятно с темнозолистым заполнением. Под золистым пятном, уже в бело-желтом предскальном мергеле, была обнаружена небольшая канавка, которая уходила северной частью под стену № 230 II строительного периода, а южная была уничтожена поздней ямой. Предназначение канавки установить не удалось в связи с небольшой площадью исследования. Судя по стратиграфии, канавка была сооружена где-то во второй трети VI в. до н.э., в самый первый этап освоения греками Тиритаки. Позднее, в последней трети VI в. до н.э., здесь начинается строительство сырцово-каменной постройки – СК-XXXVII [Зинько, 2014, с.63-64].

Итак, для первых трех десятилетий жизни Тиритакского поселения пока известны только небольшие заглубленные постройки, которые использовались довольно непродолжительное время. Культурные напластования I строительного периода по всей площади раскопа в центральной части Тиритаки отчетливо не выделяются, лишь в отдельных местах зачищены небольшие участки. В целом этот горизонт представлен заглубленными в материк объектами: полуземлянками и хозяйственными ямами, фиксируемыми лишь с уровня предматерикового слоя – в темном стерильном слое погребенной почвы. Помимо многочисленных обломков амфор и столовой посуды [Буйских, 2014], в засыпи этих заглубленных сооружений были выявлены лишь единичные мелкие фрагменты лепной керамики. Этот материал настолько незначителен и фрагментарен, что делать какие-либо этнокультурные выводы на нем практически не представляется возможным. Можно лишь заключить, что для I строительного периода Тиритаки присутствие варварского населения среди эллинских колонистов не фиксируется [Зинько, 2012, с.4]. Это подтверждается и материалами палеоботанических исследований из ранних построек поселения.

Небольшие, частично заглубленные в материк постройки – полуземлянки в «северопричерноморской» терминологии, в настоящее время открыты на всех самых ранних поселениях Европейского Боспора, основанных первой волной греческих колонистов [Зинько, 2011]. Подобные сооружения известны для начального периода греческой урбанизации и на большинстве поселений Северного Причерноморья[2], но есть исследователи, отрицающие факт существования подобных сооружений, включая и раскопанные полуземлянки на Тиритакском поселении [Кузнецов, 2018]. Однако полученные археологические материалы о первых эллинских поселениях на Европейском Боспоре свидетельствуют об их практически одинаковой хаотичной застройке на первоначальном этапе заглубленными в грунт сооружениями, а также небольшими наземными постройками, расположенными на довольно ограниченной территории. Даже Пантикапей, по мнению В.П.Толстикова, до начала последней четверти VI в. до н. э. своим обликом мало напоминал настоящий город [Толстиков, 2001, с.90]. Лишь через несколько

[2] Последнюю сводку по этому вопросу см. Чистов, 2020; там же и библиография этого вопроса.

десятилетий после основания колонии начинается планомерная застройка сырцово-каменными домами с внутренними дворами. Причем первоначальные постройки забрасываются и территория нивелируется. Это явление можно рассматривать в качестве второго этапа развития апойкий, который был подготовлен как внутренними причинами, так и не в последнюю очередь притоком новых эмигрантов в ходе второй волны эмиграции на Боспор.

Становления градостроительной структуры происходит в боспорских апойкиях не единовременно. Для Тиритаки начало этого этапа (II строительный период) можно датировать 540 – 530 гг. до н.э. Еще В.Ф.Гайдукевичем в западной части Тиритаки были открыты два многокамерных сырцово-каменных дома [Гайдукевич, 1952, с.74 – 86] и остатки еще одной 2-х, 3-камерной постройки на восточной окраине [Гайдукевич, 1958, с.178-179]. Основываясь на этих находках, исследователь сделал заключение о широком заселении всего верхнего плато городища в позднеархаическое время [Гайдукевич, 1958, с.179]. Это предположение было подтверждено моими раскопками 2007 –2010 гг., когда в центральной части Тиритаки были исследованы остатки ранней застройки, состоящей из сырцово-каменных построек. Здесь открыто шесть городских усадеб, которые состояли из нескольких помещений и внутреннего двора.

В планировочном отношении раскопанные на участке XXVI позднеархаические дома являются многокамерными, с одно- (дом 6), двух- (дом 2 фаза II-А, дом 5) и трехсторонним (дом 2 фаза II-Б, дом 4) расположением крытых помещений вдоль внутреннего двора и открывающихся в него (рис.3). Постройки были одноэтажными и перекрывались одно- или двускатной саманной кровлей. Вход в дом установлен только в одном случае – в доме 6, он находился в южной части и вел через небольшой проулок к улице. В остальных случаях можно только предполагать, что он находился или в южной (дома 1, 3, 5), или западной части зданий. Во всех домах в некоторых помещениях имелись открытые очаги, а в доме 1 и доме 4 иссследованы, для поздней строительной фазы II-Б, помещения с большими сырцово-каменными печами, которые, вероятно, имели и какие-то технологические функции. Так, в печи № 1 дома 4 (рис.4) на момент разрушения обжигались большие дисковидные лепные грузила, а в развале печи № 2 дома 1 найден фрагмент каменной литейной формы для изготовления бронзовых изделий [Зинько, 2014, с.305-306].

В позднеархаических тиритакских домах использован равнозначно-параллельный принцип планировки (рис.5). Следует присоединиться к заключению С.Д.Крыжицкого, что такие дома представляли собой четко спланированные наземные безордерные многокамерные постройки типичной схемы, характерной для раннего периода Греции [Крыжицкий, 1982, с.60]. Размеры тиритакских построек сравнительно невелики: от 170-180 кв.м (дом 6) до 275 кв.м (дом 2), а площадь внутреннего двора колеблется от 25-30 % (дом 6) до 50 % (дом 5) от всей площади застройки. В то же время типы ранних домов были неустоявшимися, о чем свидетельствует расположение дворов в ряде случаев (дома 5 и 6) в северных частях со-

оружений. Планировка зданий в основном прямоугольная, но с многочисленными отклонениями, обусловленными как небрежностью разбивки на местности самих домов, так и вероятной нечеткостью планировки городских кварталов в целом. Все дома, исследованные в центральной части верхнего города Тиритаки, вероятно, составляли единый квартал, ориентированный, как и здания, углами по сторонам света (рис.6). К сожалению, на участке раскопок не удалось выявить следы позднеархаических улиц и поэтому можно лишь предполагать, что одна из них должна проходить у юго-восточных стен домов 5 и 6. Другая улица, вероятно, должна находиться у северо-восточных стен домов 4 и 6 [Зинько, 2014, с.306]. Учитывая результаты прежних раскопок, площадь города в позднеархаическое время могла составлять не менее 5 га. За вычетом улиц и сооружений общественного назначения жилая застройка равнялась около 3 – 3,6 га. Поэтому общую численность городского населения Тиритаки в последней трети VI – первой четверти V в. до н.э. можно определить в пределах около 3 тысяч жителей [Зинько, 2014, с.310].

Культурные напластования и сооружения II строительного периода были выявлены на всей площади раскопа в центральной части города, а также на западной окраине. Во II строительном периоде, который датируется 540 – 530 гг. – 480 – 470 гг. до н.э., отчетливо выделяются две фазы: II-А и II-Б, границей которых служат горизонты пожарищ и разрушений. В рамках фазы II-А начинается строительство сырцово-каменных построек на всем исследуемом участке центральной части верхнего города, а также в западной части города, где они окружали прямоугольную площадь. Здесь на площади около 350 кв.м исследованы многочисленные ямы-ботрасы с амфорами и столовой посудой (рис.7), а также зольные пятна с фрагментами чернофигурных кубков, которые в некоторых случаях собираются в целые формы[3]. Весь этот участок на западной окраине города использовался в сакральных целях и, вероятно, являлся западным теменосом Тиритаки. С севера он был ограничен большой постройкой, в одном из помещений которой располагалось святилище с многочисленными сакральными предметами, исследованное еще В.Ф. Гайдукевичем. Преобладающее число находок из помещений этого здания датируется последней четвертью VI в. до н.э., хотя часть фрагментов – аттические чернофигурные кубки, амфоры, несомненно, заходят и в начало V в. до н.э. Все это позволило В.Ф. Гайдукевичу датировать это здание с 540-х до 480 – 470-х гг. до н.э. [Гайдукевич, 1952, с.85].

В южной части теменоса нами была открыта постройка (СК-VII), датируемая последней четвертью VI – первой четвертью V в. до н.э. В настоящее время она исследована еще не полностью, открыты лишь два помещения. Особый интерес представляет помещение 1 квадратной формы с внутренними размерами 4,35 х 4,65 м. В центральной части помещения на глиняном полу сохранилось круглое красное

[3]Подробный анализ чернофигурной керамики из раскопок в западной и центральной частях Тиритаки см. Петракова А.Е., Букина А.Г., 2021.

прокаленное пятно от очага. Судя по находкам, слой заполнения из помещения 1 СК-VII следует датировать концом VI – первой четверью V в. до н.э., за исключением материала из перекопов. Среди различных находок особый интерес представляет комплекс из пяти костяных плоских заготовок, а также заготовки из верхних и нижних частей рога оленя со следами спила и обработки. Кроме того, на полу в центральной части помещения 1 найдены костяные инструменты: костяная проколка длиной 9 см; инструмент из кости зайца с железным наконечником общей длиной 7см, небольшое костяное долото длиной 4,5 см; а также изделия: костяная накладка, орнаментированная на токарном станке; костяное плоское кольцо диаметром 2,1 см и толщиной 0,2 см. Различные поделки из кости и рога нередко встречаются при археологических исследованиях Тиритаки, однако впервые в одном помещении был выявлен комплекс, состоящий из орудий труда, заготовок для производства предметов, и готовые костяные изделия. Судя по находкам в этом помещении располагалась позднеархаическая косторезная мастерская, в которой работал мастер высокой квалификации, использовавший при изготовлении костяных изделий токарный станок. Это первая косторезная мастерская, открытая в городе, к тому же датируемая таким ранним временем. Среди эллинских переселенцев, прибывших в Тиритаку из Ионии, безусловно, были различные ремесленники, которые сами вели весь процесс производства. В нашем случае он начинался с распилки кости и рога. Особое внимание следует обратить на то, что тиритакский мастер использовал для работы кости и рога только местных животных [Зинько, 2018].

С западной стороны теменоса также была выявлена двухкамерная постройка ранней строительной фазы II-А, перекрытая слоем пожара и крепостной стеной (рис.8). Ранее было известно, что при строительстве этой крепостной куртины два дома на западной окраине своими узкими сторонами были включены в раннюю оборонительную стену [Гайдукевич, 1952, с.86-87]. Нам же удалось установить, что часть ранних построек оказалась за пределами западной крепостной стены, а каменные цоколи других были ею перекрыты. Раскопки в западной части Тиритаки позволили не только повторно открыть раннюю крепостную стену города, но и впервые исследовать всю свиту культурных слоев с внешней и внутренней стороны этой куртины, а также продолжить ее исследование в южном направлении.

Древнейшая крепостная стена Тиритаки на западном участке имеет толщину 1,7-2 м. В.Ф. Гайдукевич полагал, что ранняя городская стена была рассчитана на то, чтобы воспрепятствовать неожиданному набегу и проникновению на территорию поселения конных групп степных кочевников [Гайдукевич, 1952, с.89]. Фрагменты ранней крепостной стены были также открыты в южной (нижней) части города (участки I, V, XV), и местами она состояла из включенных внешних стен домов, сложенных их сырцовых кирпичей. Судя по всему, крепостной стеной был охвачен весь город на площади более 5 га. Особо следует отметить, что до сих пор не удалось выявить северную границу позднеархаического города и поэтому его площадь может быть и несколько больше. Раскопки, проводимые нами в се-

верной окраине города (участок XXVIII-XXIX), показали, что крепостные стены и башни возводятся здесь не ранее конца IV – начала III в. до н.э., а слои и постройки позднеархаического времени были не выявлены.

Стратиграфически нами установлено, что западная куртина строится после первого пожара города около 520-510 гг. до н.э., а слой следующего, второго пожара, датируемого 480-470 гг. до н.э., уже непосредственно соприкасается с каменной кладкой этой стены (рис.9) [Зинько, 2015, с.318]. Пожар и разрушения в Тиритаке на рубеже последних десятилетий VI в. до н.э. следует связывать с какими-то военными событиями на побережье Боспора Киммерийского, которые были вызваны, из известных письменных источников, морскими экспедициями персов к северному побережью Понта [Зинько, 2013, с.198-199][4].

В «Персидской истории» Ктесия Книдского сообщается о пленении брата скифского царя Марсагета во время морской экспедиции на 30 пентеконтерах каппадокийского сатрапа Ариарамна [Ctesias Cnid., 16]. Ближайшие к этой южнопонтийской области скифы обитают на Боспоре. В свое время еще Б.А. Рыбаков, основываясь на том, что Каппадокия имела выход к Черному морю между устьями рек Галиса и Ириса, находившимися напротив Боспора Киммерийского, полагал, что «эскадра Ариарамна переправилась прямо на север к Боспору» [Рыбаков, 1979, с.170]. Эта экспедиция была предпринята на 3 году правления Дария и датируется 520 или 519г. до н.э., после чего Боспор вошел в орбиту Персидской империи [Яйленко, 2010, с.10]. Маловероятно, что Ариарамн в завершении своего похода мог оставить в боспорских городах какие-либо воинские отряды, а скифы оставили бы без ответа вероломные действия. Не только в Тиритаке, но и во всех городах Европейского Боспора отмечены следы пожаров и вооруженных столкновений конца VI в. до н.э. [Зинько, 2013, с.197-198]. Все это можно обоснованно связывать с враждебными действиями скифов, которые и ранее были довольно частыми [Зинько, 2013, с.195-196]. Однако эти пожары и столкновения не останавливают начавшийся в последней трети VI в. до н.э. процесс урбанизации этих городов, а даже в какой-то степени являются их катализатором. В Тиритаке, а также ряде других городов начинается быстрое возведение крепостных стен. Как отмечалось выше, в случае с Тиритакой, эти куртины строятся непосредственно на слое пожара и включают в оборонительную систему и стены ранее возведенных построек. Происходило ли это строительство в рамках подготовки грандиозного скифского похода Дария 513-512 гг. до н.э. или тиритакцы, как и жители других боспорских полисов, обходились своими силами, утверждать затруднительно. Однако вряд ли можно сомневаться, что строительство городских укреплений в Тиритаке происходило в предпоследнем десятилетии VI в. до н.э.

Окруженный крепостными стенами город активно строится (фаза II-Б II-го строительного периода), расширяются и перестраиваются городские усадьбы, открытые

[4] Подробный анализ письменных источников о влиянии Ахеменидской Персии на ранний Боспор был сделан В.П. Яйленко [Яйленко, 2010, с.7–11]. Там же см. библиографию вопроса.

в центральной части Тиритаки, продолжает функционировать теменос, защищенный от степи возведенной западной крепостной стеной. Скифский поход Дария 513-512 гг. до н.э., согласно подробному описанию Геродота [Hdt., IV, 98], Боспора не коснулся, однако в Понт была введена эскадра из 600 кораблей под командой ионийских тиранов. Охраняла ли она только дунайский мост или часть кораблей курсировала вдоль Северного побережья и входила в Боспор Киммерийский, без письменных источников представить сложно.

При исследовании слоев и построек Тиритаки последней трети VI – первой четверти V в. до н.э. были найдены в подавляющем большинстве многочисленные фрагменты привозных амфор и столовой посуды. Среди тары для вина и оливкового масла преобладали такие центры, как Хиос, Лесбос, Северная Эгеида, Клазомены, другие же – Фасос, Аттика, Милет, Коринф представлены незначительным количеством фрагментов. Столовая посуда содержит находки расписной керамики различных южно- и североионийских центров Аттики, а также простых сероглиняных сосудов [Буйских, 2014]. На нескольких десятках обломков привозных сосудов встречены граффити. Наряду с т.н. бытовыми граффити найдены фрагменты чернолаковой посуды с остатками посвящений, свидетельствующих, по заключению А.С. Русяевой, о частном почитании божеств, среди которых предположительно установлен Аполлон Дельфиний, верховный покровитель Милета и милетских колонистов. На некоторых фрагментах аттических кубков полностью сохранились имена жителей Тиритаки, среди которых редкие греческие имена Антес и Пифоман. Кроме того, выделяются отдельные граффити в виде перекрещивающихся линий и символических знаков, а также нечитаемого набора букв и схематических рисунков, которые обычно связываются с магическими представлениями эллинов. Они относятся к наиболее ранним на Боспоре и в значительной степени пополняют эту разновидность сакральных граффити новыми типами. Исключительное место в аспекте изучения магических представлений боспорских эллинов занимает граффити с надписью и разнообразными схематическими рисунками и наколами на специально изготовленном для этой цели остраконе из донца чернолакового килика начала V в. до н.э. Интересна также и лигатура ΔΕ на обломке горла лесбосской амфоры, которую, помимо иных значений, А.С. Русяева предположительно относит к обозначению общественной собственности по аналогии с афинскими граффити и считает, что торговцы из Лесбоса могли привозить амфору пробного вина и для демоса Тиритаки [Русяева, 2014, 487 – 490].

По палеографии все граффити соответствуют датировке керамики последней трети VI – первой четверти V в. до н. э. и связаны с исследованными строительными комплексами. С одной стороны, они свидетельствуют как о грамотности жителей ранней Тиритаки, так и о желании в той или иной форме запечатлеть умение писать; а с другой – небрежное отношение к начертанию даже одной или двух букв, а также к магическим знакам и рисункам. Лишь на предполагаемых посвящениях божествам тиритакцы более старательно и аккуратно прочерчивали слова.

В отличие от построек I строительного периода в домах II строительного пе-

риода было найдено уже и незначительное количество обломков лепных сосудов – не более 2-4 %. Они обычно достаточно невыразительны, но среди них можно выделить фрагменты различных видов горшков, ковшей, кружек, кубков и мисок. Незначительное количество обломков лепной керамики украшены вдавленным орнаментом на внешней стороне венчика и прочерченным орнаментом на тулове. В столь же малых количествах лепная керамика была ранее найдена в позднеархаических постройках и слоях В.Ф.Гайдукевичем [Кастанаян, 1952, с.251, рис.2-3]. Аналогичные группы лепной керамики была выявлены О.Д.Чевелевым и при исследовании небольшого раннего сельского поселения к западу от Тиритаки, которое датируется последней четвертью VI – первой четвертью V в. до н.э. [Зинько, 2007, с.57 – 59]. Однако в количественном отношении лепной керамики по сравнению со столовой посудой здесь встречено несколько больше, чем в аналогичный период в городских слоях. Целый кизилкобинский лощеный сосуд с геометрическим орнаментом известен и в одном из ранних варварских погребальных комплексов тиритакского некрополя. Это таврское погребение С.С. Бессонова, датирует второй половиной VI – началом V в. до н.э. [Безсонова, 1972, с.106].

Изменился на втором этапе и состав выращиваемых зерновых культур. Так, из помещения 1 большого тиритакского дома (СК–XXXIII) были взяты пробы с уровня пола и из слоя пожара, связанного с разрушением комплекса на рубеже первой-второй четверти V в. до н.э. В образце из слоя пожара среди черной пылеватой массы преобладали зерновки пленчатой пшеницы однозернянки Triticum monococcum и почти втрое меньше здесь зерновок голозерной пшеницы. Несущественную примесь составляют зерновки пшеницы двузернянки, ячменя голозерного, проса. В образце, отобранном на полу, были семена вики эрвилии (основная масса) и единично – гороха и чечевицы, зерновок пшеницы голозерной и пленчатого ячменя. Таким образом, основу находок в помещении1 составляют зерновки пленчатой пшеницы однозернянки с примесью (около 30%) зерновок пшеницы голозерной и семена вики эрвилии [Зинько, Пашкевич, 2010, с.72 – 74]. Выше уже говорилось о том, что на начальном этапе греческой колонизации в Северном Причерноморье в числе основных выращивавшихся зерновых культур были голозерные пшеницы вместе с ячменем пленчатым и что этот ассортимент греки, вероятнее всего, привезли с собой. Появление значительного количества обугленных зерновок пшеницы однозернянки в слое пожара в помещении 1 можно объяснить, очевидно, налаживанием активных контактов с ближайшим местным населением. Это могли быть или скифы, или меоты, или тавры. Причем в отличие от кочевых скифов меоты и тавры, как известно, занимались земледелием. Те скромные данные, которые имеются в настоящее время, свидетельствуют, что эти племена использовали иной, чем греки, состав растений. Судя по археологическим материалам, тиритакцы, вероятно, могли заимствовать пшеницу однозернянку для своих посевов

у представителей кизил-кобинских племен, издревле небольшими общинами проживавших в удаленных районах восточно-крымского холмогорья.

В целом можно предполагать появление лишь во II строительном периоде (последняя треть VI – первая четверть V в. до н.э.) среди эллинского населения Тиритаки небольших групп представителей варварских племен, пользующихся лепной керамикой, характерной для той или иной археологической культуры. Среди этого туземного населения можно выделить, судя по лепной керамике, представителей кизил-кобинской культуры, скифской культуры, в меньшей степени меотской и, возможно, фракийской культуры. Это определенным образом отличает Тиритаку от близлежащих эллинских колоний, где изначально констатируется присутствие варваров [Зинько, 2011а].

Возведенные в Тиритаке дома с некоторыми перестройками просуществовали до 480-470 гг. до н.э., когда и погибли в результате очередного военного катаклизма, сопровождавшегося сильным пожаром. В результате все стены домов в прилегающих к западной крепостной стене кварталах были просто утыканы бронзовыми наконечниками скифских стрел. В первой четверти V в. до н.э. гибнет в пожаре и раннее сельское поселение к северо-западу от Тиритаки [Зинько, 2007, с. 59]. Все это, вероятно, можно связывать с появлением в конце VI – начале V в. до н.э. в степном Крыму новой волны близкородственных скифам номадов, известных по письменным источникам как сколоты или «царские» скифы [Алексеев, 1992, с.38]. С начала V в. до н.э. на территории городского некрополя Нимфея и его сельской округе появляются курганные погребения скифского облика. Так на нимфейском некрополе было выделено до десятка захоронений со скифскими чертами в обряде, самое раннее из которых, по мнению Л.Ф. Силантьевой, датируется первой половиной V в. до н.э. [Силантьева, 1959, с.87, сл.]. Прекращаются погребения с несомненно скифскими чертами на некрополе Нимфея в начале последней четверти V в. до н.э. [Зинько, 2003, с.109]. Однако в ближайших окрестностях города Тиритака, в отличие от территории южного соседа – Нимфея, отсутствуют какие-либо археологические объекты, в первую очередь курганы, которые могли бы свидетельствовать о присутствии здесь скифов-номадов в V в. до н.э.

Последующие события в Тиритаке, связанные с правлением Археанактидов, без письменных источников установить сложно, так как сохранившихся археологических комплексов, датированных второй третью V в. до н.э., выявить пока не удалось. Вероятно, этот ранее независимый полис вошел в военный союз во главе с Пантикапеем. Косвенным подтверждением этому может служить голова с диадемой, найденная при раскопках в 1936 г. в Тиритаке. Эта скульптура из известняка, созданная в эпоху Археанактидов, входит в один ряд с другими, найденными в Пантикапее, и отражает зарождение боспорской скульптуры, где наряду с несомненными греческими чертами следует констатировать и местные элементы [Иванова, 1952, с.353, рис.1].

Со сменой власти в 438 г. до н.э. в Пантикапее и приходом династии Спартокидов,

вероятно, следует связывать наиболее позднюю из открытых ям-ботросов с ритуальным жертвоприношением коней, совершенным в восточной части тиритакского теменоса у западной крепостной стены. Здесь в 2012 г. в яме-ботросе №19 были найдены остовы 4 коней: жеребенок; самка полувзрослая, примерно 4 лет; взрослая самка 10-летнего возраста; старый самец (примерно 17–20 лет) (рис.10). В аллегорической форме здесь имитируется состав всего табуна: молодняк, взрослые самки молодого и зрелого возраста и матерый самец-вожак. В целом кости лошадей, обнаруженные в яме, являются остатками ритуального жертвоприношения коней, о котором говорит положение в землю лишь головы, нижних отделов четырех конечностей и грудной реберной стенки. По заключению А.К. Каспарова, комплекс жертвоприношения коней на западном теменосе Тиритаки идентичен такому же жертвоприношению коня, обнаруженному в Пантикапее в 2010 г., где тоже имелась голова, правая грудная стенка и четыре конечности. Это ритуальное жертвоприношение коня степной породы было совершено в непосредственной близости от главного храма Пантикапейского полиса и других сакральных сооружений [Толстиков, 2011, с.58]. На основании анализа А.К. Каспаров утверждает, что три лошади из принесенных в жертву в Тиритаке были, видимо, весьма дороги и престижны по тем временам. Такое ритуальное захоронение престижных по своим качествам коней косвенно может говорить о том, что данное место имело для жертвователей довольно большое значение. Вместе с остатками лощадей в яме-ботросе были найдены три чернолаковые аттические чаши третьей четверти V в. до н.э. (рис.11).

По результатам новейших исследований Тиритака предстает как один из ранних городов европейского побережья Боспора Киммерийского, который уже в предпоследнем десятилетии VI в. до н.э. был укреплен крепостными стенами. Находясь в общебоспорском объединении во главе со Спартокидами, Тиритака до конца V в. до н.э. остается важнейшим южным крепостным форпостом боспорского государственного образования на европейском побережье Боспора Киммерийского.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Алексеев А.Ю. Скифская хроника (Скифы в VI – I вв. до н.э. Историко-археологический очерк). СПб., 1992. 206 с.

Безсонова С.С., Таврське поховання з некрополя Тірітаки // АДУ. Вип. IV. Киев, 1972. С.106-107.

Буйских А. В. Амфоры и столовая посуда // Тиритака. Раскоп XXVI. Том II. Археологические комплексы VI–V вв. до н. э. Киев: АДЕФ, 2014. – С.318 – 445.

Гайдукевич В.Ф. Раскопки Тиритаки в 1935 – 1940 гг. // МИА. № 25. М.-Л., 1952. С.15 – 134.

Гайдукевич В.Ф. Раскопки Тиритаки и Мирмекия в 1946 – 1952 гг. // МИА. № 85. М.-Л., 1958. С.149 – 218.

Зинько В.Н. Нимфейский полис и скифы в VI – V вв. до н.э. // Материалы IV Боспорских чтений. Боспор Киммерийский и варварский мир в период Античности и Средневековья. Керчь, 2003. – С. 103 – 112.

Зинько В.Н. Хора городов европейского побережья Боспора Киммерийского (VI – I вв. до н.э.) // БИ. – Вып.XV. Симферополь-Керчь, 2007. – 336 с.

Зинько В.Н. Основание и становление Тиритаки //ДБ. Вып.14. М., 2010. – С.220 – 232.

Зинько В.Н. Эллинская колонизация Восточного Крыма //БИ.– Вып.XXV. – Симферополь-Керчь, 2011. – С. 3 – 18.

Зинько В.Н. Греки и варвары на берегах пра-Чурбашского залива в VI-V вв. до н.э. //Материалы XII Боспорских чтений «Боспор Киммерийский и варварский мир в период Античности и Средневековья. – Керчь, 2011а. – С.133 – 139.

Зинько В.Н. Военно-политическая история Европейского Боспора (в свете новейших археологических открытий) //Материалы XIV Боспорских чтений. Боспор Киммерийский и варварский мир в период Античности и Средневековья. Керчь, 2013. – С.195 – 199.

Зинько В.Н. Тиритака. Раскоп XXVI. Том II. Комплексы VI – V вв. до н.э. Киев: АДЕФ, 2014. – 596 с.

Зинько В.Н. Городские стены позднеархаической Тиритаки // С Митридата дует ветер. Боспор и Причерноморье в Античности. К 70-летию В.П. Толстикова. М., 2015. – С.137 – 140.

Зинько В.Н. Косторезная мастерская в боспорском городе Тиритака //ПИФК. – 3(61). М.-Магнитогорск-Новосибирск, 2018. – С.73 – 79.

Зинько В.Н., Пашкевич Г.А. Палеоботанические материалы ранних комплексов Тиритаки // БИ. – Вып.XXIV. – Симферополь-Керчь, 2010. – С.65 – 83.

Иванова А.П. Голова из известняка, найденная в Тиритаке // МИА. № 25. М.-Л., 1952. С.348 – 356.

Кастанаян Е.Г. Лепная керамика Мирмекия и Тиритаки // МИА. № 25. М.-Л., 1952. С.249 – 288.

Крыжицкий С.Д. Жилые дома античных городов Северного Причерноморья (VI в. до н.э. – IV в. н.э.). Киев, 1982.

Кузнецов В.Д. Домостроительство северного Понта (эпоха архаики) // Материалы по археологии и истории Фанагории. Вып.4, М., 2018. – С.117 – 135.

Петракова А.Е., Букина А.Г. Аттическая чернофигурная и чернолаковая керамика Тиритаки. Санкт-Петербург – Керчь, 2021 – 312 с.

Силантьева Л.Ф., Некрополь Нимфея // МИА. № 69., М.-Л., 1959. С. 5 – 107.

Толстиков В.П. Ранний Пантикапей в свете новых археологических исследований // Древности Боспора. – 2001. - Вып. 4. – С.385 – 426.

Толстиков В.П. К проблеме «взаимовлияния» эллинской и варварской культур на Боспоре в VI – V вв. до н.э. // Боспорский феномен: население, языки, контакты. СПб., 2011. – С.54 – 58.

Рыбаков Б.А. Геродотова Скифия. Историко-географический анализ. М., 1979, 248 с.

Русяева А.С. Каталог граффити Тиритаки // Тиритака. Раскоп XXVI. Том II. Археологические комплексы VI–V вв. до н. э. Киев: АДЕФ, 2014. – С.481 – 512.

Чистов Д.Е. Землянки, хижины, дома: заметки о начальном периоде греческой урбанизации Северного Причерноморья. Археологические вести // Вып.29. СПб., 2020. С.111 – 128.

Яйленко В.П. Тысячелетний боспорский рейх. История и эпиграфика Боспора VI в. до н.э. – Vв. н.э. М.: Гриф и К, 2010. – 740 с.

REFERENCES

Alekseev A.Yu. Skifskaya hronika (Skifi v VI – I vv. do n.e. Istoriko-arheologicheskiji ocherk) Spb., 1992. 206 p.

Bezsonova S.S. Tavrs'ke pohovannja z nekropolja Tyritaki // ADU. Vol.IV. Kiev, 1972. Pp.106 – 107.

Bujuskih A.V. Amfory I stolovaja posuda // Tyritake. Raskop XXVI. Vol.II. Arheologicheskie kompleksy VI – V vv. do n.e. Kiev: ADEF, 2014., pp. 318 – 445.

Gaidukevich V.F. Raskopki Tiritaki v 1935 – 1940 // MIA. № 25. M.-L.,1952., pp. 15 – 134.

Gaidukevich V.F. Raskopki Tiritaki i Mirmekiia v 1946м1952 // MIA. № 85. M.-L.,1958, pp. 149 – 218.

Zin'ko V.N. Nymfeyskiji polis I skify v VI – V vv. do n.e. // Materialy IV Bosporskih chteniji. Bospor Kimmerijiskiji I varvarskiji mir v period antichnosti I srednevekov'ja. Kerch, 2003., pp.103 – 112.

Zin'ko V.N. Hora gorodov evropejiskogo poberezh'ja Bospora Kimmerijiskiji (VI-I vv, do n.e.) // BI. Vol.XV. Simferopol-Kerch, 2007. 336 p.

Zin'ko V.N. Osnovanie I stanovlenie Tyritaki // DB. Vol.14. M., 2010. Pp.220 – 232.

Zin'ko V.N. Ellinskaja kollonizacija Vostochnogo Kryma // BI. Vol.XXV. Simferopol-Kerch, 2011. Pp.3 – 18.

Zin'ko V.N. Greki I varvary na beregah pra-Churbashskogo zaliva v VI – V vv. do n.e. // Materialy XII Bosporskih chteniji. Bospor Kimmerijiskiji I varvarskiji mir v period antichnosti I srednevekov'ja. Kerch, 2011a, pp.133 – 139.

Zin'ko V.N. Voenno-politicheskaja istorija evropejiskogo Bospora (v svete novejishih apheologicheskih otkrytiji) // Materialy XIV Bosporskih chteniji. Bospor Kimmerijiskiji I varvarskiji mir v period antichnosti I srednevekov'ja. Kerch, 2013, pp.195 – 199.

Zin'ko V.N. Tyritaka. Raskop XXVI. Vol.II. Komkleksy VI – V vv. do n.e. Kiev: ADEF, 2014. 596 p.

Zin'ko V.N. Gorodskie steny posdnearhaicheskoji Tyritaki // S Mitridata duet veter. Bospor I Prichernomor'e v antichnosti. K 70-letiyu V.P, Tolstikova. M., 2015, pp.137 – 140.

Zin'ko V.N. Kostereznaaja masterskaja v bosposkom gorode Tyritake // PIFK. – 3(61). M., 2018, pp.73 – 79.

Zin'ko V.N., Pashkevich G.A. Paleobotanicheskie materialy rannih kompleksov Tyritaki // BI. Vol. XXIV. Simferopol-Kerch, 2010, pp.65 – 83.

Ivanova A.P. Golova iz izvestnjaka, najidennaja v Tyritake // MIA. № 25. M.-L.,1952, pp. 348 – 356.

Kastanajan E.G. Lepnaja keramika Mirmekija i Tyritaki // MIA. № 25. M.-L.,1952, pp. 249 – 288.

Kryzhickiji S.D. Zhylye doma antichnyh gorodov Severnogo Prichernomor'ja (VI v. do n.e. – IV v. n.e.). Kiev, 1982.

Kuznesov V.D. Domostroitel'stvo severnogo Ponta (epoha arhaiki0 // Materialy po arheologii I istorii Fanagorii. Vol.4.. M.,2018, pp. 117 – 135.

Petrakova A.E., Bukina A.G. Atticheskaja chernofigurnaja I chernolakovaja keramika Tyritaki. Sank-Peterburg - Kerch, 2021, 312 p.

Silant'eva L.F. Nekropol Nimfeja // MIA. № 69. M.-L., 1959., pp. 5 – 107.

Tolstikov V.P. Ranniji Pantikapeji v svete novyh arheologicheskih issledovaniji // DB. Vol.4. M., 2001, pp.385 – 426.

Tolstikov V.P. K probleme "vzaimovlijaniji" ellinskoji I varvarskoji kul'tur na Bospore // Bosporskiji fenomen: Naselenie, jazyki, kontakty. SPb., 2011, pp.54 – 58.

Rybakov B.A. Gerodotova Skifija Istoriko-geograficheskiji analiz. M., 1979, 248 p.

Rusjaeva A.S. Katalog graffiti Tyritaki // Tyritake. Raskop XXVI. Vol.II. Arheologicheskie kompleksy VI-V vv. do n.e. Kiev: ADEF, 2014, pp. 481 – 512.

Chistov D.E. Zemljanki, hizhiny, doma: zametki o nachal'nom periode grecheskoji urbanizacii //

Arheologicheskie vesti. Vol.29. SPb., 2020, pp.111 – 128.
Jajilenko V.P. Tysjacheletniji bosporskiji rejih. Istorija I epigrafika Bospora VI v.do n.e. – V v. n.e. M.: Grif I K., 2010, 740 p.

РЕЗЮМЕ

Проводимые археологические исследования Тиритаки дали много новых результатов об этом раннем боспорском полисе. В центральной части города были впервые открыты ранее не известные постройки первых эллинских переселенцев, которые датируются второй третью VI в. до н.э. Культурные напластования I строительного периода в центральной части Тиритаки отчетливо не выделяются, лишь в отдельных местах зачищены небольшие участки. В целом этот горизонт представлен заглубленными в материк объектами: полуземлянками и хозяйственными ямами.

Начало становления градостроительной структуры (II строительный период) Тиритаки можно датировать 540 – 530 гг. до н.э. В центральной части города было исследовано 6 городских усадеб, которые в планировочном отношении были многокамерными, с расположенными вдоль внутреннего двора помещениями. Постройки были одноэтажными и перекрывались одно- или двускатной саманной кровлей. Учитывая результаты прежних раскопок, площадь ранней Тиритаки могла составлять не менее 5 га, а общая численность городского населения в последней трети VI – первой четверти V в. до н.э. была около 3 тысяч жителей. Во II строительном периоде, который датируется 540 – 530 гг. – 480 – 470 гг. до н.э., отчетливо выделяются две фазы – II-А и II-Б, границей которых служат горизонты пожарищ и разрушений. В рамках фазы II-А начинается строительство сырцово-каменных построек на всем исследуемом участке центральной, а также западной части города, где они окружали прямоугольную площадь. Здесь на площади около 350 кв.м исследованы многочисленные ямы-ботрасы с амфорами и столовой посудой, а также зольные пятна с фрагментами чернофигурных кубков. Весь этот участок на западной окраине города использовался в сакральных целях и являлся западным теменосом Тиритаки. Стратиграфически нами установлено, что западная крепостная стена Тиритаки строится после первого пожара около 520 – 510 гг. до н.э., а слой следующего, второго пожара, датируемого 480 – 470 гг. до н.э., уже непосредственно соприкасается с этой стены. Первый пожар и разрушения в Тиритаке следует связывать с морской экспедицией персов к побережью Боспора Киммерийского. Возведенные в Тиритаке дома просуществовали до 480 – 470 гг. до н.э., когда и погибли в результате очередного военного катаклизма, сопровождавшегося сильным пожаром.

С приходом династии Спартокидов следует связывать наиболее позднюю из открытых ям-ботросов с ритуальным жертвоприношением коней, совершенным в восточной части тиритакского теменоса. Находясь в боспорском объединении, Тиритака до конца V в. до н.э. остается важнейшим южным форпостом боспорского государственного образования на европейском побережье Боспора Киммерийского.

Ключевые слова: Боспор Киммерийский, Тиритака позднеархаический период, первые постройки колонистов, городские дома, крепостная стена, теменос.

Summary

The ongoing archaeological research of Tyritake gave many new results about that early Bosporus polis. In the central part of the city, previously unknown buildings of the first Hellenic settlers were discovered for the first time. They are dated back to the second third of the VI century BC. The cultural strata of the first construction period in the central part of Tyritake are

not clearly distinguished. Only small areas have been cleaned out in some places. In general, objects buried in the mainland: semi-dugouts and utility pits represent this horizon.

The beginning of the formation of the town-planning structure (second construction period) of Tyritake can be dated back to 540-530 BC. Six city estates have been investigated in the central part of the city. They were multi-chamber in terms of planning, with premises located along the courtyard. The buildings were single storey and were covered with a shed or saddle adobe roof. Considering the results of previous excavations, the area of early Tyritake could have been at least five hectares. The total urban population in the last third of the VI - first quarter of the V centuries BC had about three thousand inhabitants. In the second construction period, which may date back to 540-530 – 480-470 BC, two phases are clearly distinguished – II-A and II-B. Their boundaries are the horizons of fires and destruction. As part of Phase II-A, the construction of mud brick and stone buildings began on the entire study area of the central, as well as in the western part of the city, where they surrounded a rectangular square. There, on an area of about 350 square meters, numerous pits - bothroi with amphorae and tableware, as well as ash spots with fragments of black-figure cups have been investigated. That entire site on the western outskirts of the city was used for sacred purposes. It was the western temenos of Tyritake. We used stratigraphic method and have established that the western fortress wall of Tyritake was built after the first fire around 520-510 BC and the layer of the next, second fire dating back to 480-470 BC was in the direct contact with the wall. The first fire and destruction in Tyritake should be associated with the Persian naval expedition to the coast of the Cimmerian Bosporus. The houses erected in Tyritake existed until 480-470 BC, when they collapsed because of another military cataclysm, accompanied by a strong fire.

The latest of the discovered pits-bothroi with the ritual sacrifice of horses, performed in the eastern part of the Tyritake temenos, should be associated with the advent of the Spartocidae dynasty. Being in the Bosporan unification, Tyritake remained the most important southern outpost of the Bosporus state formation on the European coast of the Cimmerian Bosporus until the end of the V century BC.

Key words: Bosporus Cimmerian, Tyritake, late archaic period, the first colonists' buildings, town houses, fortress wall, temenos.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ
Зинько Виктор Николаевич, д.и.н.,
ведущий научный сотрудник,
Крымский федеральный
университет им. В.И. Вернадского,
Научно-исследовательский
центр истории и археологии Крыма.
295007, г. Симферополь, проспект Академика Вернадского, 4.
zinko@bf-demetra.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR
Viktor N. Zin'ko, DSc,
leading Researcher,
V.I. Vernadsky Crimean Federal University,
Research center of History and Archaeology
of the Crimea Prospekt Vernadskogo, 4,
295007, Simferopol, Russian Federation.
zinko@bf-demetra.ru

Рис.1. Полуземлянка № 1, вид с юга.

Рис.2. Полуземлянка № 3, вид с юга. В центре «просевшая» стена №195.

Рис.3. Дом 2 на раскопе XXVI, вид с юго-запада.

Рис.4. Печь № 1 на раскопе XXVI, вид сверху.

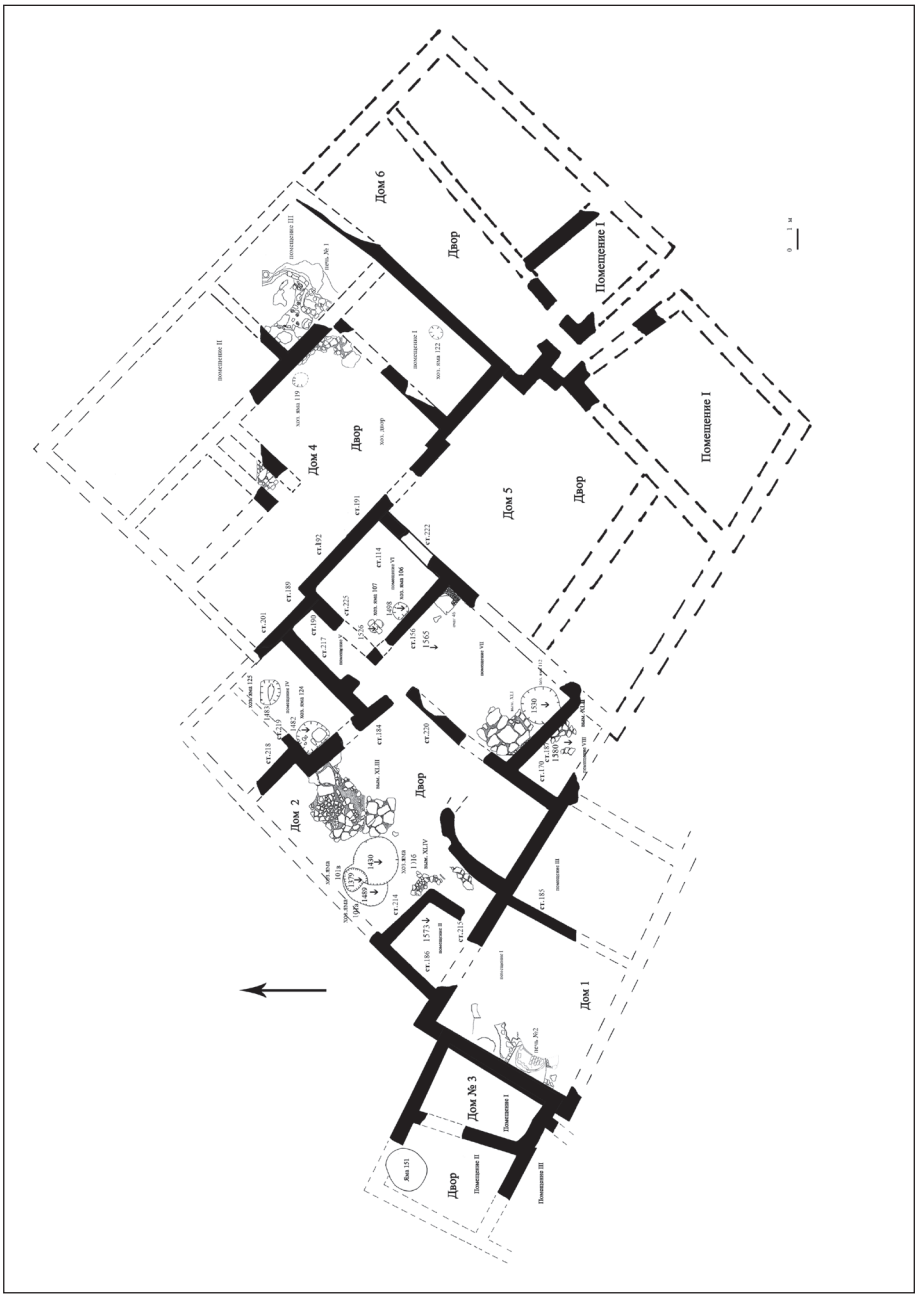

Рис. 5. Реконструкция планировки домов квартала на раскопе XXVI.

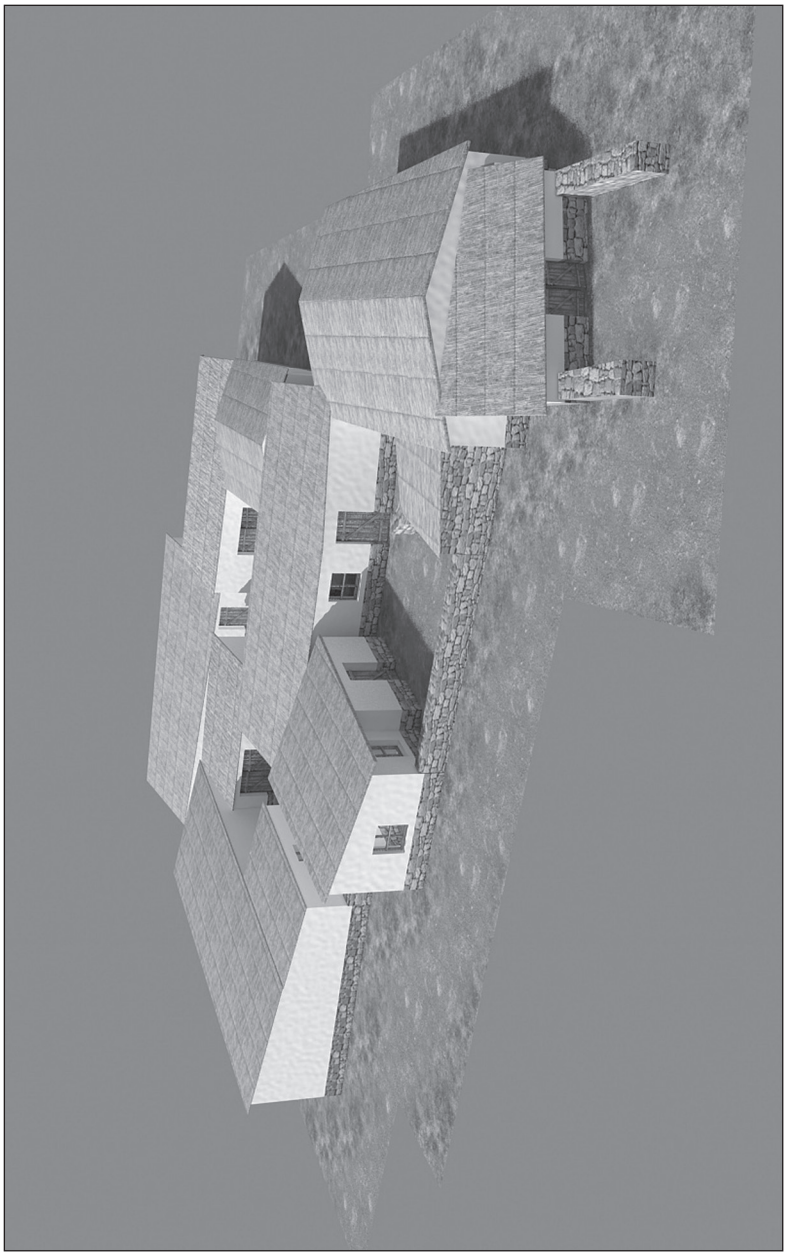

Рис. 6. Объемная реконструкция домов на раскопе XXVI. Вид с запада.

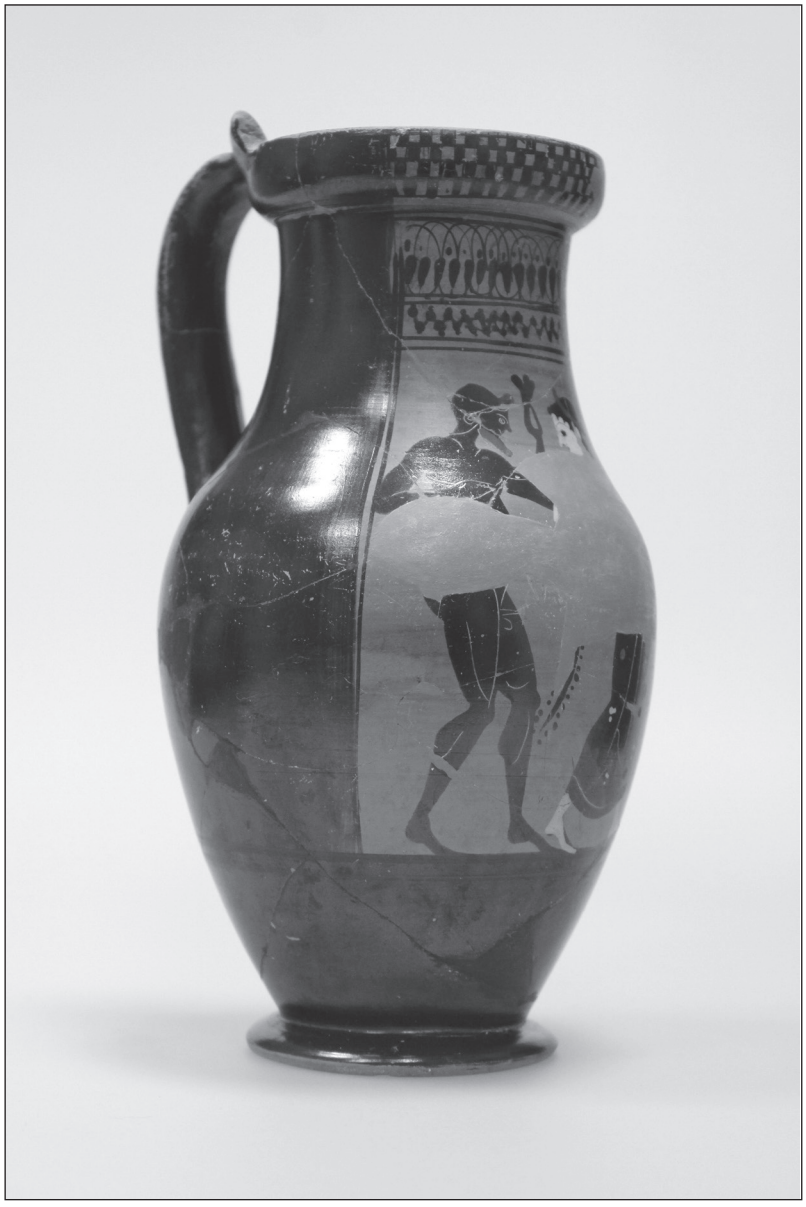

Рис.7. Чернофигурная ольпа из ямы-ботроса № 34.

Рис. 8. Остатки построек последней трети VI в. до н.э., перекрытые крепостной стеной. Вид с запада.

Рис. 9. Слой пожара и сырца под основанием западной крепостной стены. Вид с запада.

Рис. 10. Комплекс жертвоприношений коней в яме-ботросе № 19. Вид сверху.

Рис.11. Чернолаковые аттические чаши из ямы-ботроса № 19.

А. Г. БУКИНА
A. G. BUKINA

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ НА ЧЕРНОФИГУРНОЙ КЕРАМИКЕ ИЗ ТИРИТАКИ

MYTHOLOGICAL PAINTINGS OF THE BLACK FIGURE POTTERY FOUND IN TYRITAKE

В материалах раскопок 2002 – 2019 годов на городище Тиритака имеется свыше 250 фрагментов аттической чернофигурной керамики [см. подробнее Петракова, Букина, 2021]. Их можно датировать в пределах второй четверти VI – середины V в. до н. э. Большая часть ваз, фрагменты которых собраны в Тиритаке (и синхронные им по времени аттические чернолаковые сосуды) – это столовая посуда, характерная для греческого симпосия (пирушки в конце более или менее торжественного обеда, когда пили вино; греч. συμπόσιον). Там найдены обломки кратеров, амфор, ольп, ойнохой, скифосов, киликов и чаш для питья других форм, а также лекан, блюд разных типов, пиксид и иных столовых сосудов. Характерно, что именно винные чаши (килики, скифосы) значительно преобладают в числе.

Сюжеты изображений на большинстве сосудов из Тиритаки, где их можно достоверно и определенно интерпретировать, носят мифологический характер. Это характерно для иконографии чернофигурной вазописи Афин в целом. Поскольку среди выявленных форм преобладают сосуды для вина, то в росписях особенно многочисленны сюжеты дионисийского круга [подробнее об этой корреляции Heinemann, 2016; см. также Carpenter, 1986; Hatzivassiliou, 2010].

Вероятно, сам Дионис в нарядной одежде с широкими красными и орнаментальными полосами, сидящий на дифре (греч. δίφρος, «скамейка, табурет»; DNP, Bd. 8, 322), был представлен в росписи килика, от которого сохранилась лишь часть медальона, украшавшая центр этой чаши изнутри (рис. 1,1). В пользу такой трактовки говорят целые аналогичные изображения [см. подробнее Петракова, Букина, 2021, с. 99 – 100, кат. 21.1]. Дионис, пирующий на подушках в окружении лоз, был изображен еще на нескольких винных чашах других форм последней трети VI – первой четверти V в. до н. э. [Петракова, Букина, 2021, с. 150, кат. 43.36; с. 155 – 156, кат.43.48, с. 163, кат. 45.2]. Лучше других сохранилась композиция на обломке килика первой четверти V в. до н. э. [Петракова, Букина, 2021, с. 118 – 119, кат. 34.4]. Там бог возлежит среди виноградных лоз с гроздьями и к нему подходит сатир. Между двумя фигурами изображен ритон (греч. ῥυτόν, ῥυτός; сосуд в виде рога для питья вина).

Кроме картин пира встречаются изображения Диониса вместе с его разнообразными спутниками в фиасе (греч. θίασος, «священнодействующая братия, гурьба, шумно веселящаяся толпа») (рис. 1,2 – 2,2, 4,1– 4,3). Фиас – важней-

ший феномен дионисийской мифологии и религии, который символизирует таинственное единение с Дионисом его последователей-фиасотов (греч. θιασώται) [ThesCRA, vol. II, p. 331–332; см. также Schöne, 1987]. Участники фиаса, как принадлежащие к божественной свите Диониса (сатиры, силены, нимфы-фиаситиды (греч. θιασίτιδες), менады, вакханки), так и реальные люди – почитатели Диониса, согласно общим представлениям античного времени должны были пребывать в священном экстазе. Это, в частности, выражалось в бурном и шумном движении, в танце-комосе (греч.κῶμος) [ThesCRA, vol. II, p. 332]. Поэтому для изображений этих персонажей на афинских чернофигурных вазах VI–V вв. до н. э. характерны эксцентричные позы, которые указывают на такие действия, которые демонстративно нарушают социальную норму. Часто представленное имеет эротический подтекст, но может быть и просто пьяным безобразием. Одна из чаш, обломок которой найден в Тиритаке, была украшена изображениями как раз такого характера [Петракова, Букина, 2021, с. 156, кат. 43.49] (рис.5,1). Там изображен сатир, то ли уже просто слишком пьяный и потому ползущий на четвереньках, то ли крадущийся среди лоз, задумав нападение на некий сексуальный объект (скорее всего, менаду, или животное, или подобного себе сатира), который мог быть изображен на другой стороне чаши. Подобные этому сатиру полулюди-полуживотные принадлежат к числу именно тех спутников Диониса, для которых подобная иконография характерна в высшей степени [LIMC, vol. VIII, p. 1108–1109; см. подробнее Hedreen, 1992; Lissarrague, 2013].

Фрагментированные фигуры, которые определенно представляют фиасотов, не всегда можно интерпретировать однозначно в качестве изображений людей (то есть как часть сцены из реальной религиозной жизни афинян) или в качестве изображений окружающих Диониса нимф и сатиров (то есть как часть мифологической сцены). Подобных, недостаточно сохранных изображений на фрагментах из Тиритаки немало [ср. Петракова, Букина, 2021, кат. 8.18, 24.4, 35.2, 43.16, 43.41, 43.55, 43.59, 59.24, 59.40]. Однако есть много и таких, в которых можно узнать именно участников мифологического фиаса [ср. Петракова, Букина, 2021, кат. 2.4, 4.37, 22.1, 27.1, 38.1, 41.8, 43.9–10, 59.20–21, 59.39, 59.41, 59.43, 59.60, 60.9]. Фигура танцующей в окружении двух фиасотов менады в нарядной одежде украшает почти целую ольпу – редкий пример вазы хорошей сохранности в материалах из Тиритаки [Петракова, Букина, 2021, с. 124–125, кат. 36.1] (рис. 4,1). Роспись на фрагменте чаши типа мастоида [Петракова, Букина, 2021, с. 168, кат. 54.2] сохранила часть крупа мула и ноги всадника в длиннополой складчатой одежде (рис. 2,2). Это, очевидно, было изображение самого Диониса на муле или осле; такие мотивы встречаются как отдельно, так и в многофигурных композициях и, очевидно, изображают божество, прибывающее на пир [LIMC, vol. III, p. 503].

К тому же ряду, очевидно, принадлежит роспись цилиндрического лекифа так называемой погребальной формы [Петракова, Букина, 2021, с. 52–53, кат. 4.7]. Изображений дионисийского фиаса на подобных лекифах сохранилось так много,

что этот феномен даже стал предметом отдельной дискуссии. С одной стороны, его интерпретируют в том смысле, что будто бы в позднеархаическое время афиняне (конечно, мужчины-граждане, равные среди равных) считали воспоминания о пирах и общем для всех застольном веселье наилучшим, что можно взять с собою в могилу – дескать, так чуждые загробной сфере дионисийские мотивы и попадали на исключительно погребальные предметы, каковыми являются цилиндрические лекифы [Put, 2009]. С другой стороны, возникает мысль, что лекифы с изображениями Диониса и его фиаса, очевидно, вполне могли быть вписаны в контекст реального симпосия. Небольшие цилиндрические сосуды подходили, чтобы подавать их каждому гостю как с благовонным маслом (для умащения), так и с пряным соусом (для еды). Их украшали росписи на ту же тему и в том же стиле и качестве, что и на поздних чернофигурных чашах первой четверти V в. до н. э. Это единый массовый ассортимент нескольких афинских гончарных мастерских того времени. И те и другие сосуды нетрудно представить рядом, на одних и тех же столах перед пиршественными ложами. Также и находки в жилых кварталах Афин свидетельствуют о прижизненном, домашнем использовании таких сосудов [Lynch, 2011, p.135–140]. Иными словами, изображение фиаса на лекифе, обломок которого найден в Тиритаке, нужно интерпретировать как любое дионисийское изображение на сосудах для симпосия, не нагружая его дополнительными эзотерическими или политико-психологическими аллюзиями [ср. Put, 2009, p. 44].

Особое место в ряду фрагментов с росписями дионисийской тематики, судя по всему, занимает обломок чашевидного кратера [Букина, 2021; Петракова, Букина, 2021, с. 115, кат. 31.1] (рис. 1,2). Аналогичные сосуды, сохранившиеся полностью, позволяют предположить, что здесь рядом с Дионисом могла быть представлена и просто менада, и его супруга Ариадна. Священный брак (греч. ἱερός γάμος, ἱερογαμία; то же «брак богов, божественный брак», греч. θεογαμία) Диониса и Ариадны имел важное значение как в общегреческой мифологии, так и в религиозной практике архаических и классических Афин. В этот период [Аристотель, Афинская полития, II.3.5] весной, очевидно, во второй день праздника Анфестерий (Ανθεστήρια) жрица (греч. βασιλίννα, βασίλισσα, «царица»), супруга архонта-базилевса (греч. ἄρχων βασιλεύς) вступала в брак с Дионисом [ThesCRA, vol. VI, p. 86]. «Подробности обряда неизвестны, а значение его объясняется различно; проще и естественнее всего принять, что «царица», как представительница страны, соединялась брачными узами с богом возрождающейся весною растительности в знак того, что страна вполне предана его служению и надеется на его защиту и помощь; или, быть может, эта церемония совершалась в воспоминание брака Диониса с Ариадною» [Латышев, 1889, с. 145]. Предполагая, что на чашевидном кратере из Тиритаки могла быть представлена пара Диониса и Ариадны, необходимо иметь в виду утилитарно-символические особенности самого сосуда [см. подробнее Букина, 2021]. Раскопки в Афинах (на Агоре и на Акрополе) показывают, что чашевидные кратеры употребляли реже, чем сосуды для смешивания вина с водой других форм. В VI в. до н.э. преобладали кра-

теры с колонками, а позже – колоколовидные. Сохранившиеся чашевидные кратеры последней трети VI – IV вв. до н. э. расписаны лучшими художниками афинского Керамика. Как правило, они имеют большой размер. Их часто снабжали дополнительной вставкой-псиктером. Чернолаковые экземпляры (очевидно, более простые, повседневные, по сравнению с расписными) исключительно редки. Иными словами, чашевидные кратеры с росписью могли быть частью нетривиальных наборов для пира. Возможно, они предназначались преимущественно для особо торжественных и ритуальных симпосиев, не исключено, что и для таких, которые происходили в рамках важнейших календарных праздников.

Из Тиритаки происходят и другие фрагменты, сюжеты изображений на которых при определенных особенностях иконографии (несохранившихся частей изображений) также могли быть связаны с мифами о бракосочетании богов. Это фрагменты с частями композиций на тему торжественного выезда на колеснице [Петракова, Букина, 2021, кат. 9.3, 23.9, возможно, кат. 60.34]. Аналогичные полностью сохранившиеся росписи, как правило, включают квадригу, на которую восходит (или которой правит) основной участник действа, в то время как еще несколько фигур сопровождают колесницу, очевидно, в торжественном шествии. В целом такие росписи могут отражать как мифологические, так и жанровые сюжеты (свадьба, прощание воина), но все же, возможно, что преимущественно они отсылают зрителя именно к эпизодам мифа и эпоса. Иногда атрибуты основных персонажей на колеснице ясно указывают на Геракла и Афину, причем богиня часто правит колесницей. В этом случае, очевидно, что речь может идти об изображении апофеоза Геракла [LIMC, vol. V, p. 126–132]. Тем не менее чаще, если представленные в таких росписях центральные фигуры снабжены атрибутами, в них можно узнать брачные пары богов. Кроме Диониса и Ариадны, это чаще других Зевс и Гера, Посейдон и Амфитрита, также Фетида со своим смертным супругом Пелеем и др. Как и в случае с Дионисом и Ариадной, браки разных божественных пар регулярно совершались в храмах архаической и классической Греции в надежде на процветание и плодородие в самом широком смысле [ThesCRA, vol. VI, p. 86]. Часто изображенные на аттических чернофигурных вазах брачные пары не снабжены ясно определяемыми атрибутами, однако их колесницы все так же сопровождает шествие богов (чаще всего можно узнать Аполлона, Гермеса, Диониса, Афину). Такие изображения, очевидно, тоже нужно трактовать как сцену брака – священного или реального, в котором жених и невеста сопоставляются с некими божественными прообразами [Jurriaans-Helle, 1999; Tuukkanen, 2001].

Возвращаясь к изображениям на темы дионисийского мифа и культа, характерным для архаических Афин, мы можем отметить уникально редкое для причерноморских раскопок изображение на фрагменте крупного скифоса, также обнаруженного в Тиритаке [Петракова, Букина, 2021, с. 128, кат. 39.4] (рис. 2,4). На этой чаше, возможно, была представлена сцена реального ритуала с участием Диониса (его заместителя-жреца или статуи [ср. Paleothodoros, 2012, p. 59, note 40]), который

прибывает в город морским путем. Это могло происходить во время Анфестерий [ср. Nilsson, 1908; Lehnstaedt, 1970, S. 92-93; Simon, 1983), p. 93–94; ThesCRA, vol. VII, p. 108] или Великих Дионисий (Διονύσια τὰ ἐν Ἄστει, Διονύσια τὰ Μεγάλα) [ср. Frickenhaus, 1912; LIMC, vol. III, p. 502; ThesCRA, vol. VII, p. 108]; менее вероятно, что шествие с кораблем-колесницей приходилось на зимние Леннеи (Λήναια) [Smith, 2021, p. 149].

Как правило, в связи с путешествием Диониса по морю упоминают миф о первоначальном появлении этого божества в Элладе: «Чудесный корабль Диониса, на котором могущественное присутствие бога заставляет плющ и лозы расцветать вокруг мачты, ставят на колеса в Афинах, Смирне и Массилии <Массалии> и передвигают по городу» [Nilsson, 1908, S. 399]. Эпизод, собственно, мифологической истории проиллюстрирован в росписи 530-х гг. до н. э. на чернофигурном килике с коралловым лаком работы Экзекия [BAPD 310403] (рис. 3,1). Внутри на этой чаше изображены лозы, оплетающие мачту, и дельфины, в которых превратились финикийские пираты после того, как попытались пленить Диониса, севшего на их судно. На чернофигурном килике первой четверти V в. до н. э., атрибутированном Безлистной группе [BAPD 331868] (рис. 3,2), можно проследить взаимосвязь изображения на ту же тему внутри и изображений тиаса снаружи. В медальоне – Дионис с ритоном в руках плывет на маленьком корабле, а на стенках снаружи тот же Дионис уже окружен менадами, то есть почитателями, которые радуются явлению божества, прибывающего морским путем, к какому бы празднику ни был приурочен реально существовавший в Афинах ритуал такого рода.

Предполагается, что сохранившийся у Афинея отрывок из комедии драматурга второй половины V в. до н. э. Гермиппа «Носильщики» позволяет понять, чего именно афиняне ожидали от ритуала с кораблем Диониса. Гермипп подробно перечисляет «сколько и грузов каких, решив промышлять судоходством, в город привез Дионис по винноцветному морю» [Афиней, Пир мудрецов I.49e; пер. Н. Т. Голинкевича]. Среди множества упомянутых вещей – как насущно необходимые «скумбрия из Геллеспонта», финикийская «мучица для булок отборных», «толпы рабов» и «богам стволы кипариса», так и нужные только «для лежебок» карфагенские ковры и подушки цветные [там же]. Скрупулезно составленный перечень Гермиппа производит впечатление заклинания с элементами симпатической магии, направленной на обеспечение афинян всем перечисленным.

Примечательно, что известные в настоящее время росписи крупных скифосов с изображением корабля-колесницы атрибутированы одному и тому же вазописцу – Мастеру Тезея. Предположительно, их исполняли в одной мастерской, в которой он работал; к продукции этой мастерской рубежа VI–V вв. до н. э. был отнесен и фрагмент из Тиритаки [Петракова, Букина, 2021, с. 128]. С другой стороны, немаловажно, что как раз этими скифосами известная сейчас иконография корабля-колесницы Диониса в целом и ограничивается [ср. Smith, 2021, p. 149–150]. Возможно, это связано с особенно зрелищной организацией такого рода шествий в 500-е годы

до н. э., когда, как считается, и работал Мастер Тезея [Paleothodoros, 2012, p. 58–59].

Кроме многочисленных сюжетов, связанных с мифологией и религией Диониса, мифологическая тематика изображений на чернофигурных фрагментах из Тиритаки включает еще целый ряд мотивов. Все эти росписи, с другими богами и богинями, героями и демонами, тоже давали значительную пищу для ума и для разговора на пиру.

Так, обломок медальона килика (рис. 5,2) сохранил изображение головы бородатого мужчины в широкополой шляпе-петасе (греч. πέτασος), характерной принадлежности путника [Becker 1878, S. 263]. Это атрибут Гермеса [LIMC, vol. V, p.383–384], одного из величайших олимпийских богов, сфера влияния которого (и в жизни, и в смерти) была чрезвычайно широка. Основное в характере Гермеса – постоянное движение; он вестник, посредник, проводник и покровитель всех, кто передвигается (по реальным дорогам и по дорогам между мирами). Гермес более всех других богов «привык и всех более любит смертному спутником быть» [Гомер, Илиада XXIV.234–235; пер. В. В. Вересаева]. Судя по аналогиям [см. Петракова, Букина, 2021, с. 92, кат. 18.8], Гермес был представлен в позе коленопреклоненного бога, и этот пластический прием, характерный для архаического искусства и передающий динамику в неподвижном, как нельзя лучше выражает саму суть образа изображенного божества. Когда чаша на пиру пустела и на дне становилась видна круглая эмблема с фигурой бегущего Гермеса, это вызывало у симпосиаста (какое бы место в обществе он ни занимал) свои, глубоко личные ассоциации, поскольку Гермесу принадлежали многие важные и разнообразные роли – как в мифе и эпосе, так и в частной и общественной культовой жизни афинян VI–V вв. до н. э. [Shapiro, 1989, p. 135–132; LIMC, vol. V, p. 285–381].

Что же касается фрагмента поздней чаши-скифоса [Петракова, Букина, 2021, с. 187–188, кат. 59.33] (рис. 6,1), на которой изображен сидящий музыкант со струнным инструментом из семейства лир (греч. λύραι), то здесь интерпретация не так однозначна. Силуэт лиры (как и вообще все детали композиции) передан очень суммарно. Это может быть любой из похожих инструментов – лира, форминга (греч. φόρμιγξ), какая-то из кифар (греч. κιθάρα и κιθάρις; [см. Sarti, 1992]), хелис (греч. χέλυς), барбит (греч. βάρβιτον, βάρβιτος) [ThesCRA, vol. II, p. 348]. Все они относятся к числу атрибутов Аполлона [Rutherford, 2020, 25–28], но также и нескольких связанных с ним героев-музыкантов (Орфея, Лина, Музея [см. Sarti, 2020, p. 62–66]), и может быть принадлежностью реального музыканта (если здесь изображена сцена повседневной жизни, например пира). Провести в данном случае строгое сопоставление нельзя.

Еще более проблематична атрибуция совсем маленького обломка стенки гидрии с частью изображения одной или двух женщин, хотя качество работы вазописца здесь неизмеримо выше (рис. 6,3). Эта частица вполне может относиться к композиции, которая представляет вереницу женщин с гидриями у источника [Петракова, Букина, 2021, с. 139–140, кат. 43.8], но также она напоминает элемент изображения ряда степенно ступающих муз, сопровождающих Аполлона [ср. Горбунова, 1983, кат. 88].

Как в случае с фигурой музыканта, манера изображения женской фигуры в длинной подпоясанной одежде на фрагменте еще одного скифоса из Тиритаки тоже не способствует точной иконографической атрибуции [Петракова, Букина, 2021, с. 103–104, кат. 23.10] (рис. 6,2). Возможно, голова изображенной покрыта шлемом, а в правой руке она держит копье. Тогда в росписи представлена воительница Афина. Если же очертания головы обусловлены тем, что изображен тяжелый узел волос или чепчик, а предметы в руках богини – это лук и стрела, то изображена охотница Артемида [LIMC, vol. II, p. 738–740]. Главное божество афинского полиса (Афина) и одна из величайших и древнейших богинь Греции (Артемида) были почитаемы в Аттике в архаический период, и обе они также занимают важное место в иконографии изображений на чернофигурных вазах [см. Shapiro, 1989, p. 18–47, 64–66; Hatzivassiliou, 2010].

Еще один фрагмент также дает возможность для целого ряда иконографических гипотез (рис. 7,3). Это обломок чаши с изображением ряда фигур во фризе снаружи. По бокам были представлены юные всадники (в силу симметричного устройства композиции и благодаря сохранившимся аналогиям [см. Петракова, Букина, 2021, с. 55–56, кат. 4.10] можно с уверенностью предполагать, что всадников было двое). Они скачут в разные стороны, кони гарцуют. В центре изображена крылатая женщина, к которой обращаются двое окутанных плащами мужчин (так называемых «зрителей» [см. Stansbury-O'Donnell, 2006]). Вероятнее всего, на чаше были изображены выходящие на состязание всадники и их наставники и сторонники, которые простирают руки в знак мольбы, обращенной к божеству. Вероятно, это богиня Ника. В афинской мифологической иконографии известны и другие крылатые женские божества [см. Isler-Kerényi, 1969, p. 34–38; Brijder, 1983, p. 116–117; Shapiro, 1993, p. 53–61; Thomsen, 2011, S. 161–262; см. также об иконографии Ники LIMC, vol. VI, 850–904; об иконографии Ириды LIMC, vol. V, p. 741–760; об иконографии крылатой Афины LIMC, vol. II, p. 1019]. Однако наиболее естественно будет предположить, что это именно Ника и «зрители» призывают ее на помощь, прося победы каждый для своего всадника [Heesen, 2011, p. 116]. Хотя общий смысл этой сцены восходит в большей степени к событиям повседневной жизни людей, представление о том, что частью жизни афинян было присутствие, зримое явление и вмешательство божества, несомненно, связывает изображение на фрагменте из Тиритаки с областью мифологии.

Среди изображений на темы сказаний о греческих героях, которые встречаются на обломках чаш и кувшинов из Тиритаки, несколько связано с эпизодами мифов о Геракле. Нужно отметить, что именно ему посвящено вообще наибольшее (по сравнению с другими героями) число сохранившихся чернофигурных аттических росписей архаического периода [Shapiro, 1989, p. 157–163].

На фрагменте ойнохои (рис. 8,2) сохранилась, очевидно, часть сцены битвы Геракла с Немейским львом. Это его первый подвиг, и это наиболее часто воспроизводимая мифологическая сцена античного времени, большинство изображений

которой приходится на аттическую вазопись [LIMC, vol. V, p. 30]. Скорее всего, на кувшине, обломок которого найден в Тиритаке, была представлена геральдическая равновесная композиция, в которой Геракл изображен широко шагающим вправо и прижимающим голову льва к груди. Лев, приподнятый таким образом мощной рукой героя, одной задней лапой едва касается земли, а другой почти достает до колена Геракла. Эта самая характерная для чернофигурной вазописи второй половины VI в. до н. э. схема, принятая для изображения сюжета о Немейском льве. Особенно часто она встречается в росписях закрытых сосудов, таких как амфоры и ойнохои [см. подробнее Петракова, Букина, 2021, с. 113, кат. 28.2].

Для чаш также зафиксировано несколько часто повторяющихся композиционных вариантов [LIMC, vol. V, p. 17–29 с библиографией]. Одна из таких стандартных схем изображения Геракла с Немейским львом могла быть использована в росписи чаши-скифоса из Тиритаки [Петракова, Букина, 2021, с. 151, кат. 43.38], на которой сохранился силуэт верхушки финиковой пальмы. Это дерево произрастает в чужих для греков странах, и потому подходит для изображения самых разных мифологических событий, происходивших где-то за пределами Эллады [Eichberger et. al., 2007, p. 118–119]. Таковы все сюжеты с участием варваров (амазонок, скифов, негров и тому подобных) и часть изображений фиаса Диониса (который вначале, до победного пришествия в Грецию, странствовал на Востоке). То же самое можно сказать о событиях троянского похода, таких, например, как игра в шашки или кости (греч. πεσσόι, πεττόι, «камушки» [см. Kurke, 1999]) между Ахиллом и Аяксом Теламонидом или самоубийство Аякса [см. Shapiro, 1989, p. 154–157]. Тем не менее на скифосах и чашах-скифосах также встречаются сцены схватки Геракла со львом под пальмой или приготовления к этой схватке, когда герой и лев приближаются друг к другу с разных сторон пальмового дерева [LIMC, vol. V, p. 25–26].

Седьмой подвиг Геракла, возможно, был изображен во фрагментированном клейме, располагавшемся на тулове еще одной ойнохои, обломки которой найдены в Тиритаке [Петракова, Букина, 2021, с. 132–133, кат. 41.7] (рис. 9). Это битва героя с Критским быком [LIMC, vol. V, p. 59–66]. Характерно, что почти в той же самой иконографии могло быть представлено сражение Тезея с Марафонским быком [LIMC, vol. VII, 949–950], тем более что речь идет об одном и том же сверхъестественном животном: «Одолев быка, Геракл доставил его Эврисфею, показал ему и затем отпустил на свободу. Бык пересек область Спарты и всю Аркадию, затем, перейдя Истм, прибыл в Аттику к Марафону и стал опустошать поля местных жителей» [Аполлодор, Мифологическая библиотека II.5.7; пер. В. Г. Боруховича]. В Аттике несколько позже Тесей убил его [там же, Эпитома I.5] или же изловил и отвел в Афины, на Акрополь, где быка принесли в жертву Афине [Павсаний, Описание Эллады, I.27.9]. Отличия между атрибутами двух героев в сценах сражения с быком на аттических чернофигурных вазах недостаточно разительны, чтобы можно четко узнать того или другого [Servadei, 2005, p. 69]. Фрагменты же из Тиритаки, в свою очередь, не дают целого ряда важных в этом отношении деталей.

Девятый подвиг Геракла стал темой росписи килика редкой формы [Петракова, Букина, 2021, с. 53–54, кат. 4.8] (рис. 8,1). На фрагменте этой чаши сохранилась часть многофигурной сцены битвы Геракла с амазонками. Можно различить части написанной темным лаком фигуры героя в короткой одежде, бедра которого опоясаны львиной шкурой. Видны также части фигур двух женщин-воинов (открытые части их ног покрыты белой краской; на ногах красным выделены поножи; виден край щита, который держит одна из амазонок). Этот эпизод связан с тем заданием Ефрисфея, которое Геракл исполнял в стране амазонок. Он победил воительниц из этого племени в бою в их столице Темискире [LIMC, vol. V, p. 71–73].

Сюжет изображения на другом фрагменте килика [Петракова, Букина, 2021, с. 56–57, кат. 4.12] (рис. 10,1), где также изображено преследование мужчиной женщины в коротком красном хитоне нельзя интерпретировать с той же степенью точности. Это обусловлено, с одной стороны, недостаточной сохранностью росписи, а с другой – значительным разнообразием сюжетов, которые изображали в медальонах аттических чернофигурных киликов с использованием подобной композиционной схемы. В данном случае, определенно, представлено преследование мужчиной (воином, вакхантом, силеном, сатиром) женщины (амазонки, менады) [Петракова, Букина, 2021, с. 57]. В той же схеме преследования могло быть изображено и преследование Персеем Медузы Горгоны [Букина 2020, с. 52]; (см. о Персее и Горгоне ниже).

Два фрагмента чаш из Тиритаки позволяют узнать изображение на тему предсвадебной битвы Пелея и Фетиды [LIMC, vol. VII, p. 268–269; vol. VIII, 6–14]. На одном обломке чаши-скифоса, судя по аналогиям [Петракова, Букина, 2021, с. 210–211, кат. 61.10], был представлен герой, преследующий богиню в длиннополой одежде (рис. 7,1). В другом случае на обломке киафа [Петракова, Букина, 2021, с. 125–126, кат. 37.1] сохранилась фигура маленького кошачьего хищника (льва, пантеры), который терзает спину героя в коротком хитоне, склонившегося вперед (рис. 7,2). Это обычный для афинской вазовой иконографии способ изображения Пелея, который наклоняется, чтобы обхватить руками могучий стан своей божественной нареченной: «Фетида превращалась то в огонь, то в воду, то в зверя» (Аполлодор, Мифологическая библиотека III.13.5, пер. В. Г. Боруховича), «в третий ты раз приняла пятнистой тигрицы обличье, и, устрашен, Эакид разомкнул вкруг тела объятье» [Овидий, Метоморфозы, IX.245–246, пер. С. В. Шервинского].

Кроме росписей на известные по письменным источникам сюжеты, такие как история Пелея и Фетиды и другие, фрагменты чернофигурных ваз из Тиритаки дают такие мотивы, о мифологическом содержании которых можно судить только в общем плане. Прежде всего, это относится к изображениям животных – как реальных, так и фантастических чудовищ, составленных из частей (тератоморфных – из звериных частей; миксантропических – из звериных и человеческих частей).

В греческой традиции образы животных имели большое символическое значение в качестве эмблем благосостояния и могущества (домашние животные) или олице-

творения демонических сил дикой природы (дикие звери, изображения терзания хищником травоядного, звериной охоты), а также в качестве атрибутов разных богов, которые и сами могли принимать облик этих животных. Одно из них – пантера, изображенная на обломках чаш из Тиритаки [Петракова, Букина, 2021, с. 96, кат. 19.1; с. 165, 49.1] (рис. 11,1). «Дионис любит это животное, так как из всех зверей пантера наиболее смела, легко прыгает и подобна вакханке» [Филострат Старший, Картины, I.19.4; пер. С. П. Кондратьева].

Изображения тератоморфных и миксантропических существ в силу необычной выразительности пластики их тел буквально завораживали, а потому им придавали магическую значимость. Они удерживали на себе и потому «отвращали» посторонний взгляд, служа апотропеями (греч. ἀποτρόπαιος, «отвращающий»).

Апотропеическое значение некоторых миксантропических изображений обосновано известными мифами. Таков, например, горгонейон, фронтально изображенная голова Медузы Горгоны, которую отсек Персей (см. также выше). Три фрагмента киликов из Тиритаки [Петракова, Букина, 2021, с. 70, кат. 6.5–6; с. 135–136, 42.3] (рис. 10,2) сохранили части внутренних тондо с горгонейоном. Зафиксированный у множества авторов миф о подвигах Персея приписывает трем сестрам Горгонам способность обращать в камень всех, кто встречался с ними взглядом: «Горгоны, в косах — змеи, в сердце — яд. Кто им в глаза заглянет, в том остынет жизнь!» [Эсхил, Прикованный Прометей, 799–800; пер. А.И.Пиотровского]; «каждый, взглянувший на них, превращался в камень» [Аполлодор, Мифологическая библиотека, II,4,2; пер.В. Г. Боруховича]. Как это обычно для тондо в афинских чернофигурных киликах [см. Φριτζίλας, 2010; см. также LIMC, vol. IV, p. 317–319], элементы изображения соответствуют описанию, известному от Аполлодора: «Головы Горгон были покрыты чешуей драконов, у них были клыки такой же величины, как у кабанов» [там же; пер. В. Г. Боруховича]. На обломках из Тиритаки мы видим овальные чешуйки на головах Горгон, подчеркнутые накладным пурпуром, и белые клыки.

На фрагментах керамики из Тиритаки также сохранились изображения сфинксов и сирен. Фигуры сидящих сфинксов большей частью располагались по бокам фигурных фризов на скифосах и киликах [Петракова, Букина, 2021, кат. с. 41, 1.7; с. 42–43, кат. 1.10; с. 92–93, кат. 18.9; с. 106, кат. 24.3; с. 118, кат. 34.3; с. 119, кат. 34.5; с. 151–152, кат. 43.39], но могли быть и их центральным элементом (рис.11,2). Части фигур сирен, очевидно, входили в анималистические фризы на обломках крышек лекан [Петракова, Букина, 2021, с. 87, кат. 16.1; с. 104–105, кат. 23.11; с.109–110, кат. 26.1]. Крыло сирены или сфинкса сохранилось на фрагменте, вероятно, ойнохои [Петракова, Букина, 2021, с. 67–68, кат. 6.2]. В случае с этими существами их роль апотропеев объясняется общей опасностью этих существ, связанных с хтонической стихией и сферой смерти.

В самом деле, мифологическое чудовище Сфинкс, крылатую женщину-львицу в архаическое время связывали прежде всего с мифом об Эдипе [LIMC, vol. VIII, p.1164]. Тем не менее о том, что Сфинкс – это демон смерти [LIMC, vol. VIII,

р. 1165], ясно говорит, собственно, основная мифологема, отраженная в истории о встрече Эдипа и Сфинкса: она умерщвляла всех, кто не мог отгадать загадку о стадиях человеческой жизни. Известны многочисленные фигуры сфинксов на погребальных стелах и саркофагах архаического и классического времени из разных областей Греции, а в ионийской вазописи последней четверти VII в. до н. э. зафиксирован такой мотив, как сфинкс, удушающий птицу (греч. Σφίγξ, очевидно, означает «Душительница», от σφίγγω, «сжимать, душить») [см. также Winkler–Horaček, 2015. S. 76–176]. Тем не менее фигуры сфинксов в греческой традиции расценивались в качестве подходящих для украшения ювелирных изделий, одежды, текстиля и обстановки домов. Возможно, постоянное присутствие этих символов смерти, а значит постоянное ее осознание, представлялось полезным для освежения чувств и восприятия жизни вообще. Это очень хорошо подходило и для симпосиальных сосудов, таких как чаши, обломки которых найдены в Тиритаке.

То же самое можно сказать об изображениях сирен [LIMC, vol. VIII, p. 1094, 1103–1104; см. также Hofstetter, 1990; Winkler–Horaček, 2015, S. 182–202]. Части фигуры сирены рядом с человеческой фигурой (очевидно, равной ей по высоте) сохранились на фрагменте раннего аттического диноса, который можно связать с мастерской вазописца Софилоса [Петракова, Букина, 2021, с. 173–174, кат. 59.1] (рис. 11,3). Для росписей этого мастера характерны повторяющиеся изображения такого рода, в которых сопоставлены фигуры мужчины в длиннополой одежде и одной-двух сирен той же высоты, что и он. В последнем случае человеческая фигура часто буквально стиснута массивными телами демонов. Это прекрасно передает активный характер сирен, которых никто «без того не минует, чтоб не послушать из уст … льющихся сладостных песен», в то время как вокруг поющих демонов «огромные тлеют груды костей человечьих, обтянутых сморщенной кожей» [Гомер, Одиссея, XII.187, XII.46; пер. В. В. Вересаева].

Части фигур сирен сохранились и на обломках чаш-фиал, расписанных накладными красками по лаку в так называемой технике Сикса [Петракова, Букина, 2021, с. 166–167, кат. 53.1; с. 186–187, кат. 59.30] (рис. 12.1). Судя по сохранившимся аналогичным фиалам, сирены на них во многих случаях изображены с лирами в руках, то есть музицирующими. Хотя в оригинальной философской аллегории Платона (Государство, 618b) сирены отвечают за музыку небесных сфер, подавляющее большинство античных источников связывают их совершенно с другой стихией. Нет сомнений в том, что музыкальные дарования сирен помогают им убивать. Сирены всегда служили Персефоне: «Когда собирала цветы Прозерпина вешние, были вы с ней, сирены ученые, вместе.., после по миру всему ее вы напрасно искали» [Овидий, Метоморфозы, V.554–563; пер. С. В. Шервинского]. Сиренам адресовали молитвы следующего содержания: «Сюда, о сирены, на стон песни надгробной, девы … Пусть Персефона примет от нас в темном чертоге своем жертву рыданий для милых, милых усопших» [Еврипид, Елена, 169–178; пер. И. Ф. Анненского].

Отметим, что обломки с частями фигур сирен, найденные в Тиритаке, принад-

лежали фиалам – сосудам для возлияния. Поэтому можно предположить, что выбор изображений для их украшения связан с функцией этих чаш, например, в рамках симпосия. Согласно известному сообщению Плутарха (Римские вопросы, 270a) «эллины в новолуние почитают богов, а на другой день воздают должное героям и демонам; так и на пиру второе возлияние совершают они героям и героиням», то есть мертвым, обитателям подземного царства Аида и Персефоны, выдающимся покойным предкам – реальным или мифологическим.

Отдельно в ряду изображений, которые выглядят как мифологические, нужно рассмотреть часть медальона на фрагменте килика из Тиритаки, на котором сохранился хвост петуха [Петракова, Букина, 2021, с. 72–73, кат. 7.5] (рис. 12.2). Вероятно, как показывает сравнение с подобными целыми чашами [см. Brijder, 1983, p. 173; Brijder, 2000, p. 655], здесь могла быть изображена фигура всадника на гиппалектрионе (греч. ἱππαλεκτρυών, от ἵππος, «лошадь» и ἀλεκτρυών, «петух) [LIMC, vol.V, p. 427–432]. Письменные источники относительно гиппалектриона ограничены упоминаниями его в комедиях Аристофана. Причем в «Лягушках» в оживленной беседе между Дионисом, Еврипидом и Эсхилом собеседники пытаются выяснить, что же он собой представляет: «Да, видит Зевс, вот так же и я промучился без сна всю ночь! Понять старался, что значит рыжий конь-петух. Ну что это за птица?» – «Невежда! Знак на кораблях такой изображают». – «Я ж коне-петухом считал павлина Филоксена». – «А ты, посмешище богов, какие пишешь драмы?» – «Да не про коне-петухов, не про козлов-оленей, как любишь ты, как чертят их на завесах мидийских» [Лягушки, 930–938, пер. А. И. Пиотровского]. Как видно из этого отрывка, необъяснимая фигура гиппалектриона, с одной стороны, напоминает собеседникам о восточных тканях («завесах мидийских»). В самом деле, многие миксантропические мотивы и даже, возможно, сам принцип создания таких фигур пришли в искусство греческой Архаики именно с Востока. С другой же стороны, и в этой пьесе Аристофана, и в других [Мир, 1175–1178; Птицы, 800] сравнение с гиппалектрионом служит для выражения насмешки над выскочкой или хвастуном. Эти ассоциации, вероятно, становились особенно забавными во время симпосия, когда кому-нибудь из пирующих доставался килик с изображением всадника, скачущего на гиппалектрионе. Издевкам над тем, кто «был ничем, а нынче ходит рыжим коне-петухом!» [Птицы, 800; пер. С. К. Апта], вероятно, не было конца. Тут-то и разрешалась загадка «личности всадника, которая остается не ясной» [Brijder, 2000, p. 655] для современных исследователей, желающих открыть в данном случае определенное мифологическое содержание.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Аполлодор Афинский. Мифологическая библиотека / Изд. подгот. Борухович В. Г.; АН СССР. Л., 1972. (Литературные памятники).

Аристотель. Афинская полития / Пер., прим. Радцига С. И.; 2-е изд. М., 1937.

Аристофан. Избранные комедии / Пер., коммент. Пиотровского А.; предисл., коммент.

Ярхо В. М., 1974. (Библиотека античной литературы: Греция).

Афиней. Пир мудрецов : В 15 кн. / Подгот. Голинкевич Н. Т. и др.; РАН. Кн. 1-8. М., 2004. (Литературные памятники).

Букина А. Г. Мифологические изображения на чернофигурной керамике из Тиритаки // XXI Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период Античности и Средневековья. Объекты искусства в археологическом контексте: Тезисы конференции. Симферополь; Керчь, 2020. С. 52–58.

Букина А. Г. Фрагменты аттических чашевидных кратеров из Тиритаки // Материалы конференции «XXII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период Античности и Средневековья: Новые открытия, новые проекты». Керчь, 2021. С. 51–54.

Гомер. Илиада / Пер. Вересаева В. М.-Л., 1949.

Гомер. Одиссея / Пер. Вересаева В., примеч. Поляковой С., словарь мифол. имен и геогр. названий Феленковской И. М., 1953.

Горбунова К. С. Чернофигурные аттические вазы в Эрмитаже : Каталог. Л., 1983.

Еврипид. Трагедии: 2 т. / Пер. Анненского И., изд. подгот. Гаспаров М. Л., Ярхо В. Н.; РАН М., 1999. (Литературные памятники)

Латышев В. В. Очерк греческих древностей : Пособие для гимназистов старших классов и для начинающих филологов / 2-е изд., перераб. Ч. 2 : Богослужебные и сценические древности. СПб., 1889.

Петракова А. Е., Букина А. Г. Аттическая чернофигурная и чернолаковая керамика Тиритаки. СПб.–Керчь, 2021.

Плутарх. Застольные беседы / Подгот. Боровский Я. М. и др.; примеч. Ковалева И. М. и др.; АН СССР. Л., 1990. (Литературные памятники).

Публий Овидий Назон. Метаморфозы / Пер. Шервинского С. В., прим. Петровского Ф. А. М., 1977.

Филострат (старший и младший). Картины. Каллистрат. Статуи / Прим., пер. и введ. Кондратьева С. П. М.-Л., 1936.

Эсхил. Орестея: Агамемнон. Плакальщицы. Эвмениды; Прикованный Прометей : Трагедии / Пер. Иванова В., Пиотровского А.; примеч. Ярхо В. Н. Калининград, 2001. (Библиотека ликея).

Φριτζίλας Σ. Χθόνια Γοργόνα: Ο μύθος στην ελληνική κεραμική. Τρίπολη, 2010.

Becker W. A. Charikles: Bilder Altgriechischer Sitte, zur genaueren Kenntniss des griechischen Privatlebens / Neu bearb. von Goell H. Bd. 3. Berlin, 1878.

Brijder H. A. G. Siana Cups [Part] I and Komast Cups. Amsterdam, 1983. (Allard Pierson series; vol. 4).

Brijder H. A. G. Siana Cups [Part] III : The Red-black Painter, Griffin-bird Painter and and Siana Cups resembling Lip-Cups. Amsterdam, 2000. (Allard Pierson series; vol. 8).

Carpenter T. H. Dionysian imagery in Archaic Greek art : Its development in black-figure vase painting. Oxford (UK), 1986. (Oxford monographs on classical archaeology).

Eichberger C., Sigl M., Rühfel H. Trees and shrubs on classical Greek vases // Proceedings of the XI OPTIMA meeting. Palermo, 2007. (Bocconea : Supplementary volumes of Flora Mediterranea, International Foundation pro Herbario Mediterraneo; OPTIMA [Organization for the phytotaxonomic investigation of the Mediterranean area]; vol. 21). P. 117–130.

Frickenhaus A. Der Schiffskarren des Dionysos in Athen // Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts. 1912, Bd. 27. S. 61-79

Hatzivassiliou E. Athenian black-figure iconography between 510 and 475 BC. Rahden/Westf.,

2010. (Tübinger archäologische Forschungen ; Bd. 6).
Hedreen G. Silens in Attic black-figure vase-painting : Myth and performance. Ann Arbor (MI), 1992.
Heesen P. Athenian Little-Master cups. Amsterdam, 2011.
Heinemann A. Der Gott des Gelages : Dionysos, Satyrn und Mänaden auf attischem Trinkgeschirr des 5. Jahrhunderts v. Chr. Berlin, 2016. (Image & context ; vol. 15).
Hofstetter E. Sirenen im archaischen und klassischen Griechenland. Würzburg, 1990. (Beiträge zur Archäologie ; Bd. 19).
Isler-Kerényi C. Nike : Der Typus der laufenden Flügelfrau in Archaischer Zeit. Erlenbach–Zürich, 1969.
Jurriaans-Helle G. The bride, the goddess, the hero and the warrior : Chariot-scenes on Attic black-figure vases // Archaeology towards the third millennium : Reflections and perspectives : Proceedings of the XVth International Congress of Classical Archaeology / Ed. by Docter R. F., Moormann E. M. Amsterdam, 1999. (Allard Pierson series ; vol. 12). P. 206–208.
Kurke L. Ancient Greek board games and how to play them // Classical Philology. Vol. 94, 1999. P. 247–267.
Lehnstaedt K. Prozessionsdarstellungen auf attischen Vasen. [München], 1970.
Lissarrague F. La cité des satyres : Une anthropologie ludique : Athènes VIe-Ve siècles avant J.-C.). Paris, 2013. (Histoire et ses représentations ; vol. 8).
Lynch K. The symposium in context : Pottery from a Late Archaic house near the Athenian Agora. Princeton (NJ), 2011. (Hesperia. Supplement ; [vol.] 46).
Nilsson M. P. Dionysos im Schiff // Archiv für Religionswissenschaft. Bd. 11, 1908. S. 399–402.
Paleothodoros D. Dionysos in late archaic Athens // ELECTRA : A publication of the Centre for the study of myth and religion in Greek and Roman antiquity, Department of philology, University of Patras, Greece. 2012, no 2. P. 51–67.
Put W. D. J. van de. Dionysos on lekythoi : A surprising presence? // Shapes and images : Studies on Attic black-figure and related topics in honour of H. A. G. Brijder / Ed. by Moormann E. M., Stissi V. V. Leuven, 2009. (BABESCH. Supplement ; vol. 14). P. 37–44.
Rutherford I. Apollo and music // A companion to ancient Greek and Roman music / Ed. by Lynch T., Rocconi E. Hoboken, 2020 (Blackwell companions to the ancient world). P. 25–36.
Sarti S. Gli strumenti musicali di Apollo // Annali : Dipartimento di studi del mondo classico e del Mediterraneo antico : Archeologia e storia antica / Istituto universitario orientale. Vol. 14, 1992. P. 95–104.
Sarti S. Musical heroes // A companion to ancient Greek and Roman music / Ed. by Lynch T., Rocconi E. Hoboken, 2020 (Blackwell companions to the ancient world). P. 61–74.
Schöne A. Der Thiasos : Eine ikonographische über das Gefolge des Dionysos in der attischen Vasenmalerei des 6. und 5. Jhs. v. Chr. Göteborg, 1987. (Studies in Mediterranean archaeology and literature ; pocket-book 55).
Servadei C. La figura di Theseus nella ceramica attica : Iconografia e iconologia del mito nell'Atene arcaica e classica. Bologna, 2005. (Università di Bologna, Dipartimento di archeologia ; Studi e scavi : Nuova serie ; vol. 9).
Shapiro H. A. Art and cult under the tyrants in Athens. Mainz am Rhein, 1989.
Shapiro H. A. Personifications in Greek art : The representation of abstract concepts, 600–400 BC. Zürich, 1993. (Akanthus crescens ; [vol,] 1).
Simon E. Festivals of Attica: An archaeological commentary. Madison (WI), 1983.
Smith T. J. Religion in the art of Archaic and Classical Greece. Philadelphia (PA), 2021.

Stansbury-O'Donnell M. Vase painting, gender, and social identity in Archaic Athens. New York (NY), 2006.

Thomsen A. Die Wirkung der Götter : Bilder mit Flügelfiguren auf griechischen Vasen des 6. und 5. Jahrhunderts V. Chr. Berlin, Boston (MA), 2011. (Image & context ; vol. 9).

Tuukkanen T. A goddess mounting a chariot on black-figured lekythoi // Ceramics in context: Proceedings of the Internordic colloquium on ancient pottery / Ed. by Scheffer Ch. Stockholm, 2001. (Acta Universitatis Stockholmiensis: Stockholm studies in classical archaeology; vol. 12). P. 139–143.

Winkler-Horaček L. Monster in der frühgriechischen Kunst: Die Überwindung des Unfassbaren. Berlin, Boston (MA), 2015. (Image & context; vol. 4).

REFERENCES

Аполлодор Афинский. Мифологическая библиотека / Изд. подгот. Борухович В. Г.; АН СССР. Л., 1972.

Аристотель. Афинская полития / Пер., прим. Радцига С. И.; 2-е изд. М., 1937.

Аристофан. Избранные комедии / Пер., коммент. Пиотровского А.; предисл., коммент. Ярхо В. М., 1974. (Библиотека античной литературы: Греция).

Афиней. Пир мудрецов: В 15 кн. / Подгот. Голинкевич Н. Т. и др.; РАН. Кн. 1-8. М., 2004. (Литературные памятники).

Букина А. Г. Мифологические изображения на чернофигурной керамике из Тиритаки // XXI Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период Античности и Средневековья. Объекты искусства в археологическом контексте: Тезисы конференции. Симферополь; Керчь, 2020. С. 52–58.

Букина А. Г. Фрагменты аттических чашевидных кратеров из Тиритаки // Материалы конференции «XXII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период Античности и Средневековья: Новые открытия, новые проекты». Керчь, 2021. С. 51–54.

Гомер. Илиада / Пер. Вересаева В. М.-Л., 1949.

Гомер. Одиссея / Пер. Вересаева В., примеч. Поляковой С., словарь мифол. имен и геогр. названий Феленковской И. М., 1953.

Горбунова К. С. Чернофигурные аттические вазы в Эрмитаже: Каталог. Л., 1983.

Еврипид. Трагедии : В 2 т. / Пер. Анненского И., изд. подгот. Гаспаров М. Л., Ярхо В. Н.; РАН М., 1999. (Литературные памятники)

Латышев В. В. Очерк греческих древностей: Пособие для гимназистов старших классов и для начинающих филологов / 2-е изд., перераб. Ч. 2: Богослужебные и сценические древности. СПб., 1889.

Петракова А. Е., Букина А. Г. Аттическая чернофигурная и чернолаковая керамика Тиритаки. СПб.–Керчь, 2021.

Плутарх. Застольные беседы / Подгот. Боровский Я. М. и др.; примеч. Ковалева И. М. и др.; АН СССР. Л., 1990. (Литературные памятники).

Публий Овидий Назон. Метаморфозы / Пер. Шервинского С. В., прим. Петровского Ф. А. М., 1977.

Филострат (старший и младший). Картины. Каллистрат. Статуи / Прим., пер. и введ. Кондратьева С. П. М.-Л., 1936.

Эсхил. Орестея : Агамемнон. Плакальщицы. Эвмениды; Прикованный Прометей : Трагедии /

Пер. Иванова В., Пиотровского А.; примеч. Ярхо В. Н. Калининград, 2001. (Библиотека ликея).

Φριτζίλας Σ. Χθόνια Γοργόνα: Ο μύθος στην ελληνική κεραμική. Τρίπολη, 2010.

Becker W. A. Charikles: Bilder Altgriechischer Sitte, zur genaueren Kenntniss des griechischen Privatlebens / Neu bearb. von Goell H. Bd. 3. Berlin, 1878.

Brijder H. A. G. Siana Cups [Part] I and Komast Cups. Amsterdam, 1983. (Allard Pierson series; vol. 4).

Brijder H. A. G. Siana Cups [Part] III : The Red-black Painter, Griffin-bird Painter and and Siana Cups resembling Lip-Cups. Amsterdam, 2000. (Allard Pierson series; vol. 8).

Carpenter T. H. Dionysian imagery in Archaic Greek art : Its development in black-figure vase painting. Oxford (UK), 1986. (Oxford monographs on classical archaeology).

Eichberger C., Sigl M., Rühfel H. Trees and shrubs on classical Greek vases // Proceedings of the XI OPTIMA meeting. Palermo, 2007. (Bocconea : Supplementary volumes of Flora Mediterranea, International Foundation pro Herbario Mediterraneo; OPTIMA [Organization for the phyto-taxonomic investigation of the Mediterranean area]; vol. 21). P. 117–130.

Frickenhaus A. Der Schiffskarren des Dionysos in Athen // Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts. 1912, Bd. 27. S. 61-79

Hatzivassiliou E. Athenian black-figure iconography between 510 and 475 BC. Rahden/Westf., 2010. (Tübinger archäologische Forschungen ; Bd. 6).

Hedreen G. Silens in Attic black-figure vase-painting : Myth and performance. Ann Arbor (MI), 1992.

Heesen P. Athenian Little-Master cups. Amsterdam, 2011.

Heinemann A. Der Gott des Gelages : Dionysos, Satyrn und Mänaden auf attischem Trinkgeschirr des 5. Jahrhunderts v. Chr. Berlin, 2016. (Image & context ; vol. 15).

Hofstetter E. Sirenen im archaischen und klassischen Griechenland. Würzburg, 1990. (Beiträge zur Archäologie ; Bd. 19).

Isler-Kerényi C. Nike : Der Typus der laufenden Flügelfrau in Archaischer Zeit. Erlenbach–Zürich, 1969.

Jurriaans-Helle G. The bride, the goddess, the hero and the warrior : Chariot-scenes on Attic black-figure vases // Archaeology towards the third millennium : Reflections and perspectives : Proceedings of the XVth International Congress of Classical Archaeology / Ed. by Docter R. F., Moormann E. M. Amsterdam, 1999. (Allard Pierson series ; vol. 12). P. 206–208.

Kurke L. Ancient Greek board games and how to play them // Classical Philology. Vol. 94, 1999. P. 247–267.

Lehnstaedt K. Prozessionsdarstellungen auf attischen Vasen. [München], 1970.

Lissarrague F. La cité des satyres : Une anthropologie ludique : Athènes VIe-Ve siècles avant J.-C.). Paris, 2013. (Histoire et ses représentations ; vol. 8).

Lynch K. The symposium in context : Pottery from a Late Archaic house near the Athenian Agora. Princeton (NJ), 2011. (Hesperia. Supplement ; [vol.] 46).

Nilsson M. P. Dionysos im Schiff // Archiv für Religionswissenschaft. Bd. 11, 1908. S. 399–402.

Paleothodoros D. Dionysos in late archaic Athens // ELECTRA : A publication of the Centre for the study of myth and religion in Greek and Roman antiquity, Department of philology, University of Patras, Greece. 2012, no 2. P. 51–67.

Put W. D. J. van de. Dionysos on lekythoi : A surprising presence? // Shapes and images : Studies on Attic black-figure and related topics in honour of H. A. G. Brijder / Ed. by Moormann E. M.,

Stissi V. V. Leuven, 2009. (BABESCH. Supplement ; vol. 14). P. 37–44.

Rutherford I. Apollo and music // A companion to ancient Greek and Roman music / Ed. by Lynch T., Rocconi E. Hoboken, 2020 (Blackwell companions to the ancient world). P. 25–36.

Sarti S. Gli strumenti musicali di Apollo // Annali : Dipartimento di studi del mondo classico e del Mediterraneo antico : Archeologia e storia antica / Istituto universitario orientale. Vol. 14, 1992. P. 95–104.

Sarti S. Musical heroes // A companion to ancient Greek and Roman music / Ed. by Lynch T., Rocconi E. Hoboken, 2020 (Blackwell companions to the ancient world). P. 61–74.

Schöne A. Der Thiasos : Eine ikonographische über das Gefolge des Dionysos in der attischen Vasenmalerei des 6. und 5. Jhs. v. Chr. Göteborg, 1987. (Studies in Mediterranean archaeology and literature ; pocket-book 55).

Servadei C. La figura di Theseus nella ceramica attica : Iconografia e iconologia del mito nell'Atene arcaica e classica. Bologna, 2005. (Università di Bologna, Dipartimento di archeologia ; Studi e scavi : Nuova serie ; vol. 9).

Shapiro H. A. Art and cult under the tyrants in Athens. Mainz am Rhein, 1989.

Shapiro H. A. Personifications in Greek art : The representation of abstract concepts, 600–400 BC. Zürich, 1993. (Akanthus crescens ; [vol,] 1).

Simon E. Festivals of Attica: An archaeological commentary. Madison (WI), 1983.

Smith T. J. Religion in the art of Archaic and Classical Greece. Philadelphia (PA), 2021.

Stansbury-O'Donnell M. Vase painting, gender, and social identity in Archaic Athens. New York (NY), 2006.

Thomsen A. Die Wirkung der Götter : Bilder mit Flügelfiguren auf griechischen Vasen des 6. und 5. Jahrhunderts V. Chr. Berlin, Boston (MA), 2011. (Image & context ; vol. 9).

Tuukkanen T. A goddess mounting a chariot on black-figured lekythoi // Ceramics in context : Proceedings of the Internordic colloquium on ancient pottery / Ed. by Scheffer Ch. Stockholm, 2001. (Acta Universitatis Stockholmiensis : Stockholm studies in classical archaeology ; vol. 12). P. 139–143.

Winkler-Horaček L. Monster in der frühgriechischen Kunst : Die Überwindung des Unfassbaren. Berlin, Boston (MA), 2015. (Image & context ; vol. 4).

Резюме

Большая часть мифологических сюжетов росписей на чернофигурных фрагментах из Тиритаки связана с фиасом Диониса. Также встречаются отдельные фигуры других богов (Аполлона, Афины, Ники). Героическая мифология представлена подвигами Геракла (с Немейским львом, с амазонками, Критским быком). Имеются изображения Горгонейона и, возможно, Персея с Горгоной; Пелея и Фетиды, сфинксов (фигуры, обрамляющие сюжетные фризы); сирен (в том числе, очевидно, музицирующих); возможно, гиппалектриона.

Ключевые слова: аттическая чернофигурная вазопись, мифология Древней Греции, античная мифологическая иконография, Тиритака, Боспор Киммерийский, Северное Причерноморье.

Summary

Mythological subjects on the black-figure fragments from Tyritaka are mostly related to the thiasus of Dionysus. There are also figures of other gods (Apollo, Athena, Nike). Among subjects with heroes there are Labours of Heracles (battles with Nemean lion, Amazons and Cretan bull) as

well as fighting of Peleus and Thetis. There are also Gorgoneions (and, possibly, Perseus with the Gorgon); sphinxes (figures framing the figure friezes); sirens (obviously, playing music); possibly hippalectryon.

Key world: Athenian black figure vase painting, Greek mythology, Classical mythological iconography, Tyritake, Cimmerian Bosporus, North Black Sea.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ
Букина Анастасия Геннадьевна,
доктор искусствоведения,
научный сотрудник,
Государственный Эрмитаж,
Отдел античного мира, Россия,
190000, Санкт-Петербург,
Дворцовая набережная, 34.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR
Anastasia Bukina, Professor Dr.,
The State Hermitage Museum,
Greek and Roman Department,
34, Dvortsovaya emb., Saint Petersburg,
190000, Russia.

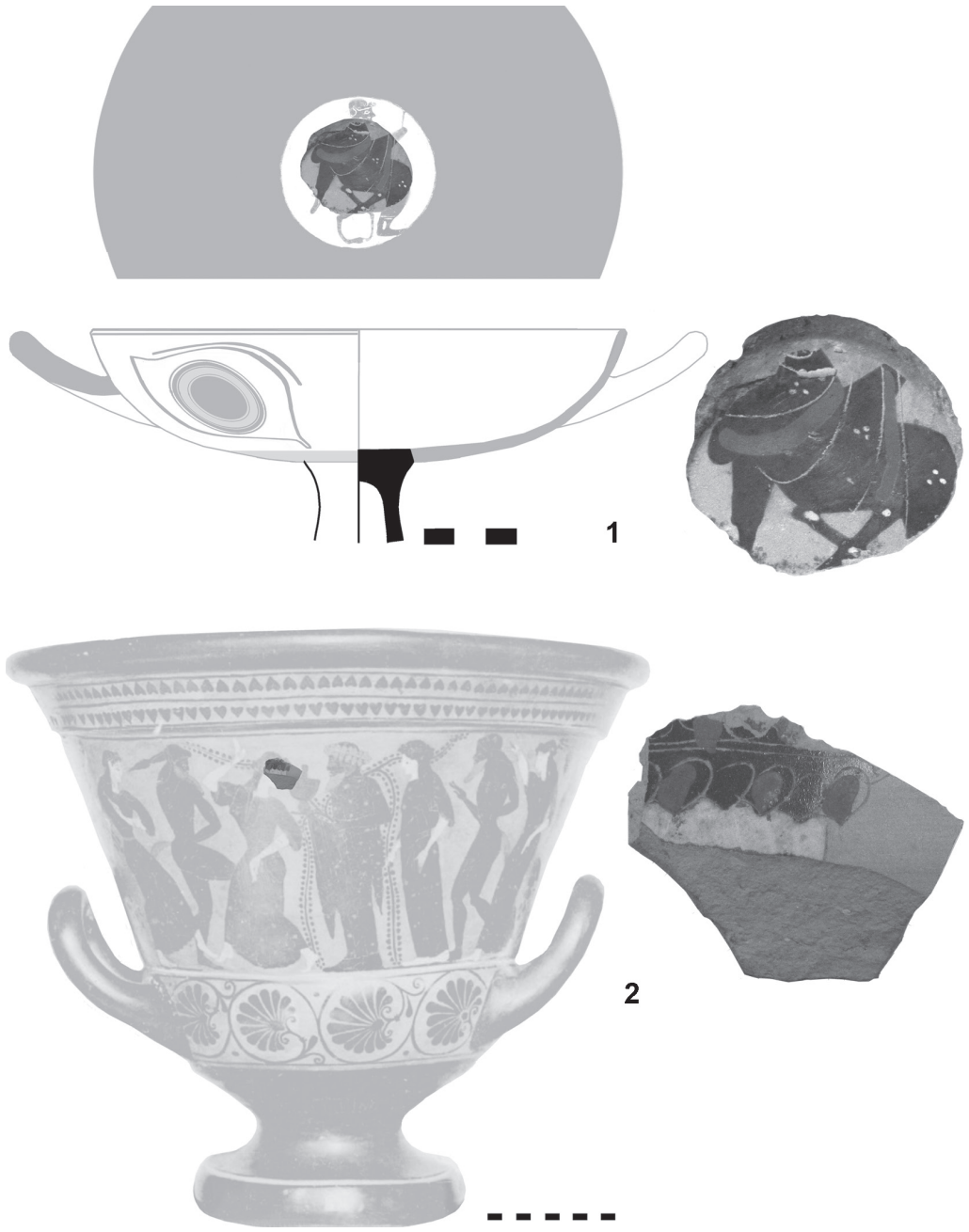

Рис.1,1-2. Изображения Диониса и его спутников.

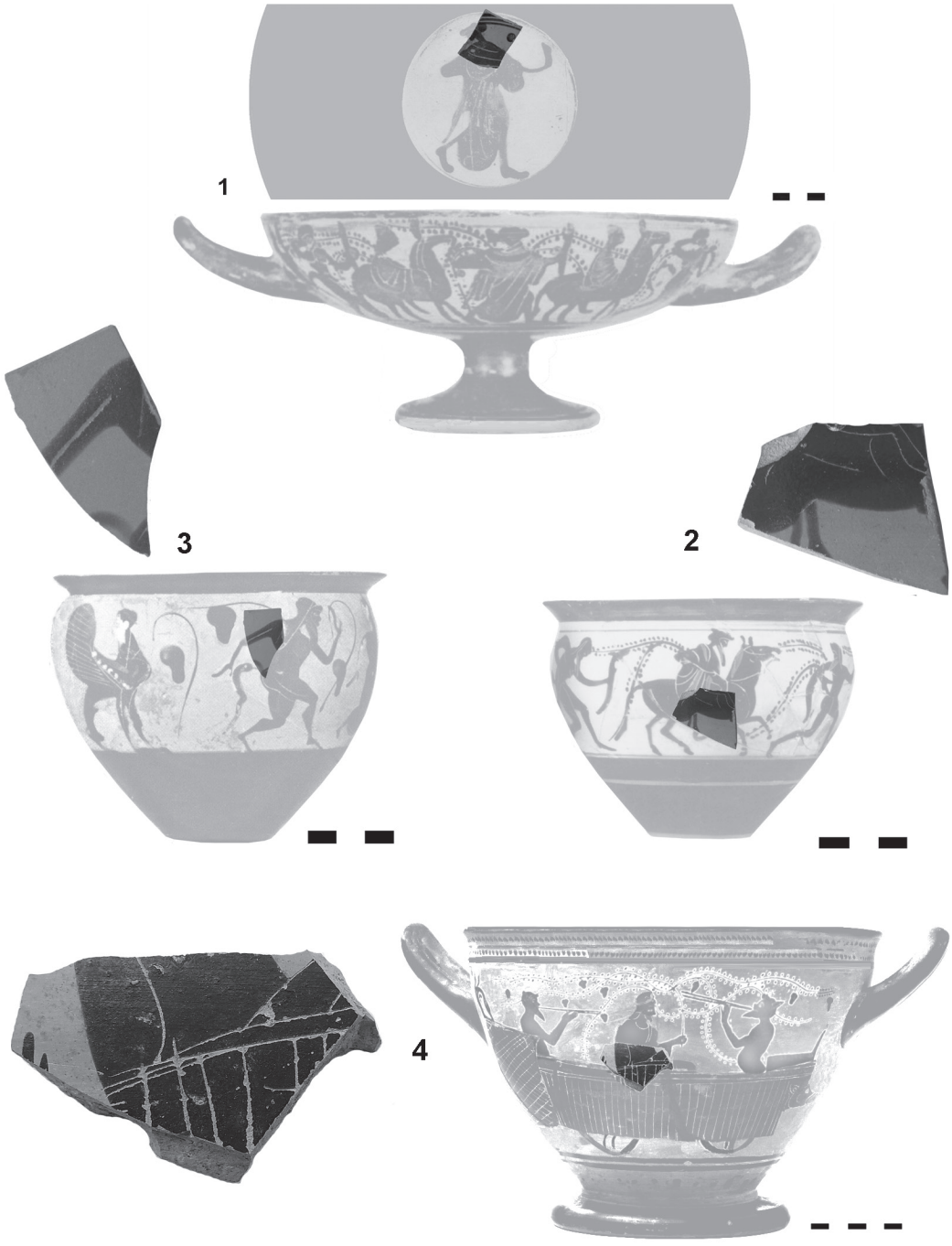

Рис.2,1-4. Изображения Диониса и его спутников.

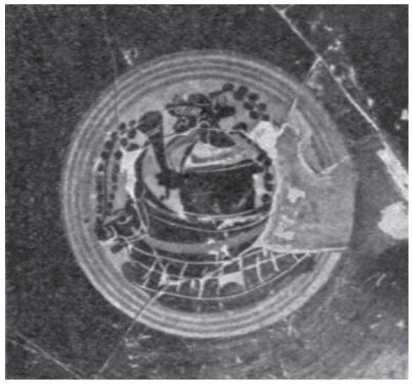
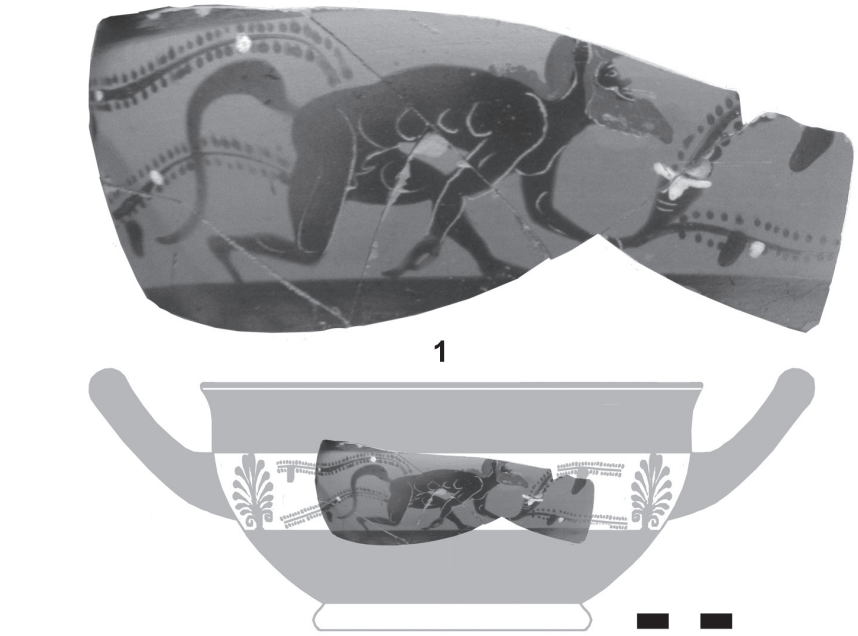

Рис. 3,1 – Munich, Antikensammlungen, KM3179; **3,2** – Berlin, Antikensammlung, Schloss Charlottenburg, 2961.

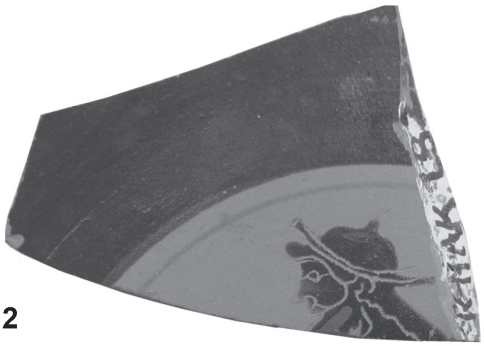

Рис. 4,1-3. Изображения Диониса и его спутников.

1

2

Рис. 5,1 – Изображения Диониса и его спутников; **5,2** – бегущий (?) Гермес.

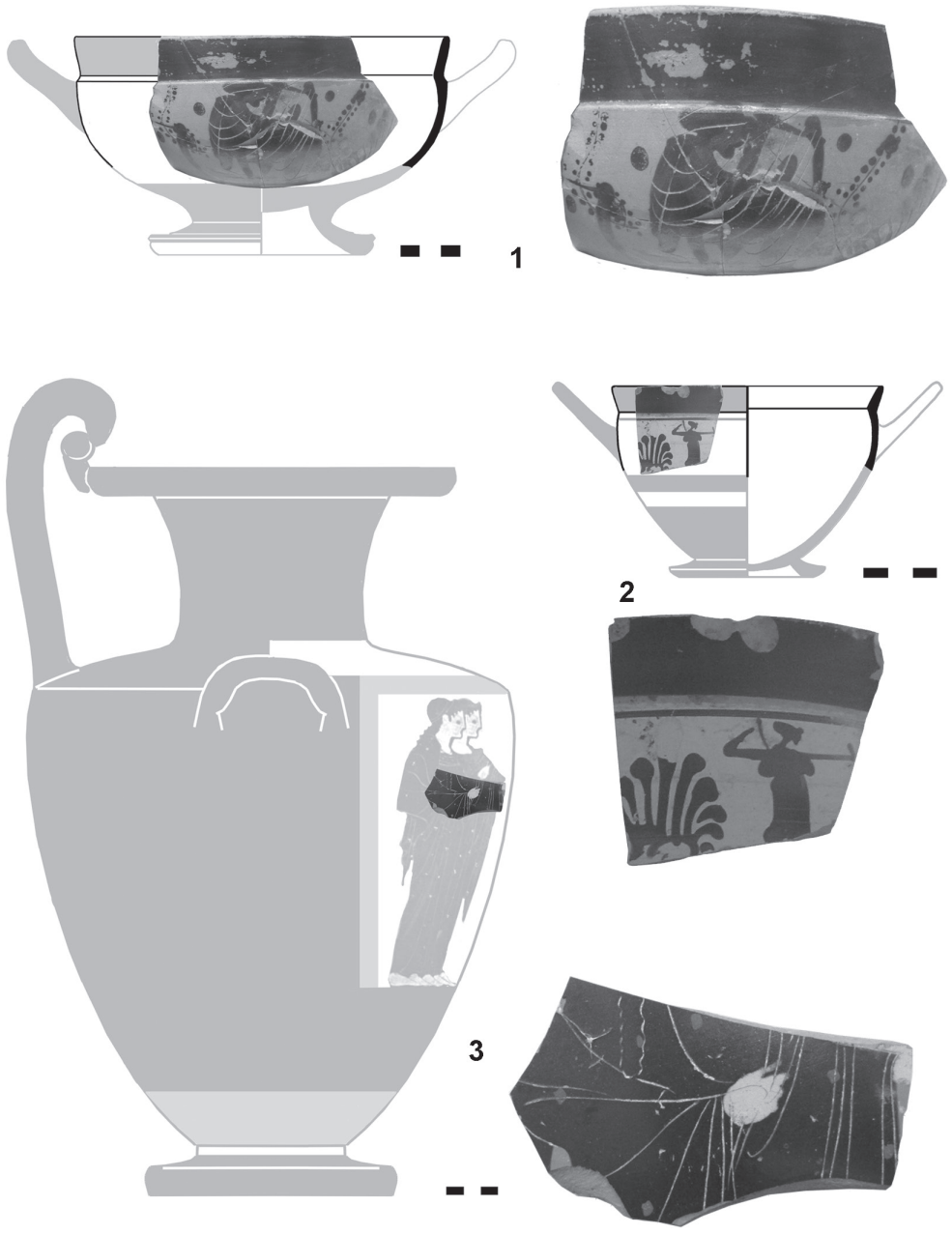

Рис. 6,1 – Аполлон (или Орфей), играющий на лире; **6,2** – Афина (или Артемида), бросающая копье; **6.3** – Муза (?).

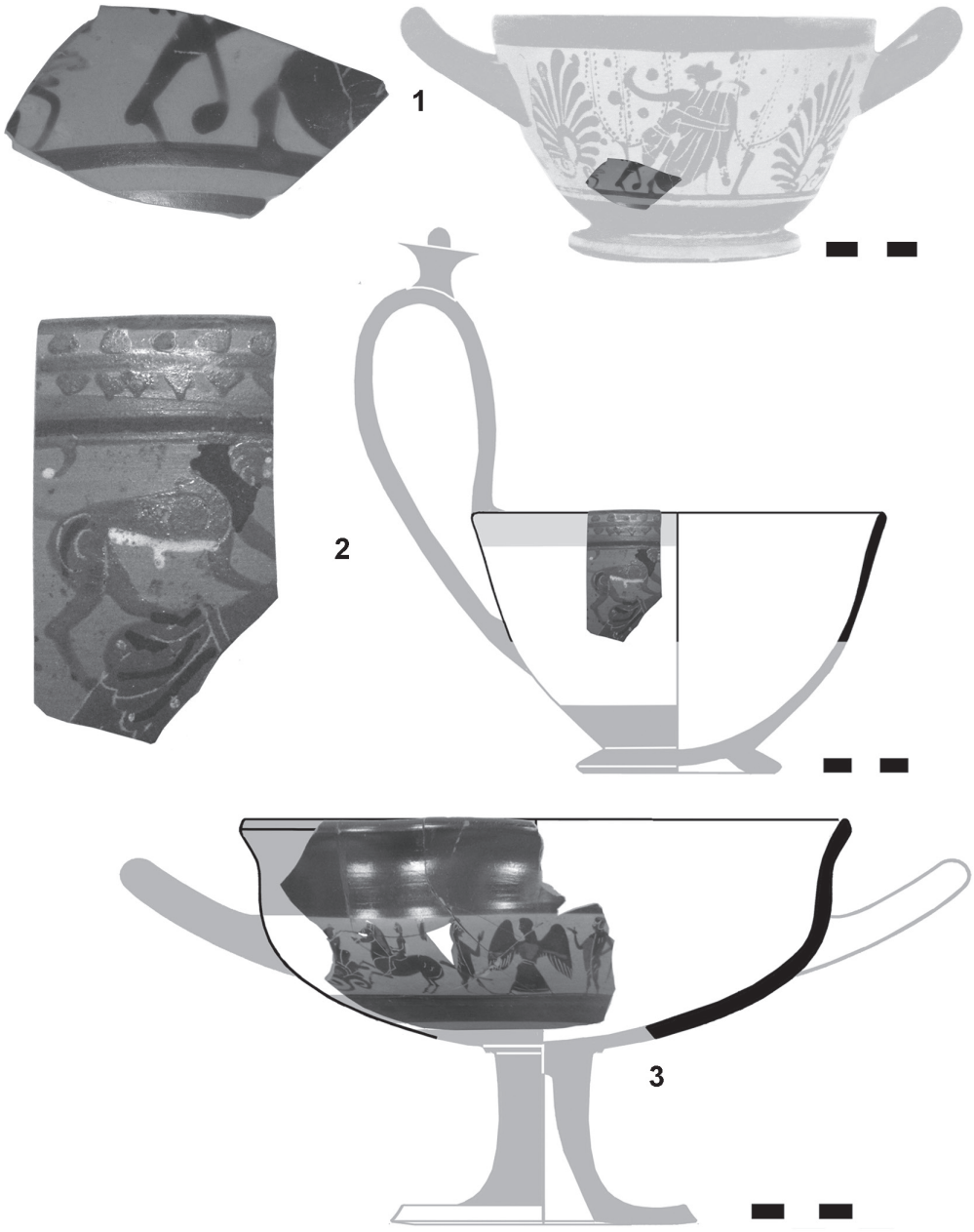

Рис. 7,1-2 – борьба Пелея и Фетиды; **7,3** – Ника среди атлетов.

Рис. 8,1 – Битва Геракла с амазонками; **8,2** – Борьба Геракла с Немейским львом.

Рис. 9,1 – Битва Геракла с Критским быком.

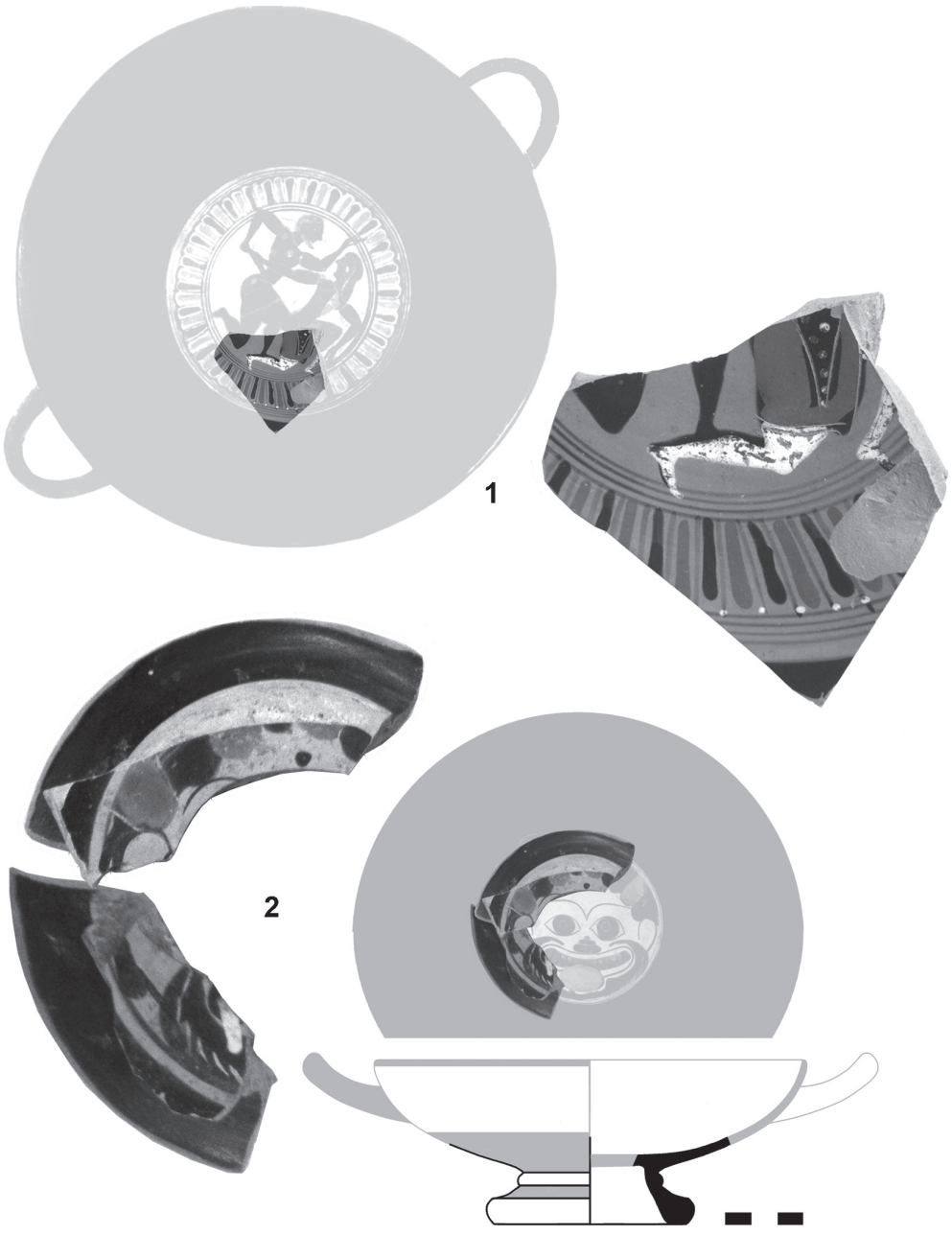

Рис. 10,1 – Персей и Медуза (или сатир и менада); **10,2** – Горгонейон.

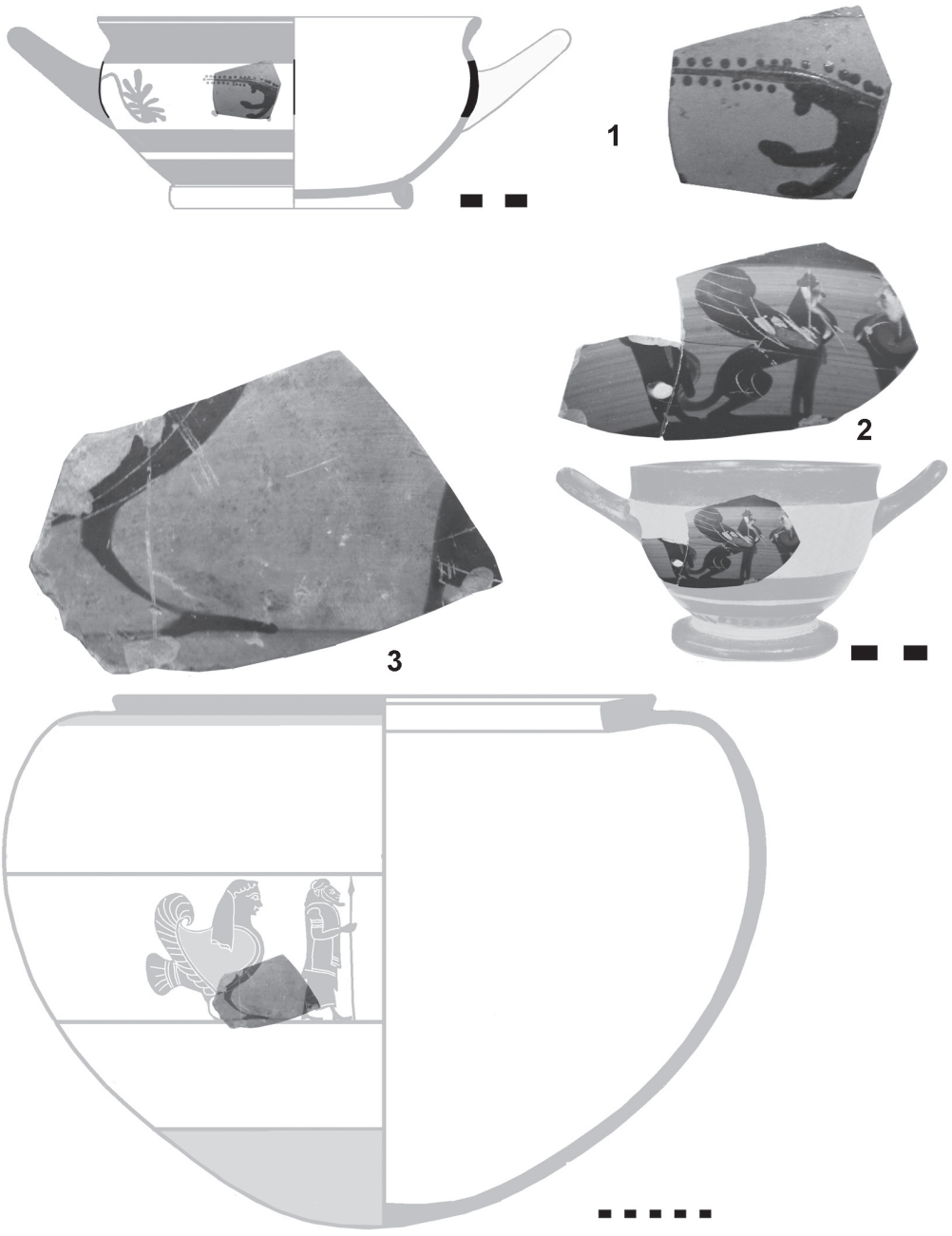

Рис. 11,1 – пантера; **11,2** – сфинкс в окружении фигур в плащах; **11,3** – сирена и мужчина в плаще.

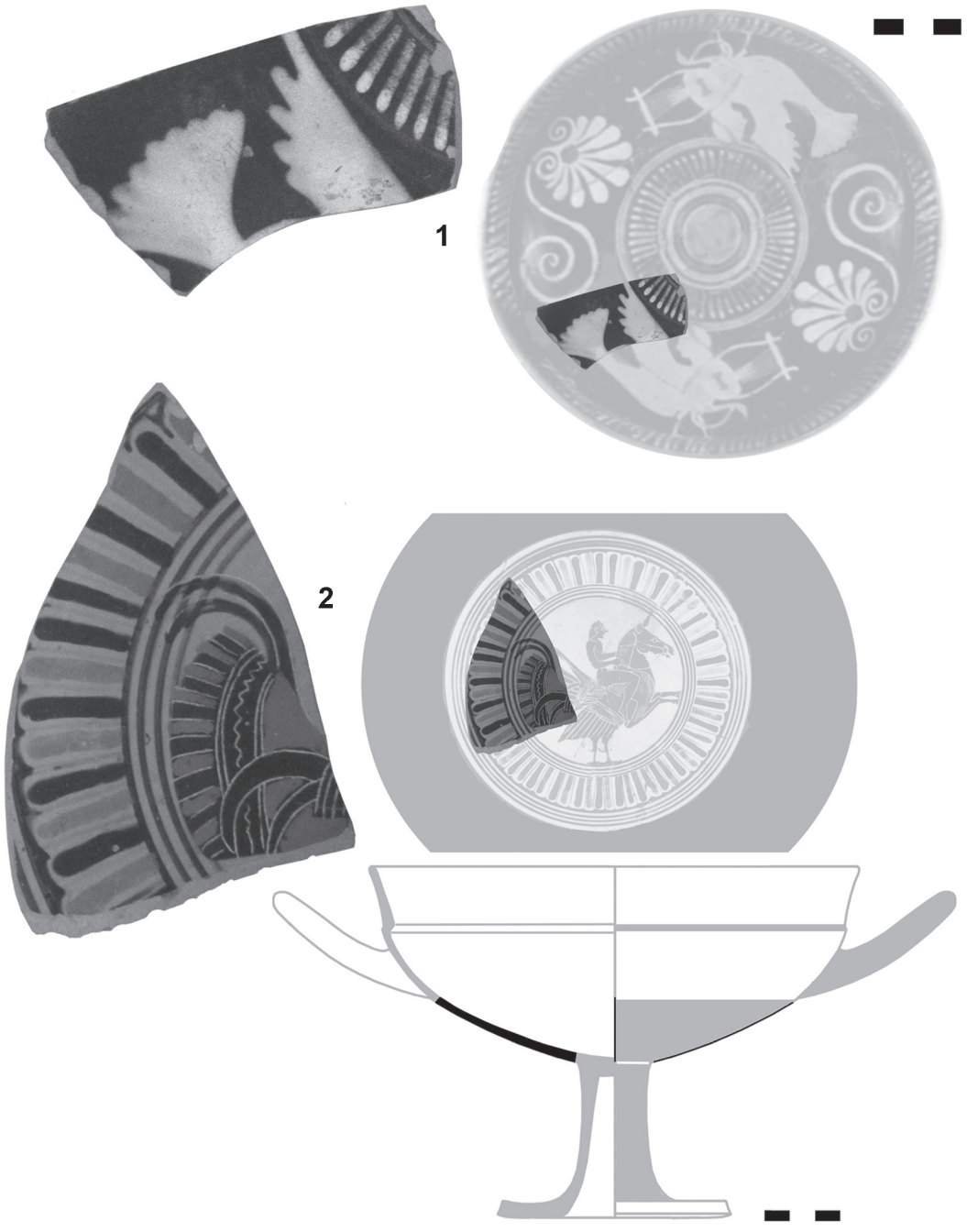

Рис. 12,1 – сирены; **12,2** – гиппалектрион.

Г.П. ГАРБУЗОВ
G.P. GARBUZOV

ПОСЕЛЕНЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ТАМАНСКОГО ПОЛУОСТРОВА*
SETTLEMENT POTENTIAL OF THE TAMAN PENINSULA

В отличие от численности населения Таманского полуострова (ТП), которая для эпохи Античности имеет ряд оценок [Паромов, 1989; Евдокимов, 2011; Ермолин, 2015], вопрос оценки фактически той же самой демографической характеристики, но выраженной другим способом, через число поселенческих центров и их распределение по размерам, практически не затрагивался. Ниже в самых общих чертах будет кратко рассмотрена проблема поселенческого потенциала ТП, без углубленного обсуждения вполне самостоятельной темы вида и свойств возможного распределения поселений по размерам (распределения ранг-размер)[1].

Результаты археологических разведок говорят о том, что на ТП существовало множество поселений разного ранга и разных эпох, от эпохи бронзы до позднего Средневековья и Нового времени. На Археологической карте Таманского полуострова (АКТП), которую подготовил Я.М. Паромов, отмечено 237 поселений [Паромов, 1992][2]. В дальнейшем Я.М. Паромов, если судить по наибольшему номеру, встречающемуся в статье 2006 г. [Паромов, 2006], расширил свой список до 263 поселений. В списке археологических памятников Темрюкского района 2015 г., составленном ОАО «Наследие Кубани» для проекта СТП Темрюкского района (далее СТП 2015 г.)[3],

*Публикация подготовлена в рамках реализации ГЗ ЮНЦ РАН 00-21-15, № гр.АААА-А20-120122990111-9.

[1]Под поселенческим потенциалом будем иметь в виду достижимое при определенных условиях число поселений в пределах рассматриваемой территории.

[2]Название этого источника вводит в заблуждение, так как АКТП представляет собой Археологическую карту Темрюкского района, а не Таманского полуострова. С точки зрения географии и геоморфологии предпочтительнее выглядят археологические карты С.Ф.Войцеховского и А.А. Миллера, которые включают в состав учитываемых памятников ТП объекты, расположенные в западной части Анапского региона. В любом случае, даже взяв самый урезанный вариант географического определения ТП, в него следовало бы включить Благовещенский останец из Анапского района, который заслуживает этого никак не меньше, чем приписанная к Темрюкскому району и потому учтенная в АКТП Темрюкско-Курчанская гряда (ТКГ). Тем не менее, несмотря на указанную географическую неточность, мы будем следовать сложившейся традиции и, если это не оговорено особо, придерживаться того пространственного определения ТП, которое подразумевается в АКТП.

[3]Раздел «Охрана культурного наследия» в составе проекта «Схема территориального планирования муниципального образования Темрюкский район Краснодарского края» (корректировка по учетным документам Управления государственной охраны объектов культурного наследия Краснодарского края

можно выделить более 340 поселений, относящихся к категории сельских[4]. На конец 2020 г. в перечне объектов культурного наследия, расположенных на территории Темрюкского района, находилось более 370 таких поселений[5].

Нет сомнений, что и этот список не полон с точки зрения уже выявленных поселенческих памятников. Это касается не только тех из них, что открыты в самое недавнее время и еще не учтены, но и тех, со времени выявления которых прошло много лет. Наиболее показательным примером служат разведки Ю.В. Горлова, проведенные на ТП в 1998–2000 гг. в рамках Таманского регионального археологического проекта (ТРАП). Хотя эти разведки в основном носили инвентаризационный характер[6], они не ограничивались только посещением памятников, перечисленных в АКТП. Сопоставление указанных в полевых отчетах Ю.В. Горлова спутниковых координат поселений[7] с локализацией памятников из АКТП обнаруживает значительное число поселений, не описанных в данном источнике[8]. Достоверность их выделения подтверждается тем, что многие из таких памятников были независимо открыты и интерпретированы как поселения другими группами исследователей[9]. Следует указать еще на одно обстоятельство. Анализ данных GPS показывает, что при инспектировании поселений из АКТП границы памятников в ряде случаев определялись на местности с отклонением от оригинальных в сотни метров[10]. Так как в

с учетом дополнительно выявленных объектов археологического наследия), ОАО «Наследие Кубани», Краснодар, 2015 г.

[4]Таблица с перечнем поселений не до конца выверена, вопросы есть и к сопровождающей перечень карте, так что точное, до единиц, число поселений подсчитать сложно.

[5]Хотелось бы выразить признательность за помощь с информацией И.В. Толочко (ЮНЦ РАН). Тот перечень, который удалось изучить, носит рабочий характер, поэтому указанная цифра заведомо приблизительна.

[6]См. замечание по этому поводу в отзыве Я.М. Паромова на полевой отчет Ю.В. Горлова [Горлов и др., 2000, с. 127].

[7]По итогам разведок была составлена база данных в формате Microsoft Access, которую Ю.В. Горлов в свое время любезно предоставил автору. Она в сжатом виде повторяет информацию, содержащуюся в полевых отчетах, в том числе спутниковые координаты.

[8]Впервые открытые объекты (не все они поселения) обычно имели в отчетах наименования ТРАП-[год]-[номер], хотя в 1998 г. эта система иногда нарушалась, например, под сквозным порядковым номером №43 подробно описано ранее неизвестное раннеантичное поселение с именем «Белый Обрыв-1», не имеющее дополнительного шифра [Горлов и др., 1999, с. 54–56, рис. 157–163].

[9]К примеру, поселение ТРАП-98-29 [Горлов и др., 1999, с. 81–82, рис. 308–310] соответствует юго-восточной части поселения Таманский-12 [Рогов, 1999, с. 10, 33]. В отчете Ю.В. Горлова отмечен сбор на памятнике 29 профильных частей керамики с общей датировкой конец VI – III вв. до н.э., что не противоречит датировке поселения Таманский-12 в отчете Е.Я. Рогова – от VI в. до н.э. до римского времени. Еще одну подобную пару образуют поселения ТРАП-99-47 [Горлов и др., 2000, с. 101–102, табл. 255.3] и Старотитаровская-22 [Рогов, 2000, с. 8–9, рис. 19–21]. Поселения пространственно точно соответствуют друг другу, датировки памятников, данные исследователями на основании подъемного материала (11 профильных фрагментов керамики в отчете Ю.В. Горлова и 21 профильный фрагмент в отчете Е.Я. Рогова) вполне сопоставимы: V–III вв. до н.э. и XVII–XVIII вв. н.э. у Ю.В. Горлова; 2-я половина V–IV вв. до н.э., римское время и XVI–XVIII вв. н.э. у Е.Я. Рогова.

[10]Указанные неточности не связаны с неверным измерением координат. Сравнение имеющихся

таких локациях собирался подъемный материал, то можно предполагать наличие невдалеке от границ памятников АКТП неучтенных объектов. Возможность близкого расположения памятников доказывается нашими сплошными разведками в округе Фанагории, демонстрирующими очень высокую плотность размещения поселенческих структур, высокая плотность поселений фиксируется и в других частях ТП, например, у м. Тузла (см. ниже). В целом после анализа всех данных и сверки координат можно насчитать в отчетах Ю.В. Горлова не менее 42 поселенческих памятников, не отмеченных в АКТП[11]. Сравнение с приложенной к перечню СТП 2015 г. картой показывает, что, даже учитывая все последующие открытия и работы, более 30 поселений из разведок Ю.В. Горлова все еще не отражены в официальных списках[12].

Свои осложнения наблюдаются в отношениях этих списков с разведками Е.Я. Рогова 1997–2000 гг., охватывавшими южную часть ТП. В этом случае помимо пропуска выявленных в ходе разведок поселений Старотитаровская-21 и Старотитаровская-22 [Рогов, 2000, с. 8–9, рис. 15–21, 26–27, 40, 41] прослеживается путаница с именами памятников. Так, поселение с названием Старотитаровская-21 присутствует в новейшем перечне 2020 г., но по пространственному положению оно не совпадает с поселением из разведок Е.Я. Рогова. Более того, в отчетно-проектной документации, сопровождающей стройки последних лет, обнаруживается еще один выявленный объект («местонахождение») с именем Старотитаровская-21, расположение которого отличается от двух других одноименных памятников. Подобный казус с названиями поселений из разведок Е.Я. Рогова не единичен: описанное в отчете 2000 г. поселение Старотитаровская-20 [Рогов, 2000, с. 8, рис. 11, 12, 29, 30] учтено в официальных перечнях как безымянное поселение (№670 СТП 2015 г.), имя же Старотитаровская-20 присвоено другому поселению, открытому в 2014 г. (№1081 СТП 2015 г.)[13].

в отчетах координат контрольных отметок (их роль выполняют, например, крупные курганы) со снимками ГуглЗемля показывает вполне приемлемое расхождение в пределах 10–30 м. Ошибки в идентификации памятников АКТП следует объяснять огрехами ориентации разведчиков на местности, в чем, собственно, нет ничего особенно зазорного, учитывая однообразный ландшафт Тамани и не очень внятные с точки зрения ориентирования планы памятников в АКТП.

[11]Разведки Ю.В. Горлова вспоминают подчас с некоторым пренебрежением. В частности, по мнению Я.М. Паромова, проведенные разведки «практически ничего не добавили к археологии Таманского полуострова» [Паромов, 2020, с. 243]. С этим трудно согласиться, даже если вдруг принять тезис, что несколько десятков выявленных памятников это «практически ничего». Не отрицая проблем с формулированием целей проекта ТРАП в части археологических разведок и публикацией их результатов, хотелось бы обратить внимание на связанные с проектом инновации методического и технического плана (наверное, говорить об этом вполне допустимо, ведь о своем новаторстве в области методики разведок Я.М. Паромов не устает напоминать много лет). GPS-приемники, спутниковые координаты, космические снимки, электронные карты и базы данных, ГИС-системы – все это было впервые применено в полевой практике, и все это, на наш взгляд, уже само по себе представляет заметный вклад проекта ТРАП в археологию ТП.

[12]В них, например, до сих пор нет памятника, соответствующего упомянутой выше паре поселений ТРАП-99-47/Старотитаровская-22 (это верно, по крайней мере для СТП 2015 г.).

[13]Аналогичная участь постигла нередко упоминаемое в научной литературе поселение Соленый-3

Очевидно, что для определения количества уже выявленных поселений недостаточно просто полагаться на официальные списки. В этой связи мы собрали воедино, критически сопоставив, известные сведения о расположении поселенческих памятников на территории ТП и скомпоновали собственную базу данных, которая, конечно же, также не является исчерпывающе полной. В нее вошли все поселения, о локализации которых у автора есть достоверная информация (дублируемые поселения рассматривались как один памятник). Основной вклад в формирование базы внесли АКТП, разведки Ю.В. Горлова, Е.Я. Рогова, Восточно-Боспорской и Фанагорийской археологических экспедиций ИА РАН. По возможности также учтены разведки, проведенные различными экспедиционными отрядами в связи со строительными проектами на ТП[14]. Карта и список СТП 2015 г. в процессе работы были использованы как контрольный источник. Итоговая сверка показала, что на ТП в пределах Темрюкского района на конец 2020 г. выявлено 410–415 уникальных по местоположению поселений. Эти цифры не претендуют и не могут претендовать на абсолютную точность, можно лишь уверенно сказать, что они скорее занижены, чем завышены.

Попробуем рассмотреть значение этих цифр. Количество выявленных поселений с момента публикации АКТП Я.М. Паромова в 1992 г. увеличилось на 75% (рис. 1–2)[15]. Площадь ТП без основных водоемов и поймы Кубани в границах, приведенных на рис. 1–2, составляет 997 кв. км, отсюда средняя плотность размещения выявленных сельских поселений для АКТП будет около 0.24 пос./кв.км, в настоящий же момент – около 0.41 пос./кв.км[16]. Так как поставленной задачей является оценка поселенческого потенциала ТП, то интерес представляют вопросы, каким образом меняется плотность поселений при увеличении интенсивности разведок и можно ли распространить результаты локальных разведок на весь полуостров.

Для этого рассмотрим несколько примеров. Первый пример связан с картографированием распространения археологического материала, в первую очередь керамики, на поверхности пашни в округе Фанагории, проведенным автором в 2005–2014 гг. в составе Фанагорийской экспедиции ИА РАН методом сплошного обследования[17]. Было обследовано несколько больших участков, стыкующихся в три отдельных бло-

---

из АКТП, которое теперь официально числится безымянным поселением (№563 СТП 2015 г.), а его прежнее имя перешло к открытому все в том же 2014 г. поселению (№1080 СТП 2015 г.), расположенному к востоку от пос. Соленый, за автотрассой.

[14]Автор выражает признательность за информационную поддержку Н.И. Судареву (ИА РАН), без этой поддержки целый ряд памятников был бы автором упущен.

[15]Число поселений в нашей базе принято здесь равным 413, в АКТП – 236 (без Патрея). Вне границ ТП, указанных на рис. 1–2, на низинных участках расположены 2 поселения – Красный Октябрь-2 (АКТП/СТП 2015 г.) и 6 Голубицкое (СТП 2015 г.), они в последующих числовых выкладках не учитываются.

[16]Площадь ТП без ТКГ равна 898 кв. км. Плотность поселений на ТП без ТКГ составляет для АКТП 0.25 пос./кв.км (учтено 224 поселения), для нашей базы 0.43 пос./кв.км (учтено 388 поселений).

[17]Под сплошным обследованием подразумевается осмотр территории пешими наблюдателями с расстоянием между маршрутами 3–4 м и с фиксацией расположения археологического материала GPS-приемниками [Гарбузов, Завойкин, 2009].

ка общей площадью 9,8 кв. км. Участки расположены среди плодородных обрабатываемых земель в радиусе от 1,2 до 5 км от городища Фанагории и отображают все типичные для подобных угодий случаи ландшафтного залегания (плоское дно долины, склоны возвышенностей, водоразделы). На обследованную область приходится 18% всей территории, очерченной 5 км радиусом вокруг Фанагории, и около 26% почв в пределах этой территории с бонитировочным баллом, большим или равным 40[18].

Согласно схемам из АКТП в пределах обследованных участков полностью или частично располагаются 19 поселений. Построение карт плотности распространения керамики позволило определить множество областей с повышенной концентрацией археологического материала (сайтов), более 50 таких сайтов имеют площадь, превышающую четверть гектара[19]. Оставив без внимания те из них, которые соотносятся с памятниками АКТП[20], мы получим 24 самостоятельные области, из которых наиболее обособленные, крупные и насыщенные археологическим материалом (в нескольких случаях области объединялись) послужили впоследствии основой для выделения 15 новых поселений, не описанных в АКТП[21]. Статус неинтерпретированных сайтов остается неясен, но мало сомнений в том, что они как-то связаны с

---

[18]Всего таких почв в 5 км радиусе от Фанагории около 3800 га, их средневзвешенный почвенный балл равен 58, балл 60 и более имеют почвы на 67% указанной площади (оценка произведена по районной почвенной карте 1983 г. масштаба 1:50000, составленной институтом КубаньНИИгипрозем, г.Краснодар, почвенные баллы соответствуют шкале, разработанной тем же институтом). С учетом того, что самые плодородные черноземы Тамани имеют почвенный балл 63–65, округа Фанагории, хотя и не представляет собой однородный по плодородию массив, с точки зрения качества почв оценивается весьма высоко.

[19]О термине «сайт» в контексте наших обследований см. [Гарбузов, Завойкин, 2009, прим. 2; Гарбузов, 2010, с. 445–446]. В разведках, связанных с картографированием распространения археологического материала, именно сайты, т.е. области повышенной концентрации археологического материала, служат первичным результатом полевых работ. В дальнейшем, на основе анализа находок в пределах сайтов и дополнительных соображений или исследований, делается вывод о том, с какой категорией памятников связан тот или иной сайт.

[20]В отдельных случаях подобные сайты ставят под сомнение выделение памятников в том виде, в котором они описаны в АКТП, в частности, это относится к поселению Соленый-3 (здесь и далее под этим именем подразумевается поселение из АКТП). Площадь данного памятника в описании АКТП составляет 60 га, т.е. более половины 1 кв. км. Судя по концентрации археологического материала в нескольких обособленных областях, Соленый-3 разумнее рассматривать как группу поселений. Ее размеры, правда, все равно будут далеки от мало чем обоснованной величины, приведенной в АКТП. Общая площадь областей повышенной концентрации керамики, целиком попадающих в пределы границ, заданных АКТП, в самом максимальном варианте едва превышает 23 га [Гарбузов, 2010, табл.1, рис.2,а].

[21]Поселения включены в список объектов культурного наследия Темрюкского района под именами Приморский-24–27, Сенной-12–18, Соленый-5–8. Многие из них приурочены к ложбинам древних дорог, расходящихся в разных направлениях от Фанагории: поселения Сенной-15, 17 лежат у т.н. Аллеи курганов; поселения Сенной-16, 18 находятся у ложбины локальной дороги, заметной на аэрофотоснимке 1958 г.; поселение Соленый-7 тяготеет к ложбине, хорошо заметной на многих снимках дороги, обрывающейся у лимана Соленого; поселения Соленый-6, 8 лежат у ложбин дорог, ведущих

поселенческой активностью. Таким образом, на обследованных участках размещается, хотя и не всегда равномерно, как минимум 34 поселения, что дает плотность в 3,47 пос./кв.км, т.е. в восемь с половиной раз больше, чем текущий средний показатель для ТП в целом. С учетом особо сложной структуры распространения археологического материала плотность поселений на обследованных участках может быть на самом деле еще выше, до 4–5 пос./кв.км[22].

Всего на территории, очерченной 5 км радиусом вокруг Фанагории, в нашей актуальной базе насчитывается 54 поселения, причем можно утверждать, что все они лежат в пределах указанных выше наиболее плодородных почв (около 7–8 поселений находятся на их границах)[23]. Плотность освоения этих лучших земель равна 1,41 пос./кв.км, т.е. она заметно выше, чем средний показатель по ТП, но отметим, что в данную величину основной вклад вносят 34 поселения, относящиеся к участкам, обследованным сплошным методом. Эти участки занимают чуть более четверти плодородных почв в ближайшей округе Фанагории, заданной 5 км радиусом, поэтому логично предположить, что остальные 3/4 плодородных почв в этой ближайшей округе были освоены так же плотно, как и зона сплошных разведок. Следовательно, суммарный поселенческий потенциал плодородного пояса в радиусе 5 км вокруг Фанагории составляет как минимум 130–135 поселений, что в два с половиной раза превышает число уже известных здесь памятников. При этом почти нет сомнения, что повышенная плотность размещения поселений должна быть распространена при некоторой корректировке уровня плотности по мере удаления от городского центра не только на самые ближайшие окрестности, но и на всю округу Фанагории в целом (ее возможные границы, проведенные по естественным рубежам, показаны на рис. 3).

Второй пример относится к юго-западной части ТП и в особенности к району у м. Тузла. Во всей юго-западной части ТП (к западу от условной линии

к поселению Соленый-3. В сумме на 15 поселениях собрано 287 профильных фрагментов столовой и кухонной керамики и 622 датированных профильных фрагмента амфор, даты керамики в целом относятся к диапазону ранняя Античность – Средневековье. Насыщенность памятников датированным амфорным материалом колеблется от 3–5 (Сенной-16, Соленый-8, Приморский-26) до 256 (Сенной-17) единиц. Небольшое число датированных профильных фрагментов амфор при сборах на малых поселениях не должно удивлять. В АКТП для 23 поселений у пос. Приморский (Приморский-1–23) указано 417 определенно датированных профильных фрагментов амфор, причем на 6 поселениях сборы такого материала составили 4 и менее единиц. К примеру, поселению Приморский-6 соответствует одна датированная ручка амфоры, для поселения Приморский-4 определенно датированных профильных частей амфор не отмечено и датировка поселения основывается на нескольких амфорных стенках.

[22]Такой уровень плотности не является чем-то экстраординарным. Например, интенсивные археологические разведки в Беотии, послужившие во многом образцом для наших разведок в округе Фанагории, дали для площади 21 кв. км плотность около 4 сайтов на 1 кв. км [Bintliff, Snodgrass, 1985, p. 135–136, table 4].

[23]Напомним, что поселения в действительности представляют собой не точки, как это показано на наших условных картосхемах, а площадные объекты.

оз. Маркитанское – г. Карабетова – б. Серомахина – лим. Цокур – оз. Соленое), площадь которой составляет около 20% всей площади ТП без учета ТКГ, в АКТП числилось лишь 25 поселений. Это дает плотность около 0,14 пос./кв.км, что заметно меньше (почти в два раза) средней плотности для всего ТП. В актуальной базе данных к этой территории относится 85 поселений, поселенческая плотность составляет 0,48 пос./кв.км, т.е. уже выше средней по полуострову. Рост числа поселений почти в три с половиной раза является результатом усилий по разведке юго-западной части ТП, достигших апогея в последние годы в связи с работами по проектированию и строительству крупных транспортных и промышленных объектов. Едва ли эти разведки можно назвать сплошными в том смысле, как это практиковалось нами в округе Фанагории, но на тех участках, которые отводились под строительство, они могут быть охарактеризованы как подробные и обстоятельные.

Влияние качества разведок на количество выявляемых поселений хорошо видно на территории, прилегающей к м. Тузла. По сравнению с 7 поселениями из АКТП на этой территории теперь насчитывается до 35 поселений при средней поселенческой плотности 1,1 пос./кв.км. Объяснение большому количеству поселений на относительно небольшой площади в районе м. Тузла следует искать в прямой аналогии относительно Фанагории, так как эта территория вполне может считаться частью округи Гермонассы (в этом же районе многие исследователи помещают Корокондаму)[24]. При использовании скользящего окна площадью 4 кв. км хорошо видно, что в действительности средняя плотность в районе м. Тузла определяется несколькими скоплениями поселений с локальными плотностями 2,25–2,75 пос./кв.км. Можно предположить, что дополнительные исследования пространства между указанными скоплениями поселений приведут (или привели бы, если исследования уже невозможны) к увеличению средней поселенческой плотности в районе м.Тузла в целом, с приближением ее в итоге к нынешним локальным максимумам, т.е. к уровням вплоть до 2,75 пос./кв.км, причем это предположение допустимо распространить на всю округу Гермонассы, а не только на район м. Тузла. По-видимому, здесь следует ожидать, может быть без полного совпадения, повторения ситуации, наблюдающейся в округе Фанагории, со схожими особенностями и характеристиками поселенческой системы.

Примеры, связанные с округами городов, понятны и объяснимы. Но необходимо отметить, что сельские территории ТП зачастую и вдали от городских центров демонстрируют повышенную поселенческую плотность. Например, плотность до 1.75–2 пос./кв.км достигается для локальных скоплений поселений у современных поселков Кучугуры, За Родину, Юбилейный. Плотности подобных скоплений не обязательно являются аномалиями. Выше было показано радикальное влияние фактора

[24]Большое влияние на формирование местной поселенческой системы имели, по-видимому, крупные поселения Тамань-1 и Тамань-4. В ближайшей округе Фанагории примерами подобных системообразующих поселений служат поселения Соленый-3 и Сенной-2.

недоразведанности на число выявляемых поселений, поэтому высокая плотность размещения поселений может быть типичной для всей зоны ТП, благоприятной для расселения (это не относится, возможно, лишь к ТКГ).

Понятие зоны, благоприятной для размещения поселений, уже привлекалось нами для учета влияния природно-ландшафтных условий ТП на античную систему расселения [Гарбузов, 2011]. По выборке известных на тот момент поселений с античным материалом была определена зона ТП (территория ТКГ не учитывалась), в которой с наибольшей вероятностью можно встретить подобного типа поселения. В специальном расчете во внимание принимались простые ландшафтно-природные параметры: высота, ориентация и крутизна склонов, расстояния до водотоков и до берега, плодородие почв. Найденная в итоге зона в максимальном варианте занимает около 76% площади ТП без ТКГ [Гарбузов, 2011, рис. 6][25]. Если аппроксимировать все поселения площадными объектами, образованными описанными вокруг условных центров поселений окружностями радиусом 200 м[26], то использовавшаяся для анализа выборка античных поселений на 97%, т.е. практически полностью, определяется выделенной зоной [Гарбузов, 2011, прим. 27]. Несмотря на некоторые недочеты этой зоны, мы обнаруживаем, что с ней в пределах ТП без учета ТКГ при использовании 200м радиуса аппроксимации по-прежнему связано около 97% всех, т.е. не только античных поселений из обновленной базы данных. При введении для этой зоны очевидных поправок в юго-западной части полуострова вне нее останутся не более 5 памятников, из них к бесспорно выпадающим можно отнести только 2–3 поселения (итоговое несоответствие менее 1%)[27].

Для приблизительной оценки возможного числа поселений на территории ТП без ТКГ будем исходить из ряда предположений. Площадь благоприятной для рас-

---

[25]Благоприятная зона 2011 г. рассчитывалась по известной на тот момент выборке поселений, ядром которой служила АКТП, кроме того, в качестве почвенных единиц использовался ограниченный набор почв. Юго-западная часть ТП описывается этой зоной, как теперь ясно, не совсем верно. Недооценка благоприятности для размещения поселений сильнее всего проявилась в районе м. Тузла, где было известно слишком мало поселений.

[26]Подробнее см. [Гарбузов, 2011, с. 74]. Выбор радиуса окружности сделан из формальных соображений и призван минимизировать влияние погрешностей, характерных для археологических и тематических данных. При буквальном понимании данный радиус задает для поселений площадь около 12,6 га. Заметим в связи с этим, что средняя площадь поселений АКТП составляет по нашему расчету 15,3 га (учтена площадь 231 памятника), причем 96 поселениям (42% от учтенной выборки) приписана площадь, превышающая 12,6 га.

[27]Благоприятную для расселения зону можно задать упрощенным способом, приняв за нее всю область распространения тех самых почв с бонитировочным баллом 40 и более, которые были рассмотрены относительно округи Фанагории. Эта суммарная почвенная область и расчетная зона 2011 г. равны по размерам (те же самые 76% общей площади ТП без ТКГ), хотя не тождественны в ряде районов и пространственно не совпадают где-то на одну пятую часть. С определенной почвами благоприятной зоной связано около 93% поселений из нашей актуальной базы.

селения зоны примем равной 75% рассматриваемой площади ТП, в этой благоприятной зоне будет находиться 95% всей выборки поселений, оставшиеся 5% выборки поселений отнесем к той части полуострова (25% общей площади), которая не включена в благоприятную зону. Благоприятную зону определим согласно нашему расчету 2011 г., за исключением округи Гермонассы, для которой используем объединение благоприятной зоны 2011 г. с зоной, заданной почвами с бонитировочным баллом 40 и более (см. прим. выше). В округе Фанагории в указанных на рис. 3 границах будет около 63,8 кв. км благоприятной зоны. В расширенной и очень условной округе Гермонассы, в которую включим весь юго-запад ТП, площадь благоприятной зоны составит около 157,3 кв. км. Среднюю плотность размещения поселений в благоприятной зоне в округе Фанагории примем равной 3пос./кв.км, в благоприятной зоне в округе Гермонассы 2,5 пос./кв.км, в благоприятной зоне вне двух полисных округ 2 пос./кв.км.

Оценка может быть дана в двух вариантах. Минимальный вариант не предполагает выделения особых городских округ, в максимальном же варианте учитывается более плотная заселенность этих округ. Подсчеты, учитывающие разницу двух вариантов, дают округленный интервал значений 1420–1570 поселений[28]. Полученные цифры лишь на первый взгляд кажутся чрезмерно большими[29]. Те 410–415 поселений, которые открыты на конец 2020 г., уже составляют более четверти предложенной потенциальной выборки, и это имея в виду, что значительная часть ТП в реальности все еще недостаточно исследована систематическими разведками[30]. В связи с этим указанную выше оценку поселенческого потенциала нельзя считать преувеличенной.

Из этой оценки выделим долю поселений, на которых можно было бы ожидать присутствие античного материала. По достаточно представительным в статистическом плане данным, объединяющим АКТП, разведки Ю.В. Горлова и Е.Я. Рогова,

---

[28]Нижняя оценка дает 1418 поселений (1347 поселений в благоприятной зоне и 71 поселение вне этой зоны). Верхняя оценка складывается из 905 поселений в благоприятной зоне вне округ Фанагории и Гермонассы, 191 поселения в благоприятной зоне в округе Фанагории и 393 поселений в благоприятной зоне в округе Гермонассы, к ним следует добавить 78 поселений в малоблагоприятных для расселения областях полуострова. Всего в этом варианте насчитывается 1567 поселений.

[29]Исследователи, проводившие разведки в Беотии (ее общая площадь 2580 кв. км), предсказали, принимая во внимание не только плотность поселений на обследованных участках, но и разное качество земельных угодий во всей области, что вероятное число памятников в Беотии может достигать 5000 [Bintliff, Snodgrass, 1985, p. 129, 136]. Ничто не мешает распространить эту оценку на Тамань. Из соотношения площадей Беотии и ТП получим для последнего около 1740 возможных поселений.

[30]Здесь надо учесть, что некоторое количество памятников располагалось в пределах современных поселений, и они, скорее всего, уже не могут быть корректно учтены. По нашим измерениям, основанным на космических снимках, к концу 1990-х годов суммарная площадь, занятая на ТП без ТКГ жилыми, производственными постройками и дворами современных поселений, составляла около 72 кв. км. Вся она относится к зоне, благоприятной для расселения, и занимает более 1/10 ее общей площади, так что число изъятых из возможного подсчета поселенческих памятников довольно велико.

лишь около 10% поселений не содержали определенно датированных античных материалов. Указанный процент не должен сильно меняться при расширении выборки. С учетом этого максимально возможное число поселений античного времени на рассматриваемой части ТП мы грубо оцениваем в диапазоне 1280–1410[31]. Дополнительный интерес представляет прогноз потенциальной численности поселений в узком хронологическом интервале. Выбрав в качестве наиболее любопытного и характерного интервала IV в. до н.э., по той же выборке из АКТП и данных разведок Ю.В. Горлова и Е.Я. Рогова найдем, что материалы, определенно датированные IV в. до н.э., присутствуют на 75–80 % античных поселений[32]. Поселенческий потенциал ТП для IV в. до н.э., таким образом, может быть приблизительно оценен интервалом от 960 до 1130 поселений.

Если попытаться сказать что-то не только об объеме, но и о свойствах потенциально возможной выборки поселений, то в первую очередь следует предположить, что значительная часть несложных в обнаружении крупных и крупнейших поселений уже учтена в списках известных памятников. Данная особенность выборки выявленных поселений хорошо видна при анализе площадей памятников, приведенных в АКТП. Среди этих памятников доминируют крупные поселения (см. прим. выше), а доля относительно небольших по площади поселений размером менее 2 га составляет лишь около 14%. Такая незначительная доля малых поселений не очень правдоподобна и распределение памятников по размерам, даже с учетом бесспорной неточности в определении этих размеров, выглядит сильно искаженным в пользу крупных поселений.

Гораздо более реалистичное распределение поселенческих структур по размерам показывают наши разведки в округе Фанагории. Отвлекаясь от качественной интерпретации выявленных разведками областей скопления керамики (сайтов), укажем, что число крупных образований среди них заметно меньше, чем мелких, при этом именно крупным сайтам соответствует основная часть суммарной площади. К примеру, из 62 учтенных разведками 2005–2014 гг. обособленных сайтов, самый маленький из которых имеет площадь около 450 кв. м, более трех четвертей не превышают по площади использованный выше порог в 2 га (оценка по уровню плот-

---

[31]Наша оценка поселенческого потенциала, как суммарная, так и для эпохи Античности, носит эмпирический характер. На самом деле предельное число поселений, которое могло бы теоретически существовать, гораздо больше. Для Античности это легко показать следующим образом. Допустим в качестве мысленного эксперимента, что каждое сельское поселение на ТП в эпоху Античности состояло лишь из одного домохозяйства, причем семейного. Примем далее следующие условия: численность населения ТП –100 тыс. человек. [Паромов, 1989, с. 61], доля городского населения – 30% (соответствует усредненной численности сельского и городского населения античного Боспора, предложенной В.Д. Блаватским [Блаватский, 1953, с. 177–178]), средняя численность семьи – 5,6 человек [Блаватский, 1953, с. 174; Foxhall, Forbes, 1982, note 26; Крижицький, Щеглов, 1991, с. 53; Hansen, 2008, p. 276–280]. Отсюда найдем, что число сельских поселений приблизительно соответствовало бы диапазону 11700–14000.

[32]См. подробный анализ для случая АКТП в работе [Гарбузов, Завойкин, 2012].

ности керамики 0,3 фрагмента на 1 кв. м), но при этом на сайты, которые крупнее указанного порога, приходится почти три четверти общей площади[33].

Приведем здесь в качестве дополнительной иллюстрации распределение поселенческих центров по размерам (числу жителей), наблюдавшееся у системы расселения Темрюкского уезда во второй половине XIX в. Данные о распределении основаны на подробной описи населенных пунктов Кубанской области, составленной Е.Д. Фелицыным [Фелицын, 1885][34]. В начале 1880-х годов в Темрюкском уезде на 45 центров высокого ранга (г. Темрюк, 28 станиц, 8 поселков, 6 селений, 2 слободы) приходилось 763 хутора, 460 зимовников, 240 кошей и еще множество населенных мест производственного типа (табачных плантаций, мельниц, рыболовных заводов и т.п.). При этом из 120,5 тыс. жителей уезда, проживавших в учтенных 1745 населенных пунктах (с включением Темрюка и населенных мест на его земле)[35], в центрах с населением более 100 чел. (всего таких 68, включая некоторые хутора[36]) насчитывалось 103,5 тыс. человек. В процентном выражении получается, что в этих крупнейших центрах, представлявших весьма малую часть всех постоянно обитаемых мест (5,9%, или приблизительно 1/17 часть), проживала подавляющая доля (85,9%) населения уезда. Это весьма характерные для подобных систем расселения признаки – основной процент жителей связан с небольшим числом крупных поселений, одновременно с этим в распределении ранг-размер обязательно присутствует типичный длинный хвост, образованный множеством малонаселенных пунктов[37].

Как мы видим, есть действительно большие основания полагать, что выборка поселений АКТП сильно недооценивала множество мелких или, что здесь будем считать тождественным, малонаселенных поселений[38]. Вклад других источников

---

[33]Схожее распределение по размерам наблюдается по данным сплошных разведок в Беотии, при этом большинство мелких сайтов интерпретированы там как отдельные сельские усадьбы [Bintliff, Snodgrass, 1985, p. 143, fig. 11, table 5].

[34]В предисловии к публикации указывается, что первоначальные списки составлены Е.Д. Фелицыным в 1873 г. по программе Центрального статистического комитета МВД, в 1882 г. они в переработанном виде были переданы составителем для издания в Кавказский статистический комитет.

[35]Значительная часть учтенных населенных мест, почти треть, имела сезонный характер, так как в источнике 596 пунктов зачислены в категорию «без означения жителей» (при этом только 3 населенных места из 1745 не имели домов, т.е. обязательным признаком населенного места при переписи служило наличие дома, а не наличие жителей). Вполне ожидаемо много сезонных пунктов было среди зимовников и кошей, что видно по общей статистике – на 700 пунктов этих двух типов с 780 учтенными домами приходилось всего лишь 550 постоянных жителей. В чем-то схожую ситуацию следует ожидать и в древности, значительный процент памятников, выделяемых при разведках по наличию археологического материала, мог иметь сезонный или эпизодический характер обитания.

[36]Собственный подсчет автора по данным, относящимся к Темрюкскому уезду. Это несколько меньше цифры в 76 населенных мест, которую можно вывести из приведенной в источнике сводной таблицы, описывающей распределение населенных мест по числу жителей.

[37]Источник указывает на 1003 постоянно обитаемых населенных места с числом жителей не более 50 и на 760 таких мест с числом жителей не более 10.

[38]При этом именно крупные памятники, в основном представленные в АКТП, отвечали, по-видимому,

в реестр известных памятников наверняка как-то скорректировал указанную диспропорцию. Точное представление об этой коррекции получить, к сожалению, не так просто, однако беглый просмотр доступных описаний памятников показывает, что относительная доля класса небольших по площади поселений в общей выборке выявленных поселений все еще мала[39]. Тем не менее стоит ожидать, что перекос в сторону крупных памятников со временем будет компенсирован. В итоге за счет мелких поселений выборка выявленных памятников значительно увеличится количественно[40], хотя, безусловно, вовсе не обязательно будет точно соответствовать тем уровням, которые намечены выше. Но вряд ли можно сомневаться, что конечные цифры (если, разумеется, в этом вопросе возможна какая-то конечность) будут внушительными.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Блаватский В.Д. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. Москва: Изд-во Акад. наук СССР, 1953. 208 с.

Гарбузов Г.П. Оценка площадей античных сельских поселений в округе Фанагории // ПИФК. 2010. №1. С. 444–457.

Гарбузов Г.П. Влияние условий Таманского полуострова на античную систему расселения // Древности Боспора. 2011. Т. 15. С. 73–89.

Гарбузов Г.П., Завойкин А.А. Античная сельская территория: формальное описание и возможности исторической интерпретации // Древности Боспора. 2009. Т. 13. С. 141–175.

Гарбузов Г.П., Завойкин А.А. Сельская территория центров Азиатского Боспора в период автономии (вторая половина VI–V вв. до н.э.) и в составе державы Спартокидов (IV – начало III в. до н. э.) // Древности Боспора. 2012. Т. 16. С. 114–149.

Горлов Ю.В., Гаибов В.А., Абрамзон М.Г., Поротов А.В., Мюллер К., Фуаш Э. Отчет о работах по Таманскому региональному археологическому проекту в 1998 году. Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. №21599, №21600. 1999.

за наибольшую долю всего населения, как это показано в нашем краеведческом примере. Если взять для описания системы поселений идеализированное распределение ранг-размер, соответствующее простому гармоническому ряду (P = P0/1+P0/2+…+P0/n, где P – суммарное население системы, P0 – число жителей крупнейшего центра территории, n – число поселений) [Хаггет, 1968, с. 127], то на ТП при 1000 населенных пунктов и численности населения 100 тыс. чел. число жителей крупнейшего центра (т.е.Фанагории) составило бы около 13,4 тыс. чел., при этом на долю 10 самых крупных центров пришлось бы около 39% всего населения полуострова (число жителей первых 10 центров в порядке уменьшения населения, чел.: 13360; 6680; 4453; 3340; 2672; 2227; 1909; 1670; 1484; 1336).

[39]Здесь надо отметить сложности, которые возникают при оценке площадей памятников во время разведок и неоднозначность самого понятия площади поселения.

[40]Упомянутая в примечании выше простейшая модель распределения ранг-размер при n=1000 и при суммарной численности населения в диапазоне 70–100 тыс. чел. (оценка населения ТП из [Паромов, 1989, с. 61]) предполагает около 730–810 поселений с числом жителей менее 50 чел. Этот результат находит хорошую поддержку в использованном нами краеведческом примере.

Горлов Ю.В., Мюллер К., Гаибов В.А., Асанович А., Фуаш Э., Абрамзон М.Г., Поротов А.В., Требелева Г.В. Отчет об исследованиях по Таманскому региональному археологическому проекту в 1999 году. Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. №22727, №22728. 2000.

Евдокимов Д.О. Демографическое и экономическое развитие Боспорского царства в первые века нашей эры // Вестник Челябинского государственного университета. История. 2011. № 22 (237). С. 10–15.

Ермолин А.Л. Землепользование на Боспоре (по материалам археологических раскопок и разведок) // ИРЕСИОНА. Античный мир и его наследие. Белгород: Эпицентр, 2015. Вып. IV. С. 18–49

Крижицький С.Д., Щеглов О.М. Про зерновий потенціал античних держав Північного Причорномор'я // Археологія. 1991. №1. С. 46–56.

Паромов Я.М. К вопросу о хозяйственном и экономическом потенциале Азиатского Боспора в эллинистический период // Скифия и Боспор. Археологические материалы к конференции памяти академика М.И. Ростовцева / Отв. ред. М.Ю. Вахтина. Новочеркасск, 1989. С. 60–61.

Паромов Я.М. Археологическая карта Таманского полуострова. Депонировано в ИНИОН РАН. № 47103 от 01.10.1992 г. 1992.

Паромов Я.М. Таманский полуостров в раннеантичное время (VI–V вв. до н.э.) // Древности Боспора. 2006. Т. 10. С. 365–388.

Паромов Я.М. История археологических исследований на Таманском полуострове. Часть 3 (1992–2012 гг.) // Боспорские исследования. 2020. Вып. XLI. С. 231–344.

Рогов Е.Я. Отчет о работах Бугазского отряда Боспорской археологической экспедиции ИИМК РАН в 1998 г. Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. №21640. 1999.

Рогов Е.Я. Отчет о полевых археологических исследованиях Таманского отряда Боспорской экспедиции Института истории материальной культуры РАН в 2000 году. Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. №23096. 2000.

Фелицын Е.Д. Кубанская область. Списки населенных мест по сведениям 1882 года // Сборник сведений о Кавказе. Тифлис, 1885. Т. 8.

Хаггет П. Пространственный анализ в экономической географии. Москва: Прогресс, 1968. 390 с.

Bintliff J.L., Snodgrass A.M. The Cambridge/Bradford Boeotian Expedition: the First Four Years // Journal of Field Archaeology. 1985. Vol. 12. No. 2. P. 123–161.

Foxhall L., Forbes H.A. Sitometreia: The Role of Grain as a Staple Food in Classical Antiquity // Chiron. 1982. Bd. 12. P. 41–90.

Hansen M.H. An Update on The Shotgun Method // Greek, Roman and Byzantine Studies. 2008. Vol. 48. No. 3. P. 259–286.

REFERENCES

Blavatskii V.D. *Zemledelie v antichnykh gosudarstvakh Severnogo Prichernomor'ia.* Moscow, Akad. nauk SSSR Publ., 1953, 208 p.

Garbuzov G.P. Otsenka ploshchadei antichnykh sel'skikh poselenii v okruge Fanagorii. *PIFK*, 2010, no. 1, pp. 444–457.

Garbuzov G.P. Vliianie uslovii Tamanskogo poluostrova na antichnuiu sistemu rasseleniia. *Drevnosti Bospora*, 2011, vol. 15, pp. 73–89.

Garbuzov G.P., Zavoikin A.A. Antichnaia sel'skaia territoriia: formal'noe opisanie i

vozmozhnosti istoricheskoi interpretatsii. *Drevnosti Bospora,* 2009, vol. 13, pp. 141–175.

Garbuzov G.P., Zavoikin A.A. Sel'skaia territoriia tsentrov Aziatskogo Bospora v period avtonomii (vtoraia polovine VI–V vv. do n.e.) i v sostave derzhavy Spartokidov (IV – nachalo III v. do n. e.). *Drevnosti Bospora*, 2012, vol. 16, pp. 114–149.

Gorlov Iu.V., Gaibov V.A., Abramzon M.G., Porotov A.V., Müller Ch., Fouache É. Otchet o rabotakh po Tamanskomu regional'nomu arkheologicheskomu proektu v 1998 godu. *Arkhiv Instituta arkheologii Rossiiskoi akademii nauk.* F-1. R-1. №21599, №21600. 1999.

Gorlov Iu.V., Müller Ch., Gaibov V.A., Asanovich A., Fouache É., Abramzon M.G., Porotov A.V., Trebeleva G.V. Otchet ob issledovaniiakh po Tamanskomu regional'nomu arkheologicheskomu proektu v 1999 godu. *Arkhiv Instituta arkheologii Rossiiskoi akademii nauk.* F-1. R-1. №22727, №22728. 2000.

Evdokimov D.O. Demograficheskoe i ekonomicheskoe razvitie Bosporskogo tsarstva v pervye veka nashei ery. *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriia,* 2011, no. 22 (237), pp. 10–15.

Ermolin A.L. Zemlepol'zovanie na Bospore (po materialam arkheologicheskikh raskopok i razvedok). IRESIONA. *Antichnyi mir i ego nasledie,* Belgorod, 2015, no. IV, pp. 18–49.

Kryzhyc'kyj S.D., Shheglov O.M. Pro zernovyj potencial antychnyh derzhav Pivnichnogo Prychornomor'ja. *Arheologija,* 1991, no. 1, pp. 46–56.

Paromov Ja.M. K voprosu o hozjajstvennom i jekonomicheskom potenciale Aziatskogo Bos-pora v jellinisticheskij period. *Vahtina M.Ju. (Ed.) Skifija i Bospor. Arheologicheskie materialy k konferencii pamjati akademika M.I. Rostovceva.* Novocherkassk, 1989, pp. 60–61.

Paromov Ja.M. *Arheologicheskaja karta Tamanskogo poluostrova.* Deponirovano v INION RAN, № 47103 ot 01.10.1992 g, 1992.

Paromov Ja.M. Tamanskij poluostrov v ranneantichnoe vremja (VI–V vv. do n.je.). *Drevnosti Bospora,* 2006, vol. 10, pp. 365–388.

Paromov Ja.M. Istorija arheologicheskih issledovanij na Tamanskom poluostrove. Chast' 3 (1992-2012 gg.). *Bosporskie issledovanija,* 2020, no. XLI, pp. 231–344.

Rogov E.Ja. Otchet o rabotah Bugazskogo otrjada Bosporskoj arheologicheskoj jekspedicii IIMK RAN v 1998 g. *Arkhiv Instituta arkheologii Rossiiskoi akademii nauk.*F-1. R-1. №21640. 1999.

Rogov E.Ja. Otchet o polevyh arheologicheskih issledovanijah Tamanskogo otrjada Bospor-skoj jekspedicii Instituta istorii material'noj kul'tury RAN v 2000 godu. *Arkhiv Instituta arkheologii Rossiiskoi akademii nauk.* F-1. R-1. №23096. 2000.

Felicyn E.D. Kubanskaja oblast'. Spiski naselennyh mest po svedenijam 1882 goda. *Sbornik svedenij o Kavkaze.* Tiflis, 1885, vol. 8.

Haggett P. *Prostranstvennyj analiz v jekonomicheskoj geografii.* Moscow, Progress Publ., 1968, 390 p.

Bintliff J.L., Snodgrass A.M. The Cambridge/Bradford Boeotian Expedition: the First Four Years. *Journal of Field Archaeology*, 1985, vol. 12, no. 2, pp. 123–161.

Foxhall L., Forbes H.A. Sitometreia: The Role of Grain as a Staple Food in Classical Antiquity. *Chiron*, 1982, band 12, pp. 41–90.

Hansen M.H. An Update on The Shotgun Method. *Greek, Roman and Byzantine Studies*, 2008, vol. 48, no. 3, pp. 259–286.

Резюме

В статье рассматривается вопрос оценки потенциального числа поселенческих центров Таманского полуострова. Отправной точкой для рассуждений служит известная на настоящий момент выборка выявленных археологических памятников и информация о степени и качестве исследованности тех или иных частей полуострова. Исходя из этих данных, сделана эмпирическая количественная оценка возможного числа археологических памятников. Это прогнозируемое число как минимум в три с половиной раза превышает количество уже известных памятников. Высказано предположение, что основная часть до сих пор невыявленных памятников представлена небольшими сельскими поселениями типа малонаселенных усадьб.

Ключевые слова: Боспор Киммерийский, Таманский полуостров, археологические памятники, археологические разведки, система расселения, культурное наследие.

Summary

The article discusses the issue of assessing the potential number of settlement centers on the Taman Peninsula. The starting points for reasoning are the currently known sample of identified archaeological sites and information about the quality of archaeology prospection of certain parts of the peninsula. Based on these data, an empirical quantitative assessment of the possible number of archaeological sites is made. This projected amount is at least three and a half times the number of already known monuments. It has been suggested that the bulk of the still undis-covered settlements are small rural sites like the underpopulated homesteads.

Key words: Cimmerian Bosporus, Taman Peninsula, archaeological sites, archaeological prospecting, settlement system, cultural heritage.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ
Гарбузов Геннадий Павлович, к.и.н.,
старший научный сотрудник Лаборатории
археологии ЮНЦ РАН (Ростов-на-Дону).
(863) 250-98-18 (211)
g_garbuz@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR
Garbuzov Gennady Pavlovich, Ph.D.,
Senior Researcher of the Laboratory
archeology SSC RAS (Rostov-on-Don).
(863) 250-98-18 (211)
g_garbuz@mail.ru

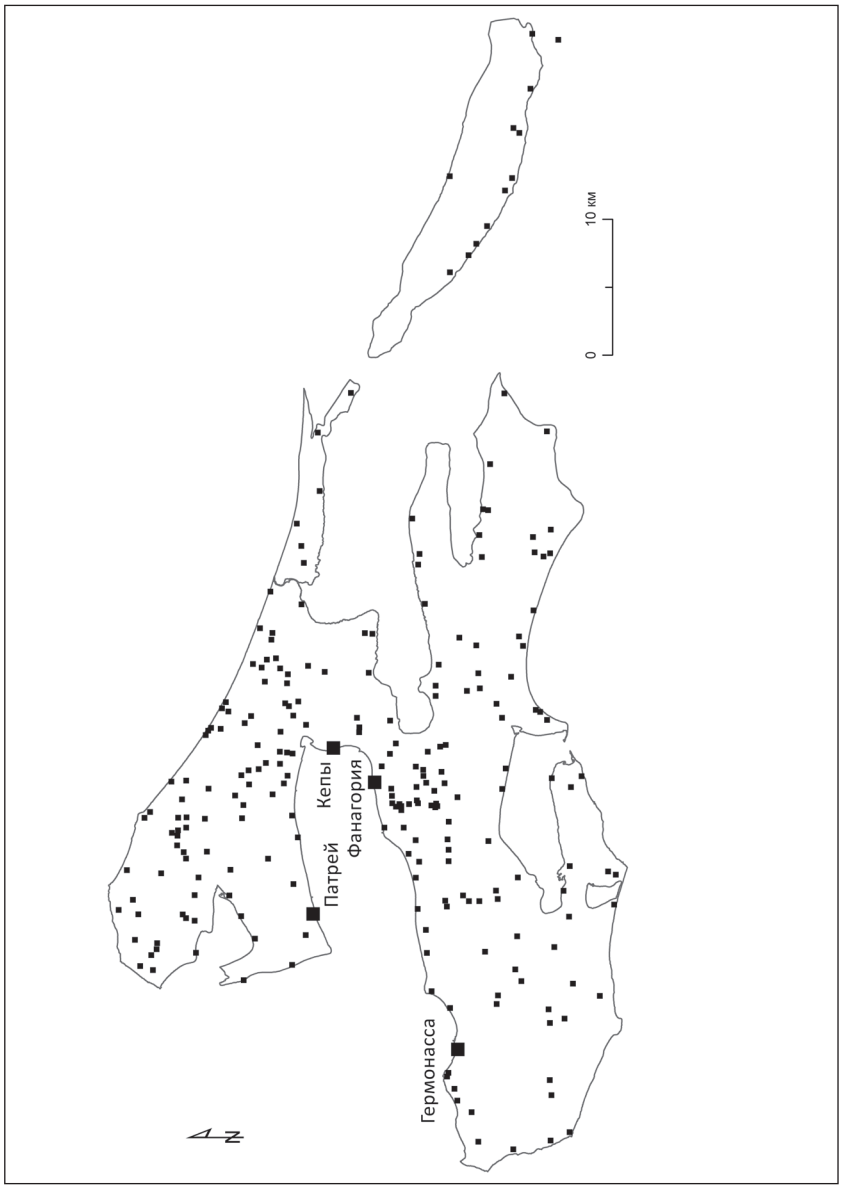

Рис. 1. Выявленные поселения согласно АКТП (1992 г.).

Рис. 2. Выявленные поселения по состоянию на конец 2020 г.

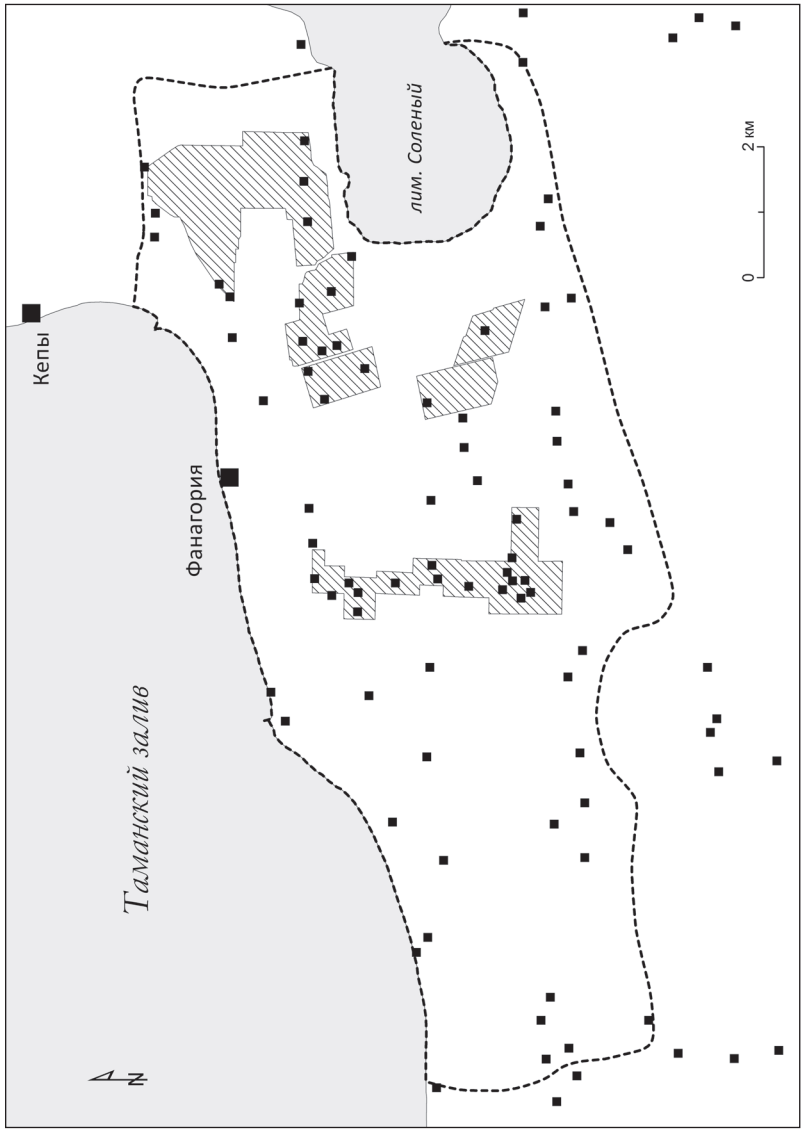

Рис. 3. Выявленные поселения в округе Фанагории по состоянию на конец 2020 г. Штриховкой показаны участки, на которых была проведена сплошная разведка. Пунктирная линия обозначает примерную границу округи Фанагории, отвечающую естественным рубежам.

И. В. ШОНОВ
I. V. SHONOV

МОНОГРАММЫ ПРАВИТЕЛЕЙ НА ЗОЛОТЫХ И СЕРЕБРЯНЫХ МОНЕТАХ ПАНТИКАПЕЯ 175 – 122 гг. до н.э.
MONOGRAMS OF RULERS ON GOLD AND SILVER COINS PANTIKAPEY 175 – 122 gg. bc.

Очевидно, что история Боспорского царства и Херсонеса в III–II вв. до н. э. была связана с таким могущественным государством, как Сирия. Одним из первых, кто изучал эту тему, был П. О. Карышковский. Ученый рассматривал этот вопрос в хронологических рамках 281–246 гг. до н. э., когда в Сирии правил Селевк I Никатор, за ним Антиох I Сотер, далее Антиох II Теос. Через несколько десятилетий после правления Антиоха II упоминается Фракия. В эти земли бежал и нашел свою гибель Антиох Гиерак (228 г. до н. э.). После этого упоминается Антиох III Великий. Весной 196 г. до н. э. он предпринял поход во Фракию, считая эту землю наследием своих предков [Polyb, XVIII, 49-51]. Через год Антиох III снова двинулся на север, освобождая местных эллинов от фракийцев. Существует мнение, что после битвы при Магнезии в 190 г. до н. э. Селевкиды навсегда прекратили свои попытки добиться владычества в районе Черноморских проливов и во Фракии. В связи со скудностью информации об этом периоде нумизматический материал имеет первостепенное значение. П. О. Карышковский занимался изучением найденных сирийских монет на территории Крыма и современной Украины [1962, с. 105 – 110]. Но данные монеты лишь косвенно доказывают политические и экономические связи Сирии с городами Северного Причерноморья. Изучение местного нумизматического материала Херсонеса, Ольвии и Боспорского царства III– II вв. до н. э. и сличение его с монетами Сирии по иконографии и монограммам может пролить свет на политическую ситуацию в Северном Причерноморье в III – II вв. до н. э. По данным П.О.Карышковского, тетрадрахмы Селевка I Никатора, найденные на Украине, проникли в степи Скифии в III в. до н. э. до поражения в войне с Византием. Незначительные находки монет Селевкидов на территории Украины не подтверждают теории о том, что между городами Северо-Западного Причерноморья и городами Сирии в III – II вв. до н. э. поддерживались экономические отношения [Карышковский, 1962, с. 113-114]. Влияние Селевкидов во II в. до н. э. на Северо-Понтийский регион почти не изучено. Публикации единичных находок селевкидских монет II в. до н. э. [Карышковский, 1961, с. 86-87] мало что меняют в изучении данной проблемы. В связи с чем возникла необходимость решения ряда нумизматических вопросов по этой теме, а именно – прочтение монограмм на монетах Боспора II в. до н. э.

В 1911 году была опубликована статья А. Л. Бертье-Делагарда «О монетах вла-

стителей Боспора Киммерийского, определяемых монограммами» [1911, с. 117–232]. По сей день эта работа является значимой для определения хронологии правителей Античного Боспора и его истории. Для III–II вв. до н. э. монограммы на монетах Боспора порой единственный источник по этому вопросу. В монограммах или одиночных буквах обычно подразумеваются имена правителей либо их приближенных, а также их титулы. Это является незыблемым принципом, поэтому любая монограмма была понятна современникам [Сидоренко, Шонов, 2019, с. 507-508]. По словам А. В. Орешникова, атрибуция боспорских монет с монограммами является одним из самых «темных и запутанных вопросов» [1913, с. 35].

В 281 г. до н. э. в битве с Селевком при Курупедионе (Лидия) погибает Лисимах. Эта битва является последней между диадохами. Она в значительной степени определила всю дальнейшую роль главенства Селевкидов над территориями, ранее подчинявшимися Лисимаху. Позднее, к 168 г. до н. э., когда Сирия отказалась помогать своему союзнику Македонии и перешла на сторону Рима, селевкидские цари, очевидно, получают возможность активно влиять на Боспор, ранее входивший в зону влияния Македонии [Шонов, 2020, с. 101–114; 2020, с. 427–430]. Изучая монограммные монеты Херсонеса Таврического [Шонов, 2019, с. 91–104], я пришел к выводу, что Херсонес в III–II вв. до н. э. входил в зону влияния Селевкидов. Эти изыскания помогли понять схему влияния Селевкидов на Херсонес, а позже и на Боспор. Как подтверждение этой темы, вышли в свет тезисы о монетах с монограммами и полным именем Деметрия III Эвкера (период правления 95–88 гг. до н. э.) [Шонов, 2021, с. 451–454]. Исследуя серебряные и золотые монеты с монограммами селевкидских и боспорских правителей, я определил их весовые нормы от самых тяжелых экземпляров с понижением веса по хронологии. Благодаря весовым нормам все монеты распределились в правильные хронологические рамки.

Динамика экономических, политических и торговых связей между регионами античного мира всегда зависела от количества денежных средств, которые вращались на этих территориях. Данная работа предлагает анализ нумизматического материала Пантикапея и Сирии с 168 по 122 г. до н. э. Селевкиды в эти годы занимали доминирующие положение в Причерноморье, сохраняя за собой значение крупнейшего центра в мировой торговле, что отразилось в чеканке золотых статеров лисимаховского типа в г. Византий [Шонов, 2020, с. 245–250]. Изучение золотых статеров Византия является важнейшей задачей для исследователей Причерноморской нумизматики III–I вв. до н. э. Эту тему впервые поднял А. Н. Зограф, публикуя свои тезисы, которые не прозвучали в докладе [1926, с. 3-4], и впоследствии по каким-то причинам ученый уделял этой теме мало внимания. Боспорское царство в данный период, по всей видимости, входило в сферу интересов сирийских правителей, возможно, играя роль одной из 72-х сатрапий [App., Syr., 62]. Хотя к 168 г. до н. э. количество этих сатрапий, скорее всего, уменьшилось.

Еще в IV в. до н. э. началась эмиссия золотых статеров Филиппа [Rider, 1977, с. 422 – 426]. Александр, захватив золото Ахеменидов, чеканит огромную эмиссию

золотых статеров [Seltman, 1955, с. 204 – 206]. Эту финансовую политику в первой четверти III в. до н. э. продолжают диадохи. Количество золота на денежном рынке достигает своего максимума и вытесняет из сферы торговли монеты из серебра. Но это никогда не было осуществлено полностью. Серебряные монеты становились более тяжелыми в номиналах (тетрадрахмы Александра и Лисимаха). А в районах с интенсивной розничной торговлей, к которым в III–II вв. до н. э. относился и Боспор, по-прежнему использовались мелкие номиналы серебра. Ранее, к концу IV века до н.э. стоимость золота уменьшается по сравнению со временем Геродота, когда золото было в пропорции к серебру 1 : 13 ⅓, во время Александра эта пропорция составила 1 : 10 [Reinach, 1902, с. 41–73], которая, по-видимому, держалась очень долго.

С конца 60-х годов III в. до н. э. наблюдается спад в экономике Боспора. Выход из сложившейся ситуации нашел Перисад II, заменив зерноторговлю работорговлей, которая становится главным звеном в экономике Боспора. Полибий во II в. до н. э. писал, что из Понта доставляется много отличных рабов [Polib., IV. 38]. Это подтверждает и большой эпиграфический материал, показывающий, что именно рабы: скифы, сарматы, меоты, босспоряне, колхи, армяне часто упоминаются в надписях из Малой Азии и островов Эгейского моря [Граков, 1939, № 108 – 119; Голубцова, 1951, с. 24]. По этим надписям видно, что большое количество рабов было на Косе, Родосе и других островах Эгейского моря. В центральной Греции их было значительно меньше. По-видимому, во II в. до н. э. значительная часть рабов шла из Северного Причерноморья, в том числе и с Боспора. Эта работорговля, очевидно, являлась одной из самых доходных статей для правителей Боспора.

Селевкидская весовая система исключала монетную автаркию. Нормальный вес драхмы составлял 4,3 гр. Это равнялось драхме Александра Великого по аттической системе, которую использовал греческий мир [Segre, 1928, с. 229]. Исходя из этого, монета, соответствовавшая аттическому стандарту, независимо от монетного двора греческих государств подлежала обмену. Доказательством тому – состав монетных кладов, зарытых при Селевкидах с монетами Малой Азии александровского типа. Эти монеты использовались в торговле с Месопотамией и Сирией во II в. до н.э. Государства Передней Азии и Греции создали единый монетный союз, что объединяло международную торговлю Афин и Вавилона. По-видимому, Боспор не был исключением. Установленный законом вес драхмы достаточно строго соблюдался. Значительное уменьшение этого веса начинается с Деметрия I. А к концу династии вес тетрадрахмы упал до 15 гр. Содержание серебра в монетах составляет 95% при Антиохе I. При Александре I – 91%, при Антиохе VI – 94%. Но к I в. до н. э. содержание серебра снижается до 65%. Художественный стиль монет в Сирии начиная с Антиоха VIII становится грубым [Бикерман, 1985, с. 198–199, 202]. На Боспоре стиль монет ухудшается значительно раньше, когда в Сирии правил Антиох IV Эпифан.

В работе представлены монеты Боспорского царства, отчеканенные в Пантикапее от имени селевкидских и боспорских правителей. Все монеты из серебра и золота. Они могут служить индикатором крупных денежно-торговых операций на терри-

тории Боспора, доходы от которых, по-видимому, в основном получали архонты Боспора и цари Сирии, а также их приближенные.

В 171 г. до н. э. римский консул П. Лициний Красс с римской армией переправился в Грецию. Римский флот вошел в Черное море, соединившись там с кораблями Родоса, Пергама, Гераклеи Понтийской. Это было началом III Македонской войны. Базой этой огромной эскадры стали берега Колхиды. Основной целью римлян было сокрушение Македонии [Шофман, 1963, с. 256]. В связи с этими событиями Боспор, как и другие причерноморские центры, входившие в зону влияния Македонии, был лишен возможности, помогать македонскому царю Персею. К 168 г. до н. э. эта война была проиграна Персеем [Щофман, 1963, с. 259]. После этих событий, скорее всего с позволения Рима, который после войны Сирии с Египтом дипломатически (путем угрозы) подчинил себе Селевкидов. После этого не осталось ни одного государства, не прислушивающегося к Риму в Восточном Средиземноморье [Моммзен, 1941, кн. III, гл. 1, 2]. После этих событий, очевидно, Боспор с позволения Рима был переподчинен селевкидским царям, которые являлись ближайшими наследниками этих территорий в первую очередь благодаря возобновлению династических браков между правящими домами Македонии и Сирии. Путем династических браков Персей укреплял связь с Сирией. Он сам женился на дочери сирийского царя Селека IV – Лаодике [Шофман, 1963, с. 252]. Таким образом, после 168 г. до н. э. Боспор полностью переподчиняется сирийскому царю Антиоху IV Эпифану Евпатору. Боспор уподобился городу Арада в Финикии, который чеканил свою монету при Селевкидах, имея собственное летоисчисление, эру, начинавшуюся с 259 г. до н. э. Эта точка отчета для своего летоисчисления на Боспоре начиналась в 167 г. до н. э. Селевкидская эра на Боспоре очень важна для установления некоторых дат на серебряных монетах Пантикапея. На подвластных Сирии территориях счет лет велся по годам правления царей Селевкидской эры [Бикерман, 1985, с. 130, 134-135].

Пантикапейские монеты в период царствования в Сирии Антиоха IV Эпифана Евпатора 175 –164 гг. до н. э.

Одними из первых монет Пантикапея с монограммой сирийских ставленников могут быть драхмы типа «голова Аполлона вправо – горит, ΠΑΝΤΙΚΑΠΑΙΤΩΝ, внизу монограмма **М**», вес 5,00 г. Монета перебита на какой-то более ранней драхме с головой Аполлона, ныне хранится в одной из частных коллекций в России (табл. I,1). К драхме, по-видимому, примыкают медные тетрахалки с такой же иконографией (табл. I, 2,3) (частная коллекция). Ранее эти медные монеты были датированы 115 –109 гг. до н. э., их вес составлял 8,15 – 7,54 г. [Анохин, 2011, с. 158 – 159, № 11015-1107]. А. Н. Зограф хотя очень хронологически растянуто, но более точно датировал эти монеты 200 – 100 гг. до н. э. [1951, с. 245, табл. XLII, рис. 8]. Монограммы на серебре М и на медных монетах **М**, очень схожи, что позволяет объединить их в одну группу. Из правителей Боспора и их приближенных в изучаемый период имя на М нам неизвестно. Но среди приближенных к сирийскому царю Антиоху IV такое имя есть. Это некий Менелай, посланный в 171 г. до н. э. в Антиохию для внесения

очередного взноса подати. Впоследствии Менелай становится первосвященником [Ранович, 1950, с. 130 – 132]. По-видимому, Менелай был посланником царя АнтиохаIV Эпифана для решения экономических и политических вопросов в отдаленных частях империи и ее сатрапиях. Таким наведением порядка занимался и сам Антиох IV. Летом 165 г. до н. э. царь организовал поход в восточные части своего царства из-за неповиновения некоторых сатрапий, таких, как Армения. Такими походами можно было пополнить казну [Ostin, 1989, с. 350 – 352]. Если это так, то выпуск боспорских монет с монограммами М и можно датировать 175 – 171 гг. до н.э. Тем более что в Сирии в этот период встречаются монеты с такой же монограммой [Houghton, Catherin, and Oliver, 2008, vol. II, plate 8, № 1529.1; plate11, № 1584].

Одна из пантикапейских монет – пентобол типа «голова Аполлона вправо – лира, по бокам надпись ΠΑΝΤΙΚΑΠΑΙΤΩΝ, содержит внизу монограмму**ΔΙ**». В. А. Анохин датирует данный тип пентобола 145 – 135 гг. до н. э. [2011, с. 156 – 157, №1076]. Впервые появляется данная монограмма на монетах Селевка IV Филопатора, а именно на тетрадрахмах типа «Аполлон на омфале» (время правления в Сирии 187 – 175 гг. до н. э.) [Houghton, Catherin, and Oliver, 2008, vol. II, № 1298, 1299]. На пантикапейских монетах монограмма **ΔΙ**, скорее всего, появляется, когда в Сирии правит царь Антиох IV Эпифан. На его монетах также присутствует монограмма **ΔΙ**, а именно на драхмах типа «Аполлон на омфале» [Houghton, Catherin, and Oliver, 2008, vol. II, p. 470, 474, № 1544. 9-10. 1545. 4. 1546. 1-2. 1546, 5]. Появление этой монограммы на пантикапейских пентоболах (табл. I, 7), по-видимому, связано с Дионисием – эпистографом царя Сирии Антиоха IV Эпифана. Дионисий один из богатейших людей того времени. Во время торжественной процессии в Дафне при Антиохе IV Дионисий выставил 1000 рабов, каждый из которых нес серебряное блюдо весом в 1000 драхм [Polyb.,XXXI,3,16: Athen.,V,194 сл.]. Подобно Дионисию, Верховный Сановник Антиоха III Гермий брался за свой счет платить жалованье армии [Polyb.,V,50,2]. Такие богатые приближенные к царям чиновники после своих денежных вкладов в государственные дела получали огромные доходы. Сами цари, как и их приближенные, финансировали выпуски золотых и серебряных монет для получения высоких доходов. При Антиохе IV некоторые города брали на откуп выпуск серебряных монет. В Сирии такие выпуски осуществлялись от имени царя, помещая его изображение на аверсе. В сатрапиях на лицевой стороне могли изображать местное божество [Бикерман, 1985, с. 210]. В Пантикапее этим божеством был Аполлон. Право чеканки монет было признаком суверенитета царей. Этот суверенитет в виде привилегии давали некоторым городам и династам. На Боспоре эти династы во II в. до н. э. носили имя Перисад.

Антиох IV Эпифан держал в зоне своего влияния Херсонес. При чеканке серебряных драхм в этом городе выявлены необычные экземпляры с монограммами [Шонов, 2003, с. 342 – 354]. Монограммы в виде букв **А** и **Δ** присутствуют на монетах с именем Гимна. На монетах с именем Менестра и Евридама стоит монограмма **А**, которая отражает влияние селевкидского царя Антиоха IV на Херсонес. Монограмма

Δ, очевидно, относится к уже известному имени царского эпистографа Дионисия при Антиохе IV [Шонов, 2019, с. 100]. В 179 году до н. э. был заключен Мирный договор между Херсонесом и понтийским царем Фарнаком I (годы правления 185 – 170 гг. до н. э.) [Кузищин, 2000, с. 461]. Через этот договор Фарнак I пытался влиять на Херсонес. Этот царь укреплял связи с Селевкидами. Приблизительно в 160 – 159 гг. до н. э. Фарнак I взял в жены Нису, сестру или племянницу Антиоха IV Эпифана. Ниса была дочерью Антиоха III Великого [Сапрыкин, 1996, с. 86]. Фарнак I разделял власть в Херсонесе с Антиохом IV Эпифаном до 168 г. до н. э. По-видимому, в 167 г. до н. э. Антиоху IV был отдан на откуп Боспор. Херсонес с позволения Рима, который пока еще не мог твердо управлять этими территориями, стал входить в зону влияния Фарнака I. В связи с этими событиями в чеканке Боспора на серебряных и золотых монетах стали ставиться монограммы селевкидских царей и людей из их близкого окружения. К пентоболам с монограммой **ΔI** (частная коллекция), по-видимому, относится статер царя Перисада с той же монограммой из частной коллекции весом 8,36 г. (табл. I, 5). Второй золотой статер с монограммой **ΔI**, вес 8,43 г. (табл. I, 6) – из собрания ГМИ им. А.С. Пушкина. Инвентарный № 35133 из бывшей коллекции И. А. Терлецкого. Бывшая коллекция Ф. Прове куплена у Вишневского в 1962 г. Н. А. Фролова безосновательно сомневалась в подлинности этого статера [2013, с. 620]. Данная монета имеет все признаки подлинности. Объединив серебряные монеты с золотым статером, В. А. Анохин датировал их 135 – 125 гг. до н. э., отметив, что появление дополнительных знаков указывает на подключение к финансированию каких-то частных лиц. Несмотря на низкий художественный уровень изображений и небрежную чеканку, эта серия демонстрирует здоровые финансовые тенденции, ведущие к улучшению экономической ситуации на Боспоре [Анохин, 1999, с. 97]. В 2011 году В. А. Анохин передатировал эти монеты 145 – 135 гг. до н. э. [2011, с. 156 – 157, № 1076, 1077, с. 184 – 185, № 1283]. Ранее я ошибочно датировал их 115 г. до н. э., связывая монограммы ΔI и ΕΣ с Митридатом VI Евпатором Дионисом [Шонов, 2019, с. 244 – 245, с. 352, табл. XXXVI, № 320, 320а, 320б].

При Антиохе IV Эпифане чеканятся драхмы типа «голова Аполлона вправо – горит влево, внизу и сверху надпись ΠΑΝΤΙΚΑΠΑΙΤΩΝ». Их вес варьируется от 4,15 до 4,29 г. [Анохин, 2011, с. 156 – 159, № 1082, 1092], что позволяет отнести эти драхмы к 175 – 164 гг. до н. э. Под горитом у этих драхм стоит монограмма предположительно имени Эпифана – ΙΠ (табл. I, 1,4). Прочтение монограммы справа налево – Эпифан – «явившийся Бог» [Ранович, 1950, с. 128]. Производными от этого корня «Эпифанос» являются имена «Эпифан, Эпифаний», имя Пифия буквально «зрячая, видящая». На селевкидских тетрадрахмах типа «Зевс – Никифорос» при правлении в Сирии Антиоха IV встречается эта очень редкая монограмма вместе с монограммой [Houghton, Catherin, and Oliver, 2008, vol. II, p. 474]. Эта монограмма принадлежит Гераклиду, другу царя и брату Тимарха – уроженцам Милета [Diod. Sic. 31.27a; App. Syr. 45 (235)]. Тимарх был сатрапом Мидии, а его брат – царским казна-

чеем. Они оставались на своих должностях и при царе Антиохе V. При Деметрии I Гераклид был отстранен от должности. Тимарх за восстание был казнен Деметрием I [App. Syr. 47 (242)].

Известен еще один тип пентобола «голова Аполлона вправо – лира, по бокам надпись ΠΑΝΤΙΚΑΠΑΙΤΩΝ, внизу монограмма **ΕΣ**», вес 2,73 г (табл. I, 8). Данная монограмма может обозначать имя ΕΥΠΑΤΟΡΟΣ, в виде первой и последней буквы третьего титула царя. У Селевкидов такие монограммы практиковались как пример – монограмма имени Антиоха . Данная монограмма встречается на монетах Антиоха VII [Houghton, Catherin, andOliver, 2008, vol. II, № 2092], Антиоха IX, как годовик 93 – 92 гг. до н. э. [Houghton, Catherin, and Oliver, 2008, vol. II, № 2381, 1-2, 2381, 3a]. Несмотря на то, что малолетний сын Антиоха IV, Антиох V, носил титул Евпатора и фиктивно правил всего лишь два года (164-162 гг. до н. э.) [Тарн, 1949, с. 50], нельзя данный пентобол с монограммой **ΕΣ** из-за его весовой нормы 2,73 г опускать ниже 170 г. до н. э. Ввиду чего пентобол с монограммой **ΕΣ** возможно отнести приблизительно к 170 г. до н. э., когда в Сирии правил Антиох IV Эпифан, а на Боспоре малолетний Перисад IV под присмотром своей матери-регентши, царицы Боспора Камасарии Филотекны. Данный пентобол стоит первым в ряду монет Пантикапея, чеканенных в период 175 – 164 гг. до н. э. В 164 г. до н. э. Антиох IV, направляясь для осуществления своих замыслов против парфян, умирает в пути у города Исфахана [Томсон, 1953, с. 250].

Пантикапейские монеты в период царствования в Сирии Деметрия I Сотера Никатора Филадельфа 162 – 150 гг. до н. э.

Пользуясь тем, что сын Антиоха IV, Антиох V, был ребенком, римляне потребовали уничтожения сирийского военного флота и боевых слонов. Этот малолетний царь правил недолго. Сын Селевка IV Деметрий I был отправлен заложником в Рим, взамен своего дяди Антиоха IV Эпифана. В 162 г. до н. э. Деметрий I (сын Селевка IV) тайно бежал из Рима с помощью греческого историка Полибия. В городе Триполе Деметрия I поддержало местное население. После чего Деметрий расправился с Антиохом V и регентом Лисием и стал править под именем Деметрий I Сотер. Позднее этот царь убил полководца Тимарха, а в Кападокии вместо Ариарата I посадил нового царя. Деметрий с 162 г. до н. э. стал править в Сирии [Тарн, 1949, с. 50].

Похоже, в Боспоре на небольшой промежуток времени стала возможной чеканка серебряных и золотых монет без монограмм. Это, прежде всего, драхмы типа «Голова Аполлона вправо – горит, ΠΑΝΤΙΚΑΠΑΙΤΩΝ» вес 4,16 г (табл. I,12). На драхме отсутствует монограмма, что ранее и позже не встречалось. К драхме примыкает безмонограммная гемидрахма типа «голова Аполлона вправо, в точечном ободке – тирс влево, ΠΑΝΤΙΚΑΠΑΙΤΩΝ», вес 1,75 г (табл. I, 14). Происходит из Sylloge Nummorum Graecorum Black Sea Coins in Danish Collections. Number: 028. По-видимому, в одну серию к этой драхме и гемидрахме примыкает статер весом 8,42 г с именем царя Перисада [Анохин, 2011, с. 184-185, № 1281]. У статера отсут-

ствует монограмма под рукой Афины. Эти безмонограммные монеты можно отнести ко времени ранее 162 г. до н. э., а именно 164 –163 гг. до н. э. Можно предположить, что ни у малолетнего царя Антиоха V Евпатора, ни у регентов Лисия и Тимарха не было средств заниматься финансированием Боспора. По-видимому, безмонограммные выпуски из золота и серебра финансировал сам Перисад IV, который продолжил чеканку золотых монет и после 162 г. до н. э. с незначительно уменьшенным весом – 8,39 г (Британский музей) (табл. I, 9) [Анохин, 2011, с. 184 –185, № 1285]. Вес золотых статеров варьируется с 8,40 г (табл. I, 10) (статер из собрания American Numismatic Society, New York. 1944.100.40974) до 8,49 г (табл. I, 11) (статер из собрания Bibliotheque nationale de France. Noticen°: FRBNF41830809). К данному периоду по весовым данным – 4,16 г, можно отнести драхму «голова Аполлона – горит, надпись ΠΑΝΤΙΚΑΠΑΙΤΩΝ, внизу монограмма » [Анохин, 2011, с. 158 –159, №1093]. Предположительно данную монограмму (табл. I, 13) можно отнести к одному из богатейших людей, известному ученому, политику, стратегу того времени – Полибию. Как пример, сирийская тетрадрахма типа «голова царя в повязке вправо, вокруг венок – Артемида на троне влево, в правой руке стрела, в левой рог изобилия, по бокам надпись ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΔΗΜΗΤΡΙΟΥ, слева монограмма ». Эта монограмма встречается очень часто, особенно при правлении в Сирии царя Александра I Баласа [Houghton, Catherin, andOliver, 2008, vol. II, plate 14, № 1633а, 1635б, 1636]. Полибий родился приблизительно в 200 г. до н. э., а умер в 123 г. до н. э. Принимал участие в делах Ахейского союза. Пользовался почетом у римлян, был приближенным у Сципиона. Автор трудов по истории в 40 томах, из которых полностью сохранились только 5 [Южаков, 1896, т. 15, с. 370 –371].

Полибий благодаря своим заслугам перед Римом и Селевкидами, в частности для Деметрия I [Тарн, 1949, с. 50], по-видимому, был причастен к доходам с территории Боспора. Такая же монограмма встречается на группе синопских монет II в. до н. э., монограммы которых очень близки монограммам на монетах Фарнака [Сапрыкин, 1996, с. 83]. Все это может указывать на участие этого известнейшего человека в экономике Сирии, Боспора и, может быть, Понта.

К данному периоду относится гемидрахма типа «голова Аполлона вправо, вокруг точечный ободок – тирс влево, ΠΑΝΤΙΚΑΠΑΙΤΩΝ» (табл. I, 15,16). На ее реверсе над тирсом стоит монограмма . Данная монограмма присутствует на монетах, относящихся ко времени правления селевкидских царей, обозначая такие имена, как Аршак из династии Аршакидов и Ариарат царь Кападокии. Но для нашего времени монограмма Аршака не могла быть на пантикапейских монетах, т. к. в это время в Парфии царствовал Митридат I (годы правления 171 – 138 гг. до н. э.). Его имя никоим образом не подходит под данную монограмму, тем более что Митридат I вел военные действия против Деметрия I [Юстин: XLI, 6].

Деметрий враждебно относился к Ариарату, царю Кападокии, за то, что он отверг брак с его сестрой. Ариарат был свергнут и заменен своим братом Ороферном [Юстин: 35; 1], ввиду чего это имя не могло фигурировать в данный период. Хотя

и маловероятно, но претендентом на эту монограмму мог быть другой Ариарат, который вместе с Аталом обучал Александра Баласа [Epit. 35.1.6]. Этим правителем мог быть Ариарат V Евсеб Филопатор – правитель Каппадокии (163 –130 гг. до н. э.), сын царя Ариарата IV и его жены Антиохиды, дочери Антиоха III Великого [Newell, 1968, с. 52]. Если это так, то данная гемидрахма датируется временем, когда в Сирии правил царь Александр Балас.

На мой взгляд, более вероятно предположение, что данная монограмма может относиться к скифскому царю Арготу. Этот правитель нам известен на основании надписи из КБН, в которой упоминаются Перисад IV Филометор, его мать Камасария, дочь царя Спартока и Аргот (без царского титула), супруг Камасарии. По мнению исследователей, вдова Перисада III заключила повторный, династический брак с представителем царской семьи одного из варварских племен между 170 –150 гг. до н. э. [Vinogradov, 1997, p. 531 –537; Stolyarik, 1998, p. 96 – 97; Толстиков, Виноградов, 1999, с. 295 – 296]. При исследовании датировок этих событий В. П. Яйленко отметил, что в списке жертвователей Аполлону Дидимейскому царица Камасария Филотекна выступает без Перисада III, предполагая, что Перисад III к этому времени уже умер (178/7 г. до н. э.) и Камасария правила одна, регентшей при малолетнем сыне – Перисаде IV [1990, с. 306]. Благодаря эпитафии скифского царя Аргота [Виноградов, Зайцев, 2003, с. 44 – 53] в истории Таврики выделяется политическое объединение Скифии и Боспора, после заключения династического брака царицы Камасарии и царя Скифии Аргота. Аргот при этом остается царем Скифии, но не имеет легитимных прав на Боспор. Царица выступала как соправитель своего сына Перисада. По-видимому, этот брак распался не позднее 154 г. до н. э. [Сидоренко, 2005, с. 68 – 69], поскольку в списке посвятителей храму Аполлона Дидимейского 154 г. до н. э. уже фигурирует царь Перисад, сын Камасарии [Латышев, 1909, с. 299]. Исходя из вышесказанного и весовой нормы, данную гемидрахму с монограммой можно датировать временным отрезком 162 – 154 гг. до н. э., когда в Сирии правил царь Деметрий I.

Падение Деметрия I приписывают Гераклиду, брату Тимарха. Гераклид поддерживал Александра Баласа, представляя его сыном Антиоха IV Эпифана. Гераклид убедил римский сенат поддерживать Александра Баласа. Деметрий I был повержен в 150 г. до н. э. [Pol., 33. 18. 14]

Пантикапейские монеты в период царствования в Сирии Александра I Баласа Филометора Эвергета Никатора Евпатора 150 –145 гг. до н. э.

Александр I – царь Сирии незнатного происхождения. Претензии на престол Александра были признаны Римом и Птолемеем VI Филометором, который в 149г. до н. э. выдал за Александра свою дочь Клеопатру Тею. После чего Птолемей VI осуществлял протекторат над царством Селевкидов. К чеканке монет Пантикапея 150 –145 гг. до н. э. можно отнести монеты с монограммой , которая, очевидно, принадлежит сирийской царице Клеопатре Теи. Данная монограмма встречается и на монетах Сирии, немного измененная [Houghton, Catherin, and Oliver, 2008, vol. II,

р. 507, 509, № 2261b, 2291.1-2]. В истории Сирии известны два случая, когда царь изображается на монетах вместе со своей супругой. В 160 г. до н. э. Деметрий I помещает на золотых и серебряных монетах возле изображения своей головы голову Лаодики [Houghton, Catherin, and Oliver, 2008, vol. II, plate 16, № 1686-1689]. Александр Бала также оказал почести своей супруге Клеопатре Тее [Houghton, Catherin, and Oliver, 2008, vol. II, plate 23, № 1841]. По-видимому, эти почести отразились и в том, что Клеопатра Тея в подарок от своего мужа Александра получала доход с боспорских земель. Прежде всего, возможно отнести к 150 –145 гг. до н. э. самую тяжелую драхму весом 4,15 г типа «голова Аполлона – горит, ΠΑΝΤΙΚΑΠΑΙΤΩΝ, внизу монограмма ⊤ » [Анохин, 2011, с. 158 –159, № 1100]. К данной драхме примыкает обол типа «голова Афины в шлеме вправо – колос, слева монограмма», вес 0,93 г и гемиобол типа «мужская голова вправо, точечный ободок – дельфин влево, внизу монограмма ⊤», вес 0,67 г [Анохин, 2011, с. 156 –159, № 1087, 1088, 1100] (табл. I, 17,18). Таким образом, в 150 – 145 гг. до н. э. выходит полная серия серебряных монет с монограммой Клеопатры Теи, которая состояла из драхмы, обола и гемиобола. Золотые статеры Пантикапея с именем Перисада в этот период отсутствуют. Например, в Сирии с приходом к власти Селевка II регулярный выпуск золотых монет прекращается [Бикерман, 1985, с. 200]. Отсюда следует, что каждый выпуск золотых монет у Селевкидов во II в. до н. э. зависел от каких-то особых обстоятельств [Segre. 1928, с.268]. Александр Бала выпустил свой последний золотой статер в Антиохии, который использовался в качестве донатива в армии [Бикерман, 1985, с. 201]. По-видимому, все статеры с именем царя Перисада также являются донативами.

Пантикапейские монеты в период царствования в Сирии Деметрия II Никатора Филадельфа (первое правление) 145 – 140 гг. до н. э.

Деметрий II во главе критских наемников начал борьбу за трон. Александр Балас был бездарен, поссорившись с Птолемеем VI, потерял его поддержку. Тот же стал поддерживать Деметрия II, отдав за него свою дочь Клеопатру Тею. В 145 г. до н. э. Александр Балас погибает и трон переходит к Деметрию II [Тарн, 1949, с. 51].

К выпускам монет Пантикапея, чеканенных при правлении в Сирии ДеметрияII Филадельфа в 145 –140 гг. до н. э., можно отнести тетрадрахму типа «бородатая голова вправо – Афина на троне влево, в поле монограмма Ф, надпись ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΠΑΙΡΙΣΑΔΟΥ», вес 14,10 г. Монета хранится в Государственном Эрмитаже под № 1179 [Анохин, 1986, с. 142, т. 5, № 161]. В. А. Анохин датирует данную тетрадрахму 155 – 145 гг. до н. э. До публикации эта крупная серебряная монета была незаслуженно объявлена подделкой [Орешников, 1913, с. 39, рис.13]. В. А. Анохин реабилитировал данную монету, отмечая, что она чеканилась Перисадом IV [1999, с. 97]. Пока это единственная монета с монограммой Ф, которую можно отнести к 145 –140 гг. до н. э., когда на Боспоре правил царь Перисад IV (годы правления 154 –110 гг. до н. э.). Монограмма Ф может обо-

значать второе имя Деметрия II Филадельфа. К данной тетрадрахме примыкает гемидрахма весом 1,80 г (табл. I, 22) типа «голова Аполлона вправо, точечный ободок – тирс, надпись ΠΑΝΤΙΚΑΠΑΙΤΩΝ, над тирсом монограмма , под тирсом вторая монограмма ΘΕ» [Анохин, 1986, т. 6, № 187б]. Монограмму можно отнести к Деметрию II Филадельфу. Вторую монограмму ΘΕ предположительно можно отнести к Теофилу (Феофилу). В надписи из Селевкии в Пиерии упоминается распоряжение Селевка IV к «Теофилу, властям Селевкии в Пиерии и городу». В ответном декрете города в надписи Теофил, исполняющий роль эпистата, представитель царя. Его имя в декрете стоит впереди архонтов. Это указывает, что Теофил стоял выше над архонтами [Ранович, 1950, с. 142; Бикерман, 1985, с. 180]. Значит, эпистат Теофил по должности стоял выше боспорского царя Перисада IV, который для Деметрия II и Теофила был архонтом. Ранее, будучи молодым человеком, Теофил служил сирийскому царю Селевку IV Филопатору до 175 г. до н. э. Он мог возобновить свою службу в 162 г. до н. э. и за какие-то заслуги получать доход, финансируя Боспор, т. е. Теофил уподобился Ионатану, который возвысился до титула «брата» царя при Александре Бала. А при Деметрии II вновь возвысился до первосвященника и титула «родственника» царя [Бикерман, 1985, с. 44]. Теофил также возвысился при Деметрии II. К этому же времени можно отнести гемидрахму, но с монограммой , монета из частной коллекции, вес 1,89 г (табл. I, 21а). Данная монограмма присутствует на сирийских драхмах типа «Аполлон на омфале» и на тетрадрахмах типа «Афина Никифорос» [Houghton, Catherin, and Oliver, 2008, vol. II, p. 492]. Из драхм к данному периоду 145 –140 гг. до н. э. возможно отнести драхмы того же типа, что и ранее, но под горитом, имеющие монограмму ΕΥ, которую можно предположительно отнести к третьему имени Клеопатры Теи – Еветерии (табл. I, 19). Деметрий II не носил второе имя Эвергет. Этот царь разделял власть в Сирии с Клеопатрой Теей. При его правлении на тетрадрахмах с Зевсом Никатором стоит такая же монограмма [Houghton, Catherin, and Oliver, 2008, vol. II, p. 505]. Очевидно, что она принадлежит Клеопатре Тее. Максимальный вес этих драхм не превышает 4,12 г. Кроме монограммы ΕΥ, выходят драхмы весом 4,11 г, с монограммой ΚΤΗ (табл. I, 20), которая может читаться как имя Клеопатры Теи и Деметрия II Никатора. В нумизматике Селевкидов встречаются монограммы из трех букв, например Asc. Эта монограмма ни в коей мере не может означать название города Асколона. Все попытки искать любой ценой название города в монограмме сомнительны. Комбинации букв обозначали, скорее всего, лиц, ответственных, за эмиссию [Бикерман, 1985, с.210 – 211]. К данной группе относится уникальный гемиобол весом 0,60 г, типа «мужская голова в точечном ободке – дельфин, сверху ΠΑ, внизу монограмма Δ». Предположительно данную монограмму можно отнести к Деметрию II (табл. I, 27). Монограмма ΠΑ, по-видимому, обозначала имя Перисада.

К правлению Деметрия II относят драхму типа «голова Аполлона вправо – горит, ΠΑΝΤΙΚΑΠΑΙΤΩΝ, под горитом якобы монограмма Деметрия **ΔΗ**», экземпляр, опубликованный В. А. Анохиным [1986, 179В; 2011, № 1085]. Данная

монета хранится в Государственном Эрмитаже под № 27012, имеет вес 2,91 г, требует корректировки, т. к. ее монограмма не ΔН, а ΛН.

Пантикапейские монеты в период единоличного правления в Сирии Клеопатры Теи 145 – 138 гг. до н. э.

Действия критских войск Деметрия II в Сирии неожиданно вызвали оппозицию. Полководец Александра I Баласа Диодот посадил на трон юного сына Баласа Антиоха VI. Амалкуй Аравитянин получил мальчика от его отца, Александра I, который сбежал в Аравию. В 145 г. до н. э. Диодот забрал царевича к себе и провозгласил его царем в противовес Деметрию II Никатору. В 142 г. до н. э. Диодот свергнул Антиоха VI, убив его, и сам стал править страной, присвоив корону себе, приняв имя Трифон. Деметрий II не смог свергнуть Трифона. Оставив Клеопатру править Сирией, Деметрий отбыл на восток, чтобы воевать с Митридатом I Парфянским. При боевых действиях Деметрий II попадает в плен к парфянам. В Сирии Клеопатра Тея противостоит Трифону [Тарн, 1949, с. 52].Монет с монограммой Трифона на Боспоре не существует. В Сирии Трифон умышленно отказывается от селевкидских традиций и изображает на реверсах своих монет военную каску [Бикерман, 1985, с.204]. Данный период составляет 145 – 138 гг. до н. э. Несмотря на все эти трудности, Клеопатра остается у власти в Сирии, получая доходы с Боспора. Об этом свидетельствуют драхмы с ее монограммой (табл. I, 20). Весовые нормы этих драхм составляют 4,11 г. К этому же периоду возможно отнести гемидрахму типа «голова Аполлона вправо, вокруг точечный ободок – тирс влево, сверху и снизу надписьΠΑΝΤΙΚΑΠΑΙΤΩΝ, над тирсом монограмма , снизу тирса монограмма ΘЕ» (табл. I, 22). Монограмму возможно отнести к боспорскому царю Перисаду IV (годы правления 154 –110 гг. до н.э.), который для сирийских царей был архонтом. По сравнению с предыдущей гимидрахмой монограмма Перисада IV заменяет монограмму Деметрия II, который в это время был в плену. Монограмма ΘЕ, видимо, относится к царскому эпистату Теофилу (Феофилу), который, скорее всего после пленения Деметрия II, продолжает оставаться на своем посту в Сирии и служить Клеопатре Тее вплоть до 138 г. до н. э., а может быть, и дольше [Тарн, 1949, с. 52]. Эту гемидрахму можно датировать 145 – 138 гг. до н. э.

Пантикапейские монеты в период царствования в Сирии Антиоха VII Сидета Эвергета и Клеопатры Теи 138 – 129 гг. до н. э.

В 139 г. до н. э. брат Деметрия II, Антиох VII Сидет, вернулся с Родоса на помощь Клеопатре. Через какое-то время Антиох VII Сидет женится на Клеопатре, после чего устраняет Трифона [Тарн, 1949, с. 52]. Видимо, это происходит к 138 г. до н. э. При Антиохе VII сделана попытка восстановить могущество Сирии. Была подчинена Иудея, возобновился поход на Парфию. Антиоха VII называли Великим царем, но парфяне выдвинули против него Деметрия II, бывшего со 138 г. до н. э. у них в плену. В результате чего войско Антиоха VII было уничтожено, а сам царь покончил с собой, бросившись в пропасть [Ранович, 1959, с. 133].

В этот период, по-видимому, продолжается чеканка мелких номиналов типа «голова Афины вправо, вокруг точечный ободок – пшеничный колос, внизу ΠΑΝ, слева

монограмма, лежащая на правом боку » (табл. I, 25) обол, вес 0,70 г. Второй номинал – гемиобол, вес 0,59 г, типа «мужская голова вправо в точечном ободке – дельфин влево, вверху ПА, справа та же монограмма » (табл. I, 26). По-видимому, вес драхмы в этот период составлял 4,06 г (табл. I, 28).

Пантикапейские монеты в период царствования в Сирии Деметрия II Никатора Филадельфа (второе правление) 129 – 126 гг. до н. э.

После гибели Антиоха VII к власти снова приходит Деметрий II, который был освобожден из плена. После возвращения домой Деметрий предъявил свои претензии на трон и Клеопатру. Став царем, он начал войну против Египта. Египет в противовес выдвинул Александра II Забина, якобы сына Александра I Баласа. Началась гражданская война, которую Деметрий проиграл. После поражения Деметрий бежал в Птолемаиду. Клеопатра Тея предала его, не открыв ворота города. При попытке к бегству Деметрий II был убит по приказу Клеопатры в 126 г. до н. э. [Тарн, 1949, с.60]. По-видимому, в данный период Боспор не чеканил своих монет с монограммой Деметрия II. В период 129 –126 гг. до н. э. на Боспоре могли чеканиться только драхмы с монограммой Клеопатры Теи. Вес этих драхм мог упасть до 4,05 г (табл. I,24). В Сирии Клеопатра выпускает монеты только от своего имени [Бикерман, 1985, с.203]. В этот год царица добилась гибели Деметрия II и Селевка V, после чего она возвела на трон Антиоха II. К этому же периоду можно отнести идентичные драхмы весом 4,03 г, но с монограммой **К** под горитом (табл. I, 30). На сирийских монетах монограмма **К** присутствует на серебряных тетрадрахмах типа «Аполлон на омфале» [Houghton, Catherin, and Oliver, 2008, vol. II, p. 491]. Наличие в монограмме одной буквы затрудняет определение имени правителя. На данную монограмму, кроме Клеопатры Теи, существует еще один претендент в лице боспорской царицы Камасарии Филотекны. В пользу данного предположения может быть тот факт, что драхмы этого же веса, но 4,03 г выпускались и со старой монограммой Клеопатры Теи (табл. I, 29). К этому же времени возможно отнести золотой статер царя Перисада весом 8,28 г, на котором под рукой Афины стоит монограмма **К** (табл. I, 23). Данный тип статера известен давно. Гарантию его подлинности дают два статера из Северского кургана, найденные в 1881 году. Их веса составляют 8,28 и 8,20г. Лицевые стороны чеканены одним штемпелем. Хранятся монеты в ГИМ [Зограф, 1951, табл. XLII, 25; Oreschnikow, 1883, С. 3. № 7; табл. I, 5; Бурачков, 1884, табл. XXIV, № 6, 7; Подшивалов, 1889, табл. II, 14; Minns, 1913, Pl. VI, 21; Шелов, 1956, табл. IX, 108; Анохин, 1986, табл. 6, № 185; Stolyarik, 2000, Pl. № 13 – ГИМ. № 386, № 12 - ГИМ. № 387; Фролова, 2010, с. 95 – 96, табл. XXII, № 386, 387].

Пантикапейские монеты в период царствования в Сирии Александра II Забина 129 –125 гг. до н. э.

После смерти Деметрия II Александр II взял под свой контроль почти всю территорию Сирии. За Теей оставалась Птолемаида и небольшие земли вокруг нее. Боспор, по-видимому, в это время прекращает чеканить монеты с монограммой Клеопатры. В дальнейшем, объединившись с Египтом в начале 125 г. до н. э., Клеопатра вместе

с Антиохом VIII начинает править Сирией. Александр II потерпев поражения, бежит в Антиохию, где, разграбив храм Зевса, обращает население против себя. Чуть позднее царь был схвачен и, вероятно, казнен Антиохом VIII в 123 г. до н. э. [Еврейская энциклопедия, 1908, т. 2, с. 783].

К данному выпуску можно отнести две драхмы из частной коллекции того же, что и ранее типа. Но первая драхма имеет дату **ΛΗ** (табл. I, 32),т. е. 38 год правления. Получается: 167-38=129 г. до н. э., т. е. первый год правления в Сирии Александра II Забина. Эта драхма к концу 129 г. могла весить 4,00 г (табл. I, 33). Вторая монета – драхма (вес 4,02 г), несущая на своем реверсе цифры года **ΑΜ** (табл. I, 31), обозначающие 41 год сирийских правителей (частная коллекция). Отсюда: 167-41=126 г. до н. э., т. е последний год правления Александра II Забина. Одно из величайших достижений Селевкидов было введение правильного календаря с фиксированной эрой. Этот календарь имел широкий охват, т. е. это был прогресс в сравнении с системой счета по магистратам – эпонимам или по годам правления царя. Даты исчислялись по годам с началом эры Селевкидов [Тарн, 1949, с. 154]. Именно при Александре II Забине на Боспоре появилась чеканка серебряных драхм с монограммами-годами правления. Эти монеты-годовики, скорее всего, указывают на то, что Александр II вмешивался в дела Клеопатры Теи, которая в это время была намного слабее него.

Пантикапейские монеты в период царствования в Сирии Клеопатры Теи 125 – 121 гг. до н. э.

В 125 г. до н. э., убив своего старшего сына Селевка V, Клеопатра Тея правила Сирией самостоятельно. В качестве своего соправителя царица выбрала младшего сына – Антиоха VIII Гриппа [Еврейская энциклопедия, 1908, т. 2, с. 783]. С возрастом Антиох VIII стал мешать матери править, предъявив претензии на трон. В 121 г. до н. э. Тея решила отравить сына. После охоты Антиоха VIII мучила жажда, мать предложила ему чашу с отравленным вином, Антиох заподозрил недоброе. Ранее такого никогда не было. Сын заставил насильно выпить это вино свою мать, после чего Тея скончалась. Убив мать, Антиох VIII Грипп был коронован. В 111 г. до н. э. Сирия была разделена на две части между Антиохом VIII и Антиохом IX Кизикинским. В 105 г. до н. э. началась новая война между двумя царями, которая продолжалась до 96 г. до н. э. В этот год был убит Антиох VIII своим советником Гераклеоном [Ранович, 1950, 133].

К данному времени, 125 – 121 гг. до н. э., можно отнести серебряные драхмы того же типа. Они выпускались как со старыми монограммами , так и с новыми монограммами Клеопатры Теи , весом 4 г (табл. I, 34) и монограммой КТ, весом 3,99г (табл. I, 35). К ним примыкает драхма с монограммой , по-видимому, лежащая на правом боку , весом 3,95 г (табл. I, 36). По всей видимости, данная монограмма может принадлежать боспорской царице Камасарии Филотекне. Чеканилась эта драхма приблизительно в 123 г. до н. э. После нее чеканились драхмы с каппой – К, с пониженным весом 3,80 г (табл. I, 37). Видимо, к концу 123 года вес драхмы на Боспоре снизился до 3,70 г (табл. I, 38). Поздние драхмы Клеопатры выпускались

в последний 121 г. до н. э. ее правления весом 3,63 г (табл. I, 39). Судя по драхмам с монограммой , а возможно и с каппой, царица Боспора Камасария Филотекна умирает своей смертью приблизительно в 122 г. до н. э., т. к. драхм с ее монограммами весом ниже 3,63 г не обнаружено.

У Спартокидов до времени Камасарии не было случая именования эпитетами, такими, как Филотекна (Любящая дитя) и Филометор (Любящий мать). Такие же эпитеты мы встречаем у поздних Ахеменидов. Митридат VI был женат на родной сестре Лаодике [Сапрыкин, 1996, с. 86]. Митридат IV имел эпитет Филопатр (Любящий отца) и Филодельф (Любящий сестру). Лаодика именовалась Филодельфа (Любящая брата). Такое синхронное совпадение не случайно и, по мнению некоторых исследователей, может указывать на боспоро-понтийские контакты [Русяева, 2002, с. 120 – 121]. Известно, что для этого времени и ранее никаких контактных свидетельств между Ахеменидами и Боспором не обнаружено [Молев, 1994, с. 106 – 109; Сапрыкин, 1996, с. 95]. Исходя из сходства синхронных эпитетов у Спартокидов и Ахеменидов на основании данной работы, можно полагать, что эти эпитеты были заимствованы Ахеменидами у Селевкидов благодаря их брачным союзам. Вавилонский список дает годы правления Александра после правления Дария III Кодомана, делая Александра и Селевкидов преемниками Ахеменидов, но Митридатиды имели более глубокие корни с Ахеменидами, нежели Македонская династия [Сапрыкин, 1996, с.28 – 30]. Несмотря на это, Митридатиды стремились к высшей степени эллинизации, относя себя к македонской династии. Первым взял себе в жены Селевкидскую принцессу Митридат II [Polib.,V. 43], исходя из того, что Селевкиды считались потомками Филиппа II и Александра Македонского. Сходство эпитетов у Спартокидов, очевидно, также было заимствовано от Селевкидов. Косвенной причиной этому может быть полная зависимость и подчинение царям Сирии со 167 г. по 95 г. до н. э. Главным фактором, очевидно, является происхождение самой Камасарии от ее отца Спартокида, царя Спартока V, и ее матери, о которой нам ничего неизвестно, по всей видимости, состоящей в родстве с царями Сирии. Все это, а также представленный корпус монет указывает, что во II в. до н. э. в Таврике формируется союзническое объединение из трех держав, в котором, по-видимому, лидирующая роль принадлежит Селевкидам. Кроме них, в этом союзном объединении участвовали Скифское и Боспорское царства. По-видимому, происхождение данного союза обязано мирному договору 179 г. до н. э. после поражения понтийского царя Фарнака I, в который вошли разные владыки азиатских стран, к ним же примкнул сарматский царь Гатал, гераклеоты, месембрияне, херсонессцы и кизекенцы [Polyb.,XXV, 2]. А также двусторонний договор Херсонеса Таврического и Фарнака I, при котором Селевкиды постепенно теряют свои позиции в Херсонесе. Боспор и Скифское царство благодаря этим договорам остаются не у дел [Молев, 1994, с. 106 – 113; Сапрыкин, 1986, с. 79], что и повлияло на данное союзное объединение, очевидно, зависящее от Римской империи. Основываясь на данных нумизматики в Сирии, Боспора и Понтийского царства, можно сделать вывод об экономических связях этих государств в данный период, т.к. мно-

гие монограммы Пантикапея, рассматриваемые в данной статье, совпадают не только с монограммами на сирийских монетах, но и с монограммами на монетах Амиса, Амастрии, Синопы, которые ранее были рассмотрены С. Ю. Сапрыкиным [1996, с. 82 – 83].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Анохин В. А. Монетное дело Боспора. Киев. Наукова думка. – 1986. – 179 с.

Анохин В. А. История Боспора Киммерийского. – К.: Одигитрия, 1999. – 249 с.

Анохин В. А. Античные монеты Северного Причерноморья: Каталог. – К.: Изд-во «Стилос», 2011. – 328 с.

Аппиан. Римские войны. Изд-во «Алетейя». СПб, 1994. – 784 с.

Бертье-Деллагард А. Л. О монетах властителей Боспора Киммерийского, определяемых монограммами // ЗООИД, т. XXIX. Одесса, 1911. – С. 117 – 232.

Бикерман Э. Государство Селевкидов. Пер. с франц. Л. М. Глускиной. М., Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1985. – 264 с.

Бурачков П. О. Общий каталог монет, принадлежащих эллинским колониям, существовавшим в древности на северном берегу Черного моря, в пределах нынешней Южной России. – Одесса. – 1884. – 289 с.

Виноградов Ю. Г., Зайцев Ю. П. Новый эпиграфический памятник из Неаполя Скифского // Археология. № 1. 2003. – С. 44-53.

Гиль Х. Х. Описание монет, поступивших в мое собрание в 1892 и 1893 гг. – СПб.:1895. – 15 с.

Голубцова Е. С. Северное Причерноморье и Рим на рубеже нашей эры // Причерноморье в античную эпоху. Изд-во АН СССР. – Москва. – 1951. – 136

Граков Б. Н. Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова и Малой Азии // ВДИ. 1939. №3. С. 231 – 315.

Диодор Сицилийский. ΒΙΒΛΙΟΘΗΚΗΣ ΙΣΤΟΡΙΚΗΣ // http://simposium.ru.

Еврейская энциклопедия / под ред. Л. Каценельсона, Д. Г. Гинцбурга. Т. 2., СПб. – 1908. – с. 960.

Зограф А. Н. Монеты Александра Великого и Лисимаха в находках Крыма и Кавказского побережья // Конференции археологов в Керчи. Бюллетень № 2. – Керчь. – 1926. – с. 3 – 4.

Зограф А. Н. Античные монеты // МИА, №16. М.- Л.: 1951. – 264 с.

Карышковский П. О. Селевкидские монеты, поступившие в Одесский Государственный археологический музей в 1960 г. // Краткие сообщения ОГУ и ОГАМ за 1960 г. Одесса. – 1961. – С. 85 – 88.

Карышковский П. О. Из истории отношений Селевкидского государства с городами Северо-Западного Причерноморья // Палестинский сборник, вып. 9 (72) М., Л.: Изд-во АН СССР. 1962. – С. 105 – 114.

Корпус боспорских надписей. Под ред. В. В. Струве / АН ССР. – М. – Л.: Наука. – 1965. – 951 с.

Кузищин В. И. Антология источников по истории, культуре и религии Древней Греции. Изд-во «Алетейя», Санкт-Петербург. – 2000. – 606 с.

Латышев В. В. Краткий очерк истории Боспорского царства. — В кн.: Понтика. Спб., 1909. – 358 с.

Моммзен Т. История Рима. Т. 3. От смерти Суллы до битвы при Тапсе. ОГИЗ ГОСПОЛИТИЗДАТ, Москва, 1941. Русский перевод И. М. Масюкова под общей редакцией Н. А. Машкина. – 539 с.

Молев Е. А. Боспор в период эллинизма. Нижний Новгород. Изд-во ННГУ. – 1994. – 140 с.

Ранович А. Б. Эллинизм и его историческая роль / предисл. В.Н. Дьякова и др. — М.: Издательство АН СССР, 1950. — 382 с.

Русяева А. С. Боспорская царица Камасария //Боспорские исследования II. Симферополь. – 2002. – С.109 – 144.

Орешников А. В. Монеты Херсонеса Таврического, царей Боспора Кимерийского и Полемона // НС. Т. II, 1913. – С. 1 – 48.

Подшивалов А. Монеты царей Босфора Киммерийского, династии Спартокидов и Ахеменидов (Эвпатор I) // ЗООИД. XV. Одесса. 1889. – С. 13 – 40.

Полибий. Всеобщая история / Полибий; пер. Ф. Г. Мищенко. – Москва: Директ-Медиа, 2008. – 3319 с.

Сапрыкин С. Ю. Гераклея Понтийская и Херсонес Таврический. Взаимоотношения метрополии и колонии в VI – I вв. до н. э. Монография. М.: Наука, – 1986. – 247с.

Сапрыкин С. Ю. Понтийское царство. Москва. «Наука». – 1996. – 348 с.

Сидоренко В. А. Эпитафия скифского царя Аргота //МАИЭТ. Выпуск. XI. Симферополь. – 2005. – С. 59 – 70.

Сидоренко В. А., Шонов И. В. Монограммы на монетах архонта Гюгиэнонта // Боспорские чтения XX. Симферополь-Керчь, 2019. – С. 507 – 512.

Тарн В. Эллинистическая цивилизация. Изд-во иностранной литературы. – Москва. 1949. – 371 с.

Томсон Дж. О. История древней географии. Изд-во иностранной литературы. – Москва. – 1953. – с. 590.

Толстиков В. П., Виноградов Ю. Г. Декрет Спартокидов из дворцового храма на акрополе Пантикапея // Евразийские древности. 100 лет Б. Н. Гракову: архивные материалы, публикации, статьи. М.: ИА РАН. – 1999. – С. 282 – 305.

Фролова Н. А. Античные золотые монеты в собрании Государственного исторического музея (от Античности до Византии) М.: Российская политическая энциклопедия. – 2010. – 363 с.

Фролова Н. А. Поддельные золотые статеры с именем Перисада // Древнее Причерноморье. Вып. X. Одесса: ФЛП А. С. Фридман. – 2013 – 616 – 626 с.

Шелов Д. Б. Монетное дело Боспора в VI – II вв. до н. э. – М.: Изд-во АН СССР. – 1956б. – 222 с.

Шофман А. С. История античной Македонии. Ч. 2: Македония и Рим. – Казань: Изд-во Казан. ун-та. 1963. – 434 с.

Шонов И. В. Серебряные монетные выпуски Херсонеса Таврического 249 – 189 гг. до н. э. // История и археология Крыма. Вып. X. – Симферополь. – 2019. – с. 97 – 104.

Шонов И. В. Серебряные монетные выпуски Херсонеса Таврического 246 – 189 гг. до н. э. // МАИЭТ. Вып. XXV. Симферополь. – 2020. – С. 427 – 437.

Шонов И. В. Монетная чеканка правителей Боспора VI – I вв. до н. э. – Симферополь: ИТ «Ариал», 2019. – 476 с.

Шонов И. В. Монограммы и изображения на монетах Пантикапея как атрибуты македонских царей 256 – 221 гг. до н. э. // История и археология Крыма. Вып. XII. Симферополь. – 2020. – С. 101 – 114.

Шонов И. В. Клад серебряных херсонесских монет II в. до н. э. // МАИЭТ. Вып. X. Симферополь. – 2003. – С. 342 – 354.

Шонов И. В. Деметрий III Эвкер в истории Боспора // Боспорские чтения XXII. – Симферополь-Керчь. – 2021. – С. 451 – 454.

Шонов И. В. Серебряные монетные выпуски Херсонеса Таврического 246 – 189 гг. до н. э. //

Материалы по археологии, истории и этнографии Таврики. Вып. XXV. – 2020. – С. 427 – 437.
Южаков С. Н. Большая энциклопедия. Изд-во. «Просвещение». – СПб. – 1896. – т. 15. – 794 с.
Юстин Марк Юниан. Эпитома сочинения Помпея Трога «История Филиппа». Книга XLI, 6 (6-7).
Яйленко В. П. Ольвия и Боспор в эллинистическую эпоху // Эллинизм: экономика, политика, культура. Москва. – 1990. – С. 249 – 309.
Houghton A., Catherin L., and Oliver H. Seleucid Coins: A Comprehensive Catalogue. Part II: Seleucus IV through Antiochus XIII, vols. II. New York and Lancaster, PA, 2008. – 536 pages, 119 plates, maps, appendices, concordances, and indices.
Le Rider G. Le Monnayage d'Argent et d'Or de Philippe II frappé en Macédoine de 359 à 294. – Paris: Bourgey, 1977. – 484 p.
Minns E. N. Scythians and Greeks. Cambridge: At the University Press, 1913. – 720 p.
Newell Edward Theodore. Royal Greek Portrait Coins. Front Cover. Whitman Publishing Company, 1968 – Coins, Greek – 128 p.
Oreschnikow A. W. Zur münzkunde des Cimmerischen Bosporus. Moskau. Alexander Lang. – 1883. – 22 s.
Ostin A. E. The Cambridge Ancient History Volume VIII, The last age of the Roman Republik. – Cambridge: Cambridge University Press, 1989. – 592 c.
Reinach Th. L` Histoire par les monnaies. – Paris: Leroux, 1902. – 269 p.
Segre A. Metrologia e circolazione monetaria degli antichi. Bologna. 1928. – p. 546.
Seltman C. T. Greek coins: a history of metallic currency and coinage down to the fall of the Hellenistic kingdoms. – London: Methuen, 1955. – 2nd ed. – 311 p.
Stolyarik E. The region and chronology of the archon Hygiaenon // American Journal of Numismatics. Second Series 10. 1998. – P. 94-112.
Stolyarik. E. The Gold Coinage of the Bosporan Kingdom under the late Spartocids. in Bernd Klugge and Bernhard Weisser, eds. XII Internationaler Numismatischer Kongress, 1997. (Berlin). 2000. – pp. 378 – 383.
Vinogradov Ju. G. Pontische Studien. Mainz: von Zabern.1997. – 703 p.

REFERENCES

Anohin V. A. Monetnoe delo Bospora. Kiev. Naukova dumka. – 1986. – 179 s.
Anohin V. A. Istorija Bospora Kimmerijskogo. K.: Odigitrija, 1999. – 249 s.
Anohin V. A. Antichnye monety Severnogo Prichernomor'ja: Katalog. – K.: Izd-vo «Stilos», 2011. – 328 s.
Appian. Rimskie vojny. Izd-vo «Aletejja». SPb, 1994. – 784 s.
Bert'e-Dellagard A. L. O monetah vlastitelej Bospora Kimmerijskogo, opredeljaemyh monogrammami // ZOOID, t. XXIX. Odessa, 1911. – S. 117 – 232.
Bikerman Je. Gosudarstvo Selevkidov. Per. s franc. L. M. Gluskinoj. M., Glavnaja redakcija vostochnoj literatury izdatel'stva «Nauka», 1985. – 264 s.
Burachkov P. O. Obshhij katalog monet, prinadlezhashhih jellinskim kolonijam sushhestvovavshih v drevnosti na severnom beregu Chernogo morja, v predelah nyneshnej Juzhnoj Rossii. – Odessa. – 1884. – 289 s.
Vinogradov Ju. G., Zajcev Ju. P. Novyj jepigraficheskij pamjatnik iz Neapolja Skifskogo // Arheologija. № 1. 2003. – S. 44 – 53.

Gil' H. H. Opisanie monet, postupivshih v moe sobranie v 1892 i 1893 gg. – SPb.:1895. – 15 s.
Golubcova E. S. Severnoe Prichernomor'e i Rim na rubezhe nashej jery // Prichernomor'e v antichnuju jepohu. Izd-vo AN SSSR. – Moskva. – 1951. – 136 s.
Grakov B. N. Materialy po istorii Skifii v grecheskih nadpisjah Balkanskogo poluostrova i Maloj Azii // VDI. 1939. № 3. S. 231 – 315.
Evrejskaja jenciklopedija / pod red. L. Kacenel'sona, D. G. Gincburga. T. 2., SPb. – 1908. – s. 960.
Zograf A. N. Monety Aleksandra Velikogo i Lisimaha v nahodkah Kryma i Kavkazskogo poberezh'ja // Konferencii Arheologov v Kerchi. Bjulleten' № 2. – Kerch'. – 1926. – S. 3 – 4.
Zograf A. N. Antichnye monety // MIA, №16. M.- L.: 1951. – 264 s.
Karyshkovskij P. O. Selevkidskie monety, postupivshie v Odesskij Gosudarstvennyj arheologicheskij muzej v 1960 g. // Kratkie soobshhenija OGU i OGAM za 1960 g. Odessa. – 1961. – S. 85 – 88.
Karyshkovskij P. O. Iz istorii otnoshenij Selevkidskogo gosudarstva s gorodami severo-zapadnogo Prichernomor'ja // Palestinskij sbornik, vyp. 9 (72) M., L.: Izd-vo AN SSSR. 1962. – S. 105 – 114.
Korpus bosporskih nadpisej. Pod red. V. V. Struve / AN SSR. – M. – L.: Nauka. – 1965. – 951 s.
Kuzishhin V. I. Antologija istochnikov po istorii, kul'ture i religii drevnej Grecii. Izd - vo «Aletejja»., Sankt-Peterburg. – 2000. – 606 s.
Latyshev V. V. Kratkij ocherk istorii Bosporskogo carstva. — V kn.: Pontika. Spb., 1909. – 358 s.
Mommzen T. Istorija Rima. T. 3. Ot smerti Sully do bitvy pri Tapse. OGIZ GOSPOLITIZDAT, Moskva, 1941. Russkij perevod I. M. Masjukova pod obshhej redakciej N. A. Mashkina. – 539 s.
Molev E. A. Bospor v period jellinizma. Nizhnij Novgorod. Izd-vo NNGU. – 1994. – 140 s.
Ranovich A. B. Jellinizm i ego istoricheskaja rol' / predisl. V.N. D'jakova i dr. — M.: Izdatel'stvo AN SSSR, 1950. — 382 s.
Rusjaeva A. S. Bosporskaja carica Kamasarija //Bosporskie issledovanija II. Simferopol'. – 2002. – S.109 – 144.
Oreshnikov A. V. Monety Hersonesa Tavricheskogo, carej Bospora Kimerijskogo i Polemona // NS. T. II, 1913. – S. 1 – 48.
Podshivalov A. Monety carej Bosfora Kimmerijskogo, dinastii Spartakidov i Ahemenidov (Jevpator I) // ZOOID. XV. Odessa. 1889. – S. 13 – 40.
Polibij. Vseobshhaja istorija / Polibij; per. F. G. Mishhenko. – Moskva: Direkt-Media, 2008. – 3319 s.
Saprykin S. Ju. Gerakleja Pontijskaja i Hersones Tavricheskij. Vzaimootnoshenija metropolii i kolonii v VI – I vv. do n. je. Monografija. M.: Nauka, – 1986. – 247s.
Saprykin S. Ju. Pontijskoe carstvo. Moskva. «Nauka». – 1996. – 348 s.
Sidorenko V. A. Jepitafija skifskogo carja Argota //MAIJeT. Vypusk. XI. Simferopol'. – 2005. – S. 59 – 70.
Sidorenko V. A., Shonov I. V. Monogrammy na monetah arhonta Gjugijenonta // Bosporskie chtenija XX. Simferopol'-Kerch', 2019. – S. 507-512.
Tarn V. Jellinisticheskaja civilizacija. Izd-vo Inostrannoj literatury. – Moskva. 1949. – 371 s.
Tomson Dzh. O. Istorija drevnej geografii. Izd-vo inostrannoj literatury. – Moskva. – 1953. – S. 590.
Tolstikov V. P., Vinogradov Ju. G. Dekret Spartokidov iz dvorcovogo hrama na akropole Pantikapeja // Evrazijskie drevnosti. 100 let B. N. Grakovu: arhivnye materialy, publikacii, stat'i. M.: IA RAN. – 1999. – S. 282 – 305.
Frolova N. A. Antichnye zolotye monety v sobranii Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeja (ot antichnosti do Vizantii) M.: Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija. – 2010. – 363 s.
Frolova N. A. Poddel'nye zolotye statery s imenem Perisada // Drevnee Prichernomor'e. Vyp. X. Odessa: FLP A. S. Fridman. – 2013 – 616 – 626 s.

Shelov D. B. Monetnoe delo Bospora v VI – II vv. do n. je. – M.: Izd-vo AN SSSR. – 1956b. – 222 s.
Shofman A. S. Istorija antichnoj Makedonii. Ch. 2: Makedonija i Rim. – Kazan': Izd-vo Kazan. un-ta. 1963. – 434 s.
Shonov I. V. Serebrjanye monetnye vypuski Hersonesa Tavricheskogo 249 – 189 gg. do n. je. // Istorija i arheologija Kryma. Vyp. X. – Simferopol'. – 2019. – S. 97 – 104.
Shonov I. V. Serebrjanye monetnye vypuski Hersonesa Tavricheskogo 246 – 189 gg. do n. je. // MAIJeT. Vyp. XXV. Simferopol'. – 2020. – S. 427 – 437.
Shonov I. V. Monetnaja chekanka pravitelej Bospora VI-I vv. do n. je. – Simferopol': IT «Arial», 2019. – 476 s.
Shonov I. V. Monogrammy i izobrazhenija na monetah Pantikapeja, kak atributy makedonskih carej 256-221 gg. do n. je. // Istorija i arheologija Kryma. Vyp. XII. Simferopol'. – 2020. – S. 101 – 114.
Shonov I. V. Klad serebrjanyh hersonesskih monet II v. do n. je. // MAIJeT. Vyp. X. Simferopol'. – 2003. – S. 342 – 354.
Shonov I. V. Demetrij III Jevker v istorii Bospora // Bosporskie chtenija XXII. – Simferopol'-Kerch'. – 2021. – S. 451 – 454.
Shonov I. V. Serebrjanye monetnye vypuski Hersonesa Tavricheskogo 246-189 gg. do n. je. // Materialy po arheologii, istorii i jetnografii Tavriki. Vyp. XXV. – 2020. – S. 427 – 437.
Juzhakov S. N. Bol'shaja jenciklopedija. Izd-vo. «Prosveshhenie». – SPb. – 1896. – t. 15. – 794 s.
Justin Mark Junian. Jepitoma sochinenija Pompeja Troga «Istorija Filippa». Kniga XLI, 6 (6-7).
Jajlenko V. P. Ol'vija i Bospor v jellinisticheskuju jepohu // Jellinizm: jekonomika, politika, kul'tura. Moskva. – 1990. – S. 249 – 309.
Houghton A., Catherin L., and Oliver H. Seleucid Coins: A Comprehensive Catalogue. Part II: Seleucus IV through Antiochus XIII, vols. II. New York and Lancaster, PA, 2008. – 536 pages, 119 plates, maps, appendices, concordances, and indices.
Le Rider G. Le Monnayage d'Argent et d'Or de Philippe II frappé en Macédoine de 359 à 294. – Paris: Bourgey, 1977. – 484 p.
Minns E. N. Scythians and Greeks. Cambridge: At the University Press, 1913. – 720 r.
Newell Edward Theodore. Royal Greek Portrait Coins. Front Cover. Whitman Publishing Company, 1968 – Coins, Greek – 128 p.
Oreschnikow A. W. Zur münzkunde des Cimmerischen Bosporus. Moskau. Alexander Lang. – 1883. – 22 s.
Ostin A. E. The Cambridge Ancient History Volume VIII, The last age of the Roman Republik. – Cambridge: Cambridge University Press, 1989. – 592 s.
Reinach Th. L` Histoire par les monnaies. – Paris: Leroux, 1902. – 269 p.
Segre A. Metrologia e circolazione monetaria degli antichi. Bologna. 1928. – r. 546.
Seltman C. T. Greek coins: a history of metallic currency and coinage down to the fall of the Hellenistic kingdoms. – London: Methuen, 1955. – 2nd ed. – 311 p.
Stolyarik E. The region and chronology of the archon Hygiaenon //American Journal of Numismatics. Second Series 10. 1998. – P. 94 – 112.
Stolyarik. E. The Gold Coinage of the Bosporan Kingdom under the late Spartocids. in Bernd Klugge and Bernhard Weisser, eds. XII Internationaler Numismatischer Kongress, 1997. (Berlin). 2000. – Pp. 378 – 383.
Vinogradov Ju. G. Pontische Studien. Mainz: von Zabern.1997. – 703 p.

Резюме

История Боспорского царства во II вв. до н. э. была связана с государством Селевкидов. Изучение местного нумизматического материала II в. до н. э. и сличение его с монетами Сирии по иконографии и монограммам проливают свет на политическую ситуацию на Боспоре во II в. до н. э. Очевидно, к 168 г. до н. э. селевкидские цари получают в дар Боспор, ранее входивший в зону влияния Македонии. Данная работа предлагает анализ нумизматического материала Пантикапея и Сирии со 168 до 122 г. до н. э. Селевкиды в эти годы занимали доминирующее положение в Причерноморье, сохраняя за собой значение крупнейшего центра в мировой торговле. Все монеты из серебра и золота являются индикатором крупных денежно-торговых операций на территории Боспора, основные доходы от которых, по-видимому, получали архонты Боспора и цари Сирии, а также их приближенные.

Ключевые слова: Сирия, монограмма, Боспор, Северное Причерноморье, драхма, Херсонес, Селевкиды.

Summary

The history of the Bosporan Kingdom in the II century BC was associated with the Seleucid state. Study of the local numismatic material of the II century BC and its comparison with the coins of Syria by iconography and monograms sheds light on the political situation on the Bosporus in the II century BC. Obviously, that by 168 BC, the Seleucid kings received a gift of Bosporus, previously part of the zone of influence of Macedonia. This work offers an analysis of the numismatic material of Panticapaeum and Syria from 168 to 122 BC. During these years, the Seleucids occupied a dominant position in the Black Sea region, retaining the importance of the largest center in world trade. All coins made of silver and gold are an indicator of large monetary and trading operations on the territory of Bosporus, the main income from which, apparently, was received by the archons of Bosporus and the kings of Syria, as well as their entourage.

Key words: Syria, monogram, Bosporus, Northern Black Sea region, drachma, Chersonesos, Seleucids.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ
Шонов Игорь Валентинович,
младший научный сотрудник,
Институт археологии Крыма РАН,
просп. Академика В. И. Вернадского, 2,
295007, г. Симферополь, Российская Федерация.
crimea_1604@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR
Shonov Igor Valentinovich,
Junior Researcher,
Institute of Archeology of Crimea RAS,
ave. Academician V.I. Vernadsky, 2,
295007, Simferopol, Russian Federation.
crimea_1604@mail.ru

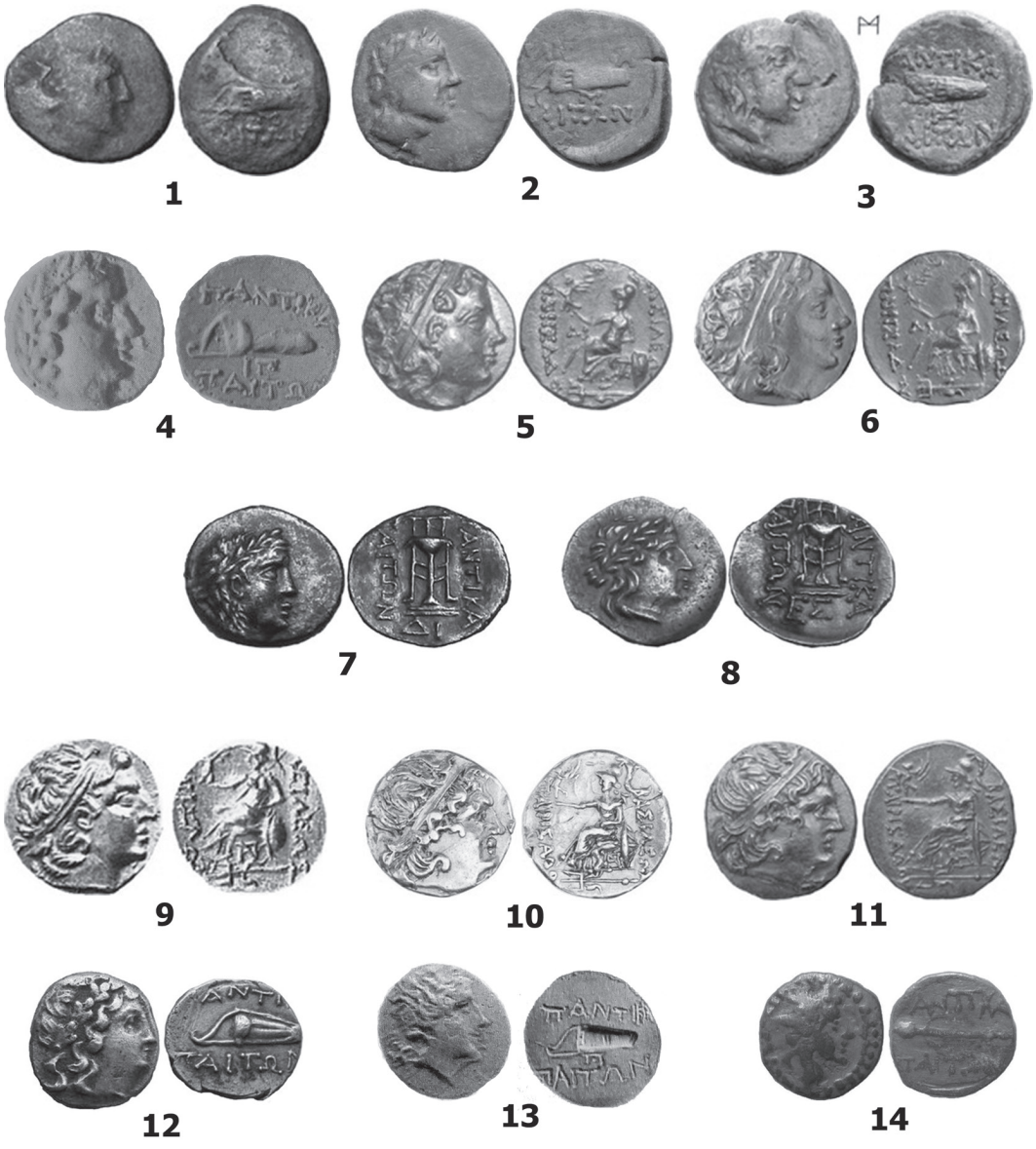

Таблица 1 (1 – 14).

Таблица 1 (15 – 30).

Таблица 1 (31 – 39).

В.А. СИДОРЕНКО
V.A. SIDORENKO

ШТЕМПЕЛЬНЫЙ МЕТОД[1] В НУМИЗМАТИКЕ БОСПОРА И КРЫМА

MINT-STAMP METHOD IN NUMISMATIC OF BOSPOROS AND CRIMEA

Получивший название «штемпельного» [Зограф, 1951, с. 22, 107], метод заключается в визуальном сопоставлении не монетных штемпелей, а оттисков индивидуального горельефного рисунка рабочей поверхности этих орудий монетного производства на монетах. Благодаря парности участвующих в работе штемпелей, несинхронности их износа и разновременности замены новыми появляется возможность реконструировать связываемую «переходными» штемпелями оборотных сторон цепочку штемпельной последовательности и отражаемую ею относительную хронологию монетных видов. Объективность штемпельного выдвигает его на роль первичного по отношению к типологическому, палеографическому, метрологическому и аналитическому методам при условии, когда количество привлекаемых к исследованиям монет достигает достаточного для этого числа.

В последней четверти XIX в. Ф.Имхоф-Блумер отмечал, что «монеты, битые одним и тем же штемпелем (хотя бы с одной только стороны), нередки и что, наблюдая подобные случаи, мы можем вывести заключение об изготовлении таких монет в одной мастерской и, во всяком случае, о близости их по времени, поскольку перевоз матриц и долговременность нахождения их в работе маловероятны» [Зограф, 1951, с. 22]. Исследователь не имел в виду конкретную эпоху, и под «матрицами» понимались им штемпели независимо от технических особенностей их использования. Уже с Античности для качественной чеканки и дочеканки (после промежуточного отжига меди и бронзы) крупных монет появляются подвижно соединенные между собой в пары штемпели, перемещение которых между монетными дворами тем более маловероятно, так как нижний прочно крепился к устойчивому основанию, от которого, возможно, не отделялся даже при замене подвижного верхнего (оборотных сторон) или ремонте его с обновлением рабочей поверхности (рис. 1, 3-4). Для механически спаренных переустановка бывавшего в эксплуатации верхнего штемпеля на новый нижний (лицевых) связывается с утратой прежнего лицевого по причине его износа или вынужденной сменой монетного типа лицевой стороны (например, с новым правителем). В результате такой смены появляются пары монет с оттисками «пере-

[1]Работа выполнена в рамках проекта по госзаданию Минобрнауки РФ № FZEG-2020-0029 по теме «Влияние Византийской империи на исторические процессы в средневековом Крыму».

ходного» штемпеля оборотных сторон и общим для них – лицевых, связывающих смежные монетные виды в звено цепочки последовательностей их использования. Поскольку эксплуатация нижнего (лицевого) штемпеля более продолжительна, то на время его работы приходится замена большего числа верхних (оборонных) штемпелей: в чеканке медных монет – в среднем около шести, серебряных – иногда значительно больше. Таким образом, выявляются непереходные штемпели оборотных сторон, связанные с единственным для них лицевым. Хронологическую последовательность таких штемпелей и соответствующее расположение между «переходными» в общей нумерации может подсказать только возрастание степени износа общего для них – лицевого, наблюдаемая по его оттискам на монетах без значительных повреждений их поверхности. Результатом штемпельного исследования должно являться построение непрерывной цепочки штемпельных связей и присвоение штемпелям соответствующей их хронологической последовательности цифровой или алфавитной нумераций, в которых, по выражению А.Н. Зографа, «последовательный порядок не может быть нарушен» [Зограф, 1951, с. 107]. Можно отметить, что с принципами «штемпельного» метода знакомы не все нумизматы, и совершенно не знакомы редакторы русскоязычных (к стыду) изданий, где публикуются статьи по нумизматике.

Дискредитации научного объективного (по определению А.Н. Зографа) метода послужило выявление якобы шестнадцатилетнего перерыва в использовании штемпеля тетрассариев Херсонеса [Анохин, 1963, с. 69], ставившее под сомнения возможность использования этого метода исследований как в античной, так и в средневековой нумизматике. Неправильно понимаемая учеными-нумизматами как перевод латинского лозунга Pasis Augusti [Орешников, 1892, с. 26], Pax Augusta [Зограф, 1951, с. 157], или читаемая как «Мирры Августы» [Анохин, 1963] греческая легенда тетрассариев – Εἰφρηϖνής σεβαστῆς ‘священного мира’ являлась названием исторического периода Херсонеса, которое, подобно следовавшему за ним ’ελεθ῾ερας ‘свобода’, отражало в монетной легенде политический статус города во взаимоотношенях с Римом. Штемпельная последовательность обнаруживает не имевший перерыва переход битых общим штемпелем лицевой стороны тетрассариев от даты 96 г. (херсонесской эры) к 120 г. [Сидоренко, 2013, с. 354], что можно объяснить только тем, что для датировки тетрассариев наряду с летоисчислением эры «царствования Девы» (с 25 г. до н.э.) в Херсонесе использовалась и эра, отсчет которой велся от получения городом свободы от Цезаря в 47 г. до н.э.

Непонимание цели и задач научного штемпельного метода наблюдается в работах Н.А. Фроловой, чьи отдельные статьи [Фролова, 1975; 1983; 1984; 1988; 1992(1); 1992(2)] и сводное издание по нумизматике Античного Боспора [Фролова, 1997] вносили путаницу в датировку и периодизацию монетных выпусков, хронологию правлений боспорских царей, а попытка совместить типологический (по дифферентам) метод с имитацией штемпельного, игнорирование принципа последовательности в классификации штемпелей и произвольное распределение монет по годам по-

родили вымышленные даты чеканок и правлений царей, причем некоторые из монет с идентичными оттисками штемпелей обеих сторон получили у Н.А. Фроловой две даты [Сидоренко, 2011, с. 460–467]. Произвольный порядок использования букв алфавита в нумерации штемпелей представляет профанацию метода, научность которого прямо отрицается, лишая нумизматику ее главной доказательной базы. По мнению Н.А. Фроловой, «определять время выпуска боспорских статеров на основании одного лишь сходства штемпелей л. с. является недопустимой ошибкой» [Фролова, 1997, с. 115]. По-своему понимая суть метода, она пишет: «Поштемпельный анализ статеров Фофорса всех лет чеканки показал, что штемпели л. с. для каждого года чеканки новые» [Фролова, 1997, с. 84], но при исследовании выявляется 15 переходных между годами лицевых штемпелей статеров Фофорса для 13 лет его правления [Сидоренко, 2011, с. 465–466]. Если бы Н.А. Фролова принимала во внимание использование механически сопряженных штемпелей в чеканке Боспора римского времени, то, возможно, избежала б ошибок, вытекающих из непонимания принципа организации монетного дела.

В чеканке сопряженно-спаренными штемпелями лицевой штемпель может сочетаться не только с двумя «переходными» оборотными при ограниченном его износостойкостью числе «непереходных», если в производстве монетного двора участвуют не один, а несколько ответственных за выпуски лиц, чьи личные дифференты отображаются на верхних штемпелях. Такой «переход» лицевого штемпеля сопровождается сменой дифферента верхнего штемпеля, ранее размещавшегося на «переходных» и «непереходных» штемпелях. В монетной чеканке золотых, электровых и серебряных статеров в позднеантичном Боспорском царстве, где число дифферентов, одновременно участвующих в производстве ответственных за выпуски, доходило до пяти, отмечаются случаи перехода нижнего штемпеля к другому монетарию с новым или ранее используемым дифферентом – в связи с прекращением работы первого монетария, отражающимся на исключении его дифферента из дальнейшего использования. Другое наблюдаемое явление представляет эксплуатация старых оборотных штемпелей с более ранней датой, чем время введения в производство штемпеля лицевой стороны, определяемое датами «переходного» и остальных сочетающихся с ним верхних штемпелей. Также отмечаются случаи использования в работе лицевого штемпеля с изображением бюста боспорского царя и легендой с его именем для чеканки монет первых лет правления его преемника. Это говорит о непринципиальном значении соответствия обозначаемой на монете даты реальному времени ее выпуска, устанавливаемому штемпельным методом, соответствия даты на монете годам правления царя, чей портрет и легенда помещаемы на лицевой стороне монеты, но непременности присутствии на ней дифферента монетария, ответственного за выпуск.

Монетные чеканки свободно совмещаемыми, механически не связанными между собой штемпелями, какие применялись в золотоордынском, русском и других производствах относительно малых серебряных и медных монет, отлича-

ют перекрестные связи в цепочке последовательности их видоизменений, отсутствующие в чеканке сопряженно-спаренными штемпелями. Следует заметить, что в построении схемы штемпельных связей свободных в перемещении орудий производства имеет значение выявление количества одновременно участвующих в работе лицевых штемпелей, начала и конца цепочек «переходных», оптимализация «перекрестных» и «непереходных» связей в их графическом выражении, после которых может устанавливаться окончательная нумерация. К сожалению, в нумизматике Золотой Орды не все исследователи знакомы с этим принципом, а в работе, посвященной ее методологии, как примеры построения схем соотношений штемпелей приводятся рисунки [Петров, 2011, с. 9–12, рис. 1, 3–5], которые не отвечают требованиям оптимализации, обеспечивающей в порядке расположения в рядах и в нумерации минимальный разнос линии штемпельных связей. Но если недоработка схемы до завершенного состояния поправима и может быть отнесена только к погрешностям при отсутствии ошибок в ее исходных данных, то дискредитацией штемпельного метода является использование недостоверных и непроверенных отраженных сведений, произвольное установление последовательности штемпелей независимо от их связей, вынесение связанных «переходным» оборотным лицевых штемпелей в начало и конец разорванной цепочки, замыкаемой ими в круг и тому подобное. Примеры такого фальсифицирования метода существуют [Пономарев, 2015, рис. 2].

Нумизматические исследования, построенные на аналитических заключениях без использования сравнительно-штемпельного анализа, часто оказываются «колоссом на глиняных ногах», рассыпающимися после применения объективного «штемпельного» метода. Обращаясь к монетному делу средневековых Боспора и Херсона, отметим необходимость рассмотрения их денежных рынков как производных византийской системы денежного обращения, сохранявших контакты с центром – Константинополем и подчинявшимися его предписаниями. Приспособление их к общеимперскому монетному обращению диктовало подражательность монетных типов, а также сходство в организации монетного производства.

Среди продукции монетного двора Константинополя обнаруживаются два фоллиса Юстина II первого (665) года его правления (рис. 1, 1-2), чеканенные общим для них штемпелем лицевой стороны, отмеченные на оборотных сторонах разными цифровыми дифферентами – Г (3) и Є (5), размещаемыми под ломаной гастой крупного знака номинала М (40). Можно предположить, что эти дифференты, именуемые оффицинами, не представляют собой номеров мастерских монетного двора, каковыми обычно считаются, а являются символами, связанными с контролем монетного производства. Одно из предполагавшихся значений «оффицины» как должности лица, ответственного за выпуск, казалось бы, находит здесь подтверждение. Обстоятельное типологическое исследование византийской чеканки, осуществленное В. Ханом, показывает наличие обозначений пяти оффицин на фоллисах и гемифоллисах Константинополя всех годов правления Юстина II [Hahn, 1975.

S. 93–97, № 43–44], кроме последнего (13-го), на фоллисах которого известны только два дифферента: A (1) и B (2) [Hahn, 1975. S. 95]. Поскольку счисление по годам правлений императоров является индиктовым и начало индиктного года не совпадает с календарным, то напрашивается вопрос, не является ли в выпусках крупных медных номиналов нумерация четырех из пяти оффицин константинопольского монетного двора обозначением кварталов года индикта, а пятая – иметь отличающееся от их функций особое значение? Подобное обстоятельство могло бы объяснить как переход общего лицевого штемпеля двух константинопольских фоллисов Юстина II первого года его правления (рис. 1, 1-2) от цифрового дифферента Γ (3) к Є (5) на оборотных сторонах (минуя четверку), но и обозначения монетного двора на чеканенных в Херсонесе бронзовых монетах Льва I и Верины, которые в обрезе на оборотных сторонах содержат буквы CONE. Обособленный от продолжения херсонской чеканки монет Льва I общий вид монет Льва I и Верины, отсутствие в написании их легенд ошибок предполагают изготовление их парно-сопряженных штемпелей в византийской столице для воинской чеканки, осуществлявшейся далеко за пределами ее монетного двора. Вопрос возникает и потому, что более нуждающиеся в контроле золотые солиды Константинополя имеют одну индиктацию первого десятка годов правления. Ответить на него могло бы исследование штемпельным методом константинопольской крупной меди.

В монетной чеканке средневекового Боспора, а также фоллисов и гемифоллисов Херсона дифференты оффицин не помещаются на монетах, возможно потому, что объемы их производства были значительно меньше столичного и строгого контроля над учетом продукции для них не требовалось.

В условиях применения только одной пары механически сопряженных штемпелей для каждого из номиналов, что отличает монетное дело средневековых Херсона и Боспора, редкость связей, образуемых разновременной сменой лицевых при сохранении в работе оборотного штемпеля, особенно заметна. По этой причине монетная чеканка Херсона и причислявшаяся к ней – средневекового Боспора часто рассматривались как эпизодические выпуски монет с какими-то временными промежутками, в которые прежние штемпели утрачивались. По выражению В. Хана, отметившего отсутствие штемпельных связей между лицевыми штемпелями херсонских и принимаемых им за таковые боспорских монет времени Маврикия Тиберия, «следует думать не о непрерывной чеканке между 574 и 602, а о прерывистой» [Hahn 1978, p. 471]. Суждения, что монетные выпуски Херсона и относимые к нему – Боспора [Сидоренко, 2003, с. 374–376; Sidorenko 2007: 94–97, 102, pl. XIII] носили эмпирический характер, высказывавшееся исследователями, строилось на ошибочном представлении о производстве этих монет, свободно совмещавшимися штемпелями.

В нумизматике еще встречается мнение, что к монетам, чеканенным сопряженными штемпелями, относятся только те, соотношение осей которых соответствует строгой ориентации на шесть (↑↓, vi) или двенадцать (↑↑, xii) часов по циферблату, другие же (↑→, ↑←, ↑↗, ↑↙, ↑↖, ↑↘ ...) – якобы появились в результате исполь-

зования свободных штемпелей, меняющих соотношения осей на оттисках при чеканке. Причина ошибки заключается в сравнениях ориентаций осей сторон монет одного типа, но разных видов, представленных единичными экземплярами, а также и в недостаточной точности выражения соотношений осей по часовой шкале. Сопряженными штемпелями чеканились и римские, и византийские монеты. То же характерно для византийских чеканок Боспора и Херсона, что устанавливается в результате сравнения соотношений осей монет одного вида (сочетания штемпелей). Использование на Боспоре механически сопряженных штемпелей демонстрируют монеты Маврикия Тиберия (582–602) и Константа II (641–668), представляемые в горизонтальном развороте сторон (рис. 2–3).

Исследование монетного дела средневекового Боспора было начато с предположения Ф. Гриерсона, что «бета» на монетах Константа II с буквами К/В могла быть инициальной буквой названия Боспора [Grierson 1973, p. 38f]. В первой (верхней) – «каппе» он был склонен видеть цифру номинала – гемифоллиса и, возможно, также инициал имени Константа II. С.Морриссон, имея дело с экземпляром собрания Эрмитажа, бывшего И.И. Толстого, усматривала на нем «Х» как инициальную букву названия Херсона, что объяснимо неполной прочеканкой «каппы». В. Хан, апеллируя к отчетливому чтению «каппы» на ставших ему известными экземплярах монет и исправляя чтение С. Морриссон, относил эти монеты все же к Херсону, рассматривая их как продолжение весового стандарта выпуска боспорских фоллисов с «Н» Ираклия, также причисляемого им к Херсону. Он пишет: «Хотя Х было бы очень кстати для интерпретации Херсонеса, его появление произошло только из-за дефекта в чеканке; другие образцы, которые абсолютно идентичны, имеют четкую К. Я думаю, что К означает имя императора Константа, как на нескольких константинопольских образцах типа (DOC, 79-81) или в правой стороне поля константинопольских полуфоллисов (BMC 92, 95), тем более, что нет на лицевой стороне легенды, относящейся к имени императора» [Hahn, 1978, p. 522]. Возможно, ему было неизвестно, что как инициальную букву имени Константа рядом с его изображением в рост рассматривал «каппу» И.И.Толстой, впервые опубликовавший такую монету из своего собрания. В. Хан отвергает понимание Ф.Гриерсоном, «каппы» как знака стоимости, выраженной в нуммиях. Что касается «беты», то она, по его мнению, «могла быть индиктом. Дата, стоящая на солидах <…> 2 = 658/659, в период совместного правления Константа II и Константина IV, 654–659» [Hahn, 1978, p. 522]. Можно понять причины отнесения к Херсону средневековых боспорских монет [Анохин, 1977; Hahn, 1978; Anorchin, 1980; Соколова, 1983; Гурулева, 1997], заключающиеся в основном в сходстве оригинальных трехфигурных монетных типов с херсонскими, но не опиравшихся на применение в их исследованиях объективного научного метода. Обоснование И.В.Соколовой для отнесения монет Константа II к чеканке Херсона выглядит неубедительно в силу своей парадоксальности: «Что касается Боспора, то выпуск монеты в захолустном городке области, в столице которой монетный двор бездействовал, представляется

чрезвычайно маловероятным. В связи с этим, мне кажется, отпадает и вопрос о боспорском происхождении фоллиса Константа II с обычной для Херсона трехфигурной композицией» [Соколова, 1983, с. 29].

Находка в Белогорском районе Крыма литой монеты с буквами «Во» на оборотной стороне (рис. 4, 1–2), которые невозможно распространить в иное слово, чем название Боспора, позволяет уточнить значение «беты» на оборотных сторонах боспорских монет Константа II (641–668) с буквами К/В. Рядом с этой монетой найдены семь литых херсоно-византийских монет: по одной времени Льва VI и Александра (886-912) церковно-епархиального производства (рис. 4, 3) [Сидоренко, 2013(2), с.286] и Василия II муниципального выпуска 960-х – 989 гг. (рис. 4, 4) и пять – церковного того же времени (рис. 4, 5) [Сидоренко, 2013(2), с. 290], что позволяет относить изображенную на лицевой стороне боспорской монеты букву «мю» к инициалу Михаила III, датируя ее временем его правления (842–866).

Литая монета Михаила III (842–866) с читаемыми на ее оборотной стороне начальными буквами названия Боспора «Во» подтверждает высказывавшееся ранее предположение о принадлежности Боспору чеканенных монет Константина IV (668–685) с располагающейся вокруг «креста Константина» легендой КОСТАNTINЄЄNΘωNIKA на лицевой стороне и крупной «бетой» на оборотной (рис. 4, 6–12) [Сидоренко, 2016, с. 280]. Н.А. Алексеенко вносит коррективы в чтение надписи, производя замену «омикрона» на «омегу» и восстановление опущенной «каппы» [Алексеенко, 2016, с.252]. Но, как кажется, можно обойтись без конъюнктуры. Примеры замены в средневековом койнэ «омеги» на «омикрон» дают чеканенные в Херсоне анонимные фоллисы и гемифоллисы (Gen.: Χερσῶνος – Χερσῦνος). Выпадение первого «ню» из имени Константина относится к признакам средневекового койнэ, встречаясь в эпиграфике. Таким образом, располагающаяся вокруг «креста Константина» легенда гласит: «Κῦσταντῖνε ἐν Θ(ε)ῷ νίκα» – ‘Константин, в Господе побеждай!’. Императив глагола связан с отчетливо читаемым в имени Константина окончанием звательного падежа, который Н.А. Алексеенко исправляет на именительный. Ошибка в окончании Voc. (=Gen.) 2 склонения существительного перекочевала при верстке в помещенную в том же сборнике статью, основное внимание которой уделено тому, что в нумизматике средневекового Херсона не находится места для приписываемых ему монет, не соответствующих традиции его анонимной чеканки свободного полиса [Сидоренко, 2016, с. 280]. Обоснованное находками в составе Чамнубурунского клада фальшивомонетчика [Герцен, Сидоренко, 1988; Сидоренко, 2016, рис. 1, 8; 2, 8; 4, 2], в окрестностях Мангупа, так же и в Херсонесе [Золотарев, Кочеткова, с. 89, № 137] предположение о производстве литых копий монет Константина IV на Мангупе или его ближайшей округе, поддерживаемое Н.А. Алексеенко [Алексеенко, 2016, с.254], не противоречит производству их чеканенных прототипов на Боспоре.

Начало монетной чеканки средневекового Боспора относится к правлению Маврикия Тиберия (582–602), когда Боспор попадает в подчинение Херсона – фемы в ранге дуката. Это отражается в использовании для фоллисов и гемифоллисов хер-

сонского монетного типа – стоящих в рост фигур императора и императрицы на лицевой стороне и фигуры святого с посохом на оборотной – с тем отличием, что лицевую сторону боспорских монет сопровождает легенда с именем Маврикия иногда искажавшегося общеимперского образца, а иконография отличается многообразием не заимствованных, а оригинальных элементов (лучистый нимб вместо короны в нимбе, на некоторых лицевых штемпелях подиум под стоящими на нем фигурами вместо линии и др.). Монеты времени Фоки (602 – 610), чеканенные на Боспоре, неизвестны, что представляет собой загадку, определенный намек на решение которой, возможно, дает феномен чеканки в начальные годы правления Фоки византийских монет Константинополя, Кизика, Антиохии, Фессалоники и др. – с заимствованным боспорским монетным типом фигур императорской четы с принадлежащими только ему элементами иконографии. При Ираклии (610 – 641) на Боспоре осуществляются выпуски фоллисов с тем же знаком стоимости Н (8), что и на фоллисах Маврикия Тиберия, с полной легендой имени императора и с той же трехфигурной композицией, заимствованной, судя по стилистике изображений, с константинопольских монет Ираклия времени соправительства с сыном Ираклионом. Недостаток в монете компенсируется наложением на лицевую сторону херсонских фоллисов надчеканок с монограммой имени Ираклия, которые К.В. Голенко считал боспорскими, исходя из исключительности находок их на Боспоре. В монограмме К.В. Голенко усматривал «бету» как инициальную названия Боспор [Golenko, 1965. S. 11], что было убедительно опровергаемо Ф.Гриерсоном. Чеканка Константа II (641–668) осуществлялась всего одной парой сопряженных штемпелей, вслед за ней какое-то время выпускались монеты Константина IV (668-685) с легендой «Константин, в Господе побеждай!» вокруг изображения «креста Константина» и крупной бетой. В хазарский период Боспора чеканка византийских монет прекращается. Находка литой монеты Михаила III (842–866) с буквами «Во» на оборотной стороне открывает новую страницу в истории монетного дела Боспора.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Алексеенко Н.А. О редких бронзовых монетах (Анохин 351) средневековой Таврики // МАИЭТ. Вып. XXI / отв. ред. А.И. Айбабин. – Симферополь: Соло-Рич, 2016. С. 257–286.

Анохин В.А. Монетное дело Херсонеса I – III вв. н.э. // НЭ. 1963. Т. IV. С. 3 – 88.

Анохин В.А. Монетное дело Херсонеса (IV в. до н.э. – XII в. н.э.). Киев: «Наукова думка», 1977. 174 с.

Гурулева В.В. Редкие и неизданные византийские монеты из коллекции Д.П. Вашкова // Византийский временник, 1977. Т. 57 (82). С. 180 –186.

Зограф А.Н. Античные монеты / МИА, 16. М.-Л., 1951. 264 с.

Золотарев М.И., Кочеткова Е.М. Монеты Херсонеса Таврического IV в. до н.э. – XIII в. н.э. Коллекция В.Н. Орехова в собрании Национального заповедника «Херсонес Таврический». Каталог. Севастополь, 1999. – 143 с.

Орешников А.В. Материалы по древней нумизматике Черноморского побережья. М.: Тип. О.О. Гербек, 1892. 40 с., 3 табл.

Петров П.Н. Метод поштемпельного анализа восточных монет для уточнения их атрибуции // Нумизматика Золотой Орды. 2011. № 1. Казань. С. 7 – 27.

Пономарев А.Л. Крымское ханство и консулат Каффы в 1466 г. (870/871 г.х.): Власть и деньги // Причерноморье в средние века (сборник). СПб.: Изд-во «Алетейя», 2015.

Сидоренко В.А. Медная чеканка византийского Боспора (590 – 668 гг.) // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. X / отв. ред. А.И. Айбабин. Симферополь, 2003. С. 355 – 392.

Сидоренко В.А. Керченский клад 2009 г. деградированных боспорских статеров // МАИЭТ, вып. XVII. Симферополь, 2011. С. 458–569.

Сидоренко В.А. Тетрассарии Херсонеса времени «священного мира» // МАИЭТ, вып. XVIII. Симферополь, 2013. С. 353–404.

Сидоренко В.А. Бронзовые монеты с изображением «креста Константина» и «беты», причисляемые средневековому Херсону, и Чамнубурунский клад // МАИЭТ. Вып. XXI / отв. ред. А.И. Айбабин. – Симферополь: Соло-Рич, 2016. С. 257–286.

Соколова И.В. Монеты и печати византийского Херсона. Л.: «Искусство», Ленинградское отделение, 1983. 176 с., 28 с. илл., 20 табл., вклейка.

Фролова Н.А. О времени правления боспорских царей Радамсада и Рескупорида VI // СА. 1975. № 4. С. 45–56.

Фролова Н.А. Клады позднебоспорских монет как источник по истории Боспора III в. н.э. // Труды ГИМ. НСб. ГИМ. 1983. Ч. 8.

Фролова Н.А. Монетное дело Фофорса (285 –308 гг. н.э.) // СА. 1984. № 2.

Фролова Н.А. Монетное дело Радамсада (309 –322 гг. н.э. // Труды ГИМ. 1988. Ч. 9.

Фролова Н.А. Каталог монет Фофорса (285 –308 гг. н.э.) // Труды ГИМ. НСб. ГИМ. 1992(1). Ч. XI.

Фролова Н.А. Монетное дело Боспора VI в. до н.э. – середины IV в. н.э. в свете новых исследований // Очерки археологии и истории Боспора. М., 1992(2).

Фролова Н.А. Монетное дело Боспора (середина I в. до н.э. – середина IV в. н.э.). Т. II. М., 1997.

Anokchin V.A. *The Coinage of Chersonesus.* Transl. from the Russian by H. Dartlett Wells. BAR (British Archaeological Reports), International Series 69, 1980. 182 pp., XXXII pl.

Golenko K. Gegenstempel auf chersoner Münzen des Maurikios Tiberios. *Hamburger Beiträge zur Numismatik.* Heft 18/19. 1964/65 (Band VI). Hamburg, 1965. S. 9-22.

Hahn W. *Moneta Imperii Byzantini von Justinus II bis Phocas (565–610). Einschliesslich der Prägungen der Heraclius-Revolte und mit Nachträgen zum 1 Band.* Moneta Imperii Byzantini. Rekonstruktion des Prägeaufbaues auf synoptisch-tabellarischer Grundlage. II Teil. / Veröffentlichungen der numismatischen Komission herausgegeben von Robert Göbl. Band IV. Wien: Verlag der Österreichischen Akadevie der Wissenschaften, 1975. 146 s., 40 Taf., 13 Faltkart.

Hahn W. The numismatic history of Cherson in Early Byzantine times. *Numismatic Circular.* September 1978, p. 414 – 415; October 1978, p. 471 – 472; November 1978, p. 521 – 523.

Grierson Ph. *Catalogue of the Byzantine coins in the Dumbarton Oaks and in the Whittemore collections.* Bellinger A.R., Grierson Ph. Catalogue of the Byzantine coins in the Dumbarton Oaks and in the Whittemore collections. Vol. III. Part 1. Washington, 1973. X, 472 pp., 29 pl.

Sidorenko V.A. The Copper Coinage of Byzantine Bosporos (CA 590-659). *Kiev – Cherson – Constantinople. Ukrainian papers at the XXth International Congress of Byzantine Studies (Paris, 19025 August 2001)* / Ed. . Kiev – Simferopol – Paris, 2007. Pp. 77 – 120.

REFERENCES

Alekseyenko N.A. O redkih bronzovih monetah (Anokchin 351) srednevekovoj Tavriki [About rare bronze coins (Anokchin 351) of medieval Taurika]. *Materialy po arheologii, istorii i etnografii Tavrii [Materials on the history, archeology and ethnography of Taurija]*. XXI / Ed. A.I. Ajbabin. – Simferopol: Solo-Rich, 2016. Pp. 257–286. (in Russian).

Anokchin V.A. Monetnoe delo Hersonesa I–III vv. n.e. [Coin business of Chersonesos I–III centuries AD] // *Нумизматика и эпиграфика [Numismatics and Epigraphy]*. 1963. T. IV. Pp. 3–88. (in Russian).

Anokchin V.A. *Monetnoe delo Hersonesa (IV v. do n.e. – XII v. n.e.)* [Coin business of Chersonesos (IV century BC – XII century AD)]. Kiev: «Naukova dumka», 1977. – 174 pp. (in Russian).

Gurulyova V.V. Redkie i neizdannye vizantijskie monety iz kollekcii D.P. Vashkova [Rare and unreleased Byzantine coins from the collection of D.P. Vashkov] // *Византийский временник [Byzantine Temporary]*, 1977. T. 57 (82). Pp. 180–186. (in Russian).

Zograf A.N. *Antichniye monety [Ancient Coins] / Materialy i issledovaniya po arheologii SSSR* [Materials and research on archeology of the USSR], 16. Moskva–Leningrad, 1951. – 264 pp. (in Russian).

Zolotarev M.I., Kochetkova E.M. Monety Hersonesa Tavricheskogo IV v. do n.e. – XIII v. n.e. Kollekciya V.N. Orekhova v sobranii Nacional'nogo zapovednika «Hersones Tavricheskij». Katalog [Coins of the Chersonesos Tauric IV century BC – XIII century AD. Collection of V.N. Orekhov in the collection of the National Reserve «Chersonesos Tauric». Catalog] Sevastopol', 1999. – 143 pp.

Oreshnikov A.V. *Materialy po drevnej numizmatike Chernomorskogo poberezh'ya [Materials on the ancient numismatics of the Black Sea coast]*. Moskva: Tipografiya O.O. Gerbek, 1892. – 40 pp., 3 tabl. (in Russian).

Petrov P.N. Metod poshtempel'nogo analiza vostochnyh monet dlya utochneniya ih atribucii [The method of stamp analysis of oriental coins to clarify their attribution]. *Numizmatika Zolotoj Ordy [Numismatic of the Golden Horde]*. 2011. № 1. Kazan. Pp. 7 – 27 (in Russian).

Ponomarev A.L. Krymskoe hanstvo i konsulat Kaffy v 1466 g. (870/871 g.h.): Vlast' i den'gi [Crimean Khanate and Consulate of Kaffa in 1466 (870/871 H.): Power and money]. *Prichernomor'e v srednie veka (sbornik) [The Black Sea region in the Middle Ages (collection)]*. SPb.: «Aletejya», 2015 (in Russian).

Sidorenko V.A. Mednaya chekanka vizantijskogo Bospora (590-668 gg.) [The copper coinage of the Byzantine Bosporos (590 – 668)]. *Materialy po arheologii, istorii i etnografii Tavrii [Materials on the history, archeology and ethnography of Taurija]*. X / Ed. A.I. Ajbabin. – Simferopol', 2003. Pp. 355–392 (in Russian).

Sidorenko V.A. Kerchenskij klad 2009 g. degradirovannyh bosporskih staterov [Kerch's treasure of 2009 degraded Bosporan staters]. *Materialy po arheologii, istorii i etnografii Tavrii [Materials on the history, archeology and ethnography of Taurija]*. XVII / Ed. A.I. Ajbabin. – Simferopol', 2011. Pp. 458–569 (in Russian).

Sidorenko V.A. Tetrassarii Hersonesa vremeni «svyashchennogo mira» [Tetrassaries of Chersonesos

of the time of the «sacred peace»]. *Materialy po arheologii, istorii i etnografii Tavrii [Materials on the history, archeology and ethnography of Taurija]*. XVIII / Ed. A.I. Ajbabin. – Simferopol', 2013. Pp. 353–404 (in Russian).

Sidorenko V.A. Bronzovye monety s izobrazheniem «kresta Konstantina» i «bety», prichislyaemye srednevekovomu Hersonu, i Chamnuburunskij klad [Bronze coins depicting the «cross of Constantine» and «beta», assigned to medieval Kherson, and the Chamnuburun treasure]. *Materialy po arheologii, istorii i etnografii Tavrii [Materials on the history, archeology and ethnography of Taurija]*. XXI / Ed. A.I. Ajbabin. – Simferopol', 2016. Pp. 257–286 (in Russian)

Sokolova I.V. *Monety i pechati vizantijskogo Hersona [Coins and seals of Byzantine Kherson]*. Leningrad: «Art,» Leningrad branch, 1983. – 176 pp., 28 pp. ill., 21 tab. (in Russian).

Frolova N.A. O vremeni pravleniya bosporskih tsarej Radamsada i Reskuporida VI [On the reign of the Bosporan kings Radamsad and Reskuporid VI]. Sovetskaja archeologija [Soviet Archaeology]. 1975. № 4. C. 45–56 (in Russian).

Frolova N.A. Klady pozdnebosporskih monet kak istochnik po istorii Bospora III v. n.e. [Treasures of Late Bosporan coins as a source on the history of Bosporus III century AD]. *Trudy Gosudarstvennogo Istoricheskogo Muzeya. Numizmaticheskij Sbornik Gosudarstvennogo Istoricheskogo Muzeya [Works of the State Historical Museum. Numismatic Collection of the State Historical Museum]*. 1983. 8 (in Russian).

Frolova N.A. Monetnoe delo Foforsa (285–308 gg. n.e.) [The coin case of Fofors (285–308 AD)]. Sovetskaja archeologija [Soviet Archaeology]. 1984. № 2 (in Russian).

Frolova N.A. Monetnoe delo Radamsada (309–322 gg. n.e.) [The coinage of Radamsad (309–322 AD], *Trudy Gosudarstvennogo Istoricheskogo Muzeya. Numizmaticheskij Sbornik Gosudarstvennogo Istoricheskogo Muzeya [Works of the State Historical Museum. Numismatic Collection of the State Historical Museum]*. 1988. № 9 (in Russian).

Frolova N.A. Katalog monet Foforsa (285 –308 gg. n.e.) [Catalog of coins of Fofors (285 – 308 AD)]. *Trudy Gosudarstvennogo Istoricheskogo Muzeya. Numizmaticheskij Sbornik Gosudarstvennogo Istoricheskogo Muzeya [Works of the State Historical Museum. Numismatic Collection of the State Historical Museum]* 1992(1). XI (in Russian).

Frolova N.A. Monetnoe delo Bospora VI v. do n.e. – serediny IV v. n.e. v svete novyh issledovanij [The coinage of Bosporus VI century BC – mid IV century AD in the light of new studies] // Очерки археологии и истории Боспора *[Essays on the archeology and history of Bosporus]*. Moskow, 1992(2) (in Russian).

Frolova N.A. *Monetnoe delo Bospora (seredina I v. do n.e. – seredina IV v. n.e.) [The coin business of Bosporus (mid 1st century BC – mid 4th century AD)]*. T. II. Moskow, 1997 (in Russian).

Anokchin V.A. *The Coinage of Chersonesus.* Transl. from the Russian by H. Dartlett Wells. BAR (British Archaeological Reports), International Series 69, 1980. 182 pp., 32 pl.

Golenko K. Gegenstempel auf chersoner Münzen des Maurikios Tiberios. *Hamburger Beiträge zur Numismatik.* Heft 18/19. 1964/65 (Band VI). Hamburg, 1965. S. 9 – 22.

Hahn W. *Moneta Imperii Byzantini von Justinus II bis Phocas (565–610). Einschliesslich der Prägungen der Heraclius-Revolte und mit Nachträgen zum 1 Band.* Moneta Imperii Byzantini. Rekonstruktion des Prägeaufbaues auf synoptisch-tabellarischer Grundlage. II Teil. / Veröffentlichungen der numismatischen Komission herausgegeben von Robert Göbl. Band IV. Wien: Verlag der Österreichischen Akadevie der Wissenschaften, 1975. 146 s., 40 Taf., 13 Faltkart.

Hahn W. The numismatic history of Cherson in Early Byzantine times. Numismatic Circular.

September 1978, p. 414 – 415; October 1978, p. 471 – 472; November 1978, p. 521 – 523.
Grierson Ph. *Catalogue of the Byzantine coins in the Dumbarton Oaks and in the Whittemore collections*. Bellinger A.R., Grierson Ph. Catalogue of the Byzantine coins in the Dumbarton Oaks and in the Whittemore collections. Vol. III. Part 1. Washington, 1973. X, 472 p., 29 pl.
Sidorenko V.A. The Copper Coinage of Byzantine Bosporos (CA 590-659). *Kiev – Cherson – Constantinople. Ukrainian papers at the XXth International Congress of Byzantine Studies (Paris, 19025 August 2001)*. Kiev – Simferopol – Paris, 2007. Pp. 77-120.

Резюме

В статье рассматривается штемпельный метод исследований в нумизматике, который, по определению А.Н. Зографа, является «объективным научным методом». Необходимость обратиться к его освещению связана с тем, что далеко не все авторы публикаций знакомы с его принципами. Освещаются технические особенности использования в монетной чеканке подвижно соединенных механически пар штемпелей, получившие распространение еще в античное время и употреблявшиеся в монетных производствах начиная с римской эпохи на Боспоре и в Херсонесе – средневековом Херсоне. Переход в золотоордынское время к чеканке свободно перемещаемыми и не связанными между собой штемпелями создает более сложные пересечения штемпельных связей в методике исследования монет.

В статье публикуется ставшая недавно известной литая монета с буквами «М» на лицевой стороне и начальными буквами названия Боспора «Во» на оборотной. Она была найдена вместе с литыми херсоно-византийскими монетами Льва VI и Александра (879 – 886) церковно-епархиального производства, Василия II муниципального и пяти – церковного выпусков 960-х – 989 гг., что позволяет относить изображенную на лицевой стороне боспорской монеты букву «М» к инициалу Михаила III, датируя ее временем его правления (842 – 866). Монета с находящейся на ней аббревиатурой «Во», которую нельзя прочесть иначе чем Во(σπόρου), подтверждает высказывавшееся ранее предположение о принадлежности Боспору чеканенных монет Константина IV (668–685) с располагающейся вокруг «креста Константина» легендой Κ͞ωσταντῖνε ἐν Θ(ε)ῷ νίκα» – ‘Константин, в Господе побеждай!’ – на лицевой стороне и крупной «бетой» на оборотной. Прекращение монетной чеканки в правление Константина IV (668–685), очевидно, связано с началом хазарского периода в истории Боспора. Литая монета Михаила III (842–866) с буквами «Во» на оборотной стороне отражает возрождение боспорского монетного производства, но уже в другой, металлолитейной технике.

Ключевые слова: штемпельный метод, монеты средневекового Боспора, монеты Херсона.

Summary

The article considers the coin-stamp method of research in numismatics, which, by the definition of A.N. Zograf, is an «objective scientific method.» The need to turn to its coverage is related to the fact that not all authors of publications are familiar with its principles. The technical features of the use of mechanically connected pairs of stamps in coinage, which became widespread in ancient times and have been used in coinage since the Roman era on Bosporus and in Chersonesos – medieval Cherson, are highlighted. The transition in the Golden Horde time to minting with freely movable and unrelated stamps creates more complex intersections of stamp links in the coin research methodology.

The article publishes the recently known cast coin with the letters «M» on the front side and the initial letters of the name of Bosporus «Bo» on the back. It was found together with cast Herson-Byzantine coins of Leo VI and Alexander (879 – 886) of church-diocesan production, Vasily II of the municipal and five – church issues of the 960s – 989, which allows us to attribute the letter «M» depicted on the front side of the Bosporan coin to the initiative of Michael III, dating it to the time of his reign (842–866). The coin with the abbreviation which is on it «Bo» which can't be read differently than Bo(σπόρου), confirms the assumption of accessory expressing earlier to Bosporus of the minted Constantine IV (668–685) coins with the legend which is located around «Constantine cross» Κ̄ωσταντῖνε ἐν Θ(ε)ῷ νίκα – 'Constantine, in the Lord always win!' – on the face and large «beta» on reverse. The termination of coinage in the reign of Constantine IV (668–685) is obviously associated with the beginning of the Khazar period in the history of Bosporus. The cast coin of Michael III (842–866) with the letters «Vo» on the reverse side reflects the revival of Bosporan coin production, but already in other technology.

Key words: stamp method, medieval Bospor coins, Kherson coins.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ
Сидоренко Валерий Анатольевич,
кандидат исторических наук,
заместитель директора по научной работе
Научно-исследовательского центра
истории и археологии Крыма
Федерального государственного автономного
образовательного учреждения
«Крымский федеральный университет
им. В.И. Вернадского»,
проспект Академика Вернадского, 2,
г. Симферополь, 295007.
E-mail: niciak_crfu@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTOR
Sidorenko Valery Anatolyevich,
candidate of historical sciences,
Deputy Director for Scientific Work
Research Center for the History
and Archaeology of the Crimea
Federal State Autonomous Educational Institution
«Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky»,
Academic Vernadsky Avenue, 2,
Simferopol, 295007.
E-mail: niciak_crfu@mail.ru

Рис. 1. 1–2 – фоллисы Юстина II первого года его правления Константинопольского монетного двора, чеканенные общим для них штемпелем лицевой стороны и отмеченные на оборотных сторонах цифровыми дифферентами – Г (3) и Є (5); 3 – сопряженные штемпели монеты Константа I (337 – 350) монетного двора Антиохии, найденные во Франции [Зограф, 1951, с.32, рис.14]; 2 – вид сопряженных штемпелей византийского времени.

Fig. 1. 1-2 – follies of Justin II of the first year of his reign of the Mint of Constantinople, minted with a common face stamp for them and marked on the reverse sides with digital trims – Г (3) and Є (5); 3 – conjugated stamps of the Constant I coin (337 – 350) of the Mint of Antioch, found in France [Zograf, 1951, p.32, Fig. 14]; 2 – view of conjugated stamps of Byzantine time.

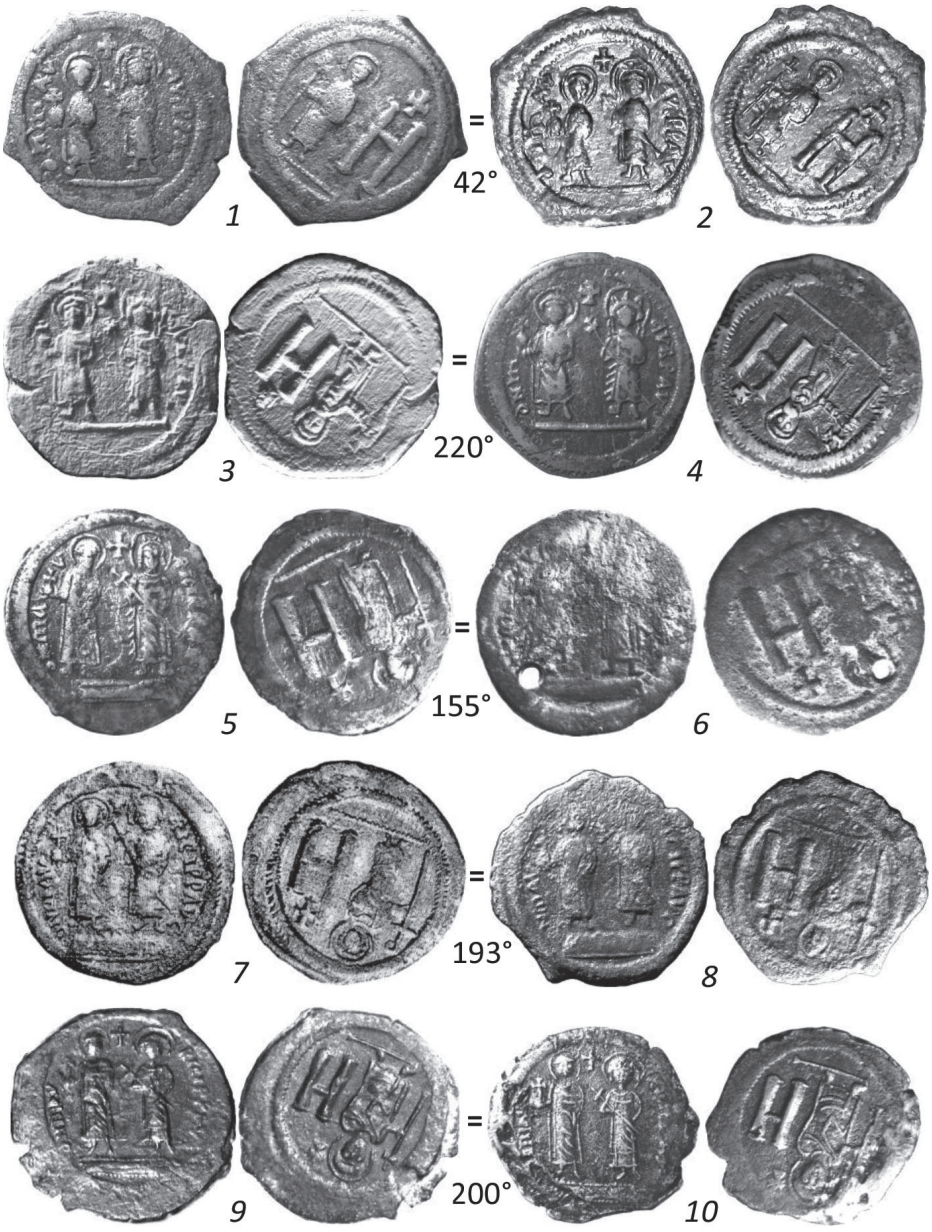

Рис. 2. Фоллисы Боспора времени правления Маврикия Тиберия (582 – 602), отчеканенные механически сопряженными штемпелями. Соотношение осей штемпелей в градусах.

Fig. 2. Bosporus follies during the reign of Mauritius Tiberius (582 – 602), minted with mechanically conjugated stamps. Ratio of stamp axes in degrees.

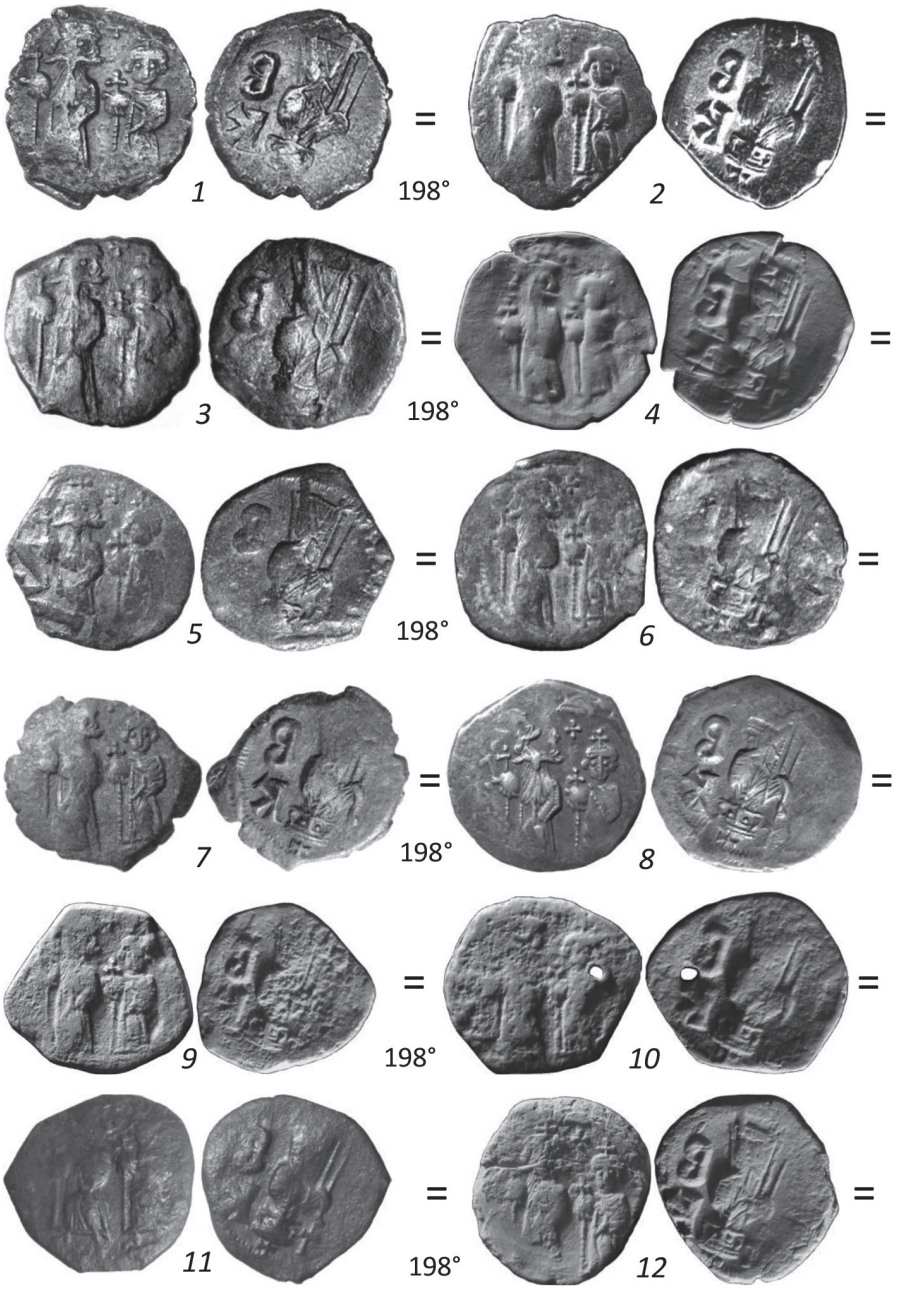

Рис. 3. Боспорские монеты (фоллисы) Константа II (641–668), битые общей для них парой сопряженных штемпелей.
Fig. 3. Bosporan coins (follies) of Constant II (641–668), beaten with a pair of conjugated stamps common to them.

Рис. 4. 1– боспорская литая монета Михаила III (842–866); 3–5 – найденные с ней херсоно-византийские литые монеты соправительства Василия I, Льва VI и Александра (879 – 886) церковно-епархиального производства (3); Василия II муниципального (4) и церковного (5) выпусков 960-х – 989 гг.; 6–7 – чеканенная(?) боспорская монета Константина IV (668–685), место находки неизвестно; 8–12 – литые копии монет Константина IV, найденные в Юго-Западной Таврике на Мангупе (12) и в его ближайшей округе.
Fig. 4. 1 – Bosporus cast coin of Michael III (842–866); 3–5 – Herson-Byzantine cast coins found with her co-governments of Vasily I, Leo VI and Alexander (879 – 886) of church-diocesan production (3); Vasily II of the municipal (4) and church (5) issues of the 960s – 989; 6–7 – minted (?) Bosporus coin of Constantine IV (668–685), the place of the find is unknown; 8–12 – cast copies of coins of Constantine IV found in Southwestern Taurica on Mangup (12) and in its nearest district.

В.К. ГАНЦЕВ
V. K. GANTSEV

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ СКАЛЬНЫЕ ВИНОГРАДОДАВИЛЬНИ ЮГО-ЗАПАДНОГО КРЫМА: ИСТОЧНИКОВАЯ БАЗА И ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ[1]
MEDIEVAL ROCK-CUT WINE PRESSES OF SOUTH-WESTERN CRIMEA: SOURCE BASE AND MAIN DIRECTIONS OF MODERN RESEARCH

В эпоху Средневековья в юго-западной части Крымского полуострова среди отраслей сельского хозяйства особое развитие получили виноградарство и виноделие. На территории и в округе так называемых «пещерных городов» Юго-Западного Крыма, а также в южной части Гераклейского полуострова зафиксированы материальные памятники винодельческого производства – скальные виноградодавильни (тарапаны), винтовые прессы, каменные гири (рис. 1). Анализ специальной научной литературы и архивных материалов, собственные полевые исследования автора этой статьи, позволили на сегодняшний день картографировать в этом регионе около 200 винодельческих комплексов, большая часть которых датируется ранне- и средневизантийским временем.

Благодаря исследованиям Н.И. Винокурова, мы достаточно хорошо представляем себе историю становления и развития виноградарства и виноделия в античной Таврике [Винокуров, 1999; 2007]. Для средневекового времени такие обобщающие работы, выполненные на современном уровне археологических знаний, отсутствуют, хотя сам факт обилия виноградодавилен убедительно свидетельствует, что виноделие имело устойчивое развитие и собственные традиции в средневековом Крыму.

Нам уже приходилось рассматривать историю исследований средневековых скальных виноградодавилен Юго-Западного Крыма [Ганцев, 2019а]. В настоящей работе мы постараемся обобщить имеющиеся письменные и археологические источники, о виноделии в этом регионе средневековой Таврики, наметив наиболее важные направления будущих исследований.

Письменные источники

К сожалению, для периода раннего Средневековья имеющиеся свидетельства письменных источников о занятиях населением Таврики виноградарством и виноделием слишком фрагментарны и к тому же крайне дискуссионны.

Речь в данном случае идет прежде всего о так называемых «готских» граффи-

[1]Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №20-39-90005 «Средневековое виноделие Юго-Западного Крыма по археологическим данным». Acknowledgments: The reported study was funded by RFBR, project number 20-39-90005 “Medieval wine-making in the South-Western Crimea according to archaeological data”.

ти второй половины IX – X вв., обнаруженных и прочтенных А.Ю. Виноградовым на известняковом карнизе из раскопок крещальни Мангупской базилики (раскопки М.А. Тихановой, 1938 г.) [Виноградов, 2015]. Одна из надписей (I4) содержит прошение о помощи некоего «Дамиана из виноградарей(?)»[2] [Виноградов, 2017, с. 286, 298]. Для нашей работы этот эпиграфический памятник представляет особый интерес ввиду его синхронности скальным виноградодавильням, функционировавшим на Мангупе в этот период. Однако пока признать его полноценным историческим источником не представляется возможным из-за незавершенности дискуссии вокруг многих специальных вопросов атрибуции «готских» надписей Мангупа, связанных с их палеографией, датировкой, условиями обнаружения и историческим контекстом [Науменко, 2016, с. 204; Шалыга, 2017; Курышева, Фонкич, 2017].

В 1978 г. при раскопках городища Маяки (VIII – IX вв.) был обнаружен фрагмент тулова амфоры крымского(?) производства, на котором после ее обжига была сделана надпись восточноевропейской разновидностью древнетюркского рунического письма. С.Г. Кляшторный перевел эту надпись следующим образом: «? (единиц) всего; (сюда) ? (мер) входит (помещается). Белое сухое вино» [Кляшторный, 2005, с.100 – 101]. Автор перевода предположил, что надпись была совершена владельцем груза либо в Крыму, либо в Подонье; при этом сама надпись по палеографическим особенностям датирована концом IX в. [Кляшторный, 2005, с. 101, 102]. Если действительно эта амфора (возможно, «причерноморского типа») произведена в Крыму и в ней перевозили вино, изготовленное в этом регионе, то это граффити, независимо от места его нанесения, является свидетельством экспортной направленности виноделия, получившего развитие в Юго-Западном Крыму во второй половине IX – X вв. Тем не менее мы воздержимся от окончательных выводов, отметив наличие этого эпиграфического источника.

Вино упоминается в ранневизантийском источнике – «Житие Иоанна Готского», составленном, как считается, между 815 и 842 гг. Из текста источника следует, что в Фуллах, где Иоанн Готский находился под стражей после неудачного антихазарского восстания жителей Готии, «два человека ссорились между собой из-за вина, находившегося в бочке [пифосе?], и не захотели примириться … когда они ушли, то нашли вино сгустившимся в бочке, так что они вырезали его как сыр и выбросили вон» [Сорочан, 2013, с. 158 – 159]. Локализация Фулл, скорее всего, на месте Тепсеньского городища, остается дискуссионным вопросом в современной историографии [см.: Сорочан, 2013, с. 156, примечание 629]. Для нас здесь интересен сам факт упоминания вина, которое выдерживали в бочках (или пифосах), что косвенно указывает на его производство на территории Крыма. Вряд ли привезенное вино хранили бы в столь больших ёмкостях и тем более, учитывая его ценность, позволили ему пропасть.

---

[2] В первоначальном переводе «…Иоанну(?) виноградарю(?)» [Виноградов, 2015, с. 68].

К позднему Средневековью, когда скальные виноградодавильни Юго-Западного Крыма прекратили свое функционирование, относится упоминание путешественника Иоанна Шильтбергера, посетившего Крым в 1421 г., о том что «греческие христиане» страны «именуемой Готиею (sudi, Suti)»[3] «…производят отличное вино» [Путешествия Ивана Шильтбергера, 1867, с. 58; Иоанн Шильтбергер, 1984, с. 45].

Еще одним позднесредневековым источником, в котором сообщается о производстве вина в Крыму, является «Устав для генуэзских колоний в Черном море» 1449г. Анализ этого документа позволяет сказать, что жители Чембало торговали вином [Устав, 1863, с. 784, 794], к сожалению, без указания на место его производства[4].

После подчинения Крыма Османской империей выращивание винограда и производство вина на полуострове не прекратились. На это указывают отрывочные сведения польского посла и дипломата Мартина Броневского, посетившего Крым в 1578 г. и видевшего виноградники вблизи Инкермана [Описание Крыма, 1867, с. 341]. Доминиканец Эмиддио Дортели д`Асколи, побывавший в Крыму в 20 – 30-е гг. XVII в., сообщает, что часть генуэзцев, проживающих в селении Феччиала (Фотисала) «выделывают вино» [Описание Черного моря, 1902, с.128]. Турецкий путешественник Эвлия Челеби (60-е гг. XVII в.) отметил наличие виноградников в долине р. Кача, вокруг селений Чоргане, Коджа-Саласы и в Эски-Саладжике (Салачик) [Челеби, 2008, с. 29, 40, 45, 50]. О развитии виноградарства и виноделия в османском Крыму существуют специальные исследования в историографии [Зайцев, 2001; Halenko, 2004].

Подводя итог нашего анализа имеющихся письменных источников о виноделии и виноградарстве в Юго-Западном Крыму, следует констатировать их общую немногочисленность и фрагментарность. Наиболее важные из них – так называемая «готская» надпись из раскопок Мангупского городища с упоминанием «виноградаря» и граффити на стенке амфоры с территории Маяцкого городища в Подонье, хотя и синхронны времени функционирования скальных виноградодавилен в регионе, но все же не являются надежными свидетельствами развития данной отрасли сельских хозяйства в средневизантийское время. Ни в одном из имеющихся письменных источников не говорится о самом процессе производства вина, не упоминаются и скальные винодельни. В связи с этим при изучении

---

[3] П Замечание А.Л. Бертье-Делагарда о том, что Ф.К. Браун сделал ошибку в переводе этого топонима и правильней читать не «Готиею», а «Сугдеею», вряд ли следует считать правомерным [Бертье-Делагард, 2011, с. 122-123]. В его переводе получается, что городу «Каркери» принадлежит «плодоносная область … Сугдея», что явно противоречит сообщению И. Шильтбергера, который в области Готия локализует Кыркьер (сор. Чуфут-Кале) и город «Сарукерман» (Херсон) [Путешествия Ивана Шильтбергера, 1867, с. 57; Иоанн Шильтбергер, 1984, с. 45].

[4] В Уставе упоминаются виноградники вокруг Каффы и Солдайи [Устав, 1863, с. 720, 773, 780]. В данной статье мы не рассматриваем этот вопрос детально, так как он выходит за наши географические рамки и касается Юго-Восточного Крыма.

истории средневекового виноделия для Юго-Западного Крыма первостепенное значение имеют данные археологии.

Археологические источники

Первое упоминание средневековых скальных виноградодавилен, расположенных на территории «пещерного города» Качи-Кальон (рис. 1,*5*), принадлежит Ф. Дюбуа де Монпере, посетившему Крым в 1831 – 1834 гг. [Дюбуа де Монпере, 2009, с. 102, 253, 263 – 264]. Путешественник снял план одной из них и предложил реконструкцию процесса давки винограда, основанного на применении рычажного пресса.

В 1870 г. в округе Сюйреньской крепости, на мысе Кулле-Бурун (рис. 1,*6*), Г.Э. Карауловым было открыто пять винодельческих комплексов [Караулов, 1870, с. 9]. В 1916 г. М.И. Скубетов сделал натурные обмеры виноградодавилен под северо-восточным обрывом мыса Дженичe-Бурун [Днепровский, 2012, с. 70].

Средневековые виноградодавильни (на Качи-Кальоне и в округе Сюйреньской крепости) были известны автору историко-статистического очерка по виноделию в России М.К. Балласу [Баллас, 1895, с. 1 – 9]. Исследователь считал, что виноградарство и виноделие Качинской и Бельбекской долин имеют длительную историю и непосредственно связаны с развитием этих отраслей в античном Херсонесе, откуда они распространились в предгорья Крыма [Баллас, 1895, с. 4].

Памятники виноделия на Бакле (рис. 1,*1*) и Мангупе (рис. 1,*8*) были известны А.И. Маркевичу [Маркевич, 1889, с. 112], который считал, что виноделие в Крыму развивалось во все эпохи, начиная с Античности, и было связано в первую очередь с присутствием здесь греков [Маркевич, 2010, с. 3].

Таким образом, средневековые памятники виноделия Юго-Западного Крыма в дореволюционной литературе если и упоминаются, то только бегло; отсутствует их описание и указание на точное местоположение в границах памятника; если и были сделаны натурные обмеры тарапанов, то впоследствии чертежи оказались неизданными.

Новый этап в изучении средневекового виноградарства и виноделия начинается в 30-е гг. XX в., когда скальные виноградодавильни, расположенные на Эски-Кермене [Репников, 1932, с. 2, 9; Веймарн, 1982, с. 74] (рис. 1,*10*), Качи-Кальоне [Репников, 1935, с. 104 – 107] и в округе Сюйреньского укрепления [Веймарн, Репников, 1935, с. 125], привлекли внимание Н.И. Репникова и Е.В. Веймарна, сотрудников Эски-Керменской археологической экспедиции. Н.И. Репниковым впервые была озвучена гипотеза о том, что обилие скальных виноградодавилен, особенно в границах Качи-Кальона, может свидетельствовать о развитом виноделии и массовом производстве вина [Репников, 1935, с. 107].

Н.И. Репникову также принадлежит первая попытка целенаправленного сбора информации о средневековых виноградодавильнях, расположенных в Юго-Западном Крыму. В неопубликованной работе «Материалы к археологической карте Юго-Западного нагорья Крыма» исследователь приводит список из девяти мест, где им были зафиксированы скальные виноградодавильни [Репников (а),

л. 50, 63, 84, 123, 127, 247, 252, 286-287]. Винодельни известны автору в окрестностях Инкермана (1)[5], пещерном монастыре Чильтер-Мармара (1) (рис. 1, *12*), в балках, окружающих Эски-Кермен (3) (рис. 1,*11*), на плато Эски-Кермен (3), в округе Сюйреньского укрепления (18) и на Качи-Кальоне. Еще в одной неопубликованной работе («К вопросу о виноградарстве и виноделии в северном предгорье Юго-Западного Крыма в до-русское время») Н.И. Репников систематизировал все известные сведения о средневековых винодельческих памятниках, опираясь на письменные источники, информацию путешественников, личные наблюдения и археологические данные [Репников (б), л. 1 – 31]. Список мест, где фиксировались виноградодавильни, дополнен двумя памятниками – Мангупом и Кыз-Керменом (рис. 1,*4*). Исследователь также составил перечень мест, где встречались заросли одичавшей виноградной лозы.

Важным событием в изучении винодельческих комплексов стала публикация Е.В. Веймарна, посвященная обобщению имеющихся данных о виноградарстве и виноделии в средневековом Крыму к 60-м гг. XX в. [Веймарн, 1960]. Источником для написания этой работы послужили собственные археологические разведки исследователя и, по всей видимости, неопубликованные материалы Н.И. Репникова. Автору были известны уже тринадцать мест, где были сосредоточены скальные виноградодавильни – устье р. Черная в районе Загайтанской скалы (1) (рис. 1,*13*), пещерный монастырь Чильтер-Мармара (1), окрестности и плато Эски-Кермен (6), Мангуп-Кале (4), окрестности Сюйреньского укрепления (18), Качи-Кальон (не менее 60), поселение к востоку от Качи-Кальона (11), Кыз-Кермен (4), Бахчисарайское ущелье (1) (рис. 1,*2*) и Бакла (1) (всего около 103 тарапанов). Исследователь полагал, что расцвет виноградарства в регионе приходится на IX – XIII вв. [Веймарн, 1960, с. 113]. Эта работа и до настоящего времени не потеряла своей актуальности, хотя многие ее данные, в первую очередь статистические, требуют корректировки и дополнений.

Позднее количество известных Е.В. Веймарну скальных виноделен в Юго-Западном Крыму значительно возросло (до 160). Основной прирост был связан с уточнением количества виноделен на территории Качи-Кальона (120 тарапанов[6]) (рис. 2) [Веймарн, Чореф, 1976, с. 36]. Им же была предложена гипотеза о возникновении данной группы археологических объектов в регионе в VIII – IX вв. в связи с подъемом его экономики в этот период, безопасностью торговых путей в направлении Хазарского каганата, который стал местом сбыта крымского вина. Одновременно отмечена роль приморских городов средневековой Таврики в этой транзитной торговле [Веймарн, Чореф, 1976, с. 34-37].

В 60-е гг. XX вв. сотрудник Крымского сельскохозяйственного института В.М. Маликов проводил комплексное исследование дикорастущего винограда в

[5] В скобках указывается количество виноделен, упоминаемых автором исследования.

[6] О проблеме локализации и количестве скальных виноградодавилен, расположенных в границах «пещерного города» Качи-Кальон, см.: [Ганцев, 2020].

округе «пещерных городов» полуострова с целью получения данных о начальном этапе культивирования винограда в средневековом Крыму. В горных долинах Юго-Западного Крыма им было учтено около 170 средневековых винодельческих комплексов, из которых не менее 122 локализовались на территории и в округе Качи-Кальона [Маликов, л. 1 – 21]. Автор исследования полагал, что расцвету виноградарства и виноделия в средневековом Крыму способствовали благоприятные климатические условия полуострова, широкое развитие монастырей и их потребность в «красном вине», развитие внешнеторговых связей средневекового Крыма с Русью, Средиземноморьем и с Востоком, широкое употребление вина местными жителями [Маликов, л. 20 – 21].

Памятники средневекового виноделия VIII – IX вв. в Юго-Западном Крыму были известны А.Л. Якобсону – в округе Сюйреньского укрепления (18), в одной из пещер монастыря Чельтер-Мармара (1), юго-западном склоне Загайтанской скалы (1), Качи-Кальоне и на Кыз-Кермене (5) [Якобсон, 1970, с. 2, 22, 28, 152, 154]. Именно раскопки на Кыз-Кермене, в результате которых были открыты пять виноградодавилен, убедили А.Л. Якобсона в периодизации этих памятников, а также в том, что производство вина носило ограниченный характер из-за скромных размеров винодельческих комплексов [Якобсон, 1970, с. 154]. На сегодняшний день с последним утверждением исследователя согласиться, конечно, трудно.

В последние десятилетия в историографии значительных исследований по истории средневекового виноградарства и виноделия Юго-Западного Крыма практически нет. В.Н. Даниленко в работе, посвященной виноградодавильням округи Сюйреньской крепости, сделана попытка рассмотреть более широкий круг вопросов, касающихся технологии производства вина, количества получаемой продукции и особенностей выращивания винограда в эпоху Средневековья [Даниленко, 1994, с.134 – 140]. Отметим также работы А.Г. Герцена, который на примере виноградодавилен Мангупского городища попытался осветить ряд вопросов, связанных с общей направленностью торговли вином и ее значением в византийско-хазарских отношениях [Герцен, 2002, с. 32; Герцен, 2003, с. 104].

Перечислим памятники, на которых были открыты виноградодавильни, ранее не упоминаемые в работах Н.И. Репникова, Е.В. Веймарна и А.Л. Якобсона, с указанием хронологии этих комплексов, которая была предложена исследователями.

Баклинское городище и его округа (рис. 1,*1*). Одна из виноградодавилен в пределах Баклинского городища была открыта Д.Л. Талисом в результате раскопок 1961 – 1965 гг. [Талис, 1969, с. 58]. Исследователь считал, что эта винодельня функционировала во второй половине или середине III в., затем, не ранее VI в., ее перекрыла первая оборонительная стена. В историографии предложена более поздняя датировка первой оборонительной стены Баклинского городища – вторая-третья четверть VI в. [Сазанов, 1993, с. 45], что позволяет предположить и более позднюю хронологию винодельни. Одна из проблем при решении этого вопроса заключается в том, что в опубликованных материалах отсутствуют стратиграфи-

ческие разрезы этого участка раскопок, не представлен полностью и обнаруженный керамический материал, нет и плана винодельни.

Экспедицией Крымского отделения Института востоковедения НАН Украины под руководством А.И. Айбабина в 1993 – 1994 гг. исследовался монастырский комплекс, расположенный в 500 м к западу от цитадели Баклинского городища. Этот комплекс, датированный исследователями VIII – IX вв., состоит из наземного храма, 17 келий, хозяйственных помещений, караульного помещения и виноградодавильни [Петровский, Труфанов, 1995, с. 141].

Чуфут-Кале (рис. 1,*3*). В 1975 г. в ходе археологических работ на Чуфут-Кале М.Я. Чорефом была зафиксирована скальная виноградодавильня на склоне балки Пенджере-Исар, датированная IX – X вв. [Чореф, 1975].

Качи-Кальон и его округа (рис. 1,*5*). После небольших разведок 1954 г., проведенных Е.В. Веймарном на территории Качи-Кальона, памятник длительное время археологически не изучался. В начале 2000-х гг. любительские визуальные разведки на Качи-Кальоне проводил харьковский краевед А.А. Гуськов. В рамках своих исследований ему удалось зафиксировать 83 «виноградодавильни-тарапана» (рис. 3) [Гуськов, 2016, с. 240]. К сожалению, эти работы выполнены не на должном профессиональном уровне, что не позволяет принять выводы А.А. Гуськова о количестве виноградодавилен Качи-Кальона как окончательные. В 2016 г. небольшие разведки на Качи-Кальоне были предприняты В.В. Лавровым, в результате которых зафиксировано всего 28 «явных тарапанных комплексов и 3 «возможных тарапана» [Лавров, 2018, с. 79]. Следует признать, что, несмотря на обилие винодельческих комплексов в пределах этого «пещерного города», он является менее всего изученным.

Кыз-Кермен и его округа (рис. 1,*4*). После раскопок А.Л. Якобсона 1961 г. археологическое изучение Кыз-Кермена возобновил А.В. Белый в начале 80-х гг. XXв. В результате многолетних исследований памятника А.В. Белым на территории городища было обнаружено еще два тарапана (рис. 4,*1*) [Белый, 2018]. Также в 1997 г. А.В. Белым в балке Кая-Арасы, которая с запада ограничивает Кыз-Кермен, в гроте с источником было обнаружено девять виноградодавилен (рис. 4,*2*) [Белый, 2016]. Винодельни, расположенные на городище Кыз-Кермен и в балке Кая-Арасы, введены в научный оборот. К сожалению, автором публикации не приведены планы и стратиграфические разрезы этих комплексов, что, конечно, не умаляет значения этих работ. Тарапаны городища Кыз-Кермен датированы А.В. Белым VIII – IX вв.[7] [Белый, 2018, с. 12]. Винодельни в гроте с источником в балке Кая-Арасы функционировали,

[7]Выскажем предположение, что виноградодавильни Кыз-Кермена следует датировать не ранее второй половины IX в. по той причине, что во время исследований этого поселения в 1961 г. А.Л. Якобсоном были зафиксированы в керамическом комплексе фрагменты кувшинов с плоскими ручками [Якобсон, 1970, с. 105, 110], которые на крымский памятниках появляются исключительно во второй половине IX в.

по его мнению, во второй половине IX – первой половине X в. [Белый, 2016, с. 197].

Сюйреньская крепость и её округа (рис. 1,*6*). После исследований И.Н. Репникова и Е.В. Веймарна в 1968 г. И.А. Барановым было открыто несколько виноградодавилен под северо-западным обрывом мыса Кулле-Бурун [Баранов 1971, с. 91]. Затем в 1976 г. Ю.С. Ворониным проведены разведки в округе монастыря Челтер-Коба. В результате их зафиксированы 30 виноградодавилен под северо-восточным мысом Джениче-Бурун и обрывами мыса Кулле-Бурун [Воронин, 1976, с. 32 – 33]. В.Н. Даниленко в этом регионе было известно уже 35 (или 36) скальных виноделен [Даниленко, 1994, с. 133].

Недостатком предыдущих исследований виноградодавилен округи Сюйреньской крепости являлось отсутствие детального топографического описания их месторасположения. Отсутствовали обмеры тарапанов, что затрудняло их интерпретацию. В результате проведённых в 2018 г. автором этой статьи археологических разведок в районе северных отрогов горного массива Чердаклы-Баир существующий пробел был устранен [Ганцев, 2019б]. В округе Сюйреньской крепости сейчас локализуется 38 специализированных винодельческих комплексов (рис. 5).

В 1979 г. в 2,5-3 км к западу от Сюйреньской крепости, у южного подножия возвышенности Тарпан-Тепе, разведками В.Л. Мыца была обнаружена скальная виноградодавильня [Даниленко, 1994, с. 133]. В 2017 г. в результате наших визуальных разведок эта единичная винодельня была локализована повторно (рис. 1,*7*).

Мангуп и его округа (рис. 1,*8*). В результате работы Мангупской археологической экспедиции в 1967 – 1972 гг. было зафиксировано семь виноделен на Мангупском плато и одна виноградодавильня в гроте на южном склоне плато [Веймарн и др., 1974, с. 134, 136]. Затем винодельни в границах Мангупского городища были открыты в 1993, 1997, 2001, 2019, 2020 гг. [Герцен и др., 2019, с. 80-81]. На сегодняшний день на Мангупе зафиксировано 15 виноградодавилен, представленных не только скальными винодельнями (13), но двумя винтовыми прессами (рис. 6), датированными второй половиной IX – серединой XI в. [Герцен и др., 2019, с. 83]. Также на Мангупском городище обнаружено три каменных гири, которые являлись элементом конструкции рычажного пресса.

В 1971 г. проводились разведки округи Мангупского городища, в результате которых на восточном краю обрыва Баллы-Коба, обращенном к с. Залесное, М.Я. Чорефом и А.Г. Герценым обнаружен тарапан, который повторно был локализован нашими разведками в 2017 г. (рис. 1,*9*).

Эски-Кермен (рис. 1,*10*). В 1936 г. один тарапан был раскопан Н.И. Репниковым у восточного края плато. Еще три винодельни зафиксированы А.И. Айбабиным в процессе раскопок квартала, расположенного в восточной части городища, и отнесенные исследователем к «хазарскому» времени [Айбабин, 2010, с. 215-216; 2010, с. 222].

Южная часть Гераклейского полуострова (рис. 1,*14-16*). В последнее десятилетие в пределах Гераклейского полуострова были открыты достоверно отнесенные

к эпохе Средневековья скальные виноградодавильни. Т.Ю. Яшаевой в 2010 г. у мыса Виноградный была раскопана винодельня, заброшенная во второй половине IX – X вв. (рис. 1,*14*) [Яшаева, 2011, с. 388]. Четыре винодельни открыты раскопками Г.М. Николаенко, одна – разведками М.В. Ступко в 2017 г., две виноградодавильни открыты А.Ю. Аржановым в 2018 г. [Аржанов, 2020, с.108]. Две винодельни расположены на северном склоне Нижне-Юхариной балки (рис.1,*15*) и пять – в балке Бермана (рис. 1,*16*) [Аржанов, 2020, с. 122, рис. 1]. По мнению А.Ю. Аржанова, товарное виноделие на Гераклейском полуострове возрождается уже в VII в. [Аржанов, 2020, с. 119].

Округа крепости Сиваг-Кермен-Бурун (рис. 1,*17*). В районе крепости Сиваг-Кермен-Бурун локализуется три скальных виноградодавильни [Филиппенко-Коринфский, 2013, с. 372, 375; Науменко, 2018, с. 57-58, рис. 1]. В 2017 г. А.И. Набоковым[8] в балке Йылана (находится к западу от крепости Сиваг-Кермен-Бурун) были проведены археологические разведки, в результате которых эти винодельни были графически зафиксированы и детально описаны. Судя по керамическому материалу, поселение, расположенное в балке Йылана, функционировало в V-VII вв., что позволяет предварительно датировать и винодельни этим временем.

Мартыновская балка (рис. 1,*18*). Одиночная винодельня открыта в 2018 г. на северном склоне Мартыновской балки [Неделькин, 2019, с. 228].

Таким образом, в истории изучения средневековых скальных виноградодавилен можно выделить следующие этапы: 1) XIX – начало XX вв.; 2) 30-е гг., 50 – 70-е гг. XXв.; 4) 80 – 90-е гг. XX в.; 5) первые десятилетия XXI в. Главной чертой первых четырех этапов является накопление данных о количестве, топографии и хронологии скальных виноделен, расположенных в Юго-Западном Крыму. В рамках второго этапа наряду с накоплением знаний предприняты шаги по его систематизации и обобщению (работы Н.И. Репникова, Е.В. Веймарна, А.Л. Якобсона). На современном этапе снова наблюдается переход к обобщению накопленных знаний по истории средневекового виноделия в Крыму и публикация материалов предыдущих лет исследований. Благодаря работам А.Г. Герцена проблематика исследований значительно расширена. Ключевыми вопросами современной историографии являются установление точной хронологии скальных виноградодавилен региона, а также общий масштаб развития местного виноградарства.

Выводы

История изучения средневековых винодельческих комплексов Юго-Западного Крыма насчитывает более 180 лет. На сегодняшний день здесь известно 18 мест расположения скальных виноградодавилен (рис. 1)[9], которые сгруппированы в три

[8]Выражаю признательность А.И. Набокову за возможность ознакомиться с неопубликованными материалами археологических разведок.

[9]Мы не исключаем возможность открытия новых мест расположения виноградодавилен и внесения в предложенный список дополнений.

крупные топографические зоны: 1) округа Кыз-Кермена и Качи-Кальона; 2) округа Сюйреньской крепости, Мангупское городище и Эски-Кермен; 3) южная часть Гераклейского полуострова. На данный момент только виноградодавильни, расположенные на городище Кыз-Кермен [Белый, 2018], в гроте с источником в балке Кая-Арасы [Белый, 2016] и в балках Нижне-Юхариной и Бермана Гераклейского полуострова [Аржанов, 2020], полностью введены в научный оборот. При этом следует признать, что остается неизвестным точное количество винодельческих комплексов. Уже озвученное в литературе их общее число (около 200 виноградодавилен) остается приблизительным. Наиболее многочисленны тарапаны Качи-Кальона (всего 120), хотя и эта цифра требует уточнения в ходе полевых исследований.

Для большей части виноделен, введенных в научный оборот, отсутствуют их точные планы и подробное описание конструктивных деталей, что затрудняет создание общей классификации данной группы археологических памятников и оценку их производительных мощностей. Существующая типология античных виноградодавилен Крыма [Винокуров, 1999, с. 16; 2007, с. 103] трудно применима для средневековых подобных объектов, что требует разработки отдельной типологической схемы.

Дискуссионной остается датировка средневековых тарапанов. Судя по публикациям, скальные виноградодавильни сооружались в Юго-Западном Крыму начиная с IV в. [Талис, 1969, с. 58] и вплоть до XIV в. [Аржанов, 2020, с. 111]. Однако план и разрезы виноградодавильни, обнаруженной Д.Л. Талисом на Бакле и датированной им IV в., в публикации не приведен, а датировка А.Ю. Аржановым винодельни № 6 на северном склоне балки Бермана XIV в. представляется мало обоснованной [Аржанов, 2020, с. 111, 114]. Сокрытый в ее суслоприемнике клад сельскохозяйственных инструментов вместе с найденной здесь поливной керамикой XIV в. может быть стратиграфически отнесен ко времени, когда она уже не использовалась по своему прямому назначению. Большая часть виноградодавилен, расположенных в округе Баклинского городища [Петровский, Труфанов, 1995, с.141], на Чуфут-Кале [Чореф, 1975], в округе и на городище Кыз-Кермене [Белый, 2016, с. 197; Белый, 2018, с. 12], на Качи-Кальоне [Веймарн, Чореф, 1976, с.36], Мангупе [Герцен и др., 2019, с. 83], Эски-Кермене [Айбабин, 2010, с. 215 – 216], мысе Виноградном [Яшаева, 2011, с. 388], в балке Бермана и Нижне-Юхариной балке [Аржанов, 2020, с. 113 – 115], скорее всего, датируются в пределах периода VIII – X вв. Эта датировка, принятая многими исследователями, требует тем не менее специального изучения.

К актуальным задачам современного этапа изучения памятников средневекового виноделия в Юго-Западном Крыму относятся:

1) продолжение источниковедческих штудий и систематизация материалов по истории средневекового виноделия региона;

2) проведение полевых исследований винодельческих комплексов Качи-Кальона, Баклы и в районе Загайтанской скалы с целью их локализации и уточнения вопросов типологии и хронологии;

3) составление сводного каталога тарапанов Юго-Западного Крыма;

4) разработка детальной типологии скальных виноградодавилен и оценка их производственных мощностей;

5) определение связи средневекового виноделия региона с гончарными центрами по производству амфор «причерноморского» типа, которые, очевидно, служили основной тарой для хранения и транспортировки производимого здесь вина;

6) сравнительный анализ скальных виноградодавилен Юго-Западного Крыма с винодельческими комплексами, известными на территории Византийской империи либо в сопредельных с Крымом областях.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Айбабин А.И. Городище на плато Эски-Кермен в период господства хазар в Крыму // МАИЭТ. 2010. Вып. XVI. С. 214 – 236.

Айбабин А.И. Раскопки усадьбы 2 в квартале I на плато Эски-Кермен // МАИЭТ. 2018. Вып. XXIII. С. 277 – 304.

Аржанов А.Ю. Виноделие в ближней округе раннесредневекового Херсона // ХСб. 2020. Вып. XXI. С. 108 – 133.

Баллас М.К. Виноделие в России (историко-статистический очерк). Часть I. Крым, степная часть Таврической губернии, Дона и Астрахани. СПб., 1895. 220 с.

Баранов И.А. Археологическая разведка на территории Сюйреньского укрепления в Крыму // Археологические исследования на Украине в 1968 г.: информационные сообщения. Киев: Наукова думка, 1971. С. 88 – 92.

Белый А.В. Винодельческий комплекс хазарского времени в районе Кыз-Кермена // Сугдейский сборник. 2016. Вып. VI. С. 185 – 199.

Белый А.В. Виноградные давильни городища Кыз-Кермен // Судакский сборник. 2018. Вып. 2. С. 11 – 24.

Бертье-Делагард А.Л. Избранные труды по истории христианства в Крыму. II. Симферополь: Доля, 2011. 274 с.

Веймарн Е.В., Репников Н.И. Сюйреньское укрепление // ИГАИМК. 1935. Вып. 117: Материалы Эски-Керменской экспедиции: 1931 – 1933 гг. С. 115 – 125.

Веймарн Е.В. О виноградарстве и виноделии в древнем и средневековом Крыму // КСИА. 1960. Вып. 10. С. 109 – 117.

Веймарн Е.В., Лобода И.И., Пиоро И.С., Чореф М.Я. Археологические исследования столицы княжества Феодоро // Феодальная Таврика. Материалы по истории и археологии Крыма / под ред. С.Н. Бибикова. Киев: Наукова думка, 1974. С. 123 – 139.

Веймарн Е.В., Чореф М.Я. «Корабль» на Каче. Симферополь: Таврия, 1976. 91 с.

Веймарн Е.В. Жилые усадьбы Эски-Керменского городища // Византия и ее провинции: межвузовский сборник научных трудов. Свердловск, 1982. С. 69 – 88.

Виноградов А.Ю. Основные проблемы и вопросы изучения византийской эпиграфики Мангупа // МАИЭТ. 2017. Вып. XXII. С. 278 – 298.

Виноградов А.Ю., Коробов М.И. Готские граффити из Мангупской базилики // Средние века. 2015. Т. 76, № 3-4. С. 57 – 75.

Винокуров Н.И. Виноделие Античного Боспора. М., 1999. 192 с.

Винокуров Н.И. Виноградарство и виноделие античных государств Северного Причерноморья // БИ. Симферополь-Керчь, 2007. Supplementum 3. 456 с.

Воронин Ю.С. Отчет о работах на городище Мангуп близ с. Залесное и в районе с. Малое Садовое Бахчисарайского района Крымской области в 1976 г. // Научный архив Института археологии НАН Украины. Д. 1976/113. 147 с.

Ганцев В.К. Итоги и перспективы исследований средневековых памятников виноградарства и виноделия в Юго-Западном Крыму // XX Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период Античности и Средневековья. Основные итоги и перспективы исследований: материалы международной научной конференции / ред.-сост. В.Н. Зинько, Е.А. Зинько. Симферополь-Керчь, 2019а. С. 132 – 137.

Ганцев В.К. Археологические разведки в районе северных отрогов горного массива Чердаклы-Баир в с. Большое Садовое Бахчисарайского района // История и археология Крыма. 2019б. Вып. XI. С. 73 – 78.

Ганцев В.К. Скальные виноградодавильни «пещерного города» Качи-Кальон: проблемы и перспективы исследований // Материалы VII Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные вопросы охраны и использования культурного наследия Крыма» / ред.-сост. В.Е. Науменко, Т.А. Гогунская, Н.В. Кармазина. Симферополь, 2020. С. 22 – 27.

Герцен А.Г. Хазары в Доросе-Мангупе // Хазарский альманах. 2002. Т. 1. С. 29 – 34.

Герцен А.Г. Дорос-Феодоро (Мангуп): от ранневизантийской крепости к феодальному городу // АДСВ. 2003. Вып. 34. С. 94 – 112.

Герцен А.Г., Науменко В.Е., Ганцев В.К. Скальные виноградодавильни Мангупа // XI Международный Византийский семинар «ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис»: материалы научной конференции / отв. ред. Н.А. Алексеенко. Симферополь, 2019. С. 79 – 86.

Гуськов А.А. Многообразие тарапанов пещерного города Качи-Кальон // Спелеология и спелестология. 2016. № 7. С. 239 – 247.

Даниленко В.Н. Монастырское хозяйство в Крыму // Проблемы истории и археологии Крыма / ред.-сост. Ю.М. Могаричев. Симферополь: Таврия, 1994. С. 127 – 145.

Днепровский Н.В. К истории открытия монастыря на мысе Ай-Тодор (Челтер-Коба) // Причерноморье. История, политика, культура: избранные материалы IX Международной научной конференции «Лазаревские чтения» / под общ. ред. В.И. Кузищина. Севастополь, 2012. Вып. VIII (III). Серия А: Античность и Средневековье. С. 67 – 80.

Дюбуа де Монпере Ф. Путешествие по Кавказу, к черкесам и абхазам, в Грузию, Армению и в Крым: в 6 т. Т. 5, 6. Симферополь: Бизнес-Информ, 2009. 328 с.

Зайцев И.В. Алкоголь в Золотой Орде и Крымском ханстве (XIV – XVIII вв.) // Orientalistica Iuvenile: сборник статей аспирантов и молодых сотрудников Института востоковедения РАН. М., 2001. Вып. II. С. 100 – 137.

Иоанн Шильтбергер. Путешествие по Европе, Азии и Африке с 1394 по 1427 г. / Перевод со старонемецкого Ф.К. Брауна; изд., ред. и примечания З.М. Буниятова. Баку: Элм, 1984. 86 с.

Караулов Г.Э. Древнее Сюреньское укрепление и башня на Бельбеке // Новороссийский календарь за 1871 г. Одесса, 1870. Отд. 4. С. 2 – 24.

Кляшторный С.Г. Хазарские заметки // Тюркологический сборник 2003-2004 (тюркские народы в Древности и Средневековье). Москва: ИФ «Восточная литература», РАН, 2005. С. 95 – 117.

Курышева М.А., Б.Л. Фонкич К палеографической интерпретации греческих граффити Мангупской базилики // Средние века. 2017. Вып. 78 (№3). С. 167 – 179.

Лавров В.В. Археологические разведки на городище Качи-Кальон (Бахчисарайский район) в 2016 г. // История и археология Крыма. 2018. Вып. VIII. С. 79 – 80.

Маликов В.М. Виноградарство в средневековом Крыму // Архив Института археологии РАН. Рукописный фонд. Папка 214. Л. 1 – 21.

Маркевич А.И. Экскурсия на гору Бакла и в деревню Мангуш // ИТУАК. 1889. № 8. С 108 – 114.

Маркевич А.И. Из прошлого крымского виноградарства и виноделия: по архивным материалам // История виноделия Крыма: сборник. Массандра, 2010. С. 3 – 47.

Науменко В.Е. К дискуссии об этнополитической истории Крымской Готии в X в.: археологический комментарий к надписям с Мангупского городища // Восточная Европа в Древности и Средневековье: письменность как элемент государственной инфраструктуры: материалы конференции. Москва, 2016. Вып. XVIII. С. 202 – 206.

Науменко В.Е. Укрепление Сиваг-Кермен в Юго-Западном Крыму, новая византийская крепость «Страны Дори» Прокопия Кесарийского (Общие итоги археологического изучения памятника в 2015 – 2017) // АДСВ. 2018. Вып. 46. С. 54 – 72.

Неделькин Е.В. Археологические разведки на территории Балаклавского и Нахимовского районов г. Севастополя в 2018 г. // История и археология Крыма. 2019. Вып. XI. С. 227 – 230.

Описание Крыма (Tartariae Descriptio) Мартина Броневского / [Перевод Г. Шершеневича, примечания И.И. Мурзакевича] // ЗООИД. 1867. Т. VI. С. 333 – 367.

Описание Черного моря и Татарии составил доминиканец Эмиддио Дортелли д'Асколи, префект Каффы, Татарии и проч., 1634 г. / Перевод Н.Н. Пименова, примечания А.А. Бертье-Делагарда // ЗООИД. 1902. Т. XXIV. Отд. II. С. 89 – 180.

Петровский В.А., Труфанов А.А. Средневековый христианский комплекс к западу от Баклы (по материалам раскопок 1993 – 1994 гг.) // Проблемы археологии древнего и средневекового Крыма / ред.-сост. Ю.М. Могаричев, И.Н. Храпунов. Симферополь: Таврия. 1995. С. 136 – 142.

Путешествия Ивана Шильтбергера по Европе, Азии и Африке с 1394 г. по 1427 г.: перевел с немецкого и снабдил примечаниями Ф. Браун // Записки Императорского Новороссийского университета. Одесса, 1867. Т.1. 156 с.

Репников Н.И. Эски-Кермен в свете археологических разведок 1928 – 29 гг. // ИГАИМК. 1932.Т. XII, вып. 1-8. С. 107 – 212.

Репников Н.И. Городище Качи-Кальен // ИГАИМК. 1935. Вып. 117: Материалы Эски-Керменской экспедиции: 1931 – 1933 гг. С. 102 – 113.

Репников Н.И. (а) Материалы к археологической карте Юго-Западного нагорья Крыма // ИИМК РАН НА РО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 9/10. 477 с.

Репников Н.И. (б) К вопросу о виноградарстве и виноделии в северном предгорье Юго-Западного Крыма в до-русское время // ИИМК РАН НА РО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 41. Л. 1 – 31.

Сорочан С.Б. Византийский Херсон (вторая половина VI – первая половина X вв). Очерки истории и культуры. Часть III. Москва, 2013. 472 с.

Талис Д.Л. Раскопки Баклинского городища в 1961-1965 гг. // КСИА. 1969. Вып. 120. С. 57 – 63.

Устав для генуэзских колоний в Черном море, изданный в Генуе в 1449 г. Латинский текст с переводом и примечаниями / Перевод и ком. В. Юргевича // ЗООИД. 1863. Т. V. С. 629 – 837.

Филиппенко-Коринфский А.А. Мыс оштукатуренной крепости // Таврические духовные чтения. Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 140-летию открытия Таврической духовной семинарии. Симферополь, 2013. С. 372 – 375.

Челеби Э. Книга путешествия. Крым и сопредельные области / Перевод и ком. Е. Бахревского. Симферополь: Наследие тысячелетий, 2008. 185 с.

Чореф М.Я. Винодельческий комплекс средневекового городища Чуфут-Кале. Отчет об археологических работах на Чуфут-Кале в 1975 г. // Научный архив Бахчисарайского историко-культурного и археологического музея-заповедника. Ф. 2. Оп. 18. Д. 11.

Шалыга Д.А. Язык крымских готов // Крымские готы страны Дори (середина III – VII в.) / А.И. Айбабин, Э.А. Хайрединова. Симферополь: Антиква, 2017. С. 310 – 322.

Якобсон А.Л. Раннесредневековые сельские поселения Юго-Западной Таврики // МИА. Ленинград: Наука, 1970. № 168. 208 с.

Яшаева Т.Ю. Винодельческий комплекс у пещерного храма 2 на мысе Виноградный // Археологічні дослідження в Україні 2010. Киев-Полтава, 2011. С. 388.

Halenko O. Wine Production, Marketing and Consumption in the Ottoman Crimea, 1520 – 1542 // Journal of the Economic and Social History of the Orient. 2004. Vol. 47, No. 4 (2004). Pp. 507 – 457.

REFERENCES

Aibabin A.I. Gorodishche na plato Eski-Kermen v period gospodstva khazar v Krymu. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavriki,* 2010, vol. XVI, pp. 214 – 236.

Aibabin A.I. Raskopki usad'by 2 v kvartale I na plato Eski-Kermen. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavriki,* 2018, vol. XXIII, pp. 277 – 304.

Arzhanov A.Iu. Vinodelie v blizhnei okruge rannesrednevekovogo Khersona. *Khersonesskii sbornik,* 2020, vol. XXI, pp. 108 – 133.

Ballas M.K. *Vinodelie v Rossii (istoriko-statisticheskii ocherk). Chast' I. Krym, stepnaia chast' Tavricheskoi gubernii, Dona i Astrakhani.* Sankt-Peterburg, 1895, 220 p.

Baranov I.A. Arkheologicheskaia razvedka na territorii Siuirenskogo ukrepleniia v Krymu. *Arkheologicheskie issledovaniia na Ukraine v 1968 g., informatsionnye soobshcheniia.* Kiev, Naukova dumka Publ., 1971, pp. 88 – 92.

Belyi A.V. Vinodel'cheskii kompleks khazarskogo vremeni v raione Kyz-Kermena. *Sugdeiskii sbornik,* 2016, vol. VI, pp. 185 – 199.

Belyi A.V. Vinogradnye davil'ni gorodishcha Kyz-Kermen. *Sudakskii sbornik,* 2018, vol. 2, pp. 11 – 24.

Bert'e-Delagard A.L. *Izbrannye trudy po istorii khristianstva v Krymu. II.* Simferopol', Dolia Publ., 2011, 274 p.

Chelebi E. *Kniga puteshestviia. Krym i sopredel'nye oblasti. Perevod i kom. E. Bakhrevskogo.* Simferopol', Nasledie tysiacheletii Publ., 2008, 185 p.

Choref M.Ia. Vinodel'cheskii kompleks srednevekovogo gorodishcha Chufut-Kale. Otchet ob arkheologicheskikh rabotakh na Chufut-Kale v 1975 g. *Nauchnyi arkhiv Bakhchisaraiskogo istoriko-kul'turnogo i arkheologicheskogo muzeia-zapovednika.* F. 2. Op. 18. D. 11.

Danilenko V.N. Monastyrskoe khoziaistvo v Krymu. *Iu.M. Mogarichev (Ed.). Problemy istorii i arkheologii Kryma.* Simferopol', Tavriia Publ., 1994, pp. 127 – 145.

Diubua de Monpere F. *Puteshestvie po Kavkazu, k cherkesam i abkhazam, v Gruziiu, Armeniiu i v*

Krym: v 6 t. T. 5, 6. Simferopol', Biznes-Inform Publ., 2009, 328 p.

Dneprovskii N.V. K istorii otkrytiia monastyria na myse Ai-Todor (Chelter-Koba). *Prichernomor'e. Istoriia, politika, kul'tura: izbrannye materialy IX Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «Lazarevskie chteniia».* Sevastopol', 2012, vol. VIII (III), seriia A: antichnost' i srednevekov'e, pp. 67 – 80.

Filippenko-Korinfskii A.A. Mys oshtukaturennoi kreposti. *Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posviashchennoi 140-letiiu otkrytiia Tavricheskoi dukhovnoi seminarii "Tavricheskie dukhovnye chteniia".* Simferopol', 2013, pp. 372 – 375.

Gantsev V.K. Itogi i perspektivy issledovanii srednevekovykh pamiatnikov vinogradarstva i vinodeliia v Iugo-Zapadnom Krymu. *Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii "XX Bosporskie chteniia. Bospor Kimmeriiskii i varvarskii mir v period antichnosti i srednevekov'ia. Osnovnye itogi i perspektivy issledovanii".* Simferopol'-Kerch', 2019a, pp. 132 – 137.

Gantsev V.K. Arkheologicheskie razvedki v raione severnykh otrogov gornogo massiva Cherdakly-Bair v s. Bol'shoe Sadovoe Bakhchisaraiskogo raiona. *Istoriia i arkheologiia Kryma,* 2019b, vol. XI, pp. 73 – 78.

Gantsev V.K. Skal'nye vinogradodavil'ni «peshchernogo goroda» Kachi-Kal'on: problemy i perspektivy issledovanii. *Materialy VII Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii "Aktual'nye voprosy okhrany i ispol'zovaniia kul'turnogo naslediia Kryma".* Simferopol', 2020, pp. 22 – 27.

Gertsen A.G. Khazary v Dorose-Mangupe. *Khazarskii al'manakh,* 2002, t. 1, pp. 29 – 34.

Gertsen A.G. Doros-Feodoro (Mangup): ot rannevizantiiskoi kreposti k feodal'nomu gorodu. *Antichnaia drevnost' i srednie veka,* 2003, vol. 34, pp. 94 – 112.

Gertsen A.G., Naumenko V.E., Gantsev V.K. Skal'nye vinogradodavil'ni Mangupa. Materialy nauchnoi konferentsii *"XI Mezhdunarodnyi Vizantiiskii seminar "ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: imperiia i polis".* Simferopol', 2019, pp. 79 – 86.

Gus'kov A.A. Mnogoobrazie tarapanov peshchernogo goroda Kachi-Kal'on. *Speleologiia i spelestologiia,* 2016, no. 7, pp. 239 – 247.

Iakobson A.L. Rannesrednevekovye sel'skie poseleniia Iugo-Zapadnoi Tavriki. *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR.* Leningrad, Nauka Publ., 1970, no 168, 208 p.

Iashaeva T.Iu. Vinodel'cheskii kompleks u peshchernogo khrama 2 na myse Vinogradnyi. *Arkheologichni doslidzhennia v Ukraïni 2010.* Kiev-Poltava, 2011, p. 388.

Ioann Shil'tberger. *Puteshestvie po Evrope, Azii i Afrike s 1394 po 1427 g.* Z.M. Buniiatova (Ed.), perevod so staronemetskogo F.K. Brauna; izdanie, redaktsiia i primechaniia. Baku, 1984, 86 p.

Karaulov G.E. Drevnee Siuren'skoe ukreplenie i bashnia na Bel'beke. *Novorossiiskii kalendar' za 1871 g.* Odessa, 1870, otd. 4, pp. 2 – 24.

Kliashtornyi S.G. Khazarskie zametki // *Tiurkologicheskii sbornik 2003-2004 (tiurkskie narody v drevnosti i srednevekov'e).* Moskva, 2005, pp. 95 – 117.

Kurysheva M.A., B.L. Fonkich K paleograficheskoi interpretatsii grecheskikh graffiti Mangupskoi baziliki. *Srednie veka,* 2017, vol.. 78 (№3), pp. 167 – 179.

Lavrov V.V. Arkheologicheskie razvedki na gorodishche Kachi-Kal'on (Bakhchisaraiskii raion) v 2016 g. *Istoriia i arkheologiia Kryma,* 2018, vol. VIII, pp. 79 – 80.

Malikov V.M. Vinogradarstvo v srednevekovom Krymu. *Arkhiv Instituta arkheologii Rossiiskoi akademii nauk.* Rukopisnyi fond. Papka 214. L. 1 – 21.

Markevich A.I. Ekskursiia na goru Bakla i v derevniu Mangush. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii,* 1889, vol. 8, pp 108 – 114.

Markevich A.I. Iz proshlogo krymskogo vinogradarstva i vinodeliia: po arkhivnym materialam. *Istoriia vinodeliia Kryma, sbornik.* Massandra, 2010, pp. 3 – 47.

Naumenko V.E. K diskussii ob etnopoliticheskoi istorii Krymskoi Gotii v X v.: arkheologicheskii kommentarii k nadpisiam s Mangupskogo gorodishcha. *Vostochnaia Evropa v drevnosti i srednevekov'e: pis'mennost' kak element gosudarstvennoi infrastruktury: materialy konferentsii.* Moskva, 2016, vol.. XVIII, pp. 202 – 206.

Naumenko V.E. Ukreplenie Sivag-Kermen v Iugo-Zapadnom Krymu, novaia vizantiiskaia krepost' «Strany Dori» Prokopiia Kesariiskogo (Obshchie itogi arkheologicheskogo izucheniia pamiatnika v 2015-2017). *Antichnaia drevnost' i srednie veka,* 2018, vol. 46, pp. 54 – 72.

Nedel'kin E.V. Arkheologicheskie razvedki na territorii Balaklavskogo i Nakhimovskogo raionov g. Sevastopolia v 2018 g. *Istoriia i arkheologiia Kryma,* 2019, vol. XI, pp. 227 – 230.

Opisanie Kryma (Tartariae Descriptio) Martina Bronevskogo. Perevod G. Shershenevicha, primechaniia I.I. Murzakevicha. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei,* 1867, t. VI, pp. 333 – 367.

Opisanie Chernogo moria i Tatarii sostavil dominikanets Emiddio Dortelli d'Askoli, prefekt Kaffy, Tatarii, i proch. 1634 g. Perevod N.N. Pimenova, primechaniia A.A. Bert'e-Delagarda. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei*, 1902, t. XXIV, otd. II, pp. 89 – 180.

Petrovskii V.A., Trufanov A.A. Srednevekovyi khristianskii kompleks k zapadu ot Bakly (po materialam raskopok 1993 – 1994 gg.). Iu.M. Mogarichev, I.N. Khrapunov (Ed.). *Problemy arkheologii drevnego i srednevekovogo Kryma. Simferopol',* Tavriia Publ., 1995, pp. 136 – 142.

Puteshestviia Ivana Shil'tbergera po Evrope, Azii i Afrike, s 1394 g. po 1427 g.: perevel s nemetskogo i snabdil primechaniiami F. Braun. *Zapiski Imperatorskogo Novorossiiskogo universiteta.* Odessa, 1867. t. 1, 156 p.

Repnikov N.I. Eski-Kermen v svete arkheologicheskikh razvedok 1928 – 29 gg. *Izvestiia Gosudarstvennoi akademii istorii material'noi kul'tury.* 1932, t. XII, vol. 1 – 8, pp. 107 – 212.

Repnikov N.I. Gorodishche Kachi-Kal'en. *Izvestiia Gosudarstvennoi akademii istorii material'noi kul'tury,* 1935, vol. 117: Materialy Eski-Kermenskoi ekspeditsii: 1931 – 1933 gg., pp. 102 – 113.

Repnikov N.I. (a) Materialy k arkheologicheskoi karte Iugo-Zapadnogo nagor'ia Kryma. *Rukopisnyi otdel nauchnogo arkhiva Instituta istorii material'no kul'tury Rossiiskoi akademii nauk.* F. 10. Op. 1. D. 9/10. 477 p.

Repnikov N.I. (b) K voprosu o vinogradarstve i vinodelii v severnom predgor'e Iugo-Zapadnogo Kryma v do-russkoe vremia. *Rukopisnyi otdel nauchnogo arkhiva Instituta istorii material'no kul'tury Rossiiskoi akademii nauk*. F. 10. Op. 1. D. 41. L. 1 – 31.

Sorochan S.B. *Vizantiiskii Kherson (vtoraia polovina VI – pervaia polovina X vv). Ocherki istorii i kul'tury.* Part III. Moskva, 2013. 472 p.

Shalyga D.A. Iazyk krymskikh gotov v knige Aibabin A.I., Khairedinova E.A. Krymskie goty strany Dori (seredina III-VII v.). Simferopol', Antikva Publ., 2017, pp. 310 – 322.

Talis D.L. Raskopki Baklinskogo gorodishcha v 1961-1965 gg. *Kratkie soobshcheniia instituta arkheologii,* 1969, vol. 120, pp. 57 – 63.

Ustav dlia genuezskikh kolonii v Chernom more, izdannyi v Genue v 1449 g. Latinskii tekst s perevodom i primechaniiami. Perevod i kom. V. Iurgevicha. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei,* 1863, t. V, pp. 629 – 837.

Veimarn E.V., Repnikov N.I. Siuren'skoe ukreplenie. *Izvestiia Gosudarstvennoi akademii istorii material'noi kul'tury,* 1935, vol. 117: Materialy Eski-Kermenskoi ekspeditsii: 1931 – 1933 gg., pp. 115 – 125.

Veimarn E.V. O vinogradarstve i vinodelii v drevnem i srednevekovom Krymu. *Kratkie soobshcheniia instituta arkheologii,* 1960, vol. 10, pp. 109 – 117.

Veimarn E.V., Loboda I.I., Pioro I.S., Choref M.Ia. Arkheologicheskie issledovaniia stolitsy kniazhestva Feodoro. *Bibikova S.N. (Ed.). Feodal'naia Tavrika. Materialy po istorii i arkheologii Kryma.* Kiev, Naukova dumka Publ., 1974, pp. 123 – 139.

Veimarn E.V., Choref M.Ia. *«Korabl'» na Kache.* Simferopol', Tavriia Publ., 1976, 91 p.

Veimarn E.V. Zhilye usad'by Eski-Kermenskogo gorodishcha. *Mezhvuzovskii sbornik nauchnykh trudov "Vizantiia i ee provintsii".* Sverdlovsk, 1982, pp. 69 – 88.

Vinogradov A.Iu., Korobov M.I. Gotskie graffiti iz Mangupskoi baziliki. *Srednie veka,* 2015, t. 76, no. 3 – 4, pp. 57 – 75.

Vinogradov A.Iu. Osnovnye problemy i voprosy izucheniia vizantiiskoi epigrafiki Mangupa. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavriki,* 2017, vol. XXII, pp. 278 – 298.

Vinokurov N.I. *Vinodelie antichnogo Bospora.* Moskva, 1999, 192 p.

Vinokurov N.I. Vinogradarstvo i vinodelie antichnykh gosudarstv Severnogo Prichernomor'ia. *Bosporskie issledovaniia.* Simferopol'-Kerch', 2007, supplementum 3, 456 p.

Voronin Iu.S. Otchet o rabotakh na gorodishche Mangup bliz s. Zalesnoe i v raione s. Maloe Sadovoe Bakhchisaraiskogo raiona Krymskoi oblasti v 1976 g. *Nauchnyi arkhiv Instituta arkheologii Natsional'noi akademii nauk Ukrainy.* D. 1976/113. 147 p.

Zaitsev I.V. Alkogol' v Zolotoi Orde i Krymskom khanstve (XIV – XVIII vv.). *Orientalistica Iuvenile, sbornik statei aspirantov i molodykh sotrudnikov Instituta vostokovedeniia Rossiiskoi akademii nauk.* Moskva, 2001. vol. II, pp. 100 – 137.

Halenko O. Wine Production, Marketing and Consumption in the Ottoman Crimea, 1520-1542. *Journal of the Economic and Social History of the Orient,* 2004, vol. 47, no. 4 (2004), pp. 507 – 457.

Резюме

Одной из отраслей сельского хозяйства, получивших развитие в средневековом Крыму, было виноделие. В Юго-Западном Крыму расположено около 200 специализированных винодельческих комплексов. История их изучения насчитывает более 180 лет. Эти комплексы становились объектом как специализированных, так и обобщающих исследований. История средневекового виноделия в разные годы привлекала внимание Н.И. Репникова, Е.В. Веймарна, А.Л. Якобсона, В.М. Маликова, В.Н. Даниленко, А.В. Белого, А.Г. Герцена и других. Тем не менее до сегодняшнего дня остается не решенным ряд научных проблем: время и обстоятельства возникновения и развития средневекового виноделия, масштабы и технология производства вина, конструкция и типология виноделен. Только после ответа на эти вопросы можно будет перейти к решению более общих исторических проблем.

Ключевые слова: Юго-Западный Крым, «пещерные города», средневековое виноделие, скальные виноградодавильни.

Summary

Winemaking was one of the branches of agriculture, that developed in the medieval Crimea. There are about 200 specialized wine-making complexes in the South-West Crimea.

The history of their study goes back over 180 years. These complexes became the object of both specialized and generalizing studies. The history of medieval winemaking in different years attracted the attention of N.I. Repnikov, E.V. Weimarn, A.L. Yakobson, V.M. Malikov, V.N. Danilenko, A.V. Belyi, A.G. Gertsen and others. A number of scientific problems remain unresolved, such as the time and circumstances of the emergence and development of medieval winemaking, the scale and technology of wine production, the design and typology of wineries. Only after answering these questions will it is possible to move on to solving more general historical problems.

Key words: South-Western Crimea, «cave cities», medieval winemaking, rock-cut wine presses.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ
Ганцев Валентин Константинович,
аспирант кафедры истории древнего мира
и средних веков Исторического факультета
Таврической академии Крымского
федерального университета им. В.И. Вернадского,
295007, г. Симферополь,
проспект Академика Вернадского, 4.
valentin.gancev@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR
Gantsev Valentin,
Postgraduate student, Department
of Ancient World and Mediaeval History,
V.I. Vernadsky Crimean Federal University,
295007, Simferopol, Russian Federation,
Prospekt Vernadskogo, 4.
valentin.gancev@mail.ru

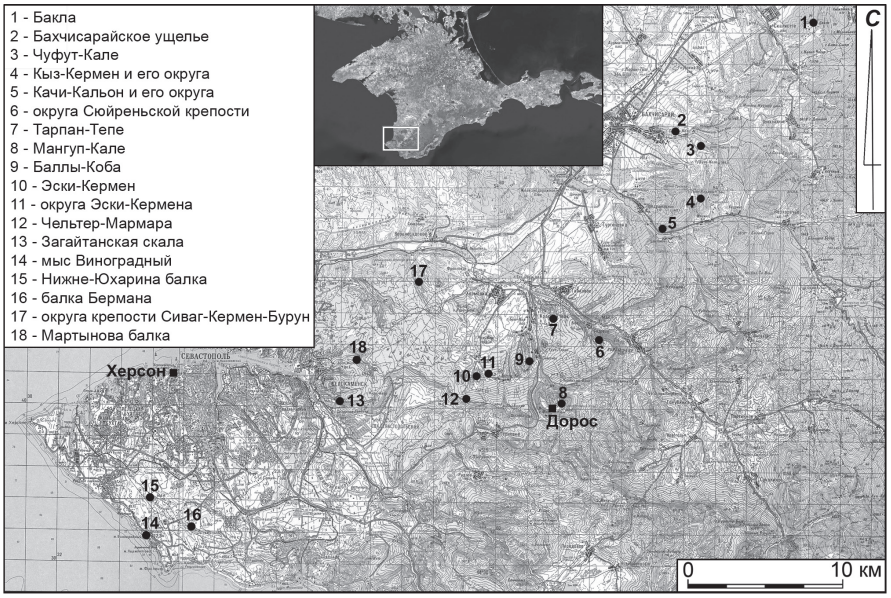

Рис. 1. Топографическая карта Юго-Западного Крыма с указанием месторасположения средневековых скальных виноградодавилен.

Рис. 2. Схема «пещерного города» Качи-Кальон с указанием месторасположения скальных виноградодавилен [по: Веймарн, Чореф, 1976].

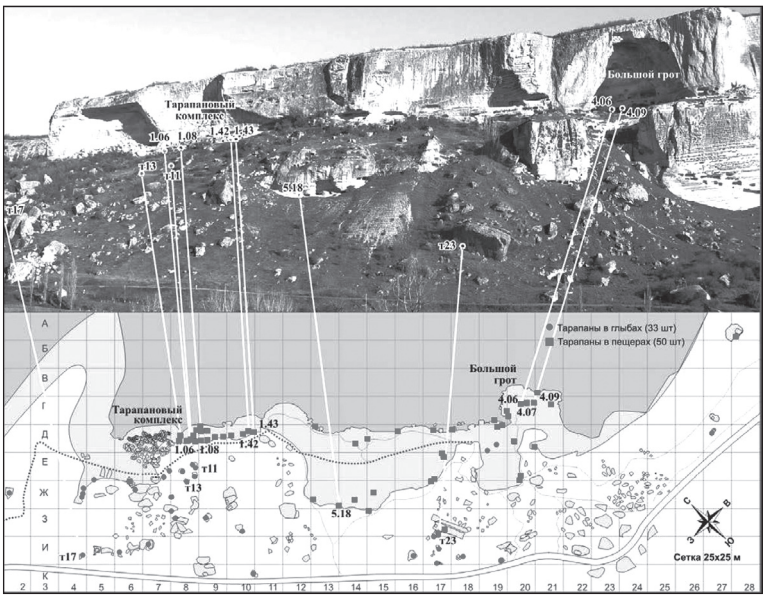

Рис. 3. Схема «пещерного города» Качи-Кальон с указанием месторасположения скальных виноградодавилен [по: Гуськов, 2016, с. 240, рис. 1].

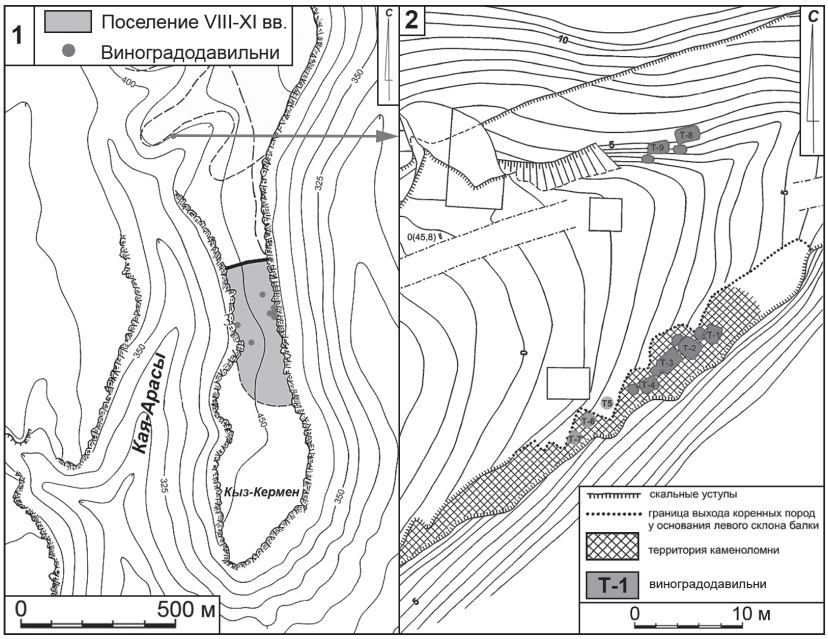

Рис. 4. 1. – План городища Кыз-Кермен с указанием месторасположения скальных виноградодавилен [по: Белый 2018, с. 16, рис. 1]. **2.** – План расположения винодельческого комплекса и каменоломни в балке Кая-Арасы [по: Белый 2016, с. 189, рис. 2].

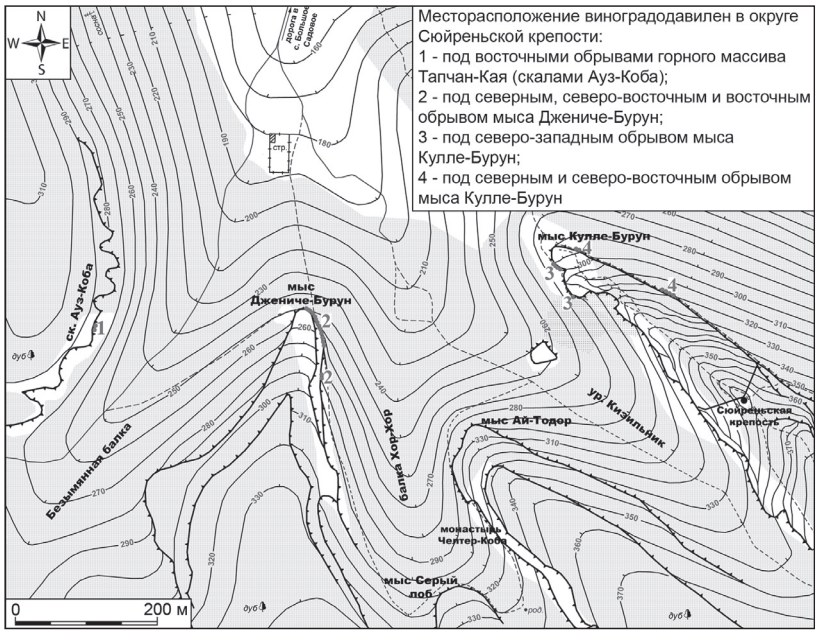

Рис. 5. Топографический план округи Сюйреньской крепости с указанием месторасположения скальных виноградодавилен.

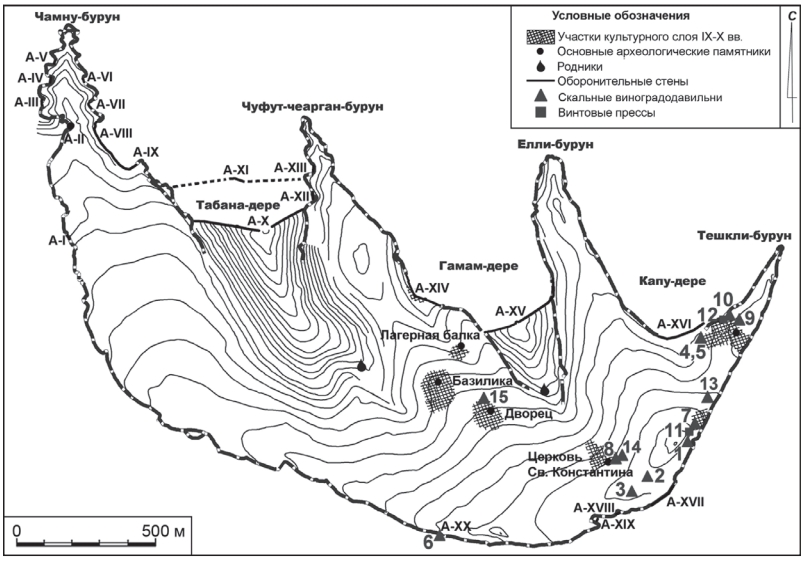

Рис. 6. Топографический план Мангупского плато с указанием месторасположения скальных виноградодавилен и винтовых прессов.

Е.В. СУХАНОВ
E.V. SUKHANOV

КУЛЬТУРНЫЕ ТРАДИЦИИ СОЗДАНИЯ ФОРМ ГОРШКОВ В VIII – IX ВЕКАХ В ПРИЧЕРНОМОРЬЕ
CULTURAL TRADITIONS OF CREATING POT SHAPES IN THE VIII – IX CENTURIES IN THE BLACK SEA REGION

Задачи исследования

Первым исследователем, сформулировавшим понятие «салтовская археологическая культура», был С.Н. Замятнин. Он вкладывал в него такое содержание: общность строительной техники каменных и кирпичных крепостей, сходство погребальных сооружений катакомбных могильников и сходство форм кухонных и столовых глиняных сосудов [Афанасьев, 2014, с. 407]. Территория этой археологической культуры занимала, по С.Н. Замятнину, пространство лесостепной зоны Донецко-Донского междуречья. С.А. Плетнёва в своей монографии 1967 года рассматривала в качестве салтово-маяцких памятники обширной территории – от Северного Кавказа до Верхнего Дона, от Дуная и до Волги, выделяя 7 локальных вариантов [Плетнёва, 1967, с. 8]. Позднее С.А. Плетнёва уменьшила её территорию, отказалась от выделения некоторых локальных вариантов – например, дунайского и средневолжского. Она полагала, что там существовали самостоятельные культуры, которые генетически были связаны с салтово-маяцкой [Плетнёва, 1981, с. 64]. Сама же салтово-маяцкая культура понималась С.А. Плетнёвой как государственная культура Хазарского каганата, которая была общей для разных этносов, входящих в его состав [Плетнёва, 2000, с. 206 – 221]. Многие современные исследователи продолжают придерживаться этой концепции, хотя она имеет ряд существенных критических замечаний [Афанасьев, 2001, с. 44 – 46].

Одна из причин существования разных подходов к пониманию салтово-маяцкой культуры заключается в том, что некоторые её компоненты встречаются далеко за пределами Донецко-Донского междуречья – территории, где сосредоточено большинство салтово-маяцких памятников. К числу таковых относится керамика и, в частности, кухонные горшки: довольно схожие по своему внешнему облику сосуды распространены в Подонье, Приазовье, Предкавказье, в Крыму, Подунавье и на некоторых других территориях.

По мере накопления знаний о морфологии, технологии и ареале распространения кухонных горшков VIII – IX вв. в научной литературе возникла идея, что такие сосуды могут рассматриваться в качестве маркера тех или иных этнокультурных групп раннего Средневековья. Эта идея во многом основана на выводах С.А. Плетнёвой относительно этнокультурных истоков салтово-маяцкой керамики. По её мнению,

формирование комплекса керамики салтово-маяцкой культуры произошло в результате взаимодействия кочевых и полукочевых племен и влияний на них со стороны соседей-земледельцев. Лощеную столовую керамику она связала с продолжением и развитием позднесарматских-аланских традиций, кухонные горшки – с тюркоязычными и ираноязычными кочевниками, а появление гончарного круга – с влиянием византийских традиций [Плетнёва, 1967, с. 133 – 134]. В целом же в дискуссии об «этническом лице» и истоках кухонных горшков VIII – IX вв. можно выделить две основные версии: болгарскую/болгаро-хазарскую, связывающую эту посуду с культурными традициями тюркских народов, и аланскую/сармато-аланскую [Афанасьев, 2013, с. 14-15]. Дискуссия представляется достаточно актуальной для раннесредневековой археологии, и от её исхода зависит ответ на принципиальный вопрос: можно ли на основании состава керамического комплекса на памятнике салтово-маяцкой культуры делать выводы об этническом составе населения, проживавшего в этом месте?

Данная статья посвящена исследованию культурных традиций создания форм кухонных горшков в разных районах юга Восточной Европы, сравнению этих традиций и частично обсуждению вопроса о возможности связывать выявленные традиции с носителями разных погребальных обрядов и этнокультурных групп населения эпохи раннего Средневековья.

Статья является продолжением исследования, которое уже было начато по материалам памятников бассейна Среднего Дона [Суханов, 2021]. Этот регион был выбран не случайно, поскольку именно здесь присутствуют разнообрядовые могильники, оставленные, вероятнее всего, разными в этнокультурном отношении группами населения: катакомбные, ямные, кремационные.

По итогам изучения материалов Среднего Дона были выделены 2 разные традиции создания форм горшков (рис. 1). Они отличаются на всех использованных уровнях анализа (подробнее о методике – в следующем разделе этой статьи). Конкретные различия проявляются в общей пропорциональности всего сосуда, наиболее распространённых конструкциях, углах наклона тулова и общей пропорциональности щеки-шеи. Однако оказалось, что эти две традиции не имеют чёткой связи с носителями разных погребальных обрядов, жившими в Среднем Подонье. Первая традиция (рис. 1, *1-6, 12-16*) доминирует в материалах Маяцкого комплекса, который включает катакомбный могильник, а также ямных могильниках Мандрово, Рождественово, Тишанка, Утиное. Вторая традиция (рис. 1, *7-11, 17-19*) доминирует в катакомбных могильниках Дмитриевка и Нижние Лубянки, а также ямных могильниках Ржевка, Волоконовка, Червоная Гусаровка. Эта же традиция преобладает в кремационном могильнике Сухая Гомольша.

Таким образом, судя по материалам Среднего Дона, разные традиции создания форм кухонных горшков нельзя рассматривать как надёжный маркер той или иной этнокультурной группы. Более того, при осмыслении полученных результатов возникло несколько вопросов: насколько широко представлены традиции создания форм, выявленные по материалам Среднего Дона? Соответствуют ли им формы

горшков из других регионов юга Восточной Европы, или же там представлены какие-то другие традиции? В данной статье предпринимается попытка поиска ответов на эти вопросы.

Методы и источники

Исследование форм горшков выполнено с позиций историко-культурного подхода к изучению древней керамики, разработанного А.А. Бобринским [Бобринский, 1978; Бобринский, 1999; Цетлин, 2012; Цетлин, 2018]. Цель анализа керамики в рамках этого исследовательского подхода – выделение разных культурных традиций древних гончаров. Современная методика изучения форм глиняных сосудов с позиций историко-культурного подхода включает анализ как минимум на трёх уровнях, различающихся по степени детальности информации:

I. Анализ общей пропорциональности (далее – ОПП) форм, т.е. соотношения высоты и максимального диаметра сосуда;

II. Анализ естественных структур сосудов или конструкций, позволяющий получить группировку форм по составу функциональных частей. Конструкция каждого сосуда может включать от трёх до семи функциональных частей: губа, щека, шея, плечо, предплечье, тулово, основание тулова. Для выделения естественной структуры формы на контуре сосуда ищутся места акцентированных физических усилий гончара: критические точки, точки наибольшей локальной кривизны, точки перегиба линии контура. Анализ этих точек позволяет получить полную естественную структуру сосуда и выделить все функциональные части, составляющие её.

В структуре глиняного сосуда могут присутствовать следующие функциональные части: губа (далее при описании конструкций сосудов – Г), щека (Щ), шея (Ш), плечо (П), предплечье (ПП), тулово (Т), основание тулова (ОТ) [Цетлин, 2017, с. 155-156]. Помимо указанных, в используемой методике анализа выделяются так называемые переходные функциональные части. Это щека/шея и плечо/предплечье [Цетлин, 2018, с. 143-144, 152].

III. Анализ сформированности или развитости функциональных частей. Этот параметр оценивается по двум показателям: общей пропорциональности (отношение высоты части к полусумме диаметров оснований) и углу наклона боковой линии костяка. В этой статье данные по III уровню анализа будут приводиться ограниченно и будут касаться только тех функциональных частей, которые демонстрируют яркие различия между разными выделенными традициями создания форм сосудов.

Все перечисленные выше параметры анализируются по ступеням универсальной шкалы качеств, разработанной Ю.Б. Цетлиным [Цетлин, 2018, таб. 2, 3]. Цель введения такой шкалы в практику изучения форм сосудов заключается в переводе количественных данных на язык качественных понятий. Использование такого инструмента позволяет решить сразу несколько задач. Во-первых, нивелировать роль случайных колебаний и ошибок измерений сосудов при оценке значимости различий по тем или иным параметрам. Во-вторых, шкала качеств обеспечивает возможность сопоставления данных по разным памятникам.

В этой статье мы сосредоточимся на характеристике только тех параметров форм глиняных сосудов, которые оказались важными для различения разных традиций на Среднем Дону: 1) ОПП всего сосуда; 2) особенности конструкций; 3) угол наклона тулова; 4) ОПП щеки-шеи[1].

Источниками исследования послужили несколько групп материалов. Во-первых, в этой работе используются уже исследованные материалы бассейна Среднего Дона. Это катакомбные могильники Дмитриевский и Нижелубянский – по 53 и 9 горшков соответственно, ямные могильники Мандрово – 24 сосуда, Волоконовка – 9 сосудов, Ржевка – 8 сосудов, Червоная Гусаровка – 17 сосудов, Рождественово – 11 сосудов, Тишанка и Утиное – по 3 сосуда. Использованы материалы кремационного могильника Сухая Гомольша – 33 сосуда. Во-вторых, объектом изучения являются формы горшков с территории Степного Подонцовья. В этом районе располагается массив поселенческих и погребальных памятников, этническим «ядром» которых были праболгары [Красильников, 2001, с. 320]. Использованы материалы: Сидоровского городища [Кравченко, Давыденко, 2001] – 149 сосудов, из них 17 доступны для изучения ОПП всего сосуда и углов наклона тулова, 78 для изучения конструкций и все 140 для анализа ОПП щеки-шеи; могильника Новодачное [Красильников, Красильникова, 2012] – 16 сосудов; могильника Дроновка [Татаринов, Копыл, 1981; Татаринов, Федяев, 2001] – 8 сосудов; могильника Черниково озеро/Серебрянское [Швецов, Санжаров, Прынь, 2001] – 6 сосудов; могильника Желтое [Красильников, 1991] – 17 сосудов; могильника Красногоровский [Стадник, Стадник, 2013] – 4 сосуда. В научной литературе второй половины XX века неоднократно подчёркивалась генетическая связь салтово-маяцкой культуры и синхронных древностей на Нижнем Дунае. С.А. Плетнева даже выделяла нижнедунайский локальный вариант салтово-маяцкой культуры [Плетнева, 1967, с. 8]. Позднее она отказалась от этой идеи, определяя балкано-дунайскую культуру как самостоятельную, однако декларировала, что этнической основой и салтовской, и балкано-дунайской культур были праболгары [Плетнева, 1990, с. 88]. Современные зарубежные исследователи полагают, что раннесредневековая культура Нижнего Дуная представляет собой синтез традиций славян, болгар и румын, проходивший под влиянием византийской культуры [Madgearu, 2007, p. 51–59] и культуры тюрков [Spinei, 2009, p. 189, 190].

Независимо от этнокультурной интерпретации раннесредневековых материалов Нижнего Дуная кухонные горшки VIII – IX веков из этого региона визуально имеют много общего с салтово-маяцкими. Именно поэтому в качестве «проверочного полигона», для сравнения нижнедунайских и салтовских гончарных традиций, в это исследование были включены материалы из некоторых биритуальных

[1] В данном случае, при написании через дефис, имеется в виду обобщение разных видов функциональных частей: щеки, шеи и щеки/шеи.

могильников Нижнего Подунавья: Извор [Mitrea, 1989] – 40 сосудов, Капул Вилор [Зирра, 1963] – 58 сосудов, Султана [Mitrea, 1988]– 33 сосуда.

Таким образом, суммарно в той или иной мере в этом исследовании используется более 500 сосудов.

Результаты анализа

Этот раздел статьи построен следующим образом. Формы горшков из памятников Степного Подонцовья и Нижнего Подунавья рассматриваются по 4 параметрам, на основании которых на Среднем Дону выделены две разные традиции: ОПП всего сосуда, конструкции, угол наклона тулова, ОПП щеки-шеи. Перед описанием данных по каждому из параметров приводятся различия традиций Среднего Дона.

ОПП сосудов

На уровне ОПП всего сосуда выявленные на Среднем Дону традиции различаются следующим образом: первая традиция – это сосуды с относительно более высокой ОПП, 37-й ступени и выше (рис. 2, *1*), вторая традиция – сосуды с относительно более низкой ОПП до 36-й ступени (рис. 2, *2*).

Теперь посмотрим на материалы Степного Подонцовья (рис. 2, 4). Здесь на всех памятниках преобладают сосуды с относительно более низкой ОПП. В Сидорово таких горшков – 64,7 %, в Новодачном – 69,2 % горшков, в Дроновке все 100 % сосудов. В могильнике Черниково озеро к «низкой» ОПП относится 5 из 6 сосудов (83,3 %), в могильнике Желтое – 70,6 % горшков, в могильнике Красногоровский – 75 % (3 горшка из 4).

Теперь рассмотрим материалы нижнедунайских могильников (рис. 2, 3). В могильнике Извор соотношение рассматриваемых двух групп по ОПП равное: 50 % сосудов относятся к ступеням до 36-й, а другие, 50 %, к 37-й и выше. В могильниках Капул Вилор и Султана доминируют сосуды второй группы, т.е. более высокие, 37-й ступени и выше. В Капул Вилор таких горшков 98,3 %, в Султане – 91 %.

Таким образом, на этом уровне ведущие традиции в Степном Подонцовье и Нижнем Дунае различаются. В первом регионе преобладают горшки с относительно более низкой ОПП всего сосуда, во втором – с относительно более высокой.

Конструкции сосудов

На уровне естественных структур выявленные по материалам Среднего Дона традиции различаются следующим образом. Для первой традиции (рис. 3, 1) характерно доминирование конструкций с предплечьем - Г+*Щ*+*ПП*+Т+ОТ, Г+*Щ/Ш*+*ПП*+Т+ОТ, Г+*Ш*+*ПП*+Т+ОТ, а также конструкций Г+*Ш*+*П/ПП*+Т+ОТ и Г+*Щ/Ш*+*П/ПП*+Т+ОТ. Далее они будут условно называться первой группой конструкций. Вторая традиция (рис. 3, 2) характеризуется доминированием трёх конструкций с плечом – Г+*Щ*+*П*+Т+ОТ, Г+*Щ/Ш*+*П*+Т+ОТ, Г+*Ш*+*П*+Т+ОТ, а также конструкции Г+*Щ*+*П/ПП*+Т+ОТ. Далее они будут условно называться второй группой конструкций.

На памятниках Степного Подонцовья (рис. 3, *4*) зафиксировано преобладание

горшков со второй группой конструкций. В Сидорово таких горшков 75,6 %, в Новодачном 62,5 %, в Дроновке все 100 %, в Черниковом озере 71,4 %, в Желтом 82,4 %, в Красногоровском 100 %.

В могильниках Нижнего Дуная (рис. 3, *3*) ситуация отличается – здесь доминируют конструкции первой группы. В могильнике Извор таких горшков 70,7 %, в Капул Вилор –75,9 %, в Султане – 81,8 %.

Таким образом, традиции Степного Подонцовья и Нижнего Дуная различаются и на этом уровне анализа.

Угол наклона тулова

Две традиции, выявленные по памятникам Среднего Дона, различаются на этом уровне следующим образом. Первая традиция (рис. 4, *1*) характеризуется доминированием горшков с углом наклона тулова от 15 ступени и выше, вторая – горшков с углом наклона тулова до 14 ступени (рис. 4, *2*).

В памятниках Степного Подонцовья зафиксировано преобладание форм с углом наклона тулова до 14 ступени (рис. 4, *4*). В Сидорово таких сосудов 82,4 %, в могильнике Новодачное – 84,6 %, в могильнике Дроновка – 87,5 %, в могильнике Черниково озеро – 83,3 %, в могильнике Красногоровский – 75 % (3 сосуда из 4) и в могильнике Желтое все 100 % сосудов.

Среди памятников Нижнего Дуная (рис. 4, *3*) похожая ситуация отмечена в могильнике Извор. На нем тоже довольно много горшков с углом наклона до 14 ступени. Однако преобладание не столь выражено – 67,5 %. В могильнике Капул Вилор распределение между двумя сравниваемыми группами примерно равное: до 14 ступени – 51,7 %, от 15 ступени и более – 48,3 %. В могильнике Султана преобладают горшки с углом наклона тулова до 14 ступени – таких 72,7 %.

Итог: в Степном Подонцовье картина более однозначна – значительно преобладает первая традиция. В нижнедунайских могильниках ситуация более размытая.

Общая пропорциональность щеки-шеи

Для первой традиции, выявленной по памятникам Среднего Дона (рис. 5, *1*), характерна *очень низкая* ОПП щеки-шеи, для второй традиции (рис. 5, *2*) – *очень-очень низкая.*

В Степном Подонцовье почти на всех изученных памятниках зафиксировано преобладание первого варианта (рис. 5, *4*) – очень-очень низкой щеки-шеи. В Сидорово таких сосудов 89,9 %, в Новодачном – 87,5 %, в Дроновке – 100 %, в Желтом – 76,5%, в Красногоровском – 75 %. Не вписывается в эту тенденцию только могильник Черниково озеро: на нём половина горшков с очень-очень низкой щекой-шеей, другая половина – с очень низкой.

В нижнедунайских могильниках ситуация противоположная – везде доминируют горшки с очень низкой щекой-шеей (рис. 5, *3*). В могильнике Извор таких горшков 73,7 %, в Капул Вилор – 87,9 %, в Султане – 78,8 %.

Обобщение и сравнение традиций разных регионов

Что общего и особенного в традициях созданиях форм горшков, бытовавших в разных регионах Восточной Европы в VIII – IX веках? Проведённый анализ свиде-

тельствует, что памятники Степного Подонцовья и памятники Нижнего Дуная, как правило, соотносятся с двумя разными традициями, выявленными по материалам Среднего Дона.

По ОПП всего сосуда памятники Степного Подонцовья показывают наибольшее сходство со второй традицией Среднего Дона – доминирование горшков с ОПП до 36 ступени. На каждом изученном памятнике Степного Подонцовья доля таких сосудов составляет 65 – 85 %, иногда все 100 %. Памятники Нижнего Дуная оказались гораздо ближе к первой традиции Среднего Дона. В могильниках Капул Вилор и Султана доминируют формы «высоких» пропорций, а в Изворе их доля составляет около 50 %.

Такой характер связей традиций разных регионов прослеживается и по особенностям конструкций горшков. На памятниках Степного Подонцовья доминируют конструкции второй группы, т.е. с плечом или плечом/предплечьем. Доля таких горшков составляет около 60 – 80 %, а на некоторых памятниках достигает 100 %. Эта черта сближает материалы Степного Подонцовья со второй традицией Среднего Дона, где наблюдается примерно такое же соотношение разных конструкций горшков. В нижнедунайских могильниках ситуация противоположна. Доминирование естественных структур первой группы (70 – 80 % на памятнике), основу которой составляют конструкции с предплечьем – это черта, характерная как для могильников Нижнего Дуная, так и для первой традиции Среднего Дона.

Такую же картину сходств между традициями разных регионов показывают данные по ОПП щеки-шеи. Почти на всех памятниках Степного Подонцовья, кроме Черниково озеро, отмечено доминирование горшков с очень-очень низкой ОПП щеки-шеи. Доля таких сосудов на памятниках составляет от 75 % и выше. Это ещё один, уже третий маркер второй традиции Среднего Дона. В нижнедунайских могильниках отмечено такое же явное преобладание горшков с другим рангом ОПП щеки-шеи – очень низкой, что характерно для первой традиции Среднего Дона.

По углам наклона тулова сходство памятников Степного Подонцовья и второй традиции Среднего Дона прослеживается также явно. Доля горшков с углом наклона тулова до 14 ступени на каждом изученном памятнике Степного Подонцовья составляет от 75 % и выше. Нижнедунайские могильники нельзя однозначно сопоставить с первой или второй традицией Среднего Дона. С одной стороны, на них также есть преобладание варианта до 14 ступени, что характерно для второй традиции. С другой стороны, в нижнедунайских могильниках это преобладание не столь явное и выраженное, как во второй традиции Среднего Дона и памятниках Степного Подонцовья.

Подводя итоги проведенному сравнению, мы приходим к двух заключениям:

1) по традициям создания форм горшков памятники Степного Подонцовья сильно отличаются от памятников Нижнего Дуная;

2) памятники Степного Подонцовья имеют большое сходство с первой традицией Среднего Дона, а нижнедунайские – со второй традицией.

Для количественной оценки степени сходства традиций разных памятников и разных регионов проведены расчёты меры сходства. Такие вычисления выполнены как в рамках каждой изученной группы памятников, так и между этими группами.

В чём заключалась методика расчёта? Из 4 параметров, по которым рассматривались формы (ОПП всего сосуда, особенности конструкций, угол наклона тулова, ОПП щеки-шеи), было сделано 8 позиций для сравнения: 1) доминирование ОПП сосуда до 36 ступени; 2) доминирование ОПП сосуда от 37 ступени и более; 3) доминирование конструкций первой группы; 4) доминирование конструкций второй группы; 5) доминирование угла наклона тулова до 14 ступени; 6) доминирование угла наклона тулова от 15 ступени; 7) доминирование щеки-шеи с очень-очень низкой ОПП; 8) доминирование щеки-шеи с очень низкой ОПП. По этим позициям каждый памятник сравнивался с каждым. Поскольку всего признаков 8, то совпадение по одному признаку означало сходство 12,5 %, по двум – 25 % и так далее. Чтобы материалы всех рассматриваемых регионов были полностью сопоставимы, такие расчёты проведены и для памятников Среднего Дона, на основании которых ранее были выделены две традиции создания форм горшков.

Теперь рассмотрим результаты вычислений (рис. 6). Самые высокие значения сходства памятников отмечены *внутри групп:* 100 % – для памятников Среднего Дона, по которым выделена вторая традиция, 95,8 % – для памятников Степного Подонцовья, 85 % – для памятников Среднего Дона, по которым выделена первая традиция, и 83,3 % – для могильников Нижнего Дуная. Если говорить о связях *между группами*, то самые высокие показали две «пары». Первая пара: Средний Дон, традиция 2 – Степное Подонцовье, у них сходство 97,9 %. Вторая пара: Средний Дон, традиция 1 – Нижний Дунай, здесь сходство 72,5 %.

Таким образом, результаты вычислений подтверждают предположение о высоком сходстве второй среднедонской традиции с традициями памятников Степного Подонцовья и первой среднедонской традиции с традициями Нижнего Дуная. В пользу этого заключения свидетельствуют также результаты применения методов многомерной статистики для сравнения памятников по медианным значениям каждого параметра (табл. 1). Дендрограмма по итогам кластерного анализа (евклидово расстояние, метод Варда) делит все памятники на 2 кластера (рис. 7). Кластер 1 включает памятники Среднего Дона с первой традицией и могильники Нижнего Дуная. Памятники Среднего Дона со второй традицией и памятники Степного Подонцовья были включены в кластер 2. Единственное «несоответствие» – это положение могильника Черниково озеро. Он оказался в кластере 1. График с результатами анализа методом главных компонентов позволяет оценить степень сходства различных памятников в двумерном пространстве (рис. 8). В соответствии с первой главной компонентой, которая содержит 64% дисперсии, все исследуемые памятники сгруппированы в две зоны.

В левую зону входят катакомбные могильники Среднего Дона, ямные могильники Ржевка, Червоная Гусаровка, Волоконовка и биритуальные могильники Нижнего

Дуная. Правая зона включает памятники Степного Подонцовья, Маяцкий комплекс, а также ямные могильники Среднего Подонья: Мандрово, Рождественово, Тишанка и Утиное.

Выводы

Полученные результаты приводят к выводу, что две разные традиции создания форм кухонных горшков, выявленные по материалам Среднего Дона, были распространены в VIII – IX веках и за пределами этого региона. В первой традиции проявляется довольно высокая степень сходства с традициями биритуальных могильников Нижнего Дуная, связанных с историей и культурой Первого Болгарского царства. Вторая проявляется в памятниках Степного Подонцовья – т.е. на территории, занятой, по мнению многих исследователей, праболгарским этническим компонентом салтово-маяцкой культуры. Все эти данные дополняют и подтверждают вывод, сделанный ранее на основании материалов Среднего Дона: вывод об отсутствии четкой связи между разными традициями создания форм горшков VIII – IX вв. и определенными этнокультурными группами раннесредневекового населения юга Восточной Европы.

По обширному этнографическому и археологическому материалу мы знаем, что распространение на разных памятниках очень близких гончарных традиций может иметь два наиболее вероятных объяснения: либо это следствие родственности человеческих коллективов, оставивших памятники со схожими традициями, либо результат распространения посуды среди разного в этническом отношении населения через торговые контакты, что характерно для ремесленной формы производства.

На примере распространения горшков второй традиции очень сложно предполагать родственность людей, оставивших катакомбные могильники, ямные могильники Среднего Дона и биритуальные могильники Подунавья. Так, например, данные палеоантропологов показывают очень выраженные биоархеологические и хозяйственные различия носителей катакомбного и ямного обрядов салтово-маяцкой культуры [Решетова, 2014, с. 127 – 131]. Донские аланы предстают перед нами как очень консолидированное сообщество с доминированием брачных связей внутри популяции. Из-за этого вряд ли мы можем рассматривать носителей катакомбного обряда салтово-маяцкой культуры и какие-то определенные коллективы, оставившие ямные могильники (типа Ржевки, Волоконовки), как глубоко родственное население. Если говорить о Нижнем Дунае, где распространена вторая традиция горшков, то вопрос об отсутствии родственности кажется еще более однозначным: катакомбные аланские могильники там неизвестны, а ингумации в ямах и кремации в Подонье имеют много отличий от нижнедунайских [Комaтарова-Балинова, 2012, с. 160]. В целом исследователи сходятся во мнении, что салтово-маяцкая культура представляет собой полиэтничное образование [Плетнёва, 1976, с. 43; Аксенов, 2017, с. 6; Сарапулкин, 2003, с. 182].

Поэтому наиболее вероятный вариант объяснения полученной картины – это функционирование в изученных регионах собственных гончарных центров, где работали носители разных культурных традиций, и распространение горшков среди

разноэтничного населения через рыночные механизмы. В Восточной Европе известны три основные экономические формы гончарного производства: домашнее, ремесленное на заказ и ремесленное с рыночным сбытом. В отличие от домашнего производства, где между изготовителями и потребителями глиняной посуды, как правило, существуют кровно-родственные отношения, продукция ремесленных производств не ограничена в своём распространении рамками этнокультурных различий между гончарами и потребителями керамики [Бобринский, 1978, с. 26]. Важный аргумент в пользу этого объяснения – это свидетельства существования в VIII – IX веках ремесленного производства глиняной посуды, которые зафиксированы исследователями как в Подонье, так и в Днестро-Дунайском междуречье [Васильева, 1993, с. 42; Винников, Плетнёва, 1998, с.157; Сарапулкин, 2003, с. 149; Красильников, 1976; 1980; Козлов, 1988, с. 30].

Наиболее сложным и, вероятно, неразрешённым останется вопрос об этнической принадлежности изготовителей кухонных горшков, которые жили в разных регионах Причерноморского бассейна. Нужно признать, что никаких надёжных данных для разрешения этого вопроса не существует. Некоторые суждения возможны лишь относительно истоков выявленных традиций и направлений культурного импульса, который привел к распространению таких традиций на обширной территории. Известно, что формирование салтово-маяцкой культуры было связано с масштабными переселениями как минимум двух групп населения, произошедших около середины VIII века, – алан Центрального Предкавказья в бассейн Среднего Дона и носителей кремационного обряда в пограничье лесостепной и степной зон Подонцовья. Среди разных версий, высказанных относительно этнической атрибуции кремационных могильников салтово-маяцкой культуры, наиболее убедительна адыго-абхазская, связывающая возникновение кремационных могильников в Подонцовье с переселением носителей этого обряда из Кубано-Черноморского региона [Аксенов, 2007].

Таким образом, распространение в степной и лесостепной зонах юга Восточной Европы двух традиций создания форм горшков по времени совпадает с масштабным движением групп населения с территории Западного и Центрального Предкавказья. Это важно, поскольку именно в могильниках Центрального Предкавказья известны наиболее ранние экземпляры кухонных горшков, морфологически близких салтово-маяцким [Афанасьев, 2013, с. 18-19]. К сожалению, эти сосуды единичны, поскольку погребальный обряд алан подразумевал помещение в могилы не кухонной, а столовой посуды. Однако ценность этих немногочисленных экземпляров заключается в их ранней дате относительно материалов других территорий.

Что касается материалов Нижнего Дуная, исследователи фиксируют несколько волн притока нового населения, в ходе которых в этот регион могли попасть рассмотренные гончарные традиции. Первая относится ко второй половине VIII века и синхронна периоду формирования салтово-маяцкой культуры, а вторая относится к IX веку и связана с последствиями так называемого восстания кабаров и Гражданской войны в Хазарском каганате [Плетнёва, 1997, с. 47 – 49]. Так или иначе, изложенные в этой статье данные показывают, что гончары Нижнего Дуная

на каком-то этапе своей истории хорошо знакомились с гончарными традициями, которые были распространены у населения Подонья.

Таблица 1. Медианные значения исследуемых параметров форм горшков

Памятники/параметры	ОПП всего сосуда	Угол наклона плеча-предплечья	ОПП щеки-шеи	Угол наклона тулова
Сидорово	1,015	123,5	0,058	72,5
Новодачное	1	123	0,077	74,5
Дроновка	0,957	127,4	0,051	71,6
Черниково	1,021	117,9	0,104	72,5
Желтое	1,013	127,3	0,08	70,2
Красная Гора	0,876	123,3	0,1	73,4
Извор	1,01	118,9	0,103	71,3
Капул Вилор	1,145	119,8	0,119	74,2
Султана	1,094	117,8	0,111	72,4
Дмитриевка	1,11	114,6	0,108	75,4
Нижние Лубянки	1,144	116,9	0,075	77
Ржевка	1,003	120,2	0,135	76,1
Червоная Гусаровка	1,04	115,8	0,127	77,9
Волоконовка	1,01	121,6	0,167	77,5
Мандрово	0,93	128,8	0,067	72,9
Рождественово	0,928	124,5	0,057	72,6
Утиное	0,915	124	0,07	70
Тишанка	0,928	122	0,06	69
Маяцкий	0,927	129,9	0,093	73,5

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Аксёнов В.С. Погребальный обряд могильника Сухая Гомольша (к проблеме этнической принадлежности салтовских кремационных захоронений из бассейна Северского Донца) // Проблеми на прабългарската история и култура. Сборник в памет на ст. н.с. I ст. д.и.н. Димитър Ил. Димитров / под ред. Р. Рашева. Т. 4-1. София: Милка Юдова «Онгъл» ДЗЗД, 2007. С. 371–402.

Аксёнов В.С. Носители кремационного обряда и этнокультурная обстановка в салтовском лесостепном Подонцовье (втор. пол. VIII — нач. IX вв.) // В.К. Міхеєв. Учні та послідовники до 80-річчя з дня народження / под ред. В.С. Аксёнова. Харків: ІРІС, 2017. С. 6–17.

Аксёнов В.С., Михеев В.К. Население Хазарского каганата в памятниках истории и культуры. «Сухогомольшанский могильник VIII–X вв.» / Хазарский альманах. Том 5. / под ред. В.К. Михеева. Киев-Харьков: Институт востоковедения АН Украины, 2006. 308 с.

Афанасьев Г.Е. Где же археологические свидетельства существования Хазарского государства? // РА. 2001. № 2. С. 43–55.

Афанасьев Г.Е. Кухонная посуда салтово-маяцкой культуры - этномаркирующий признак? // РА. 2013. № 3. С. 13–25.

Афанасьев Г.Е. Об авторстве и первоначальном значении термина «салтовская археологическая культура» // Верхнедонской археологический сборник. Выпуск 6 / под ред. А.Н. Бессуднова. Липецк: РИЦ ФГБОУ ВПО «ЛГПУ», 2014. С. 407.

Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.: Наука, 1978. 272 с.

Бобринский А.А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства / под ред. А.А. Бобринского. М.: ИА РАН, 1999. С. 5–109.

Васильева И.Н. Гончарство Волжской Болгарии в X – XIV вв. Екатеринбург: УИФ «Наука», 1993. 248 с.

Винников А.З., Плетнёва С.А. На северных рубежах Хазарского каганата: Маяцкое поселение. Воронеж: Воронежский государственный университет, 1998. 216 с.

Зирра В. Двуобрядовый могильник раннефеодальной эпохи в Капул Виилор – История // Dacia. 1963. 7. P. 355–412.

Козлов В.И. Гончарная керамика поселений балкано-дунайской культуры VIII – X вв. в приморской части Днестровско-Дунайского междуречья // Средневековые памятники Днестровско-Прутского междуречья / под ред. П.П. Бырня. Кишинев: Штиинца, 1988. С. 28–54.

Коматарова-Балинова Е. Сравнительная характеристика элементов погребального обряда биритуальных могильников нижнедунайского населения и салтово-маяцкой культуры // Степи Европы в эпоху Средневековья. Том 9 / под ред. А.В. Евглевского. Донецк: ДонНУ, 2012. С. 135–165.

Кравченко Э.Е., Давыденко В.В. Сидоровское городище // Степи Европы в эпоху Средневековья. Хазарское время. Том 2 / под ред. А.В. Евглевского. Донецк: ДонНУ, 2001. С. 233–302.

Красильников К.И. Гончарная мастерская салтово-маяцкой культуры // СА. 1976. № 3. С. 267–278.

Красильников К.И. Новые данные о гончарном производстве в салтовское время на Северском Донце // КСИА. 1980. Вып. 160. С. 60–69.

Красильников К.И. Могильник древних болгар у с. Желтое // Проблеми на прабългарската история и култура: сб. статей / под ред. Р. Рашева. Вып. 2. София, 1991. С. 62–81.

Красильников К.И. Новые данные об этническом составе населения степного Подонцовья в VIII – нач. X вв. // Степи Европы в эпоху Средневековья. Хазарское время. Том 2 / под ред. А.В. Евглевского. Донецк: ДонНУ, 2001. С. 303–322.

Красильников К.И., Красильникова Л.И. Погребения со зливкинскими традициями на могильнике у поселка Новодачное на реке Лугань // Степи Европы в эпоху Средневековья. Том 9 / под ред. А.В. Евглевского. Донецк: ДонНУ, 2012. С. 165–206.

Плетнёва С.А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. М.: Наука, 1967. 200 с.

Плетнёва С.А. Хазары. М.: Наука, 1976. 96 с.

Плетнёва С.А. Восточноевропейские степи во второй половине VIII–X вв. // Степи Евразии в эпоху Средневековья / Археология СССР. Отв. ред. тома С.А. Плетнёва. М.: Наука, 1981. С. 62–75.

Плетнева С.А. Проблемы хазарской археологии // СА. 1990. №2. С. 77–91.

Плетнёва С.А. Древние болгары в восточноевропейских степях // Татарская археология. 1997. № 1. С. 32–63.

Плетнёва С.А. Очерки хазарской археологии. М.: «Мосты культуры», Иерусалим: «Гешарим», 1999. 248 с.

Решетова И.К. Население Донецко-Донского междуречья в раннем Средневековье: по материалам погребальных памятников салтово-маяцкой культуры: дис. … канд. ист. наук. М., 2014. 263 с.

Сарапулкин В.А. Керамика и керамическое производство лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры: дис… канд. ист. наук. Воронеж, 2003. 285 с.

Стадник О. В., Стадник А. И. Красногоровский грунтовый могильник салтово-маяцкой культуры на р. Айдар // Матеріали та дослідження з археології Східної України. Збірник наукових праць / под ред. С.М. Санжарова). Выпуск 12. Луганськ: вид-во СНУ ім. В. Даля, 2013. С. 254–263.

Татаринов С. И., Копыл А. Г. Дроновские древнеболгарские могильники на р. Северский Донец // СА. 1981. №. 1. С. 300–307.

Татаринов С.И., Федяев С.В. Новые раннеболгарские погребения из могильника Дроновка-3 (Лиманское озеро) на Северском Донце // Степи Европы в эпоху Средневековья. Том 2 / под ред. А.В. Евглевского. Донецк: ДонНУ, 2001. С. 365–374.

Цетлин Ю.Б. Древняя керамика: теория и методы историко-культурного подхода. М.: ИА РАН, 2012. 379 с.

Цетлин Ю.Б. Об общем подходе и методике системного изучения форм глиняных сосудов. Формы глиняных сосудов как объект изучения. Историко-культурный подход / под ред. Ю.Б. Цетлина. М.: ИА РАН, 2018. С. 124–179.

Швецов М.Л., Санжаров С.Н., Прынь А.В. Два новых сельских могильника в Подонцовье // Степи Европы в эпоху Средневековья. Том 2 / под ред. А.В. Евглевского. Донецк: ДонНУ, 2001. С. 333–346.

Madgearu A. The Dridu culture and the changing position of Romania among the communist state // Archaeologia Bulgarica. 2007. Vol. XI. № 2. P. 51–59.

Mitrea B. Das Gräberfeld aus dem VIII. Jahrhundert von Izvoru, jud. Giurgiu // Dacia. 1989. 33. P. 145–219.

Mitrea B. La nécropole birituelle de Sultana - résultats et problems // Dacia. 1988. 32. P. 91–139.

Spinei V. Die Tonkessel aus dem Karpaten-Dnestr-Raum // C. Balint (ed.). Die Keramik der Saltovo-Majaki Kultur und ihrer Varianten (Varia Archaeologica Hungarica; V. III). Budapest, 1990. P. 327–342.

REFERENCES

Aksenov V.S. Pogrebal'nyi obriad mogil'nika Sukhaia Gomol'sha (k probleme etnicheskoi prinadlezhnosti saltovskikh krematsionnykh zakhoronenii iz basseina Severskogo Dontsa). *Rashev R. (ed.). Problemi na prab»lgarskata istoriia i kultura.* Sophia, Bulgarian Archaeological Institute Publ., 2007, pp. 371-402.

Aksenov V.S. Nositeli krematsionnogo obriada i etnokul'turnaia obstanovka v saltovskom lesostepnom Podontsov'e (vtor. pol. VIII — nach. IX vv.). A*ksenov V.S. (ed.). V.K. Mikheev. Uchni ta poslidovniki do 80-richchia z dnia narodzhennia.* Kharkiv, IRIS Publ., 2017, pp. 6–17.

Aksenov V.S., Mikheev V.K. Naselenie Khazarskogo kaganata v pamiatnikakh istorii i kul'tury.

Sukhogomol'shanskii mogil'nik VIII – X vv. *Mikheev V.K. (ed.). Khazarskii al'manakh. Tom 5.* Kiev–Khar'kov, Institut vostokovedeniia AN Ukrainy Publ., 2006, 308 p.

Afanasyev G.E. Kukhonnaia posuda saltovo-maiatskoi kul'tury – etnomarkiruiushchii priznak? *Rossiiskaia arkheologiia*, 2013, 3, pp. 13 – 25.

Afanasyev G.E. Gde zhe arkheologicheskie svidetel'stva sushchestvovaniia khazarskogo gosudarstva? // *Rossiiskaia arkheologiia,* 2001, 2, pp. 43 – 55.

Afanasyev G.E. Ob avtorstve i pervonachal'nom znachenii termina «saltovskaia arkheologicheskaia kul'tura». Bessudnov A.N. (ed.). *Verkhnedonskoi arkheologicheskii sbornik. Vypusk 6.* Lipetsk, RITs FGBOU VPO «LGPU» Publ., 2014, p. 407.

Bobrinsky A.A. *Goncharstvo Vostochnoi Evropy. Istochniki i metody izucheniia.* Moscow, Nauka Publ., 1978, 272 p.

Bobrinsky A.A. Goncharnaia tekhnologiia kak ob»ekt istoriko-kul'turnogo izucheniia. Bobrinsky A.A. (ed.). *Aktual'nye problemy izucheniia drevnego goncharstva.* Moscow, IA RAN Publ., 1999, pp. 5–109.

Vasilyeva I.N. *Goncharstvo Volzhskoi Bolgarii v X-XIV vv.* Ekaterinburg, UIF «Nauka» Publ., 1993, 248 p.

Vinnikov A.Z., Pletneva S.A. *Na severnykh rubezhakh Khazarskogo kaganata: Maiatskoe poselenie.* Voronezh, Voronezh State University Publ., 1998, 216 p.

Zirra V. Dvγobriadovyi mogil'nik rannefeodal'noi epokhi v Kapγl Viilor – Istriia. *Dacia,* 1963, 7, pp. 355 – 412.

Kozlov V.I. Goncharnaia keramika poselenii balkano-dunaiskoi kul'tury VIII – X vv. v primorskoi chasti Dnestrovsko-Dunaiskogo mezhdurech'ia. *Byrnya P.P. (ed.). Srednevekovye pamiatniki Dnestrovsko-Prutskogo mezhdurech'ia.* Kishinev, Shtiintsa Publ., 1988, pp. 28 – 54.

Komatarova-Balinova E. Sravnitel'naia kharakteristika elementov pogrebal'nogo obriada biritual'nykh mogil'nikov nizhnedunaiskogo naseleniia i saltovo-maiatskoi kul'tury. *Evglevsky A.V. (ed.). Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia. Tom 9.* Donetsk, Donetsk National University Publ., 2012, pp. 135 – 165.

Kravchenko E.E., Davydenko V.V. Sidorovskoe gorodishche. Evglevsky A.V. (ed.). *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia. Khazarskoe vremia.* Tom 2. Donetsk, Donetsk National University Publ., 2001, pp. 233 – 302.

Krasilnikov K.I. Goncharnaia masterskaia saltovo-maiatskoi kul'tury. *Sovetskaia arkheologiia*, 1976, 3, pp. 267 – 278.

Krasilnikov K.I. Novye dannye o goncharnom proizvodstve v saltovskoe vremia na Severskom Dontse. *Kratkie soobshcheniya Instituta arheologii,* 1980, 160, pp. 60 – 69.

Krasilnikov K.I. Mogil'nik drevnikh bolgar u s. Zheltoe. Rashev R. (ed.). *Problemi na prab»lgarskata istoriia i kultura.* Sophia, 1991, pp. 62 – 81.

Krasilnikov K.I. Novye dannye ob etnicheskom sostave naseleniia stepnogo Podontsov'ia v VIII – nach. X vv. *Evglevsky A.V. (ed.). Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia.* Khazarskoe vremia. Tom 2. Donetsk, Donetsk National University Publ., 2001, pp. 303 – 322.

Krasilnikov K.I., Krasilnikova L.I. Pogrebeniia so zlivkinskimi traditsiiami na mogil'nike u poselka Novodachnoe na reke Lugan'. *Evglevsky A.V. (ed.). Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia. Khazarskoe vremia. Tom 9.* Donetsk, Donetsk National University Publ., 2012, pp. 165 – 206.

Pletneva S.A. *Ot kochevii k gorodam. Saltovo-maiatskaia kul'tura.* Moscow, Nauka Publ., 1967, 200 p.

Pletneva S.A. *Khazary*. Moscow, Nauka Publ., 1976, 96 p.

Pletneva S.A. Vostochnoevropeiskie stepi vo vtoroi polovine VIII–X vekakh. *Pletneva S.A. (ed.). Stepi Evrazii v epokhu srednevekov'ia / Arkheologiia SSSR.* Moscow, Nauka Publ., 1981, pp. 62 – 75.

Pletneva S.A. Problemy khazarskoi arkheologii. *Sovetskaia arkheologiia*, 1990, 2, pp. 77 – 91.

Pletneva S.A. Drevnie bolgary v vostochnoevropeiskikh stepiakh. *Tatarskaia arkheologiia,* 1997, 1, pp. 32 – 63.

Pletneva S.A. *Ocherki khazarskoi arkheologii.* Moscow, «Mosty kul'tury» Publ., Ierusalim: «Gesharim» Publ., 1999, 248 p.

Reshetova I.K. *Naselenie Donetsko-Donskogo mezhdurech'ia v rannem srednevekov'e: po materialam pogrebal'nykh pamiatnikov saltovo-maiatskoi kul'tury.* Kandidat. diss. Moscow, 2014, 263 p.

Sarapulkin V.A. *Keramika i keramicheskoe proizvodstvo lesostepnogo varianta saltovo-maiatskoi kul'tury.* Kandidat. diss. Voronezh, 2003, 285 p.

Stadnik O.V., Stadnik A.I. Krasnogorovskii gruntovyi mogil'nik saltovo-maiatskoi kul'tury na r. Aidar. Sanzharov S.N. (ed.). *Materiali ta doslidzhennia z arkheologiï Skhidnoï Ukraïni. Zbirnik naukovikh prats' 12.* Luhansk, SNU im. V. Dalia Publ., 2013, pp. 254 – 263.

Tatarinov S.I., Kopyl A.G. Dronovskie drevnebolgarskie mogil'niki na r. Severskii Donets. *Sovetskaia arkheologiia*, 1981, 1, pp. 300 – 307.

Tatarinov S.I., Fedyaev S.V. Novye rannebolgarskie pogrebeniia iz mogil'nika Dronovka-3 (Limanskoe ozero) na Severskom Dontse. *Evglevsky A.V. (ed.). Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia. Khazarskoe vremia. Tom 2.* Donetsk, Donetsk National University Publ., 2001, pp. 365 – 374.

Tsetlin Y.B. *Drevniaia keramika: teoriia i metody istoriko-kul'turnogo podkhoda.* Moscow, IA RAS Publ., 2012, 379 p.

Tsetlin Y.B. Ob obshchem podkhode i metodike sistemnogo izucheniia form glinianykh sosudov. Tsetlin Y.B. (ed.). *Formy glinianykh sosudov kak ob»ekt izucheniia. Istoriko-kul'turnyi podkhod.* Moscow, IA RAS Publ., 2018, pp. 124 – 179.

Shvetsov M.L., Sanzharov S.N., Pryn A.V., Dva novykh sel'skikh mogil'nika v Podontsov'e. *Evglevsky A.V. (ed.). Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia. Khazarskoe vremia. Tom 2.* Donetsk, Donetsk National University Publ., 2001, pp. 333 – 346.

Madgearu A. The Dridu culture and the changing position of Romania among the communist state. *Archaeologia Bulgarica,* 2007, Vol. XI, 2, pp. 51 – 59.

Mitrea B. Das Gräberfeld aus dem VIII. Jahrhundert von Izvoru, jud. Giurgiu. *Dacia*, 1989, 33, pp. 145 – 219.

Mitrea B. La nécropole birituelle de Sultana - résultats et problems. *Dacia*, 1988, 32, pp. 91 – 139.

Spinei V. Die Tonkessel aus dem Karpaten-Dnestr-Raum. C. Balint (ed.). *Die Keramik der Saltovo-Majaki Kultur und ihrer Varianten (Varia Archaeologica Hungarica; V. III).* Budapest, 1990, pp. 327-342.

Резюме

Статья посвящена сравнительному анализу форм кухонных горшков VIII – IX веков, найденных на памятниках Среднего Дона, Степного Подонцовья и Нижнего Дуная. Исследование выполнено с позиций историко-культурного подхода к изучению древней керамики, разработанного А.А. Бобринским. По изученным материалам выделены две традиции создания форм горшков. Эти традиции хорошо различимы на всех использованных уровнях анализа: от самого общего, показывающего особенности пропорций сосудов, до наиболее детального,

показывающего особенности формы функциональных частей горшков. Обе традиции представлены в материалах памятников, связанных с разными этнокультурными группами населения VIII – IX веков. Отсюда вывод: исследуемые кухонные горшки сами по себе, а также их морфологические особенности не могут служить маркером присутствия каких-либо определенных групп населения на том или ином археологическом памятнике.

Ключевые слова: салтово-маяцкая культура, кухонные горшки, формы глиняных сосудов.

Summary

The article deals with the comparative analysis of the shapes of kitchen pots of the VIII – IX centuries from archeological sites of the Middle Don, the Steppe Seversky Donets and the Lower Danube. The study is carried out using the historical-and-cultural approach to the study of ancient ceramics, developed by A. A. Bobrinsky. Two traditions of creating pot shapes are identified. These traditions are clearly distinguishable at all levels of analysis used: from the most general, showing the features of the proportions of the vessels, to the most detailed, showing the features of the shape of the functional parts of the pots. Both traditions are represented in the materials of archeological sites associated with different ethno-cultural groups of the population of the 8th-9th centuries. This leads to the conclusion that the studied kitchen pots themselves, as well as their morphological features, cannot serve as a marker of the presence of any specific population groups on a particular archaeological site.

Key words: saltovo-mayaki culture, kitchen pots, shapes of clay vessels.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ
Суханов Евгений Владимирович,
кандидат исторических наук,
научный сотрудник Института
археологии РАН,
17292, Москва, ул. Дм. Ульянова, д. 19.
sukhanov_ev@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR
Sukhanov Evgeny Vladimirovich, PhD,
researcher of Institute of Archaeology
Russian Academy of Sciences,
Dm. Ulyanova str., 19, Moscow, 117292,
Russian Federation.
sukhanov_ev@mail.ru;

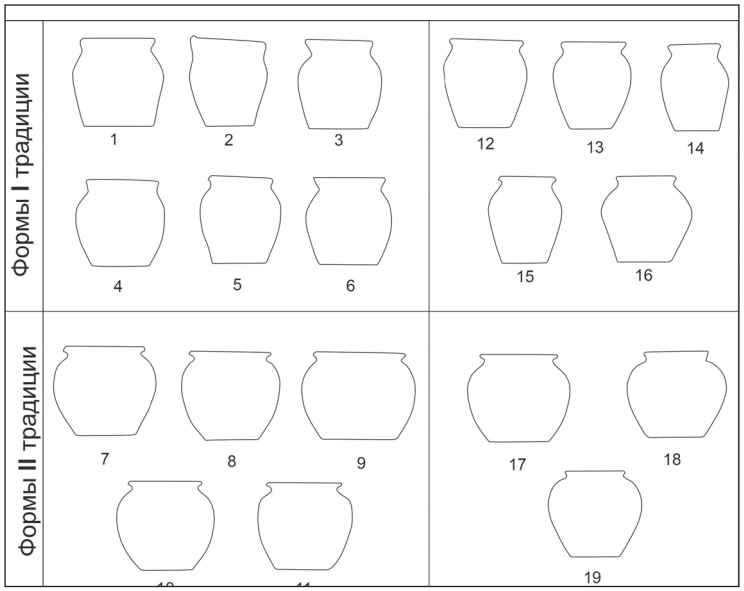

Рис. 1. Примеры формы горшков разных традиций, выделенных по материалам Среднего Подонья.

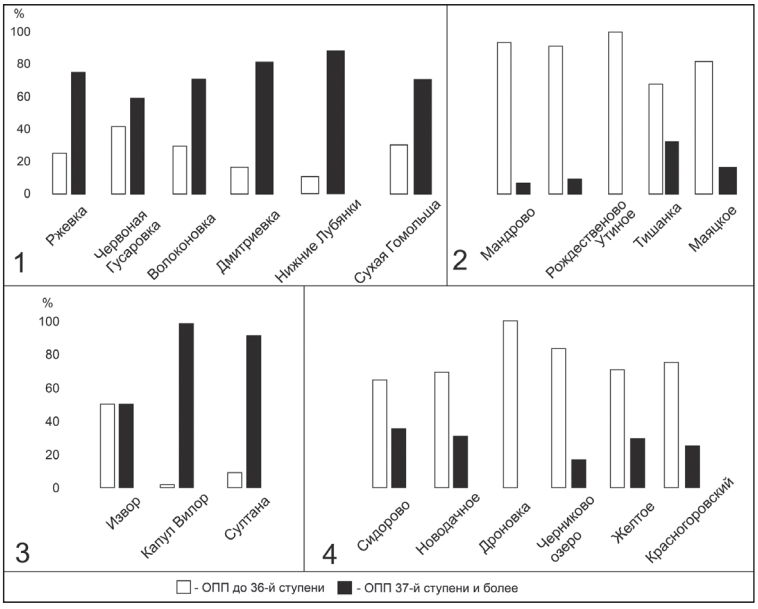

Рис. 2. Общая пропорциональность всего сосуда. 1, 2 – Средний Дон, 3 – Нижний Дунай, 4 – Степное Подонцовье.

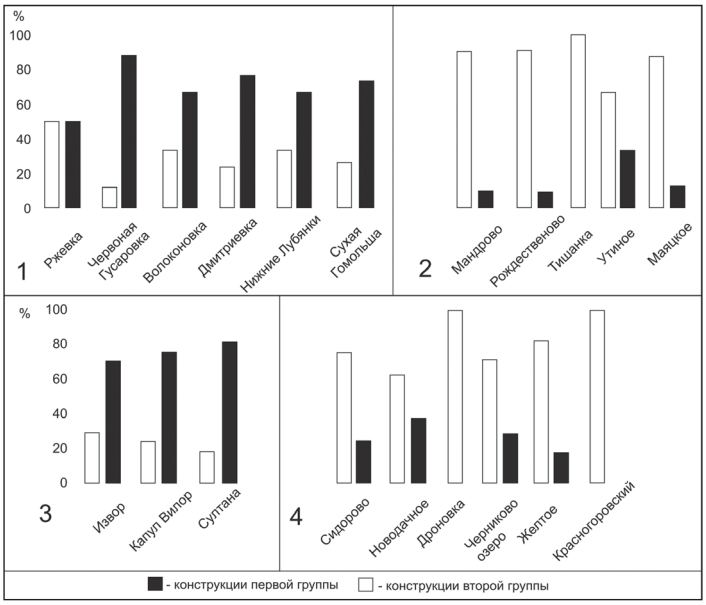

Рис. 3. Конструкции горшков. 1, 2 – Средний Дон, 3 – Нижний Дунай, 4 – Степное Подонцовье.

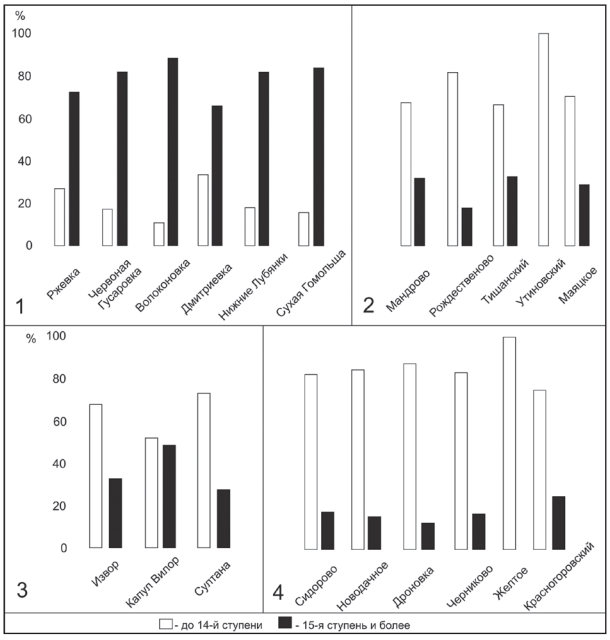

Рис. 4. Угол наклона тулова горшков. 1, 2 – Средний Дон, 3 – Нижний Дунай, 4 – Степное Подонцовье.

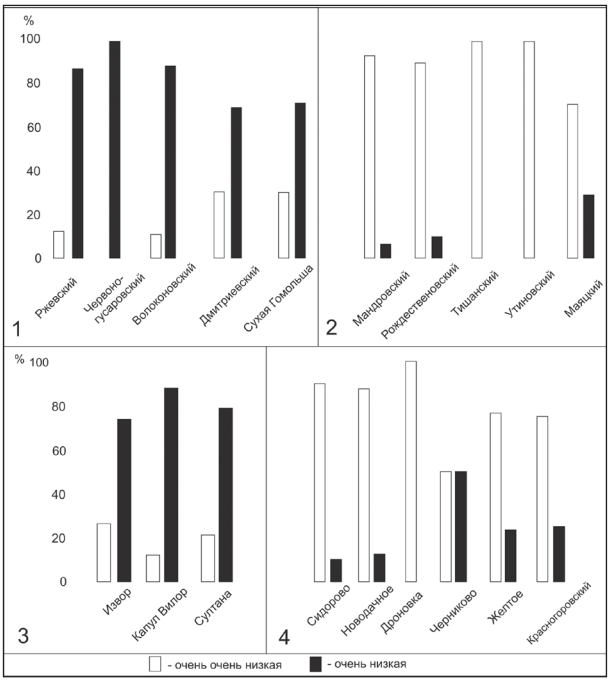

Рис. 5. Общая пропорциональность щеки-щеи горшков. 1, 2 – Средний Дон, 3 – Нижний Дунай, 4 – Степное Подонцовье.

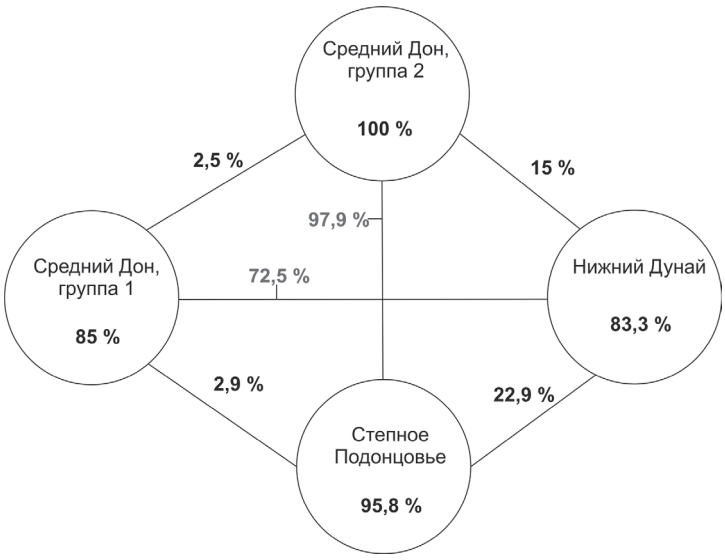

Рис. 6. Степень сходства традиций создания форм горшков между памятниками разных регионов.

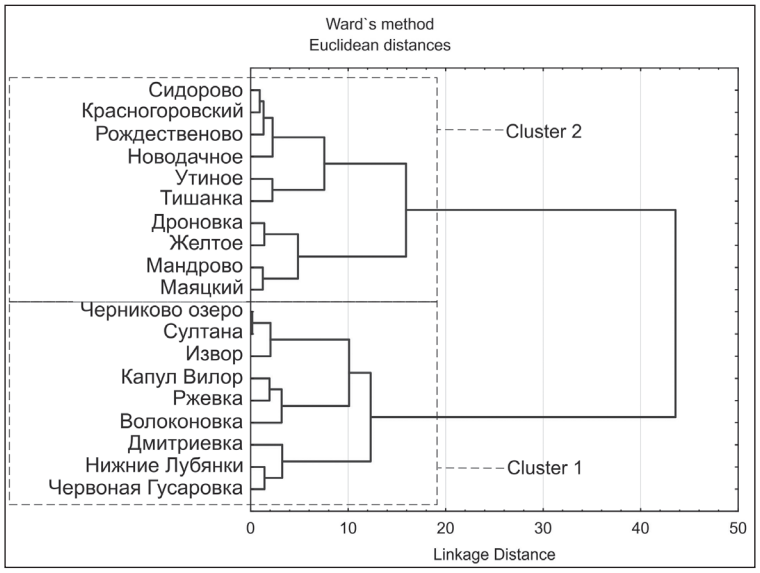

Рис. 7. Сравнение традиций создания форм горшков между памятниками разных регионов. Кластерный анализ.

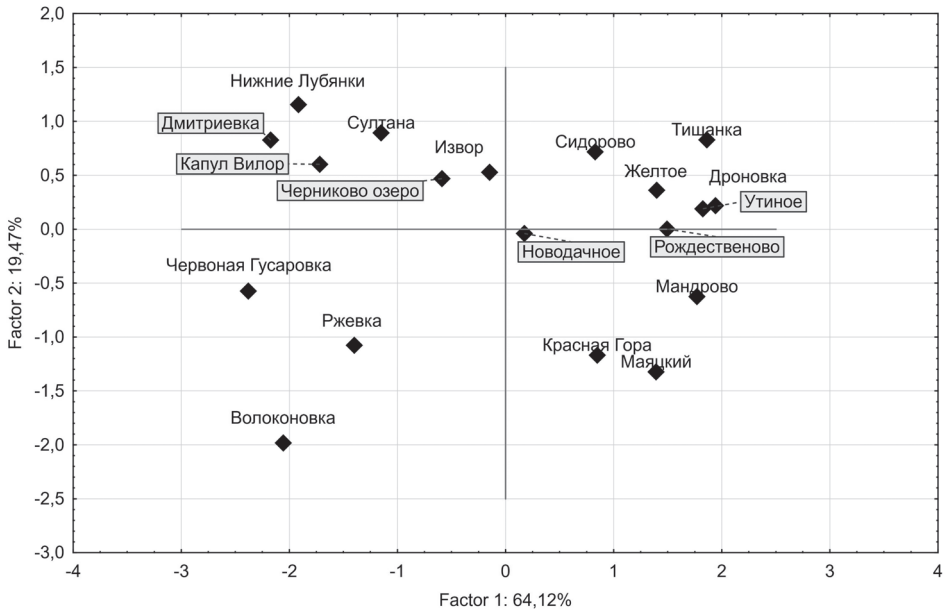

Рис. 8. Сравнение традиций создания форм горшков между памятниками разных регионов. Метод главных компонент.

Е. А. АЙБАБИНА, А.В. АНТИПЕНКО, Д.А. ЛОМАКИН,
Э.И. СЕЙДАЛИЕВ, Д.Э. СЕЙДАЛИЕВА, И.А. СПИВАК
E. A. AIBABINA, A. V. ANTIPENKO, D. A. LOMAKIN, E. I. S EYDALIEV,
D. E. SEIDALIEVA, I. A. SPIVAK

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ИСЛАМА В ЮГО-ВОСТОЧНОМ КРЫМУ В ЗОЛОТООРДЫНСКИЙ ПЕРИОД: КОМПЛЕКСНЫЙ ПОДХОД[1]
THE SPREAD OF ISLAM IN THE SOUTH-EASTERN CRIMEA DURING THE GOLDEN HORDE PERIOD: A COMPREHENSIVE APPROACH

Территория Золотой Орды включала в себя регионы, населенные различными этносами, находящимися на разных стадиях развития материальной и духовной культуры. В самых общих чертах их можно охарактеризовать как кочевой и оседлый мир. На ранних этапах становления государственности кочевой мир евразийских степей вошел в плотное соприкосновение с городской культурой развитых центров древних очагов цивилизации: древнерусской, западноевропейской, византийской, среднеазиатской. В силу этих факторов на территории Золотой Орды сосуществовали и взаимодействовали представители различных религиозных общин, которые были связаны не только административным, фискальным аппаратом и военной мощью Джучидов, но и общими торгово-экономическими интересами. Это привело к беспрецедентной интенсификации взаимных обменов, особенно в регионах, которые служили отправными точками торговых операций Улуса Джучи. К таким регионам относится территория полуострова Крым, издревле имеющая морские пути сообщения с развитыми центрами бассейнов Черного и Средиземного морей. Именно территория Крымского полуострова стала базой развития торговых контактов государства Джучидов в западном направлении. Через прибрежные города при участии генуэзских и венецианских купцов велась трансконтинентальная торговля со странами Западной Европы, Ближним и Средним Востоком. Территория Крыма входила в правое крыло Золотой Орды. Политическим, военным, экономическим и культурным центром являлся город Солхат-Крым (ныне г. Старый Крым, Кировский район), основанный во второй половине XIII в. Возможность осуществлять торговые операции под охраной золотоордынского оружия привлекла в город активных и заинтересованных в прибыли представителей разных народов, а политика религиозной терпимости, постулируемая со времен Чингиз-хана, позволяла мирно сосуществовать в рамках одного города представителям различных конфессий.

Поскольку через морские порты Крыма происходили торговые и дипломати-

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Республики Крым в рамках научного проекта № 20-49-910004р_а_Республика Крым «Распространение ислама в Юго-Восточном Крыму в золотоордынский период: комплексный подход».

ческие взаимодействия с представителями различных религиозных традиций, то представители элиты золотоордынского общества имели возможность близко ознакомиться с основными особенностями монотеистических вероучений. Ислам, ассоциировавшийся прежде всего с религией воинов и торговцев, в большей степени, чем иные религиозные доктрины, соответствовал мировоззренческим и политическим запросам Джучидов. Данное обстоятельство в итоге привело к обращению в ислам сначала части золотоордынской элиты во время правления хана Берке (1209–1266), а затем к провозглашению ислама государственной религией Золотой Орды при Узбек-хане (1283–1341). Принятие мусульманского вероисповедания отнюдь не заставило Берке отказаться от политики религиозной толерантности, присущей всем Чингизидам. Но статус ислама, как религии правителей Золотой Орды, был утвержден на международном уровне. Усилия султанов мамлюкского Египта по привлечению на свою сторону хана Берке в конфликте с Хулагуидами увенчались успехом [Сидоренко, 2020б, с. 547–548]. Воздействие египетского вектора распространения ислама для Крыма имело важное значение и в другом ракурсе. Как следует из сообщения Ибн ал-Фурата, в 1287 г. в Солхат из Египта был направлен караван с припасами для строительства мечети ценой в 2000 динаров. Дарителем в данном случае выступил мамлюкский султан ал-Мансур Сайф ад-дин Кала'ун ал-Алфи (1280–1290) [Крамаровский, 2020б, с. 22]. Строительство монументальных мусульманских культовых объектов заложило материальную основу для проведения официальной политики распространения ислама во всем Юго-Восточном Крыму. В свете сказанного особую актуальность приобретают вопросы, связанные с историей распространения ислама в многонациональной и поликонфессиональной среде на примере территории Юго-Восточного Крыма.

Правое крыло Улуса Джучи, в которое входил Крым, имело мощные очаги городской культуры, представленные византийскими центрами. В полиэтничной среде средневекового Крыма присутствовали представители различных конфессий, небольшая территория полуострова и общность интересов в сфере безопасности и торговли вызвали необходимость толерантного отношения к представителям разных религий внутри региона. На этой основе происходил процесс распространения исламского вероучения, которое в дальнейшем, на протяжении пяти последующих столетий, стало основным для населения Крыма. Процесс перехода ислама из религии элитной части золотоордынского общества в «народную религию», прежде всего, в силу особенностей источниковой базы, до сих пор остается одним из наименее освещенных в литературе.

Регион Юго-Восточного Крыма представляется перспективным для изучения этапов становления ислама как религии масс, в сравнении с прочими обширными территориями Золотой Орды. Это обусловлено, прежде всего, степенью сохранности архитектурно-археологических памятников Солхата [Гаврилов и др., 2014]. С обращением джучидской элиты в ислам город стал приобретать черты традиционного восточного центра, ядром которого являлись мечети, медресе и другие атрибу-

ты культовой архитектуры. Археологические исследования позволили обнаружить в регионе сельские поселения и некрополи золотоордынского времени, исследование которых может способствовать определению степени проникновения ислама в среду рядового населения Золотой Орды (Кринички, Бокаташ-II, Старый Фонтан, Тобен-Сарай)[2] [Крамаровский и др., 2002; Крамаровский и др., 2004; Сейдалиев, 2019; Сейдалиев и др., 2020].

При изучении истории Золотой Орды исследователи зачастую сталкиваются с крайне скудной базой письменных источников. Имеющиеся данные преимущественно связаны с деятельностью ханской администрации и созданы вне пределов Золотой Орды. К ним относятся, прежде всего, документы арабских историков и биографов, перевод которых был осуществлен В. Г. Тизенгаузеном [Тизенгаузен, 1884]. Таким образом, вне поля зрения письменных источников остается большая часть населения государства. В силу этого обстоятельства, перспективным для изучения процесса распространения ислама представляется комплексный подход, который базируется на анализе материалов, относящихся к внутренней жизни рядовых жителей региона. Это наряду со сведениями письменных источников, прежде всего данные археологии, нумизматики и эпиграфики.

Историография вопроса

Ввиду малого количества выявленных достоверных информативных письменных источников, а также в значительной мере из-за того, что эта тема была негласно табуирована на протяжении практически всего советского периода истории, процесс распространения ислама в Золотой Орде исследован явно недостаточно. Научные работы по этой тематике были посвящены в первую очередь роли ислама, как государственной религии Улуса Джучи, и соответственно сводились к анализу письменных источников, отражающих, как правило, деятельность ханов и элиты ордынского общества. Процесс распространения ислама в среде рядового средневекового населения зачастую оставался вне поля зрения исследователей.

Вместе с тем вопрос исламизации Золотой Орды становился объектом изучения исследовательских коллективов ряда ведущих мировых научных центров. Обзорная монография, включившая переводы и анализ многочисленных фрагментов различных письменных источников, посвященных периоду обращения Золотой Орды в ислам, была подготовлена Девином Дьюизом (Devin Deweese) в 1994 г. в Пенсильванском университете [DeWeese Devin, 1994]. В работе рассмотрена дина-

[2] Научный архив Института археологии Крыма. Ф. О-1. Оп. 1. Д. 978: Крамаровский М. Г. Отчет о полевых исследованиях на средневековом поселении Кринички-II в районе Старого Крыма в 1998 г.; Д. 986: Крамаровский М. Г. Отчет о полевых исследованиях на поселении Кринички-II в районе Старого Крыма в 1999 г.; Д. 1048: Крамаровский М. Г. Отчет о полевых исследованиях на средневековом поселении Кринички-II в районе Старого Крыма в 2000 г.; Д. 1136: Крамаровский М. Г. Отчет о полевых исследованиях на поселении Бокаташ-II в районе г. Старый Крым в 2001 г.; Д. 1203: Крамаровский М.Г. Отчет о полевых исследованиях средневекового поселения Бокаташ-II в 2002 г.

мика исламизации обширной территории от Понто-Каспийской степи до Западной Сибири, а также взаимодействие ислама и традиционных религиозных представлений населения региона. Процесс проникновения ислама в среду степных кочевников Евразийских степей стал темой ряда исследований Мари Фаверо (Marie Favereau, Оксфорд, Великобритания) [Favereau, 2008; Favereau, 2018]. Под ее редакцией в 2018 году вышел сборник статей, посвященных тематике «La Horde d'Or et l'islamisation des steppes eurasiatiques». В издании рассмотрен ряд ключевых проблем, связанных с распространением ислама: политические последствия монгольской религиозной терпимости; возможность изучения исламизации определенного региона через погребальные ритуалы; «агенты» исламизации и направления их деятельности внутри Золотой Орды, и ряд других. В 2009 г. в Казани вышел третий том фундаментальной «Истории татар с древнейших времен», посвященный золотоордынскому периоду. Глава «Ислам в Улусе Джучи», подготовленная И. Л. Измайловым и М. А.Усмановым [Измайлов и др., 2009], снабжена детальным историографическим очерком, который авторы начали с 40 гг. XIX в., что избавляет от необходимости повторений в данной работе.

История распространения ислама на территории Крымского полуострова, и его юго-восточного региона в частности, до настоящего момента не становилась объектом специальных научных исследований. В отечественной историографии на современном этапе рассмотрены лишь отдельные вопросы данной темы, представленные в разрозненных публикациях. В 2015 г. на страницах научного издания «Золотоордынское обозрение» И. В. Зайцевым представлена обзорная работа по истории ислама в Крыму [Зайцев, 2015]. Автором выделено два основных этапа его становления на полуострове. Первый связан с влиянием восточных земель Золотой Орды, в состав которой входил крымский улус, а также мамлюкского Египта. Второй этап начался в 1475 г. после османского завоевания Южного берега полуострова. И. В. Зайцев связал возникновение ислама в Крыму с турками-сельджуками в XIII в. Первые контакты жителей полуострова с исламским миром произошли во время правления сельджукского султана Ала ад-Дина Кейкубада (1219–1236), когда эмир Хусам ад-Дин Чопан во главе флотилии совершил поход против города Судак, покорив его жителей. В городе была сооружена мечеть, на постройку которой ушло всего две недели (возможно, современное здание музея на территории Судакской крепости).

Н. Абдульвапов считает, что основными проводниками ислама в Крыму являлись представители различных суфийских групп, проникавших на полуостров, начиная с первой половины XIII в. Среди них отмечены выходцы из двух суфийских школ: среднеазиатской (тюркской) и иракской. При этом наибольшую активность проявляли представители первой из них, введя значительный ареал в круг своей миссионерской деятельности. Автором выделено четыре очага распространения ислама в Крыму, один из которых располагался в юго-восточном регионе полуострова – районе современного с. Новопокровка [Абдульвапов,

2005; Абдульвапов, 2006]. Во многом построения автора опираются на более ранние работы [Смирнов, 2013; Хартахай, 1866; Peyssonel, 1787].

Важнейшим фактором становления и распространения ислама в Крыму стало возведение культовых построек. История строительства первых мечетей на полуострове детально рассмотрена В. П. Кирилко [Кирилко, 2011; Кирилко, 2016]. Наиболее ранней из них автор считает мечеть в центральной части Солхата, возведенную по приказанию Бея-Хаджи Умара эль-Бухари в 1262–1263 гг. при непосредственном участии мастеров из Средней Азии с использованием характерных архитектурных форм и конструкций. В. П. Кирилко представлена история возникновения второй культовой постройки Солхата – мечети, традиционно связанной с именем египетского султана Бейбарса. На основании анализа письменных источников установлено, что памятник был сооружен в конце 80-х гг. XIII в. благодаря Эльмелик-Эльмансуру. История ордынской архитектуры в Крыму представлена и в ряде обобщающих работ (например, в трудах Э. Д. Зиливинской крымский материал рассмотрен в широком контексте культового и гражданского золотоордынского зодчества [Зиливинская, 2014; Зиливинская, 2019]).

С 1978 г. Старокрымской археологической экспедицией Государственного Эрмитажа (СКАЭГЭ) под руководством М. Г. Крамаровского продолжается непрерывное исследование центра крымского улуса Золотой Орды – города Солхат-Крым. Ряд работ М. Г. Крамаровского посвящен межконфессиональным отношениям внутри многонационального города, каковым являлся Солхат-Крым в XIII–XV вв. [Крамаровский, 1989; Крамаровский, 2009; Крамаровский, 2012]. При этом значительное внимание автором уделено исламской общине города, доминирующей на протяжении большей части его истории.

Сельские поселения Юго-Восточного Крыма периода Золотой Орды остаются практически неисследованными. СКАЭГЭ частично изучена сельская периферия Солхата на примере поселений Бокаташ-II и Кринички. В 2016 г. экспедицией под руководством Э. И. Сейдалиева начаты археологические работы на территории ордынских поселений Старый Фонтан и Тобен-Сарай в Белогорском районе, отчасти результаты полевых исследований представлены в кратких предварительных публикациях [например: Крамаровский и др., 2002; Крамаровский и др., 2004; Сейдалиев, 2019]. Важным этапом в изучении истории ордынского Юго-Восточного Крыма стала публикация четвертого тома «Свод памятников истории, архитектуры и культуры крымских татар», посвященного Старому Крыму и его округе [Свод.., 2020]. Он содержит краткие сведения о выявленных в настоящий момент мусульманских памятниках, атрибуцию некрополей и поселений округи города, обзор эпиграфического материала, современные выводы, сделанные ведущими исследователями архитектурно-археологических объектов региона.

Таким образом, по заявленной проблеме до настоящего момента отсутствуют комплексные аналитические работы. Систематические исследования в данном направлении не проводились.

Нумизматические источники: «мусульманская» чеканка Солхата, элементный состав монет, чеканенных в Юго-Восточном Крыму, сопоставление результатов элементного анализа монет государства Джучидов и бейликов Анатолии

Монеты ордынских улусов с начала чеканки имели мусульманский облик: легенды выполнялись с использованием арабского алфавита, часто упоминались имя багдадского халифа [Давидович, 1972, с. 118–119], благочестивые мусульманские изречения [Лебедев, 1990, с. 140; Федоров-Давыдов, 2003, с. 24–25]. Первые серебряные монеты Крыма, чеканенные во время правления хана Берке (1256–1266), имеют на лицевой стороне надпись «Падишах ислама, помощь миру и вере» [Сидоренко, 2020а, с. 188]. Эта традиция, продолженная в выпусках Менгу-Тимура (1266–1280), Туда-Менгу (1280–1287), на некоторое время была прекращена после выступления Ногая и возобновилась уже во время правления Узбек-хана (1313–1339). Мусульманские легенды «Помощь мира и веры», «Власть Богу» присутствуют на медных анонимных пулах XIII в. На пулах времени правления Тохтамыша – «Нет Бога кроме Аллаха, Мухаммад посланник его», символ веры с опущенными обоими словами «Аллах» [Лебедев, 2000, с. 12–14, 18], выпущенных в Солхате, что является скорее исключением для городской медной чеканки золотоордынского времени других регионов [Федоров-Давыдов, 2003, с. 26].

Как показывают нумизматические материалы из раскопок золотоордынских поселений Старый Фонтан и Тобен-Сарай, в Крыму ходили медные пулы с мусульманской символикой, чеканенные в Азаке [Сейдалиев и др., 2020, с. 173, 176]. При этом на медных монетах Крыма исламская символика не получила широкого распространения (в отличие от орнаментальных, животных и растительных мотивов).

В фондах Музея истории и археологии ГБУ РК «Крымскотатарский музей культурно-исторического наследия»[3] и Литературно-художественного музея ГБУ РК «Историко-культурный, мемориальный музей-заповедник «Киммерия М. А. Волошина»»[4], расположенных в Старом Крыму, нами были проведены исследования элементного состава нумизматического материала из раскопок совместной Старокрымской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа, Крымского инженерно-педагогического университета им. Февзи Якубова и Института археологии Крыма РАН в 2013, 2019–2020 гг.[5] Измерения состава сплава проводились с помощью рентгеновского спектрометра M1 Mistral фирмы Bruker. Определение элементного состава осуществлялось в двух точках на лицевой и оборотной поверхности монеты. В таблицу вносились осредненные

[3] Инв. № 3912–3926, 3945–3950, 3472–3483, 3673–3681, 3864, 3874–3895.

[4] Инв. № 7745–7904.

[5] Научный архив Института археологии Крыма РАН. Ф. О-1. Оп. 1. Д. 2000: Сейдалиев Э. И. Отчет об археологических раскопках на территории выявленного объекта археологического наследия «Городище Солхат, XIII–XVIII вв.» в Кировском районе Республики Крым; Д. 2001: Сейдалиев Э. И. Отчет об археологических раскопках на территории выявленного объекта археологического наследия «Городище Солхат, XIII–XVIII вв.» в Кировском районе Республики Крым в 2020 году.

данные для каждой изучаемой монеты. Исследовательским коллективом продолжено формирование базы данных элементного состава монет золотоордынского периода, начатой ранее [Антипенко, Ломакин и др., 2020].

Изучаемый материал представлен мелкими номиналами монет чеканки Солхата-Крыма начиная от пулов хана Менгу Тимура (1266–1282) до хана Токтамыша (1380–1395), включая анонимные и анэпиграфные пулы второй половины XIII – XIV вв. Выполнены измерения элементного анализа монет, чеканенных на других монетных дворах золотоордынского государства: Сарай ал-Джадид, Ас-Сарай, Азак, Урду, преимущественно относящиеся ко времени правления ханов Джанибека (1342–1357) и Токтамыша (1380–1395). Получены результаты состава сплава монет, чеканенных на сопредельных территориях, в частности денежных знаков анатолийских бейликов. На статистически значимой выборке подтверждены ранее сделанные выводы, касающиеся состава материала монет мелких номиналов. Установлено, что монетный двор Солхата для чеканки пулов использовал «чистую» медь либо сплав, содержащий незначительное количество свинца. Элементный состав изученного нумизматического материала демонстрирует, что при создании заготовок для монет в плавку не шло вторичное сырье. Этот факт, вероятно, указывает на существование административного контроля за качеством материала на монетном дворе, что исключало возможность порчи металла и использование некачественного сырья [Антипенко, Ломакин и др., 2020, с. 76]. Впервые это предположение было выдвинуто Г. А. Федоровым-Давыдовым применительно к чеканке серебряных монет – наряду со «свободным» чеканом серебряной монеты из приносимого частными лицами материала должно было существовать централизованное снабжение государством монетного двора сырьем [Федоров-Давыдов, 2003, с. 43].

Наследие византийско-херсонской монетной традиции на полуострове оказалось не востребованным монголами. Монетный двор Херсона в Средневековье изготавливал денежные знаки методом литья, причем применявшиеся сплавы отличались избыточным содержанием свинца и крайне непостоянной рецептурой, свидетельствующей о том, что работы осуществлялись при регулярном дефиците сырья, приводившем к порче монетного сплава [Антипенко, Максимова и др., 2020, с. 198–202]. Напротив, монетный двор Солхата чеканил монеты, материалом для которых служила медь, содержащая несколько процентов свинца и десятые доли других примесей. Возможно, обширные торговые контакты государства Джучидов позволили им наладить непрерывные поставки сырьевого металла в регионы, лишенные собственной рудной базы, к числу которых относится и Крымский полуостров.

Получены результаты состава сплава монет, чеканенных на сопредельных территориях, имевших хождение в Крыму, в частности фельсов анатолийских бейликов. Контакты Крымского полуострова с территорией Малой Азии на протяжении XIV–XV вв. осуществлялись, прежде всего, через Каффу, через которую проходил давно сформировавшийся торговый маршрут в порт Синоп и далее на запад [Pamuk, 2000, p. 29]. Таким образом, с момента образования бейликов Анатолии транзитная тор-

говля двух регионов Черноморского бассейна обусловила их взаимодействие, что нашло отражение в находках монет на территории Солхата. По мнению М. Г. Крамаровского, начало миграции в Крым из Малой Азии было положено после переселения около 1265 г. на полуостров бывшего султана Рума Изз ад-Дина Кей-Кавуса II и получения им в икта (кормление) Солхата и Судака [Крамаровский, 2018, с. 733]. Миграции из Анатолии подтверждены археологическими находками как на территории Солхата, так и на других памятниках Крыма. Речь идет о сельджукской керамике, ювелирных изделиях, архитектурных фрагментах культовых и общественных сооружений. Археологические материалы, связанные с сельджуками Малой Азии, обнаруженные на территории Херсонеса, представлены сельджукскими фельсами и дирхемами начала XIII в., керамикой и др. [подробно см.: Крамаровский, 2014]. Данные элементного состава монет мелких номиналов бейликов Анатолии демонстрируют, что материалом для их изготовления также служила «чистая» медь, остальные элементы фиксируются в концентрациях ниже 1%.

Зачастую ранняя османская чеканка связывается с сельджуками Анатолии, однако недавние исследования показали продолжающееся влияние Ильханидов, даже после того, как бейлик Османа получил независимость от монголов. С определенной долей осторожности можно высказать предположение о том, что традиция применения «чистой», не разбавленной другими легирующими компонентами меди была своего рода традицией восточной средневековой чеканки. Частично это можно объяснить высокими пластичными свойствами меди и ее пригодностью к механической обработке, в данном случае, к чеканке монет. Для нас важно подчеркнуть, что два региона, ранее входившие в состав Византийской империи (Крым и Анатолия), в изготовлении монет мелких номиналов отказались от практики «порчи» монетного сплава свинцом, широко применявшейся ромеями [Antipenko and oth., 2020].

Специфической особенностью работы монетного двора Крыма было обилие «медных» монет, различающихся в оформлении легенд, которые обслуживали мелкую розничную торговлю. Наличие на пулах мусульманских легенд, что зафиксировано фактически с момента начала городской чеканки Солхата, может свидетельствовать о том, что с принятием ислама ханом Берке религия стала распространяться и в среде рядового населения. Именно с этими монетами наиболее часто сталкивалось население Юго-Восточного Крыма в повседневной жизни, и соответственно монеты могли наряду с основной ролью средства платежа выполнять «пропагандистскую» функцию, транслируя позицию центральной власти в сфере религиозной политики.

Каменная резьба мусульманских памятников Юго-Восточного Крыма

Архитектурное средневековое наследство полуострова обогатилось декором нового стилистического направления, которое появилось с началом распространения ислама на полуострове во второй половине XIII – начале XIV в. Особая заслуга в этом принадлежит Юго-Восточному Крыму, как территории наиболее раннего ос-

воения населением Крымского улуса Золотой Орды. Значительную часть этого наследия представляет каменная резьба мусульманских построек, связанных прежде всего с активностью золотоордынской администрации, а впоследствии – с деятельностью правителей Крымского ханства, с творческим потенциалом мусульманского населения. Искусной резьбой декорированы порталы и михрабы, украшены ребра боковых граней дюрбе, базы и капители колонн, навершия и плоскости надгробий. С пышным растительным орнаментом и графически замысловатым бесконечным ковром гириха соседствует кружевная вязь арабской каллиграфии. Этот комплекс декора представляет собой единое стилевое явление, имеющее свои характеристики и хронологические этапы.

Возникновению мусульманских построек Крыма посвящен ряд работ исторического и историко-источниковедческого характера. Исламская община в Солхате-Крыме сформировалась уже к последней трети XIII в. [Крамаровский, 2005, с. 67]. Мусульманское строительство в Солхате, засвидетельствованное источниками, началось с постройки квартальной мечети в 1263 г. выходцем из Бухары [Григорьев, 1974, с. 26; Книга путешествия.., 1999, с. 83]. Вероятно, постройка одной из первых в Крыму мечетей была осуществлена при участии мастеров, применявших при строительстве свойственные среднеазиатской архитектуре и строительству конструкции и приемы [Кирилко, 2016, с. 423]. Соборная мечеть была воздвигнута около 1288 г. на средства и при содействии мастеров, направленных египетским султаном Эльмелик-Эльмансуром [Кирилко, 2016, с. 420, 423–425].

Строительство мечети с резным порталом, связанной с именем хана Узбека, при котором ислам в Золотой Орде стал государственной религией, осуществлено в 1314 году [Кирилко, 2009, с. 192–196, рис. 2; Кирилко, 2015б, с. 524–550, рис. 14; Кирилко, 2016, с. 421, рис. 348, 349, с. 425–435]. Портал с датирующей надписью, сохранившийся благодаря установке его в более позднее строение, так же, как и михраб – наиболее ранние образцы сельджукской декоративной резьбы с растительными мотивами [Айбабина, 2001, с. 166–167, рис. 73,4–8].

Близ Солхата-Крыма, в Судаке, возможно, в первой половине XIV в. возведена мечеть, впоследствии перестроенная во второй половине века. Дата строительства мечети является спорной – от XIII до середины XIV в. [Айбабина, 2001, с. 167–168]. Из сохранившихся мечетей Юго-Восточного региона она является примером первоначального мусульманского строительства и, соответственно, образцом первого этапа исламской каменной пластики на полуострове. Более скромная, но близкая по орнаментике солхатской мечети хана Узбека 1314 г. резьба украшает михраб и капители внутренних столбов судакской мечети [Айбабина, 2001, с. 166–167, рис. 73,10; Сидоренко, 1988, с. 126, рис. 4,6]. Большое количество образцов подобной орнаментации обнаружено на надгробиях мусульманских кладбищ Солхата-Крыма. Несколько примеров резьбы сохранилось в кладке мечети Чуфут-Кале 1346 г., на архитектурных фрагментах, вероятно, использованных в строительстве при ее возобновлении в XVв. [Айбабина, 2001, с. 169–170, рис. 73,12–13; Боданинский, 1929, с. 157–158]. К этому

же, первоначальному, этапу развития мусульманской орнаментики относятся надгробия середины XIV в. из Каффы [Айбабина, 2001, с. 169–170, рис. 53–54].

Как неоднократно отмечалось в работах, посвященных архитектурно-археологическому изучению крымских мусульманских средневековых памятников, резьба, примененная в их декорировании, свое происхождение ведет от сельджукской стилистики малоазийских мечетей и медресе, караван-сараев, бань, дюрбе. Время появления сельджукской стилистики на полуострове совпало с периодом первоначального строительства мечетей и других культовых и мемориальных сооружений.

Дальнейшее развитие сельджукская стилистика каменной резьбы получила уже на местной почве. К середине XV в. в политико-административном, хозяйственно-экономическом положении Крыма произошли значительные изменения, вызванные переменами в политической структуре Золотой Орды. Процесс дезинтеграции, охвативший государство, привел к появлению в 1443 г. на месте Крымского улуса независимого ханства. В 1449 г. в Кырк-Ор из Солхата перенесена резиденция крымского хана, просуществовавшая там до первой трети XVI в. [Гаврилюк и др., 2010, с. 8–10]. В этот же период была заселена равнинная местность на запад от Чуфут-Кале, где возникло первое татарское поселение в Юго-Западном Крыму – Эски-Юрт, начал формироваться некрополь Азиз, заполняясь с течением времени мавзолеями, выстроенными в разных стилях и традиционными надгробиями с резной орнаментикой и коранических надписями.

Перенесение столичного центра сопровождалось оживленным строительством в местности Салачик, расположенной к западу от Чуфут-Кале, в непосредственной близости от крепости, где началось формирование инфраструктуры административного и одновременно мусульманского общественно-религиозного комплекса. Здесь был возведен дворец Ашлама Сарай, возник ханский некрополь XVI–XVIII вв. с мавзолеем Хаджи Гирея, построенным в 1501 г. его сыном Менгли I Гиреем. В Салачике постепенно возник новый для крымского градостроительства ансамбль сооружений, состоявший из мечети, медресе, бани и других общественных зданий – кюллие [Гаврилюк и др., 2010, с. 12–13].

В мавзолее Хаджи Гирея в Салачике проявились новые тенденции развития декора, в котором излюбленные сельджукские мотивы дополнены стилизованным натуралистичным цветочным узором. От разрушенного дворца Ашлама Сарай сохранился пышный каменный портал, сооруженный в 1503 г. итальянским архитектором Алевизом Новым. В дальнейшем тенденция использования в одном памятнике, архитектурном сооружении или надгробии одновременно сельджукских узоров и натуралистичных рисунков или барочных форм орнаментики в мусульманском камнерезном искусстве Крыма сохранилась.

Рассматривая комплекс созданных за период существования Крымского улуса Золотой Орды образцов мусульманской каменной резьбы, можно говорить о том, что в основном речь идет о двух обширных группах: архитектурном декоре и надгробных памятниках.

Архитектурный декор

Наиболее ранними и, как установлено в результате научного изучения каменной резьбы полуострова, «классическими» мусульманскими примерами орнаментики стал декор мечети Узбека 1314 г. и медресе Инджи-бек Хатун 1332–1333 гг. золотоордынского Солхата-Крыма[6]. Однако если в первом случае можно говорить о сохранившемся резном портале, михрабе и деталях внутренней отделки мечети, то о несохранившемся портале медресе можно судить лишь по работам, выполненным маслом и акварелью в 60–70-х гг. XVIII в. художником М. М. Ивановым и французом Жаном Балтазаром де ла Траверсом, которые путешествовали по Крыму в 1787–1789 гг.

Об архитектурной выразительности портала медресе свидетельствует сохранившееся основание южного пилона из прекрасно обработанных известняковых камней. Строительные блоки в форме параллелепипеда с эпиграфической резьбой, найденные при раскопках на предпортальной площади медресе, можно соотнести с архитектурным декором этого комплекса, но только предположительно, поскольку исследователи медресе пока не нашли возможности для такой реконструкции [Крамаровский, 2005, с. 207, № 213, 214]. Параллели планировочной структуры солхатского медресе с анатолийским комплексом в Борисийе в Сивасе (1271–1272) и строительные метки на облицовочных блоках фасада [Крамаровский, 2005, с. 113] также делают вполне обоснованным предположение относительно вида портала. Вероятно, в состав артели из Анатолии, осуществляющей строительство медресе, входили и мастера каменной резьбы. Подобный пример известен из истории мусульманского строительства самого Солхата, когда в начальный период установления связей Крымского улуса с мусульманским миром, в 1287 г., в Солхат египетским султаном были присланы с посольством средства на постройку пятничной мечети, а также мастер-камнерез для украшения портала мечети надписью с его именем [Кирилко, 2015, с. 420, 423–427; Тизенгаузен, 1941а, с. 453].

Существуют две графические реконструкции портала мечети Узбека [Кирилко, 2016, с. 424, рис. 348; Кирилко, 2015а, с. 254–259; Кирилко, 2015б, с. 522–523, 538; Крамаровский, 2005, с. 114]. Реконструкция михраба выполнена М. Г. Крамаровским [Крамаровский, 2005, с. 115]. Подробно рассмотрен декор полностью сохранившегося михраба мечети с двумя нишами, увенчанными сталактитовыми полукуполами. Отмечен основной прием декоративного заполнения поля михраба растительным рисунком – принцип «заполнения пустоты» («миль аль-фараг»), применяемый в декоре исламской архитектуры, а также другие элементы: круглые и миндалевидные медальоны на поле, медальоны над верхней кромкой рамы. Объемные элементы (капители с полупальметтами, колонны) дополняют декоративно-архитектурную композицию михраба [Кирилко, 2016, с. 425, рис. 349; Крамаровский, 2019, с. 47, ил. 22]. В архитектурном декоре портала и михраба мечети Узбека использованы

[6] В результате многолетнего архитектурного, археологического и искусствоведческого изучения накопилась обширная литература [Ломакин, 2015].

плоскостные и объемные элементы. Плоскости обильно украшены стилизованным растительным мотивом (пальметтный, в сочетании с гибким побегом).

Гармония сочетаний, четкость рисунка, тонкость и мастерство порезки обеспечивали популярность сельджукскому орнаменту в каменной пластике полуострова. Использование этих мотивов в декоре культовой архитектуры способствовало распространению сельджукской стилистики в формах и резьбе надгробий, деревянной резьбе, дворцовом архитектурном декоре.

Формы и резьба мусульманских средневековых надгробных памятников

Образование мусульманских общин в Солхате, пригороде Каффы [Бочаров, 2015, с. 183, рис. 1], Судаке, поселениях Юго-Западного Крыма сопровождалось появлением мусульманских некрополей. В Солхате-Крыме, например, к концу XVIII в. существовало 13 некрополей, отмеченных на составленном Иваном Лютовым около 1783 г. плане, большая часть которых содержала погребения XIV–XV вв. Изучение мусульманского некрополя старокрымской Зеленой площади проводилось экспедицией И. Н. Бороздина вместе с раскопками медресе 1332/1333 гг. и караван-сарая в 1925–1926 и 1928 гг. Руководство этими работами осуществлял О.-Н. А. Акчокраклы [Ломакин, 2015, с. 79–108]. На некрополе Зеленой площади и в других местах города в 1925–1926 гг. было обнаружено 145 памятников, в 1928 г. – 175, из них с надписями на арабском языке – 65, часть – на старотюркском. Из этой обширной коллекции датированных надгробий оказалось 15. Все отнесены ко времени первоначального этапа существования могильника: к XIII – первой половине XIV в. Два памятника датированы XIII в. – 1273 г. и 1288 г. Из наиболее ранних, относящихся к началу XIV в., своей орнаментикой, в которой использован мотив косого (или «бегущего») меандра, привлекает внимание надгробие 709 г. х. (1310 г.) [Бороздин, 1926, с. 9].

Резной декор средневековых надгробных памятников Солхата отличается высоким художественным уровнем резьбы и качеством технического исполнения, оригинальностью орнаментики. На большинстве надгробий орнамент и эпиграфика выполнены в низком рельефе, с выборкой фона. Орнамент в отличие от рисунка архитектурных деталей, как правило, схематичен, с проработкой лишь по контуру. Объемную передачу имеют розетки, сталактиты-мукарны, являющиеся не только декоративными, но и конструктивными элементами, и резьба верхней чалмообразной части надгробий-столбиков. О.-Н. А. Акчокраклы была предложена предварительная систематизация этих надгробий по форме, характеру декора, расположению орнаментальных и эпиграфических частей, основанная, прежде всего, на прочтении эпиграфики. По форме они разделены следующим образом: плоские со стрельчатым или килевидным верхом (женские); круглые или восьмигранные с фигурным верхом, в виде остроконечной шапки разнообразных форм (мужские). К этому перечню необходимо добавить несколько разновидностей памятников. Стелы, надгробия с килевидным или с трех- и пятилопастным завершением с изображением горящих ламп и подсвечников [Башкиров, 1927, с. 141, рис. 15а, б]. Среди форм памятников в виде столбиков А.С. Башкиров особо выделил дюрбе-

образные, являющиеся моделью восьмигранного дюрбе с гранями-сторонами, с разделкой их нишами и выделенным округлым верхом, имитирующим купол мавзолея [Башкиров, 1927, с. 141, рис. 15], а также т. н. двурогие надгробия, сделанные из монолита, с прямоугольным цоколем-пьедесталом, призматическим корпусом, завершенным двускатным верхом и двумя стелами на торцовых сторонах. Разнообразие придают формы головной и нижней стел с килевидным, как правило, верхом. Головные стелы часто имеют форму четырехгранного дюрбе с куполом. Богатое разнообразие форм и орнаментации надгробных памятников Солхата продиктовано мусульманским каноном и вкусами заказчиков, происходивших из ряда регионов, на почве Солхата включенных в общую систему культурного обмена. Могильники Юго-Западного Крыма в Эски-Юрте и Кырк-Азизлер с надгробиями разных типов позволяют на материалах мемориальных памятников проследить процесс развития сельджукской орнаментики во второй половине XIV – начале XV в.

Письменные источники: появление ислама в Юго-Восточном Крыму

Сведения о взятии Судака сельджукскими войсками в первой четверти XIIIв., которые сообщил Насир ад-Дин Яхья б. Мухаммад, более известный по своему насабу, образованному от прозвища матери как Ибн ал-Биби, давно привлекают внимание историков [Мелиоранский, 1894; Якубовский, 1927]. До настоящего момента предметом дискуссии остаются важные детали, связанные с походом сельджукских войск, вплоть до установления точной даты этого события [Крамаровский, 2016, с. 61–62]. Учитывая тот факт, что сообщение Ибн ал-Биби является первым документальным свидетельством о появлении ислама на территории Крымского полуострова, представляется актуальным анализ исламских религиозно-правовых реалий, содержащихся в рассказе Ибн ал-Биби.

Прежде всего следует обратить внимание на возможное идеологическое обоснование причин похода сельджукских войск на Судак. В качестве таковых Ибн ал-Биби привел жалобы ограбленных купцов, адресованные султану: «Когда султан Ала-ад-дин Кейкобад из столицы в Кесарию прибыл, к суду явился некий купец, который много путешествовал по торговым делам, как по суше, так и по морю. Прослышал он как-то о хороших условиях торговли в странах кипчаков (половцев) и русских и решил отправиться туда с товарами. Когда он достиг переправы Хазарской, на него напали и все товары отняли» [Якубовский, 1927, с. 54]. Важно отметить, что в этом же собрании еще два купца выступили с аналогичными жалобами, с той только разницей, что ограблены они были на других территориях: один франками на море, другой – во владениях «Лейфуна» (Льва II). В этой связи следует вспомнить о том, что мусульманские правоведы среди прочих объектов законной вооруженной борьбы (داه ج) выделяли борьбу против разбойников и грабителей [Ибрагим, 2015, с. 67]. Теолог и правовед Ибн Таймийа, живший во второй половине XIII – начале XIV в., указывал, что одним из случаев, когда дозволяется убиение неверного, является «разбой на большой дороге» (قيرطلا عطق و) [Ибрагим, 2015, с. 316]. Кроме того, еще раз обратим внимание на то обстоятельство, что среди территорий, на которых произошел грабеж купцов, в ка-

честве объекта похода султаном был избран именно Судак. Выскажем предположение, что данный выбор был обусловлен не только экономическими и политическими причинами, но и соображениями религиозно-правового характера. По сообщению Ибн ал-Биби, в 1214 г. после взятия сельджуками Синопа между Алексеем I Комнином (Кир Алекси) и султаном Изз ад-Дином Кейкавусом б. Кейхосровом был заключен унизительный для первого мирный договор, согласно которому Синоп отходил сельджукам, а Алексей I Комнин брал на себя обязательства ежегодно поставлять султану «12000 золотых, пятьсот лошадей, 2000 коров, 10000 баранов и пятьдесят вьюков различных подарков и драгоценностей, а также не отказывать в случае надобности в посылке вспомогательных войск по мере возможности» [Мелиоранский, 1894, с. 636].

По-видимому, этот договор сохранял свою силу и во время правления Ала-ад-дина Кейкобада. В пользу этого может свидетельствовать сообщение Иоанна Лазаропула о заключении «во второй год правления» василевса Андроника I Гида между ним и сыном «великого султана Алатина» договора о мире, что следует рассматривать как возобновление договора 1214 г. [Шукуров, 2001, с. 127]. Учитывая тот факт, что Сугдея на момент похода сельджукских войск формально находилась в зависимости от Трапезундской империи, хотя и платила дань половцам [Герцен и др., 2019, с. 282], следует считать, что действие договора 1214 г. распространялось и на ее жителей. Таким образом, ограбление мусульманского купца могло быть расценено как нарушение жителями Судака условий этого договора. В соответствии с кораническим текстом соблюдение договорных обязательств, как и их нарушение со стороны немусульман, влекут за собой определенные последствия: «Обрадуй же тех, которые не уверовали, мучительным наказанием, кроме тех многобожников, с которыми вы заключили союз, а потом они ни в чем перед вами его не нарушили и никому не помогали против вас! Завершите же договор с ними до их срока: ведь Аллах любит богобоязненных! А если они нарушили свои клятвы после договора и поносили вашу религию, то сражайтесь (اوْلُتاقَف) с имамами неверия – ведь нет клятв для них – может быть, они удержатся» (IX: 3–4, 12) [Коран, 1990].

Сказанное позволяет предполагать, что поход сельджукских войск на Судак имел религиозное обоснование. В этой связи следует отметить, что текст «Сельджук-намэ» позволяет сделать вывод о том, что для правителей Румского султаната развязывать войны с неверными, используя как повод жалобы купцов, было устоявшейся практикой. Так, Ибн ал-Биби сообщил, что предпринятый Гийас ад-Дином «поход на Анталию был вызван жалобами мусульманских купцов на несправедливости, которые им приходилось терпеть со стороны правителей Анталии, властвовавших там от лица франкских государей» [Мелиоранский, 1894, с. 626–627].

Не меньший интерес, чем анализ идеологических причин организации похода на Судак, представляют указанные Ибн ал-Биби детали ведения военной кампании сельджукскими войсками под командованием амира Хусам ад-Дин Чупана. Казалось бы, в противоречии с практикой, принятой у мусульманских войск, перед сражением с кипчаками и жителями Судака со стороны сельджуков не прозвучало призыва к ис-

ламу, обращенного к их противникам. Действительно, известный факих Абу Йусуф Йа'куб б. Ибрахим ал-Ансари ал-Куфи, живший в VIII в., сообщил, что пророк не начинал сражения, не призвав противника к исламу, а халиф Умар б. ал-Хаттаб, наставляя войска, говорил о необходимости перед сражением призвать противника к исламу [Абу Йусуф, 2001, с. 335–336]. Вместе с тем тот же Абу Йусуф отметил следующее мнение мусульманских законоведов: «Некоторые законоведы и последователи сподвижников Пророка говорят, что нет ни одного многобожника из тех, с которыми сталкиваются наши войска, до которого не дошел бы призыв к исламу, а потому мусульманам разрешено сражаться с ними, не призывая их вновь к исламу» [Абу Йусуф, с. 333]. Таким образом, сражения, проведенные сельджукскими войсками под руководством Хусам ад-Дин Чупана, хотя и не предварялись призывом противников к исламу, не нарушали норм исламского законодательства.

Еще одним кажущимся противоречием между правилами ведения джихада и тем, что сообщает Ибн ал-Биби о походе сельджуков на Судак, является наличие в мусульманской армии текста Корана: «Глава амиров возложил на голову священный Коран, положенный на золотое блюдо, в руку взял султанский штандарт. Так с торжественностью вошли в город» [Якубовский, 1927, с. 58]. Действительно, среди достоверных хадисов присутствует сообщение о запрете брать свитки Корана, отправляясь на вражескую территорию. Например, «Ибн Умар, да будет доволен Аллах ими обоими, передал, что посланник Аллаха запрещал отправляться на территории, подвластные врагам мусульман, со свитком Корана, опасаясь, что Коран может попасть в руки врага» [Муслим, 2011, с. 551]. Противоречие действительно кажущееся. Факих Абуль-Хусейн Ахмад ибн Мухаммад аль-Кудури аль-Багдади, живший на рубеже X–XI вв., в своем фундаментальном труде по ханафитскому мазхабу (رصتخم) писал: «Не предосудительно мусульманам брать с собой в поход жен и экземпляры Корана, если войско настолько сильно, что может отстоять их…» [Агрономов, 1877, с. 159–160]. Но в данном случае необходимо учитывать другое – текст Корана упомянут Ибн ал-Биби в событиях, которые произошли уже после победы мусульманской армии и после того, как пришло распоряжение султана относительно дальнейшей судьбы жителей Судака. Вероятно, решив обратить последних в ислам, султан вместе со своим распоряжением направил к войскам, которые благодаря своей победе превратили территорию Судака и его округу в территорию ислама, и текст Корана.

В полном соответствии с нормами мусульманского права был осуществлен и раздел захваченной добычи: «Из города к нему потянулись побежденные и назначенную добычу сдали. Потом он приказал снарядить остроносое судно и отправил на нем пятую часть отборной добычи с посланием к султану» [Якубовский, 1927, с. 57]. Требование выделять пятую часть добычи основано на кораническом предписании: «И знайте, что если вы взяли что-либо в добычу, то Аллаху – пятая часть, и посланнику, и родственникам, и сиротам, и бедным, и путнику…» (VIII: 42) [Коран, 1990]. Следует подчеркнуть, что подарки, полученные от русского посла, которые Хусам ад-Дин Чупан «принял и тотчас же войску роздал», не были захвачены у неприятеля, следовательно, не попа-

дали в категорию военной добычи (غنائم). Важным, с точки зрения интересующей нас темы, является указание Ибн ал-Биби на то, что ограбленный купец был отправлен султаном к войску с распоряжением жителям Судака о том, что: «Отнятое у купцов они должны возвратить» [Якубовский, 1927, с. 58]. Данное распоряжение является не простым волеизъявлением султана, оно основано на прецеденте, зафиксированном в корпусе хадисов, имеющих отношение к практике джихада. «Сообщается, что однажды конь ʻАбдуллаха бин ʻУмара, да будет доволен Аллах ими обоими, убежал и его захватили враги, а потом мусульмане одержали победу над этими людьми и этого коня ему вернули, что было при жизни посланника Аллаха, ص. А в другой раз сбежал раб ʻАбдуллаха бин ʻУмара, который присоединился к византийцам, а потом мусульмане одержали над ними победу, и Халид бин ал-Валид вернул ему этого раба, что было уже после смерти пророка ص» [Аль-Бухари, 2005, с. 492].

Находит свое объяснение с точки зрения законодательных норм ведения мусульманами войны и решение султана о принятии жителями Судака ислама. Так, Абу Йусуф сообщил: «Если осажденные неверные примут ислам прежде, чем имам приведет в исполнение какое-либо принятое относительно них решение, они становятся свободными мусульманами; равным образом, если имам призовет их к исламу прежде, чем принять относительно них одно из приведенных выше решений, а они примут ислам, то они становятся свободными мусульманами, их земля остается их собственностью, с которой уплачивается ʻушр, тогда как будучи поставлены в положение зиммийев, они, правда, сохраняют свою землю, но земля облагается хараджем. Если имам по отношению к ним примет решение, что мужчины должны быть убиты, а женщины и дети уведены в плен, но до приведения в исполнение этого решения они примут ислам, то их не убивают, а их жены и дети не уводятся в плен…» [Абу-Йусуф, 2001, с. 350]. Таким образом, принятие ислама было для жителей Судака единственной возможностью не только сохранить свою жизнь, собственность и свободу, но и не оказаться в положении «покровительствуемых», вынужденных уплачивать подушную подать (جزية). Именно в этом смысле следует понимать слова Ибн ал-Биби о том, что «султан разрешил простить жителей Сугдака в их преступлениях и винах, однако с условием, чтобы вместо икон и колоколов там были михраб, минбар и шариат, установленный пророком, да будет над ним благословение и мир!» [Якубовский, 1927, с. 58]. Суммируя сказанное, обоснованным, на наш взгляд, представляется вывод о том, что идеологической основой похода сельджукских войск на Судак было учение о джихаде, проводился он в строгом соответствии с правовыми нормами этого учения, а его результатом, хотя и временным, стало расширение территории ислама (دار الإسلام).

Принципиально важным, с точки зрения избранной тематики, является вопрос о последствиях обращения жителей Судака в ислам. Сельджукские войска вскоре после завоевания вынуждены были оставить Судак [Герцен и др., 2019, с. 282]. Примечательно, что Гильом де Рубрук, посетивший Судак в конце мая 1253 г., ничего не сообщил ни о мусульманах города, ни о выстроенной, согласно сообщению Ибн ал-Биби, мечети. Более того, в его повествовании «начальники города» (capitaneos), «а вернее, их заме-

стители», безусловно, представлены как христиане. Объясняя им цель своей поездки, автор «Путешествия в восточные страны» обосновал ее следующим образом: «Мы слышали, о вашем господине Сартахе говорят в Святой Земле, будто он христианин, и христиане этому очень обрадовались, а в особенности христианнейший государь, король франков.., поэтому я намериваюсь отправиться к Сартаху и отвезти ему грамоту господина короля, в которой тот внушает ему о пользе всего христианства. Они приняли нас с радостью и дали нам приют в епископальной церкви» [Плано Карпини, 1997, с. 90]. Особо следует обратить внимание на тот факт, что окрестные татары в описании монаха-минорита являлись язычниками [Плано Карпини, 1997, с.90–94]. Таким образом, сопоставляя сообщения Ибн ал-Биби и Гильома де Рубрука, следует признать, что спустя 30 лет после сельджукского завоевания жители Солдаи оставили ислам и вернулись к прежней вере. Показательной в этом отношении является судьба так называемого купольного здания на территории Судакской крепости. Как бы ни решался вопрос о его первоначальной атрибуции, датировке и связи с сообщением Ибн ал-Биби о возведении в Судаке мечети, бесспорным остается факт многочисленных изменений конфессиональной ориентации этого сооружения [Ломакин, 2019]. Суммируя сказанное, следует признать, что временное обращение жителей Судака в ислам, осуществленное после сельджукского завоевания города, никаких существенных последствий для его дальнейшей конфессиональной истории не имело.

Одним из авторов коллективной монографии «Ислам в Крыму», изданной в 2009 г., было высказано предположение о связи между походом сельджукских войск на Судак и возникновением суфийской обители в Отузах: «Очевидно, что вместе с воинами сюда прибыли и суфийские миссионеры, так как примерно к тому же времени относится возникновение текие (монастыря суфиев) в селении Отузы (ныне поселок Щебетовка), расположенный недалеко от Судака <…>. Хотя присутствие сельджуков было кратковременным и перед вторжением монголов они покинули полуостров, суфийская обитель в этом районе продолжала функционировать в дальнейшем» [Бойцова, 2009, с.11–12]. Е.В. Бойцова приводит следующие аргументы в пользу своей точки зрения: «данные археологических раскопок в Отузах», «уважительный отзыв Ибн Баттуты о текие в районе Солхата», обнаружение Якубом Кемалем в Судакском районе «арабской суфийской рукописи XIII в.» [Бойцова, 2009, с. 12]. Подобная аргументация, а вместе с ней и предположение о связи возникновения суфийского центра в Юго-Восточном Крыму с сельджукским походом 20-х гг. XIII в. представляются нам малоубедительными. Под «данными археологических раскопок в Отузах», вероятно, подразумеваются изыскания экспедиции 1926 г. [Усеинов, 2020, с. 178–179]. Обнаруженный тогда эпиграфический материал опубликован в 1927 г. О.-Н. А. Акчокраклы [Акчокраклы, 1927]. Прочтение надписей на надгробиях отузских шейхов, а также «закладной плите» позволило недвусмысленно датировать памятники и связанные с ними события. Дата смерти шейха Якуба Конийского (يعقوب القونوي الشيخ) – 729 г. х. (٩٢٧ – 1328/29 гг.); дата смерти Идриса б. Хаджи Яхъя Отузского (ادريس بن حاجي يحيى الوتوزي) – 763 г. х. (قثلث قنسل رفص خيرات – 1361/62 гг.); дата смерти шейха Хаджи Яхъя б. Мухаммада из Ирака

(شيخ حاجى يحيى بن محمد العراقى) – 782 г. х. (٧٨٢ – 1380 г.). Дата сооружения колодца (?), указанная на «закладной плите», также не вызывает сомнений – 760 г. х. (٧٦٠ – 1358 г.) [Акчокраклы, 2016, с. 65]. Между наиболее ранней датой, зафиксированной на памятниках в Отузах, и сельджукским завоеванием Судака находится хронологическая лакуна более чем в сто лет. Это же справедливо и в отношении свидетельства Ибн Баттуты, посетившего Солхат в 1352 г. [Тизенгаузен, 1884, с. 280]. Что касается рукописи كتاب المصابيح فى التصوف, авторство которой принадлежит Абу Бакру Юсуфу б. аль-Хасану аль-Васити, и которая была обнаружена директором Ялтинского Восточного музея Якубом Кемалем, то, по свидетельству осматривавшего ее В. А. Гордлевского, рукопись сохранила «отметки» прежних владельцев. По его заключению: «Отметки на рукописи прежних владельцев восходят уже к VIIIв.х. (старейшая – от 757 г. х.), характерен и почерк – все это позволяет думать, что в Крыму отыскался, быть может, если не автограф, то, во всяком случае, копия, близкая по времени к жизни автора» [Гордлевский, 1968, с. 259]. Очевидно, что реально зафиксированная дата (757 г. х.) в переводе на григорианский календарь означает 1356/57 г., что вновь возвращает нас к проблеме более чем столетней хронологической лакуны между сельджукским завоеванием Судака и первыми документальными свидетельствами о суфизме в Юго-Восточном Крыму.

Вторая половина XIII – начало XIV в. были насыщены событиями, которые оказали принципиальное влияние на распространение ислама в регионе. Отметим только основные из них: принятие ислама Берке (1256–1266) и частью золотоордынской элиты; возникновение золотоордынского города Солхат-Крым, ставшего со временем центром исламизации населения Юго-Восточного Крыма [Крамаровский, 2020а]. Посетивший полуостров в 1666–1667 гг. Эвлия Челеби засвидетельствовал существование на территории города мечети, построенной, согласно ее тариху, в 1262/63 г.: «Приказал построить эту мечеть слабый раб Бей Хаджи Умар аль-Бухари, в месяце зуль-када в году 661» [Челеби, 2017, с. 182]. По мнению М. Г. Крамаровского, исламская община Солхата сформировалась уже в 60-е гг. XIII в., о чем свидетельствует чеканка серебряного дирхема с легендой «Падишах ислама, защита Мира и Веры», осуществляемая на монетном дворе «Крым» [Крамаровский, 2012, с. 133]. Доминирующее положение она заняла, вероятно, в последние годы XIII в. [Крамаровский, 2016, с.60]. Не могли не оказать влияния на конфессиональную ситуацию в регионе и миграционные процессы. Ибн ал-Биби, рассказывая о милостях Берке по отношению к бывшему иконийскому султану Изз-ад-дину Кейкавусу II, который был освобожден из византийского плена в 1265 г., сообщает: «Султана освободили из той тюрьмы и отправились к Берке. Когда султан прибыл к нему (ему), оказали разные ласки и пожаловали в икта Солхад и Сутак» [Тизенгаузен, 1941б, с. 26]. Около 1265 г. на территорию Юго-Восточного Крыма с Балкан вслед за Изз-ад-дином Кейкавусом переселилась сельджукская орда во главе с Сары Салтуком. В отечественной историографии вопрос об этой миграционной волне был детально рассмотрен М. Г. Крамаровским [Крамаровский, 2016]. Анализ данных источников XV–XVIII вв. позволяет предпо-

лагать, что в Солхате сформировался культ «местных святых, связанных с именами шейха Сары Салтук Баба и Кемаль Ата (Кемаль Баба)» [Крамаровский, 2012, с. 134].

Другим вектором, наряду с малоазийским, оказавшим влияние на распространение ислама и исламского мистицизма в Юго-Западном Крыму, было влияние Ирана, Центральной Азии, Ближнего Востока. Выше мы уже приводили сообщение Эвлии Челеби о мечети, построенной по «приказу Умара аль-Бухари». Завершая описание зияретов Эски Кырыма, путешественник говорит следующее: «В этом городе похоронено много сотен тысяч великих и прекрасных святых из Хоросана, Балха и Крыма, числу их нет границ и пределов. Я посетил много сот зияретов великих Божиих святых. Но упомянуть их всех нет возможности. Благословение Божие над ними» [Челеби, 2017, с. 184]. «География нисб, погребенных на кладбищах Солхата и Отузов», по мнению И. В. Зайцева, является наглядным подтверждением влияния вышеозначенных центров: «Халеб, Токат, Тебриз, Конья, Сивас, Дженд, Ахлат, Кастамону, Барчкенд» [Зайцев, 2015, с. 105]. Опираясь на сказанное, выскажем предположение, что возникновение суфийского центра в Отузах следует связывать не с сельджукским завоеванием Судака, которое, по нашему мнению, прошло бесследно для конфессиональной истории региона, но с событиями второй половины XIII – начала XIV в., когда Юго-Восточный Крым, прежде всего благодаря политике золотоордынских ханов, стал неотъемлемой частью исламской цивилизации.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Абдульвапов Н. Актуальные проблемы изучения истории суфизма в Крыму // Ученые записки Таврического национального университета. Серия: Филология. 2005. Т. 18(57), № 3. С. 179–192.

Абдульвапов Н. Суфизм и начальный этап активного распространения ислама в Крыму // Культура народов Причерноморья. 2006. № 79. С. 140–149.

Абу Йусуф Йа‘куб б. Ибрахим ал-Куфи. Китаб ал-Харадж / пер. с араб. и комм. А.Э. Шмидта. СПб.: Петербургское востоковедение, 2001. 415 с. (Сер.: «Памятники культуры Востока»; вып. 16).

Агрономов А.И. Джихад. Священная война мухаммедан. Казань: типография Коковиной, 1877. 234 с.

Айбабина Е.А. Декоративная каменная резьба Каффы XIV–XVIII веков. Симферополь: Сонат, 2001. 279 с.

Акчокраклы О.[-Н.А.] Старо-Крымские и Отузские надписи XIII–XV вв. // ИТОИАЭ. 1927. Т. 1(58). С. 5–17.

Акчокраклы О.[-Н.А.] Старо-Крымские и Отузские надписи XIII–XV вв. // Акчокраклы Осман Нури. Избранные сочинения по истории, археологии, этнографии. Симферополь: Форма, 2016. С. 53–67.

Аль-Бухари. Сахих / Пер. с араб. В.А. Нирша. М.: Умма, 2005. 959 с.

Антипенко А.В., Ломакин Д.А., Сейдалиева Д.Э., Сейдалиев Э.И. Медные пулы из раскопок городища Солхат по данным рентгенофлуоресцентного анализа // Российские нанотехнологии. 2020. Т. 15, № 5. С. 69–77.

Антипенко А.В., Максимова Е.М., Науменко В.Е., Наухацкий И.А., Смекалова Т.Н. Сопо-

ставление результатов изучения состава сплава монет херсонесской чеканки римского и византийского времени // Геоархеология и археологическая минералогия–2020: Материалы VII Всероссийской научной конференции с международным участием имени В.В. Зайкова. Миасс; Челябинск: Изд-во ЮУрГГПУ, 2020. С. 198–202.

Башкиров А.С. Художественные памятники Солхата // Крым. 1927. № 1(3). С. 122–144.

Боданинский У.А., Засыпкин Б.Н., Акчокраклы О.[-Н.А.] Чуфут-Кале (по материалам раскопок 1928–29 гг.) // ИТОИАЭ. 1929. Т. 3(60). С. 152–187.

Бойцова Е.Е. Ислам в Крымском ханстве (начало XV– конец XIII в.) // Бойцова Е.Е., Ганкевич В.Ю., Муратова Э.С. и др. Ислам в Крыму: очерки истории функционирования мусульманских институтов. Симферополь: Элиньо, 2009. С. 10–119.

Бороздин И.Н. Солхат. Предварительный отчет о работах археологической экспедиции Крымсовнаркома, Крымцика и Научной ассоциации востоковедения Союза ССР в 1925 году. М.: Искра революции, 1926. 32 с.

Бочаров С.Г. Заметки путешественников XIV–XV веков о городе Каффа // Поволжская археология. 2015. № 4. С. 172–188.

Гаврилов А.В., Майко В.В. Средневековое городище Солхат-Крым: Материалы к археологической карте города Старый Крым. Симферополь: Бизнес-Информ, 2014. 212 с.

Гаврилюк Н.А., Ибрагимова А.М. Тюрбе хана Хаджи Герая (по материалам археологических исследований 2003–2008 гг.). Киев; Запорожье: Дикое Поле, 2010. 176 с.

Герцен А.Г., Майко В.В. Сугдея и Боспор // История Крыма: в 2 т. / ред. А.В. Юрасов. М.: Кучково поле, 2019. Т. 1. С. 281–286.

Гордлевский В.А. Рукописи восточного музея Ялты // Гордлевский В.А. Избранные сочинения. Т. 4: Этнография, история востоковедения, рецензии. М.: Наука, 1968. С. 237–261.

Григорьев А.П. «Книга путешествий» Эвлия Челеби – источник по истории Крыма XIII–XVII вв. // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Л.: Изд-во ЛГУ, 1974. Вып. 3. С. 19–28.

Давидович Е.А. Денежное хозяйство Средней Азии после монгольского завоевания и реформа Масуд-Бека (XIII в.). М.: Наука, 1972. 174 с.

Зайцев И.В. Ислам в Крыму в XIV–XVIII веках // Золотоордынское обозрение. 2015. № 2. С. 103–128.

Зиливинская Э.Д. Архитектура Золотой Орды. Ч. 1: Культовое зодчество. Казань: Отечество, 2014.

Зиливинская Э.Д. Архитектура Золотой Орды. Ч. 2: Гражданское зодчество. Казань: Изд-во АН РТ, 2019. 353 с.

Ибрагим Т., Боголюбов А.С. Джихад // Ислам: энциклопедический словарь / ред. С.М. Прозоров. М.: Наука, 1991. С. 66–67.

Ибрагим Т. Коранический гуманизм. Толерантно-плюралистические установки. М.: ИД «Медина», 2015. 576 с.

Измайлов И.Л., Усманов М.А. Ислам в Улусе Джучи // История татар с древнейших времен: в 7 т. Т. 3: Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. / ред. М. Усманов, Р. Хакимов. Казань, 2009. С. 599–617.

Кирилко В.П. Архитектура золотоордынского Крыма // Мирас–Наследие. Татарстан–Крым. Город Болгар и изучение татарской культуры в Татарстане и Крыму в 1923–1929 годах: в 3 т. Т. 1 / ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдиков. Казань: Астер-Плюс, 2016. С. 420–496.

Кирилко В.П. Золотоордынская архитектура Крыма: Общее и особенное // Археология евра-

зийских степей. Казань, 2013. Вып. 17: Матер. II Междунар. болгарского форума «Средневековая Евразия: Симбиоз городов и степи», Казань, 21–23 мая 2011 г. С. 84–99.

Кирилко В.П. Портал крымской мечети Узбека // Stratum plus. 2015а. № 6. С. 253–274.

Кирилко В.П. Строительная история крымской мечети Узбека (по материалам реставрационных исследований) // Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве: материалы IV Международной конференции, посвященной памяти профессора МГУ Г.А. Федорова-Давыдова, 30 сентября – 3 октября 2008 г., Азов: изд-во Азовского музея-заповедника, 2009. С. 187–200.

Кирилко В.П. Строительная периодизация т. н. мечети Узбека в Старом Крыму // Генуэзская Газария и Золотая Орда / ред. С.Г. Бочаров, А. Г. Ситдиков. Кишинев: Stratum Plus, 2015б. С. 509–558.

«Книга путешествия». Турецкий автор Эвлия Челеби о Крыме: 1666–1667 гг. / пер. и ком. Е.В. Бахревского. Симферополь: Дар, 1999. 144 с.

Коран / пер. и ком. И.Ю. Крачковского. Баку: Язычы, 1990. 744 с.

Крамаровский М.Г. Братство фитйан в Крыму и чаша со сценой пира из Солхата (первая половина XIV в.) // МАИЭТ. 2018. Вып. XXIII. С. 731–735.

Крамаровский М.Г. Золотая Орда и Причерноморье. Уроки чингисидской империи: каталог выставки / Государственный Эрмитаж. М.: Фонд Марджани, 2019. 504 с.

Крамаровский М.Г. Золотая Орда как цивилизация // Золотая Орда. История и культура: каталог выставки / Государственный Эрмитаж; ред. М.Б. Пиотровский. СПб.: Славия, 2005. 264 с.

Крамаровский М.Г. Крым и Рум в XIII–XIV столетиях (анатолийская диаспора и городская культура Солхата) // Золотоордынское обозрение. 2016. № 1. С. 55–88.

Крамаровский М.Г. Крым и Румский султанат во второй пол. XIII–XIV вв. // Актуальные проблемы изучения и сохранения исламского наследия Крыма. Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 700-летию мечети хана Узбека. Симферополь, 14–18 октября 2014 г. Симферополь, 2014. С. 5–17.

Крамаровский М.Г. Крым/Солхат, XIII–XVIII вв. – возникновение и формирование города // Свод памятников истории, архитектуры и культуры крымских татар. Т. 4: Старый Крым / ред. Р.С. Хакимов. Казань; Симферополь, 2020а. С. 4–13.

Крамаровский М.Г. Религиозные общины в истории и культуре Солхата XIII–XIV вв. // Archeologia abrahamica: исследования в области археологии и художественной традиции иудаизма, христианства и ислама / ред. Л.А. Беляев. М.: Индрик, 2009. С. 395–428.

Крамаровский М.Г. Солхат-Крым: К вопросу о населении и топографии города в XIII–XIV вв. // Итоги работ археологических экспедиций Гос. Эрмитажа / ред. Г.И. Смирнов. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1989. С. 141–157.

Крамаровский М.Г. Так называемая «Мечеть Бейбарса» // Свод памятников истории, архитектуры и культуры крымских татар. Т. 4: Старый Крым / ред. Р.С. Хакимов. Казань; Симферополь, 2020б. С. 22–24.

Крамаровский М.Г. Человек средневековой улицы: Золотая Орда, Византия, Италия. СПб.: Евразия, 2012. 496 с.

Крамаровский М.Г., Гукин В.Д. Материалы Старокрымской археологической экспедиции. Вып. 1: Раскопки в Старом Крыму в 1998–2000 гг. СПб.: Лема, 2002. 183 с.

Крамаровский М.Г., Гукин В.Д. Поселение Бокаташ II: Результаты полевых исследований Золотоордынской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа в 2001–2003 гг. СПб.: Лема, 2004. 380 с.

Лебедев В.П. Корпус монет Крыма в составе Золотой Орды (сер. XIII в.– сер. XV в.) // Вестник Одесского музея нумизматики. 2000. Вып. 2. С. 12–34.

Лебедев В.П. Символика и язык монет Крыма золотоордынского периода // Нумизматические исследования по истории Юго-Восточной Европы / ред. В.Л. Янин. Кишинев: Штиинца, 1990. С. 139–155.

Ломакин Д.А. Мусульманские памятники Старого Крыма XIII–XV вв.: история изучения, современное состояние. Симферополь: Соло-Рич, 2015. 240 с. (Серия «Биобиблиография крымоведения»; вып. 23).

Ломакин Д.А. О купольном здании на территории Судакской крепости (20-е гг. XX в. – начало XXI вв.) // МАИЭТ. 2019. Вып. XXIV. С. 566–586.

Мелиоранский П.М. Сельджук-намэ как источник для истории Византии в XII и XIII веках // Византийский временник. 1894. Т. 1. С. 613–640.

Муслим. Сахих / пер. с араб., прим. А. Нирша. М.: Умма, 2011. 1216 с.

Плано Карпини Дж. История монгалов; Рубрук Г. Путешествие в восточные страны; книга Марко Поло. М.: Мысль, 1997. 464 с.

Свод памятников истории, архитектуры и культуры крымских татар. Т. 4: Старый Крым / Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ; ред. Р.С. Хакимов. Казань; Симферополь, 2020. 208 с.

Сейдалиев Э.И. Золотоордынское поселение Старый Фонтан в Центральном Крыму (предварительные итоги археологического исследования) // МАИЭТ. 2019. Вып. XXIV. С. 363–386.

Сейдалиев Э.И., Якушечкин А.В., Аблаев Э.Д. Нумизматические материалы из раскопок золотоордынских поселений Старый Фонтан и Тобен-Сарай // VII Международный нумизматический симпозиум «ПриPONTийский меняла: деньги местного рынка»: материалы научной конференции, Судак, 21–25 октября 2020 г. / ред. Н.А. Алексеенко. Симферополь: Колорит, 2020. С. 169–177.

Сидоренко В.А. Исследование архитектурных стилей памятников Юго-Восточного Крыма // Архитектурно-археологические исследования Крыма / ред. С.Н. Бибиков. Киев: Наукова думка, 1988. С. 115–128.

Сидоренко В.А. Крымская «мусульманская» чеканка Тука Тимура // VII Международный нумизматический симпозиум «ПриPONTийский меняла: деньги местного рынка»: материалы научной конференции, Судак, 21–25 октября 2020 г. / ред. Н.А. Алексеенко. Симферополь: Колорит, 2020а. С. 179–193.

Сидоренко В.А. Принятие религии ислама Золотой Ордой и начальный этап дипломатических отношений между Берке и Бейбарсом по документальным свидетельствам Абд аз-Захира // МАИЭТ. 2020б. Вып. XXV. С. 513–559.

Смирнов В.Д. Крымскоханские грамоты // ИТУАК. 1913. № 50. С. 140–178.

Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, касающихся истории Золотой Орды. Т. 1: Извлечения из сочинений арабских. СПб.: Типография Имп. АН, 1884. 564 с.

Тизенгаузен В. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941а. Т. 1. 588 с.

Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941б. Т. 2. 308 с.

Усеинов М.А. Мусульманские эпиграфические памятники золотоордынского периода в селении Отузы // Свод памятников истории, архитектуры и культуры крымских татар. Т. 4:

Старый Крым. / ред. Р.С. Хакимов. Казань; Симферополь, 2020. С. 178–179.
Федоров-Давыдов Г.А. Денежное дело Золотой Орды. М.: Палеограф, 2003. 352 с.
Хартахай Ф. Историческая судьба крымских татар // Вестник Европы. 1866. Т. 2, отд. 1. С. 182–236.
Челеби Э. Книга путешествия. Крым и сопредельные области: извлечение из сочинения турецкого путешественника XVII в. / пер. и ком. Е.В. Бахревского. Симферополь: Медиацентр им. И. Гаспринского, 2017. 312 с.
Шукуров Р.М. Великие Комнины и Восток (1204–1461). СПб.: Алетейя, 2001. 448 с.
Якубовский А.Ю. Рассказ Ибн-ал-Биби о походе малоазийских турок на Судак, половцев и русских в начале XIII в. // Византийский временник. 1927. Т. 25. С. 53–76.
Antipenko A.V., Nauhatsky I.A., Maksimova E.M., Smekalova T.N., Naumenko V.E. XRF Analysis of Elemental Composition of Archaeological Coins from Mangup, Crimea // Minerals: Structure, Properties, Methods of Investigation Proceedings of the 10th All-Russian Youth Scientific Conference. Springer Publ., 2020. P. 19–26.
DeWeese Devin A. Islamization and Native Religion in the Golden Horde: Baba Tükles and Conversion to Islam in Historical and Epic Tradition. University Park, PA: Pennsylvania State University Press, 1994. 638 p.
Favereau M. Les conventions diplomatiques dans le monde musulman. L'umma en partage (1258–1517): introduction // Annales islamologiques. 2008. No. 41. P. 9–20.
Favereau M. Introduction: L'islamisation des steppes // Revue des Mondes Musulmans et de la Méditerranée. 2018. Vol. 143. P. 13–26.
Pamuk S. A Monetary History of the Ottoman Empire. Cambridge, New York: Cambridge University Press, 2000. 276 p.
Peyssonel M de. Traité sur le commerce de la Mer Noire. Paris, 1787. 340 p.

REFERENCES

Abdul'vapov N. Aktual'nye problemy izucheniia istorii sufizma v Krymu [Topical problems of studying the history of Sufism in Crimea]. *Uchenye zapiski Tavricheskogo natsional'nogo universiteta. Seriia Filologiia* [Scientific notes of Tauride National University. Series: Philology], 2005, vol. 18(57), iss. 3, pp. 179–192.
Abdul'vapov N. Sufizm i nachal'nyi etap aktivnogo rasprostraneniia islama v Krymu [Sufism and the initial stage of the active spread of Islam in the Crimea]. *Kul'tura narodov Prichernomor'ia* [Culture of the peoples of the Black Sea region], 2006, vol. 79, pp. 140–149.
Abu Iusuf Ia'kub b. Ibrakhim al-Kufi. Kitab al-Kharadzh. St Petersburg, Peterburgskoe vostokovedenie Publ., 2001, 415 p.
Agronomov A.I. *Dzhikhad. Sviashchennaia voina mukhammedan* [Jihad. The Holy War of Muslims]. Kazan, Kokovina Publ., 1877, 234 p.
Aibabina E.A. *Dekorativnaia kamennaia rez'ba Kaffy XIV–XVIII vekov* [Decorative stone carvings of Kaffa of the XIV–XVIII centuries]. Simferopol, Sonat Publ., 2001, 279 p.
Akchokrakly O.[-N.A.] Starokrymskie i Otuzskie nadpisi XIII–XV vv. [Stary Krym and Otuz inscriptions of the XIII–XV centuries]. *Izvestiia Tavricheskogo obshchestva istorii, arkheologii i etnografii* [News of the Tauride Society of History, Archeology and Ethnography], 1927, vol. 1(58), pp. 5–17.
Akchokrakly O.[-N.A.] Starokrymskie i Otuzskie nadpisi XIII–XV vv. [Stary Krym and Otuz

inscriptions of the XIII–XV centuries]. *Akchokrakly Osman Nuri. Izbrannye sochineniia po istorii, arkheologii, etnografii* [Akchokrakly Osman Nuri. Selected works on history, archeology, ethnography], Simferopol, Forma Publ., 2016, pp. 53–67.

Al'-Bukhari. *Sakhikh*. Moscow, Umma Publ., 2005, 959 p.

Antipenko A.V., Lomakin D.A., Seidalieva D.E., Seidaliev E.I. Mednye puly iz raskopok gorodishcha Solkhat po dannym rentgenofluorestsentnogo analiza [Copper pools from excavations of Solhat settlement according to X-ray fluorescence analysis]. *Rossiiskie nanotekhnologii* [Russian nanotechnology], 2020, vol. 15, iss. 5, pp. 69–77.

Antipenko A.V., Maksimova E.M., Naumenko V.E., Naukhatskii I.A., Smekalova T.N. Sopostavlenie rezul'tatov izucheniia sostava splava monet khersonesskoi chekanki rimskogo i vizantiiskogo vremeni [Comparison of the results of the study of the composition of the alloy of coins of Chersonesos minting of Roman and Byzantine times]. *Geoarkheologiia i arkheologicheskaia mineralogiia–2020: Materialy VII Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem imeni V.V. Zaikova* [Geoarcheology and archaeological mineralogy-2020: Materials of the VII All-Russian Scientific Conference with international participation named after V.V. Zaikov], Miass, Cheliabinsk, South Ural State Humanitarian and Pedagogical University Publ., 2020, pp. 198–202.

Bashkirov A.S. Khudozhestvennye pamiatniki Solkhata [Solhat Art Monuments]. Krym [Crimea], 1927, vol. 1(3), pp. 122–144.

Bodaninskii U.A., Zasypkin B.N., Akchokrakly O.[-N.A.] Chufut-Kale (po materialam raskopok 1928–29 gg.) [Chufut-Kale (based on excavation materials in 1928–29)]. *Izvestiia Tavricheskogo obshchestva istorii, arkheologii i etnografii* [News of the Tauride Society of History, Archeology and Ethnography], 1929, vol. 3(60), pp. 152–187.

Boitsova E.E. Islam v Krymskom khanstve (nachalo XV – konets XIII vv.) [Islam in the Crimean Khanate (beginning XV – end of XIII centuries)]. Boitsova E.E., Gankevich V.Iu., Muratova E.S. et al. *Islam v Krymu: ocherki istorii funktsionirovaniia musul'manskikh institutov* [Islam in Crimea: essays on the history of the functioning of Muslim institutions], Simferopol, Elin'o Publ., 2009, pp. 10–119.

Borozdin I.N. *Solkhat. Predvaritel'nyi otchet o rabotakh arkheologicheskoi ekspeditsii Krymsovnarkoma, Krymtsika i Nauchnoi Assotsiatsii vostokovedeniia Soiuza SSR v 1925 godu* [Solhat. Preliminary report on the archaeological expedition of the Crimean People's Commissar, Krymtsik and the Scientific Association of Oriental Studies of the USSR in 1925]. Moscow, Iskra revoliutsii Publ., 1926, 32 p.

Bocharov S.G. Zametki puteshestvennikov XIV–XV vekov o gorode Kaffa [Notes of travelers of the XIV–XV centuries about the city of Kaffa]. *Povolzhskaia arkheologiia* [The Volga River Region Archaeology], 2015, No. 4, pp. 172–188.

Gavrilov A.V., Maiko V.V. *Srednevekovoe gorodishche Solkhat-Krym: Materialy k arkheologicheskoi karte goroda Staryi Krym* [Medieval settlement Solhat-Crimea: Materials for the archaeological map of the city of Stary Krym]. Simferopol, Biznes-Inform Publ., 2014, 212 p.

Gavriliuk N.A., Ibragimova A.M. *Tiurbe khana Khadzhi Geraia (po materialam arkheologicheskikh issledovanii 2003–2008 gg.)* [Turbe Khan Haji Gerai (based on archaeological research in 2003–2008)]. Kiev, Zaporozh'e, Dikoe Pole Publ., 2010, 176 p.

Gertsen A.G., Maiko V.V. Sugdeia i Bospor [Sugdea and Bospor]. *Istoriia Kryma* [History of Crimea], Moscow, Kuchkovo pole Publ., 2019, vol. 1, pp. 281–286.

Gordlevskii V.A. Rukopisi vostochnogo muzeia Ialty [Manuscripts of the Eastern Museum of Yalta].

Gordlevskii V.A. *Izbrannye sochineniia* [Selected works], Tom 4, Moscow, Nauka Publ., 1968, pp. 237–261.

Grigor'ev A. P. «Kniga puteshestvii» Evliia Chelebi – istochnik po istorii Kryma XIII–XVII vv. [«Travel Book» by Evliya Celebi – a source on the history of Crimea of the XIII – XVII centuries]. *Istoriografiia i istochnikovedenie istorii stran Azii i Afriki* [Historiography and history of Asia and Africa], Leningrad, Leningrad State University Publ., 1974, Vol. 3, pp. 19–28.

Davidovich E.A. *Denezhnoe khoziaistvo Srednei Azii posle mongol'skogo zavoevaniia i reforma Masud-Beka (XIII v.)* [The monetary economy of Central Asia after the Mongol conquest and the reform of Masud Bek (XIII century)]. Moscow, Nauka Publ., 1972, 174 p.

Zaitsev I.V. Islam v Krymu v XIV–XVIII vekakh [Islam in Crimea in the XIV–XVIII centuries]. *Zolotoordynskoe obozrenie* [Golden Horde Review], 2015, No. 2, pp. 103–128.

Zilivinskaia E.D. Arkhitektura Zolotoi Ordy [Architecture of the Golden Horde]. Vol. 1. Kazan, Otechestvo Publ., 2014, 228 p.

Zilivinskaia E. D. *Arkhitektura Zolotoi Ordy* [Architecture of the Golden Horde]. Vol. 2. Kazan, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan Publ., 2019, 353 s.

Ibragim T., Bogoliubov A.S. Dzhikhad [Jihad]. *Islam: entsiklopedicheskii slovar'* [Islam: encyclopedic dictionary], Moscow, Nauka Publ., 1991, pp. 66–67.

Ibragim T. *Koranicheskii gumanizm. Tolerantno-pliuralisticheskie ustanovki* [Coranic humanism. Tolerant pluralistic attitudes, Moscow, Medina Publ., 2015, 576 p.

Izmailov I.L., Usmanov M.A. Islam v Uluse Dzhuchi [Islam in Ulus Juchi]. *Istoriia Tatar s drevneishikh vremn* [History of Tatars since ancient times], Vol. 3, Kazan, 2009, pp. 599–617.

Kirilko V.P. Arkhitektura Zolotoordynskogo Kryma [Architecture of the Golden Horde Crimea]. *Miras–Nasledie. Tatarstan–Krym. Gorod Bolgar i izuchenie tatarskoi kul'tury v Tatarstane i Krymu v 1923–1929 godakh* [Miras Heritage. Tatarstan-Crimea. The city of Bulgar and the study of Tatar culture in Tatarstan and Crimea in 1923–1929], Vol. 1, Kazan, Aster-Plus Publ., 2016, pp. 420–496.

Kirilko V. P. Zolotoordynskaia arkhitektura Kryma: Obshchee i osobennoe [Golden Horde architecture of Crimea: General and special]. *Arkheologiia evraziiskikh stepei* [Archaeology of Eurasian steppes], 2013, Vol. 17, pp. 84–99.

Kirilko V.P. Portal krymskoi mecheti Uzbeka [Portal of the Crimean mosque Uzbek]. *Stratum plus,* 2015, No. 6, pp. 253–274.

Kirilko V.P. Stroitel'naia istoriia krymskoi mecheti Uzbeka (po materialam restavratsionnykh issledovanii) [Construction history of the Crimean mosque of Uzbek (based on restoration research)]. *Dialog gorodskoi i stepnoi kul'tur na evraziiskom prostranstve* [Dialogue of urban and steppe cultures in Eurasian space], Azov, Azov Museum Reserve Publ., 2009, pp. 187–200.

Kirilko V.P. Stroitel'naia periodizatsiia t. n. mecheti Uzbeka v Starom Krymu [Construction periodization of the so-called Uzbek mosque in the Stary Krym]. *Genuezskaia Gazariia i Zolotaia Orda* [Genoa Gazaria and the Golden Horde], Kishinev, Stratum Plus, 2015, pp. 509–558.

Kniga puteshestviia. Turetskii avtor Evliia Chelebi o Kryme: 1666–1667 gg. [Travel book Turkish author Evliya Celebi about Crimea: 1666–1667]. Simferopol, Dar Publ., 1999, 144 p.

Koran. Baku, Iazychy Publ., 1990, 744 p.

Kramarovskii M.G. Bratstvo fitian v Krymu i chasha so stsenoi pira iz Solkhata (pervaia polovina XIV v.) [Fraternity of fityans in Crimea and a bowl with a feast stage from Solhat (first half

of the XIV century)]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials on the archeology, history and ethnography of Tavria], 2018, vol. 23, pp. 731–735.

Kramarovskii M.G. *Zolotaia Orda i Prichernomor'e. Uroki chingisidskoi imperii: katalog vystavki* [Golden Horde and the Black Sea region. Lessons of the Genghis Empire: exhibition catalogue]. Moscow, Fond Mardzhani Publ, 2019, 504 p.

Kramarovskii M.G. Zolotaia Orda kak tsivilizatsiia [The Golden Horde as a Civilization]. *Zolotaia Orda. Istoriia i kul'tura: katalog vystavki* [Golden Horde. History and culture: exhibition catalogue], St Petersburg, Slaviia Publ., 2005, 264 p.

Kramarovskii M.G. Krym i Rum v XIII–XIV stoletiiakh (anatoliiskaia diaspora i gorodskaia kul'tura Solkhata) [Crimea and Rum in the XIII–XIV centuries (Anatolian diaspora and urban culture of Solkhat)]. *Zolotoordynskoe obozrenie* [Golden Horde Review], 2016, No. 1, pp. 55–88.

Kramarovskii M.G. Krym i Rumskii sultanat vo 2-oi pol. XIII–XIV vv. [Crimea and the Rumsky Sultanate in the 2nd half of the XIII–XIV centuries]. *Aktual'nye problemy izucheniia i sokhraneniia islamskogo naslediia Kryma* [Topical problems of studying and preserving the Islamic heritage of Crimea.], Simferopol, 2014, pp. 5–17.

Kramarovskii M.G. Krym/Solkhat, XIII–XVIII vv. – vozniknovenie i formirovanie goroda [Crimea/ Solhat, XIII–XVIII centuries – the emergence and formation of the city]. *Svod pamiatnikov istorii, arkhitektury i kul'tury krymskikh tatar* [Set of historical, architectural and cultural monuments of Crimean Tatars], Tom 4, Kazan, Simferopol, 2020, pp. 4–13.

Kramarovskii M.G. Religioznye obshchiny v istorii i kul'ture Solkhata XIII–XIV vv. [Religious communities in the history and culture of Solhat of the XIII – XIV centuries]. *Archeologia abrahamica: issledovaniia v oblasti arkheologii i khudozhestvennoi traditsii iudaizma, khristianstva i islama* [Archeologia abrahamica: research in the field of archeology and the artistic tradition of Judaism, Christianity and Islam], Moscow, Indrik Publ., 2009, pp. 395–428.

Kramarovskii M.G. Solkhat-Krym: K voprosu o naselenii i topografii goroda v XIII–XIV vv. [Solhat-Crimea: To the question of the population and topography of the city in the XIII–XIV centuries]. *Itogi rabot arkheologicheskikh ekspeditsii Gos. Ermitazha* [Results of archaeological expeditions of the State Hermitage], Leningrad, State Hermitage Publ., 1989, pp. 141–157.

Kramarovskii M.G. Tak nazyvaemaia «Mechet' Beibarsa» [So-called «Babars Mosque»]. *Svod pamiatnikov istorii, arkhitektury i kul'tury krymskikh tatar* [Set of historical, architectural and cultural monuments of Crimean Tatars], Tom 4, Kazan, Simferopol, 2020, pp. 22–24.

Kramarovskii M.G. *Chelovek srednevekovoi ulitsy: Zolotaia Orda, Vizantiia, Italiia* [Medieval Street Man: Golden Horde, Byzantium, Italy]. St Petersburg, Evraziia Publ, 2012, 496 p.

Kramarovskii M.G., Gukin V.D. *Materialy Starokrymskoi arkheologicheskoi ekspeditsii* [Materials of the Starykrym archaeological expedition]. St Petersburg, Lema Publ., 2002, 183 p.

Kramarovskii M.G., Gukin V.D. *Poselenie Bokatash II: Rezul'taty polevykh issledovanii Zolotoordynskoi arkheologicheskoi ekspeditsii Gosudarstvennogo Ermitazha v 2001–2003gg.* [Bokatash II settlement: Results of field research of the Golden Horde archaeological expedition of the State Hermitage in 2001–2003]. St Petersburg, Lema Publ., 2004, 380 p.

Lebedev V.P. Korpus monet Kryma v sostave Zolotoi Ordy (cer. XIII – ser. XV) [The body of coins of Crimea as part of the Golden Horde (mid XIII – mid XV)]. *Vestnik Odesskogo muzeia numizmatiki* [Bulletin of Odessa Numismatics Museum], 2000, vol. 2, pp. 12–34.

Lebedev V.P. Simvolika i iazyk monet Kryma zolotoordynskogo perioda [Symbols and language of coins of Crimea of the Golden Horde period]. *Numizmaticheskie issledovaniia po Istorii*

Iugo-Vostochnoi Evropy [Numismatic Studies on the History of Southeast Europe], Kishinev, Shtiintsa Publ., 1990, pp. 139–155.

Lomakin D.A. *Musul'manskie pamiatniki Starogo Kryma XIII–XV vv.: istoriia izucheniia, sovremennoe sostoianie* [Muslim monuments of the Stary Krym of the XIII–XV centuries: history of study, modern state]. Simferopol, Solo-Rich Publ., 2015, 240 p.

Lomakin D.A. O kupol'nom zdanii na territorii Sudakskoi kreposti (20-e gg. XX – nachalo XXIv.) [About the dome building on the territory of the Sudak fortress (20th century – beginning of the 21st centuries)]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials on the archeology, history and ethnography of Tavria], 2019, vol. 24, pp. 566–586.

Melioranskii P.M. Sel'dzhuk-name, kak istochnik dlia istorii Vizantii v XII i XIII vekakh [Seljuk-name, as a source for the history of Byzantium in the XII and XIII centuries]. *Vizantiiskii vremennik* [Byzantine temporary], 1894, vol. 1, pp. 613–640.

Muslim. *Sakhikh.* Moscow, Umma Publ., 2011, 1216 p.

Plano Karpini Dzh. Istoriia mongalov. Rubruk G. Puteshestvie v vostochnye strany. Kniga Marko Polo [Plano Karpini J. History of the Mongals. Rubruk G. Journey to eastern countries. Book by Marco Polo]. Moscow, Mysl Publ., 1997, 464 p.

Svod pamiatnikov istorii, arkhitektury i kul'tury krymskikh tatar [Set of historical, architectural and cultural monuments of Crimean Tatars]. Tom 4. Kazan, Simferopol, 2020, 208 p.

Seidaliev E.I. Zolotoordynskoe poselenie Staryi Fontan v tsentral'nom Krymu (predvaritel'nye itogi arkheologicheskogo issledovaniia) [Golden Horde settlement Stary Fountain in the central Crimea (preliminary results of archaeological research)]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials on the archeology, history and ethnography of Tavria], 2019, vol. 24, pp. 363–386.

Seidaliev E.I., Iakushechkin A.V., Ablaev E.D. Numizmaticheskie materialy iz raskopok zolotoordynskikh poselenii Staryi Fontan i Toben-Sarai [Numismatic materials from excavations of the Golden Horde settlements Stary Fountain and Toben-Sarai]. *VII Mezhdunarodnyi numizmaticheskii simpozium «PriPONTiiskii meniala: den'gi mestnogo rynka»* [Seventh International Numismatic Symposium «PriPONTiiskii meniala: Local Market Money»], Simferopol, Kolorit Publ., 2020, pp. 169–177.

Sidorenko V.A. Issledovanie arkhitekturnykh stilei pamiatnikov Iugo-Vostochnogo Kryma [Study of architectural styles of monuments of Southeast Crimea]. *Arkhitekturno-arkheologicheskie issledovaniia Kryma* [Architectural and archaeological research of Crimea], Kiev, Naukova dumka Publ., 1988, p. 115–128.

Sidorenko V.A. Krymskaia «musul'manskaia» chekanka Tuka Timura [Crimean «Muslim» coinage Tuk Timur]. *VII Mezhdunarodnyi numizmaticheskii simpozium «PriPONTiiskii meniala: den'gi mestnogo rynka»* [Seventh International Numismatic Symposium «PriPONTiiskii meniala: Local Market Money»], Simferopol, Kolorit Publ., 2020, pp. 179–193.

Sidorenko V.A. Priniatie religii islama Zolotoi Ordoi i nachal'nyi etap diplomaticheskikh otnoshenii mezhdu Berke i Beibarsom po dokumental'nym svidetel'stvam Abd az-Zakhira [Acceptance of the religion of Islam by the Golden Horde and the initial stage of diplomatic relations between Berke and Beibars according to the documentary evidence of Abd al-Zahir]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials on the archeology, history and ethnography of Tavria], 2020, vol. 25, pp. 513–559.

Smirnov V.D. Krymsko-khanskie gramoty [Crimean Khan letters]. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii* [News of the Taurida Scientific Archival Commission], 1913, No. 50, pp. 140–178.

Tizengauzen V.G. *Sbornik materialov, kasaiushchikhsia k istorii Zolotoi Ordy* [Collection of materials related to the history of the Golden Horde]. Vol. 1. St Petersburg, Academy of Sciences Publ., 1884, 564 p.

Tizengauzen V.G. *Sbornik materialov, otnosiashchikhsia k istorii Zolotoi Ordy* [Collection of materials related to the history of the Golden Horde]. Moscow, Leningrad, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1941, vol. 1, 588 p.

Tizengauzen V.G. *Sbornik materialov, otnosiashchikhsia k istorii Zolotoi Ordy* [Collection of materials related to the history of the Golden Horde]. Moscow, Leningrad, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1941, vol. 2, 308 p.

Useinov M.A. Musul'manskie epigraficheskie pamiatniki zolotoordynskogo perioda v selenii Otuzy [Muslim epigraphic monuments of the Golden Horde period in the village of Otuzy]. *Svod pamiatnikov istorii, arkhitektury i kul'tury krymskikh tatar* [Set of historical, architectural and cultural monuments of Crimean Tatars], Tom 4, Kazan, Simferopol, 2020, pp. 178–179.

Fedorov-Davydov G.A. *Denezhnoe delo Zolotoi Ordy* [Golden Horde Money Case]. Moscow, Paleograf Publ., 2003, 352 p.

Khartakhai F. Istoricheskaia sud'ba krymskikh tatar [The historical fate of the Crimean Tatars]. *Vestnik Evropy* [Bulletin of Europe], 1866, vol. 2, iss. 1, pp. 182–236.

Chelebi E. *Kniga puteshestviia. Krym i sopredel'nye oblasti: izvlechenie iz sochineniia turetskogo puteshestvennika XVII v.* [Travel book. Crimea and adjacent regions: extraction from the essay of a Turkish traveler of the XVII century]. Simferopol, 2017, 312 p.

Shukurov R.M. *Velikie Komniny i Vostok (1204–1461)* [Great Komnins and the East (1204–1461)]. St Petersburg, Aleteiia Publ., 2001, 448 p.

Iakubovskii A.Iu. Rasskaz Ibn-al-Bibi o pokhode maloaziiskikh turok na Sudak, polovtsev i russkikh v nachale XIII v. [The story of Ibn-al-Bibi about the campaign of the Asia Minor Turks on Sudak, Polovtsy and Russians at the beginning of the XIII century]. *Vizantiiskii vremennik* [Byzantine temporary], 1927, vol. 25, pp. 53–76.

Antipenko A.V., Nauhatsky I.A., Maksimova E.M., Smekalova T.N., Naumenko V.E. XRF Analysis of Elemental Composition of Archaeological Coins from Mangup, Crimea. *Minerals: Structure,Properties, Methods of Investigation Proceedings of the 10th All-Russian Youth Scientific Conference,* Springer Publ., 2020, pp. 19–26.

DeWeese Devin A. *Islamization and Native Religion in the Golden Horde: Baba Tükles and Conversion to Islam in Historical and Epic Tradition.* University Park, PA, Pennsylvania State University Press, 1994, 638 p.

Favereau M. Les conventions diplomatiques dans le monde musulman. L'umma en partage (1258–1517): introduction. *Annales islamologiques*, 2008, No. 41, pp. 9–20.

Favereau M. Introduction: L'islamisation des steppes. *Revue des Mondes Musulmans et de la Méditerranée*, 2018, Vol. 143, pp. 13–26.

Pamuk S. A Monetary *History of the Ottoman Empire*. Cambridge, New York, Cambridge University Press, 2000, 276 p.

Peyssonel M de. *Traité sur le commerce de la Mer Noire. Paris,* 1787, 340 p.

Резюме

На основе обширного корпуса источников рассмотрена проблема распространения ислама в многонациональной и поликонфессиональной среде на примере юго-восточной части Крыма, как

территории наиболее раннего освоения населением Крымского улуса Золотой Орды. Проведен анализ различных категорий источников: нумизматических, археологических, эпиграфических, письменных. Представлены результаты изучения нумизматического материала из раскопок городища Солхат. Установлено, что монеты наряду с основной ролью средства платежа выполняли «пропагандистскую» функцию, транслируя позицию центральной власти в сфере религиозной политики.

С началом распространения ислама на полуострове во второй половине XIII – начале XIVв. появилось новое стилистическое направление, затронувшее все виды искусства: архитектуру, деревянную резьбу, металлопластику. Значительную часть этого наследия представляет каменная резьба мусульманских построек, связанных с политической и религиозной активностью золотоордынской администрации, с творческим потенциалом мусульманского населения. Пышная растительная и геометрическая орнаментика сочетается с кружевной вязью коранических надписей и эпитафий, выполненных арабской каллиграфией. Этот комплекс декора можно представить как единое стилевое явление, имеющее свои характеристики и хронологические этапы. Рассмотрен орнаментальный декор разных групп памятников резьбы, ведущие декоративные мотивы: пальметты, сталактиты, «сельджукская цепь».

Рассмотрено сообщение Ибн ал-Биби, которое содержит большое количество упоминаний о религиозно-правовых реалиях, связанных с походом сельджукских войск, что позволяет поставить вопрос об анализе религиозного контекста сельджукского завоевания Судака. Учитывая, что сообщение Ибн ал-Биби является первым документальным свидетельством о появлении ислама на территории Крымского полуострова, анализ исламских религиозно-правовых реалий, содержащихся в рассказе Ибн ал-Биби, является особо актуальным в контексте рассматриваемой проблемы.

Ключевые слова: Золотая Орда, Юго-Восточный Крым, Солхат, ислам, архитектурно-археологический памятник, нумизматика, каменная резьба, Ибн ал-Биби.

Summary

Based on numerous sources, the problem of the spread of Islam in a multinational and polyconfessional environment is considered on the example of the south-eastern part of the Crimea, as the territory of the earliest development by the population of the Crimean ulus of the Golden Horde. The analysis of various categories of sources: numismatic, archaeological, epigraphic, and written ones, is made. The results of the study of numismatic material from the excavations of the settlement of Solkhat are presented. It was found that coins, along with the main role of an instrument of payment, performed a «propaganda» function, transmitting the position of the central government in the field of religious policy.

With the beginning of the spread of Islam on the peninsula in the second half of the XIII - early XIV century, a new stylistic trend appeared, affecting all types of art: architecture, wood carving, and metal-plastic. A significant part of this heritage is represented by the stone carving of Muslim buildings associated with the political and religious activity of the Golden Horde administration, and with the creative potential of the Muslim population. Lush vegetative and geometric ornamentation is combined with lacy Quranic inscriptions and epitaphs made in Arabic calligraphy. This decor complex can be represented as a single stylistic phenomenon, which has its own characteristics and chronological stages. The ornamental decor of different groups of carving monuments, leading decorative motifs: palmettes, stalactites, and “Seljuk chain”, is considered.

The article considers the message of Ibn al-Bibi, which contains a large number of references to the religious and legal realities associated with the campaign of the Seljuk troops, which makes it possible

to raise the question of analyzing the religious context of the Seljuk conquest of Sudak. Considering that the message of Ibn al-Bibi is the first documentary evidence of the emergence of Islam on the territory of the Crimean peninsula, the analysis of Islamic religious and legal realities contained in the story of Ibn al-Bibi is especially relevant in the context of the problem under consideration.

Key words: Golden Horde, South-Eastern Crimea, Solkhat, Islam, architectural and archaeological monument, numismatics, stone carving, Ibn al-Bibi.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ
Айбабина Елена Акимовна, к.и.н.,
доцент кафедры геометрического
и компьютерного моделирования энергоэффективных
зданий Академии строительства и архитектуры,
Крымский федеральный университет
им. В. И. Вернадского.
aibabinae@mail.ru

Антипенко Анна Витальевна,
младший научный сотрудник
Научно-исследовательского центра истории
и археологии Крыма,
Крымский федеральный университет
им. В. И. Вернадского.
an.antipenko@yandex.ru

Ломакин Дмитрий Анатольевич, к.и.н.,
старший научный сотрудник
Научно-исследовательского центра истории
и археологии Крыма,
Крымский федеральный
университет им. В. И. Вернадского.
LomakinDA@mail.ru.

Сейдалиев Эмиль Исаевич, к.и.н.,
заведующий кафедрой истории Крымского
инженерно-педагогического университета
им. Февзи Якубова; научный сотрудник
Института археологии Крыма РАН;
старший научный сотрудник Крымского научного
центра Института истории
им. Ш. Марджани АН РТ.
codexcummanicus@gmail.com

Сейдалиева Джемиле Эльвировна,
младший научный сотрудник
Научно-исследовательского центра истории
и археологии Крыма,
Крымский федеральный
университет им. В. И. Вернадского.
djemka65@gmail.com

Спивак Игорь Александрович, к.и.н.,
доцент кафедры археологии и всеобщей истории
Таврической академии,
Крымский федеральный
университет имени В. И. Вернадского.
ispivaq@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS
Aibabina Elena Akimovna, CSc,
Associate Professor of the Department of Geometric
and Computer Modeling of Energy Efficient Buildings
of the Academy of Civil Engineering and Architecture.
Crimean Federal University named after Vernadsky V.I.
aibabinae@mail.ru

Antipenko Anna Vital'evna, Research Assistant,
Research Center for the History and Archaeology
of the Crimea. Crimean Federal University named
after Vernadsky V.I.
an.antipenko@yandex.ru

Lomakin Dmitry Anatol'evich, CSc,
Senior Research Officer, Research Center
for the History and Archaeology of the Crimea,
Crimean Federal University named after Vernadsky V.I.
LomakinDA@mail.ru.

Seidaliev Emil' Isaevich, CSc,
Head of the Department of History
of the Crimean Engineering and Pedagogical University
named after Fevzi Yakubov; Research officer, Institute
of Archaeology of the Crimea, Russian Academy of Sciences;
Senior Research Officer, Crimean Scientific Center, Institute
of History named after Sh. Mardzhani AS RT.
codexcummanicus@gmail.com

Seidalieva Dzhemile El'virovna, Research Assistant,
Research Center for the History and Archaeology
of the Crimea, Crimean Federal University named
after Vernadsky V.I.
djemka65@gmail.com

Spivak Igor' Aleksandrovich, CSc,
Associate Professor of the Department
of Archaeology and General History
of the Taurida academy,
Crimean federal university
named after Vernadsky V.I.
ispivaq@mail.ru

П У Б Л И К А Ц И И

А.В. КОТИНА, В.В. СИМОНОВ,
A.V. KOTINA, V.V. SIMONOV

НОВЫЙ САКРАЛЬНЫЙ ОБЪЕКТ ИЗ ТИРИТАКИ[1]
A NEW SACRAL OBJECT FROM TYRITAKE

В ходе археологических раскопок 2019 г. Боспорской охранно-археологической экспедицией под руководством В.Н. Зинько на западном участке городища Тиритака (раскоп XXVII), в юго-восточной части квадрата № 33, было выявлено золистое пятно размером 1,20х0,60-0,50 м (нивелировочная отметка +16,42) (рис.1). Ввиду того, что перекрывающий слой представляет собой переотложенный грунт, датировка его по вещевому материалу весьма широка: начало IV в. до н.э. – VI в. н.э. [Зинько, Зинько, 2020, с. 13]. Очертания золистого пятна соответствовали контурам находящегося под ним углубления близкой к прямоугольной формы, глубиной 0,35 м. С южной стороны этого углубления (в ее восточной части) сохранился стоящий вертикально камень размерами 0,29х0,33х0,14 м (нивелировочная отметка верхней грани +16,55). Возможно, такой же камень примыкал к нему с запада, формируя сплошную стенку по южной границе углубления. А судя по нескольким небольшим камням с восточной стороны (нивелировочные отметки +16,19 … +16,30) и двум довольно крупным камням – с западной, один из которых (нивелировочная отметка +16,38) был развернут перпендикулярно границе углубления, но имел прямоугольную форму и размеры – 0,28х0,39х0,10 м, сходные с размерами камня, сохранившегося на южной границе in situ, углубление было ограничено, как минимум, с трех сторон: южной, восточной и западной. В центре углубления был положен небольшой плоский камень размерами 0,23х0,16х0,07 м, на котором установлено вертикально горло амфоры, тип 104 по Зеест [Зеест, 1960], с аккуратно отбитыми ручками (нивелировочная отметка венчика +16,28) (рис. 1; рис. 2, 1 – 2).

Заполнение углубления неоднородное и представляло собой чередующиеся и местами перемешанные слои: рыхлого глинистого грунта, имевшего характерный красновато-розовый цвет и структуру, свидетельствующие о сильном термическом воздействии; плотного глинистого грунта черно-коричневого цвета (из-за многочисленных вкраплений сажи и мелких частиц древесного угля); рыхлого золистого

[1] Сокращенный вариант данной статьи был представлен в виде доклада на Международной научной конференции «XXII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период Античности и Средневековья. Новые открытия, новые проекты», г. Керчь.

грунта светло-серого цвета, а также большое количество (244 шт.) фрагментов печины разных размеров. При этом, ни на камне, лежащем на дне, ни на амфорном горле не замечено никаких следов горения – ни копоти, ни структурных изменений поверхностного слоя от воздействия пламени. Последнее может свидетельствовать о том, что найденное углубление использовалось не в качестве места для разведения и поддержания костра, а для сброса в каких-то целях грунта и золы из печей, очагов и кострищ, возможно, находившихся неподалеку. То есть сначала было сделано углубление, в нем установлено на камне амфорное горло, а затем это углубление заполнялось грунтом и остатками продуктов горения из других мест. Судя по многослойности заполнения, такие действия производились не один раз, а в течение какого-то времени.

Вещевой материал в заполнении представлен фрагментами: бортика синопской керамиды, амфорных стенок (24 шт.), ручек гераклейского (1 шт.) и боспорского (1шт.) кувшинов, закраин красноглиняного и лепного сосудов, стенок лепных сосудов (2 шт.), а также костью животного, пирамидальным грузилом[2] и монетой (бронзовый статер Рескупорида V 324/325 г.) (рис. 2, 3 – 4), все без следов воздействия открытого огня.

В 1 м к югу от найденного углубления, в борту раскопа, зафиксирован фрагмент пифоса (нижняя часть тулова), нивелировочная отметка дна которого (+16,53) лежит на одном уровне с верхним краем камня, стоящего на южной границе углубления. Практически вплотную к северной границе углубления лежала прямоугольная каменная плита размерами 0,64х0,56х0,16 м, нивелировочные отметки верхней плоскости которой (+16,24) примерно совпадали с отметками на камнях на восточной и западной границах углубления (+16,30).

Севернее плиты, от ее края до северной границы раскопа 2019 года, был зачищен сохранившийся фрагмент вымостки № 8 размерами 1,65х2,00 м, выложенной из плоских камней размерами от 0,30х0,25 м до 0,54х0,60 м (нивелировочные отметки +15,95 … +16,19). Возможно, эта вымостка продолжалась восточнее зольного пятна до его южной границы, где на таком же уровне, что и образующие вымостку № 8 камни, зафиксированы два лежащих вплотную плоских камня аналогичных размеров – 0,40х0,26 м и 0,32х0,25 м (нивелировочные отметки +16,06). Судя по стратиграфии и немногочисленным находкам из перекрывающего вымостку слоя, ее предположительно можно датировать первыми веками нашей эры [Зинько, Зинько, 2020, с. 19]. В «разрыве» между южной границей вымостки № 8 и двумя камнями зафиксированы два пятна керамических развалов: одно размерами 0,40х0,25 м – вплотную к восточному краю прямоугольной плиты и второе, размерами 0,91х0,78 м – примыкающее с севера к двум камням (нивелировочные

[2] Исследователи не раз отмечали, что пирамидальные глиняные грузила могли использоваться в качестве вотивов в обрядах жертвоприношений. Это было связано с тем, что подобные приношения были доступны всем слоям населения [Винокуров, 2007, с. 346].

отметки развалов +15,95 и +15,88 соответственно). То, что дно углубления (нивелировочная отметка +16,01) находится примерно на уровне камней вымостки, позволяет отнести период бытования кострища к более позднему времени, чем вымостка № 8, и с учетом ее датировки (I – II вв.) датировать само кострище не ранее начала III в.

Судя по открытым в ходе работ конструкциям, описываемое выше зольное пятно находилось к западу от строительного комплекса СК-Х, датируемого I в. н.э., на участке, который, вероятно, являлся хозяйственным двором, примыкающим к западной крепостной стене [Зинько, Зинько, 2020, с. 33]. Для нашего исследования особенно важным представляется вопрос о назначении описанного выше углубления с вертикально стоящим амфорным горлом. В том, что оно сделано специально, – сомневаться не приходится, но какова цель? Учитывая особенности конструкции и встречающиеся близкие аналогии, представляется, что данное сооружение имело сакральную принадлежность, возможно, выполняло функцию примитивного жертвенника, могло использоваться для культовых возлияний. Рассмотрим подробнее эту традицию.

Частные жертвоприношения, по многочисленным свидетельствам древних авторов, были широко распространены в античном мире. Это связано с тем, что подобный способ общения человека и бога – самый легкий и доступный, так как не требовал особых приготовлений и мог совершаться ежедневно любым человеком независимо от его статуса, пола и возраста [Ленская, 2017, с. 59]. Однако ряд исследователей отмечает, что как в Аттике [Ленская, 2017, с. 50], так и в городах Северного Причерноморья археологические свидетельства частных жертвоприношений, находки подобных культовых объектов редки, что объясняется, прежде всего, их плохой сохранностью и зачастую сложностью фиксации, а также слабой функциональной выраженностью. Нередко такие объекты рассматриваются в утилитарном контексте, без специального анализа. В этой связи каждая подобная находка заслуживает отдельного пристального внимания [Крапивина, 2012, с. 194 – 195] и введения в научный оборот.

В античной религии, которая была весьма ритуализирована, для совершения жертвоприношений, являющихся главным аспектом большинства ритуалов и прежде всего служивших цели общения людей и различных божеств и героев [Кузьмина, 2013, с. 96], алтари использовались с глубокой древности. Так, В.В. Латышев отмечает: «Храмы едва ли были мыслимы без жертвенников, но жертвенники без храмов встречались очень часто: в частных домах и дворах, на акрополях, на рынках и улицах города, в присутственных местах, на дорогах, полях, вершинах гор, в священных рощах и пр. От неосвященного пространства жертвенники отделялись оградою…» [Латышев, 1997, с. 27]. В зависимости от характера жертвоприношения (сжигание, воскурение, возлияние) использовались разные конструкции жертвенников. [Шевченко, 2007, с. 163]. В частных культах в качестве алтаря широко использовался очаг (подобные случаи известны и на Тиритаке [Гайдукевич, 1952, с. 77] и

на других памятниках Северного Причерноморья)[3]. Немаловажное значение имели ямки с засыпью – так называемые земляные алтари, которые могли служить местом для отделения сакральных остатков от профанной территории либо заменяли алтари для возлияний [Шевченко, 2007, с. 163]. Так, в Херсонесе известны подобные конструкции. Среди них, например в «доме винодела», которая вследствие отсутствия характерного заполнения интерпретируется автором как земляной алтарь для возлияний хтоническим божествам [Шевченко, 2007, с. 164].

Суть возлияния как одной из самых распространенных форм сакрального действа – это жертвенное выливание жидкостей. В. Буркерт приводит различные варианты греческого слова, обозначающего этот обряд: «Наряду с поэтическим словом leibein/loibé, греки употребляли для его обозначения два термина, в которых, видимо, пересекаются две традиции – анатолийская и индоевропейская: spéndein/spondé – с одной стороны, и chéein/choé – с другой. Показательно то, что spéndein встречается прежде всего применительно к вину, продукту Средиземноморья. Правда, существуют также choai вином и spondai медом, маслом и водой» [Буркерт, 2004, с. 125]. Также исследователь замечает, что такое разделение изначально связано с сосудом, из которого проливается жидкость, а также с обращением с ним во время совершения обряда: так, choe понималось как опрокидывание и полное опорожнение большого сосуда, стоящего на земле или поднятого над землей. В таком исполнении возлияние совершается мертвым и хтоническим богам [Буркерт, 2004, с. 125]. Свидетельства подобных действ многократно встречаются еще у Гомера. Так, в «Одиссее» описывается ритуал возлияния, совершаемого для общения с мертвыми: «Яму глубокую, в локоть один шириной и длиною, Три совершил возлияния мертвым, мной призванным вместе: Первое смесью медвяной, второе вином благовонным, Третье водой и, мукою ячменною все пересыпав, Дал обещанье безжизненно веющим теням усопших…» (Hom. Od. XI, 25). Цель возлияний – обращение, призыв к богу или мертвым. Возлияния вином играли значимую роль в ритуальной практике древних эллинов: не случайно изображение жреца с чашей для возлияний в руке стало популярным иконографическим мотивом. Исследователи отмечают: несмотря на то, что на первый взгляд, возлияние вином являлось бескровной жертвой, иногда оно, вероятно, могло выступать ритуальным заменителем крови, т.к. вино и кровь в представлении древних греков были тесно связаны [см. Винокуров, 2019, с. 348 – 350]. Подобную тесную связь отмечает и уже упоминавшийся выше В. Буркерт. Он же указывает на важную отличительную особенность возлияния: жертвующий добровольным расточительством ставит себя в подчинение некоей высшей силе. Принесенный дар невозможно забрать обратно: что пролилось в землю, никто не в состоянии снова поднять [Буркерт, 2004, с. 127].

---

[3]Использование очагов в качестве алтарей в Аттике отмечает В.С. Ленская, однако уточняет, что и этих объектов, зафиксированных археологически, – не много. Автор предполагает, что это может быть связано с тем, что роль очагов и алтарей выполняли переносные жаровни [Ленская, 2017, с. 50].

Использование в древней ритуальной практике различных сосудов, в частности амфор и их частей, было довольно распространенным явлением. Сосуд, являющийся в повседневной жизни вполне утилитарной вещью, в контексте обрядово-поминальной практики мог выступать в качестве «вещной метафоры космоса», своеобразным посредником между мирами живых и мертвых [Тульпе, 2010, с. 22]. Целые амфоры активно использовались в погребальной традиции как в качестве вместилища для усопшего, так и в качестве погребального инвентаря, который, видимо, нес определенную символическую нагрузку. Так, при исследовании некрополя Артюшенко-2 были открыты могилы, в которых среди прочего погребального инвентаря, располагавшегося вдоль южной или западной стенок могилы, в ногах погребенных стояли целые амфоры. Автор датирует данные погребения V в. до н. э. и предполагает, что в это время существовала традиция ставить амфоры, отмечая, что эти сосуды были в могилах с довольно богатым и разнообразным инвентарем. В более поздних комплексах этого же некрополя имеются погребения младенцев в амфорах [Кашаев, 2013, с. 191 – 192]. Интересна находка горла амфоры с клеймом при исследовании каменного склепа в кургане у х. Розы Люксембург в Анапском районе[4]. У склепа, огибая его с южной стороны, располагались объекты, которые авторы раскопок относят к обрядово-поминальному комплексу [Иванов, Сударев, 2021, с. 123]. Среди этих объектов был зафиксирован двухступенчатый каменный алтарь, возле которого находился сброс керамической посуды[5], образованный в результате ритуальных действий, а также скопление фрагментов трех разбитых амфор, среди которых особого внимания заслуживает верхняя часть синопской амфоры с клеймом фабриканта Филократа (кон. IV в. – нач. III в. до н.э.), поставленной устьем вниз (рис. 5, 1). По мнению авторов соответствующей публикации, она служила эсхарой [Иванов, Сударев, 2021, с. 123]. Однако в описании данного объекта нет упоминания о следах воздействия огня, что, в свою очередь, является важным признаком для определения жертвенника как эсхары. Так, Л.В. Носова, рассматривая терминологию в отношении различного типа алтарей и жертвенников, на наш взгляд, убедительно показывает, что «практически все значения слова (εσχάρα – А.К., В.С.) подразумевают использование огня» и «…называть эсхарами не огненные жертвенники представляется неоправданным» [Носова, 2007, с.70]. Таким образом, можно допустить, что рассматриваемое выше горло синопской амфоры могло использоваться для возлияний. Еще одно амфорное горло, применяемое, по-видимому, в качестве ритуального предмета, происходит из кургана № 44/45 некрополя Кеп, исследованного в 2015 г. и опубликованного А.В. Ивановым и Н.И. Сударевым. Данный объект находился в центральной части кургана, в его южном секторе, и представлял собой горло хи-

[4] Авторы выражают глубокую благодарность научному сотруднику Южного регионального центра археологических исследований (г. Краснодар) А.В. Иванову за предоставленный материал, иллюстрации и ценные консультации.

[5] Фрагменты чернолаковых сосудов из этого сброса датируются началом III в. до н. э. [Иванов, Сударев, 2021, с. 123].

осской амфоры колпачкового типа, вариант V-B (по классификации С.Ю. Монахова), с отбитыми ручками. Оно стояло устьем вверх и было накрыто стенкой того же сосуда (рис. 3, 2 – 3). По типу амфоры исследователи датируют данный объект первой – третьей четвертью IV в. до н. э. [Иванов, Сударев, 2017, с. 172].

Амфоры, в контексте их использования в погребально-поминальной практике фиксируются и на некрополе Китея. И.А. Тульпе предполагает, что в зависимости от варианта употребления этого сосуда – в погребениях или тризнах – различается и семантический смысл: при помещении амфоры в погребение, подчеркивается хтонический аспект, и в этом смысле не случайно предпочтение нижним частям сосудов; в тризнах, которые совершаются для сохранения миропорядка, нарушенного смертью, т.е. вторжением хтонического – отсутствие дна, и таким способом акцент на верхней части амфоры служит некоей воронкой между двумя мирами [Тульпе, 1999, с. 340]. Амфорные тризны встречаются и в скифских курганах [Гаврилов, 2013, с. 55 – 64]. Что же касается использования амфор и их частей в святилищах, то одним из подобных примеров может служить культовый комплекс поселения Береговой-4, который датируется авторами раскопок рубежом VI – V вв. до н. э., примерно серединой I в. до н. э., и связывается с культом богинь плодородия [Завойкин, Сударев, 2009, с. 174]. Кроме прочего, исследователи отмечают наличие преднамеренно разбитых сосудов, вторичное использование в культовых целях некоторых бытовых предметов, а также расположение нижних частей сосудов (кувшинов, чернолаковых канфаров, амфоры), которые были втоптаны, дном вверх. По мнению авторов, такое положение определенно связано с совершением какого-то обряда [Завойкин, Сударев, 2009, с. 180]. В качестве вотивов в святилище присутствовали ножки амфор. Отдельного внимания заслуживает «горло гераклейской амфоры, стоявшее вертикально рядом с очажком из ножки родосской амфоры». Авторы интерпретируют горло как своеобразную эсхару, воронку, между двумя мирами [Завойкин, Сударев, 2009, с. 182].

Использование амфор или их частей в качестве жертвенников для культовых возлияний отмечается исследователями как в греческой, так и варварской среде. Обряды, связанные с проливом жидкости, были распространены, например, у поздних скифов. Об этом свидетельствует известная конструкция в одном из помещений царского дворца Неаполя Скифского, которая представляла собой своеобразный жертвенник в виде вертикально установленной в ямку за очагом синопской амфоры, горло которой было запечатано деревом и глиной, а ножка преднамеренно аккуратно отбита. Это отверстие примыкало к скале, вероятно, вино стекало туда и уходило в землю. Автор связывает данный жертвенник с хтоническими культами [Зайцев, 1997, с. 47]. Использование нижней части амфоры в качестве «примитивного алтарика для возлияний» имело место в культовом комплексе II – III вв. в одном из помещений Тиры [Русяева, 2005, с. 197]. Близкими тиритакскому являются объекты, происходящие из городища Артезиан, которые исследовали в недавней работе, посвященной жертвенникам для возлияний хтоническим божествам Боспора и Фракии, Н.И. Винокуров и С.М. Крыкин [Винокуров, Крыкин, 2019, с. 56 – 92]. Жертвенники были обнаружены в центральной части города

в ходе исследования пространства между оборонительным рвом и ранней цитаделью. Ученые отмечают, что на этой территории и ранее находили различные античные и средневековые жертвенные комплексы [Винокуров, Крыкин, 2019, с. 58]. Жертвенники для либаций (такое их назначение предполагает автор раскопок), так же, как и подобный объект из Тиритаки, представляли собой амфорные горла с отбитыми ручками, но отличительной их особенностью является то, что они были плотно закрыты ножками амфор (не принадлежащими тем же сосудам). Оба горла – гераклейского производства, с клеймами (рис.4). Ножки, также в двух случаях, принадлежали амфорам Менды. Горла, заполненные рыхлым золистым грунтом, были вкопаны строго вертикально в небольшие ямы. Яма жертвенника 1 не содержала находок, а в яме жертвенника 3 были обнаружены два небольших обломка черепицы, которые, по предположению исследователей, попали туда при устройстве культового места [Винокуров, Крыкин, 2019, с.63]. Датируются жертвенники (точнее, время их вторичного использования для религиозных нужд) не ранее 340-х гг. до н. э. Подобный жертвенник также был обнаружен в ходе работ экспедиции и на некрополе Артезиана. Автор отмечает, что подобные жертвенники-алтари с отверстиями предназначались для стока жидкостей, использовавшихся для возлияний, в землю. К таковым можно отнести и каменные алтари в виде блоков со сквозными отверстиями [Винокуров, Крыкин, 2019, с. 66 – 67]. Подобный алтарь в виде каменного блока с пробитым желобом (рис.5) был обнаружен на Тиритаке в 2016г. в ходе исследований на участке к востоку от западной крепостной стены, в слое засыпи раскопа В.Ф. Гайдукевича, с керамическим материалом V в. до н. э. (фрагменты горл хиосских пухлогорлых амфор с окрашенным венцом, фрагмент горла хиосской пухлогорлой амфоры с дипинти, фрагменты ручек хиосских амфор, а также фрагменты чернолаковых килико в). Возвращаясь к жертвенникам из Артезиана, стоит отметить, что исследователь находит параллели подобной традиции во Фракии, но уже более позднего времени, и делает вывод, что, судя по археологическим источникам, практика либаций была распространена и на Боспоре, и во Фракии, но конструктивные элементы жертвенников отличались. Несмотря на это, в основе культовых возлияний лежали сходные верования и представления [Винокуров, Крыкин, 2019, с. 85]. Этому не противоречит и тот факт, что в первые века нашей эры происходит ряд изменений в религиозной жизни и мировоззрении боспорян: наблюдается значительное увеличение частных культов и значительная индивидуализация верований в связи с проникновением совершенно новых культов божеств восточного и западно-понтийского (фракийского), а также римского происхождения [Русяева, 2005, с. 195].

Таким образом, исходя из конструктивных особенностей тиритакского объекта, устойчивой традиции культовых возлияний в Греции и на Боспоре, которая подтверждается письменными источниками, а также археологических данных и близких аналогий, можно с большой долей вероятности утверждать, что данная конструкция в виде небольшой ямы, с вертикально установленным на плоский камень амфорным горлом, засыпанная рыхлым золистым грунтом, в заполнении которой среди прочего находились пирамидальное грузило и монета, являлась сакральным

объектом, своего рода примитивным жертвенником для возлияний, связанным с особенностями религиозных представлений жителей Тиритаки.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Гомер. Одиссея. М., 2009.

Буркерт В. Греческая религия. Архаика и классика. СПб., 2004.

Винокуров Н.И. Виноградарство и виноделие античных государств Северного Причерноморья. Симферополь-Керчь, 2007.

Винокуров Н.И., Крыкин С.М. Жертвенники для возлияний хтоническим божествам Боспора и Фракии: общее и особенное // Проблемы истории, филологии, культуры. № 4. М. – Магнитогорск-Новосибирск, 2019. С. 56 – 92.

Гаврилов А.В. Амфорный комплекс из тризны кургана у Феодосии // Древности Боспора. Т. 17. М., 2013. С. 55 – 64.

Гайдукевич В.Ф. Раскопки Тиритаки в 1935 – 1940 гг. // Материалы и исследования по археологии СССР. № 25. Боспорские города. М. – Л., 1952. С. 15 – 134.

Завойкин А.А., Сударев Н.И. Поселение и святилище Береговой-4. Итоги исследований в 1999 – 2004 гг. // Археологические открытия. 1991 – 2004. Европейская Россия. М., 2009. С. 174 – 189.

Зайцев Ю.П. Южный дворец Неаполя Скифского // Вестник древней истории. № 3. М., 1997. С. 36 – 50.

Зеест И.Б. Керамическая тара Боспора // Материалы и исследования по археологии СССР. № 83. М., 1960.

Зинько В.Н., Зинько А.В. Отчет Боспорской охранно-археологической экспедиции Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского об археологических раскопках городища Тиритака в 2019 г. Керчь, 2020.

Иванов А.В., Сударев И.Н. Курган № 44/45 некрополя Кеп и его место среди других погребальных памятников Азиатского Боспора // Древности Боспора. Т. 21. М., 2017. С. 160 – 189.

Иванов А.В., Сударев И.Н. Каменный склеп в кургане у хутора Розы Люксембург в Анапском районе // Античные реликвии Херсонеса: открытия, находки, теории. Материалы научной конференции, Севастополь, 20–24 сентября 2021 года. Севастополь, 2021. С. 122 – 125.

Кашаев С.В. Погребения с амфорами в некрополе Артющенко-2 // Античный мир и археология. № 16. Саратов, 2013. С. 190 – 214.

Крапивина В.В. Домашние святилища античных памятников Северного Причерноморья // Боспорские исследования. Вып. XXVI. Симферополь-Керчь, 2012. С. 182 – 217.

Кузьмина Ю.Н. Организация ритуалов и жертвоприношений в эллинском святилище // Самарский научный вестник. № 4 (5). Самара, 2013. С. 96 – 100.

Латышев В.В. Очерк греческих древностей. Богослужебные и сценические древности. СПб., 1997.

Ленская В.С. Частные жертвоприношения в Древней Греции // Проблемы истории, филологии, культуры. № 4. М. – Магнитогорск-Новосибирск, 2017. С. 47 – 63.

Носова Л.В. Об античных зольниках или «применяя аттическую терминологию, дошедшую к нам через Павсания», эсхарах Северного Причерноморья // Боспорский феномен. СПб., 2007. С. 69 – 79.

Русяева А.С. Религия понтийских эллинов в античную эпоху: Мифы. Святилища. Культы олимпийских богов и героев. К., 2005.

Тульпе И.А. Амфора на некрополе: хтонический аспект // Боспорский феномен. СПб., 1999. С. 338 – 343.

Тульпе И.А. Археология сознания: психология и археология (по материалам раскопок некрополей Илурата и Китея) // Религиоведение. №4. Благовещенск, 2010. С. 16 – 26.

Шевченко Т.М. Алтари в семейной религии античного Херсонеса // Боспорский феномен. Ч. 2. СПб., 2007. С. 162 – 168.

REFERENCES

Gomer. Odisseya. M., 2009.

Burkert V. Grecheskaya religiya. Arhaika i klassika. SPb., 2004.

Vinokurov N.I. Vinogradarstvo i vinodelie antichnyh gosudarstv Severnogo Prichernomor'ya. Simferopol'-Kerch', 2007.

Vinokurov N.I., Krykin S.M. Zhertvenniki dlya vozliyanij htonicheskim bozhestvam Bospora i Frakii: obshchee i osobennoe // Problemy istorii, filologii, kul'tury. № 4. M. – Magnitogorsk-Novosibirsk, 2019. S. 56 – 92.

Gavrilov A.V. Amfornyj kompleks iz trizny kurgana u Feodosii // Drevnosti Bospora. T. 17. M., 2013. S. 55 – 64.

Gajdukevich V.F. Raskopki Tiritaki v 1935 – 1940 gg. // Materialy i issledovaniya po arheologii SSSR. № 25. Bosporskie goroda. M. – L., 1952. S. 15 – 134.

Zavojkin A.A., Sudarev N.I. Poselenie i svyatilishche Beregovoj-4. Itogi issledovanij v 1999 – 2004 gg. // Arheologicheskie otkrytiya. 1991 – 2004. Evropejskaya Rossiya. M., 2009. S. 174 – 189.

Zajcev Yu.P. Yuzhnyj dvorec Neapolya Skifskogo // Vestnik drevnej istorii. № 3. M., 1997. S. 36 – 50.

Zeest I.B. Keramicheskaya tara Bospora // Materialy i issledovaniya po arheologii SSSR. № 83. M., 1960.

Zin'ko V.N., Zin'ko A.V. Otchet Bosporskoj ohranno-arheologicheskoj ekspedicii Nauchno-issledovatel'skogo centra istorii i arheologii Kryma Krymskogo federal'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo ob arheologicheskih raskopkah gorodishcha Tiritaka v 2019 g. Kerch', 2020.

Ivanov A.V., Sudarev I.N. Kurgan № 44/45 nekropolya Kep i ego mesto sredi drugih pogrebal'nyh pamyatnikov Aziatskogo Bospora // Drevnosti Bospora. T. 21. M., 2017. S. 160 – 189.

Ivanov A.V., Sudarev I.N. Kamennyj sklep v kurgane u hutora Rozy Lyuksemburg v Anapskom rajone // Antichnye relikvii Hersonesa: otkrytiya, nahodki, teorii. Materialy nauchnoj konferencii, Sevastopol', 20–24 sentyabrya 2021 goda. Sevastopol', 2021. S. 122 – 125.

Kashaev S.V. Pogrebeniya s amforami v nekropole Artyushchenko-2 // Antichnyj mir i arheologiya. № 16. Saratov, 2013. S. 190 – 214.

Krapivina V.V. Domashnie svyatilishcha antichnyh pamyatnikov Severnogo Prichernomor'ya // Bosporskie issledovaniya. Vyp. XXVI. Simferopol'-Kerch', 2012. S. 182 – 217.

Kuz'mina Yu.N. Organizaciya ritualov i zhertvoprinoshenij v ellinskom svyatilishche // Samarskij nauchnyj vestnik. № 4 (5). Samara, 2013. S. 96 – 100.

Latyshev V.V. Ocherk grecheskih drevnostej. Bogosluzhebnye i scenicheskie drevnosti. SPb., 1997.

Lenskaya V.S. Chastnye zhertvoprinosheniya v Drevnej Grecii // Problemy istorii, filologii, kul'tury. № 4. M. – Magnitogorsk-Novosibirsk, 2017. S. 47 – 63.

Nosova L.V. Ob antichnyh zol'nikah, ili, «primenyaya atticheskuyu terminologiyu, doshedshuyu k nam cherez Pavsaniya», eskharah Severnogo Prichernomor'ya // Bosporskij fenomen. SPb., 2007. S. 69 – 79.

Rusyaeva A.S. Religiya pontijskih ellinov v antichnuyu epohu: Mify. Svyatilishcha. Kul'ty olimpijskih bogov i geroev. K., 2005.

Tul'pe I.A. Amfora na nekropole: htonicheskij aspekt // Bosporskij fenomen. SPb., 1999. S. 338 – 343.

Tul'pe I.A. Arheologiya soznaniya: psihologiya i arheologiya (po materialam raskopok nekropolej Ilurata i Kiteya) // Religiovedenie. №4. Blagoveshchensk, 2010. S. 16 – 26.

Shevchenko T.M. Altari v semejnoj religii antichnogo Hersonesa // Bosporskij fenomen. CH. 2. SPb., 2007. S. 162 – 168.

Резюме

В ходе раскопок городища Тиритака в 2019 г. на раскопе XXVII был обнаружен необычный объект, представляющий собой небольшую, обложенную камнями яму, засыпанную золой и прокаленным грунтом, в которой на плоском камне было установлено горло амфоры типа Зеест 104 устьем вверх. Исключив утилитарное назначение данной конструкции, мы провели исследование. Аналогии на других археологических памятниках, а также письмен-

ные источники указывают на устойчивую традицию сооружения подобных жертвенников с целью культовых возлияний. Таким образом, и тиритакская находка, на наш взгляд, принадлежит к объектам подобного рода.

Ключевые слова: Тиритака, сакральные объекты, жертвенники, культовые возлияния, амфора, вино, ритуал.

Summary

During the excavations of the settlement of Tyritake in 2019, an unusual object was discovered at excavation site XXVII. It was a small pit lined with stones, covered with ash and calcined soil, in which the throat of an amphora of the Zeest 104 type was installed on a flat stone with the mouth up. Having excluded the utilitarian purpose of this design, we conducted a study. Analogies on other archaeological sites, as well as written sources, indicate a stable tradition of the construction of such altars for the purpose of cult libations. Thus, the Tyritake find, in our opinion, belongs to objects of this kind.

Key words: Tyritake, sacral objects, altars, libations, amphora, wine, ritual.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ
Котина Алла Викторовна, кандидат исторических наук,
научный сотрудник,
Центр археологических исследований
Благотворительного фонда «Деметра»,
РФ, Республика Крым, г. Керчь, ул. Крупской, д. 50.
allakotina@mail.ru
+79787775201

Симонов Владимир Владимирович,
председатель правления,
Крымская региональная общественная организация
«Восточно-Крымский центр
военно-исторических исследований»,
РФ, Республика Крым, г. Керчь,
ул. Вокзальное шоссе, д. 35, кв. 129.
qvest59@rambler.ru
+79788346908

NFORMATION ABOUT THE AUTHORS
Kotina Alla Viktorovna, CSc,
Researcher,
Non-Profitable Foundation Δemetra, Krupskoy st., 50,
Kerch, Republican Crimea.
allakotina@mail.ru
+79787775201

Simonov Vladimir Vladimirovich
Crimean regional public organization «East Crimean center
for military historical researches»,
Vokzal'noe shosse st., 35, Kerch, Republican Crimea.
qvest59@rambler.ru
+79788346908

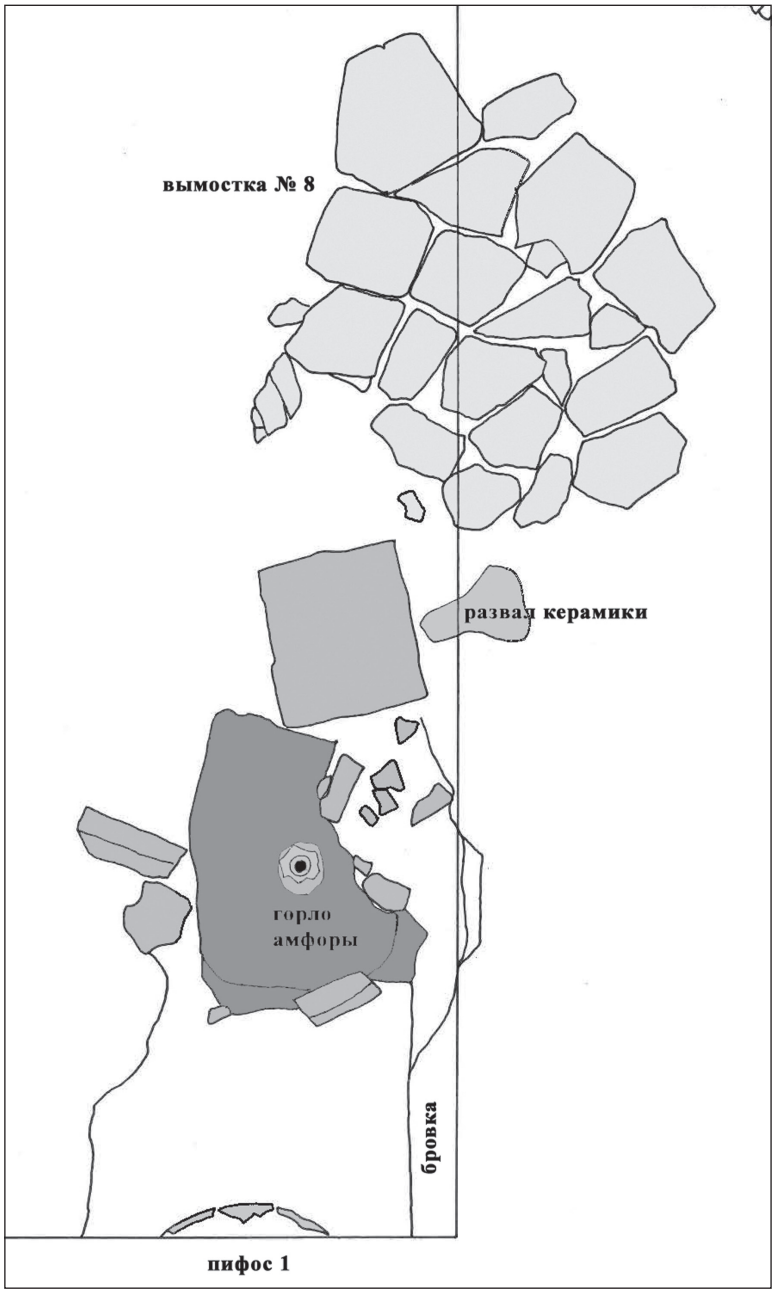

Рис. 1. Сакральный объект (зольное пятно с горлом амфоры). Ситуационный план.

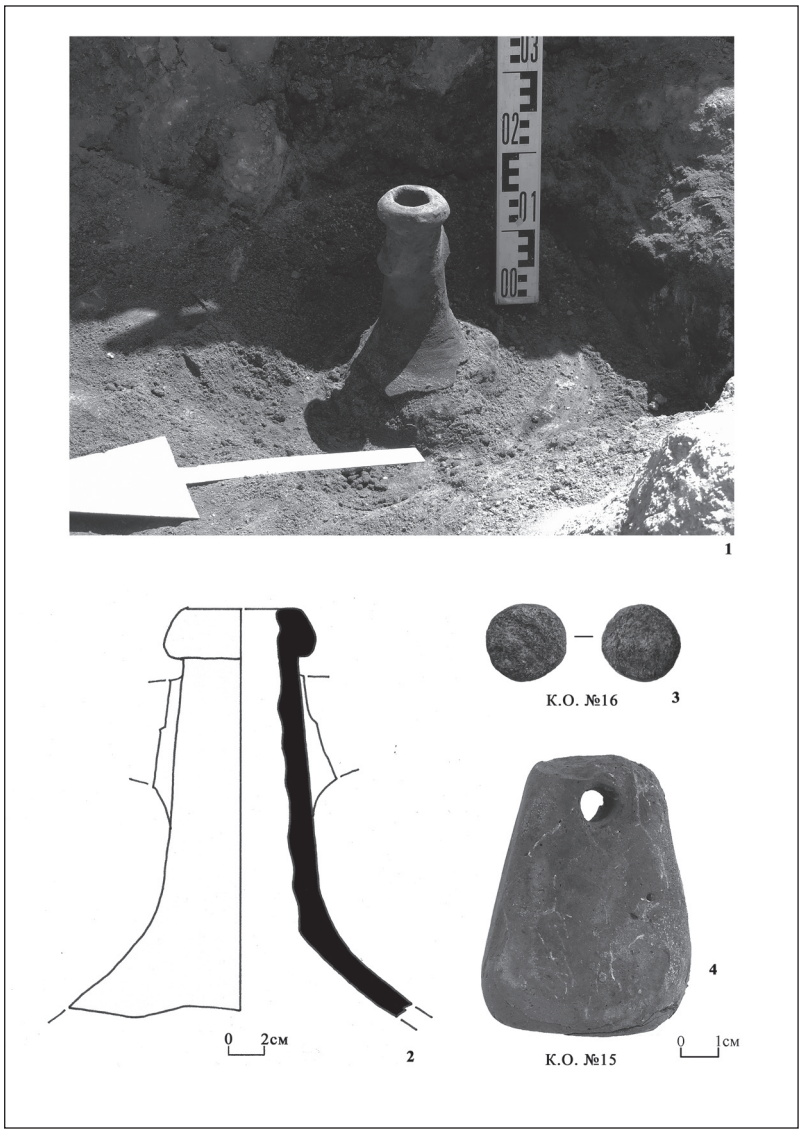

Рис. 2. 1. Сакральный объект (зольное пятно с горлом амфоры) in situ. 2. Горло амфоры, тип 104 по Зеест. 3. Бронзовый статер Рескупорида V (324/325 г.) из заполнения углубления. 4. Пирамидальное грузило из заполнения углубления.

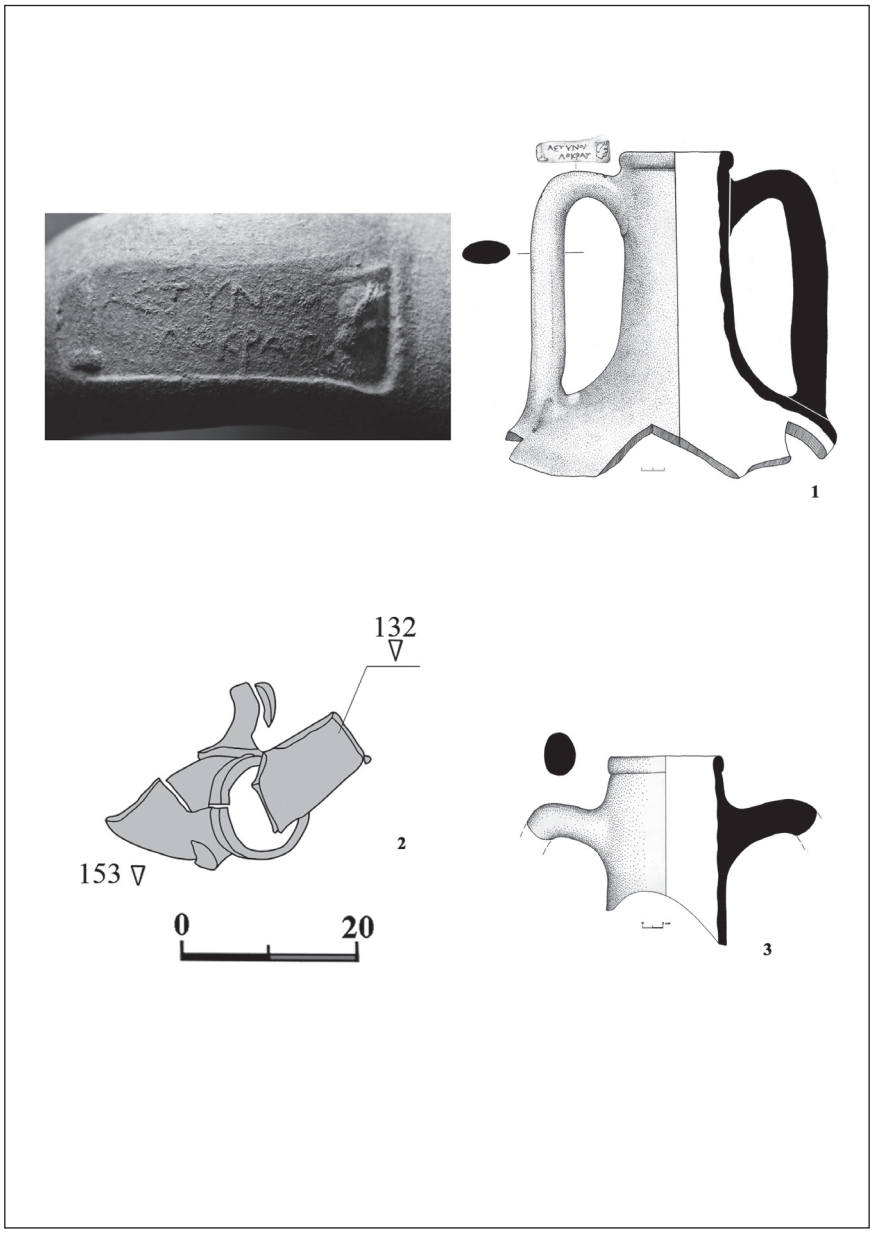

Рис. 3. 1. Верхняя часть синопской амфоры с клеймом Филократа из раскопок кургана у х. Розы Люксембург в Анапском районе [по: 12, рис. 1. 5 – 6]. 2. Объект № 2 (эсхара) из раскопок кургана № 44/45 некрополя Кеп [по: 11, рис. 6]. 3. Объект № 2, горло амфоры Хиоса из раскопок кургана № 44/45 некрополя Кеп [по: 11, рис. 7].

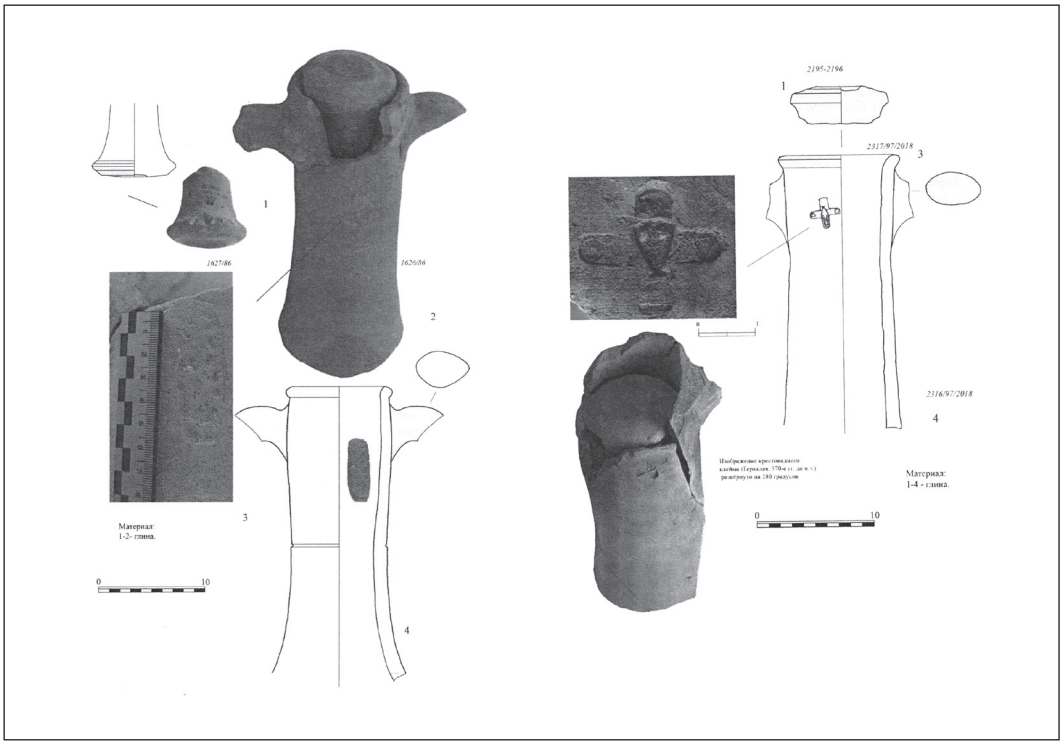

Рис.4. Амфорные горла из городища Артезиан, использовавшиеся в качестве жертвенников [по: 4, рис.7, рис. 9].

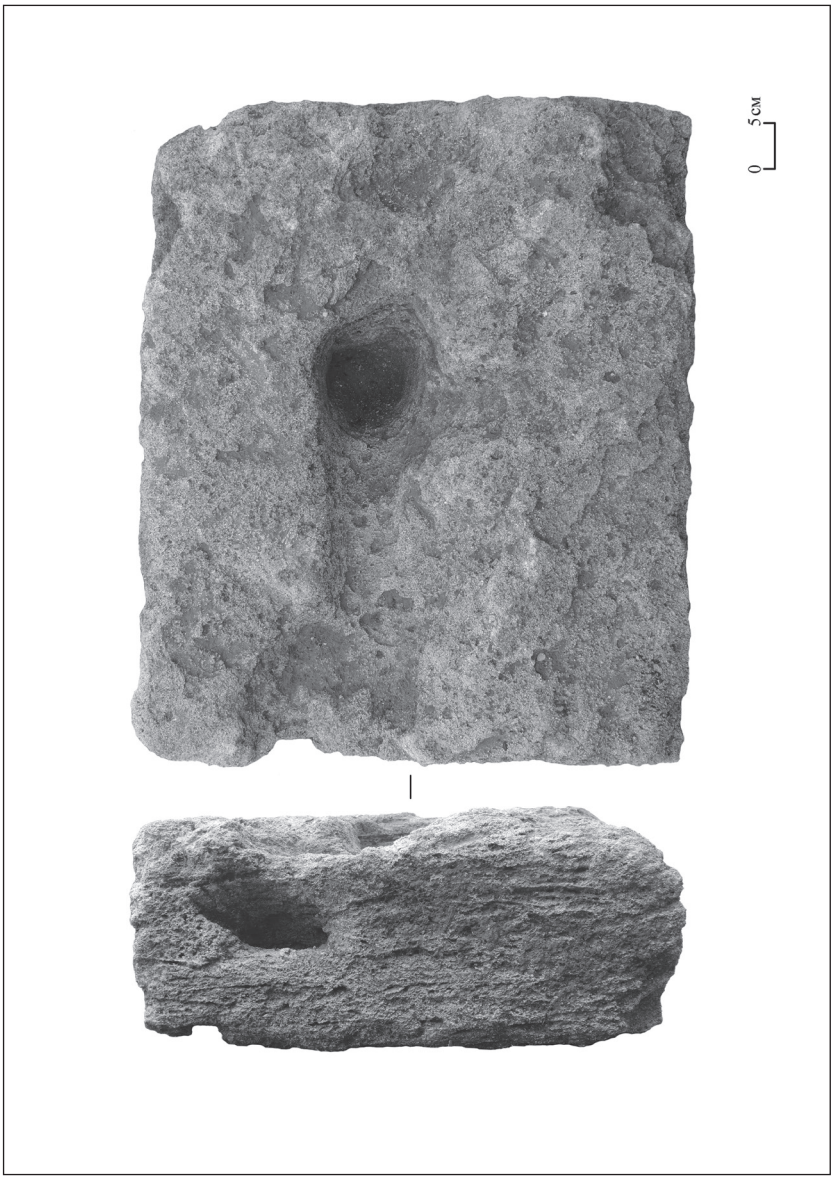

Рис.5. Каменный алтарь, обнаруженный в 2016 г. в ходе исследований на участке к востоку от западной крепостной стены в слое засыпи раскопа В.Ф. Гайдукевича.

В.В. СИМОНОВ, И.В. СКЛЯРЕНКО
V.V. SIMONOV, I.V. SKLYARENKO

ИССЛЕДОВАНИЯ КЛАДБИЩА 383 СТРЕЛКОВОЙ ДИВИЗИИ В РАЙОНЕ ВЫСОТЫ 82,5 (итоги сезонов 2020 – 2021 гг.)
STUDIES OF THE CEMETERY OF THE 383 INFANTRY DIVISION IN THE AREA OF HEIGHT 82.5 (results of the 2020 – 2021 seasons)

В 2016 г. в ходе отработки архивных материалов и немецкой аэрофотосъемки было установлено место расположения дивизионного кладбища 383 стрелковой дивизии к югу от с. Глазовка Ленинского района Республики Крым. Согласно выявленным на тот момент архивным документам[1] – *«Схеме расположения могил на кладбище № 8 в р-оне выс. 82,5 696 сп» (рис. 1, далее – «Схема…») и «Списку погребенного рядового, сержантского состава и офицерского на кладбище № 8 в р-не 82,5»* (рис.2, далее – «Список…») – там в 16 одиночных и братских могилах было захоронено 66 человек. Учитывая ряд обстоятельств, можно было допустить, что кладбище относится к категории «забытых» и фактически не было затронуто многочисленными акциями по благоустройству и укрупнению воинских захоронений.

Путем геопозиционирования имеющихся картографических и фотоматериалов удалось установить точные координаты объекта. Оставалось найти его на местности, чтобы убедиться в справедливости версии о том, что кладбище не переносилось. В августе 2020 г. эта задача была поставлена перед личным составом 90 отдельного специального поискового батальона Министерства обороны РФ, который принимал участие в проходящей в тот момент экспедиции «Аджимушкай» (начальник экспедиции В.В. Симонов). В течение двух дней бойцы подразделения проводили шурфовки под контролем и при непосредственном участии инструкторов Восточно-Крымского центра военно-исторических исследований в границах намеченного заранее участка[2]. В ходе этих работ удалось выявить 2 братские могилы, в которых были обнаружены останки советских воинов без признаков предыдущего вмешательства. Таким образом, факт наличия воинского захоронения и то, что перезахоронение останков с него ранее не производилось, можно было считать установленным.

---

[1]См.: Донесение о безвозвратных потерях 383 сд [Электронный ресурс] // Обобщенный банк данных «Мемориал». URL: https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=4846274&p=28, 29. Позже к этим документам добавился *«Именной список потерь офицерского состава 696 сп 383 к.с.д. за период 10.11 – 16.11.43 г.» (далее – «Именной список…»),* переданный нам сотрудниками военно-следственного управления Следственного комитета РФ по Черноморскому флоту.

[2] Работами руководили специалист Восточно-Крымского центра И.В. Скляренко и инструктор С.Р. Мамуль.

Об обнаружении «забытого» воинского захоронения была поставлена в известность администрация Ленинского района[3]. Учитывая ряд обстоятельств (а именно: удаленность кладбища от населенных пунктов, отсутствие дорог с покрытием, по которым к нему можно было бы добраться, и его расположение на землях сельхозназначения), представлялось целесообразным выполнить работы по эксгумации останков и их дальнейшее перезахоронение на одном из существующих воинских мемориальных кладбищ. Переписка заинтересованных сторон по этому вопросу продолжалась в течение года. В конце июля 2021 г. (при самом активном участии сотрудников военно-следственного управления Следственного комитета РФ по Черноморскому флоту) было принято окончательное решение о переносе кладбища. Тогда же администрация Ленинского района обратилась в Восточно-Крымский центр с просьбой, выполнить работы по исследованию захоронения и эксгумации останков[4]. Таким образом, правовым основанием для проведения исследований стало письмо-обращение администрации Ленинского района, а также план поисковых работ на 2021 г., согласованный Министерством обороны РФ, предусматривающий проведение специалистами Восточно-Крымского центра поисковых, разведочных и охранных работ на территории района, в том числе Глазовского сельского поселения[5].

Сначала планировалось выполнить раскопки силами военнослужащих. Но, как оказалось, эти работы не были включены в план поискового батальона на 2021 г., так как руководство Управления по увековечению памяти павших защитников Отечества Министерства обороны РФ не согласилось с доводами о необходимости переноса кладбища. В этой связи исследование кладбища 383 стрелковой дивизии было решено выполнить силами участников экспедиции «Аджимушкай» под руководством специалистов Восточно-Крымского центра. Работы были включены в программу экспедиции и проводились в период 21–31 июля 2021 г.

Объект, обозначенный в документах как *«кладбище № 8»*, находится примерно в 1, 2 км к югу от с. Глазовка и в 0,5 км к северу от административной границы г. Керчи (рис. 3, 4). Координаты: 45°22’17.08» N 36°34’09.99» E, определены с помощью прибора GPS GARMIN eTrex 10 (Всемирная система координат WGS-84). Местность представляет собой обширное поле, вытянутое в направлении запад – восток, использовавшееся в сельскохозяйственных целях на протяжении нескольких десятилетий и особенно активно – в последние годы. В результате регулярных вспа-

[3]Письмо ВКЦВИИ: исх. № 09/п от 01.09.2020 г. Аналогичное письмо было направлено в адрес руководства военно-следственного управления Следственного комитета РФ по Черноморскому флоту, сотрудники которого принимали участие в работах (исх. № 11/п от 15.09.2020 г.).

[4]Письмо Администрации Ленинского района от 30.07.2021 г. исх. № 01-22/5180. Устное согласие на проведение работ было дано раньше. Аналогичное письмо в ВКЦВИИ было направлено и Ленинским районным советом – от 15.07.2021 г., исх. № 416/02-27.

[5]См.: План проведения поисковых работ ООД «Поисковое движение России» на 2021 год, с. 253–254. [Электронный ресурс] // Общероссийское общественное движение «Поисковое движение России». URL: http://rf-poisk.ru/news/10505/.

шек все неровности рельефа полностью нивелированы и утратили следы присутствия объектов периода Великой Отечественной войны. Поверхность поля ровная, с заметным уклоном к северо-востоку. Исследуемый участок находится недалеко от северной границы поля, примерно в 30 м от грунтовой дороги, проходящей вдоль него. Перепад высот на исследуемом участке: по линии север-юг – 0,44 м, по линии запад-восток – 0,17 м. Сразу за дорогой находится довольно редкая лесополоса, а за ней – задернованный, поросший в верхней части редким кустарником и отдельно стоящими деревьями южный склон верховьев балки Баксу. Примерно в 50 м к западу от исследуемого участка на поле сохранился небольшой курган, поверхность которого задернована.

Поскольку кладбище находится на пахотном поле, визуально определить ни его границы, ни границы конкретных захоронений было невозможно. Предварительные работы, выполненные в 2020 г., заключались в проведении сплошной шурфовки намеченного участка с целью поиска захоронений по характеру грунта или наличию костных останков. При этом приборный поиск с помощью металлодетектора Garrett GTI 2500 с глубинным датчиком Treasure Hound Eagle Eye играл второстепенную роль, так как присутствие в плановых захоронениях крупных металлических предметов не обязательно, а глубина залегания останков была неизвестна – захоронение могло быть произведено и на такой глубине, что прибор не зафиксировал бы наличие металла. Контрольные шурфы закладывались в шахматном порядке, на расстоянии друг от друга не более 1,5 м и прокапывались до материка. Это дало возможность выявить 2 братские могилы и убедиться, что останки в них не потревожены. При этом могилы полностью не вскрывались и границы их не определялись. После окончания работ все шурфы были засыпаны, а для облегчения в дальнейшем возвращения к уже выявленным объектам в них закладывались массивные металлические «маяки».

В ходе исследований, проведенных в июле 2021 г., были поставлены более масштабные задачи:

- найти несколько братских могил;
- по возможности установить границы кладбища;
- произвести раскопки найденных могил и эксгумацию останков из них;
- путем сопоставления данных из списка захороненных с количеством останков в отдельных могилах попытаться «привязать» найденные объекты к схеме кладбища № 8.

Задача полностью выполнить работы по исследованию кладбища не ставилась, учитывая ограниченные сроки экспедиции.

В первую очередь с помощью металлодетектора были найдены «маяки», оставленные в предыдущем сезоне, и, отталкиваясь от них, заложены поисковые траншеи шириной 0,6 м: № 1-3, ориентированные север-юг, № 4-5 – запад-восток. Глубина выборки траншей включала всю толщу почвенного горизонта с контрольной прокопкой верхней части археологически стерильного слоя, подстилающего почвенный горизонт (материка), в случаях, если ранее не были выявлены человеческие останки.

В западном борту и западной части северного и южного бортов траншеи № 4 ниже темно-коричневого гуммированного (пахотного) слоя был зафиксирован неоднородный мешаный слой – переотложенный грунт, сформировавшийся в результате сооружения могильной ямы. Ее границы были хорошо видны на дне траншеи. Во всех остальных траншеях обнаружены костные останки: ближе к середине траншеи № 1, уходящие в ее западный борт, – на глубине 0,39 м от уровня дневной поверхности; в южной части траншеи № 2, уходящие в ее восточный борт, – на глубине 0,61-0,75 м от уровня дневной поверхности; в северной части траншеи № 3 – на глубине 0,69 м от уровня дневной поверхности; в восточной части северного борта траншеи № 5 – на глубине 0,76 м от уровня дневной поверхности. Как показали дальнейшие работы, поисковыми траншеями были обнаружены 4 братские могилы (траншеи №3 и 4 «зацепили» одну могилу).

Еще четыре поисковые траншеи (№ 6–9), ориентированные север-юг, и три (№10–12) – запад-восток, были прокопаны к западу и северу от траншей № 1–5, но ни в одной из них не было замечено ни изменения характера грунта, ни границ могильных пятен, ни костных останков. Это давало основания предположить, что установлена западная граница кладбища[6], если только остальные могилы (например, одиночные) не были выкопаны в свое время на значительном удалении от братских могил.

Раскопки начали с места обнаружения костных останков в поисковой траншее № 1, попытавшись контрольными траншеями определить границы захоронения – могила А2021-Г-М1[7]. Это удалось не сразу, поскольку, как выяснилось в ходе раскопок, могила была выкопана в мощном пахотном слое не глубоко, не затронув материковый грунт. В результате границы ямы были практически не видны, а ее заполнение осталось почти однородным. С учетом этих обстоятельств, при прокапывании контрольных траншей определяющим фактором был не характер грунта, а непрерывность залегания костных останков, что, в конечном счете, позволило определить габариты дна могильной ямы. Затем на этом месте был заложен раскоп, борта которого (так же как и контрольные траншеи) ориентированы по сторонам света. Судя по схеме кладбища № 8, именно так были ориентированы захоронения. Тем не менее, полностью раскопав могилу, установили, что она была ориентирована по линии северо-запад – юго-восток, а не север-юг, как представлялось первоначально.

Ситуация практически повторилась при раскопках могилы А2021-Г-М2 с той лишь разницей, что костные останки в ней были перекрыты небольшим слоем ха-

---

[6] С учетом ориентации могил, которая была установлена в ходе дальнейших работ, юго-западная граница.

[7] Традиционная шифровка, используемая специалистами ВКЦВИИ, включает: название экспедиции или организации, проводившей работы (в данном случае «А» – экспедиция «Аджимушкай»), год проведения работ, условное обозначение административно-территориальной единицы («Г» – территория Глазовского сельского поселения) и номер объекта (М1 – могила № 1).

рактерного мешаного грунта, поскольку могила была незначительно заглублена в материк. Это дало возможность скорректировать ориентацию раскопа (также первоначально ориентированного бортами по сторонам света), докопав могилу по обозначившимся границам.

С учетом ориентации могил А2021-Г-М1 и А2021-Г-М2 были заложены раскопы над могилами А2021-Г-М3 и А2021-Г-М4. Впрочем, эти могилы были выкопаны гораздо глубже первых двух, поэтому ниже пахотного слоя их границы достаточно хорошо прослеживались, а заполнение представляло собой четко фиксируемый мешаный грунт.

Явное несовпадение ориентации раскопанных погребальных сооружений со схемой кладбища № 8 (где могилы шли параллельно грунтовой дороге севернее кладбища) потребовало более детального анализа материалов аэрофотосъемки. В результате удалось выяснить, что грунтовая дорога, указанная на схеме и, как сначала показалось, точно совпадающая с аналогичной современной дорогой, на момент создания кладбища проходила дальше и была ориентирована несколько иначе. А кладбище было «привязано» к другой грунтовой дороге, – огибающей с востока курган (находящийся западнее кладбища) и идущей по направлению северо-запад – юго-восток. Видимо, при составлении схемы эти нюансы не были отражены достаточно четко, в связи с чем кладбище представлялось вытянутым с запада на восток с соответствующей ориентацией отдельных захоронений, что не соответствовало реальной ситуации.

Ниже мы приводим результаты исследований могил, обнаруженных в ходе проведенных работ. Все описания и характеристики относятся непосредственно к конкретным погребальным сооружениям без учета сопутствующих исследованиям раскопов, траншей, шурфов, обобщенная информация о которых представлена на схемах (рис. 5, 6). За условный «0» принят юго-западный угол могилы А2021-Г-М1.

Могила А2021-Г-М1 (рис. 7, 8)

Размеры 2,46х1,68 м, глубина 0,60-0,72 м (от уровня дневной поверхности); в плане – четырехугольной формы, края неровные, дно ровное. Стратиграфия всех профилей бортов могилы однородна. Прослежен только один плотный темно-коричневый гуммированный (пахотный) слой, на отметках –0,67 … –0,72 м доходящий до материка – плотного серо-желтого суглинка. В этом слое выкопана могила, он же представляет собой заполнение могильной ямы. Стратиграфия заполнения могильной ямы однородна.

Фрагменты человеческого скелета (надколенник) были зафиксированы на отметке –0,39 м. При полном вскрытии могилы на глубине –0,39…–0,70 м в ней обнаружены скелетированные останки 7 человек в анатомическом порядке. Трое погребенных (1-3) уложены на спины (голова скелета № 3 повёрнута влево), четверо (4-7) – на левый бок, с поворотом головы влево и слегка согнутыми ногами. Все – головами на юго-запад. Ноги скелета № 1 заметно приподняты над уровнем залегания всех останков, согнуты и расставлены в стороны. Черепа скелетов № 1,

2 и 7 разрушены[8]. Очерёдность помещения тел в могилу при захоронении соответствует их нумерации на фотографии, сделанной при эксгумации, и не вызывает сомнений, поскольку останки лежат «внахлёст» и каждый последующий скелет лежит на левой руке предыдущего. На всех скелетах, кроме скелета № 6, имеются остатки обуви (ботинок). Среди останков найдены ручные гранаты РГ-42 (4 шт.) и запалы УЗРГ (4 шт.).

Могила А2021-Г-М2 (рис. 9, 10)

Размеры 2,63х2,10 м, глубина 0,66-0,92 м (от уровня дневной поверхности), в плане в форме неправильного четырехугольника, края неровные, дно слабовогнутое, с уклоном к юго-востоку (с перепадом высот по продольной оси могилы до 0,15м). Стратиграфия всех профилей бортов могилы однородна, прослежены следующие слои: плотный темно-коричневый гуммированный (пахотный) слой (отметки от +0,01…–0,11 м до –0,69…–0,72 м), материковый грунт, представленный плотным серо-желтым суглинком (до отметок –0,77…–0,96 м). Заполнение могилы представляет собой в верхней части плотный темно-коричневый гуммированный грунт, ниже которого – неоднородный плотный глинистый темно-коричневого цвета с примесью светлого материкового – переотложенный грунт, сформировавшийся в результате сооружения могильной ямы.

Фрагменты человеческих скелетов были зафиксированы вдоль юго-западного борта могилы на отметках –0,53…–0,57 м. При полном вскрытии могилы на глубине –0,61…–0,96 м в ней были обнаружены скелетированные останки 10 человек в анатомическом порядке. Погребенные 1-9 были уложены на спины, головы у всех повернуты в стороны, ноги вытянуты (у некоторых скрещены или слегка согнуты в коленях), руки в различных положениях: вытянуты вдоль тела, согнуты в локтях, сложены на груди, подняты к голове. Погребенный 10 уложен на левый бок, голова повернута влево, ноги слегка согнуты в коленях. С учетом положения скелетов, лежащих «внахлест», можно установить следующую очередность помещения тел в могилу: сначала в северо-западную часть ямы были уложены четыре погибших (2, 5, 6, 8) головами в разные стороны – двое (2 и 7) на северо-восток, двое (5, 6) – на юго-запад; затем на них сверху положены еще четверо (1, 3, 4, 8), из них трое (1, 3, 8) – головами на юго-запад, один (4) – на северо-восток. Последними в юго-восточную часть могильной ямы были положены еще два тела (9, 10), оба – головами на северо-восток. Черепа всех скелетов разрушены. На костях сохранились фрагменты обмундирования и снаряжения. Все погребенные, кроме одного (3), разуты. Среди останков найдены ручные гранаты РГ-42 (3 шт.) и запал УЗРГ.

---

[8] Подробное описание повреждений, выявленных на останках в ходе эксгумации, и найденного вещевого материала см. в Приложении № 1. Авторы выражают глубокую признательность специалисту Восточно-Крымского центра П.В. Ручко за консультации и помощь при определении повреждений и оценке состояния костных останков.

Могила А2021-Г-М3 (рис. 11, 12)

Размеры 4,30х1,90 м, глубина 0,99-1,35 м (от уровня дневной поверхности); в плане в форме вытянутого четырехугольника, края неровные; дно ровное, с уклоном к юго-востоку (перепад высот по продольной оси могилы до 0,10 м). Стратиграфия всех профилей бортов могилы однородна, прослежены следующие слои: плотный темно-коричневый гуммированный (пахотный) слой (от отметок –0,14…–0,42 м до –0,73…–1,14 м), материковый грунт, представленный плотным серо-желтым суглинком (до отметок –1,39…–1,49 м). Заполнение могилы представляет собой в верхней части плотный темно-коричневый гуммированный грунт, ниже которого – неоднородный плотный глинистый темно-коричневого цвета с примесью светлого материкового – переотложенный грунт, сформировавшийся в результате сооружения могильной ямы.

Фрагменты человеческих скелетов были зафиксированы в юго-западном углу могилы на отметке –0,92 м. При полном вскрытии могилы на глубине –0,92…–1,49м в ней были обнаружены скелетированные останки 23 человек в анатомическом порядке.

Погибшие были уложены на спины (кроме одного – 20-го, который лежал на животе), все – головами на северо-восток; ноги вытянуты (зачастую из-за недостаточной ширины могильной ямы, под углом к верхней части тела), руки в различных положениях – согнуты в локтях и прижаты к груди или животу, подняты к голове, раскинуты в стороны. Очередность помещения тел в могилу установить проблематично, учитывая, что тела были сложены в 3 ряда: верхний ряд – скелеты № 2, 6, 9, 11, 14, 17, 20; средний ряд – скелеты № 1, 5, 7, 16, 19, 21, нижний ряд – скелеты № 3, 4, 8, 10, 12, 13, 15, 18, 22, 23.

Черепа всех скелетов в большей или меньшей степени разрушены. На костях сохранились фрагменты обмундирования и снаряжения. Большая часть погребенных (18) разута. У двоих остался, видимо, в вещмешках, положенных в могилу вместе с погибшими, боекомплект. Среди останков найдены ручные гранаты РГД-33 без оборонительных чехлов (2 шт.) и РГ-42 (6 шт.), а также фрагмент нагрудного знака ГТО, принадлежность которого к конкретным останкам установить не удалось.

Могила А2021-Г-М4 (13, 14)

Размеры 3,45х1,90 м, глубина 0,81-0,91 м (от уровня дневной поверхности); в плане вытянутой, неправильной формы, края неровные, дно вогнутое, с уклоном к северо-западу (перепад высот по продольной оси могилы до 0,10 м). Стратиграфия всех профилей бортов могилы однородна, прослежены следующие слои: плотный темно-коричневый гуммированный (пахотный) слой (от отметок –0,11…–0,31 м до –0,79…0,96 м), материковый грунт, представленный плотным серо-желтым суглинком (до отметок –1,02…–1,22 м). Заполнение могилы представляет собой в верхней части плотный темно-коричневый гуммированный грунт, ниже которого – неоднородный плотный глинистый темно-коричневого цвета с примесью светлого материкового – переотложенный грунт, сформировавшийся в результате сооружения могильной ямы.

Фрагменты человеческих скелетов были зафиксированы в юго-западном углу могилы на отметке –0,80 м. При полном вскрытии могилы в ней на глубине –0,71… –1,22 м были обнаружены скелетированные останки 17 человек в анатомическом порядке.

Погребенные были уложены в могилу небрежно: на спины (8 тел), на животы (6 тел), на бок (3 тела); ноги вытянуты или согнуты в коленях; руки вытянуты вдоль тела, согнуты в локтях, подняты к голове, раскинуты. Все – головами на северо-восток. Очередность помещения тел в могилу установить проблематично, учитывая, что тела были сложены в 2-3 ряда: верхний ряд – скелеты № 4, 6, 8, 11, 13; средний ряд – скелеты № 1, 2, 3, 5, 7, 10, 12, 17; нижний ряд (в юго-западной части могилы) – скелеты № 9, 15, 16.

Черепа у большинства скелетов (13) разрушены. На костях сохранились фрагменты обмундирования, снаряжения, личные вещи. Все погребенные разуты. Среди останков были найдены ручные гранаты РГД-33 без оборонительного чехла (1 шт.), РГ-42 (5 шт.), Ф-1 (1 шт.) и запалы УЗРГ (3 шт.).

После завершения эксгумационных работ на дне каждой могильной ямы, в материковом грунте были прокопаны контрольные шурфы размерами 0,60х0,60 м, глубиной 0,40 м, чтобы исключить вероятность наличия под погребенной почвой оставшихся незамеченными культурных слоев. В эти шурфы были сложены не имеющие музейной и научной ценности фрагменты обмундирования, снаряжения, обуви, найденные на останках, и присыпаны отработанным грунтом. Могильные сооружения также были засыпаны отработанным грунтом, после чего поверхность нивелирована с помощью тяжелой техники.

Обобщенная информация о повреждениях, выявленных в ходе эксгумации на костных останках, и о найденном вещевом материале приводится в Таблицах № 1 и 2.

Таблица № 1

Обобщенная информация о повреждениях, выявленных на останках в ходе эксгумационных работ

Характер повреждений [9]	*Количество случаев* [10]
Разрушения и переломы костей черепа	49
Множественные переломы и разрушения ребер	31
Разрушения и повреждения лопаток	2

[9] Как следует из описаний *(см. Приложение № 1)* и формулировок в данной таблице, нами фиксировались различные механические разрушения (природа которых в большинстве случаев не установлена), полные переломы (если на костных отломах не присутствуют следы свежих повреждений), а также отсутствие костей.

[10] Понятно, что на отдельных скелетах встречались множественные повреждения разных костей.

Разрушения и переломы костей таза	28
Разрушения и переломы костей верхних конечностей	31
Разрушения и переломы костей нижних конечностей	27

При этом очевидные следы пулевых и осколочных ранений были отмечены нами только в 5 случаях, на 4 скелетах не было выявлено каких-либо повреждений.

Что касается вещевого материала, то он был представлен, главным образом, элементами и фрагментами обмундирования и снаряжения, в отдельных случаях – боеприпасами к стрелковому оружию, а также единичными личными вещами.

Таблица № 2

Обобщенная информация о вещевом материале, найденном на останках[11]

Наименование	*Количество*
Пуговицы разных типов	55
Поясные, брючные и др. ремни и их фрагменты	30
Пряжки разных типов	18
Ботинки	10
Погонные вставки	7
Значок («звездочка») к головному убору	1
Колодка от медали прямоугольная со штифтом и гайкой (на гайке надпись «Монетный двор»)	1
Знак нагрудный «Гвардия»	1
Знака нагрудного ГТО фрагмент	1
Фляги армейские стеклянные	2
Лопата пехотная малая	1
Монеты (разного достоинства)	5
Фрагменты карманных зеркал	4
Обертки индивидуальных пакетов (вскрытые)	3
Ножи складные	3
Мундштуки курительные (в том числе от трубки)	3
Ложки (в том числе вилка-ложка)	2
Трубки курительные	2
Кресало	1

[11]Без учета отдельных мелких фрагментов обмундирования, снаряжения, личных вещей.

Спички (коробок)	1
Портсигар металлический (?)	1
Брусок точильный	1
Пузырек медицинский (?)	1
Карандаш	1

Таблица № 3

Перечень боеприпасов, найденных в ходе работ[12]

Наименование	*Количество*
Гранаты ручные РГ-42	18
Гранаты ручные РГД-33	3
Граната ручная Ф-1	1
Запалы УЗРГ	8
Патроны винтовочные 7,62х54R (СССР)	132
Патрон винтовочный 7,92х57 Mauser (Германия)	1
Патроны пистолетные 7,62х25 (СССР)	349

После окончания работ все эксгумированные останки были упакованы в белые полипропиленовые пакеты с эмблемой «Вахта Памяти», нанесенной типографским способом и соответствующим шифром, упоминавшимся выше. Специальное судебно-медицинское исследование останков с целью определения половозрастных характеристик и причин выявленных повреждений не проводилось.

Никаких предметов или документов, способных помочь идентифицировать погибших, в могилах не обнаружено.

Единственным исключением, как представлялось на первый взгляд, могла быть прямоугольная колодка от медали с надписью на гайке «Монетный двор», найденная в могиле А2021-Г-М4 на скелете № 7. Поскольку количество эксгумированных из этой могилы было наиболее близко к количеству, указанному в «Списке…» захороненными в могиле № 4 (17 и 18 соответственно), все обозначенные в документе персоналии были проверены по материалам ЭБД «Подвиг народа» (http://podvignaroda.ru...). Как удалось установить, только один человек, значившийся захороненным в могиле № 4, был награжден медалью «За отвагу»[13] – рядовой Назаренко Трофим

[12]Без учета гильз и фрагментов боеприпасов к стрелковому оружию. Все патроны были утилизированы на месте.

[13]Еще два человека, из числа похороненных в этой могиле, были награждены орденом Отечественной войны (посмертно) – см. Приложение № 2.

Демьянович, 1895 г.р., погибший 11 ноября 1943 г. Но наградные документы на него датируются концом октября 1943 г., а прямоугольные колодки использовались для медалей раннего образца – до июня 1943 г. Таким образом, вопрос о том, мог ли быть боец награжден медалью раннего образца спустя 4 месяца после выхода Указа ПВС СССР от 19 июня 1943 г., утвердившего новый вариант крепления медали (на пятиугольной колодке с булавкой вместо прямоугольной со штифтом и гайкой), остается дискуссионным, что исключает возможность достоверной идентификации погребенного по этому предмету.

Существовала и еще одна возможность идентифицировать погибших: путем установления совпадений количества эксгумированных останков из каждой могилы с количеством захороненных (указанных в «Списке…») в случае, если бы такие совпадения были найдены. Это позволило бы «привязать» исследованные могилы к схеме кладбища № 8 и соответственно к «Списку...».

Напомним, что в ходе исследований нами из четырех могил были эксгумированы останки 57 человек, в том числе:

- из могилы А2021-Г-М1 – 7 человек;
- из могилы А2021-Г-М2 – 10 человек;
- из могилы А2021-Г-М3 – 23 человека;
- из могилы А2021-Г-М4 – 17 человек.

При этом, судя по характеру заполнения могильных ям, какое-либо предыдущее вмешательство (попытки переноса, грабительские раскопки и т.п.) исключено. То есть количество эксгумированных останков из каждой могилы соответствует количеству захороненных в них в ноябре 1943 г.

На «Схеме…» обозначены 16 могил, а «Список…» содержит сведения о том, кто конкретно в какой могиле захоронен. Обобщенные данные по количеству захороненных в каждой могиле приводятся ниже:

Таблица № 4

Обобщенные данные по количеству погребенных в каждой могиле[14]

Могила	*Количество*	*Примечания*
могила № 1	сведений нет[15]	
могила № 2	сведений нет	
могила № 3	10 человек	
могила № 4	18 человек	

[14] На основании данных «Списка…»

[15] Убедительного объяснения отсутствия в «Списке…» данных на захороненных в могилах № 1 и 2 у нас нет. Можно лишь выдвигать более или менее достоверные версии. Как представляется, точный ответ на этот вопрос может дать дальнейший архивный поиск.

могила № 5	23 человека	в «Списке…» указаны 24 фамилии, но 1 зачеркнута
могила № 6	3 человека	в «Списке…» указаны 4 фамилии, но 1 зачеркнута
могила № 7	1 человек	
могила № 8	1 человек	
могила № 9	1 человек	
могила № 10	1 человек	
могила № 11	1 человек	
могила № 12	1 человек	
могила № 13	1 человек	
могила № 14	1 человек	
могила № 15	1 человек	
могила № 16	3 человека	

Всего 66 человек, указанных в *«Списке…»*, в том числе 57 рядовых и сержантов и 9 офицеров. В то же время в могиле № 7 и могиле № 10 значится погребенным один и тот же офицер *(мл. лейтенант Жернаков)*. Могла быть допущена техническая ошибка и его фамилию вписали второй раз вместо какого-то другого офицера. Но, учитывая, что в *«Именном списке…»* указаны погибшими и похороненными на кладбище в районе высоты 82,5 восемь человек и все они проходят по *«Списку…»*, возможно, именно в *«Списке…»* указана «лишняя» могила и на кладбище № 8 были похоронены не 66, а 65 человек из состава этого полка. О том, что *«Список…»* содержит ошибки, свидетельствуют и другие факты. Так, сравнение его с данными о безвозвратных потерях указанной части показывает, что, как минимум, в 13 случаях допущены ошибки при написании фамилий. О том, что в отдельных случаях были вычеркнуты фамилии бойцов, видимо, вписанных ошибочно, мы уже упоминали. 1 человек *(Погосян)*, обозначенный захороненным в могиле № 5, не значится в списках безвозвратных потерь полка за указанный период. Таким образом, архивные документы не дают полной ясности о количестве погребенных на кладбище № 8.

Если сравнивать количество эксгумированных останков со *«Списком…»*, то мы видим полное совпадение в двух случаях из четырех: из могилы А2021-Г-М2 эксгумированы останки 10 человек – 10 человек значатся похороненными в могиле № 3; из могилы А2021-Г-М3 эксгумированы останки 23 человек – 23 человека значатся похороненными в могиле № 5. Еще в одном случае (о чем мы уже говорили) мы видим очень близкие данные: из могилы А2021-Г-М4 эксгумированы останки 17 человек – 18 человек значатся похороненными в могиле № 4. Количества 7 человек (эксгумированных из могилы А2021-Г-М1) нет ни в одной из могил, указанных в *«Списке…»*

Тем не менее однозначно утверждать, что могилы А2021-Г-М2, А2021-Г-М3 и А2021-Г-М4 – это указанные на *«Схеме…»* могилы № 3, 5 и 4 (соответственно), пока преждевременно, поскольку взаимное расположение указанных могил на *«Схеме…»* принципиально отличается от расположения соответствующих им исследованных нами могил (см. рис. 15). Можно допустить, что и в данном случае составителями *«Схемы…»* сделана ошибка, но окончательные выводы по этому вопросу на данном этапе исследований преждевременны.

Таким образом, по результатам выполненных в 2020 – 2021 гг. комплексных работ можно сделать следующие выводы:

- в ходе архивного поиска и анализа картографических материалов и материалов аэрофотосъемки было установлено место расположения кладбища № 8 к югу от с. Глазовка, восточнее высоты 82,5, на котором в ноябре 1943 г. производились захоронения погибших бойцов и командиров из состава 696 стрелкового полка 383 стрелковой дивизии;

- проведенными в 2020 г. шурфовками было установлено, что останки с кладбища не переносились, что стало основанием для принятия решения о проведении полевых исследований и эксгумационных работах с целью последующего перезахоронения на одном из существующих воинских мемориальных кладбищ;

- в 2021 г. был проведен первый этап масштабных полевых работ, в ходе которых обнаружены 4 братские могилы, из которых эксгумированы останки 57 человек;

- несовпадение реальной ситуации с имеющейся в нашем распоряжении *«Схемой...»* и *«Списком…»* не дает на данном этапе достаточных оснований для идентификации эксгумированных останков, в том числе не только индивидуальной, но и по спискам захороненных;

- окончательные выводы по результатам исследований возможны только после завершения работ по выявлению и исследованию всех могил, указанных на *«Схеме…»;*

- представляется целесообразным продолжить исследование кладбища 696 стрелкового полка 383 стрелковой дивизии в ходе полевого сезона 2022 г.

Приложение № 2

Обобщенные данные на военнослужащих,
значившихся похороненными на кладбище № 8 в районе высоты 82,5

Перечень фамилий военнослужащих из «Списка погребенных … на кладбище № 8 в районе высоты 82,5»	*Данные на военнослужащих, похороненных в районе высоты 82,5, выявленные в донесениях о потерях 383 стрелковой дивизии*	*Сведения о награждениях*
Могила № 3 (10 человек)		
Малый	**Малый Владимир Захарович,** рядовой, 1896 г.р., погиб 10.11.1943 г.	
Пузаренко	**Пузаренко Федор Лукич**, рядовой, 1902 г.р., погиб 10.11.1943 г.	

Кирин	**Кирин Николай Иванович**, рядовой, 1907 г.р., погиб 10.11.1943 г.	
Яхно	**Яхно Василий Петрович**, рядовой, 1893 г.р., погиб 11.11.1943 г.	
Гребенюк	**Гребенюк Бирко Барухович**, сержант, 1914 г.р., погиб 11.11.1943 г.	
Медведев	**Медведев Григорий Павлович**, рядовой, 1925 г.р., погиб 11.11.1943 г.	орден Красной Звезды 01.10.1943, медаль «За отвагу» 15.10.1943
Кальницкий	**Кальницкий Зелик Шульм**(анович), рядовой, 1910 г.р., погиб 11.11.1943 г.	
Тучков	**Тучков Петр Филиппович**, рядовой, 1895 г.р., погиб 11.11.1943 г.	
Назаренко	**Назаренко Григорий Леонтьевич**, рядовой, 1898 г.р., погиб 11.11.1943 г.	
Кумбатов	**Кумбатов Кумбат Иамзаевич**, рядовой, 1924 г.р., погиб 11.11.1943 г.	
Могила № 4 (18 человек)		
Назаренко	**Назаренко Трофим Демьянович**, рядовой, 1895 г.р., погиб 11.11.1943 г.	медаль «За отвагу» 28.10.1943
Дубинский	**Дубинский Михаил Григорьевич,** рядовой, 1898 г.р., погиб 13.11.1943 г.	
Бабич	**Бабич Андрей Игнатьевич**, сержант, 1907 г.р., погиб 13.11.1943 г.	
Тиморов[16]	**Тимирев Андрей Игнатович,** рядовой, 1895 г.р., погиб 13.11.1943 г.	
Шайхутдинов	**Шайхутдинов Фомк,** рядовой, 1916 г.р., погиб 13.11.1943 г.	
Курбанов	**Курбанов Кадар Камидович**, рядовой, 1912 г.р., погиб 13.11.1943 г.	
Вербитский	**Вербицкий Илья Парфирович**, рядовой, 1907 г.р., погиб 13.11.1943 г.	
Власов	**Власов Дмитрий Митрофанович**, рядовой, 1897 г.р., погиб 13.11.1943 г.	
Габараев	**Габараев Мухта Арсенович**, рядовой, 1923 г.р., погиб 13.11.1943 г.	
Манаев	**Манаев Иван Павлович**, ст. сержант, 1925 г.р., погиб 13.11.1943 г.	
Белоусов	**Белоусов Савелий Петрович**, рядовой, погиб 13.11.1943 г.	
Перепатый (Перекатый)	**Переко(а)тов Сергей Авксентьевич**, рядовой, 1903 г.р., погиб 13.11.1943 г.	

[16]Здесь и далее курсивом выделены фамилии военнослужащих, при занесении которых в «Список погребенных…» были допущены ошибки.

Перелыгин	**Перелыгин Андрей Кузьмич**, ефрейтор, 1898 г.р., погиб 11.11.1943 г.	
Теплов	**Теплов Андрей Васильевич**, рядовой, 1894 г.р., погиб 10.11.1943 г.	орден Отечественной войны II ст. 04.12.1943 (посмертно)
Тогаев	**Тагнев (Тачиев) Мамед**, рядовой, 1921 г.р., погиб 11.11.1943 г.	
Бондаренко	**Бондаренко Федор Петрович**, рядовой, 1910 г.р., погиб 10.11.1943 г.	орден Отечественной войны I ст. 30.11.1943 (посмертно)
Задорожный	**Задорожный Николай Васильевич**, рядовой, 1898 г.р., погиб 11.11.1943 г.	
Жиров	**Жиров Виктор Матвеевич**, рядовой, 1925 г.р., погиб 11.11.1943 г.	
Могила № 5 (24, но 1 зачеркнут = 23 человека)		
Будтенков	**Бултенков Николай Яковлевич**, рядовой, 1899 г.р., погиб 11.11.1943 г.	
Погосян		
Маробян	**Маробян Вартан Мартиросович**, рядовой, 1912 г.р., погиб 13.11.1943 г.	медаль «За оборону Кавказа»
Дейко	**Дейко Тимофей Данилович**, рядовой, 1924 г.р., погиб 13.11.1943 г.	
Жабин	**Жабин Василий Ильич**, мл. сержант, 1903 г.р., погиб 13.11.1943 г.	орден Красной Звезды 06.10.1943, медаль «За отвагу» 15.10.1943, орден Отечественной войны II ст. 04.12.1943
Ткачев	**Ткачев Андрей Трофимович**, рядовой, 1908 г.р., погиб 10.11.1943 г.	
Дробот	**Дробот Афанасий Дмитриевич**, мл. сержант, 1924 г.р., погиб 13.11.1943 г.	
Закарьяев	**Закарьяев Кустаросан Закарьяевич**, рядовой, 1903 г.р., погиб 11.11.1943 г.	
Царев	**Царев Владимир Васильевич**, рядовой, 1918 г.р., погиб 11.11.1943 г.	медаль «За отвагу» 30.10.1943, орден Отечественной войны I ст. 30.11.1943 (посмертно)
Даниленко	**Даниленко Яким Иванович**, рядовой, 1912 г.р., погиб 11.11.1943 г.	
Чурпов	**Чуриков Никифор Федорович**, рядовой, 1899 г.р., погиб 11.11.1943 г.	
Пинархин	**Пинахин Григорий Васильевич**, ст. сержант, 1909 г.р., погиб 11.11.1943 г.	медаль «За отвагу» 07.06.1943, орден Красной Звезды 13.10.1943
Горячев (Горичев)	**Гарчев Михаил Егорович**, рядовой, 1917 г.р., погиб 13.11.1943 г.	
Анохин	**Онахин Яков Евтеевич**, рядовой, 1923 г.р., погиб 11.11.1943 г.	
Левашов	**Левашов Александр Сергеевич**, сержант, 1912 г.р., погиб 13.11.1943 г.	

Новгородов	**Новгородов Алексей Ефимович**, рядовой, 1904 г.р., погиб 13.11.1943 г.	
Григорьев	**Григорьев Михаил Ефремович**, рядовой, 1912 г.р., погиб 13.11.1943 г.	
Та…жан (зачеркнут)	Тагжан(Тагжак) Саган, рядовой, 1910 г.р., погиб 11.11.1943 г.	
Гончаренко	**Гончаренко Владимир Прохорович**, рядовой, 1925 г.р., погиб 13.11.1943 г.	
Алиев	**Алиев Вагут Юсупович**, рядовой, 1924 г.р., погиб 13.11.1943 г.	
Боришнико…	**Барышников Василий Алексеевич**, рядовой, 1902 г.р., погиб 13.11.1943 г.	
Казиков	**Казимов Казим Машевич**, рядовой, 1898 г.р., погиб 13.11.1943 г.	
Монгалимов	**Мангалимов Ахмер (Ахмед) Мангалимович**, ст. сержант, 1916 г.р., погиб 13.11.1943 г.	
Карапетян	**Карапетян Айрапет Давидович**, ст. сержант, 1912 г.р., погиб 10.11.1943 г.	медаль «За отвагу» 12.10.1943
Могила № 6 (3 человека)		
Николаенко	**Николаенко Василий Семенович**, сержант, 1919 г.р., погиб 10.11.1943 г.	
Макаров	**Макаров Николай Николаевич**, рядовой, 1921 г.р., погиб 10.11.1943 г.	
Манфетов	**Манфетов Сергей Степанович**, рядовой, 1894 г.р., погиб 11.11.1943 г.	
Исмаилов (зачеркнут)		
Могила № 7		
мл. л-нт **Жерликов** или **Жернаков**		
Могила № 8		
л-нт **Лазаренко**	**Лазаренко Иван Григорьевич**, лейтенант, 1924 г.р., погиб 10.11.1943 г.	
Могила № 9		
ст. л-нт **Алиев**	**Алиев Осман Сулейманович**, гв. ст. лейтенант, 1908 г.р., погиб 10.11.1943 г.	
Могила № 10		
мл. л-нт **Жернаков** (могила № 7?)	**Жернаков Степан Прохорович**, мл. лейтенант, 1910 г.р., погиб 12.11.1943 г.	
Могила № 11		
мл. л-нт **Перерва**	**Перерва Иван Иванович**, мл. лейтенант, 1921 г.р., погиб 12.11.1943 г.	
Могила № 12		
л-нт **Макшаев**	**Макшаев Тагир Хисунадинович**, лейтенант …, погиб 13.11.1943 г.	

Могила № 13		
л-нт **Микрюков**	**Микрюков Валерий Иванович**, лейтенант, 1922 г.р., погиб 13.11.1943 г.	орден Отечественной войны II ст. 18.11.1943 (не указано, что посмертно)
Могила № 14		
л-нт Жалудько	**Шолудько Алексей Григорьевич**, лейтенант, 1921 г.р., погиб 13.11.1943 г.	
Могила № 15		
л-нт **Карпов**	**Карпов Дмитрий Александрович**, лейтенант, 1917 г.р., погиб 13.11.1943 г.	орден Красной Звезды 24.11.1943 (не указано, что посмертно)
Могила № 16 (3 человека)		
Драчев	**Юрачев Илья Никанорович**, рядовой, 1896 г.р., погиб 11.11.1943 г.	
Борисиненко	**Борисиненко Иван Васильевич**, рядовой, 1924 г.р., погиб 14.11.1943 г.	
Вихров	**Вихров Федор Семенович**, рядовой, 1910 г.р., погиб 14.11.1943 г.	

Резюме

Статья посвящена раскопкам дивизионного кладбища 383 стрелковой дивизии в районе Керчи. В последние годы, особенно в связи с активной хозяйственной деятельностью и строительством, а также связанными с ними охранно-археологическими исследованиями, все чаще складывается ситуация, когда выявляются братские захоронения периода Великой Отечественной войны, многие из которых по документам значатся уже перенесенными, другие оказались забытыми и «утерянными». Перенос подобных объектов и связанные с ним эксгумационные работы требуют высокого профессионализма от исполнителей, чтобы не просто сохранить максимум информации о раскапываемом объекте, но и необходимую доказательную базу на случай возможной идентификации похороненных бойцов и командиров, особенно когда архивные сведения вступают в противоречие с реальной картиной. Первостепенное значение в таком случае имеет строгое следование археологическим методикам, которые позволяют не только грамотно выполнить раскопки, но и зафиксировать и сохранить все необходимые сведения для проведения дальнейших исследований.

Ключевые слова: Керчь, воинские захоронения, поисковые работы, археологические методики, дивизионное кладбище, 383 стрелковая дивизия.

Summary

The article is devoted to the excavation of the divisional cemetery of the 383 infantry Division in the Kerch region. In recent years, especially in connection with active economic activity and construction, as well as related security and archaeological research, a situation is increasingly emerging when mass graves of the period of the Great Patriotic War are revealed, many of which according to the documents are already transferred, others have been forgotten and «lost». The transfer of such objects, and the exhumation work associated with it, require high professionalism from the performers in order not only to preserve maximum information about the excavated

object, but also the necessary evidence base in case of possible identification of buried soldiers and commanders, especially when archival information contradicts the real picture. Of paramount importance in this case is strict adherence to archaeological methods, which allow not only to perform excavations competently, but also to record and preserve all the necessary information for further research.

Key words: Kerch, military burials, search work, archaeological methods, divisional cemetery, 383 infantry division.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ
Симонов Владимир Владимирович,
председатель правления,
Крымская региональная общественная организация
«Восточно-Крымский центр
военно-исторических исследований»,
Республика Крым, г. Керчь,
Вокзальное шоссе, д. 35, кв. 129.
qvest59@rambler.ru
+7 978 824 64 09

Скляренко Илья Валентинович,
специалист,
Крымская региональная общественная организация
«Восточно-Крымский центр
военно-исторических исследований»,
Республика Крым, г. Керчь,
Вокзальное шоссе, д. 35, кв. 129.
gottlieb_glasser@mail.ru
+7 978 721 87 29

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS
Simonov Vladimir Vladimirovich,
Chairman of the Management Board,
Crimean Regional Public Organization
“East Crimean Center for Military-Historical Researches”
Vokzal’noe shosse st., 35, Kerch, Republican Crimea.
qvest59@rambler.ru
+7 978 824 64 09

Sklyarenko Ilya Valentinovich,
specialist,
Crimean Regional Public Organization
“East Crimean Center for Military-Historical Researches”
Vokzal’noe shosse st., 35, Kerch, Republican Crimea.
gottlieb_glasser@mail.ru
+7 978 721 87 29

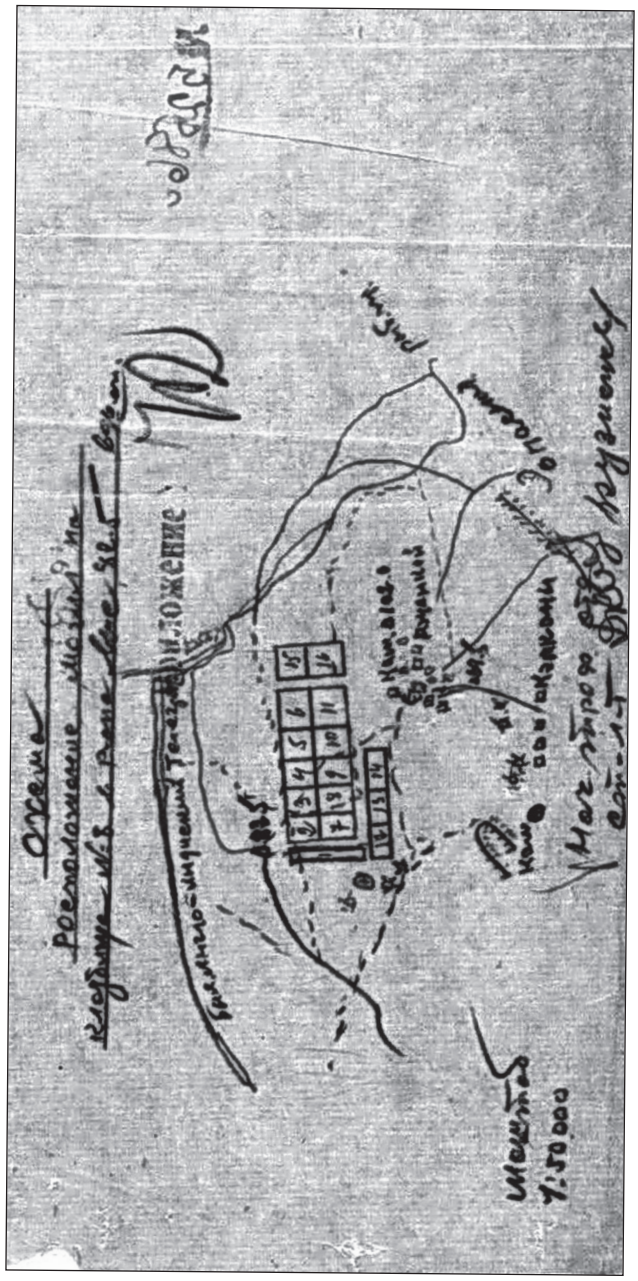
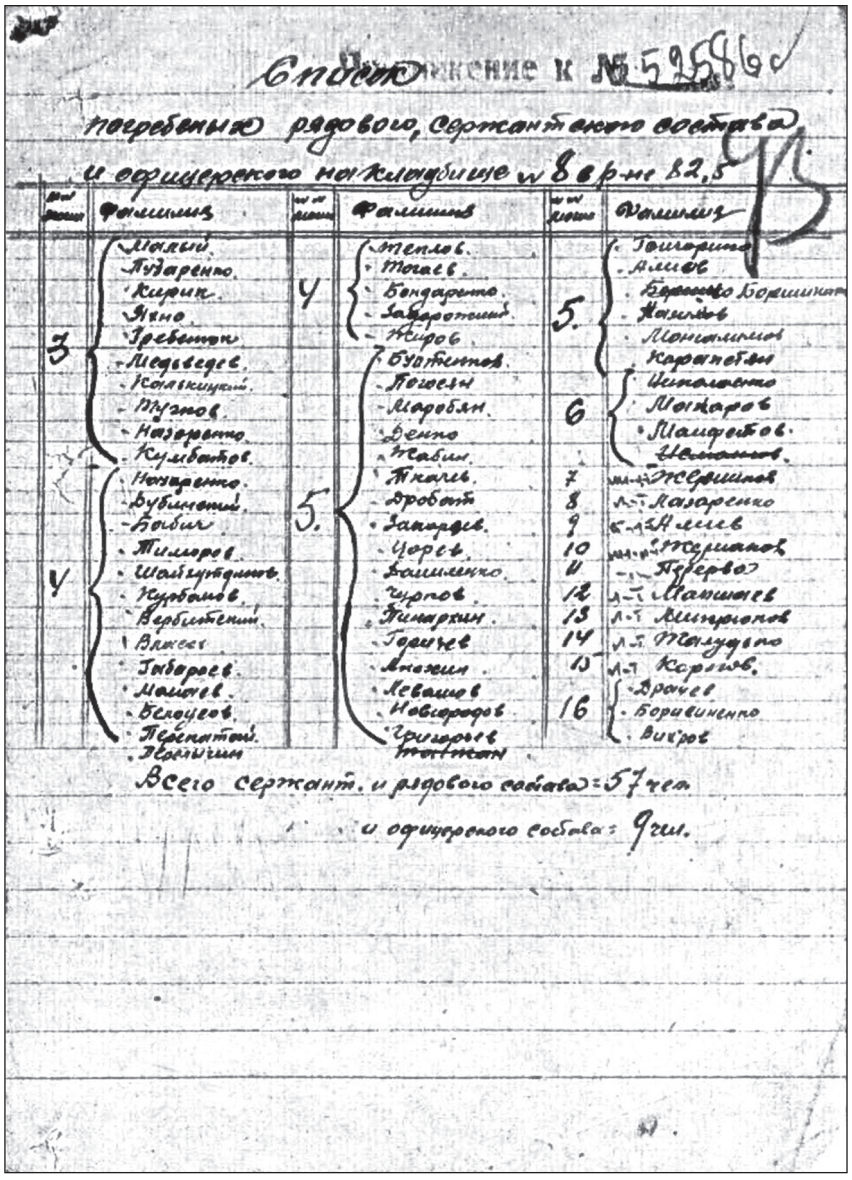

Рис. 1. Схема расположения могил на кладбище № 8 в районе высоты 82,5 696 стрелкового полка 383 стрелковой дивизии (https://obd-memorial.ru).

Приложение к № 59586
погребения рядового, сержантского состава
и офицерского на кладбище № 8 в р-не 82,5

№ взвода	Фамилия	№ взвода	Фамилия	№ взвода	Фамилия
3	Мокрый	4	Теплов	5	Гончаренко
	Лукаренко		Тогаев		Алиев
	Кирик		Бондаренко		Бершенко Бершинов
	Яно		Заваротный		Ананьев
	Гребенюк		Жиров		Монтанников
	Медведев	5	Бухтеенов		Карапетян
	Коляскин		Погосян		Исполатов
	Пузов		Марабян	6	Макаров
	Назаренко		Денко		Манафетов
	Кулибабов		Табин		Шапошников
4	Назаренко		Ткачь	7	Ершов
	Бубнов		Дробот	8	Назаренко
	Бобин		Запарев	9	Ананьев
	Тимаров		Чорец	10	Мартынов
	Шайгурдинов		Бошленко	11	Перево
	Кузбанов		Чурков	12	Манашев
	Вербицкий		Питерин	13	Митрофанов
	Власов		Горячев	14	Талудько
	Гиборов		Анжин	15	Корнев
	Машов		Левашов	16	Драчев
	Белоусов		Новгородов		Бориченко
	Перепятый		Григорьев Тогаев		Викров
	Ярошенко				

Всего сержант. и рядового состава = 57 чел.
и офицерского состава = 9 чел.

Рис. 2. Список погребенного рядового, сержантского и офицерского состава на кладбище № 8 в районе высоты 82,5 (https://obd-memorial.ru).

Рис. 3. Современный спутниковый снимок местности к югу от с. Глазовка с обозначением места расположения и координат кладбища № 8.

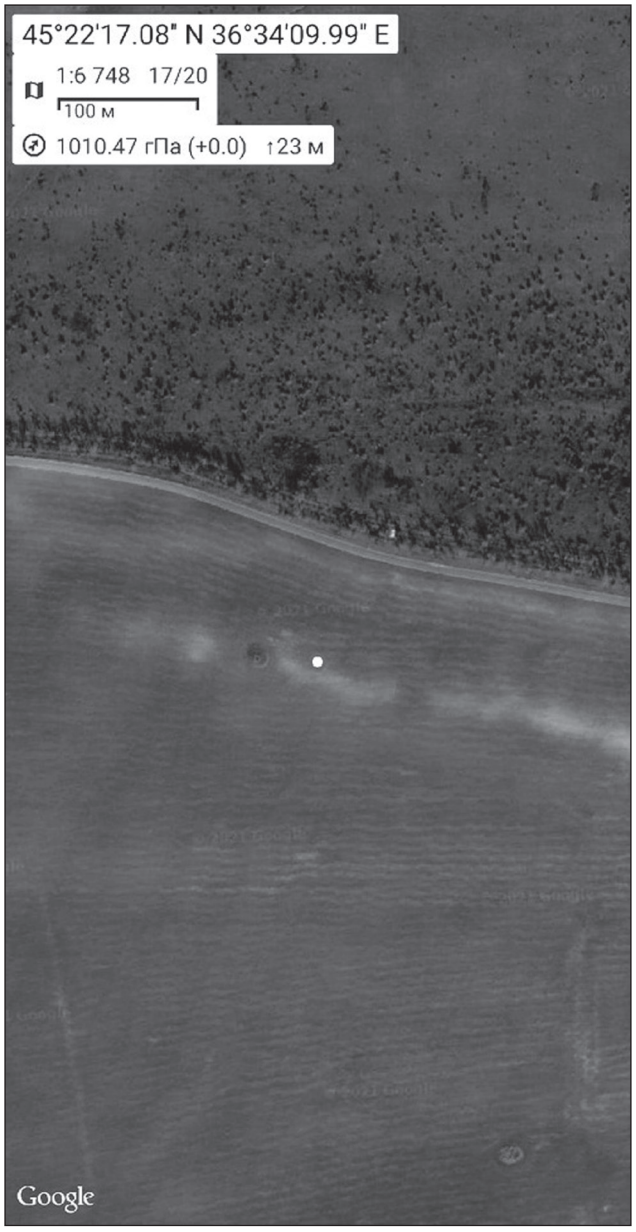

Рис. 4. Современный спутниковый снимок местности в районе высоты 82,5 с обозначением места расположения и уточненных координат кладбища № 8.

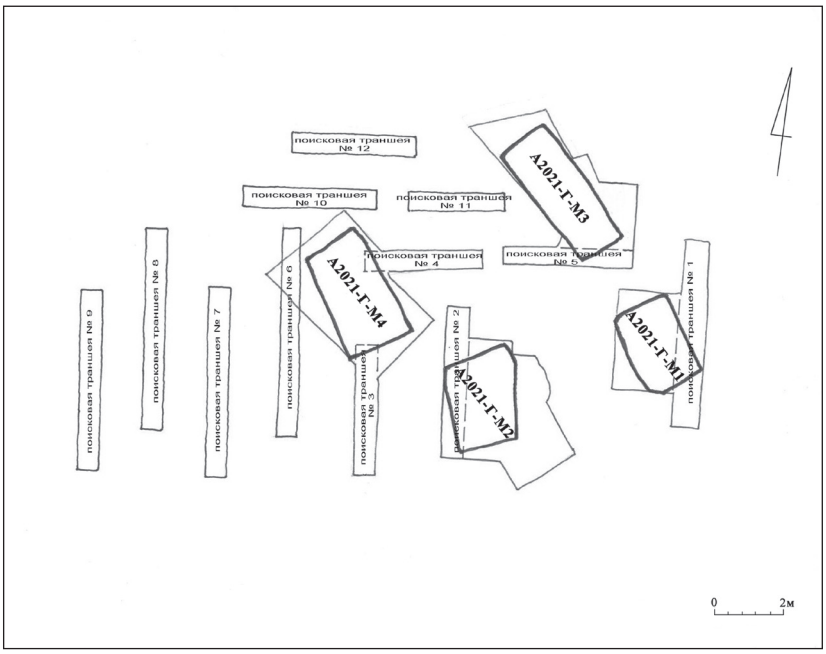

Рис. 5. Схема исследованного участка с обозначением поисковых траншей, раскопов и выявленных братских могил.

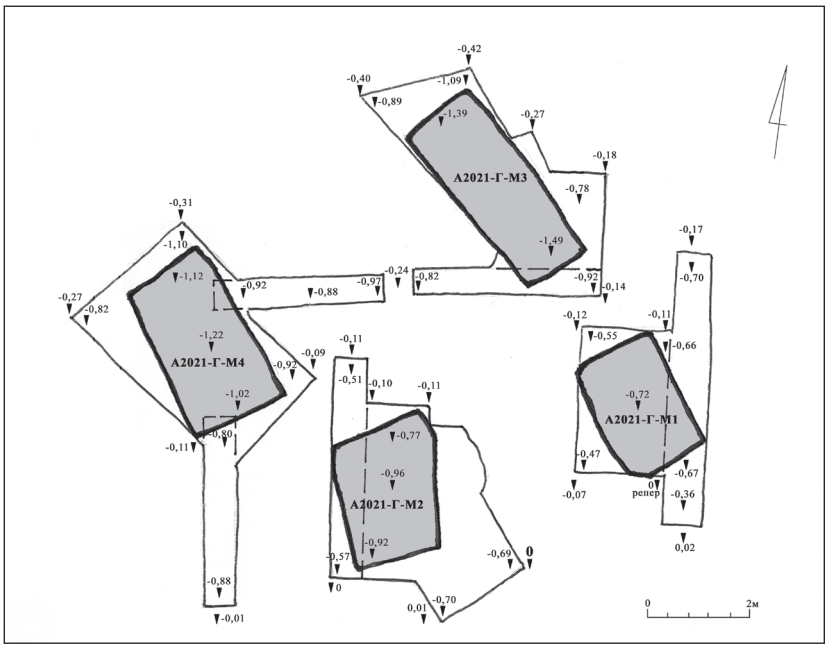

Рис. 6. Схема расположения обнаруженных в ходе работ братских могил.

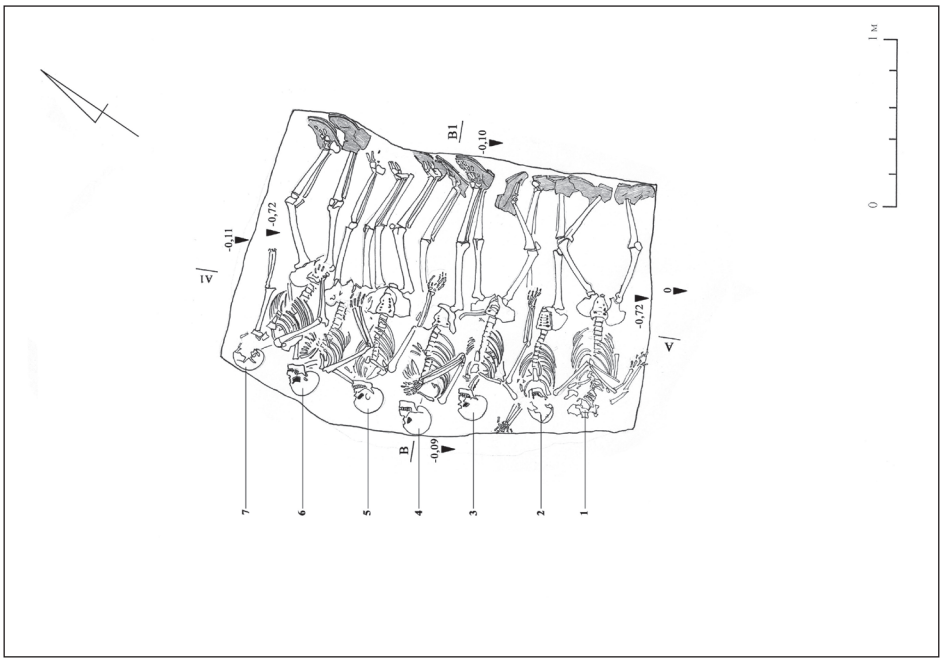

Рис. 7. Братская могила А2021-Г-М1. План.

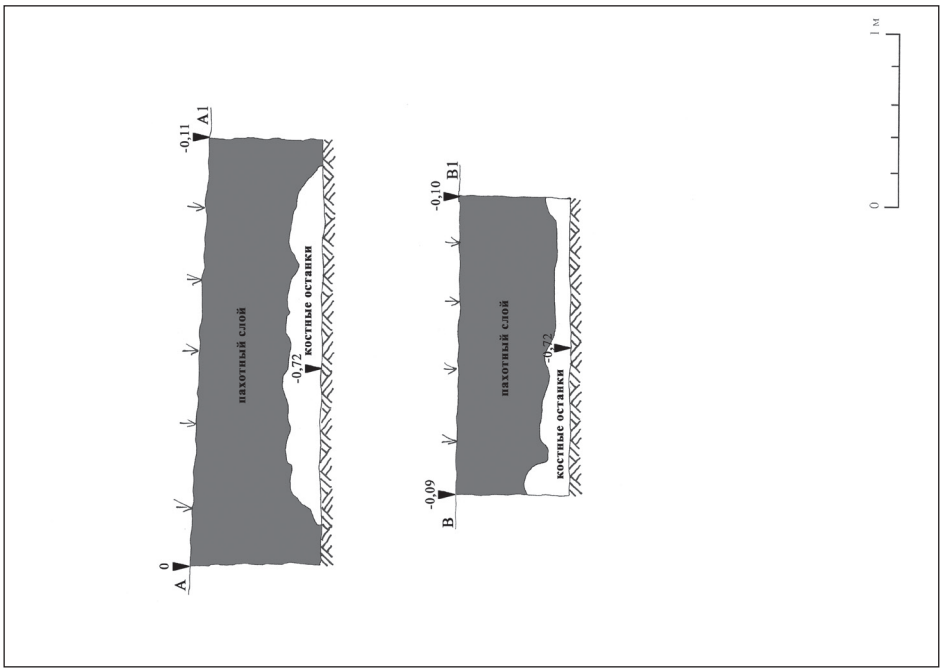

Рис. 8. Братская могила А2021-Г-М1. Разрезы.

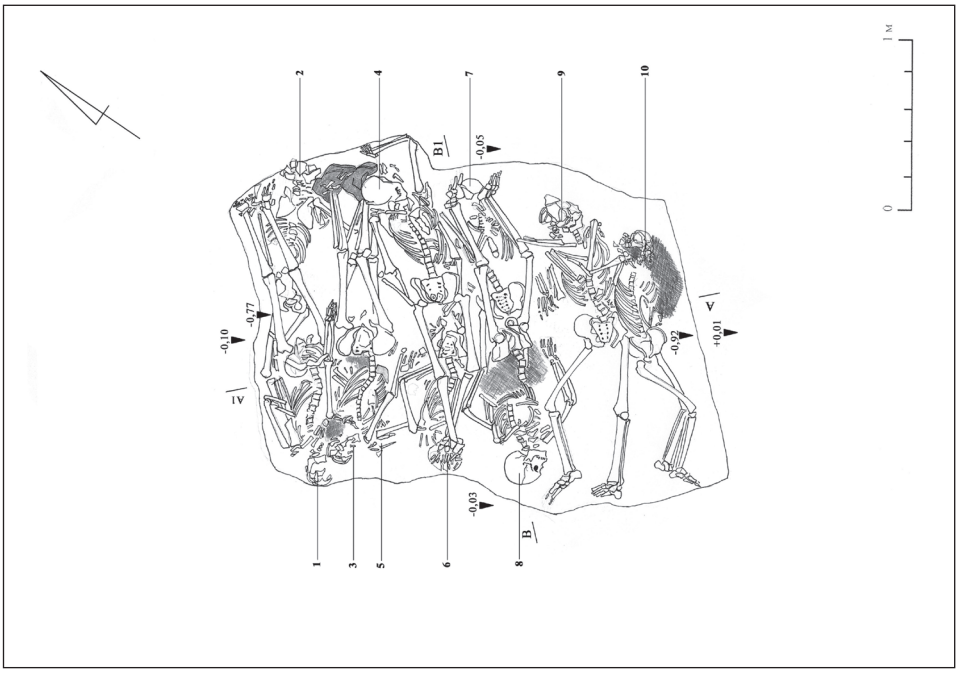

Рис. 9. Братская могила А2021-Г-М2. План.

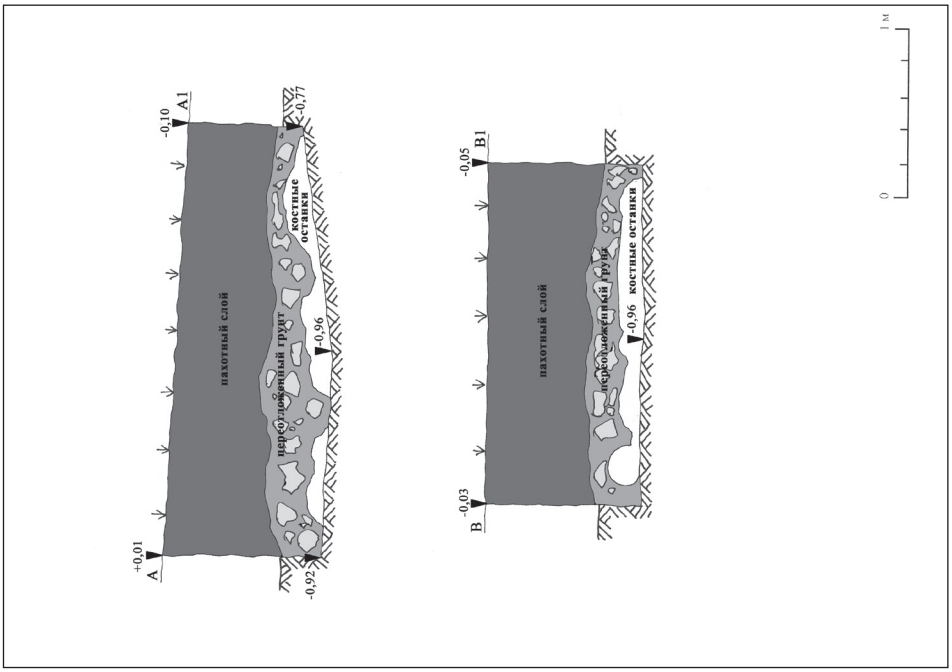

Рис. 10. Братская могила А2021-Г-М2. Разрезы.

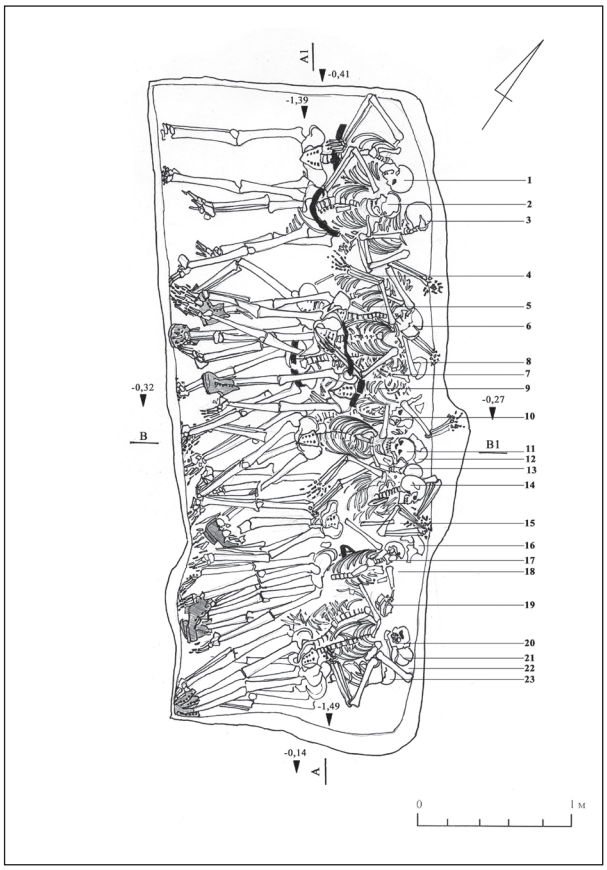

Рис. 11. Братская могила А2021-Г-М3. План.

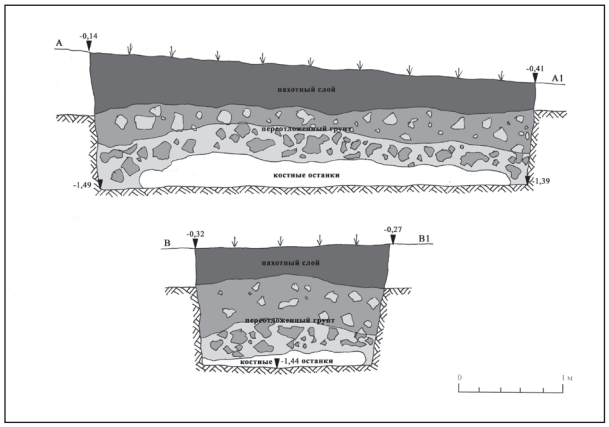

Рис. 12. Братская могила А2021-Г-М3. Разрезы.

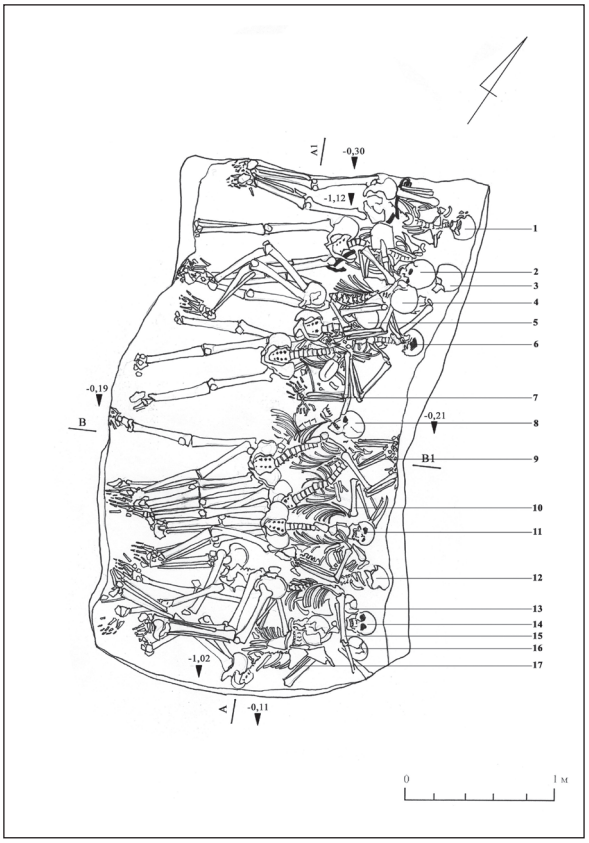

Рис. 13. Братская могила А2021-Г-М4. План.

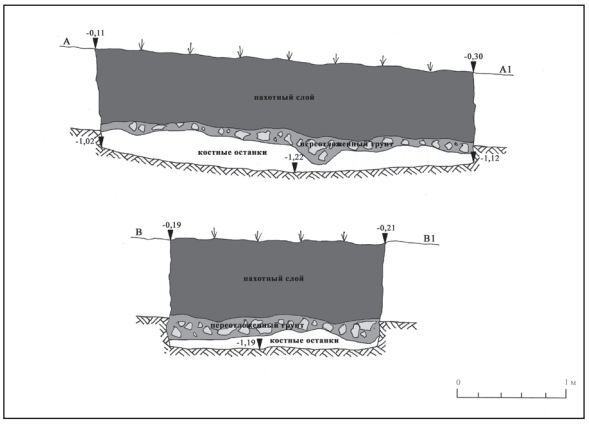

Рис. 14. Братская могила А2021-Г-М4. Разрезы.

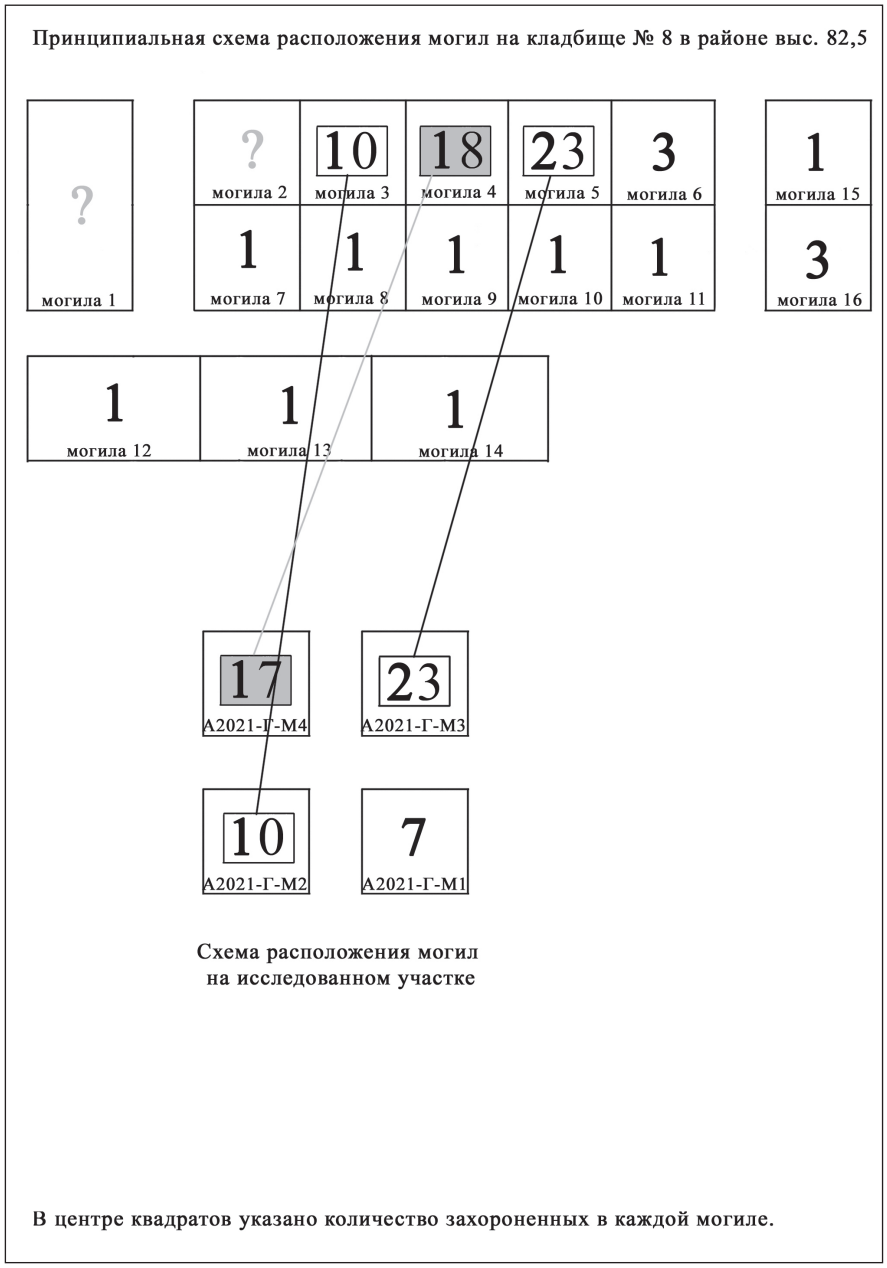

Рис. 15. Сравнительная инфографика принципиальной схемы кладбища № 8 в районе высоты 82,5 и схемы расположения братских могил на исследованном участке.

Рис. 16. Общий вид исследованного участка со вскрытыми захоронениями.

В.В. СИМОНОВ, И.В. СКЛЯРЕНКО
V.V. SIMONOV, I.V. SKLYARENKO

НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ В СВЯЗИ С ПЕРЕНОСОМ ВНОВЬ ВЫЯВЛЕННОГО КЛАДБИЩА 339 СТРЕЛКОВОЙ ДИВИЗИИ В КЕРЧИ
SOME COMMENTS IN CONNECTION WITH THE TRANSFER OF THE NEWLY IDENTIFIED CEMETERY OF THE 339 INFANTRY DIVISION TO KERCH

Зимой 2017 г. сотрудниками КРОО «Восточно-Крымский центр военно-исторических исследований» в процессе архивного поиска среди документов, уточняющих потери[1], было обнаружено приблизительное место расположения неучтенного воинского захоронения 339 стрелковой дивизии (рис. 1, 2). Как следовало из документов, датированных ноябрем 1943 г., данное захоронение находилось примерно в 3км юго-восточнее микрорайона Аджимушкай и в 300 м северо-восточнее завода им.Войкова. Чуть позже это же захоронение было выявлено на снимках немецкой аэрофотосъемки [NARA, roll GX4358SG, bild 005] и в результате геопозиционирования этих снимков получены точные координаты объекта (рис. 3). Параллельно были просмотрены именные списки безвозвратных потерь 339 стрелковой дивизии и составлен предварительный список захороненных. Тогда же вся найденная информация была опубликована в социальной сети ВКонтакте на страницах группы «Военно-археологические экспедиции Аджимушкай»[2].

339 Ростовская Таманская Бранденбургская Краснознамённая ордена Суворова 2 степени стрелковая дивизия была сформирована в августе-сентябре 1941 г. в Северо-Кавказском военном округе в основном из уроженцев Ростовской области. С осени 1941 г. дивизия участвовала в боях за Ростов и на Миус-фронте, летом и осенью 1942-го – в обороне Северного Кавказа, затем – в освобождении Кубани и Таманского полуострова. В ходе Керченско-Эльтигенской десантной операции части дивизии переправились на керченский берег и 11 ноября 1943 г. вступили в бои за расширение плацдарма на восточной окраине Керчи. В первый же день добились решительного успеха в районе завода им. Войкова – Колонка, но затем были остановлены и вместе с остальными частями и соединениями 56, затем Отдельной Приморской армии участвовали в затяжных боях за Керчь, продолжавшихся до 11 апреля 1944 г. По некоторым сведениям, в 1944, 1948, 1952–1957 гг. останки павших, захороненных на дивизионных кладбищах на территории Колонки и Ново-

[1] Электронный ресурс «Память народа» https://pamyat-naroda.ru со ссылкой на [ЦАМО РФ, ф. 58, оп. 18001, д. 1077].

[2] Новость за 24 июня 2017 г. [https://vk.com/adjimushkai?w=wall-1088915_2041%2Fall].

Карантинной слободки, переносились в братскую могилу в парке культуры и отдыха завода им. Войкова [Механиков, 2004, с. 407–408]. Логично было предположить, что и останки с кладбища 339 стрелковой дивизии были перезахоронены в послевоенное время[3].

Есть мнение ряда специалистов, что практически повсеместно работа по укрупнению воинских захоронений (перенос останков и их перезахоронение), проводившаяся на основании ряда правительственных постановлений, предусматривающих благоустройство братских могил и захоронений воинов Красной Армии, выполнялась не в полном объеме, хотя кладбища считались «перенесенными»[4]. Со временем информация о том, что здесь было (и осталось) захоронение, терялась. А воинские кладбища, фактически остававшиеся на месте, переходили в разряд «забытых» и «затерянных», хотя сведения о них сохранились в архивах. Визуальные разведки, выполненные специалистами Восточно-Крымского центра, давали достаточные основания полагать, что дивизионное кладбище 339 стрелковой дивизии тоже не было перенесено или переносилось лишь частично.

Повторно к информации о необходимости исследования территории, где находилось кладбище 339 стрелковой дивизии, вернулись осенью 2019 г. в связи с началом строительства трассы, которая должна была соединить микрорайоны Стройгородок и Красная Керчь. В ноябре 2019 г. руководство Восточно-Крымского центра проинформировало администрацию города Керчи о наличии в створе трассы воинского захоронения[5]. Параллельно об этом было поставлено в известность Управление по увековечению памяти павших защитников Отечества Министерства обороны РФ. Вопрос о судьбе кладбища 339 стрелковой дивизии рассматривался на специальном заседании горсовета, где в качестве наиболее целесообразного обсуждался вариант переноса воинского захоронения в связи с невозможностью изменения проекта трассы. Поскольку значительная часть захоронения находилась на территории строительства, естественным представлялся вопрос об источнике финансирования работ по исследованию кладбища и эксгумации останков. В качестве возможного варианта было предложено долевое финансирование: исследование той части объекта, что попадала в створ трассы,

---

[3] Это, на первый взгляд, подтверждалось и архивными материалами. Так, в ходе сверки списка военнослужащих 1137 стрелкового полка 339 стрелковой дивизии, значившихся похороненными на указанном кладбище, со списками воинов, погибших в годы Великой Отечественной войны и похороненных на территории г. Керчь [НА ВКИКМЗ, оп. 3, ед.хр. 201], было установлено, что из 175 погребенных воинов 1137 стрелкового полка 103 значатся перезахороненными. В том числе: 95 – завод им. Войкова, ПКиО, братская могила; 3 – Аджимушкай, братская могила; 2 – Воинское кладбище, братская могила; 1 – Маяк, братская могила; 1 – Опасное, братская могила; 1 – без указания места перезахоронения. В то же время обращало на себя внимание расхождение в числах захороненных и перезахороненных, а тем более разные места перезахоронения, что представлялось маловероятным и косвенно могло свидетельствовать о том, что фактически останки не переносились.

[4] Напр., см.: [Бабанин; Сафронова, 2011].

[5] Письмо ВКЦ ВИИ исх. № 23/п от 19.11.2019 г.

оплатить за счет средств подрядчика строительных работ; о готовности взять на себя расходы по финансированию исследования остальной части дивизионного кладбища заявило руководство БФ «Деметра» (директор В.Н. Зинько).

К этому моменту на участке строительства был снят дерново-гумусный слой почвы, в результате чего стали видны характерные могильные пятна, подтверждающие существование в этом месте захоронения. Необходимость проведения ряда мероприятий, направленных прежде всего на уточнение границ объекта и контрольных шурфовок (с целью выявления сохранившихся могил) была очевидной.

Первоочередные работы по уточнению границ объекта на основе картографического материала и материалов аэрофотосъемки были выполнены в ходе охранно-археологических работ специалистами ООО «Крымский региональный центр археологических исследований»[6].

Объект был расположен у восточной оконечности небольших каменоломен на пологой задернованной равнине с небольшим уклоном к югу, к берегу Керченской бухты, в 1150 м к северо-западу (азимут 311,32°) от домовладения по адресу пер. Егорова, 17, в 1559 м к юго-востоку (азимут 115,51°) от железнодорожного переезда в микрорайон 3 Самострой. Территория объекта задернована степным разнотравьем. С учетом территориально-пространственных характеристик и на основании историко-архивного материала, предоставленного Восточно-Крымским центром, были определены границы объекта. Зафиксированы следующие характерные точки:

Обозначение (номер) характерной точки	Координаты характерных точек границ территории во Всемирной геодезической системе координат (WGS-84)	
	Северной широты	Восточной долготы
Точка 1	N45,36113064°	E36,55650363°
Точка 2	N45,36112922°	E36,55688417°
Точка 3	N45,36087928°	E36,55688551°
Точка 4	N45,36088140°	E36,55650061°

Таким образом, общая площадь объекта составила 831 кв. м. При этом на территорию проектируемого строительства попадала его часть площадью 237 кв. м (рис. 4). Как отметили в своем заключении специалисты Крымского регионального центра археологических исследований: «*Во избежание негативного воздействия на объект истории «Братская могила воинов 339 СД» в процессе строительства*

[6] Ими же на основе материалов, предоставленных Восточно-Крымским центром, была составлена и передана в Госкомитет по охране культурного наследия Республики Крым первичная документация для постановки на учет вновь выявленного объекта культурного наследия. Было ли принято решение по этому вопросу, нам неизвестно.

необходимо выполнить комплекс мероприятий, направленных на их сохранение, совместно с сотрудниками КРОО «Восточно-Крымский центр военно-исторических исследований».

Проведение охранно-археологических работ на участке строительства дало возможность специалистам Восточно-Крымского центра без дополнительных согласований выполнить необходимую шурфовку. В ходе обследования земельного участка в его северной, северо-восточной, центральной и юго-западной частях были заложены 4 разведочных шурфа площадью 2 кв. м каждый. Шурфы имели прямоугольную форму; бортами ориентированы по сторонам света. Координаты шурфов определены с помощью прибора GPS GARMIN eTrex 10 (Всемирная система координат WGS – 84). Глубина выборки шурфа включала всю толщу почвенного горизонта с контрольной прокопкой верхней части археологически стерильного слоя, подстилающего почвенный горизонт (материка), в случаях, если ранее не были выявлены человеческие останки. После окончания разведочных работ была проведена рекультивация.

Шурф 1 расположен в северной части исследуемого участка на территории проектируемого строительства, в 170 м к северу от железнодорожного полотна, в 277 м к югу от ул. Болотникова. Координаты GPS шурфа N 45°21’39.98» E 36°33’24.25». Современная дневная поверхность представлена взрыхленным грунтом, дерново-гумусный слой отсутствует в результате проведения земельно-строительных работ.

Шурф размером 2х1 м, глубина 1,40 м. Перепад высот в пределах шурфа в направлении север – юг составил 0,10 м. Стратиграфия всех бортов шурфа однородна. Прослежены следующие слои:

- слой гуммированной заизвесткованной супеси светло-серого оттенка – 0,00-0,65м;
- слой плотного золистого суглинка серого цвета с включениями известкового бутового камня – 0,65-1,10 м;
- материк – серая глина с вкраплениями слюды – 1,10-1,40 м.

После окончания работ шурф был засыпан отработанным грунтом.

Шурф 2 расположен в северо-восточной части исследуемого участка на территории проектируемого строительства, в 164 м к северу от железнодорожного полотна, в 267 м к югу от ул. Болотникова. Координаты GPS шурфа N 45°21’39.86» E 36°33’24.62». Современная дневная поверхность задернована.

Шурф размером 2х1 м, глубина 1,50 м. Стратиграфия северного и восточного бортов шурфа однородна. Прослежены следующие слои:

- слой дерна и поддерновая темная гуммированная почва – 0,00-0,25 м;
- слой гуммированной заизвесткованной супеси светло-серого оттенка – 0,25-0,85м;
- слой плотного золистого суглинка серого цвета с включениями известкового бутового камнями – 0,85-1,30 м;
- материк – серая глина с вкраплениями слюды – 1,30-1,50 м.

В западном борту и западной части южного борта шурфа, ниже дернового слоя,

прослеживается неоднородный слой рыхлой супеси светло-серого цвета с примесью серой глины и слюды – переотложенный грунт, сформировавшийся в результате сооружения могильных ям. В восточной части южного и северной части западного бортов этот слой западает и поднимается в западной части южного и центральной части западного бортов шурфа. Мощность слоя 0,10-0,35 м. Ниже этого слоя прослеживается сильно гуммированный плотный слой темно-серого суглинка (погребенная почва) – 0,05-0,07 м.

После окончания работ шурф был засыпан отработанным грунтом.

Шурф 3 (рис. 5) расположен в юго-западной части исследуемого участка на территории проектируемого строительства, в 148 м к северу от железнодорожного полотна, в 288 м к югу от ул. Болотникова. Координаты GPS шурфа N 45°21’39.42» E 36°33’24.01». Современная дневная поверхность задернована.

Шурф размером 2х1 м, глубина 1,00 м. Перепад высот в пределах шурфа в направлении север – юг составил 0,15 м. Стратиграфия бортов шурфа неоднородна. Верхние напластования представлены слоем дерна и поддерновой темной гуммированной почвой – 0,00-0,30 м. В центральной и восточной части северного, восточного, центральной и восточной части южного бортов мощность слоя не превышает 0,15 м и увеличивается в западном борту до 0,30 м.

В западной части северного, западной части южного и западном бортах шурфа на отметке 0,30-0,40 м прослеживается слой бутового известкового камня, в нижнем горизонте с примесью суглинка темно-серого цвета. Следующий слой представлен скальным материком.

В центральной и восточной части северного, восточного, центральной и восточной части южного бортов зафиксированы могильные ямы. В центральной части восточного борта шурфа слой заполнения могильных ям перебивается более плотным слоем гуммированной заизвесткованной супеси светло-серого оттенка. Заполнения ям – рыхлая супесь светло-серого цвета, с примесью серой глины и слюды, бутового известкового камня, фрагменты битого шамотного кирпича. На глубине 0,5 м обнаружены фрагменты человеческого скелета: проксимальные фаланги указательного и среднего пальцев, дистальная фаланга указательного пальца, второй и третий шейные позвонки. Также на глубине 0,55 м обнаружен вещевой материал, представленный гильзой от винтовочного патрона 7,62х54R и большой форменной пуговицей военнослужащих рядового состава РККА. В восточной части северного и северной части восточного профилей бортов на отметке 0,80 м были зафиксированы скелетированные человеческие останки в анатомическом порядке. В южной части восточного и восточной части южного бортов шурфа залегание останков фиксируется на отметке 0,95 м. Погребенный ориентирован головой на запад. На глубине 1,00 м работы были остановлены.

После окончания работ шурф был засыпан отработанным грунтом.

Шурф 4 расположен в центральной части исследуемого участка на территории проектируемого строительства, в 152 м к северу от железнодорожного по-

лотна, в 285 м к югу от ул. Болотникова. Координаты GPS шурфа N 45°21’39.57» E 36°33’24.24». Современная дневная поверхность задернована.

Шурф размером 2х1 м, глубина 1,10 м. Стратиграфия всех бортов шурфа однородна. Шурф всей своей площадью попадает в могильную яму. Прослежены следующие слои:

- слой дерна и поддерновая темная гуммированная почва – 0,00-0,25 м;
- слой рыхлой супеси светло-серого цвета, с примесью серой глины и слюды, бутового известкового камня – 0,25-1,10 м – заполнение могильной ямы.

На отметке 0,45 м обнаружены фрагменты человеческого скелета: ладьевидная кость запястья, II и III пястные кости запястья. Также на глубине 0,50 м в северо-восточной части шурфа был зафиксирован шамотный кирпич трапециевидной формы.

На отметке 0,95 м зафиксированы скелетированные останки двух человек в анатомическом порядке. Погребенный ориентирован головой на запад. На глубине 1,10 м работы остановлены.

После окончания работ шурф был засыпан отработанным грунтом.

Таким образом, в результате шурфовки был установлен факт наличия на участке нетронутых могил. Это позволяло утверждать, что перенос останков с кладбища не был выполнен в полном объеме или останки не переносились вообще.

Полученные результаты давали основания для повторного обращения в администрацию города Керчи в связи с подтверждением необходимости выполнения исследовательских и эксгумационных работ[7]. Поскольку в ответном письме городская администрация попросила выполнить работы в кратчайшие сроки и сообщить их примерную стоимость[8], была организована неофициальная встреча с представителями подрядчика (в присутствии сотрудников городской администрации), на которой достигнута предварительная договоренность по этим вопросам. Учитывая срочность заказа, работы предполагалось начать немедленно и выполнить в течение месяца. В качестве альтернативного варианта руководством Восточно-Крымского центра было предложено провести работы по исследованию выявленного кладбища 339 стрелковой дивизии в апреле 2020 г. в рамках Студенческой Вахты Памяти. Это предложение было согласовано с Ассоциацией студенческих поисковых отрядов и исполнительной дирекцией ООД «Поисковое движение России». Оба варианта предусматривали не только проведение поисковых и эксгумационных работ в полном объеме, но и составление специалистами Восточно-Крымского центра научного отчета о результатах исследований. Причем, если бы сроки работ были перенесены на апрель 2020 г., они были бы выполнены на безвозмездной основе.

Для принятия окончательного решения в феврале 2020 г. в городской администрации было проведено специальное совещание, на котором, ссылаясь на отсутствие необходимых средств, от предложений Восточно-Крымского центра отказались, а

[7] Письмо ВКЦ ВИИ исх. № 24/п от 27.12.2019 г.

[8] Письма администрации города Керчи исх. № 13715/02-12 от 22.01.2020 г. и 02-22/252 от 27.01.2020 г.

выполнение работ по эксгумации останков было поручено проявившим инициативу представителям поискового объединения «Крымский рубеж» ДОСААФ России[9]. Попытка обратить внимание участников совещания на необходимость не просто качественного проведения раскопок, а проведения их в соответствии с требованиями археологических методик, с соответствующей фиксацией и процесса работ, и результатов, успеха не имела. Хотя, поднимая вопрос о квалификации исполнителей и качественной фиксации результатов работ, мы указывали на прямую зависимость возможности идентификации захороненных бойцов от этих факторов.

Представлялось очевидным, что, несмотря на определенные сложности, детальное описание исследуемых захоронений, включающее их точное месторасположение, место в системе остальных погребальных сооружений и количественные характеристики, могло дать достаточные исходные данные для попыток привязки реальной ситуации к схемам захоронений, выявленным в архивных источниках. Итогом такой привязки могла быть достоверная идентификация всех захороненных на исследованном кладбище с сохранением необходимой доказательной базы. Кроме того, стратиграфические наблюдения должны были ответить на вопрос: предпринимались ли ранее попытки переноса останков.

Было ясно, что представители подавляющего большинства поисковых организаций Крыма не просто не имели необходимого опыта, но и вряд ли могли осознать всю сложность поставленной задачи. Тем не менее и со стороны военного комиссара г. Керчи и Ленинского района А.А. Королева, и со стороны начальника штаба Восточно-Крымского сектора ДОСААФ России по Республике Крым И. Головатенко были сделаны заявления о достаточной квалификации и наличии опыта проведения подобных работ у тех, кому будет поручена эксгумация.

Работы по эксгумации останков с кладбища 339 стрелковой дивизии проводились в марте-апреле 2020 г. В них приняли участие представители отрядов «Помним», «Гранит», «Ялта-память», «Вымпел», входящих в поисковое объединение «Крымский рубеж» ДОСААФ России, а также представители ассоциации «Кубаньпоиск». О существовании какого-либо официального отчета о результатах работ неизвестно, но есть сведения, что еще в июне 2020 г. поисковая отчетная документация не была составлена в полном объеме. Таким образом, источником информации о результатах раскопок стали публикации на новостных сайтах и информация, размещенная в со-

[9]В этой связи нельзя не отметить, что позиция Восточно-Крымского центра военно-исторических исследований изначально заключалась в том, что подобная работа находится вне сферы наших научных интересов. Об этом мы публично говорили еще в 2017 г. [https://vk.com/adjimushkai?w=wall-1088915_2041%2Fall]. Но, учитывая обозначенные сначала сроки и понимая требования к качеству работ, мы были готовы в случае необходимости выполнить исследования. В каком-то смысле это было и логично, так как объект был выявлен специалистами центра. В то же время представители ПО «Крымский рубеж» ДОСААФ России использовали любые возможности, чтобы убедить администрацию города поручить эту работу им. О том, какие усилия предпринимались в этом направлении, можно судить по переписке в социальных сетях, скриншоты которой есть в распоряжении авторов настоящей статьи.

циальных сетях, хотя таких публикаций удивительно немного для подобного случая.

В интервью, данном еще до момента окончания работ, И. Головатенко заявил, что *«Примерное количество захороненных здесь бойцов – 176 человек, но по факту оказывается намного больше»* [Под Керчью нашли.., 2020]. Фраза *«примерное количество захороненных здесь…»* объясняется легко – именно о таком количестве мы упоминали изначально, говоря, правда, что это цифра не захороненных на указанном кладбище, а выявленных на тот момент[10] по именным спискам безвозвратных потерь. Остается вопрос: насколько больше?

Согласно сообщению, опубликованному в социальной сети ВКонтакте на странице группы ПО «Крымский рубеж» ДОСААФ, «итоговое количество поднятых бойцов» – 239 [https://vk.com/krymsky_rubezh?w=wall-138380908_1014][11]. Но, судя по развернувшейся вскоре в социальных сетях полемике, подсчеты оказались весьма сложными для исполнителей работ. Наиболее откровенно об этом сказано в обращении зам. командира по полевой работе поискового объединения «Крымский рубеж» ДОСААФ России Н.Ф. Жмутова, опубликованном на его странице в социальной сети ВКонтакте[12]. Оставив в стороне риторические вопросы, обращенные к оппонентам, и крайне эмоциональные восклицания, перечислим основные трудности, с которыми, как можно понять из опубликованного поста, пришлось столкнуться поисковикам:

- план кладбища не соответствовал ни одному из описаний;
- количество рядов могил на схемах не соответствовало фактическому количеству рядов, их взаимное месторасположение не соответствует схемам;
- через кладбище ранее были проложены две траншеи и часть захоронений ими уничтожена;
- большое количество могил было нарушено в результате предыдущей эксгумации, проведенной, как утверждает Н.Ф. Жмутов, в 1951 г.[13]

Не отрицая, что упомянутые факторы могли осложнить процесс раскопок, позволим себе утверждать, что при достаточном опыте все эти проблемы были решаемы. Причем решаемы не с точки зрения вскрытия могил и изъятия из них останков

---

[10] На момент первой публикации об обнаружении кладбища в июне 2017 г. Позже работа по отработке списков именных потерь нами не проводилась.

[11] Новость за 11 апреля 2020 г.

[12] Запись за 29.06.2020 г. [https://vk.com/id455293279?w=wall455293279_1936].

[13] Чтобы избежать обвинения в некорректном или неточном изложении существа проблемы, описанной Н.Ф. Жмутовым, приведем фрагмент его собственного комментария (видимо, адресованного довольно известной в поисковых кругах керчанке Н.Ю. Дзюбе), убрав упреки и обвинения, носящие излишне личный характер, но сохранив орфографию и пунктуацию оригинала: *«План кладбища не подходит не под одно описание… добавление двух трех рядов могил, смещает ваши пляски с бубном* (видимо, под плясками с бубном автор имеет в виду попытки сопоставить реальную ситуацию с архивными схемами – В.С.), *напроч в ту или иную сторону, а если могилы к тому же расположены полукругом вокруг браток* (братских могил – В.С.), *Вы откуда собирались считать..? К тому же часть могил была полностью выкопана и практически как могила не идентифицировалась. Просто перемес и две три фаланги и позвонок… могила это или нет? смещение на одну такую могилу... полностью ставит*

(что в конечном счете было сделано), а с точки зрения исследования захоронения.

Выше мы уже отмечали, что первостепенное значение при попытках определить характер нарушения целостности могил в ходе предыдущего вмешательства (вмешательств) должны были иметь стратиграфические наблюдения. Причем не просто наблюдения, а фиксация отмеченных нарушений однородности заполнения могильных ям на чертежах профилей бортов и разрезов. Не вызывает сомнения, что это сделано не было и характер этого вмешательства, даже замеченный в ходе раскопок, остался, в конечном счете, не систематизирован (а, возможно, и не понят)[14], но, главное, не зафиксирован должным образом, то есть не сохранен для последующего анализа и интерпретаций. Утверждения о том, что часть могил вскрыта ранее и останки из них перенесены, в таком случае голословны, поскольку не подтверждены схемами и чертежами. Более того, профессиональная фиксация слоев в заполнении могильных сооружений могла дать исчерпывающий ответ в случае обнаружения неполных костяков и возникновения сомнений, является ли это следствием предыдущей небрежно выполненной эксгумации или вызвано другими причинами. Тогда не возникали бы и такие вопросы как: *«…определять как, который седьмой или пятый, если их там половины нет?»* То же самое относится и к погребальным сооружениям, нарушенным поздними траншеями. Был бы составлен точный план раскопа с необходимыми нивелировочными отметками, это могло бы помочь в понимании характера более раннего антропогенного вмешательства. Отсутствие такого плана сделало невозможным какой-либо анализ и понимание причин, закономерностей и последствий этих разрушений.

Вполне можно допустить, что фактическое количество могил и их взаимное расположение не соответствуют схемам и описаниям кладбища 339 стрелковой дивизии. Но и здесь на первый план выходит замечание об отсутствии точного плана объекта, который нужно было составить по окончании работ. Именно плана, а не схемы, потому что любая схема изначально содержит ошибки и допущения, которые могут оказаться решающими при попытках сопоставления с архивными документами. У нас нет оснований усомниться в том, что, как заявляет Н.Ф. Жмутов, *«работы были сделаны в срок, быстро, грамотно, с нумерацией каждого отдельного*

под сомнение Ваши выводы! По центу дивизионки (дивизионного кладбища – В.С.) п*роходило два кабеля… могилы попавшие под ковш и перемешанные бульдозером как считать? Две их-одна-три? Половина браток полупустые, сколько человек вытащили из братки, двоих? А может десять, и как считать по ногам, по головам. А определять как который седьмой или пятый если их там половины нет? А те которые были в целостности… все безымянные?»* [https://vk.com/id455293279?w=wall455293279_1936].

[14] Интересно, что контрольная шурфовка показала наличие останков на глубине 0,90-0,95 м. Судя по видеороликам, опубликованным в Интернете, глубина раскопанных могильных ям не более 0,40-0,50м. Это расхождение объясняется легко – для облегчения работы верхний слой грунта был снят тяжелой техникой. Но это же исключило возможность полноценной фиксации слоев заполнения погребальных сооружений, а следовательно, и их анализа.

захоронения и каждого братского по факту». Но в данном случае принципиальное значение имела не нумерация, а, повторим, план с указанием количества останков в каждом захоронении. Дал бы такой план гарантированную возможность идентифицировать всех захороненных? – вопрос неоднозначный. Оппонент, к которому обращается Н.Ф. Жмутов (как можно понять, это Н.Ю. Дзюба), якобы, утверждает, что «да»; представители отрядов, проводивших раскопки, – «нет». Проблема в том, что, скорее всего, не столько характер выполненных работ, как состояние отчетной документации, не позволяют ни оценить качество проведенных раскопок, ни обратиться к проблеме идентификации повторно в случае необходимости или появления дополнительных данных.

Странным выглядит и заявление Н.Ф. Жмутова о том, что *«…останки изъяты, количество изначально определить невозможно»*. Если говорить о количестве эксгумированных, то существуют конкретные рекомендации по подсчету останков, в том числе, включающие такое понятие, как «добор». Если говорить о количестве «изначально» захороненных, то ответ на этот вопрос следует искать в архивных документах, особенно в случаях, когда само захоронение по каким-либо причинам частично или полностью разрушено.

В этой связи сразу возникают и другие сомнения. Например, были ли определены точные границы кладбища, и как именно это было сделано? Ведь авторы раскопок говорят о значительно бóльшем количестве эксгумированных останков, чем выявлено захороненных в именных списках потерь[15]. Причины тут могут быть самые разные, но можно ли исключить, что вскрытое захоронение принадлежало не только 339 стрелковой дивизии?[16]. В архивных документах есть сведения, косвенно указывающие на расположение в этом районе и других дивизионных кладбищ[17].

---

[15] И это при том, что, как пишет Н.Ф. Жмутов, часть могил (можно понять, значительная) нарушена в ходе частичного переноса кладбища в 1951 г. Никаких конкретных объяснений этого противоречия он не приводит.

[16] Косвенным подтверждением этому могут быть и опубликованные результаты идентификации. Так, из 3 человек, идентифицированных по находкам, только один – рядовой Касимов Касим, погибший 11.02.1944г., – значится военнослужащим 339 стрелковой дивизии, по документам похоронен: «Крымская АССР, г. Керчь, Слободка, церковь, дивизионное кладбище, могила № 47, ряд № 9, седьмой с юга» (данные ОБД «Мемориал» со ссылкой на [ЦАМО, ф. 58, оп. 18002, д. 170]). Награжденный медалью «За боевые заслуги» (найдена на останках) гв. старшина Зинин Владимир Андреевич, 1912 г.р., погибший 10.03.1944г., служил в 227 стрелковой дивизии, по документам похоронен «Крымская АССР, г. Керчь, з-д Войкова, северо-восточнее, 500 м, дивизионное кладбище, могила № 373» (данные ОБД «Мемориал» со ссылкой на [ЦАМО, ф. 58, оп. 18002, д. 201; ф. 33, оп. 11458, д. 574]). Другой погибший, установленный по «подписной вещи», – сержант Петренко Николай Васильевич, 1924 г.р. – проходил службу в 19-м зенад, по документам похоронен: «Крымская АССР, Ленинский р-н, с. Капканы, северная окраина, армейское кладбище» (данные ОБД «Мемориал» со ссылкой на [ЦАМО, ф. 58, оп. 18002, д. 191]). Все идентифицированные воины значатся перезахороненными – завод им. Войкова, ПКиО, братская могила [НА ВКИКМЗ, оп. 3, ед.хр. 201].

[17] Так, например, на сайте «Память народа» есть материалы на красноармейца Восконьян Христафора Жанкировича, 1923 г.р., проходившего службу в штабе 55-й гвардейской стрелковой дивизии, погибшего 4.11.1943 г. и похороненного: «Крымская АССР, г. Керчь, Сталинский р-н, северо-восточная окраина, 300м

Сами кладбища вполне могли вплотную граничить друг с другом, особенно, если были разновременными. А указанные ориентиры столь расплывчаты, что для точной локализации объекта нужно не только геопозиционирование, но и профессионально выполненные раскопки.

Перечень подобных вопросов можно было бы и продолжать. Так же как и вспомнить опубликованные на различных информационных порталах и в соцсетях фотографии и видеосъемку общего вида раскопанного кладбища с небрежно зачищенными костяками в могилах и межмогильным пространством, заваленным выбранным из могил грунтом[18]. Но и сказанного уже достаточно для того, чтобы понять – одного желания выполнить работу зачастую бывает недостаточно, необходимо обладать специальными знаниями и навыками, чтобы выполнить ее хорошо и профессионально. Тогда не пришлось бы сетовать на отсутствие советов и помощи со стороны *«недовольных»* (видимо, имея в виду тех, кто не стал участвовать в раскопках по каким-то личным соображениям).

Суммируя выше изложенное, еще раз повторим:

- в ходе историко-архивного изучения местности на территории Керчи было выявлено «забытое» дивизионное кладбище 339 стрелковой дивизии, которое оказалось не перенесенным в ходе работ по укрупнению воинских захоронений в конце 1940-х – начале 1950-х гг.;

- вновь выявленное воинское захоронение попало в зону строительных работ, в связи с чем было принято решение о его переносе;

- несмотря на то, что исследование захоронения и эксгумация останков попадали в категорию охранно-спасательных работ и могли быть профинансированы из средств, выделенных на строительство, администрация города приняла решение о выполнении необходимых работ представителями общественных организаций на безвозмездной основе;

- судя по материалам средств массовой информации, а также сведениям из неофициальных источников, характеризующим ход и результаты раскопок, привлеченные к работам организации не смогли выполнить работы на необходимом в таком случае профессиональном уровне;

- отступление от требований археологических методик при исследовании подобных объектов привело к утрате значительной части информации, и, как следствие, невозможности в дальнейшем вернуться к рассмотрению вопроса об идентификации личностей захороненных.

от завода имени Войкова» [https://pamyat-naroda.ru/heroes/memorial-chelovek_donesenie54552692…]. Специально обратим внимание на полное совпадение в обозначении места расположения дивизионного кладбища 339 стрелковой дивизии и 55 гвардейской стрелковой дивизии. Восконьян Х.Ж. также значится перезахороненным: завод им. Войкова, ПКиО, братская могила [НА ВКИКМЗ, оп. 3, ед.хр. 201].

[18] Напр., см.: [Поисково-эксгумационные работы в г. Керчь, 2020; ДОСААФ РОССИИ РК проводят эксгумацию воинского кладбища в Керчи, 2020; Под Керчью нашли.., 2020 и др.]

На этот – последний – тезис хотелось бы обратить особое внимание, остановившись на нескольких хрестоматийных моментах, являющихся аксиомами для любого профессионального археолога, но до сих пор так и не понятых поисковым сообществом. Раскопки некрополя, кладбища, отдельной могилы дело не только методическое, но и методологическое, то есть нужно не только грамотно раскопать объект, но и правильно сформулировать цели раскопок. Нельзя сужать исследовательскую задачу до изучения произвольно выбранного признака (признаков). Важно все. При этом особое внимание следует уделять фиксации всех деталей на месте. Раскопать могилу аккуратно, вынуть кости и предметы – просто, трудно изучить ее и оформить как археологический источник.

При этом необходимо понимать, что любой археологический источник изначально не предназначен для передачи информации. А поскольку главный метод археологии – раскопки – приводит к уничтожению памятника и «прочесть» его можно только один раз, нужно сделать все возможное, чтобы результат раскопок превратить в такой источник, к которому можно будет обращаться многократно. Единственный путь к этому – тщательная фиксация в терминах «единого» языка, «единой» и полноценной полевой документации.

Если говорить об этом применительно к «военным» раскопкам, то все перечисленные моменты приобретают еще большее значение, поскольку от правильно поставленных целей, выбора и соблюдения методики, тщательной фиксации результатов[19] зависит не просто абстрактная возможность получения новых знаний, а судьбы людей.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Бабанин Т.В. Укрупнение воинских захоронений в 1940-1960-е гг. и проблема увековечения памяти погибших защитников Отечества [Электронный ресурс] // CYBERLENINKA. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ukrupnenie-voinskih-zahoroneniy-v-1940-1960-e-gg-i-problemy-uvekovechivaniya-pamyati-pogibshih-zaschitnikov-otechestva-na-primere-1/viewer

Механиков С.В. Воинский некрополь Керчи // Керчь военная. Сборник статей. Керчь, 2004.

ДОСААФ РОССИИ РК проводят эксгумацию воинского кладбища в Керчи. 2020 [Электронный ресурс] // YouTube. URL: https://www.youtube.com/watch?v=u3O8GVMBmq0&feature=emb_logo

Под Керчью нашли массовое захоронение красноармейцев. 2020 [Электронный ресурс] // KERCH.COM.RU. URL: http://www.kerch.com.ru/articleview.aspx?id=90006

[19] Говоря о тщательной фиксации результатов раскопок, еще раз подчеркнем, что предусмотренные действующими правилами и рекомендациями формы отчетной документации о поисковых работах (в том числе протоколы раскопов и протоколы эксгумации) не предусматривают сохранения необходимого объема информации.

Поисково-эксгумационные работы в г. Керчь. 2020 [Электронный ресурс] // YouTube. URL: https://www.youtube.com/watch?v=6q0gIRCMGp4&feature

Сафронова М. Великая Память и отечественное беспамятство. Часть вторая. Из истории воинских захоронений в Псковской области // Псковская губернія. Газета. 2011, 22 ноября.

REFERENCES

Babanin T.V. Ukrupnenie voinskix zaxoronenij v 1940 –1960-e gg. i problema uvekovecheniya pamyati pogibshix zashhitnikov Otechestva [E`lektronny`j resurs] // CYBERLENINKA. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ukrupnenie-voinskih-zahoroneniy-v-1940-1960-e-gg-i-problemy-uvekovechivaniya-pamyati-pogibshih-zaschitnikov-otechestva-na-primere-1/viewer

Mexanikov S.V. Voinskij nekropol` Kerchi // Kerch` voennaya. Sbornik statej. Kerch`, 2004.

DOSAAF ROSSII RK provodyat e`ksgumaciyu voinskogo kladbishha v Kerchi. 2020 [E`lektronny`j resurs] // YouTube. URL: https://www.youtube.com/watch?v=u3O8GVMBmq0&feature=emb_logo

Pod Kerch`yu nashli massovoe zaxoronenie krasnoarmejcev. 2020 [E`lektronny`j resurs] // KERCH.COM.RU. URL: http://www.kerch.com.ru/articleview.aspx?id=90006

Poiskovo-e`ksgumacionny`e raboty` v g. Kerch`. 2020 [E`lektronny`j resurs] // YouTube. URL: https://www.youtube.com/watch?v=6q0gIRCMGp4&feature

Safronova M. Velikaya Pamyat` i otechestvennoe bespamyatstvo. Chast` vtoraya. Iz istorii voinskix zaxoronenij v Pskovskoj oblasti // Pskovskaya guberniya. Gazeta. 2011, 22 noyabrya.. 4

Резюме

В статье затрагиваются проблемы комплексного подхода при исследовании объектов культурного наследия новейшего времени, в том числе необходимость тщательной фиксации результатов исследований. На примере работ по переносу «забытого» кладбища 339 стрелковой дивизии в Керчи, на конкретных примерах подтверждается необходимость использования археологических методик при полевых исследованиях и ценность той информации, которая может быть утрачена при пренебрежении этим правилом.

Ключевые слова: Керчь, воинские захоронения, поисковые работы, археологические методики, дивизионное кладбище, 339 стрелковая дивизия.

Summary

The article touches upon the problems of an integrated approach to the study of objects of cultural heritage of modern times, including the need for careful recording of research results. Using the example of the work on the transfer of the “forgotten” cemetery of the 339 Infantry Division to Kerch, concrete examples confirm the need to use archaeological methods in field research and the value of the information that can be lost if this rule is ignored.

Key words: Kerch, military burials, search work, archaeological methods, divisional cemetery, 339 infantry division.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ
Симонов Владимир Владимирович,
председатель правления,
Крымская региональная общественная
организация «Восточно-Крымский центр
военно-исторических исследований»,
Республика Крым, г. Керчь,
Вокзальное шоссе, д. 35, кв. 129.
qvest59@rambler.ru
+7 978 824 64 09

Скляренко Илья Валентинович,
специалист,
Крымская региональная общественная
организация «Восточно-Крымский центр
военно-исторических исследований»,
Республика Крым, г. Керчь,
Вокзальное шоссе, д. 35, кв. 129.
gottlieb_glasser@mail.ru
+7 978 721 87 29

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS
Simonov Vladimir Vladimirovich,
Chairman of the Management Board,
Crimean Regional Public Organization
“East Crimean Center for Military-Historical Researches”,
Vokzal’noe shosse st., 35, Kerch, Republican Crimea.
qvest59@rambler.ru
+7 978 824 64 09

Sklyarenko Ilya Valentinovich,
specialist,
Crimean Regional Public Organization
“East Crimean Center for Military-Historical Researches”,
Vokzal’noe shosse st., 35, Kerch, Republican Crimea.
gottlieb_glasser@mail.ru
+7 978 721 87 29

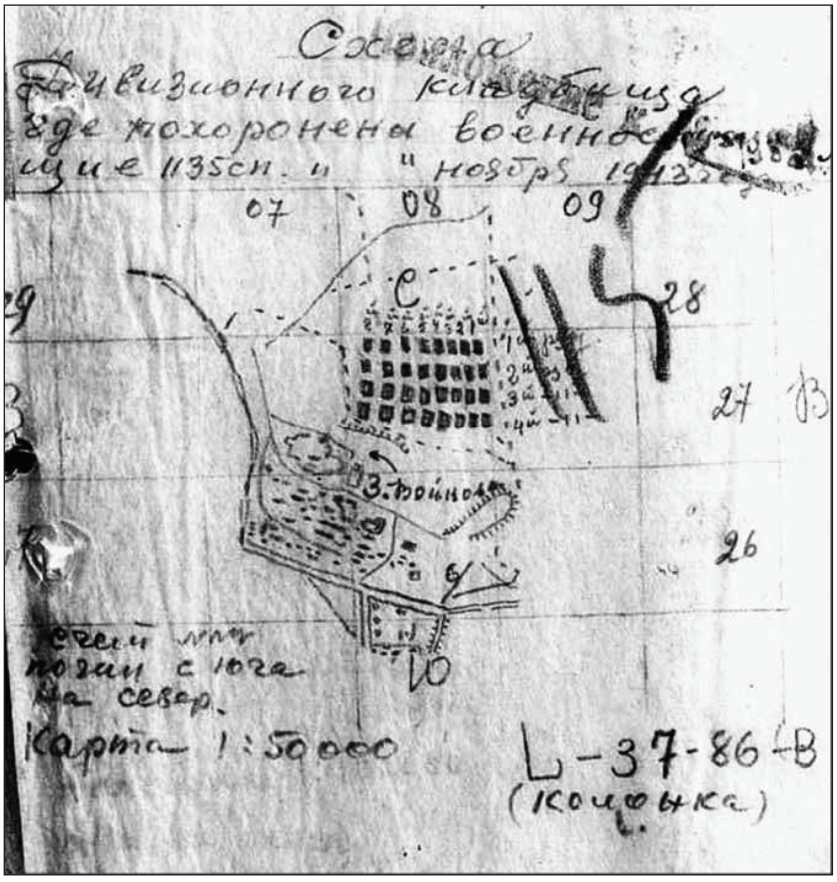

Рис. 1. Схема дивизионного кладбища, где были похоронены военнослужащие 1135 полка 339 стрелковой дивизии.

Рис. 2. Схема погребения убитых 1137 стрелкового полка 339 стрелковой дивизии на дивизионном кладбище северо-восточнее завода им. Войкова.

Рис. 3. Дивизионное кладбище северо-восточнее завода им. Войкова. Границы территории объекта на аэрофотоснимке и спутниковом снимке.

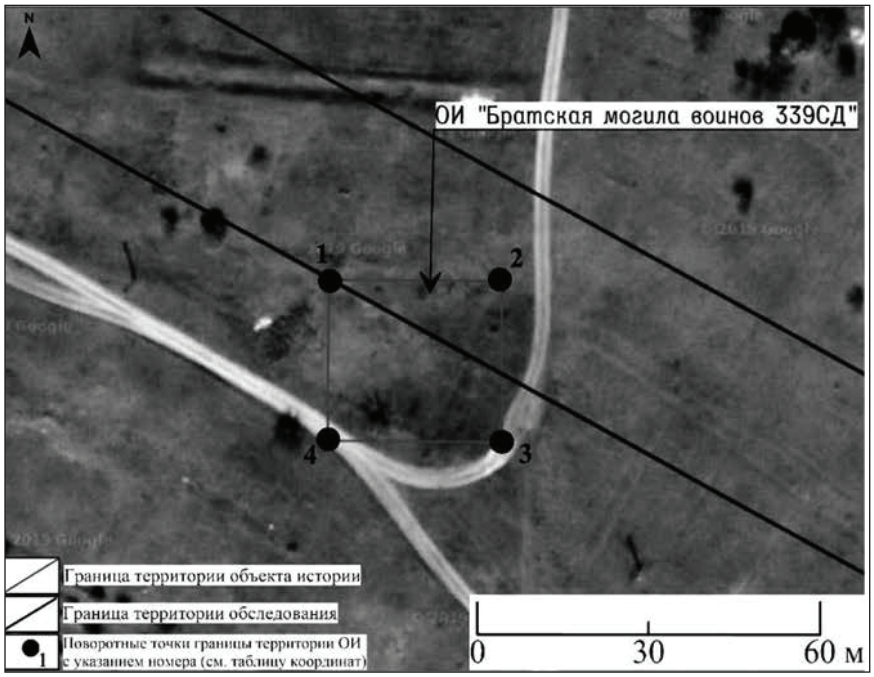

Рис. 4. Дивизионное кладбище 339 стрелковой дивизии. Границы территории объекта в соотношении с границами проведения строительных работ (на спутниковом снимке).

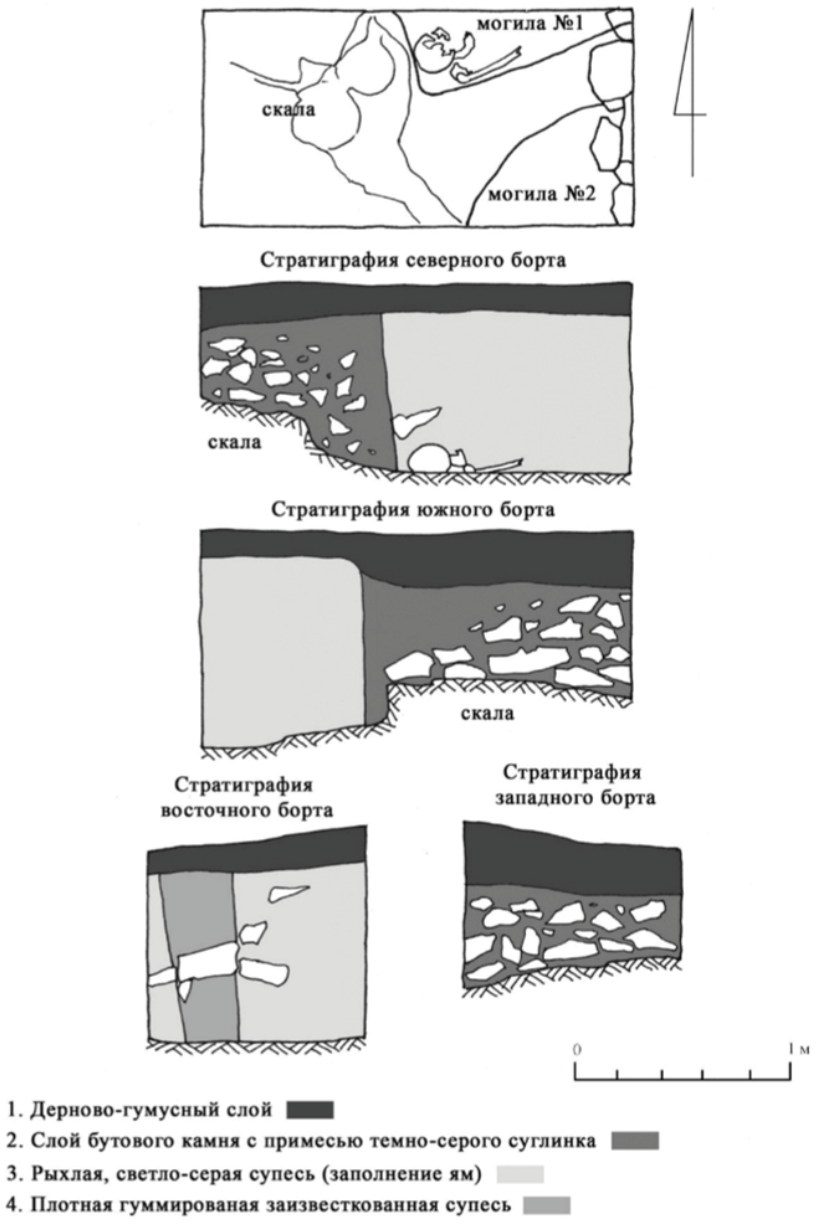

Рис. 5. Шурф № 3. План, стратиграфия бортов.

ИСТОРИЯ НАУКИ

Я.М. ПАРОМОВ
YA.M. PAROMOV

ОЧЕРК РАЗВИТИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТОГРАФИИ В РОССИИ (XVIII – НАЧАЛО XXI в.)
AN OUTLINE OF THE DEVELOPMENT OF ARCHAEOLOGICAL CARTOGRAPHY IN RUSSIA (XVIII – BEGINNING OF THE XXI CENTURY)

Памяти Е.Я. Рогова

Возможно, нет ничего трогательнее дани, приносимой памяти товарища. С Евгением Яковлевичем Роговым мы познакомились в 1986 г., но только в 1997 г. судьба сблизила нас на Таманском полуострове, где я работал с 1971 г., и на который Евгений Яковлевич вступал тогда впервые. Все начиналось так: весной 1997г., после непростой встречи с Г.А. Кошеленко, ко мне домой пришли петербургские археологи К.К. Марченко, Е.Я. Рогов, Ю.А. Виноградов и С.Л. Соловьев. Говорили о многом и, конечно, о памятниках Тамани, о раскопках и разведках. Для меня очень важным в нашем разговоре было приглашение принять участие в исследованиях Южно-Таманской античной комплексной археологической экспедиции (ЮТАКАЭ) Государственного Эрмитажа под руководством С.Л. Соловьева. Разведки в ней, как выяснилось позже, по отдельному Открытому листу должен был возглавить Е.Я.Рогов. Обследовать предстояло округу поселка Волна. Надо сказать, что предложение петербургских коллег совпало с моим заветным желанием. Ранее мне не удавалось уделить достаточного внимания этому району Таманского полуострова. Теперь открывалась замечательная возможность дополнить и уточнить его археологическую карту. С этой встречи до последних дней Евгения Яковлевича мы, говоря фигурально, были неразлучны. Четыре года (1997–2000) я занимался разведками в его отрядах: уже упомянутом Разведочном отряде ЮТАКАЭ (1997), а также Бугазском (1998) и Таманском (1999, 2000) отрядах Боспорской экспедиции ИИМК РАН. Работы проводились совместно с Вестфальским университетом (Германия) по программе «Боспорские греки и их соседи в античное время», предусматривавшей исследования по двум основным направлениям: 1) разведки памятников в юго-западной части Таманского полуострова и 2) раскопки ключевого по теме памятника – поселения Вышестеблиевская-11. Программа выглядела заманчиво. Реальная действительность складывалась несколько по-иному. Почти все силы и внимание Евгения Яковлевича отдавались раскопкам. На первых этапах – углубленному обследованию поселений эпохи архаики – Средневековья Артющенко-2 и Вышестеблиевская-11, а также стационарным раскопкам поселения Артющенко-2. В дальнейшем главные усилия были перенесены на поселение Вышестеблиевская-11,

исследования которого приносили более ценные и важные для науки материалы. Следует отметить, что много сил и внимания со стороны Евгения Яковлевича требовало также присутствие в экспедиции немецких ученых. В этой ситуации разведки оказались своего рода Золушкой – без транспорта и практически без сотрудников. Вначале у меня были помощники из отряда (чаще всего ими являлись С.В. Кашаев и О.В. Андреева), позже работать приходилось практически в одиночку. Утром я укладывал в сумку папку с картами и аэрофотоснимками, пенал, фотоаппарат, сигареты, бутылку с водой, брал палку с острым концом и уходил. Возвращаясь к вечеру, еще издали, чуть ли не за километр, я видел ожидавшего меня Евгения Яковлевича. Мы оба понимали всю тяжесть и сознавали определенную опасность подобных одиночных разведок, однако делать было нечего, иначе не получалось. Радость вечерней встречи превозмогала все тяготы. Сейчас эти минуты вспоминаются как счастливые мгновения жизни. Таким образом за четыре сезона было обследовано 216 памятников (40 поселений и 176 курганов). Помещенную ниже статью прошу принять как скромную лепту в общую копилку бесконечного уважения и любви, которыми друзья и коллеги одарили Евгения Яковлевича Рогова.

Создание археологической карты России всегда являлось одной из первоочередных задач отечественной науки. Однако ее разработка долгое время регламентировалась недостаточной самостоятельностью археологии как отдельной отрасли науки, а также уровнем развития и техническими возможностями российской картографии. Чрезвычайно важным моментом общественного признания и оценки истинного значения археологии было основание в 1859 г. Императорской археологической комиссии (ИАК) – первого государственного археологического учреждения России. Деятельность ИАК по учету и охране культурного наследия выразилась в поисках сотрудничества с Министерством внутренних дел, как по производственной линии, так и в научно-статистической области. Касаясь линии производства, следует отметить, что руководство ИАК дважды (в 1867 и 1868 гг.) обращалось в Департамент общих дел МВД с предложением о сотрудничестве между промышленными компаниями крупнейших строительных объектов (15 железных дорог на территории всей Европейской части России) и Комиссией, согласно которому предусматривалась отсылка в ИАК найденных в процессе производства работ древностей, а также информации о местах их обнаружения [Императорская археологическая…, 2009. С. 80]. Научным соработником Археологической комиссии в деле изучения отечественных древностей и собирания сведений о них явились губернские и областные Статистические комитеты. В этом направлении предполагалось создание своего рода «банка» статистических данных для «нанесения на карты пунктов, замечательных в археологических отношениях» с тем, чтобы «обратить внимание общества на памятники старины», и со временем, по зарубежному опыту (прежде всего французскому), образовать местные археологические комиссии. В этих целях Императорской археологической комиссией в 1862 г. была разработана и в 1863 г. отправлена в МВД «Программа археологических исследований, по которым ожидает-

ся содействие Статистических комитетов», встреченная в Министерстве внутренних дел «с особой готовностью употребить все меры к осуществлению предположений Комиссии» [Императорская археологическая…, 2009. С. 81, 82]. Следует сказать, что Статистические комитеты, куда была разослана «Программа», в свою очередь инициировали широкое привлечение к работе по ней местной интеллигенции – приходского духовенства и сельских учителей.

Позднее к активной деятельности и сотрудничеству с ИАК в области выявления, учета и сохранения археологических памятников, а также в сфере их изучения присоединилось значительное число вновь создаваемых Губернских ученых архивных комиссий. Все перечисленные выше усилия и мероприятия, все действия и работы носили предварительный характер, были всего лишь подготовительными, являясь своего рода приступом к разрешению этой не только научной, но в определенном смысле государственной, национальной задачи. Хотя здесь же следует отметить, что в этой области были и вполне конкретные успехи, пусть даже только локального значения и характера. Наглядным примером этого может служить Таманский полуостров, обследованный по поручению ИАК в первый же год ее существования (1859) доцентом Московского университета К.К. Гёрцем, опубликовавшим в двух книгах обзор археологической топографии полуострова и историю его исследований [Гёрц, 1870; 1875]. Позднее сведения об этом регионе были дополнены двумя действовавшими самостоятельно учеными-одиночками: отставным казачьим офицером М.О. Поночевным [1891] и директором Темрюкского музея С.Ф. Войцеховским [1929–1930]. Несколько штрихов в общую картину древностей Таманского полуострова внесла экспедиция РАНИОН 1926–1927 гг. [Башкиров, 1927; 1928]. Однако особого внимания заслуживают исследования экспедиции ГАИМК 1930–1931 гг. под руководством репрессированного в 1933 г. ученого с европейским образованием А.А. Миллера. Разведки в ней возглавлял А.А.Иессен. К сожалению, их результаты практически не опубликованы. В Научном архиве ИИМК РАН сохранилась рукописная карта, на которой в пределах Таманского полуострова обозначены 88 обследованных поселений античного и средневекового времени, а также четыре дифференцированных плана полуострова, на которых показаны памятники эпохи камня и бронзы, поселения архаического и классического, эллинистического и римского периодов, раннего Средневековья и турецко-татарского времени [НА ИИМК РАН, РА, Р-1, № 158, инв. 1210; № 160, инв. 1303–1306; Паромов, 1992. С. 124–131, рис. 2]. Это был новый для своего времени подход научного осмысления археологической карты с целью изучения в пределах определенного региона всего процесса развития материальной культуры в ряде последовательных изменений и преобразований [Миллер, 1931. С. 26, 27].

Обращаясь к уровню развития и техническим возможностям отечественной картографии (второй составляющей нашей темы), следует, прежде всего, отметить чрезвычайно высокую насыщенность российских топографических карт археологической информацией. При этом следует принять во внимание, что археологическая

нагрузка закладывалась в карты геодезистами без участия археологов или их указаний, различные объекты нашли на них свое отображение лишь в силу собственной ландшафтной выразительности. В качестве примера представим краткий анализ шести карт Таманского полуострова екатерининского времени (1786–1794), хранящихся в Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА): пяти рукописных и одной гравированной, выполненных в масштабе 4 версты в 1 английском дюйме (в 1 см – 1,68 км; одна из рукописных карт имеет масштаб 8 верст в дюйме = 3, 36 км в 1 см) [РГВИА, ВУА, Ф. 846, оп. 16, № 25887; 21159; 21468; 23629; Ф. 349, оп. 40, № 1757; Ф. 422, д. 615]. Площадь Таманского полуострова составляет около 1200 кв. км. На каждой из шести карт показано от 70 до 122 курганов и от 3 до 6 крепостей-батареек античного и средневекового времени, остатки 43–47 поселений турецко-татарского периода, на трех картах обозначен Киммерийский вал, реально изображенный всеми четырьмя участками. Таким образом, археологическая нагрузка на этих «снятых по инструменту» картах екатерининского времени составляла от 102, 5 до 144, 2 памятника в расчете на 1000 кв.км. Учитывая недавно опубликованные данные, эти показатели следует признать высокими [Макаров и др., 2016. С. 8]. Для карты из книги К.К. Гёрца [1870, № 2], отличающейся от екатерининских лишь хромолитографическим исполнением (при той же технике съемки и том же масштабе), этот показатель равен 113,3 памятника. Для топографической карты, использовавшейся в исследованиях А.А. Иессена и А.А. Миллера (дореволюционная двухверстка, в 1 см – 0,84 км) [НА ИИМК РАН, РА, Р-1, № 158; Миллер, 1932. С. 45], эта цифра равна 183,3; с учетом обследованных и нанесенных ими на карту 88 древних поселений, условная археологическая нагрузка возросла до 255,8 памятника.

В русле нашей темы необходимо отметить, что геодезия и картография нового времени, зародившиеся в России позже, чем на Западе, в своем развитии быстро достигли мирового уровня и в начале XX в. вышли на самые передовые позиции. Становление научного картографирования в нашем Отечестве было связано с деятельностью Географического департамента АН, возглавлявшегося в XVIII в. (с 1758г.) М.В. Ломоносовым. В XVIII и XIX вв. обязанности картографо-геодезической службы выполняли Корпус военных топографов, уже упомянутый Географический департамент АН, Русское географическое общество и Межевое ведомство. Высокий уровень российской картографии во многом объясняется ее тесной связью с академической наукой и ее достижениями. Использование карт началось с разрешения главнейшей задачи – исчисления площади государства Российского, чему в той или иной мере способствовали труды С.У. Ремезова, В.Н. Татищева, В.Л. Крафта, Н.Е.Зернова и др. Исследования А.А. Титло и его преемника Ю.М. Шокальского, картометрировавших длины и бассейны более трех тысяч рек России, были удостоены золотых медалей Петербургской и Парижской академий наук. Использование самых информативных и точных для своего времени карт способствовало открытию фундаментального закона географической зональности (А. Гумбольдт, В.В. Докучаев). В 1916г.

В.И. Вернадским была предложена программа централизации геодезических и картографических работ в России, реализованная позже в виде учреждения Высшего геодезического управления (1919 г.) и Главного управления геодезии и картографии при Совете министров СССР (1967 г.), в настоящее время – Федерального агентства (Роскартография, 2004 г.). Итогом грандиозной по объему многолетней работы картографо-геодезической службы России является полное обеспечение всей территории страны топографическими картами масштабов от 1:25000 до 1:1000000 и около четверти территории картами масштаба 1:10000. Все города, поселки и промышленные зоны обеспечены необходимыми для грамотного землепользования и ведения хозяйства топографическими планами масштабов 1:5000, 1:2000 и крупнее.

В процессе совершенствования наземных топографических съемок, с одной стороны, и технического исполнения (гравировки и литографирования) листов топографических карт – с другой, в них постоянно увеличивалась и накапливалась так называемая условная археологическая нагрузка. В этой связи следует особо отметить, что современные крупномасштабные карты на редкость информативны. Прежде всего это относится к листам масштаба 1:10000 (в 1 см – 100 м). Дело в том, что сама работа над картами этого масштаба, создание и выпуск ее листов стали возможны лишь после широкого привлечения в картографию специальных плановых аэрофотосъемок и использования при изготовлении (отрисовке) карт метода стереофотограмметрии и специального оборудования. На Западе эти революционные технологические изменения произошли в первой трети и второй четверти XX в., а в нашей стране – уже после Великой Отечественной войны. Качественное отличие новых карт от старых, отрисованных по данным наземной геодезической съемки, заключается в том, что старые карты отрисованы методом интерполяции пространства между точками съемки, которые (и только которые) являются на листе карты истинными, в то время как все элементы (прежде всего – горизонтали) новой карты отрисованы по стереопаре аэрофотоснимков в системе непрерывной реальности. Это в отличие от старых карт дает принципиально иную, достоверную по всему полю листа картину земной поверхности, содержащую ценную для археологии информацию: отображение курганов, прямолинейных лощин, являющихся следами древних дорог, микрорельефа остатков древних поселений, дамб и других объектов.

Однако в гораздо большей степени, чем карты, археологической информацией насыщены плановые аэрофотосъемки, являющиеся исходным материалом или источником при создании карт. Их информативность ни с чем не идет в сравнение. В особенности это относится к тем регионам, где значительные площади, а иногда, как на Таманском полуострове, практически вся территория распахана. Распашка, если так можно выразиться, содрала кожу земли, обнажив, как сухожилия и мышцы на статуе Гудона, скрывавшиеся под травяным покровом следы деятельности человеческого сообщества на протяжении многих веков. В совокупности эти следы представляют собой достаточно полное отображение древних систем расселения с их основными элементами: поселениями и дорогами, курганными и грунтовыми

могильниками, межеванием земельных наделов, укреплениями, дамбами и другими искусственными сооружениями [Паромов, 2008. С. 200, 201; 2010. С. 78, 79].

Отдельно не останавливаясь на зарубежном и отечественном опыте применения аэрометодов в археологии, а также использования геоинформационных систем и дистанционного зондирования, достаточно подробно освещенных в коллективном исследовании о древностях Кисловодской котловины [Афанасьев и др., 2004. С. 50–60], необходимо совершенно определенно сказать, что в этой области успехи еще чрезвычайно редки. Археологическая информация, содержащаяся в крупномасштабных картах и плановых аэрофотосъемках, до настоящего времени еще представляет собой практически не озвученный, не переведенный на язык науки материал. Он представляет собой лишь источник. И каким бы ценным он ни являлся, до его изучения профессиональным археологом, расшифровки и проверки непосредственно на памятнике, этот материал не может быть переведен в категорию достоверных научных знаний.

В нашей литературе специальной теме археологической картографии посвящена, вероятно, только одна работа [Монгайт, 1962], в которой известный советский археолог, подробно анализируя отечественный и зарубежный опыт, определяет задачи и возможности археологического картографирования. На первое место среди выделяемых им задач помещено установление, уточнение и изображение пространственного размещения археологических памятников на земной поверхности, создание обзорной карты научно-справочного характера как основы для дальнейших археологических исследований, исторических выводов и обобщений. Иными словами, первой задачей является составление «Основной археологической карты», включающей в себя все археологические памятники изучаемой территории на основании использования всех источников и сплошного ее обследования [Монгайт, 1962. С. 16, 17].

На второе место среди задач им было поставлено обобщение материалов и обоснование выводов в отношении явлений, куда входят: 1) составление карт, показывающих географическое размещение археологических культур; 2) изучение и изображение (пространственный анализ) локализации, перемещений, взаимосвязей и взаимовлияний археологических культур и этнических групп; 3) пространственный анализ размещения и распространения отдельных видов производств и ремесел, сельскохозяйственных культур и т.п., а также отдельных типов артефактов; 4)определение и изображение этнических, политических и других границ; 5) определение экономических связей и торговых путей; 6) пространственное изображение процессов и явлений этнического, экономического, культурного и политического характера, определенных по археологическим данным. В отдельную задачу им было выделено установление и изображение взаимосвязи общественных явлений прошлого (способов ведения хозяйства, колонизационных перемещений, экспансий и т.д.) и влияния на них географических факторов [Монгайт, 1962. С. 17]. Эти основные положения в рассматриваемой статье достаточно наглядно иллюстрированы картой экономических связей на территории

Европы в эпоху бронзы, выполненной автором по материалам Г. Кларка, картой взаимосвязи ареалов распространения лессовых почв и первых земледельческих культур Европы в середине III тысячелетия до н.э. (по Граману и Г. Чайлду) и картой зависимости расположения отдельных поселений I дунайской культуры того же времени от наличия легких в обработке лессовых почв (по Граману и Бутлеру) [Монгайт, 1962. Рис. 1, 3, 4].

Публикация статьи А.Л. Монгайта была весьма своевременной. В 1957 г. Институт археологии одновременно с началом издания журнала «Советская археология», в котором печатались статьи археологов всей страны, в целях выведения на новый уровень источниковедческой базы своей науки приступил к подготовке монументального издания «Свод археологических источников» (САИ), рассчитанного на 350–400 выпусков. Инициатором этого издания – академиком Б.А. Рыбаковым – было твердо заявлено, что задача каждого «Свода» заключается в составлении полной археологической карты по данной теме, призванной быть фундаментом для построения обоснованной новейшими методами типологии вещей, сооружений и комплексов отдельных археологических культур [Рыбаков, 1984. С. 6].

Не менее чем САИ, идеями археологической картографии было сцементировано задуманное двадцатитомным фундаментальное издание «Археология СССР», к подготовке первых томов которого институт приступил в 1960-е годы, одновременно с выходом первых «Сводов». Задача этого издания была очень близка к задаче САИ: им также охватывался весь доступный археологам материал, но в итоговое оформление темы он выходил в обработанном, уплотненном виде. Издание создавалось с целью дать мировой исторической науке возможно более полное, систематизированное представление об огромном археологическом материале всех эпох – от палеолита до развитого Средневековья, собранном на всей территории СССР [Рыбаков, 1984. С. 5, 7]. Издание было осуществлено почти полностью; с 1981 до 2003 г. под общей редакцией академика Б.А. Рыбакова вышло 18 томов, от первого – «Степи Евразии в эпоху Средневековья» [1981] до последнего – «Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху Средневековья. IV–XIII вв.» [2003].

Все карты в фундаментальных институтских изданиях создавались по одному принципу или, лучше сказать, в едином ключе – на основе использования гидросети. Ее изображение с привычными и легко узнаваемыми речными системами, а также контурами морских берегов и озер явилось наиболее удобной формой для зрительного восприятия (визуализации) пространственного положения памятников археологии, отдельных находок, ареалов археологических культур и другой научной информации. Для этих целей были выбраны гидросети различных масштабов: от одной миллионной (в 1 см 10 км) до одной десятимиллионной (в 1см 100 км). Следует отметить, что потребность в картах для изданий института была столь велика, что в 1960 г. в связи с подготовкой первых выпусков «Свода археологических источников» был создан кабинет картографии, которым заведовала Л.Н. Пулькина – профессиональный геодезист-картограф. Ею и руководимой ею

группой были выработаны основные принципы составления карт для «САИ», «Археологии СССР» и других фундаментальных издательских проектов [Институт археологии: история и современность, 2000. С. 198].

В 1972 г. в Институте археологии для реализации государственной программы по изданию «Свода памятников истории и культуры народов СССР» был создан отдел археологических сводов и карт. Накопленные в архиве отдела паспорта на 42 тысячи памятников 66 регионов России легли в основу инициированной Ю.А. Красновым, новым руководителем отдела, серии «Археологическая карта России» (АКР). С 1992г. до 2020 г. из печати вышел 31 том с информацией о 25436 памятниках археологии 14 областей (Брянской, Владимирской, Ивановской, Калужской, Костромской, Курской, Московской, Нижегородской, Орловской, Рязанской, Смоленской, Тверской, Тульской, Ярославской), республики Мордовия и Москвы (Ч. 1). Все карты в АКР выполнены в соответствии с изложенными выше принципами и установлениями археологического картографирования. Более подробно они рассматриваются в статье Т.Д. Николаенко, посвященной методике разработки, структуре и научному потенциалу археологической карты Нижегородской области [Николаенко, 2017].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Афанасьев Г.Е., Савенко С.Н., Коробов Д.С. Древности Кисловодской котловины. М., 2004.

Башкиров А.С. Археологическое обследование Таманского полуострова летом 1926 года // Труды этнографо-археологического музея I МГУ. № 3. 1927. С. 26–40.

Башкиров А.С. Археологическое обследование Таманского полуострова летом 1927 года // Труды секции археологии РАНИОН. Вып. III. М., 1928. С. 71–86.

Войцеховский С.Ф. Опыт восстановления рельефа Таманского полуострова применительно к эпохе Страбона и позднейшему времени // Записки СКОАИЭ. Кн. I (т. 3), вып. 5–6. Ростов-на-Дону, 1929–1930. С. 4–9.

Гёрц К.К. Археологическая топография Таманского полуострова. М., 1870.

Гёрц К.К. Исторический обзор археологических исследований и открытий на Таманском полуострове с конца XVIII столетия до 1859 года // Труды МАО. Т. VI. Вып. 1. 1875. С. 1–40.

Императорская археологическая комиссия (1859–1917): К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия. СПб., 2009.

Институт археологии: история и современность. Сборник научных биографий. М., 2000.

Макаров Н.А., Зеленцова О.В., Коробов Д.С., Черников А.П., Ворошилов А.Н. Россия как археологическое пространство: первые итоги работы по созданию национальной географо-информационной системы «Археологические памятники России» // РА. № 4. 2016. С. 5–15.

Миллер А.А. Таманская экспедиция ГАИМК // Сообщения ГАИМК. № 1. 1931. С. 26–29.

Миллер А.А. Выставка работ экспедиций Государственной академии истории материальной культуры // Сообщения ГАИМК. № 7–8. 1932. С. 43–50.

Монгайт А.Л. Задачи и возможности археологической картографии // СА. № 1. 1962. С. 16–35.

Николаенко Т.Д. Археологическая карта России. Нижегородская область: методика разработки, структура, научный потенциал // КСИА. Вып. 249. Ч. I. 2017. С. 318–323.

Паромов Я.М. Очерк истории археолого-топографического исследования Таманского полуострова // Боспорский сборник 1. М., 1992. С. 109–146.
Паромов Я.М. Методика разработки современной археологической карты Таманского полуострова // Древности Юга России: памяти А.Г. Атавина. М., 2008. С. 198–210.
Паромов Я.М. Общие вопросы археологического обследования территории (на примере Таманского полуострова и хоры Ольвии) // Нижегородские исследования по краеведению и археологии. Вып. 12. Нижний Новгород, 2010. С. 76–103.
Поночевный М.О. Географический очерк Боспорского царства // Кубанский сборник. Т. II. Екатеринодар, 1891. С. 1–60.
Рыбаков Б.А. Предисловие к «Археологии СССР» // Палеолит СССР. М., 1984. С. 5–8.

REFERENCES

Afanas'ev .E, Savenko S.N., Korobov D.S. *Drevnosti Kislovodskoi kotloviny*.M.,2004.
Bashkirov A.S. Arkheologicheskoe obsledovanie Tamanskogo poluostrova letom 1926 goda.*Trudy etnografo-arkheologicheskogo muzeia I MGU*.№ 3. 1927, pp. 26–40.
Bashkirov A.S. Arkheologicheskoe obsledovanie Tamanskogo poluostrova letom 1927goda.*Trudy sektsii arkheologii RANION*.III. M., 1928, pp. 71–86.
Gerts K.K. *Arkheologicheskaia topografiia Tamanskogo poluostrova.*M., 1870.
Gerts K.K. Istoricheskii obzor arkheologicheskikh issledovanii i otkrytii na Tamanskom poluostrove s kontsa XVIII stoletiia do 1859 goda. *Trudy MAO*. vol. VI. Vyp. 1. 1875, pp. 1–40.
Imperatorskaia Arkheologicheskaia Komissiia (1859–1917): *K 150-letiiu so dnia osnovaniia.U istokov otechestvennoi arkheologii i okhrany kul'turnogo naslediia* SPb.,2009.
Institut arkheologii: istoriia i sovremennost'.*Sbornik nauchnykh biografii*.M., 2000.
Makarov N.A., Zelentsova O.V., Korobov D.S., Chernikov A.P., Voroshilov A.N. Rossiia kak arkheologiheskoe prostranstvo: pervye itogi raboty po sozdaniiu natsional'noi geografo-informatsionnoi sistemy "Arkheologicheskie pamiatniki Rossii".RA.№ 4. 2016, pp. 5–15.
Miller A.A. Tamanskaia ekspeditsiia GAIMK. *Soobshcheniia GAIMK*.№ 1. 1931, pp. 26–29.
Miller A.A. Vystavka rabot ekspeditsii Gosudarstvennoi Akademii istorii material'noi kul'tury. *Soobshcheniia GAIMK*. № 7–8. 1932, pp. 43–50.
Mongait A.L. Zadachi vozmozhnosti arkheologicheskoi kartografii.*SA*.№ 1. 1962, pp. 16–35.
Nikolaenko T.D. Arkheologicheskaia karta Rossii. Nizhegorodskaia oblast': metodika razrabotki, struktura, nauchnyi potentsial.*KSIA*. № 249. Part. I. 2017, pp. 318–323.
Paromov Ya.M. Ocherk istorii arkheoloo-topograficheskogo issledovaniia Tamanskogo poluostrova. *Bosporskii sbornik 1*.M., 1992, pp. 109–146.
Paromov Ya.M. Metodika razrabotki sovremennoi arkheologicheskoi karty Tamanskogo poluostrova. *Drevnosti Yuga Rossii: pamiati Atavina A.G*.M., 2008, pp. 198–210.
Paromov Ya.M. Obshchie voprosy arkheologicheskogo obsledovaniia territorii (na primere Tamanskogo poluostrova i khory Ol'vii). *Nizheorodskie issledovaniia po kraevedeniiu i arkheologii.* vol.12. Nizhnii Novgorod, 2010, pp. 76–103.
Ponochevnyi M.O. Geograficheskii ocherk Bosporskogo tsarstva. *Kubanskii sbornik.* Vol.II. Ekaterinodar, 1891, pp. 1–60.
Rybakov B.A. Predislovie k "Arkheologii SSSR".*Paleolit SSSR*.M., 1984, pp. 5–8.
Voitsekhovskii S.F. Opyt vosstanovleniia rel'efa Tamanskogo poluostrova primenitel'no k epokhe Strabona i pozdneishemu vremeni. *Zapiski SKOAIE.* Book I (v. 3), № 5–6.Rostov-na-Donu, 1929–1930, pp. 4–9.

Резюме

В статье на примере Таманского полуострова рассматривается долгий путь развития археологического картографирования в России от раннего этапа – рукописных карт екатерининского времени, независимо ни от чего содержавших ценные археологические сведения, до современных топографических карт, чрезвычайно насыщенных остатками археологических памятников различного рода. Анализируется деятельность Императорской археологической комиссии (ИАК) в связи с постановкой глобальной задачи создания археологической карты России, рассматриваются практические шаги ИАК в этом направлении и взаимодействие ИАК с другими государственными и общественными организациями по этой теме; рассматривается также развитие археологической картографии в связи с достижениями отечественной науки в области географии и изучения ландшафтов. Наибольшее внимание в статье уделено развитию археологической картографии в советское время – расширению круга задач в этой области и появлению новых возможностей в сфере геодезии и топографии (аэрофотосъемки земной поверхности и создание карт нового поколения на основе стереометодов). В заключительной части дан анализ общего состояния по созданию Археологической карты России (АКР) в настоящее время.

Ключевые слова: археологическая карта, курган, поселение, могильник, Императорская археологическая комиссия, геодезия, топография, ландшафт, аэрофотосъемка.

Summary

Using the example of the Taman Peninsula, the article examines the long way of the development of archaeological mapping in Russia from its early stage - handwritten maps of Catherine's time, regardless of anything containing valuable archaeological information, to modern topographic maps, extremely rich in the remains of various archaeological sites. The activities of the Imperial archaeological commission (IAC) in connection with the formulation of the global task of creating an archaeological map of Russia are analyzed. Practical steps of the IAC in this direction and the interaction of the IAC with other state and public organizations on this topic are considered. The development of archaeological cartography in connection with the achievements of domestic science in the field of geography and the study of landscapes is also surveyed. The greatest attention in the article is paid to the development of archaeological cartography in the Soviet era - to expanding the range of tasks in this area and new opportunities in the field of geodesy and topography (aerial photography of the earth's surface and the creation of new generation maps based on stereo methods). In the final part, an analysis of the general state of the creation of the Archaeological Map of Russia (AMR) now is given.

Key words: archaeological map, barrow, settlement, burial ground, the Imperial archaeological commission, geodesy, topography, landscape, aerial photography.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ
Паромов Яков Максимович, к.и.н.,
научный сотрудник Института археологии РАН (Москва).
+ 7(495) 936-56-85
kukuoba@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR
Paromov Iakov Maximovich, CSc,
Researcher, Inctitute of Archaeology RAS (Moskov).
+ 7(495) 936-56-85
kukuoba@yandex.ru

Ю.А. ВИНОГРАДОВ
IU.A. VINOGRADOV

ЭТЮД К ИСТОРИИ КЕРЧЕНСКОГО МУЗЕЯ НА ГРАНИ ЭПОХ (1918 – 1921)[1]
ETUDE TO THE HISTORY OF THE KERCH MUSEUM ON THE BORDER OF EPOCHS (1918 – 1921)

История Керченского музея изучена далеко не равномерно. К примеру, мы неплохо знаем обстоятельства, связанные с его созданием, деятельностью музея в рамках Императорской археологической комиссии и т.д., но положение этого археологического учреждения в годы Гражданской войны в России до недавнего времени практически не привлекало внимания исследователей [см.: Марти, 1926, с. 45]. Сейчас эта ситуация меняется к лучшему [см.: Виноградов, 2012, с. 328–332, 335–341; Федосеев, 2017, с. 161–167; Панкратова, 2018, с. 10–15], но слишком многие важные моменты в истории музея всё ещё остаются неясными. В немалой степени такое положение объясняется тем обстоятельством, что архивы сохранили немного документов, относящихся к этому сложнейшему времени. В этом отношении весьма важным представляется дело «Переписка с Керченским музеем древностей о его работе по реорганизации», находящееся на хранении в Рукописном отделении Научного архива ИИМК РАН [РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1921 г. Д. 13]. Оно содержит телеграммы, письма, отчёты и другие документы, которые директора Керченского музея К.Э. Гриневич (в большей степени) и Ю.Ю. Марти (в меньшей степени) направляли в Петроград. Материалы этого дела не привлекали внимания исследователей, но они (по крайней мере, некоторые из них), на мой взгляд, чрезвычайно ценны, и ученому сообществу следует о них знать.

Как известно, 12 ноября 1920 г. Красная Армия прорвала оборону белых на Перекопе, 16 ноября была занята Керчь, на этом Гражданская война в Европейской части России закончилась. Повсеместно была установлена советская власть, и Керченскому музею надо было адаптироваться к новой политической и экономической ситуации в стране. Вряд ли стоит говорить о том, что на протяжении многих лет (с 1859 г.) музей входил в состав Императорской археологической комиссии [Виноградов, 2012; 2019], после Февральской революции эта организация была преобразована в Российскую государственную археологическую комиссию (РГАК), а в 1919 г. на ее базе была создана Российская (потом Государственная) Академия

[1] Публикация подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ «А.А. Миллер и Таманская экспедиция ГАИМК (история, исследовательская деятельность, значение для современной науки)» 20–09–00180 А.

истории материальной культуры (РАИМК/ГАИМК). Керченскому музею, разумеется, следовало как можно скорей найти место в новой, советской системе, осознать свое соотношение с центральными научными организациями и пр.

В декабре 1920 г. ученый секретарь ГАИМК Б.В. Фармаковский направил в Керчь телеграмму, в которой поручалось заведование музеем и распоряжение имуществом бывшей Археологической комиссии директору, то есть К.Э. Гриневичу, являвшемуся к тому же руководителем Подотдела искусств при Керченском отделении народного образования (наробраза). От него потребовали также предоставить отчет о деятельности музея и смету расходов на ближайшее время [РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп.1. 1921 г. Д. 13. Л. 1]. Константин Эдуардович на это ответил телеграммой: «Жду дальнейших распоряжений относительно Керченского музея. Пока все нормально. Готовлю подробный отчет и смету. Заведую по приглашению Моисеева. Утвержден бывшей властью» [там же, л. 3].

В краткой телеграмме, разумеется, многого не скажешь. О настроениях К.Э.Гриневича того времени более подробно свидетельствует письмо, направленное Б.В. Фармаковскому 10 марта 1921 г. [там же, л. 38]:

«*Дорогой Борис Владимирович!*

Почему Вы молчите, почему от Вас я не получил ни одного письма, ни звука… Я работаю на поприще керченских древностей, изучаю древние памятники на месте, <исследую> топографию древних городов и заведую Керченскими музеями. Но здесь некому прочесть <свои сочинения>, не с кем поделиться результатами работ. Одиночество ужасное. Скажите, дорогой Борис Владимирович, можно ли надеяться возвратиться в Петроград и там продолжить научную работу? Есть ли к тому возможность и, если есть, спросите в Университете, мог ли бы он облегчить мне переезд? Где древности Археологической Комиссии? Мне хотелось бы над ними работать. Я жажду работы – и работаю пока что с увлечением.

Пишите. Производил летом 1920 г. раскопки некрополя.

Преданный К. Гриневич».

31 марта 1921 г. К.Э. Гриневич направил отчет (назовем его Первым отчетом, поскольку будет и второй), в котором кратко рассказал о своей жизни в предшествующие годы [там же, л. 13–14]:

«Во исполнение возложенных на меня Петроградским университетом и Археологической Комиссией научных заданий по собиранию археологического материала из области греческой культуры на юге России, я в августе 1918 года приехал на Украину и в течение продолжительного времени работал в Херсонесе, исследуя остатки древнегреческого поселения, посетил древний Страбоновский Херсонес[2]

[2] Старым Херсонесом или Старым Страбоновским Херсонесом некоторые исследователи признавали археологические объекты, расположенные на Маячном полуострове [по этому вопросу см.: Щеглов, 1994; 1997; Зедгенидзе, 2017; Смекалова, Виноградов, 2020].

и осмотрел побережье до Балаклавы. Но, к сожалению, не смог устроиться в Севастополе на зиму для продолжения изысканий и вынужден был остановиться в Харькове, как ближайшем южном университете. В течение зимы 1918–1919 г. я прочел двухсеместровый курс "Греческие колонии на юге России и скифский мир" в Харьковском университете в звании приват-доцента. Дальнейшие события отрезали меня от Петрограда, но я получил официальное предложение от временно исполняющего делами председателя Археологической Комиссии Л.А. Моисеева занять должность директора Керченского музея древностей, куда в сентябре 1919 г. и приехал. При Музее мною были организованы Археологические курсы для создания новых кадров работников в области практической археологии (провел 2 семинара). Летом 1920 года были устроены археологические раскопки, было вскрыто 23 древних гробницы, содержание которых послужило мне материалом для написания работы "Вопросы датировки эллинистической керамики на Боспоре".

Был принят в число приват-доцентов Таврического университета, но ни разу приехать в Симферополь не удалось.

С 1918 года мною написаны следующие общие и специальные работы.

1918:

1. Мегалитические памятники Закавказья.

2. Влияние пергамской художественной школы на юге России.

3. По заказу Украинского издательского общества написал книгу (около 250 стр. с иллюстрациями) "Древнейшие греческие цивилизации на юге России" <...>. Издается в Полтаве.

4. Почему мы должны беречь памятники искусства и старины (брошюра).

1919–1920:

5. История Боспора по новым данным (около 250 стр.).

6. Терракоты Керченского музея <из> раскопок 1901–1918 гг.

7. Гемма Олимпия.

8. Краткий спутник по Музею.

9. L'Archéologie classique de Panticapée.

10. Отчёт о деятельности Керченского музея за 1920 год.

11. Древности Керчи (руины на г. Митридата и др.).

12. Вопросы датировки эллинистической Керамики на Боспоре.

13. Гидрии Керченского музея.

14. Акварельные вазы Керченского музея.

15. Орфей.

К сожалению, по условиям времени с величайшим трудом удалось напечатать только № 8 и 9. Остальные имеются в рукописи, готовые к печати. Осенью 1919 г. посетил Таманский полуостров и осмотрел Тузлинский некрополь и городища. Лето и осень 1920 – экскурсировал по Керченскому полуострову, что особенно предполагаю организовать в 1921 г. летом. При помощи скаутов вел показательные экскурсии и раскопки. Теперь – при помощи Всеобуч.

В виду того, что в последнее время мое научное задание, особенно в области изучения топографии Боспорской державы, приходит к концу, а даже в виду обременения меня в Керчи побочными обязанностями ненаучного характера (редколлегия Живой Газеты, заведование Подотделом искусств и проч.) я считаю долгом в срочном порядке поднять вопрос об отозвании меня для продолжения научной деятельности в Петроград, так как пребывание меня, университетского работника, в Керчи по исполнению определенного научного задания считаю с государственной точки зрения ненужным и вредным, не говоря уже о том, что я, как начинающий научный работник, нуждаюсь в научном руководительстве и поддержке коллег по специальности. Но так как просто мне отсюда уехать не удастся в виду нужды здесь, на месте в культурных работниках, я прошу взять на себя активную помощь и облегчить мне выезд из Керчи и проезд в Петроград».

Из этого документа вполне ясно, что в судьбе К.Э. Гриневича важную роль сыграл Л.А. Моисеев, который в отчете назван «исполняющим делами председателя Археологической Комиссии», что полностью соответствует действительности, поскольку граф А.А. Бобринской, летом 1919 г. уезжавший через Крым за границу, поручил Лаврентию Алексеевичу заведование Комиссией [Гриненко, 2000, с. 193–194]. Именно Л.А. Моисеев выдвинул Константина Эдуардовича на должность директора Керченского музея, и надо признать, что он имел на это право. Выбор оказался вполне удачным, и деятельность К.Э. Гриневича, как явствует из письма, была в высшей степени плодотворной, но о ней немало любопытного сказано и в документах, которые будут приведены ниже. Сейчас же стоит обратить внимание на его желание покинуть Керчь и вернуться в Петроград.

Вскоре после первого отчета, 3 апреля 1921 г., Константин Эдуардович написал очень трогательное письмо Б.В. Фармаковскому [РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1921 г. Д. 13. Л. 10]:

«Дорогой Борис Владимирович!

Я послал уже Вам привет со священных берегов Боспора Киммерийского, но не знаю, получили ли его. Я только что получил Вашу телеграмму об упразднении Археологической Комиссии и бесконечно рад, что Вы живы и по-прежнему стоите у <штурвала> научной работы…

Я же … Хотя я сам направил свою ладью в Пантикапей, но сейчас жажду вернуться к научной работе в Петроград. И сейчас поймете и увидите, что я прав. Уже два года, как я живу на берегах Боспора. За это время я написал и поработал много – скажу прямо – работал все время, исколесил Керченский и Таманский полуострова, даже производил показательные раскопки, пользуясь налаженным аппаратом Музея.

Мне здесь очень трудно работать научно в виду нагрузки посторонними должностями и отсутствия настоящих, живых и библиотечных руководителей. Я боюсь опуститься, окончательно опровинциалиться, а между тем у меня есть

силы сделать из жизни священное делание, претворение в жизнь научной работы.

Помогите вырваться мне и устроиться там, на севере. Я просил бы подыскать мне должности сообразно моей специальности и наклонностям – я не чуждаюсь организационной работы и музееведения.

Преданный К. Гриневич».

Ситуация с административным положением Керченского музея к тому времени вполне прояснилась, и, надо признать, она сильно изменилась по сравнению с дореволюционной. 25 апреля 1921 г. К.Э. Гриневич шлет в Петроград следующую телеграмму: *«Только Академии ли подведомствен Керченский музей? Ныне он подчинен Керченскому наробразу по разъяснению Крымского наробраза. Будет вскоре возможность произвести раскопки. Жду распоряжений и инструкций. Мне необходимо приехать в Петроград для доклада <о состоянии> археологического дела на юге. Был в Херсоне. Могу сообщить много. Вскоре буду в Тамани и Сенной. Отвечайте. Жду командировки. Подробности почтой»* [там же, л. 9]. Б.В. Фармаковский на это отвечал 27 апреля тоже телеграммой: *«В административном отношении музей подведомствен местному Наробразу. Возможно научное объединение с Академией. Устав Академии, командировочное удостоверение высылаем почтой»* [там же, л. 7]. В общем, роль ГАИМК в делах керченских археологов оказалась весьма ограниченной, по существу всем стали распоряжаться местные власти.

7 мая 1921 г. К.Э. Гриневич направил в Петроград «Отчет о деятельности Керченского музея с 1918 года по 1 мая 1921 г.», который значительно интересней первого, датированного 31 марта [там же, л. 17–18]:

«15 декабря 1918 года неизвестным злоумышленником у порога Музея убит директор Музея В.В. Шкорпил. Крымское краевое правительство назначило на его место керченского коллекционера-богача П.К. Месаксуди. Подробных сведений о времени его заведывания не имеется в делах Музея, а 8 марта 1919 г. П.К. Месаксуди вместе с Краевым правительством бежал за границу. С этого момента по мой приезд Музеем заведывала вдова покойного директора Л.Х. Шкорпил по доверенности П.К. Месаксуди. Летом 1919 я получил от временно исполняющего делами председателя Археологической комиссии Л.А. Моисеева официальное предложение занять должность директора Керченского музея, а осенью того же 1919 года я приехал в Керчь и вступил в должность.

Дела канцелярии Музея я нашел в порядке, а также в относительном порядке имущественный инвентарь, но нашел полный хаос в деле регистрации археологических памятников: с 1890 года не велся инвентарный каталог древностей, и я доселе занят составлением систематического научного каталога. В административном отношении в моем заведывании состоят:

1) Центральный Музей (угол Магистратской и Мещанской). При нем находятся канцелярия и квартира заведывающего. Теперь Музей состоит из 5 за-

лов. Составляется краткий научный каталог, и я предполагаю его напечатать. Мною тотчас по приезде был составлен "Краткий археологический спутник по Керченскому музею", где самым важным является введение. При сем прилагаю по одному экземпляру русского и немного измененного французского издания этой брошюры, печатание которой стоило неимоверных трудов и усилий. Ненапечатанными остается моих работ около 15. (Музейная библиотека имеет около 5000 книг).

2) Отделение Музея на горе Митридата. Собрание надгробий и образцы произведений древней культуры. Здание, построенное в 1834 <году>, требует капитального ремонта (осадка юго-восточного угла).

3) Отделение Музея в Мелек-Чесменском кургане. По ходатайству заведывавшего курганом Ю.Ю. Марти, в виду прекращения выдачи содержания Одесским Обществом Истории и Древностей, Музей Мелек-Чесменского кургана с 1918 перешел в ведение директора Керченского музея.

4) Отделение музея в Царском кургане. Собрание эпиграфических и монументальных скульптурных памятников. Предполагаю с наступлением теплой погоды составить систематический указатель этих древностей.

5) Раскопки на горе Митридата.

6) Склеп Деметры (Зайцевская катакомба 1895 года). Необходимо сообщить, что роспись склепа под влиянием проникновения свежего воздуха заметно блекнет и частью даже осыпается.

Сейчас <же> по приезде мне пришлось натолкнуться на факты противозаконного кладоискательства, причем привлеченные мною к ответственности "счастливцы" угрожали расправиться со мною, как с моим предшественником; в виду того, что при белых властях не было твердого правопорядка, и у меня не было средств действительной борьбы с кладоискательством, я выпустил прилагаемое при сем воззвание "К кладоискателям", в котором я ставлю условия раскопок, так как совершенно прекратить кладоискательство было невозможно: надо было ввести его в русло научной работы. В результате этого воззвания летом 1920 года было раскопано 23 древних гробницы трудами кладоискателей, но все могилы были разобраны надсмотрщиками Музея в моем присутствии, и все содержимое было приобретено Музеем (см. присылаемый вслед отчёт о раскопках Музея в 1920)[3].

В целях пропаганды любви к классической старине нашего юга, что я считаю одним из заданий Музея, как могучего рассадника внешкольного образования, мною сделано следующее:

Прочитан ряд публичных лекций и напечатан ряд статей в местной газете научно-популярного характера о значении эллинской культуры и керченских древностей и о значении Музея как рассадника просвещения.

Видя пробудившийся интерес, я, войдя в соглашение со случайно находившимися в Керчи научными силами, открыл при Музее Археологические курсы. Они должны

[3] В Отчёт о раскопках в «Деле» отсутствует.

были дать интересующимся в доступной форме необходимые историко-археологические сведения о греко-скифской культуре нашего юга.

Курсы были рассчитаны на три месяца. Чтение лекций происходило три раза в неделю по вечерам в зале Музея. На первый семинар записалось 32 человека. 20 января 1920 года Археологические курсы были торжественно открыты, и началось чтение лекций. Были прочитаны следующие курсы:

Приват-доцент К.Э. Гриневич. Введение в археологию.

---------- История античного мира.

---------- История и древности Боспора Киммерийского и очерк греческих колоний на юге России.

Проф. М.В. Довнар-Запольский[4]. История торговых сношений в Восточной Европе в течение древней истории и средневековья.

---------- Основы архивоведения.

Ю.Ю. Марти. Основы эпиграфики и палеографии.

---------- Основы нумизматики.

При курсах образовалась группа изучающих древнегреческий язык под руководством преподавателя В.М. Гуссова.

По окончании чтения лекций были организованы показательные археологические экскурсии и открыты в целях осмотра "Стасовская" (1872 года) и "Сораковская" (1891 года) катакомбы[5]. Живопись в них значительно пострадала от сырости, судя по фотографиям их издателей… 1 семестр закончился 10 июня 1920 г.

2 семестр начался осенью 1920 года, но не мог быть закончен вследствие ареста и высылки М.В. Довнар-Запольского и отъезда проф. Н.И. Палиенко[6]. Остальные курсы читались согласно приложенной при сем программы.

Административное и хозяйственное управление курсами находилось в руках Совета и избранного им заведывающего и секретаря. Я был избран заведующим, а о. Маркиан Федоровский – секретарем. Сейчас курсы не функционируют.

Кроме курсов, при Музее было открыто "Историко-археологическое общество при Керченском музее древностей". С организацией в Керчи Боспорского университета, это общество перешло к университету, но до перехода состоялось 5 заседаний в помещении Музея (организационное заседание состоялось 27 ноября 1919 года).

1-ое организационное, 2-ое <заседание>, посвященное памяти В.В. Шкорпила (по случаю исполнившейся 15 декабря 1919 г. годовщины со дня смерти). На 3 заседа-

---

[4] Митрофан Викторович Довнар-Запольский (1867–1934) – исследователь белорусской истории, народной культуры и этнографии.

[5] Склеп Сорака был открыт не в 1891, а в 1890 г. [Ростовцев, 1913-14, с. 244–252 ; Ернштедт, 1955, с. 267–269; Виноградов, 2017]. Возможно, К.Э. Гриневич имел в виду другую расписную гробницу – склеп 1891 г. [Ростовцев, 1913-14, с. 183–198 ; Штернберг, 1955, с. 258–262].

[6] Николай Иванович Палиенко (1867–1937) – российский, украинский учёный-юрист, теоретик права, академик АН УССР (с 1930 г.).

нии 4 января 1920 были заслушаны доклады: Ю.Ю. Марти "Стихотворная эпитафия амастрийца Илиодора Илиева"[7] с демонстрацией памятника и К.Э.Гриневича – "Ближайшие задачи археологии в Керчи" (создание научного каталога Музея, археологической карты Керченского района с топографическим изучением его, продолжение раскопок Пантикапея, создание в Керчи Археологического института на подобие Константинопольского, открытие отделения дирекции Музея на Таманском полуострове). 18 января состоялось 4-ое заседание Общества. В.М. Гуссов прочел доклад "Керченские древности и предстоящая им роль служения педагогическому делу в новой школе" (применение трудового принципа), 22 февраля состоялось 5-ое заседание Общества. Был заслушан доклад слушательницы Археологических курсов Н.В. Маргориной "К вопросу о древнейшем Херсонесе".

Что касается охраны археологического района, то она была возложена на 2-х надсмотрщиков: И.М. Анищенко и Л.Ф. Демиденко. С приходом советской власти я принял на службу Ф.С. Зяблова, старого опытного надсмотрщика.

Ещё в ноябре 1919 г. я отправился на Таманский полуостров, убедился в сохранности у В.В. Соколова[8] музейного инвентаря, поехал на древний могильник в Тузлу и убедился в наличии самочинных раскопок, которые невозбранно велись на всем полуострове. Знаменитый мраморный саркофаг я видел стоящим в ограде церкви в деревянной будке, одна сторона которой открыта. Мне кажется, необходимо поднять вопрос о скорейшей перевозке саркофага в Керченский музей, к чему местное население относится враждебно. На днях я предполагаю с надсмотрщиком поехать на Таманский полуостров, посетить городище Фанагории, Близницы, Тузлу, Зеленскую гору для выяснения вопроса о законченности ее исследования и заехать в Анапу, где находится имущество Археологической Комиссии у вдовы проф. Н.И. Веселовского (раскопочный инвентарь). <...>.

Но мое главное внимание было обращено на Керченский район. Работая лично над выяснением темных вопросов в области топографии европейской части Боспора, я все время, поскольку позволяла погода, производил научные экскурсии с фиксацией достопримечательностей фотографически и путем нанесения на карту. Большие надежды в этом отношении я возлагаю на грядущее лето.

В связи с изучением музейных ваз, происходящих из курганов на Юз-Обе, я специально изучал этот интереснейший могильник и нашел на нем небольшое городище.

Летом 1920 года удалось изучить побережье на юг от Керчи и подробно остановиться на важном в научном отношении городище "Нимфея" (б. имение Эльтиген) и на городище предполагаемой колонии "Дии" (Камыш-бурун).

Необходимо в связи с изложенным снова поднять вопрос об организации ох-

---

[7] См. КБН. 134.

[8] Василий Васильевич Соколов – энтузиаст изучения таманских древностей, ставший деятельным помощником директора Керченского музея В.В. Шкорпила [Виноградов, 2012, с. 281–282], автор ряда полезных археологических публикаций [Соколов, 1919а; 1919б].

раны древностей Таманского полуострова, а именно создать в Тамани отделение Керченского музея, в виду того, что переезд туда сопряжен сейчас с большими трудностями (вне пределов Крыма), а научный неусыпный надзор крайне необходим, пока не будет окончательно (исчерпывающе) исследованы древности Таманского полуострова.

Далее, необходимо сказать о библиотеке Музея. С большими затруднениями при посредстве Л.А. Моисеева удалось приобрести целиком библиотеку В.В.Шкорпила, а немного спустя и часть (особо ценную) библиотеки С.А. Новиковой. С приходом советской власти в Музей поступило много ценных книг по археологии и истории. В настоящее время составляется алфавитный каталог всей библиотеки. Насчитывается около 3500 названий и около 5000 книг специального содержания. Наличие подобной, довольно хорошо подобранной библиотеки и археологическое значение Боспора – вот те две причины, которые побуждают меня говорить о целесообразности создания здесь научно-административной коллегии, на подобие многочисленных соответствующих учреждений в Афинах и Риме… Летом 1920 года Керченское общество "Скаут" пригласило меня прочесть детям несколько лекций на тему о керченских древностях и провести ряд показательных археологических экскурсий. Желавшие могли держать экзамен на степень гида по керченскому району. Видя большой интерес среди детей и подростков, я повел ознакомление по расширенной программе; на бивуаках, в лагерной обстановке я давал им необходимые сведения из древних и средних веков…

Более того, видя их готовность и далее работать, я предложил им создать на добровольных началах дружину и при ее помощи были произведены небольшие археологические раскопки. Сейчас организуются уже две подобные дружины, с которыми можно начать серьезные работы (допризывники). Кроме того, этот небольшой опыт дает мне право говорить об учебном значении археологии (соответствующий доклад-статья послана мною в издаваемый сейчас в Симферополе журнал «Вестник искусства»).

Из моментов прошлого лета (1920) упомяну поездку в Севастополь и Херсонес, по вызову Л. Моисеева. В течение двух недель я работал над древностями Херсонесского городища.

С приходом советской власти компетенция администрации Музея расширилась. Согласно полученным телеграммам, Музей должен был находиться в непосредственном ведении Секции по охране памятников искусства (ОХР ИС) при Крымнаробразе, а в недавнее время – в ведении подотдела искусства Керченского Отдела народного образования. По приказу Крымского Отдела Наробраза, музей должен был концентрировать в своих руках все произведения искусства и проч. культурные ценности. На основании этого в Музей поступило очень много старинного фарфора, картин, статуй и пр.

В настоящее время идет организация постоянной Картинной галереи, куда уйдет этот посторонний археологическому Музею материал. В настоящее время

мною посланы телеграммы в Симферополь, и <я> уведомил Керченский отдел наробраза о непосредственном административном подчинении вверенного мне Музея Российской Академии <истории> материальной культуры в Петрограде.

В целях пропаганды любви к древней культуре при содействии опытного режиссера была поставлена на сцене местного театра трагедия Софокла "Антигона", прошедшая с большим подъемом и премированная местным Ревкомом, так как участниками являлись дети-подростки. Теперь они подготовляют "Ипполита" Эврипида. Это – мои бывшие учащиеся гимназии.

Штаты Керченского музея к 1-му мая 1921 года

№ Имя, отчество и фамилия	*Должность*	*Срок поступления*
1. Конст. Эдуард. Гриневич	*Директор Музея*	*Офиц. с 6 ноября 1919 г.*
2. Людв. Леоп. Домгер	*Помощник*	*С 27 декабря 1920 года*
3. Юлий Юльев. Марти	*Зав. Мел.-Чесм. курган.*	*С 15 апреля 1921 года*
4. Мар. Вас. Прыгунова	*Делопроизводитель*	*С 1 апреля 1920 года*
5. Ив. Минов. Анищенко	*Надсмотрщик*	*С 1902 года*
6. Леонт. Федор. Демиденко	*Тоже*	*С 1916 года*
7. Фед. Семен. Зяблов	*Тоже*	*С 20 ноября 1920 года*
8. Елисей Григ. Курочка	*Сторож центр. Музея*	*Со 2 марта 1921 года*
9. Ник. Симон. Коржов	*Стор. Музея на горе Митридат*	*С 1918 года*
10. Григ. Емельян. Ефименко	*Стор. Мелек-Чесм. кург.*	*С 1906 года*
11. Андр. Андр. Кацыка	*Сторож Царского кург.*	*С 1917*
12. Савел. Вас. Маслинов	*Сторож на раскопках*	*С 1906*
13. Степ. Иван. Кузнецов	*Стор. склепа Деметры*	*С 1917*
14 Мирра Мендел. Муквоз	*Уборщица Музеев*	*С 3 марта 1921 года*
15 Любовь Никол. Кудь	*Библиотекарь Музея*	*С 1 мая 1921 г.*

Очень остро стоит вопрос с вооружением. По характеру службы карманное огнестрельное оружие обязаны иметь сторожа Музеев, надсмотрщики и заведующий, часто отлучающийся в глухие части уезда. В оружии, вернее, в разрешении <его иметь> местный Ревком нам отказал… Но оружие необходимо. Прошу соответствующего распоряжения Академии».

Второй отчет, на мой взгляд, содержит немало любопытных фактов. Он еще раз подтверждает, что после трагической смерти В.В. Шкорпила во главе музея встал Петр Константинович Месаксуди, сын знаменитого табакопромышленника Константина Ивановича Месаксуди [Быковская, Санжаровец, 2017]. Вопреки мнению Н.Ф. Федосеева [Федосеев, 2017, с. 163], вдова В.В. Шкорпила, Лидия Христофоровна Шкорпил, заняла эту должность только после эмиграции П.К.Месаксуди, т.е. после 8 марта 1919 г.

Вызывает немалое удивление информация о весьма активной деятельности Керченского музея в 1920 г., т.е. когда Крым находился в руках Врангеля. К.Э.Гриневич во втором отчете записал, что он «все время, поскольку позволяла погода, произ-

водил научные экскурсии с фиксацией достопримечательностей фотографически и путем нанесения на карту». Такая деятельность в условиях военного времени, как представляется, была смертельно опасна. Любой патруль, заметив в крымской степи человека с картой и фотоаппаратом, вполне мог посчитать его шпионом со всеми вытекающими последствиями.

Летом 1920 г. даже удалось провести раскопки и открыть 23 древние гробницы. Правда, осуществление такого мероприятия стало возможным только при помощи керченских «счастливчиков». Обращение К.Э. Гриневича «К кладоискателям» (рис.1) – документ своего роде уникальный. Надо признать, что и до него директора Керченского музея так или иначе допускали сотрудничество с частными лицами в проведении раскопок [Виноградов, 2012, с. 207, 216–217], но до публичного обращения к кладоискателям дело ни разу не доходило. Вряд ли стоит слишком сильно осуждать Константина Эдуардовича за эту попытку ввести кладоискательство «в русло научной работы», все-таки он тогда трудился в особой обстановке, требующей неординарных решений, да и раскопки, проведенные им таким образом, оказались вполне удачными.

Приведу текст этого воззвания полностью [РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1921 г. Д. 13. Л. 37]:

«От директора Керченского музея древностей
К КЛАДОИСКАТЕЛЯМ.

За последнее время сильно развилось хищническое разрывание древних могил. Предупреждаю, что мною усилен надзор за кладоискателями, и каждого, уличенного надсмотрщиками Музея в хищническом разрывании могил или искании "обрезов", буду привлекать к суду по ст. 29 Уложения о Наказаниях. Но нужно понять, что законом преследуется только хищническое разрывание могил, так как при этом для науки навсегда погибает и гробница и обесцениваются все найденные вещи. Для науки надо знать точно, какие вещи и как находились в могиле.

Поэтому всякий, кто имеет желание разрывать древние могилы, пусть ***еще до начала работ*** *обращается ко мне (Музей древностей) и под моим наблюдением и личным моим руководством* ***может свободно их разрывать****, соблюдая, разумеется, общие условия работ этого рода. Первое право на приобретение находимых вещей принадлежит Музею, в случае непокупки вещей Музеем, их можно продавать на сторону.*

Предупреждаю, что только подобные раскопки я допущу. Все самочинные кладоискательства, по примеру прошлых лет, будут строго преследоваться.

Исп. обяз. Директора Керченского Музея Древностей, прив.-доц. К. Гриневич».

Эта листовка была допущена к распространению военной цензурой, и нетрудно представить, как ею были «украшены» заборы и стены керченских домов.

Публикации брошюр «Краткий археологический спутник по Керченскому музею (вместо каталога)» на русском языке и «Классическая археология Пантикапея» на

фрацузском (рис. 2) – факт в высшей степени примечательный; по одному экземпляру брошюр подшито в «Деле». В отчете от 7 мая 1921 г. К.Э. Гриневич подчеркнул, что наиболее ценным в этом «Спутнике» является введение (оно было составлено 12 декабря 1919 г.), по этой причине воспроизведу его полностью:

«Большая нужда в печатном каталоге чувствуется уже давно. Дирекция музея занята теперь подготовкой издания систематического каталога всех хранящихся древностей, в первую очередь, отдела расписных ваз и памятников статуарной пластики. Тем не менее, мы решились выпустить этот краткий археологический спутник по нашему Музею в уверенности, что для широкой публики он временно заменит систематический каталог хранящихся памятников. Каталогу мы предпослали небольшой очерк, дающий сведения историко-археологического характера, необходимые для понимания древностей.

Что касается описания древностей Музея, мы сознательно ограничиваемся только суммарным их описанием по двум причинам: во-первых, в виду подготовки к печати полного научного каталога Музея, во-вторых, потому, что все витрины Музея снабжены пояснительными надписями» [Гриневич, (1920), с. 2].

К.Э. Гриневич даже в столь небольшой книжечке, конечно, не мог не сказать хотя бы несколько слов о сущности переживаемого исторического момента: «Все мы являемся современниками великой исторической эпохи. На наших глазах сшиблись в кровавой схватке почти все народы земного шара, на наших глазах великие мировые державы разлетались как карточные домики и на их обломках созидались другие… Поэтому мы должны особенно интересоваться историей, – наукой о прошлом и ея верной спутницей –археологией. Человечество издавна стремилось к закреплению в памяти потомства великих деяний и, вообще, всех особенностей уклада жизни, т.е культуры» [там же, с. 3]. Да, проблема спасения культуры в рушащемся мире стояла очень остро.

Не очень укладывается в голове вопрос о том, каким образом Константин Эдуардович намеревался издать систематический каталог древностей, находящихся в музее, «в первую очередь, отдела расписных ваз и памятников статуарной пластики». Такие каталоги стали появляться совсем недавно, буквально на наших глазах [см.: Зинько, Матковская (ред.), 2004; Матковская и др., 2009; Ягги, Лазенкова, 2012].

Совсем фантастической выглядит мечта К.Э. Гриневича создать в Керчи организацию типа Русского археологического музея в Константинополе или археологических учреждений, существовавших в Афинах и Риме. Но ведь все-таки было организовано «Историко-археологическое общество при Керченском музее», которое потом было включено в состав Боспорского университета – тоже факт в высшей степени знаменательный. К тому же активно работали Археологические курсы, где читались лекции; присланная в Петроград афиша с программой лекций по-своему очень показательна (рис. 3). Более того – К.Э. Гриневич проводил экскурсии по памятникам культуры Боспора Киммерийского. И все это в условиях Гражданской войны!

В 1921 г. К.Э. Гриневич все еще считал, что Керченский музей входит в струк-

туру ГАИМК, как раньше это было с Императорской археологической комиссией. Очевидно, по этой причине в Петроград им был направлен документ, названный «Сметные предположения на вторую половину 1921 года». Приведу его без всяких сокращений [там же, л. 18]:

«В виду неимения в Керчи тарифных ставок, я затрудняюсь называть цифры содержания личного состава Музея. Считаю долгом сообщить, что все служащие Музея, особенно нижний состав, в настоящую минуту очень бедствуют. Они получают паек в виде 1 фунта хлеба на главу семьи и ¼ фунта на членов и больше почти ничего. На базаре можно все достать по недоступным ценам, и в результате такого положения сторож Центрального музея Антон Основский умер от истощения, Л. Демиденко, С. Кузнецов, Г. Ефименко, Ф. Зяблов больны цингой на почве недоедания. Остальные живут на продукты, покупаемые в обмен на белье, платье и проч. Положение усугубляется еще тем, что получают скудное содержание, не хватающее даже на приобретение десятка яиц... Я остановился на этом вопросе потому, что необходимо срочно прийти на помощь, и я настоящим прошу АКАДЕМИЮ от имени всех служащих, помимо высылки следуемого содержания, выдать единовременное пособие в награду за их действительно честное и ревностное исполнение служебных обязанностей.

Положение с топливом катастрофическое. Археологическая Комиссия всегда высылала аванс на топливо. Необходимо приобрести хотя бы 150 пудов дров, 3 пуда древесного угля и 1 пуд керосина для освещения… Это двухмесячная летняя норма. Есть кроме того срочный ремонт по Музею: как я уже указывал, здание Музея на горе Митридат от взрыва порохового погреба в крепости во время пребывания здесь немцев, дало сильную осадку юго-восточного угла. Оказалось, что здание построено не на материке, а на насыпи древнего городища. Приглашенный мною еще в 1920 году весною городской архитектор К.И. Надалец осмотрел здание и предложил связать его железными скобами (имеется официальный протокол осмотра), а проф. архитектуры Киевского политехникума, случайно у меня гостивший, пришел к иному выводу: по его мнению, возможно подвести новый фундамент под больную часть здания (проф. П.И. Голландский).

Из других срочных работ необходимо указать на устройство пешеходного мостика к Мелек-Чесменскому кургану, который был разобран жителями на дрова.

Зимою 1920 года, вследствие топливного кризиса, бедствующим населением были разобраны на дрова (тайно, ночью) деревянные заборы, тротуары и пр. В том числе, несмотря на ряд принятых мер, была похищена деревянная ограда вокруг древнего городища, раскопанного К.Е. Думбергом. Необходимо принять срочные меры к ограждению раскопа хотя бы глубокой канавой. Для этого необходимы средства, так как попытка сделать это через Отдел Государственных Сооружений не увенчалась успехом. На днях обращусь в новоорганизованный Трудовой батальон.

Было бы желательно – и это вполне возможно, открыть для публики, на подо-

бие склепа Деметры, еще два древних склепа, места которых уже давно принадлежат Керченскому Музею. В случае согласия Академии, подробности и смету по устройству входа вышлю дополнительно.

Переходя к другим статьям расхода, по научной работе, каковую я считаю самой важной из обязанностей заведующего Музеем, следует упомянуть расход по служебным поездкам. Эти поездки часто носят срочный характер и всегда носят научно-административный характер. Далее, необходимо иметь хотя бы небольшую авансовую сумму для приобретения древностей, так как, несмотря на запрет, в частном владении в Керчи имеется еще много древних памятников.

Ощущается большая нужда в кратком путеводителе по Керчи – мною таковой почти закончен. Необходимы средства для его издания. Помимо каталога музеев, этот вademекум должен дать краткие, но исчерпывающие сведения по топографии и истории Боспора Киммерийского и дать географический указатель остатков древних поселений и некрополей на основании последних археологических данных. Я должен указать далее на расход по съемке планов и карт, рисование реставрационных чертежей и фотографирование (кстати, необходимо выслать в Керчь все фотопродукты).

Итак, статьи сметного расхода суть следующие.

1. *Содержание личного состава (около 600 000 р.)*
2. *Отопление*
3. *Освещение*
4. *Хозяйственные расходы (ремонт и проч.)*
5. *Канцелярско-чертежные расходы*
6. *Покупка древностей (необходим аванс ок. 300 000 р.)*
7. *Расходы по научной работе (необходим аванс ок. 300 000 р.)».*

Из фактов, приведенных в «Сметных предположениях», прежде всего следует обратить внимание на бедственное положение сотрудников музея в 1921 г. До этого, в 1920 г., когда, по словам К.Э. Гриневича из отчета, составленного им 7 мая, «при белых властях не было твердого порядка», но на голод не было и намека, люди не разбирали заборы и деревянные тротуары на дрова, а музей осуществлял достаточно активную деятельность. К сожалению, плачевное положение керченских археологов не улучшилось и в следующем 1922 г. [Виноградов, 2012, с. 340–341].

Весьма любопытно свидетельство, что здание Музея, расположенное на горе Митридат, пострадало «от взрыва порохового погреба в крепости во время пребывания здесь немцев». Последние, как известно, ушли из Крыма в ноябре 1918 г. Если сообщение о взрыве соответствует действительности, то надо считать, что Керчь тогда тряхнуло очень сильно. Правда, просадка юго-восточного угла здания была связана не только с этим, но и с тем, что фундамент музея был возведен не на скале, а на древнем культурном слое.

Имеют интерес и другие документы, относящиеся к этому времени. Так, 13 июня 1921 г. К.Э. Гриневич послал в ГАИМК телеграмму следующего содержания [там же, л. 40–41]:

«Необходимо принять срочные меры к сохранению таманского мраморного саркофага. Всего лучше <его> перевести <в> Керчь. Он шесть лет стоит на воздухе, мрамор покрылся паутиной, разрушается непогодой. <В> научно-административном отношении необходимо объединение всей территории Боспорского царства, как раньше, в руках Керченского музея. Подробности таманской поездки сообщу специальным докладом. Организую научную экспедицию для исследования побережья пролива и древнего вала. По окончании ее было бы желательно выехать в Петроград».

В ответ на это Б.В. Фармаковский телеграфировал: «Академия Истории Материальной Культуры считает перевозку мраморного саркофага в Керчь желательной. Перевозите местными средствами» [там же, л. 42]. Местных средств для перевозки таманского саркофага, конечно, не оказалось. В следующий раз судьба этого замечательного памятника классической древности взволновала ученый мир уже во время Великой Отечественной войны, в июле 1941 г., когда его решили переправить в Государственный исторический музей (г. Москва), против чего резко выступил заведующий Таманским музеем А.Г. Остроумов [Виноградов, 2020, с. 385–388], и тогда перевозка не удалась. Стоит напомнить, что транспортировку саркофага сумели осуществить немцы, – 14 июля 1943 г. его доставили в Керчь и разместили в склепе Мелек-Чесменского кургана. Там он находился до освобождения города Красной армией и уже оттуда 20 августа 1944 г. был отправлен в Москву; в ГИМ его доставили 2 сентября этого года [Пятышева, 1949, с. 6–7].

В конце июля 1921 г. К.Э. Гриневич сумел исполнить свою мечту – покинуть Керчь и прибыть в Петроград. Понятно, что найти здесь подходящее место для работы было совсем не просто. Некоторые особенности того времени хорошо отражены в «Заявлении», которое К.Э Гриневич направил в ГАИМК 1 августа [РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1921 г. Д. 13. Л. 49]:

«*Во исполнения требования Российской Академии Истории Материальной Культуры № 649 я прибыл из Керчи в Петроград, имея остановку в Харькове, где я осмотрел ящики с древностями Херсонесского музея[9], хранящиеся в библиотеке б. Харьковского университета и убедился в их сохранности и неприкосновенности. При сем прилагаю официальный акт осмотра[10].*

[9] Решение об эвакуации части херсонесских древностей было принято Императорской археологической комиссией в связи с началом Первой мировой войны. Эту задачу исполнил Л.А. Моисеев. В Харьков было отправлено 25 ящиков с наиболее ценными находками [Гриненко, 2000, с. 191–192; Зубарь, 2009, с. 9].

[10] Акт осмотра, состоявшегося 18 июля 1921 г., в деле имеется [РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1921г. Д. 13. Л. 48].

С собою, помимо отчета о состоянии Керченского музея и о новых его приобретениях, я привез доклады:

1. Отчет об исследовательской экспедиции на Таманский полуостров с 9 по 19 мая 1921 г. (с 4 световыми картинами).

2. Отчет об исследовательской экскурсии на Еникальский маяк (исследование северо-восточной части Керченского полуострова) (с 2 световыми картинами).

3. Отчет об исследовательской экскурсии на Юз-Обу.

4. Отчёт об исследовательской экскурсии в Кашай Ресы и Туркмен.

5. Отчет об исследовательской экскурсии вдоль древнего вала и рва от озера Чурубаш до Азовского моря.

6. Отчет об исследовательской экспедиции от Керчи вдоль пролива до горы Опук в Черном море.

7. «Гемма Олимпия». Доклад.

8. Раскопки Керченского музея в 1920 году.

9. Могила № 22 раскопок Керченского музея 1920 года (с демонстрацией памятника).

10. Две гидрии из VI Каменистого кургана на Юз-Обе[11].

11. Учебно-воспитательное значение керченских древностей.

Все эти доклады мне было бы желательно представить на авторитетное суждение Академии.

Настоящим я прошу, как командированного, зачислить <меня> на паек.

В Керчи, согласно аттестата за № 9846, выданного Заведующим Керчгоротднаробраз, я был удовлетворен только по день моего отъезда в командировку, т.е. по 10 июля и то только жалованьем.

Настоящим я прошу Академию выдать мне причитающиеся командировочные деньги с 10 июля по 1 августа, исходя из ставки 7680 р. в месяц и 200% премиальных, как мне выдавал Керченский наробраз.

Кроме того, я просил бы возместить расход по поездке при остановке в Харькове и переезде в Москве с вокзала на вокзал, а именно:

Извозчики в Харькове 45 000 рублей.

2 служителям библиотеки б. Харьковского Ун-та за переноску и помощь в освидетельствовании целости ящиков с древностями – 30 000 р.

Извозчики в Москве – 25 000 р.

Итого 100 000 рублей

В виду затруднительного материального положения очень просил бы Академию скорее удовлетворить мою просьбу».

Обращает на себя внимание низкая зарплата директора Керченского музея – всего 7680 руб. в месяц. Если здесь нет ошибки, то стоит обратить внимание, что в ниже

[11] О раскопках VI кургана Юз-Обы см.: Виноградов, Зинько, Смекалова, 2012, с. 62–66.

приведенной смете расходов музея отмечено, что рабочий день одного человека на ремонтных работах оценивается в 10 000 руб. Зарплата директора кажется чудовищно жалкой в сравнении со стоимостью извозчиков в Москве и особенно в Харькове. Все перечисленные К.Э. Гриневичем в «Заявлении» материалы в РО НА ИИМК РАН отсутствуют, но имеется «Доклад о Керченском музее древностей», составленный им уже в Петрограде 15 августа 1921 г. [там же, л. 52–53]:

«За время двухлетнего заведывания Керченским археологическим музеем достаточно выяснились те нужды и то необходимое реформирование, которые ныне являются насущной необходимостью для более плодотворной деятельности на месте. Начну с правового положения Музея: со времени своего основания в 1823 году Музей древностей являлся своего рода археологической станцией для более удобного проведения археологических кампаний и для лучшего сохранения найденных памятников. С 1859 года, со времени учреждения Императорской Археологической Комиссии, Керченский музей вошел в число учреждений Академии и являлся до 1918 г. как бы ее органом. Музей не только хранил памятники, но и производил раскопки и следил за целым археологическим районом, оберегая его посредством штата надсмотрщиков от самочинного кладоискательства местных "счастливцев". Со времени событий 1917 и последующих лет Музей по инерции продолжал проявлять свою тройную деятельность, не чувствуя, однако, под собой законной почвы для продолжения деятельности. В настоящее время положение Музея таково: он является, прежде всего, Музеем, затем он надзирает за археологическим районом и в случае необходимости проводит раскопки. До последнего времени им ведал Отдел народного образования при Крымском Военно-Революционном Комитете в Симферополе. Но, ввиду расстройства транспорта, Крымнаробраз передал Музей в ведение местного Отдела (Керчгоротнаробраз), и таким образом чрезвычайно важное в научно-административном отношении учреждение, являвшееся до этого времени ученой станцией на месте, оказалось в заведовании некомпетентного учреждения. Из полученных мною от Российской Академии Истории Материальной Культуры телеграмм выяснилось, что Музей должен быть по-прежнему в ведении означенной Академии[12], и я на месте сделал соответствующие шаги для передачи Музея в ведение Академии, изъяв из ведения местного Отдела народного образования. Выяснилось, что местный Отдел будет содержать личный состав Музея, а все основные расходы и движение служащих по службе должны быть в компетенции Академии. Настоящим я просил бы окончательно это закрепить и прилагаемые при сем штаты Музея, а равно и смету включить в штат и смету Академии.

Одновременно с этим прошу меня, как университетского работника, оказавшегося на юге вследствие командировки Петроградским университетом в 1918 г.,

[12] Подобных телеграмм в «Деле» нет.

уволить от должности директора Керченского музея с сего числа, а на мое место просил бы назначить оставленного <...> заведующего – Юлия Юльевича Марти, curriculum vitae которого при сем прилагается.

В связи с этим выяснилась насущная необходимость в коренном реформировании постановки археологического дела в Керчи. Чрезвычайно трудно и быть ответственным за Музей, и за неприкосновенность обширного археологического района, и вести раскопки. (Еще надо принять во внимание, что директор заведует отделениями Музея в разных частях города!).

Во-первых, необходимо расширить предел археологической компетенции Музея, а именно включить и Таманский полуостров, т.е. чтобы Музей был археологическим центром всей территории б. Боспорской державы (от Темрюка и Анапы до Феодосии включительно).

Во-вторых, соответственно этому необходимо произвести реформирование дела административного управления археологической областью. Необходимо в Керчи создать научно-административную станцию с коллегиальным управлением (председатель, два члена, секретарь и штат канцелярии: делопроизводитель и писец-регистратор, курьер). Эта коллегия не обязана жить все время in corpore в Керчи, наоборот, желательно, чтобы ее члены бывали часто на местах древних поселений и, главное, один член должен находиться в Тамани, совершенно остающейся, как я лично убедился, вне археологического наблюдения. Кандидатом в Тамани может явиться доцент Киевского университета г.Остроумов[13], кандидатами в Керчи могут явиться г. Ю. Марти и Л. Домгер. Наличие при Музее специальной библиотеки по древностям Босфора дает некоторую возможность научно работать в этой области. При этой Коллегии должен находиться Керченский музей, и хранитель его должен быть непосредственно подчинен председателю Коллегии.

Насущная необходимость подобной реформы чрезвычайно назрела, и я просил бы Академию в срочном порядке разработать этот вопрос.

<u>Штат и смета Керченского музея на 2 половину 1921 года</u>

1. Личный состав

1. *Директор Музея К.Э. Гриневич, вр. и. д. Юлий Юльевич Марти <...>.*
2. *Его помощник Людвиг Леопольдович Домгер*
3. *Делопроизводитель Мария Васильевна Прыгунова*
4. *Библиотекарь Анна Владимировна Филиппова*
5. *Курьер-сторож Центрального музея П.Г. Курочка*
6. *Уборщица М.М. Муквоз*

[13] Это предложение К.Э. Гриневича было исполнено в полной мере, и А.Г. Остроумов, как было сказано выше, стал директором Таманского музея.

7. Сторож Музея в Мелек-Чесменском. кургане Г.Е. Ефименко
8. Сторож Музея в Царском кургане А.А. Кацыка
9. Сторож склепа Деметра С.И. Кузнецов
10. Сторож отделения Музея на Митридате Н.Н. Корор
11. Сторож раскопа на Митридате С.В. Маслинов
12. Надсмотрщик археологического района И.М. Анищенко
13. ---------- Л.Ф. Демиденко
14. ---------- Ф.С. Зяблов

Содержание получают по ставке ВСЕРАБИС

2. Хозяйственные расходы
a. Наем помещения для Центр. музея и канцелярии ---------- 60 000 р.
b. Отопление – 200 пудов дров и 75 пудов угля (на зиму) ---- 1 500 000 р.
c. Освещение – 3 лампы: в библиотеке, в канцел., у сторожа -- 500 000 р.
d. Вода, привоз воды ---------- 30 000 р.
e. Вывоз нечистот ---------- 100 000 р.
f. Мелкий ремонт ---------- 200 000 р.

Итого 2 390 000 р.

3. Технические расходы
a. Чертежные материалы ---------- 100 000 р.
b. Фотографические материалы ---------- 150 000 р.
c. Чистка, склейка древностей и пр. ---------- 200 000 р.
d. Канцелярия: бумага, перья, чернила, карандаши, лента – 150 000 р.

Итого: 600 000 р.

4. Библиотечные расходы
Ремонт книг
Переплет
Приобретение новых книг ---------- 300 000 р.

5. Передвижение по археологическому району (по территории б. Боспорского царства) 400 000 р.

6. Раскопки и разведки 300 000 р.
7. Очередные неотложные расходы по срочным работам, согласно прилагаемой записки 2 920 000 р.
8. Приобретение древностей 1 000 000 р.

Итого – 7 910 000 р.»

В этом документе смущает, что К.Э. Гриневич признает ГАИМК руководящим органом Керченского музея, хотя на самом деле этого уже не было. В этом отношении стоит напомнить о телеграмме Б.В. Фармаковского от 27 апреля, в которой тот констатировал, что в административном отношении музей подчинен местному Наробразу, хотя и признавал возможность объединения двух учреждений на научной почве.

Очевидно, уже в Петербурге К.Э. Гриневичем был составлен еще один документ – «Смета срочных работ по Керч. Охр. Ис. Объяснительная записка» [там же, л. 54]. Он в немалой степени повторяет сведения, приведенные выше, но все-таки и его стоит опубликовать:

«I. Зимой 1920 г. жители предместья разобрали деревянный мост, соединявший Мелек-Чесменский курган с Садовой улицей (продолжением ее Кузнечный пер.). В дождливое время года нельзя подойти к кургану из-за болот, его окружающих. Разобранный мостик являлся частью дамбы. Необходимо устроить примитивный переход из штучных камней. Длина этого перехода – около 3 саженей, ширина – 1саж. Необходимо скосить отвесы дамбы, замостить откосы и положить штучные камни на месте водостока.

II. Необходимо сузить каменную изгородь вокруг Мелек-Чесменского кургана; ввиду того, что внутри ее застаивается вода, изгородь пришла в ветхость и она захватывает огромное пространство земли, помимо площади кургана. Для починки мостика (см. выше) будет употреблен освободившийся материал.

III. Необходимо исправить сени сторожки при том же кургане, ввиду того, что сени ее от времени пришли в большую ветхость и пропускают холод. Материал даст излишек камня из изгороди кургана.

IV. Для хранения древних памятников надо перекрыть имеющиеся навесы во дворе того же кургана сплошной крышей, чтобы памятники не погибли от сырости и морозов. Потребуется железо, балки и доски. Приблизительная площадь требуемого перекрытия 5 × 10 арш.

V. В Царском кургане требуется увеличить площадь навеса для сохранения всех памятников, ныне гибнущих под открытым небом. (Уже многие надписи нельзя читать). Необходимы: 6 бревен-устоев и материал для покрытия площади 6 × 27 арш. (доски и железо).

VI. Там же необходимо произвести срочный ремонт оконных рам в сторожке: пять оконных рам, сделанных в 30 годах прошлого века (!) пришли в совершенную негодность (сгнили).

VII. Склеп Деметры (Зайцевская катакомба 1895 года) также нуждается в ремонте: сгнила наружная деревянная рама, двери при входе в дромос склепа, и ее необходимо переменить.

VIII. Срочной работой необходимо счесть устройство изгороди вокруг раскопок древнего города на Митридате. Уже есть случаи повреждения древних памятников свободно заходящими сверху и безнаказанно убегающими хулига-

нами; глыбой камня, вкаченной сверху озорниками, раздроблена стена храма Геркулеса[14], а в другом месте повреждена древняя кладка восточной стены того же помещения. Коровы также причиняют немало неприятностей. Необходимо окопать городище глубокой канавой (необходимое протяжение ее – около 200 саж.).

IX. Необходимо было бы открыть еще два древних склепа, находящиеся под домами, принадлежащими Музею. Оба склепа расписные и чрезвычайно важные в историко-художественном отношении. (Оба изданы в труде М. Ростовцева "Античная декоративная живопись на юге России"). Необходимо устроить каменные крытые спуски, на что потребуется некоторое количество камней, дерева и железа.

X. Необходимо очистить колодезь (18 саж. глубины), который от времени засорился, на Царском кургане, в его ограде.

Смета в приблизительных цифрах, считая рабочий день одного человека в 10 000 руб.

§§	Статьи расхода	Сумма	Примечания
I	Сооружение мостика у Мелек-Чесменского кургана	300 000 р.	Считая 8 рабочих на 3 дня и 60 000 заготовка материала
II	Переделка каменной ограды того же кургана	100 000 р.	5 рабочих по 2 дня (только работа)
III	Исправление сторожки	300 000 р.	
IV	Сооружение дополнительного навеса при М<елек-Чесменском> кургане	300 000 р.	
V	То же при Царском кургане	500 000 р.	
VI	Ремонт оконных рам	100 000 р.	
VII	Ремонт дверной рамы склепа Деметры	150 000 р.	
VIII	Рытьё канавы вокруг раскопа	300 000 р.	
IX	Устройство входа в склепы	800 000 р.	
X	Очистка колодца на Царском кургане	70 000 р.	
	Итого	2 920 000 р.	

[14] Храмом Геркулеса К.Е. Думберг назвал монументальную постройку, раскопанную им в Пантикапее [Виноградов, 2012, с. 243–244, 246, рис. 81].

Любопытно, что, находясь в Петрограде и явно не желая возвращаться в Керчь, К.Э. Гриневич продолжал заботиться о Керченском музее, пытался найти поддержку в разрешении его насущнейших потребностей. Жизнь, однако, поворачивалась таким образом, что и у Константина Эдуардовича искали поддержки. Так Ю.Ю. Марти, оставленный в должности временно исполняющего обязанности директора музея, писал ему 10 августа 1921 г. [там же, л. 50]:

«Глубокоуважаемый, дорогой Константин Эдуардович!

Пользуясь Вашим пребыванием в Петербурге, обращаюсь к Вам с следующей покорнейшей просьбой. Если Вам удастся устроиться при Университете, и Вы останетесь на зиму в Петрограде, то прошу Вас ходатайствовать перед Академией Материальной Культуры в назначении меня заведующим (постоянным) Музея в Керчи. Мое краткое curiculum vitae, если таковое потребуется. Родился я в 1877 г. Среднее классическое образование получил в Гродненской гимназии. В 1897 окончил Петроградский Историко-филологический институт по классическому отделению. Все время состоял преподавателем древних языков в Керченской гимназии. С 1903 г. заведую Мелек-Чесменским курганом. <…>

Имею звание действительного члена Одесского общества истории и древностей, а также члена Таврической ученой архивной комиссии.

Принимал живое участие в раскопках В.В. Шкорпила и на археологических курсах К.Э. Гриневича.

Если будут какие-нибудь новинки (в печати) в области нашей и иностранной археологии, сообщайте и присылайте в нашу библиотеку. Буду весьма обязан.

Преданный Вам Ю.Марти».

Не известно, в какой мере Константин Эдуардович сумел поддержать Юлия Юльевича, но его послание все-таки оказалось в Архиве ГАИМК. 15 октября 1921г. в Академию поступило «Заявление» Ю.Ю. Марти, которое иначе, чем криком о спасении, назвать невозможно [там же, л. 55–56]:

«Довожу до сведения Академии Материальной Культуры, что положение служащих при Керченском Музее Древностей бедственное. Служащие удовлетворены жалованием только по 1-ое мая. Что касается пайка, то он в размере 3/8 фунта хлеба выдается только на работника, но не на членов семьи. При таких условиях рабочие не могут исполнять своих прямых обязанностей и, спасая себя и семью свою от голодной смерти, ищут посторонних заработков. Авансовые суммы, по смете предназначенные на ремонтные работы, которые по большей части могут быть выполнены рабочими Музея, задерживаются в Симферополе, а, если попадают в распоряжение Керченского Наробраза, то их оттуда крайне трудно извлечь. Ввиду этого прошу срочного распоряжения выдать жалованье служащим за все время службы и сделать местный Охрис самостоятельным, открыв кредит в финотделе непосредственно заведывающему местным Охрисом.

По личному делу обращаюсь в Академию Материальной Культуры со следующей просьбой. Ввиду того, что трехмесячный срок отпуска зав. Керченским

Музеем К.Э. Гриневича и моего заместительства 10 октября уже истек, и К.Э., по-видимому, решил остаться на жительство в Петрограде, как он и предполагал уезжая, то я просил бы утвердить меня в должности зав. Керченским Советским Музеем Древностей. <…> Назначение на эту должность, при лучшем материальном обеспечении, дало бы мне возможность отдаться любимому делу».

Ответом на эту просьбу стала телеграмма, направленная Б.В. Фармаковским в Главмузей 9 ноября 1921 г. [там же, л. 57]: «Российская Академия Истории Материальной Культуры, препровождая при сем копию заявления заведующего Керченским Музеем, просит оказать Музею возможное содействие». Ю.Ю. Марти, как известно, был утвержден в должности директора Керченского музея и исполнял эти обязанности до 1939 г.

Повторюсь, что материальное положение сотрудников Керченского музея оставалось ужасным и в 1922 г. [см.: Виноградов, 2012, с. 340–341]. Но здесь следует обратить внимание на другое – надежды на улучшение положения у керченских археологов были связаны с ГАИМК, как наследницей Императорской археологической комиссии. Даже подчинение музея Отделу наробраза мало что изменило в этой иррациональной вере.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Быковская Н.В., Санжаровец В.Ф. Табачные короли империи // Керченская старина. Научно-популярные статьи по истории города и его окрестностей. Симферополь, 2017. С.322–330.

Виноградов Ю.А. Страницы истории боспорской археологии. Эпоха Императорской археологической комиссии. БИ. Вып. XXVII. Симферополь-Керчь, 2012. 360 с.

Виноградов Ю.А. Склеп Сорака // Античная декоративная живопись Боспора Киммерийского: от графической фиксации к фотографии. СПб, 2017. С. 40–52.

Виноградов Ю.А. Императорская археологическая комиссия и изучение древностей Боспора Киммерийского // Императорская археологическая комиссия (1859–1917): история первого государственного учреждения российской археологии от основания до реформы. 2-е изд. СПб, 2019. С. 354–536.

Виноградов Ю.А. Несколько писем из стола В.Ф. Гайдукевича (Всю ли правду нам надо знать?) // Археологические вести. 2020. Т. 27. С. 384–391.

Виноградов Ю.А., Зинько В.Н., Смекалова Т.Н. Курганный некрополь аристократии Боспора. Т. I. История изучения и топография. Симферополь-Керчь, 2012. 288 с. (БИ. Supplementum 9).

Гриневич К.Э. Краткий археологический спутник по Керченскому Музею древностей (вместо каталога). Издание Керченского Музея древностей, (1920). 16 с.

Гриненко Л.О. Из истории Херсонесского музея (1914–1924 гг.) // Древности, 1997/1998. Харьков, 2000. С. 187–197.

Ернштедт Е.В. Монументальная живопись Северного Причерноморья (общий обзор памятников живописи) // АГСП. I. М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 248–296.

Зедгенидзе А.А. «Древний Херсонес» Страбона в свете археологических исследований 1985–

1990 гг. // Pontica et Caucasica. Крым и Северное Причерноморье в археологических исследованиях 1956–2013 гг. Warsaw, 2017. С. 319–332.

Зинько Е., Матковская Т. (ред.) Античная скульптура. Из собрания Керченского государственного историко-культурного заповедника. Лапидарная коллекция. Т. I. Киев, 2004. 256 с.

Зубарь В.М. Летопись археологических исследований Херсонеса-Херсона и его округи. Т. I (1914 г. – начало 60-х гг. XX в.). Т. II (60-е гг. XX в. – 2005). МАИЭТ. Supplementum 6. Симферополь, 2009. 496 с.

Марти Ю. Сто лет Керченского музея (исторический очерк). Керчь, 1926. 96 с.

Матковская Т., Твардецки А., Тохтасьев С., Бехтер А. Боспорские надгробия II в. до н.э. – III в. н.э. Из собрания Керченского историко-культурного заповедника. Лапидарная коллекция. Т. III. Киев, 2009. 495 с.

Панкратова Е.Г. История археологического изучения античных памятников Восточного Крыма: от Октябрьской революции до Великой Отечественной войны (1917–1941 гг.). БИ. Supplementum 18. СПб, 2018. 196 с.

Пятышева Н.В. Таманский саркофаг. М., 1949. 36 с.

Ростовцев М. И. Античная декоративная живопись на юге России. СПб, 1913 (Атлас). 112 ил.; 1914 (Текст). 537 с.

Смекалова Т.Н., Виноградов Ю.А. История археологического изучения и современные исследования Маячного полуострова // Археологические труды Н.М. Печёнкина. Гераклейский сборник. IV. СПб, 2020. С. 39–44.

Соколов В. Карта древних поселений и могильников в районе станицы Таманской // ИТУАК. 1919. 56. С. 39–53.

Соколов В. Курганы Лысой горы близ Тамани и находки в них // ИТУАК. 1919. № 56. С. 60–63.

Федосеев Н.Ф. Греки на Боспоре Киммерийском: 200 лет исследований. Симферополь, 2017. 315 с.

Щеглов А.Н. «Старый» Херсонес Страбона. Укрепление на перешейке Маячного полуострова: топография и фортификация // Проблемы истории и археологии Крыма. Симферополь, 1994. С. 8–42.

Щеглов А.Н. «Старый» Херсонес Страбона. Укрепление на перешейке Маячного полуострова. III. Следы архаического поселения в вершине Казачьей бухты // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Вып. 1. 1997. С. 42–54.

Ягги О., Лазенкова Л. Аттические краснофигурные вазы IV в. до н.э. Из собрания Керченского историко-культурного заповедника. Коллекция расписной керасмики. Киев, 2012. 343 с.

REFERENCES

Bykovskaya N.V., Sanzharovets V.F. Tabachnyye koroli imperii. *Kerchenskaya starina. Nauchno-populyarnyye stat'i po istorii goroda i yego okrestnostey.* Simferopol', 2017, pp. 322–330.

Ernshtedt E.V. Monumental'naya zhivopis' Severnogo Prichernomor'ya (obshchiy obzor pamyatnikov zhivopisi). *Antichnye goroda Severnogo Prichernomor'ya.* I. Moscow; Leningrad, 1955, pp. 248–296.

Fedoseyev N.F. *Greki na Bospore Kimmeriyskom: 200 let issledovaniy.* Simferopol', 2017, 315 p.

Grinevich K.E. *Kratkiy arkheologicheskiy sputnik po Kerchenskomu Muzeyu drevnostey (vmesto kataloga).* Izdaniye Kerchenskogo Muzeya drevnostey, (1920). 16 p.

Grinenko L.O. Iz istorii Khersrnesskogo muzeya (1914–1924 gg.). *Drevnosti, 1997/1998.* Khar'kov, 2000, pp. 187–197.

Zedgenidze A.A. «Drevniy Khersones» Strabona v svete arkheologicheskikh issledovaniy 1985–1990 gg. // Pontica et Caucasica. Krym i Severnoye Prichernomor'ye v arkheologicheskikh issledovaniyakh 1956–2013 gg. Warsaw, 2017. S. 319–332.

Marti Yu. *Sto let Kerchenskogo muzeya (istoricheskiy ocherk).* Kerch', 1926, 96 p.

Matkovskaya T., Tvardetski A., Tokhtas'yev S., Bekhter A. *Bosporskiye nadgrobiya II v. do n.e. – III v. n.e. Iz sobraniya Kerchenskogo istoriko-kul'turnogo zapovednika. Lapidarnaya kollektsiya.* T. III. Kiyev, 2009. 495 p.

Pankratova E.G. *Istoriya arkheologicheskogo izucheniya antichnykh pamyatnikov Vostochnogo Kryma: ot Oktyabr'skoy revolyutsii do Velikoy Otechestvennoy voyny (1917–1941 gg.).* St. Petersburg, 2018, 196 p. (Bosporskie issledovaniya. Supplementum 18).

Pyatysheva N.V. *Tamanskiy sarkofag.* Moscow, 1949, 36 p.

Rostovtsev M.I. *Antichnaya dekorativnaya zhivopis' na yuge Rossii.* St. Petrsburg, 1913 (Atlas). 112 ill.; 1914 (Tekst). 537 p.

Shcheglov A.N. «Staryy» Khersones Strabona. Ukrepleniye na peresheyke Mayachnogo poluostrova: topografiya i fortifikatsiya. *Problemy istorii i arkheologii Kryma.* Simferopol', 1994, pp. 8–42.

Shcheglov A.N. «Staryy» Khersones Strabona. Ukrepleniye na peresheyke Mayachnogo poluostrova. III. Sledy arkhaicheskogo poseleniya v vershine Kazach'yey bukhty. *Bakhchisarayskiy istoriko-arkheologicheskiy sbornik.* Vol. 1. 1997, pp. 42–54.

Smekalova T.N., Vinogradov Yu.A. Istoriya arkheologicheskogo izucheniya i sovremennyye issledovaniya Mayachnogo poluostrova *Arkheologicheskiye trudy N.M. Pechonkina.* St. Petersbutg, 2020, pp. 39–44 (Gerakleyskiy sbornik, IV).

Sokolov V. Karta drevnikh poseleniy i mogil'nikov v rayone stanitsy Tamanskoy. *Izvestiya Tavricheskoy uchenoy arkhivnoy komissii.* 1919. 56, pp. 39–53.

Sokolov V. Kurgany Lysoy gory bliz Tamani i nakhodki v nikh. *Izvestiya Tavricheskoy uchenoy arkhivnoy komissii.* 1919. № 56, pp. 60–63. .

Vinogradov Yu.A. *Stranitsy istorii bosporskoy arkheologii. Epokha Imperatorskoy arkheologicheskoy komissii. Bosporskie issledovaniya.* T. XXVII. Simferopol' – Kerch', 2012. 360 p.

Vinogradov Yu.A. Sklep Soraka. *Antichnaya dekorativnaya zhivopis' Bospora Kimmeriyskogo: ot graficheskoy fiksatsii k fotografii.* St. Petersburg, 2017, pp. 40–52.

Vinogradov Yu.A. Imperatorskaya arkheologicheskaya komissiya i izucheniye drevnostey Bospora Kimmeriyskogo. Imperatorskaya arkheologicheskaya komissiya (1859–1917): istoriya pervogo gosudarstvennogo uchrezhdeniya rossiyskoy arkheologii ot osnovaniya do reformy. 2-ye izd. St. Petersburg, 2019, pp. 354–536.

Vinogradov Yu.A. Neskol'ko pisem iz stola V.F. Gaydukevicha (Vsyu li pravdu nam nado znat'?). *Arkheologicheskiye vesti.* 2020. T. 27. pp 384–391.

Vinogradov Yu.A., Zin'ko V.N., Smekalova T.N. *Kurgannyy nekropol' aristokratii Bospora. T. I. Istoriya izucheniya i topografiya.* Simferopol'–Kerch', 2012, 288 p. (Bosporskie issledovaniya, Supplementum 9).

Yaggi O., Lazenkova L. *Atticheskiye krasnofigurnyye vazy IV v. do n.e. Iz sobraniya Kerchenskogo Istoriko-kul'turnogo zapovednika. Kollektsiya raspisnoy kerasmiki.* Kiyev, 2012, 343 p.

Zedgenidze A.A. «Drevniy Khersones» Strabona v svete arkheologicheskikh issledovaniy 1985–1990 gg. *Pontica et Caucasica. Krym i Severnoye Prichernomor'ye v arkheologicheskikh issledovaniyakh 1956–2013 gg.* Warsaw, 2017, pp. 319–332.

Zin'ko E., Matkovskaya T. (red.) *Antichnaya skul'ptura. Iz sobraniya Kerchenskogo gosudarstvennogo istoriko-kul'turnogo zapovednika. Lapidarnaya kollektsiya.* T. I. Kiyev, 2004, 256 p.

Zubar' V.M. Letopis' arkheologicheskikh issledovaniy Khersonesa–Khersona i yego okrugi. T. I (1914 g. – nachalo 60-kh gg. XX v.). T. II (60-ye gg. XX v. – 2005). Simferopol', 2009, 496 p. (Materialy i issledovaniya po archeologii, istorii i etnografii Tavridy, Supplementum 6).

Резюме

В статье приведены документы из Архива Института истории материальной культуры РАН, относящиеся к истории Керченского музея в 1919–1921 гг., т.е. в годы Гражданской войны в России. Это письма, телеграммы, отчёты и пр., отправленные директорами музея К.Э. Гриневичем и Ю.Ю. Марти в Государственную академию истории материальной культуры (Петроград). В 1920 г., несмотря на военное время, в Керчи работали Археологические курсы, проводились научные экскурсии, даже были предприняты раскопки. После окончания Гражданской войны руководству музея необходимо было выяснить систему взаимоотношений с советскими центральными организациями, в особенности с Государственной академией истории материальной культуры. Документы свидетельствуют о тяжелейшем положении сотрудников музея в это время.

Ключевые слова: история науки, Боспор Киммерийский, Керченский музей, Гражданская война.

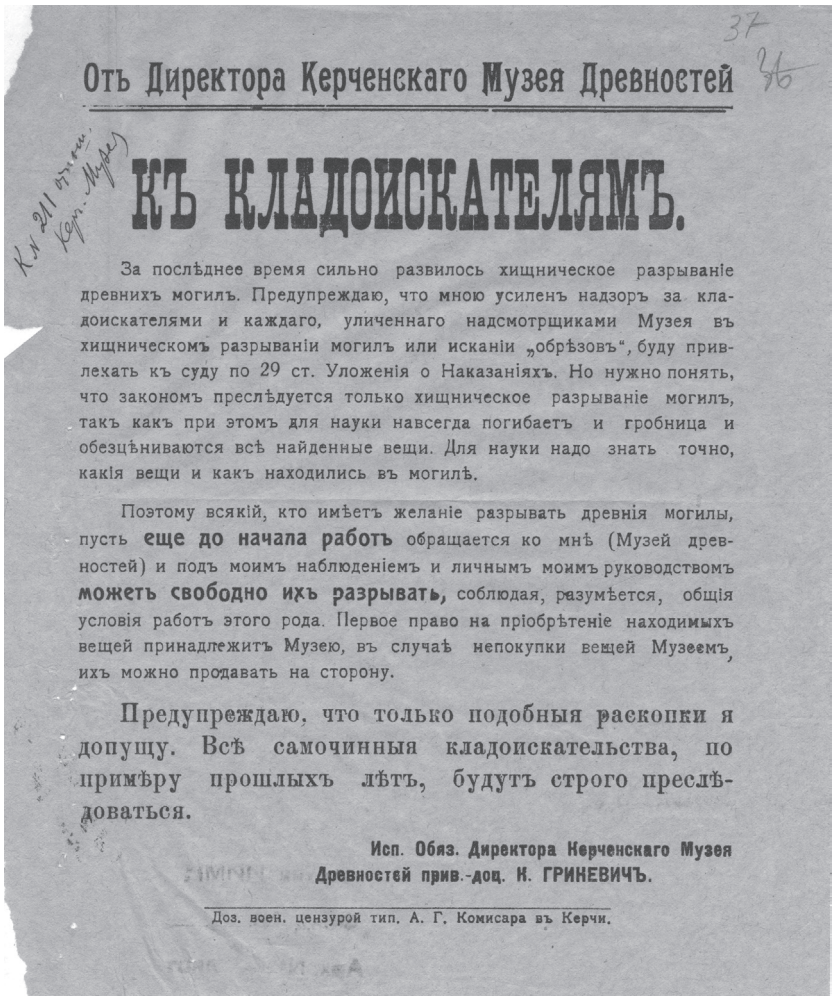
Summary

The article presents documents from the Archive of the Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences related to the history of the Kerch Museum in 1919–1921, i.e. during the Civil war in Russia. These are letters, telegrams, reports, etc., sent by the directors of the museum K.E. Grinevich and Yu.Yu. Marti to the State Academy of the History of Material Culture (Petrograd). In 1920, despite the wartime, archaeological courses worked in Kerch, scientific excursions were conducted, and even excavations were undertaken. After the end of the Civil war, the management of the museum had to find out the system of relations with the Soviet central organizations, in particular with the State Academy of the History of Material Culture. The documents testify to the dire situation of the museum staff at this time.

Key words: history of science, Cimmerian Bosporus, Kerch museum, Civil war.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ
Виноградов Юрий Алексеевич, д.и.н.,
ведущий научный сотрудник Института
истории материальной культуры РАН (С-Петербург).
(812) – 764 – 85 – 71
vincat2008@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR
Vinogradov Iurii Alekseevich,
doctor of the historical sciences,
leading scientific researcher of the Institute
for the History of Material Culture RAS (St. Petersburg).
(812) – 764 – 85 – 71
vincat2008@yandex.ru

37

Отъ Директора Керченскаго Музея Древностей

КЪ КЛАДОИСКАТЕЛЯМЪ.

За послѣднее время сильно развилось хищническое разрываніе древнихъ могилъ. Предупреждаю, что мною усиленъ надзоръ за кладоискателями и каждаго, уличеннаго надсмотрщиками Музея въ хищническомъ разрываніи могилъ или исканіи „обрѣзовъ", буду привлекать къ суду по 29 ст. Уложенія о Наказаніяхъ. Но нужно понять, что закономъ преслѣдуется только хищническое разрываніе могилъ, такъ какъ при этомъ для науки навсегда погибаетъ и гробница и обезцѣниваются всѣ найденные вещи. Для науки надо знать точно, какія вещи и какъ находились въ могилѣ.

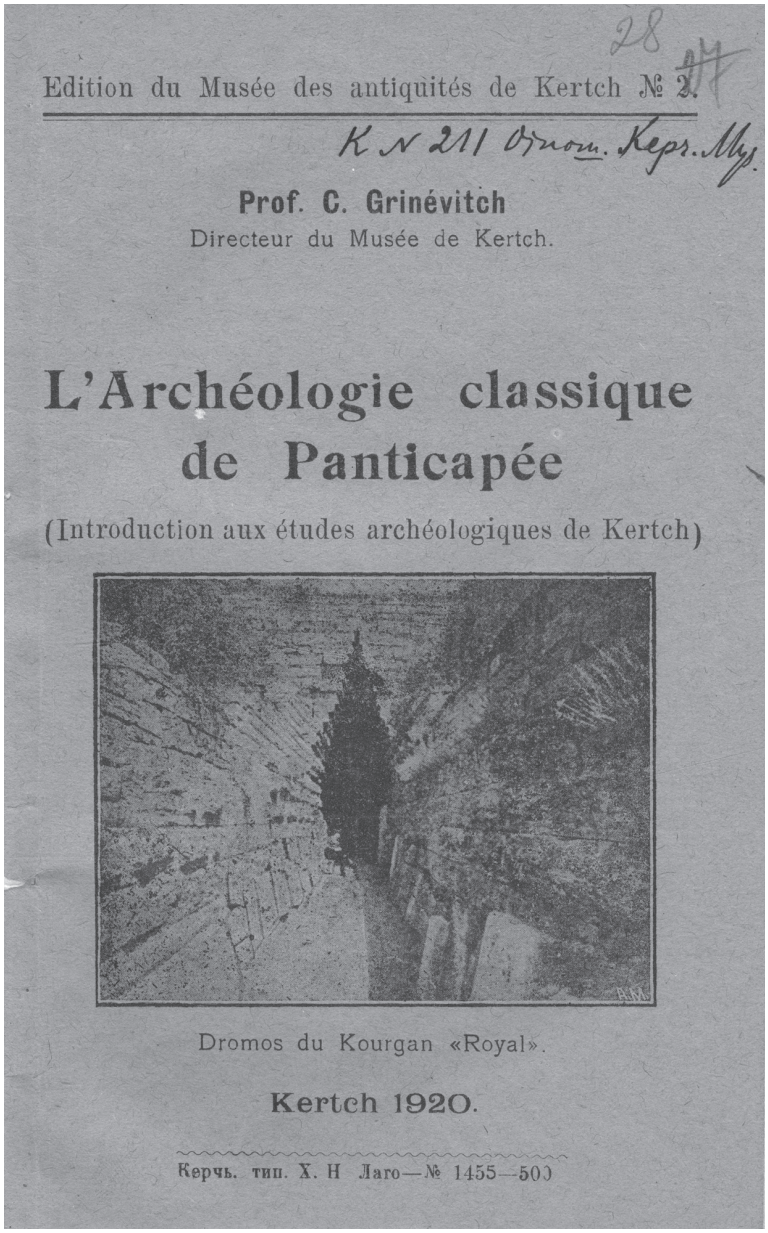
Поэтому всякій, кто имѣетъ желаніе разрывать древнія могилы, пусть **еще до начала работъ** обращается ко мнѣ (Музей древностей) и подъ моимъ наблюденіемъ и личнымъ моимъ руководствомъ **можетъ свободно ихъ разрывать,** соблюдая, разумѣется, общія условія работъ этого рода. Первое право на пріобрѣтеніе находимыхъ вещей принадлежитъ Музею, въ случаѣ непокупки вещей Музеемъ, ихъ можно продавать на сторону.

Предупреждаю, что только подобныя раскопки я допущу. Всѣ самочинныя кладоискательства, по примѣру прошлыхъ лѣтъ, будутъ строго преслѣдоваться.

Исп. Обяз. Директора Керченскаго Музея Древностей прив.-доц. К. ГРИНЕВИЧЪ.

Доз. военн. цензурой тип. А. Г. Комисара въ Керчи.

Рис. 1. Воззвание «К кладоискателям» (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1921 г. Д. 13. Л. 37).

Edition du Musée des antiquités de Kertch № 2.

28

К N 211 Отдел. Керч. Муз.

Prof. C. Grinévitch

Directeur du Musée de Kertch.

L'Archéologie classique de Panticapée

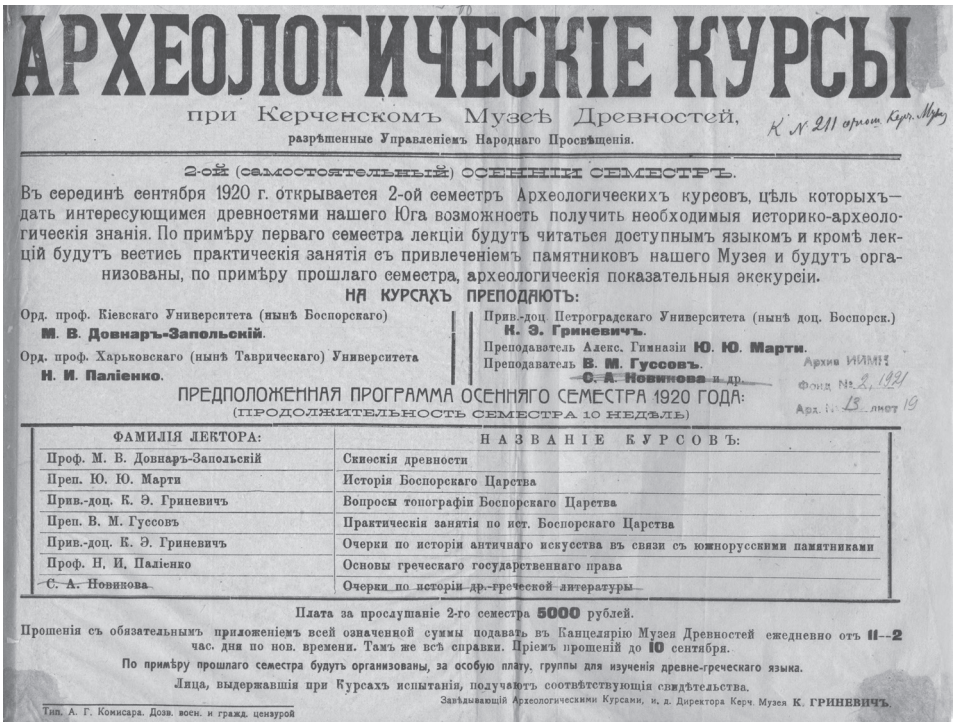
(Introduction aux études archéologiques de Kertch)

Dromos du Kourgan «Royal».

Kertch 1920.

Керчь. тип. Х. Н Лаго—№ 1455—500

Рис. 2. Брошюра Ю.Ю. Марти «Краткий археологический спутник по Керченскому музею» (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1921 г. Д. 13. Л. 28).

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЕ КУРСЫ

при Керченскомъ Музеѣ Древностей,

разрѣшенные Управленіемъ Народнаго Просвѣщенія.

К № 211 архив Керч. Муз.

2-ой (самостоятельный) ОСЕННІЙ СЕМЕСТРЪ.

Въ серединѣ сентября 1920 г. открывается 2-ой семестръ Археологическихъ курсовъ, цѣль которыхъ—дать интересующимся древностями нашего Юга возможность получить необходимыя историко-археологическія знанія. По примѣру перваго семестра лекціи будутъ читаться доступнымъ языкомъ и кромѣ лекцій будутъ вестись практическія занятія съ привлеченіемъ памятниковъ нашего Музея и будутъ организованы, по примѣру прошлаго семестра, археологическія показательныя экскурсіи.

НА КУРСАХЪ ПРЕПОДАЮТЪ:

Орд. проф. Кіевскаго Университета (нынѣ Боспорскаго) **М. В. Довнаръ-Запольскій.**

Орд. проф. Харьковскаго (нынѣ Таврическаго) Университета **Н. И. Паліенко.**

Прив.-доц. Петроградскаго Университета (нынѣ доц. Боспорск.) **К. Э. Гриневичъ.**

Преподаватель Алекс. Гимназіи **Ю. Ю. Марти.**

Преподаватель **В. М. Гуссовъ.**

~~**С. А. Новикова** и др.~~

Архив ИИМК Фонд № 2, 1921 Арх. № 13 лист 19

ПРЕДПОЛОЖЕННАЯ ПРОГРАММА ОСЕННЯГО СЕМЕСТРА 1920 ГОДА:

(ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТЬ СЕМЕСТРА 10 НЕДѢЛЬ)

ФАМИЛІЯ ЛЕКТОРА:	НАЗВАНІЕ КУРСОВЪ:
Проф. М. В. Довнаръ-Запольскій	Скиѳскія древности
Преп. Ю. Ю. Марти	Исторія Боспорскаго Царства
Прив.-доц. К. Э. Гриневичъ	Вопросы топографіи Боспорскаго Царства
Преп. В. М. Гуссовъ	Практическія занятія по ист. Боспорскаго Царства
Прив.-доц. К. Э. Гриневичъ	Очерки по исторіи античнаго искусства въ связи съ южнорусскими памятниками
Проф. Н. И. Паліенко	Основы греческаго государственнаго права
~~С. А. Новикова~~	~~Очерки по исторіи др.-греческой литературы~~

Плата за прослушаніе 2-го семестра **5000** рублей.

Прошенія съ обязательнымъ приложеніемъ всей означенной суммы подавать въ Канцелярію Музея Древностей ежедневно отъ **11—2** час. дня по нов. времени. Тамъ же всѣ справки. Пріемъ прошеній до **10** сентября.

По примѣру прошлаго семестра будутъ организованы, за особую плату, группы для изученія древне-греческаго языка.

Лица, выдержавшія при Курсахъ испытанія, получаютъ соотвѣтствующія свидѣтельства.

Завѣдывающій Археологическими Курсами, и. д. Директора Керч. Музея **К. ГРИНЕВИЧЪ.**

Тип. А. Г. Комисара. Дозв. воен. и гражд. цензурой

Рис. 3. Афиша с программой археологических курсов (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1921г. Д. 13. Л. 19).

Я.М. ПАРОМОВ
YA.M. PAROMOV

ИСТОРИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ НА ТАМАНСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ. ЧАСТЬ 4 (2013–2016 гг.) [1]

HISTORY OF ARCHAEOLOGICAL RESEARCH ON THE TAMAN PENINSULA. PART 4 (2013–2016)

Настоящая статья посвящена третьему этапу постсоветского периода археологических исследований на Таманском полуострове и является заключительной частью всей работы. Ранее отмечалось, что деление постсоветского периода на три этапа – время депрессии (1992–2000), нового подъема (2001–2012) и скачкообразного роста (2013–2016) имеет достаточно условный характер. Это деление во многом было определено объемом и характером работ, статусом учреждений, организующих исследования, а также общим числом экспедиций и подготовкой исполнителей. В рассматриваемое время главными факторами, влиявшими на ситуацию в регионе, являлись строительство комплекса терминалов с железнодорожными путями и другими объектами в районе поселка Волна, проектирование сухогрузного порта Тамань между мысом Тузла и мысом Панагия и строительство переправы и Крымского моста, начатое практически сразу после возвращения Крыма в состав Российской Федерации. Эти масштабные события были тесно связаны с проектированием и строительством большого числа самых разных объектов: железнодорожных путей и автострад, линий электропередач и связи, газопроводов и других коммуникаций, как наземных, так и прокладываемых под водой, по дну Керченского пролива. Все названные мероприятия были связаны со значительным, ранее неизвестным объемом так называемых охранных археологических исследований. В их организации принимали участие как научные учреждения, музеи, университеты, так и различные общества с ограниченной ответственностью, центры, конструкторские бюро и другие конторы, порожденные рыночной экономикой и новыми рыночными отношениями. Главной задачей данной статьи является построение общей картины археологических исследований на Таманском полуострове в 2013–2016 гг., в течение четырех лет, ставших этапом бурного роста объемов охранно-спасательных разведочных и раскопочных работ. Чтобы увидеть и попытаться осмыслить эту картину, необходимо сначала собрать ее, как мозаику, из пестрого множества результатов и итогов деятельности различных коллективов.

В рассматриваемое время археологические исследования на Таманском полуострове производились экспедициями и отрядами, организованными Институтом ар-

[1] Первая, вторая и третья части работы опубликованы в Вып. XXXIX, XL и XLI Боспорских исследований.

хеологии (ИА) РАН, Институтом истории материальной культуры (ИИМК) РАН, Институтом природного и культурного наследия, Государственным историческим музеем (ГИМ), Государственным музеем изобразительных искусств (ГМИИ) им.А.С. Пушкина, Краснодарским государственным историко-археологическим музеем-заповедником (КГИАМЗ) им. Е.Д. Фелицына, Кубанским государственным университетом (КубГУ, Краснодар), Южным федеральным университетом (ЮФУ, Ростов-на-Дону), Саратовским госуниверситетом. Археологические разведки и раскопки на Таманском полуострове производились также рядом обществ с ограниченной ответственностью: ООО«АОК» (Археологическое общество Кубани, Ростов-на-Дону), ООО «ЮРЦАИ» (Южно-Российский центр археологических исследований, Краснодар), ООО(ОАО) «Наследие Кубани» (Краснодар), ООО «Кубаньархеология» (Краснодар), НП (Некоммерческое партнерство) «Южархеология» (Ростов-на-Дону), ООО «Ирида» (пос. Волна, Темрюкский район Краснодарского края), ООО«Гермонасса» (поселок Сенной), ООО «Кубаньохранкультура» (Краснодар), ООО «ПрофЭксперт» (Краснодар), ООО «ИТЦСРЭ» (Инженерно-технический центр специальных работ и экспертиз, Санкт-Петербург), ООО«Георесурс–КБ» (Саратов), ЗАО «ОКН–Проект», ООО «ЦРСП» (Центр реставрации и сохранения памятников, Саратов), ООО«Арх Гео Юг» (Краснодар), ООО «Археологическая экспедиция» (Ростов-на-Дону).

Перечисленными выше двадцатью четырьмя учреждениями было организовано около девяноста коллективов, непосредственно осуществлявших различные по своему характеру археологические работы и исследования на территории Таманского полуострова. В общем статистическом плане картина выглядит следующим образом: в 2013 г. в регионе работали 24 экспедиции и отряда, в 2014 г. число этих коллективов составило 21, в 2015 г. оно резко возросло до 38, в следующем, 2016 г. их количество увеличилось до 39. Истинное значение приведенные цифры приобретают в сравнении с предшествующим хронологическим этапом: в 2010 и 2011 гг. число экспедиций и отрядов на Таманском полуострове составляло 12, в 2012 г. – 15. Таким образом, всего за четыре года (с 2011 до 2015) количество археологических экспедиций, работающих в регионе, возросло более чем втрое (с 12 до 38).

8 из 24 отчетов о полевых исследованиях 2013 года были сданы экспедициями и отрядами ИА РАН: 3 отчета – Фанагорийской экспедицией, возглавлявшейся В.Д.Кузнецовым (2 отчета – по Открытым листам на его имя, выданным на раскопки городища и обследование ближней хоры, а также отчет Патрейского отряда Фанагорийской экспедиции – по Открытому листу на имя Е.В. Захарова); 4 отчета – ВБАЭ под руководством Н.И. Сударева (3 отчета – по Открытым листам на его имя, выданным на раскопки поселения Тамань-3, на работы в комплексе «Гермонасса–Тмутаракань» и на разведки в Темрюкском районе, а также отчет Майкопского отряда ВБАЭ о раскопках поселения Тузла-15 по Открытому листу на имя С.Н.Кореневского); отчет о раскопках Таманского городища Таманской средневековой

археологической экспедицией под руководством В.Н.Чхаидзе. От ИИМК в 2013 г. работал Таманский отряд Боспорской экспедиции, возглавлявшийся С.В.Кашаевым. Его исследования производились на двух памятниках античного времени – поселении и грунтовом могильнике Артющенко-2 и поселении Вышестеблиевская-3. От Исторического музея, как и в предшествующее время, работали две экспедиции: Боспорская – под руководством Д.В. Журавлева на поселениях Голубицкая-2 и Стрелка-2 и Таманская – под руководством Г.А. Ломтадзе, производившая исследования в районе станицы Ахтанизовской. Раскопки городища Гермонасса–Тмутаракань традиционно были продолжены в 2013 г. археологической экспедицией ГМИИ им. А.С. Пушкина, возглавлявшейся С.И. Финогеновой. Отдельным отрядом Краснодарской экспедиции КубГУ, которым руководил В.В.Бочковой, в том же сезоне производились детальные археологические разведки на шести поселениях в зоне строительства железнодорожного пути от станицы Вышестеблиевской до поселка Волна. В общей сложности 14 экспедиций и отрядов, работавших на Таманском полуострове в 2013 г., были организованы традиционными учреждениями – академическими институтами, государственными музеями и университетами.

Кроме перечисленных, еще 10 коллективов работали в составе или под эгидой новых образований – различных обществ, центров и ассоциаций. К ним относились 3 отряда ООО «Археологическое общество Кубани»: 2 – под руководством Д.Д.Водолажского и 1 – А.Л. Козорезова. Двумя первыми отрядами производились разведки на территории проектируемого порта Тамань и вблизи поселка Волна, а также обследование нескольких поселений, грунтового и курганного могильников в районе мыса Тузла; отрядом А.А. Козорезова – разведки в зоне реконструкции железнодорожной станции Вышестеблиевская. Сотрудниками ООО «ЮРЦАИ» Д.А.Карповым и В.Ю. Кононовым в сезоне 2013 г. возглавлялись 2 отряда: первый занимался разведочными работами по экспертизе землеотводов в поселках Ильич, Кучугуры, Приморский, Сенной, в станице Тамань, около мыса Тузла и на территории Темрюка; второй – раскопками 4 курганов, находившихся к западу от поселка За Родину. Разведочным отрядом ОАО «Наследие Кубани» под руководством А.А.Горошникова было обследовано поселение Белый-1, целью которого являлось уточнение границ, культурно-хронологической принадлежности и стратиграфии культурных напластований памятника. Экспедицией ООО «Кубаньархеология», возглавлявшейся О.В.Шаровым, и Панагийским отрядом Боспорской экспедиции ИИМК РАН были проведены охранные раскопки поселения Волна-12 на участке, попадающем в зону строительства Таманского терминала навалочных грузов. Визуальное обследование с закладкой нескольких шурфов на участке трассы газопровода высокого давления, проходившем по периферийной части поселения Виноградный-7, проводилось в 2013 г. отрядом НП «Южархеология» под руководством Ю.В.Абояна. Значительные по объему полевые исследования на 7 земельных участках, попадающих под строительство и проектирование между поселком Волна, станицей Вышестеблиевская, поселками Сенной, Приморский и станицей Тамань в конце 2013 – третьей четверти 2014 г.

были выполнены археологической экспедицией ООО «Ирида», возглавляемой В.Г. Житниковым. Под руководством сотрудника ООО «Гермонасса» А.В.Баранюка в рамках экспертизы землеотвода были проведены археологические разведки к западу от станицы Тамань, в районе поселения Тамань-4 (Западно-Лысово).

14 из 21 отчета о полевых исследованиях 2014 года на Таманском полуострове были сданы экспедициями и отрядами, организованными учреждениями, традиционно занимавшимися археологическими исследованиями. Сведения о них во многом близки приведенным выше сведениям об исследованиях 2013 года. 9 отчетов были сданы экспедициями и отрядами ИА РАН: 3 отчета – Фанагорийской экспедицией, возглавлявшейся В.Д. Кузнецовым (2 отчета – по Открытым листам на его имя, выданным на раскопки городища и обследование хоры к юго-западу от поселка Сенной, а также отчет Патрейского отряда Фанагорийской экспедиции – по Открытому листу на имя Е.В. Захарова); 3 отчета сданы ВБАЭ под руководством Н.И. Сударева (2 из них – по Открытым листам на его имя на разведки по трассе трубопровода между станицей Старотитаровская и поселком Виноградный и археологические разведки на острове Тузла и в акватории Керченского пролива по трассе транспортного перехода, а также отчет Майкопского отряда ВБАЭ о раскопках поселения Тузла-15 по Открытому листу на имя С.Н. Кореневского); отчет об исследованиях Таманской средневековой археологической экспедиции под руководством В.Н.Чхаидзе на городище Гермонасса–Тмутаракань; отчет Сочинского отряда ИА РАН о раскопках курганных могильников у поселка Волна по Открытому листу на имя П.С. Успенского; отчет о подводной археологической разведке близ мыса Панагия, проводившейся С.В. Ольховским. От ИИМК РАН в 2014 г. работал Таманский отряд Боспорской экспедиции, возглавлявшийся С.В. Кашаевым. Его усилия были направлены на исследование комплексного памятника античного времени – некрополя и поселения Артющенко-2. От Исторического музея, как и ранее, работали две экспедиции: Боспорская – под руководством Д.В. Журавлева была занята раскопками поселений Голубицкая-2, Стрелка-2 и обследованием поселения Соленый-3, а также Таманская экспедиция под руководством Г.А. Ломтадзе, продолжавшая раскопки поселения Ахтанизовская-4 и разведочные работы на вершине горы Бориса и Глеба – одного из наиболее известных грязевых вулканов Таманского полуострова. Раскопки городища Гермонасса–Тмутаракань от ГМИИ им. А.С. Пушкина в рассматриваемом сезоне проводились экспедицией, возглавлявшейся Т.А. Ильиной. Археологическая экспедиция Южного федерального университета под руководством В.Г. Житникова исследовала курганы, находившиеся к западу и юго-западу от поселения Волна-1.

Кроме перечисленных выше 14 экспедиций и отрядов, организованных институтами, музеями и университетами, в 2014 г. на Таманском полуострове работали 7 коллективов, действовавших под эгидой различных обществ, центров и ассоциаций. По отдельным Открытым листам проводили свои исследования экспедиция и отряд ООО «Археологическое общество Кубани», занятые раскопками поселения Белое Юго-Восточное (экспедиция под руководством В.В. Матаева), а также поселения

Чубово (к востоку от станицы Старотитаровская) и кургана Камышеватый – отряд под руководством Ш.О. Давудова. Археологическая экспедиция ООО «ЮРЦАИ», возглавлявшаяся Д.А. Яцюком, исследовала курганные могильники и отдельные курганы, находившиеся к югу – юго-западу от станицы Старотитаровской. В рамках ООО «Кубаньархеология» экспедиция под руководством А.А. Горошникова и отряд, возглавлявшийся В.В. Бочковым, проводили в 2014 г. раскопки поселений Волна-12 (экспедиция А.А. Горошникова) и Волна-6 (отряд В.В. Бочкового, работавший совместно с отрядом ООО «Ирида»). Археологическая экспедиция ООО «Ирида» под руководством И.В. Цокур в том же сезоне завершила исследование периферийного участка поселения Волна-4, попавшего в зону строительства и хозяйственного освоения. Сотрудниками ООО «Кубаньохранкультура» по Открытому листу на имя Д.С.Крюкова было произведено обследование нескольких поселений в районе станицы Фонталовской и поселков Юбилейный, Волна Революции, Гаркуша, Кучугуры, находившихся в полосе отчуждения проектируемой линии оптико-волоконной связи.

Об археологических исследованиях на Таманском полуострове, проводившихся в 2015 году, отчитались 38 коллективов. 19 из них были организованы научными и образовательными учреждениями. 9 отчетов сданы экспедициями и отрядами ИА РАН: 2 отчета – Фанагорийской экспедицией, возглавлявшейся В.Д. Кузнецовым, об исследованиях на городище, Восточном некрополе и в затопленной части Фанагории, а также отчет об археологических разведках (обследовании 6 известных поселений в районе Виноградный – Приморский – Сенной и сплошном обследовании ближней хоры Фанагории); 3 отчета об исследованиях в рамках ВБАЭ под руководством Н.И.Сударева: о раскопках поселения Виноградный-7 по Открытому листу, выданному на его имя, о раскопках поселения Тузла-15 по листу на имя С.Н.Кореневского и раскопках поселения Тамань-3 (Седьмой километр) по листу на имя Е.В.Кузнецовой; отчет об исследованиях Таманской средневековой археологической экспедиции под руководством В.Н. Чхаидзе на городище Гермонасса–Тмутаракань; отчет Таманско-Керченского отряда, возглавлявшегося А.А. Супренковым, о раскопках на поселении Гора Чиркова-1; отчет о разведках в зоне строительства перехода через Керченский пролив, проводившихся под руководством С.А. Ермолина; отчет о подводных исследованиях прибрежной акватории Керченского пролива к юго-востоку от мыса Панагия, продолженных С.В. Ольховским. От ИИМК РАН в рассматриваемом сезоне на Таманском полуострове работали 4 коллектива: Таманским отрядом Боспорской экспедиции под руководством С.В. Кашаева были продолжены исследования грунтового могильника античного времени Артющенко-2; Ю.А. Виноградовым, возглавлявшим Бугазский отряд той же экспедиции, после двухлетнего перерыва были возобновлены раскопки поселения античного и средневекового времени Артющенко-1; Античной новостроечной экспедицией ИИМК РАН под руководством С.Л. Соловьева проводились охранные раскопки на поселении Ильич-1 и на предполагаемом, неизвестном ранее памятнике – его грунтовом могильнике; еще одной экспедицией ИИМК, возглавлявшейся О.В. Шаровым, исследовался северо-западный прибреж-

ный участок того же античного и средневекового поселения Ильич-1. Обе экспедиции Исторического музея – Боспорская, под руководством Д.В. Журавлева и Таманская, возглавлявшаяся Г.А. Ломтадзе, в 2015 г. продолжили свои исследования: первая – раскопки поселений Голубицкая-2 и Стрелка-2, вторая – работы на поселении Ахтанизовская-4. Раскопки городища Гермонасса–Тмутаракань традиционно проводились археологической экспедицией ГМИИ им. А.С. Пушкина под руководством С.И. Финогеновой. Экспедицией Южного федерального университета, возглавлявшейся С.М. Ильяшенко, были исследованы два кургана у поселка Волна. Гидроакустическое сканирование дна Керченского пролива в районе от мыса Панагия до рифа Трутаева в археологических целях, а также разведки на подводном участке газопровода по отдельным Открытым листам проводились А.В. Окороковым, действовавшим от Института культурного и природного наследия и Русского географического общества.

Кроме перечисленных выше 19 экспедиций и отрядов, принадлежавших научным и образовательным учреждениям, в 2015 г. на Таманском полуострове работало столько же археологических коллективов (19), организованных различными обществами, центрами и ассоциациями. Экспедиция ООО «Археологическое общество Кубани», возглавлявшаяся О.В. Сергеевой, производила в течение этого сезона раскопки нескольких памятников: двух поселений в районе Юбилейного, поселения около Старотитаровской и четырех курганов вблизи поселка Красноармейский. Отдельным отрядом того же учредителя, работавшим под руководством Р.В. Прокофьева, был исследован курган Камышеватая-II к востоку от станицы Старотитаровской. Двумя из трех коллективов, организованных в рамках ООО «Наследие Кубани», руководил А.В. Дмитриев. Первый (разведочный отряд) в декабре 2014 – первом квартале 2015г. был занят детальным обследованием участка проектируемого шоссе Новороссийск – Крымская переправа протяженностью 42 км, вторым коллективом (экспедицией) в том же сезоне (2015) производились охранные исследования (раскопки) северной части поселения Балка Хреева-1. Третьим коллективом сотрудников ООО «Наследие Кубани» по Открытому листу, выданному О.Ф. Жупанину, в 2015–2016 гг. проводились охранно-спасательные исследования юго-восточной части того же поселения (Балка Хреева-1) «методом археологических наблюдений». Оба коллектива, действовавшие в рамках ООО «Кубаньархеология», – экспедиция под руководством А.А.Горошникова и отряд, возглавлявшийся В.В. Бочковым, в 2015 г. продолжили начатые ими в предшествующем сезоне раскопки поселений Волна-12 (экспедиция А.А.Горошникова) и Волна-6 (отряд В.В. Бочкового, работавший, как и ранее, совместно с отрядом ООО «Ирида»). Археологическая экспедиция ООО «Ирида» под руководством И.В. Цокур в том же и следующем сезонах производила масштабные охранные раскопки грунтового могильника античного времени Волна-1. Сотрудниками ООО «Кубаньохранкультура» по Открытому листу, выданному на имя А.А. Глухова, проводились исследования охранного характера на поселении эпохи поздней бронзы, раннесредневекового и нового времени Балка Хреева-2. Две экспедиции ООО

«ПрофЭксперт», возглавлявшиеся А.В. Ивановым и А.А. Крайневой, в рассматриваемом сезоне были заняты раскопками кургана Сенной-43 (экспедиция А.В. Иванова) и поисками остатков уничтоженного песчаным карьером кургана Артющенко-24 (экспедиция А.А. Крайневой). Пять исследовательских коллективов Центра специальных работ и экспертиз (ООО «ИТЦСРЭ») занимались в 2015 г. раскопками памятников археологии Таманского полуострова: два из них возглавлял Ю.К.Гугуев, по разным Открытым листам производивший раскопки двух поселений – Балка Лисовицкого-1 (с марта по август) и Чирково-II (с мая по сентябрь); И.Н. Наумов и Е.П. Мыськов вместе руководили (по трем Открытым листам) раскопками курганной группы Таманская-3 и кургана Вышестеблиевская-17, итоги которых были представлены в двух отчетах; отдельным отрядом, возглавлявшимся Д.В. Кутуковым, были проведены раскопки грунтового могильника Балка Хреева-2. Сотрудниками ООО«Георесурс-КБ» по двум Открытым листам, выданным на имя А.В. Суркова, был выполнен комплекс разведочных работ (визуальное обследование, шурфовка, зачистки) по трассе проектируемого газопровода на участках Белый – Виноградный и в районе мыса Тузла. Коллективом ООО «Археологическая экспедиция» по Открытому листу на имя В.И. Мамонтова было проведено детальное обследование земельного участка в зоне строительства автомобильного путепровода к юго- западу от станицы Старотитаровской. Семь земельных участков в разных частях Таманского полуострова (от поселка Красный Октябрь до поселков Сенной и Ильич), подлежавших хозяйственному освоению, были обследованы К.А. Крутоголовенко, действовавшим под эгидой ООО «Арх Гео Юг».

Об исследованиях памятников археологии Таманского полуострова в течение полевого сезона 2016 года поступило 39 отчетов. 22 из них были сданы авторами, возглавлявшими коллективы, организованные академическими институтами, музеями и университетами. 13 из этих отчетов принадлежали экспедициям и отрядам ИА РАН: 3 отчета – Фанагорийской экспедиции под руководством В.Д.Кузнецова – отчет об исследованиях городища за его подписью, а также отчеты А.Н. Ворошилова и М.О.Жуковского об охранных раскопках Восточного некрополя Фанагории по отдельным Открытым листам; отчет об исследованиях Таманской средневековой археологической экспедиции под руководством В.Н.Чхаидзе на городище Гермонасса–Тмутаракань; отчет о раскопках поселения Тамань-3 (Седьмой километр), проводившихся Е.В. Кузнецовой по собственному Открытому листу в рамках ВБАЭ, возглавлявшейся Н.И.Сударевым; Таманским отрядом ИА РАН под руководством А.Н. Свиридова по отдельным Открытым листам исследовались участки поселений Виноградный-7 и Гора Чиркова-1, попавшие в зону реконструкции автомобильной дороги Новороссийск – Керченский пролив; в районе поселка Виноградный на трассе строившегося газопровода по Открытому листу на имя Д.А. Карпова проводились раскопки двух поселений, курганов и грунтового могильника; Южной новостроечной экспедицией

ИА РАН, возглавлявшейся С.В. Язиковым, производились охранные раскопки поселения Тамань-12; сотрудниками отдела охранных раскопок ИА РАН по отдельному Открытому листу на имя С.В. Язикова был обследован земельный участок в районе железнодорожного переезда Вышестеблиевская – Сенной; Вышестеблиевский отряд Южной новостроечной экспедиции ИА РАН под руководством А.Н. Гея исследовал два кургана, находившиеся у восточной границы поселения Виноградный-7, и один из курганов Тузлинской гряды; А.В. Степановым, действовавшим под эгидой ИА РАН, по двум Открытым листам проводились подводные разведки в Керченском проливе на объектах проектируемого морского порта Тамань и наблюдения за прокладкой подводного участка магистрального газопровода. От ИИМК РАН в 2016 г. на Таманском полуострове работали 4 коллектива: оба отряда Боспорской экспедиции ИИМК – Бугазский, возглавлявшийся Ю.А.Виноградовым, и Таманский под руководством С.В. Кашаева, продолжили свои исследования на поселении Артющенко-1 – первый и грунтовом могильнике Артющенко-2 – второй; Античная новостроечная экспедиция, возглавлявшаяся С.Л. Соловьевым, проводила охранные раскопки поселения античного времени Баланка-2, находившегося в 3,9 км к северо-востоку от станицы Вышестеблиевской; Приазовской экспедицией ИИМК РАН под руководством С.А. Кулакова было продолжено исследование раннепалеолитической стоянки Богатыри/Синяя Балка около поселка За Родину. Обе экспедиции Исторического музея – Боспорская, возглавлявшаяся Д.В. Журавлевым, и Таманская – под руководством Г.А. Ломтадзе в 2016г. продолжили свои исследования: первая – раскопки поселений Голубицкая-2 и Стрелка-2, вторая – поселения Ахтанизовская-4. Подводные археологические разведки в южной части Керченского пролива в коридоре строительства магистрального газопровода Краснодарский край – Крым проводились А.В. Окороковым под эгидой Института культурного и природного наследия. Раскопки двух курганов, расположенных к юго-западу от окраины станицы Курчанской, были произведены экспедицией Краснодарского музея-заповедника, возглавлявшейся Н.Ф. Шевченко.

Кроме перечисленных выше экспедиций и отрядов, принадлежавших научным и образовательным учреждениям, в 2016 г. на Таманском полуострове работали 17 археологических коллективов, организованных различными обществами, центрами и ассоциациями. Отрядом ООО «Археологическое общество Кубани» под руководством Р.В. Прокофьева был раскопан курган Могила Хуторницкая, находившийся в 2,7 км к югу – юго-востоку от станицы Старотитаровская, в зоне строительства высоковольтной ЛЭП к Крымской переправе. В рамках ООО «Наследие Кубани» в рассматриваемом сезоне производились охранные раскопки: средневекового поселения Балка Хреева-1, возглавлявшиеся О.Ф. Жупаниным; поселения эпохи бронзы и средневекового времени Балка Хреева-3 – под совместным руководством В.П.Мокрушина и Д.В. Кутукова, а также кургана № 2 из курганной группы Балка Хреева, возглавлявшиеся И.Б. Тищенко. Обоими коллективами, действовавшими под эгидой ООО «Кубаньархеология», руководил А.А. Горошников. По двум Открытым листам им производились охранные исследования попадающего в зону строительства ав-

тодороги Новороссийск – Керченский пролив участка поселения Виноградный-7, а также археологические разведки по трассе водопровода Виноградный (гора Чиркова) – Тамань. Экспедицией НП «Южархеология», возглавлявшейся В.В. Цыбрием, в 2016г. были раскопаны три кургана, находившиеся в урочище Чеботарева Могила к юго-востоку от станицы Тамань. Сотрудниками ООО «Кубаньохранкультура» под руководством Р.А. Корниенко были произведены археологические разведки, связанные со строительством ЛЭП Тамань – Старотитаровская. Три исследовательских коллектива Центра специальных работ и экспертиз (ООО «ИТЦСРЭ») занимались в рассматриваемом полевом сезоне исследованием памятников археологии Таманского полуострова: два из них возглавляла Э.Д. Зиливинская, по разным Открытым листам руководившая охранными раскопками поселения и могильника Соленый-2, а также работами по археологическому наблюдению в южной части поселения Тузла-8; еще один коллектив того же учредителя, возглавлявшийся С.М.Ильяшенко, проводил охранные раскопки поселения Балка Лисовицкого-2. Обеими археологическими экспедициями ООО «Георесурс-КБ» руководила О.В. Сергеева, по разным Открытым листам возглавлявшая охранные раскопки известного ранее поселения Старотитаровская-16 и нового поселения у отд. № 3 свх Радуга, расположенного в 3,2 км к западу – юго-западу от поселка Белый. Три исследовательские коллектива, организованные ЗАО «ОКН-проект», в полевом сезоне 2016 г. проводили археологическое обследование (разведки) разных земельных участков: под руководством М.А. Деняева – землеотвода под строительство ЛЭП высокого напряжения протяженностью около 15 км (от русла Старой Кубани до горы Камышеватой); под руководством М.В. Дмитриенко – участка, связанного с реконструкцией автотрассы в районе поселка Белый; под руководством Н.С. Щербаковой – территории двух поселений: Старотитаровская-9 и Старотитаровская-10, находящихся в 1,5 км к северу от окраины станицы, по обе стороны (к востоку и западу) от балки Борзочка, что было связано с предполагаемым строительством эксплуатационных нефтяных скважин. Сотрудниками ООО «Центр реставрации и сохранения памятников», возглавлявшимися А.Л. Исаковым, в охранных целях были раскопаны поселение Тузла-23, один из курганов Тузлинской гряды, а также один из вновь учтенных курганов группы «Таманская юго-западная».

Выше были перечислены экспедиции и отдельные отряды, производившие археологические исследования на Таманском полуострове в 2013–2016 гг. и представившие научные отчеты о своих работах. В этом перечне указаны учредители экспедиций, авторы исследований и памятники, охваченные разведками и подвергавшиеся раскопкам. Кратко рассмотрим основные итоги этих работ. Главными направлениями исследований Фанагорийской экспедиции ИА РАН, работавшей под руководством В.Д. Кузнецова, как и ранее, являлись исследование городища (раскопы Верхний город и Нижний город), его могильников (Восточный некрополь и Южный некрополь), обследование затопленной морем части античного города, а также археологические разведки сельской округи Фанагории. В рассматриваемое

время в работе экспедиции принимали участие сотрудники ИА РАН, а также других научных учреждений и университетов России: А.А. Завойкин, М.Г.Абрамзон, М.В. Добровольская, А.Л. Александровский, Е.В. Добровольская, А.О. Юрцева, А.Н. Ворошилов, С.В.Ольховский, Ю.Н. Кузьмина, Н.В. Завойкина, В.А. Гаибов, Л.А. Голофаст, Г.П.Гарбузов, П.А. Евдокимов, М.О. Жуковский, В.О. Акимов, Т.М.Кутинова, А.А.Наумов, В.А. Горлов, О.М. Ворошилова, Н.А.Павличенко, С.Н.Остапенко. Основные сведения, относящиеся к исследованиям экспедиции, материалам и находкам из раскопок, к их анализу и обобщениям, помещены в ряде публикаций [Ворошилов, Ворошилова, Гарбузов, Завойкин, Кузнецов, Кузьмина, Ольховский, 2016; Кузнецов, Ворошилов, Гарбузов, Завойкин, Ольховский, Шорунова, 2017; Кузнецов, 2016; 2018; Завойкин, Кузнецов, 2013; Кузьмина, Камелина, 2016; Завойкин, 2013; 2013а; 2014; 2015; Абрамзон, 2013; Терещенко, 2015; ДобровольскаяЕ.В., 2013; Добровольская Е.В., Завойкин, 2014; Кузнецова, 2013; Завойкина, 2013; 2016; 2017; 2018; Ворошилов, Ворошилова, 2014; Ворошилова, Ворошилов, 2013; 2013а; Медведев, 2013; 2013а; 2018; Ворошилов, Ворошилова, Жуковский, Кузнецов, 2016; Ольховский, 2016; Гарбузов, 2015; Застрожнова, 2013; 2014; 2015; Гунчина, 2016]. Следует особо отметить, что с 2013г., благодаря финансовой поддержке Фонда О.В. Дерепаски «Вольное Дело», под общей редакцией В.Д. Кузнецова в виде большеформатных книг начали выходить результаты археологических исследований Фанагории. В течение 2013–2016 гг. вышло четыре тома [том 1. М., 2013; том 2. М., 2015; том 3. М., 2015; том 4. М., 2016]. Том1, посвященный материалам по археологии и истории Фанагории, содержал статьи В.Д. Кузнецова «Фанагория: некоторые итоги исследования», М.Г. Абрамзона «Нумизматический комментарий к надписи времени Рескупорида III из Фанагории» и «Античные иноземные монеты из раскопок Фанагории», А.Л. Александровского «Почвы Фанагории», Г.Е.Беспалого и В.В. Верещагина «Склеп 2001 г. на Восточном некрополе Фанагории», Г.П.Гарбузова «Комплексные археологические исследования в округе Фанагории», Е.В. Добровольской «Археозоологические особенности Фанагории: скотоводство и охота», А.А. Завойкина, Е.В. Кузнецовой и С.Ю.Монахова «Склад амфор 290Б из Фанагории», А.А. Завойкина и Т.Г.Шавыриной «Погребение 23/1980 Восточного некрополя Фанагории: к вопросу о закупорке античных амфор», Н.В.Завойкиной «Фанагорийское общество (по материалам эпиграфики)», В.Д. Кузнецова «Апатур», А.П. Медведева «Позднеантичный некрополь Фанагории IV – V вв. (раскопки 2005г.)», М.Ю. Трейстера «Бронзовая статуэтка из Фанагории», Т.Г. Шавыриной и О.М. Ворошиловой «Исследования Западного некрополя Фанагории (по материалам раскопок 1987 – 2000 гг.)». Том 2 – «Золото Фанагории» – с предисловием В.Д. Кузнецова, введением и заключением редактора тома М.Ю. Трейстера, содержал статьи М.Ю. Трейстера «История находок золотых украшений в Фанагории во второй половине XIX – первой трети XX в.» и «Золото Фанагории. Типологический, стилистический и хронологический анализ», Н.В. Александрова «История первых поступлений античных золотых украшений в

ГМИИ им. А.С. Пушкина», А.Н. Ворошилова и О.М. Ворошиловой «Золото в некрополе Фанагории», М.Г. Абрамзона «Золотые индикации с античных монет из раскопок Фанагории», М.Г. Абрамзона и М.Ю. Трейстера «Золотые имитации античных монет из Фанагории», С.Р. Тохтасьева «Надписи на перстнях, содержащих слова ΧΑΡΑ и ΨΥΧΗ», И.А. Сапрыкиной «Техника изготовления золотых изделий из Фанагории», В.В. Зайкова, М.Ю. Трейстера, Е.В. Зайкова, П.В. Хворова и В.А.Котлярова «Результаты исследования состава золотых изделий из Фанагории», И.А. Сапрыкиной и Л.А. Пельгуновой «Исследование золотых изделий из Фанагории на РФА-спектрометре M4 Tornado (Bruker)», О.В. Аникеевой «Результаты исследования материала основы бус кат. № 40». Том 3 – «Монетные клады времени Митридата VI Евпатора с хоры Фанагории» М.Г. Абрамзона и В.Д.Кузнецова посвящен трем кладам боспорских монет IV– I вв. до н.э., два из которых являются крупнейшими монетными кладами во всем Северном Причерноморье. Том 4, посвященный, как и том 1, материалам по археологии и истории Фанагории, открывался предисловием В.Д.Кузнецова и содержал статьи М.Г. Абрамзона, А.Н. Ворошилова, О.М.Ворошиловой и И.А.Сапрыкиной «Новые находки золотых индикаций в Фанагории», О.М. Ворошиловой и Н.В.Завойкиной «Надгробие фиасота Мокка, сына Левкия, из Фанагории», Г.П. Гарбузова ««Страбонов» рукав Кубани и хора Фанагории», Л.А. Голофаст и С.В. Ольховского «Комплекс керамики из подводного фундамента в акватории Фанагории», Е.В. Добровольской и А.А.Завойкина «Кости животных и птиц из раскопок «Верхнего города» Фанагории», М.В.Добровольской «Антропологические материалы из склепов Восточного некрополя Фанагории (раскопки 2013 г.)», А.А.Завойкина, А.Б. Колесникова и Н.И.Сударева «Позднеархаические погребения на «Южном городе» Фанагории», Н.В. Завойкиной «Новые надписи Фанагории (находки разных лет)», Н.В. Завойкиной и Н.А. Павличенко «Письмо на свинцовой пластине Патрея», В.Д. Кузнецова «Фанагория и Синдика: некоторые заметки», В.Д. Кузнецова, А.Н. Ворошилова и М.О. Жуковского «Курган Боюр-Гора (предварительная публикация)», В.Д. Кузнецова и С.В. Ольховского «Некоторые итоги подводных исследований в Фанагории (1998–2015 гг.)», А.О. Юрцевой «Кости рыб из Фанагории (раскопки 2006–2013 гг.)». Необходимо отметить, что публикация результатов археологических исследований Фанагории продолжается и в данное время.

В рассматриваемый период (2013–2016 гг.) постоянно расширявшаяся общая площадь раскопа Верхний город достигла 1725 кв. м. На западном и северном участках раскопа исследовались слои позднеархаического, классического, эллинистического, римского и средневекового времени. В процессе раскопок были выявлены многочисленные строительные остатки: фундаменты зданий, стены из сырцовых кирпичей, вымостки улиц и дворов, хозяйственные и мусорные ямы. Массовый археологический материал состоял преимущественно из фрагментов амфор, столовой и кухонной гончарной посуды, лепных сосудов и другой керамики. Среди индивидуальных находок присутствовали терракотовые статуэтки, светильники, ткацкие

грузила, амфорные клейма, граффити, монеты и другие артефакты. В 2014 г. на нижнем плато городища, восточнее Центрального раскопа М.М. Кобылиной, был разбит новый раскоп – Нижний город площадью 2000 кв. м, на котором произведены лишь предварительные работы. В сезоне 2015 г. на всей площади Нижнего города исследовались слои средневекового времени (IX – первая половина X в.). В результате раскопок здесь были выявлены кварталы городской застройки позднего периода существования Фанагории, относящегося ко второй половине IX – началу X в. В ходе исследований Восточного некрополя в 2013 г. было вскрыто 775 кв. м, на которых выявлено несколько погребений от классического до позднеримского времени. В следующем, 2014 г. на площади 1125 кв. м было исследовано 26 погребальных комплексов – каменных ящиков, грунтовых склепов, простых могил эллинистического и римского периодов, среди которых выделялся большой каменный склеп римского времени с останками более 70 погребенных, бывший, по мнению исследователей, основным захоронением в кургане, насыпь которого не сохранилась. В 2015 г. на Восточном некрополе был разбит новый участок площадью 250 кв. м, на котором выявлен 21 погребальный комплекс. Захоронения эллинистического и римского времени были совершены в грунтовых склепах, каменной гробнице и простых могилах. В 2016г. на некрополе работали два отряда – под руководством А.Н. Ворошилова и М.О. Жуковского. Первым из них на площади 96 кв. м было выявлено 7 археологических комплексов различного характера: погребения в земляных склепах и простых могильных ямах, а также остатки, предположительно ритуального сооружения, относящиеся ко II в. до н.э. – началу V в. н.э. Вторым отрядом на площади 450 кв. м было выявлено 24 различных археологических объекта (грунтовые склепы, могилы с подбоем, могилы с перекрытием, каменный ящик, захоронения коней), которые датируются тем же временем. На Южном некрополе в 2013 г. были произведены охранные раскопки одного из курганов и в 2014 г. исследован грунтовый склеп позднеримского времени [Арх. ИА: № 40811; № 45554; № 47481; № 51943; № 53089; №53302].

В затопленной морем части городища работы состояли в обследовании дна Таманского залива с целью усовершенствования созданной ранее батиметрической карты и поиска новых объектов, погребенных в донных отложениях. Кроме того, проводилось исследование затонувшего корабля [Арх. ИА: №45554. Л. 5]. Разведки сельской территории античной Фанагории, проводившиеся Г.П.Гарбузовым в 2013–2014 гг., затронули в первом сезоне участок размерами 120,5 га с находившимся на нем известным поселением Сенной-1 и во втором сезоне – участок площадью 79,2 га также с известным поселением Сенной-8 [Паромов, 1992. С. 312–314, 327–329. № 78, 85; Арх. ИА: № 40818; №45621]. В полевом сезоне 2015 г. работы на хоре Фанагории проводились двумя отрядами, имевшими разные задачи и возглавлявшимися Г.П. Гарбузовым и М.О.Жуковским. Первым отрядом было обследовано 6 известных сельских поселений (Приморский-21, Приморский-22, Виноградный-9, Виноградный-10, Сенной-3, Сенной-9) с целью

фиксации современного состояния памятников и сбора дополнительных данных об их размерах и датировке [Паромов, 1992. С. 414–418, 540–545, 316–319, 329–332. №121, 122, 168, 169, 80, 86; Арх. ИА: № 59755. Л. 8–21]. Вторым отрядом в процессе сплошного обследования ближней хоры Фанагории были учтены 153 памятника археологии: курганные группы, одиночные насыпи некрополя Фанагории, а также поселения ее сельской территории [Арх. ИА: № 59755. Л. 22–235; № 59756. Л. 1–142].

Следует отметить, что своеобразным итогом почти двух веков археологических исследований Фанагории является издание содержательного и прекрасно иллюстрированного большеформатного каталога, подготовленного к выставке «Пантикапей и Фанагория. Две столицы Боспорского царства», проходившей в ГМИИ им. А.С.Пушкина 27 июня – 17 сентября 2017 года [М., 2017]. Авторы идеи Владимир Кузнецов, Владимир Толстиков. Выставка была приурочена к трем памятным датам: 90-летию организованных Керченским музеем им. А.С. Пушкина первых раскопок Тиритаки (1927), а также 80-летию и 70-летию организованных ГМИИ им. А.С.Пушкина Фанагорийской (1936) и Боспорской (Пантикапейской, 1945) экспедиций.

Патрейским отрядом Фанагорийской экспедиции ИА РАН под руководством Е.В.Захарова в 2013 г. производились работы в западной части городища, на раскопе 38. Вскрытая площадь составила 120 кв. м. Исследованы культурные слои архаического и классического времени. Остатки выявленного здесь развала сырцового сооружения датированы по фрагментам амфор концом VI – началом V в. до н.э. В следующем, 2014 г. были начаты работы на раскопе 46, предпринятые с целью изучения сырцовых стен, обнаруженных А.П. Абрамовым на соседнем раскопе 26. В процессе расчистки на этом участке были выявлены фундаменты стен второй половины VI – начала V в. до н.э., сложенных из сырцовых кирпичей, а также тонкая прослойка камки и серого золистого суглинка, представлявшая собой один из ранних уровней полов помещения. В течение обоих сезонов были продолжены подводные исследования, принесшие новые данные по характеру и датировке некоторых выявленных ранее объектов [Захаров, Чижиков, 2015; Захаров, 2016; Арх. ИА: № 39849; № 44976].

Исследования Восточно-Боспорской экспедиции ИА РАН, возглавлявшейся Н.И.Сударевым, развивались в рассматриваемое время в нескольких направлениях. 3 из 4 отчетов ВБАЭ за 2013 г. подписаны руководителем экспедиции. Один из ее отрядов проводил в указанном сезоне исследования на поселении античного времени Тамань-3 (Седьмой километр), предпринятые с целью уточнения границ памятника и степени его сохранности по заказу Краснодарского краевого управления по охране культурного наследия. Общая площадь исследованных шурфов и участков составила 120 кв. м. В заключении сказано о необходимости дальнейших работ [Арх. ИА: № 41361]. Сотрудниками ВБАЭ в этом же сезоне проводились охранно-спасательные работы и разведки на территории древнего городища Гермонасса. На раскопе II Западного некрополя исследовано 60 кв. м, выявлено несколько погребений античного и позднесредневекового времени, хозяйственная яма; проведена серия шурфо-

вок в районе улицы Лермонтова и переулка Приморского в связи с землеотводами, на которых выявлены: могильник XVII–XIX вв., хозяйственные ямы и остатки средневековых каменных конструкций (IX–XI и X–XIV вв.), переотложенный материал периодов Античности и Средневековья [Арх. ИА: № 46649]. В течение того же сезона (2013) более масштабные археологические разведки на территории Темрюкского района, также связанные с обследованием земельных участков, были произведены сотрудниками ВБАЭ в районе поселков Волна, Таманский, Пересыпь, Приморский, станиц Тамань и Голубицкая. На территории этих населенных мест и рядом с ними были обследованы известные по литературе и архивным данным памятники: поселение Волна-7, древнее кладбище № 7 по карте В.В. Соколова, поселение Таманский-2, Голубицкое городище, поселения Пересыпь-1 и Приморский-23 [Арх. ИА: № 41311].

В 2014 г. главные усилия ВБАЭ были направлены на разведочные работы в районе трассы магистрального трубопровода между станицей Старотитаровская и поселком Виноградный, а также на обследование нескольких земельных участков на территории археологического комплекса «Гермонасса – Тмутаракань» в станице Тамань. Исследованиями по трассе магистрального трубопровода было охвачено около 30 памятников археологии – поселений различных эпох, курганных групп и отдельных насыпей. Результатами экспертизы земельных участков явились рекомендации по характеру их использования [Арх. ИА: № 46421; № 46422. Л. 5–85]. По отдельному Открытому листу сотрудниками ВБАЭ в том же сезоне были произведены археологические разведки на острове Тузла, включавшие обследование акватории Керченского пролива в границах трассы проектируемого транспортного перехода на предмет наличия объектов археологического наследия. В отчете о полевых работах содержатся сведения о 25 обследованных памятниках [Арх. ИА: № 46834; № 46835. Л. 118–203].

В 2015–2016 гг. сотрудниками Восточно-Боспорской экспедиции под руководством Н.И. Сударева производились охранные археологические раскопки поселения Виноградный-7 и расположенных на территории памятника – грунтового могильника и 5 курганов с полным исследованием межкурганного пространства. В ходе раскопок поселения была вскрыта площадь около 100 тыс. кв. м. В 2015 г. работы были сосредоточены в той части памятника, которая расположена к северу от существующих железнодорожных путей. Общая раскопанная площадь в этом сезоне составила 50112 кв. м. Сам раскоп представлял в плане близкую к прямоугольнику фигуру со сторонами около 625 х 80 м, вытянутую в направлении с запада на восток, почти параллельно железнодорожному полотну. Обнаруженные в западной части памятника находки датировались III –II вв. до н.э. В восточной части был выявлен и исследовался грунтовый некрополь. В первом сезоне в этом секторе было раскопано 61 погребение и 25 различных объектов. Среди исследованных захоронений присутствовали погребальные сооружения разных конструкций: простые грунтовые ямы, подбойные могилы, ямы с перекрытием, сырцовые гробницы и каменные ящики, грунтовые склепы с дромосами. Датировка обнаруженных погребений находилась

в хронологическом интервале IV –I вв. до н.э.: 6 могил относились к IV в. до н.э., 2 погребения – к III в. до н.э., 20 погребений – ко II в. до н.э., 30 – ко II–I вв. до н.э. и 3 погребения датировались I в. до н.э. Большая часть объектов была связана с комплексами некрополя – тризны, скопления камней и керамики, развалы сосудов. Всего в культурном слое памятника, погребальных комплексах и отдельных объектах было обнаружено около 30 тыс. находок, подавляющая часть которых датирована IV–II вв. до н.э. [Сударев, Кашаев, 2016. С. 474–475; 2019. С. 555–556; Арх. ИА: № 50821].

В 2016 г. раскопкам подвергались те же сектора памятника (северный и восточный), но на этот раз та их часть, которая была расположена к югу от железнодорожных путей. Необходимо отметить, что вся площадь поселения, подлежавшая исследованиям, предварительно была разделена на несколько участков (условных раскопов). Восточно-Боспорской экспедиции для исследований были предназначены раскоп 3, часть раскопа 2, раскоп 4 и раскоп К. Судя по опубликованным данным, их общая площадь составляла 51070 кв. м [Сударев, Кашаев, 2019. С. 556–559]. Относительно некрополя (прежде всего, относительно числа выявленных погребений), опубликованные данные несколько противоречивы (научный отчет об исследованиях 2016 г. пока не сдан). Сообщается, что за время исследований 2015–2016гг. в северо-восточной и восточной части памятника было открыто 358 погребений (данные на начало сентября 2016 г.). Из них к эпохе бронзы и раннему железному веку относилось 3 погребения, 90 погребений относились к эпохе Средневековья, 265 захоронений – к античному времени [Сударев, 2016. С. 335]. В более позднем материале по некрополю Виноградный-7 говорится о 658 погребениях, открытых на памятнике в 2015–2016гг.: 4 из них датировались эпохой бронзы и раннего железного века, 90 – Средневековьем, остальные – античным временем (V–I вв. до н.э.) [Сударев, 2017. С. 184]. В примечании указано, что обработка и осмысление материалов некрополя еще не завершены, поэтому приведенные цифры не являются окончательными. В наиболее поздней статье приведены данные, согласно которым за два сезона (2015, 2016) на памятнике было обнаружено более 400 погребений античного времени и 155 могил эпохи Средневековья. Основная часть античных захоронений датирована периодом V в. до н.э. – II в. н.э., средневековые могилы относились к IX–X вв. Отдельно по полевому сезону 2016 г. приведены данные о каждом участке: на раскопе 3 было обнаружено 75 погребений средневекового времени, на раскопе 2 исследовано 17 могил той же эпохи, на раскопе 4 выявлено 123 погребения античного грунтового могильника IV–I вв. до н.э., бывшего продолжением некрополя, исследованного в 2015 г. На участке К были раскопаны 5 курганов (№ 4 – 8) и все пространство между ними. В результате проведенных раскопок в кургане 4 исследовано 3 погребения, в кургане 5 – 21, в кургане 6 – 84, в кургане 7 – 7 и в кургане 8 – 90 погребений. По мнению исследователя, на участке К был вскрыт курганно-грунтовый могильник с захоронениями разного времени, являющийся продолжением некрополя, исследованного на раскопе 4, относящегося к V–I вв. до н.э. [Сударев, Кашаев, 2019. С. 555–560]. Кроме указанных публикаций, исследованиям и материалам могильника Виноградный-7

посвящены статьи об импортных мегарских чашах из его погребальных комплексов [Сударев, Кашаев, 2017; 2018], о традиции устройства сырцовых гробниц в некрополях Таманского полуострова Артющенко-2 и Виноградный-7 [Сударев, Кашаев, 2018а], о древнерусских и византийских монетах X–XI вв. из некрополя поселения Виноградный-7 [Абрамзон, Сударев, 2018].

Под эгидой ВБАЭ ИА РАН отдельным отрядом, возглавлявшимся Н.С.Кореневским, в 2012–2015 гг. были предприняты разведки культурного слоя на поселении Тузла-15. На территории предполагаемого памятника при помощи рамочного биодетектора были выбраны места для 8 шурфов-раскопов размерами 2 х 2 м. В четырех из них (Р2-2012; Р3-2013; Р4-2013 и Р5-2014/2015) были выявлены, по мнению исследователя, «жилища»-полуземлянки, характерные для поселений псекупского варианта майкопско-новосвободненской общности. Край еще одного объекта того же характера был обнаружен в раскопе 6-2015 [Кореневский, Сударев, 2013; Кореневский, 2016; Арх. ИА: № 40750; № 45723; № 47626]. В 2015–2016 гг. отряд ВБАЭ, состоявший из студентов и сотрудников Саратовского госуниверситета, работавших под руководством Е.В. Кузнецовой, продолжил небольшие по масштабам исследования поселения античного времени Тамань-3 (Седьмой километр). В первом сезоне на раскопе площадью 100 кв. м были выявлены остатки строения и каменная вымостка; материалы раскопок охватывали период от конца VI в. до н.э. по II в. н.э. Большая часть находок датировалась V– IV вв. до н.э. В следующем году на раскопе, вдвое меньшем по площади, расположенном на краю террасы на берегу Таманского залива, была исследована хозяйственная яма, материалы из которой широко датировались V в. до н.э. – V в. н.э. Среди них преобладали фрагменты керамики первых веков нашей эры [Кузнецова, 2018; Арх. ИА: № 47576; № 51816].

В течение 2013–2016 гг. Таманской средневековой экспедицией ИА РАН, возглавлявшейся В.Н. Чхаидзе, были продолжены исследования южного сектора раскопа «Нагорный» на Таманском городище. Краткая информация о работах экспедиции содержится в «Археологических открытиях» [Чхаидзе, 2015а; 2016; 2017; 2018]. В восточной части исследуемого сектора раскопа были выявлены 2 погребения в каменных ящиках, один из которых разрушен. Следует отметить, что немного южнее, в непосредственной близости от раскапываемых площадей, в 1953–1954 гг. было открыто средневековое прицерковное кладбище с погребениями в каменных ящиках, существовавшее с XI в. Скорее всего, в рассматриваемое время была выявлена часть этого кладбища, о чем может свидетельствовать находка таманского подражания византийскому молиарисию XI в. в одном из каменных ящиков. Позднее в процессе раскопок был выявлен третий каменный ящик, а также двойное детское погребение, относящееся к XIII–XIV вв., совершенное в могиле, обложенной сырцом. Среди разнообразного погребального инвентаря выделяются бусы (преимущественно пастовые и стеклянные, а также несколько бус из крупного янтаря). Впервые на памятнике была обнаружена ампула-евлогия из свинцово-оловянистого сплава, найденная на месте погребения. Подобные ампулы-евлогии в XIII в. использовались для

освященной воды или ароматических масел, привозимых пилигримами из Сирии, Палестины, Египта и Малой Азии. Среди находок следует отметить нательный крест с распятием XI–XII вв., а также монеты и печати. Нумизматический материал вследствие перекопанности слоя разновременен: выделяются херсоно-византийские бронзовые монеты IX в. и генуэзские аспры XIII в.; среди 18 византийских свинцовых печатей X–XII вв. следует отметить моливдовулы официальных лиц – Георгия Цулы, Георгия Врахамия, епископа Зихии и частную печать Стефана с редкой композицией. Исследованная площадь раскопа составила более 200 кв. м. В процессе работы выявлены кладки, вымостки, хозяйственные ямы. В силу отмеченной перекопанности и обрывочности культурного слоя, связь между отдельными объектами не устанавливалась. Среди находок в слое и исследованных объектах присутствовали фрагменты турецкой керамики XVI–XVII вв., в том числе производства Кютахьи и Изника, но в основном преобладали фрагменты поливной посуды XI–XIII вв., амфор с высоко поднятыми ручками XIII–XIV вв., воротничковых амфор X–XII вв., высокогорлых кувшинов с плоскими ручками VIII–XI вв., фрагменты горшков, кувшинов и пифосов VIII–XIV вв., черепицы VIII–XI вв. Открытый на раскопе «Нагорный» фрагментированный слой датируется XIII–XV вв. – генуэзским периодом и более поздним османским периодом (XVI–XVII вв.) – временем вхождения города Матрики-Тамана в состав Османской империи [Арх. ИА: № 41676; № 46189; № 50460; № 54497]. Автором исследования средневековых слоев Таманского городища в рассматриваемое время были опубликованы: монография, посвященная византийским печатям из Тамани [Чхаидзе, 2015], и статьи – о двух группах византийской поливной керамики XIII–XIV вв. из раскопок Таманского городища, о чашах с изображением змей и цапли, выполненным в технике сграффито с Таманского городища, а также о строительных комплексах и городской планировке Матархи-Тмутаракани в последней трети X – первой трети XIII в. [Чхаидзе, 2013; 2014; 2016а].

В 2014 г. Сочинским отрядом ИА РАН по Открытому листу, выданному на имя П.С. Успенского, производились охранные раскопки 3 курганов в районе поселка Волна. В кургане Волна-306 А (Колодькова могила, Тамань-57) были зафиксированы три горизонта эпохи бронзы. К первому относились 5 погребений ямной культуры, ко второму – раннекатакомбное погребение, к третьему горизонту относились срубное погребение и 2 захоронения с неясной культурной атрибуцией (все захоронения третьего горизонта были впущены в раннекатакомбную насыпь). В кургане Волна-306 Б (Тамань-33) найдено 3 погребения античного времени: 2 из них были совершены в простых грунтовых ямах, третье представляло собой каменную ограду (подобие склепа без одной стены), сложенную из массивных необработанных камней, в которой найдены фрагменты человеческих костей нескольких индивидов, кости лошади и остатки инвентаря: целая терракотовая статуэтка и фрагменты еще нескольких экземпляров, мегарская чаша, 12 монет, много бус, фрагменты бронзовых изделий, многочисленные обломки амфор. По совокупности инвентаря и монетным находкам, время использования склепа определяется интервалом в пределах второй

четверти III – середины II в. до н.э. Одно из погребений в простых ямах датировано по монете второй четвертью III в. до н.э. В кургане Волна-307 (Тамань-32) зафиксировано три стратиграфических горизонта: два более ранних относились к бронзовому веку, третий – к античному времени. Первая насыпь была сооружена над погребением ямной культуры. Второй горизонт представлен двумя раннекатакомбными захоронениями. Третьим хронологическим горизонтом являлся обширный некрополь античного времени, устроенный в раннем кургане (вместе с погребениями эпохи бронзы в нем было обнаружено 47 могил). Погребения античного времени были совершены в абсолютном большинстве в простых грунтовых ямах с закругленными углами и ровным дном, в некоторых случаях перекрытых каменными плитами. Погребенные находились в них в вытянутых позах, на спине, головой к востоку и северо-востоку. В инвентарь входила чернолаковая посуда (килики, скифосы, солонки), красноглиняные ойнохои, кувшины, миски, небольшие кувшинчики, оселки, пряслица, железные ножи, бронзовые браслеты, височные кольца, иглы, бронзовые и железные перстни. По инвентарю и амфорному материалу погребальные комплексы античного времени из кургана Волна-307 (Тамань-32) датированы V–IV вв. до н.э. [Успенский, Мимоход, 2016; Арх. ИА: № 50865].

В 2014–2015 гг. С.В. Ольховским, действовавшим от ИА РАН по собственным Открытым листам, были проведены подводные археологические разведки к юго-востоку от мыса Панагия, на участках акватории Керченского пролива, запроектированных для строительства Таманского терминала навалочных грузов морского порта Тамань. Общая площадь, охваченная исследованиями, составила около 324 га. В ходе работ подверглись анализу результаты гидроакустической и гидромагнитной съемки, были выявлены и обследованы под водой 49 аномалий с подозрительными признаками, оказавшихся объектами периода Второй Мировой войны, представлявшими собой детали и механизмы сторожевого катера, однотипные минные тележки донных мин, судовые якоря. Часть из них была перемещена из зоны строительства на прилегающие участки акватории [Арх. ИА: № 45130; № 50213].

В полевом сезоне 2015 г. Таманско-Керченским отрядом археологической экспедиции ИА РАН под руководством А.А. Супренкова проводились охранные исследования на поселении Гора Чиркова-1 (Виноградный-7), северная часть которого попадала в зону проектируемых железнодорожных путей. Общая площадь раскопа составила 25000 кв. м. Мощность культурного слоя в исследуемом секторе памятника варьировалась в пределах от 1 до 2 м. Краткая информация о раскопках опубликована в «Археологических открытиях» и «Боспорских чтениях», более подробный обзор в «Хазарском альманахе» [Супренков, 2016; Супренков, Науменко, Пономарев, 2017; 2017а]. Археологические объекты, выявленные в ходе работ, были представлены 6 погребениями, а также заглубленными в материк ямами, число которых составило более 100. По мнению исследователя, 4 погребения относились к эпохе бронзы, являясь подкурганными захоронениями распаханной насыпи; 2 могилы датированы VIII–X вв. по фрагментам салтово-маяцкого горшка, обнаруженного в одной из них.

В результате работ было найдено множество артефактов. В коллекционную опись вошли 170 предметов, в полевую опись – около 1500 профилированных фрагментов керамических сосудов, статистически обработаны несколько тысяч единиц массового археологического материала. Среди индивидуальных находок следует отметить около 20 бронзовых боспорских монет эллинистического времени (первой – третьей четверти III в. до н.э.), серебряный перстень с сердоликовой инталией, датированный рубежом эр, и фигурную накладку из бронзового сплава (возможно, из серебра) с изображением волка или собаки, перехватившей пастью шею припавшего на передние лапы зайца (предположительно отнесена к раннесредневековым изображениям) [Супренков, Дмитриева, 2017; Супренков, Рукавишникова, Требухина, 2020]. Находки принадлежали разным эпохам – античному времени и раннему Средневековью. Материал античного времени был немногочисленным. Большая часть материала относилась к салтово-маяцкой культуре. В слое и ямах были обнаружены фрагменты (и целые экземпляры) круглодонных причерноморских амфор с бороздчатым рифлением второй половины VIII – X вв., салтово-маяцких горшков, высокогорлых кувшинов с плоскими ручками, вьючных фляг, ойнохой, других лощеных салтово-маяцких сосудов VIII–X вв. В ямах, кроме перечисленного материала, находились тарные салтово-маяцкие горшки, лощеные двуручные корчаги, кружки, кувшины, миски, крышки сосудов, круглые жернова из известняка, осколки стеклянных рюмок и бокалов, различные хозяйственно-бытовые изделия из кости, железа и меди. Назначение ям установить было сложно в связи с утратой их первоначальной формы. Предположительно какая-то часть из них использовалась в качестве зернохранилищ, некоторые напоминали оплывшие котлованы полуземлянок, однако в них не были обнаружены остатки хозяйственно-бытовых устройств и элементов. Рассмотрению комплексов двух групп этих объектов посвящены отдельные публикации [Супренков, Науменко, Пономарев, 2018; 2019]. По мнению авторов, в пределы исследованного участка памятника попала периферийная часть поселения VIII–X вв. [Арх. ИА: №50441].

В том же полевом сезоне (2015) под руководством С.А. Ермолина, действовавшего от ИА РАН по Открытому листу, выданному на его имя, были произведены археологические разведки в зоне строительства транспортного перехода через Керченский пролив. В процессе работ было обследовано 20 памятников (16 поселений различных эпох, курганная группа и 3 отдельных кургана), находившихся в районе поселка Волна, станицы Тамань и на территории, прилегающей к Керченскому проливу и мысу Тузла. Сотрудниками С.А. Ермолина было заложено и исследовано 68 разведочных шурфов общей площадью 136 кв. м, в результате чего, по мнению автора, были уточнены границы объектов, их стратиграфия и относительная хронология [Арх. ИА: № 52076].

В полевом сезоне 2016 г. Сочинская экспедиция ИА РАН по Открытому листу, выданному на имя П.С. Успенского, проводила охранные исследования северной части грунтового некрополя Волна-1, раскопки которого были начаты И.В. Цокур в

2015 г. Исследованная площадь составила около 9 тыс. кв. м. На этом участке было выявлено 196 погребений и 136 других археологических комплексов. Все погребения совершены по обряду ингумации. Они делятся на три группы: захоронения младенцев в амфорах, погребения в простых грунтовых ямах (наиболее многочисленная группа) и захоронения в сырцовых гробницах. По обнаруженному в могилах инвентарю исследованные погребения датируются второй половиной VI – IV вв. до н.э. В большинстве случаев погребенные находились в вытянутой позе, на спине, реже скорченно на спине или скорченно с завалом на левый или правый бок; ориентировка – восточная (иногда с некоторым отклонением к северу или югу). Инвентарь может быть отнесен к различным категориям. Более 35% погребений содержали предметы вооружения: железные мечи и наконечники копий, бронзовые и железные наконечники стрел, к уникальным находкам следует отнести пластинчатый доспех из прямоугольных железных пластин. Наиболее многочисленной категорией являются керамические сосуды: широко распространены протофасосские амфоры, красноглиняные ойнохои и кувшины, столовые амфоры, красноглиняные и сероглиняные миски; сосуды для питья: чернолаковые и чернофигурные килики, канфары, одноручные чаши аттического, ионийского и коринфского производства; сосуды для масел и благовоний: чернофигурные и чернолаковые лекифы, аски, арибаллы, а также алабастры и амфориски из финикийского стекла. Среди украшений – бронзовые перстни и кольца, бронзовые и серебряные височные подвески в 1,5 оборота с четырехгранными пирамидками на концах, найдена пластина из электрового сплава с изображением льва. В расположении инвентаря выделяется ряд особенностей. Сосуды были установлены в одну линию вдоль стенки ямы, с левой стороны от погребенного, либо размещались в ногах, реже ставились в головах умершего. Мечи в большинстве случаев находились у пояса, наконечники копий – в головах, справа у стенки ямы. Аналогии обнаруженным погребениям по обряду и комплексам известны в целом ряде других боспорских некрополей [Мимоход, Успенский, 2017; Арх. ИА: № 60581].

В 2016 г. в процессе археологических раскопок, связанных с прокладкой газопровода и проводившихся совместно ВБАЭ ИА РАН, ООО «Прана» и АНО «НИЦ», вблизи поселка Виноградный был исследован комплекс компактно расположенных памятников. Он включал в себя поселения Виноградный северо-восточный-2 (ВСВ 2) и Виноградный северо-восточный-3 (ВСВ 3), находившиеся в 50 м одно от другого, курганы 1 и 2 курганной группы из 10 насыпей (оба исследованных кургана были расположены на территории поселения ВСВ 2), а также впервые выявленный, находившийся там же, грунтовый могильник Виноградный северо-восточный-2. Раскопки производились по Открытому листу, выданному на имя Д.А.Карпова. Предварительные результаты работ опубликованы в «Материалах спасательных археологических исследований» [Карпов, Сударев, 2017]. На поселении ВСВ 2 в границах землеотвода под строительство был зафиксирован небольшой по площади культурный слой усадьбы конца XVIII – начала XX в. с остатками полу-

землянки и круглого в плане погреба, стены которого были обложены необработанным камнем. На поселении ВСВ-3 древний культурный слой также отсутствовал. Многочисленный античный материал, найденный здесь, был связан с заполнением двух крупных ям: круглой диаметром около 8 м и вытянутой траншеи шириной до 6 и длиной около 25 м. Из них происходит 829 фрагментов профилированных частей античной амфорной тары (в основном хиосской и гераклейской). Весь материал по наиболее ранним фрагментам амфор Фасоса, Хиоса, Менды и Лесбоса, а также по наиболее поздним профильным частям амфор Родоса, Коса и Херсонеса был суммарно датирован второй половиной V – второй половиной III в. до н.э. Вблизи западного угла раскопа было обнаружено погребение женщины 35–40 лет, дату которого определяла клейменная гераклейская амфора первой четверти IV в. до н.э. Погребенная лежала в вытянутой позе, на спине, головой к западу. Ноги, вероятно, были чуть согнуты в коленях, за ними, в юго-восточном углу ямы, стояла упомянутая амфора. Слева, между бедром и северной стенкой ямы, а также у самой стенки найдены лекиф с пальметкой, три алебастровых бусины, вложенные в донце алебастрового же сосудика, и миниатюрный лепной горшочек, под правым коленом обнаружено тулово сетчатого лекифа, у правого предплечья – 6 раковин каури и фрагмент глазчатой бусины, в области шеи – фрагмент бронзовой цилиндрической бусины. У левого колена женщины была уложена половина (разрубленной вдоль) туши ягненка или козленка. Наиболее древним объектом, исследованным в комплексе у поселка Виноградный, оказался курган-1. В нем было выявлено 5 погребений: 4 из них, по мнению авторов статьи, могут быть отнесены к раннему бронзовому веку, пятое – к рубежу ранней и средней бронзы. Курган-2, находившийся на территории поселения ВСВ-2 в 13 м к западу от кургана-1, возник, по словам авторов, в античное время. Он представлял собой природное всхолмление, увеличенное в древности присыпками над отдельными могилами, слившимися в одно целое. В данном кургане обнаружено 24 погребения, большая часть которых располагалась полосой в общем направлении с юга на север. По монетам и амфорным клеймам этот некрополь датирован IV – первой половиной II в. до н.э. Характерными находками в его могилах были красноглиняные кувшины и миски, чернолаковые канфары, арибаллические лекифы, солонки и другие сосуды. Господствующим типом погребального сооружения являлись обычные могильные ямы, но встречены и 3 сырцовые гробницы. Одна из них, размерами 4 х 2,8 м, была сложена из сырцовых блоков и перекрыта ими же, уложенными на деревянную основу. Продольными стенками гробница была ориентирована по направлению запад–восток и имела дромос, расположенный с восточной стороны. В ней были обнаружены останки не менее 11 человек. Скелеты 4 погребенных находились в анатомическом порядке, 3 из них имели западную ориентацию, 1 лежал черепом на восток. В погребальном инвентаре, найденном в гробнице, присутствовали 6 красноглиняных мисок, 5 кувшинов, унгвентарий, чернолаковый канфар, 2 железных наконечника и вток копья, бронзовый наконечник стрелы, 7 бронзовых монет 314–310 и 284–275 гг. до н.э., бронзовое зеркало и другие предметы. К югу

и востоку от насыпи кургана 1 был открыт комплекс захоронений салтово-маяцкой культуры, названный «Грунтовый могильник Виноградный северо-восточный-2» (VIII–X вв.). Всего обнаружено 33 захоронения, совершенные в ямах. Большинство погребенных находились в вытянутой позе, на спине, головой к северо-западу. Шесть могил были безынвентарными. В остальных захоронениях найдено более 180 предметов, среди которых присутствуют орудия труда, украшения, керамические сосуды, части конской упряжи и поясных наборов, найден солид византийского императора Константина V Копронима, 757–775 гг. Большой редкостью отличаются два щита разных типов, обнаруженные в захоронении мужчины 25–30 лет: малый круглый щит из железной пластины диаметром 16 см на деревянной основе лежал на тазовых костях погребенного; второй щит прямоугольной формы, размерами около 70 х 50см, состоявший также из деревянной основы, окованной горизонтальными полосами железа, был уложен на ноги покойного [Арх. ИА: № 53941].

В течение полевого сезона 2016 г. Таманским отрядом ИА РАН под руководством А.Н. Свиридова проводились охранные исследования на поселении Гора Чиркова-1 (Виноградный-7), связанные со строительством автодороги к Крымской переправе и морскому порту Тамань. В общей сложности на памятнике было раскопано 20175 кв. м. На этой площади выявлено 344 объекта, 1192 индивидуальные находки, 37796 единиц массового археологического материала. Обобщенные итоги работ опубликованы в специальном издании о спасательных археологических исследованиях [Свиридов, Язиков, Топоривская, 2017]. Наиболее ранний хронологический горизонт был выявлен в северо-западном секторе раскопа. По материалу из культурного слоя и хозяйственных ям он отнесен к IV–III вв. до н.э. Определяющими массовыми находками явились фрагменты синопских, хиосских, гераклейских, а также, в меньшей мере, родосских и херсонесских амфор, зафиксированы единичные фрагменты протофасосской тары. Найдены амфорные клейма (преимущественно родосские III в. до н.э.), фрагменты чернолаковых сосудов, канфаровидный килик, фрагменты терракотовых статуэток, известняковая архитектурная деталь дорического ордера. В юго-восточном секторе раскопа был выявлен грунтовый могильник, также датирующийся IV – III вв. до н.э. Основная часть погребений представляла собой захоронения младенцев в амфорах. Другими типами погребений являлись захоронения взрослых людей в грунтовых ямах и земляных склепах. В них преобладала восточная ориентация погребенных. Поздний хронологический горизонт представлен на памятнике материалами средневековой эпохи. Исследованы два усадебных комплекса с каменными фундаментами домов и большим количеством связанных с ними хозяйственных сооружений. Между усадьбами был выявлен производственный комплекс, состоявший из двухкамерного горна, сооружения не совсем ясного назначения и нескольких котлованов. Поздний хронологический горизонт памятника соотносится с кругом салтово-маяцкого времени. Керамический комплекс типичен для древностей VIII–X вв. Он пред-

ставлен целыми и фрагментированными круговыми горшками с линейно-волнистым орнаментом, причерноморскими амфорами, лощеной посудой, лепными горшками с зигзагообразным орнаментом, высокогорлыми кувшинами с плоскими ручками. В верхней части заполнения одной из могильных ям был найден византийский золотой солид 626–629 гг., относящийся ко времени правления императора Ираклия (610–641 гг.). Погребение, в котором была найдена монета, может быть датировано, по мнению исследователя, концом VII – началом VIII в. н.э. [Арх. ИА: № 52424].

В том же полевом сезоне (2016) Таманским отрядом ИА РАН под руководством А.Н. Свиридова по отдельному Открытому листу проводились охранные археологические исследования на поселении Виноградный-7, связанные со строительством автодороги к Крымской переправе и морскому порту Тамань. Чтобы предупредить возможное недоразумение, необходимо особо отметить, что Виноградный-7 и Гора Чиркова-1 представляют собой один памятник – поселение античного и средневекового времени Виноградный-7 [Паромов, 1992. С. 535–538. № 166], из конъюнктурных соображений разорванный надвое [Супренков, Науменко, Пономарев, 2018. С.263–264. Рис. 1]. В исследованиях Таманского отряда в 2016 г. принимали участие С.В. Язиков, М.А. Топоривская, В.В. Фролов. Камеральная обработка материала, его определение и датировка выполнялись группой сотрудников под руководством В.П.Копылова. В указанном году на поселении Виноградный-7 исследовались 2 участка (раскопы I и II). Их общая площадь составляла 12950 кв. м. На этой площади выявлено 129 объектов, 318 индивидуальных находок и 3268 единиц массового археологического материала. К античному времени относился грунтовый могильник, открытый в юго-западном секторе раскопа II. На нем было зафиксировано 44 погребения. Большинство из них (27) представляли собой детские захоронения в амфорах, 16 могил являлись погребениями взрослых людей в простых грунтовых ямах, был выявлен также один грунтовый склеп. Большая часть погребений относилась к IV–III вв. до н.э., одно захоронение, по мнению автора исследований, было совершено во второй половине V в. до н.э. Немногочисленный рядовой материал античного времени был зафиксирован в слое северо-восточной части раскопа I и в юго-западном секторе раскопа II. Более поздний хронологический горизонт на раскопанных участках памятника был представлен погребальными комплексами и остатками жилых и хозяйственных объектов. Фрагменты большого жилищно-хозяйственного комплекса выявлены в центральной части раскопа II. Они представляли собой руинированные каменные фундаменты и значительное количество хозяйственных ям, расположенных в непосредственной близости от развала фундаментов. По керамике и целым формам амфор причерноморского типа эти объекты могут быть датированы VIII–X вв. н.э. В северо-западной части раскопа I был открыт грунтовый могильник того же хронологического периода (VIII–X вв.). Среди 23 исследованных могил по погребальному обряду выделяются три группы: погребения в каменных ящиках, ориентированных в широтном направлении, в которых покой-

ные были уложены головой на запад; в значительной мере разрушенные безынвентарные погребения в простых грунтовых ямах с той же ориентацией погребенных и наибольшая по численности группа погребений в ямах с заплечиками, перекрытых деревом и камкой, в которых покойные были уложены головой на север. Поздний хронологический горизонт памятника по материалам из раскопок соотносится с кругом древностей салтово-маяцкого времени [Свиридов, Язиков, Суханов, 2019; Арх. ИА: № 52567].

В 2016 г. Южной археологической экспедицией ИА РАН, возглавлявшейся С.В.Язиковым, проводились охранные археологические исследования на поселении Тамань-12, северная часть которого попадала в зону строительства автомобильных дорог к переправе через Керченский пролив и к морскому порту Тамань. Общая площадь раскопок составила 9500 кв. м. Массовый материал относился к двум хронологическим периодам: X–XI и XVIII–XIX вв. Находки позднего периода в численном отношении значительно преобладали над средневековыми артефактами. В процессе работ были выявлены остатки каменных конструкций: фрагменты фундаментов, обложенный камнем погреб, отдельные скопления камней, не поддающиеся определению; исследованы также две печи. Ранний материал из раскопок был представлен фрагментами керамических сосудов, монетами, обломками стеклянных сосудов. Поселение, по мнению исследователя, следует интерпретировать как типичное временное, кочевое [Арх. ИА: № 50681].

В том же полевом сезоне 2016 г. сотрудниками отдела охранных раскопок ИА РАН были произведены археологические разведки в зоне строительства путепровода у железнодорожного переезда на автодороге станица Вышестеблиевская – поселок Сенной. Ответственным исполнителем и держателем Открытого листа на эти работы был С.В. Язиков. Обследованию подлежали 3 земельных участка общей площадью около 10 га с частично расположенными на них известными поселениями античного и средневекового времени Вышестеблиевская-14, Вышестеблиевская-15 и Сенной-2. В процессе работ было заложено 15 разведочных шурфов суммарной площадью 27 кв. м. В результате автором отчета было рекомендовано проведение на двух участках охранных раскопок общей площадью 11856 кв. м [Арх. ИА: № 50750].

В 2016 г. Вышестеблиевский отряд Южной новостроечной экспедиции ИА РАН, возглавлявшийся А.Н. Геем, провел раскопки курганов 1 и 2 Вышестеблиевского-XXI курганного могильника (курганы Виноградный-20, 21 по моей номенклатуре – Я.П.) и кургана 3 курганной группы Тузлинская-5. Особый интерес представляет массивный курган 2 могильника Вышестеблиевский-XXI, большая часть которого была раскопана еще в 1880 г. Н.П. Кондаковым. Насыпь его имела сложную конструкцию и в период средней бронзы выполняла функции своеобразного святилища. Общая информация о раскопках представлена в двух публикациях [Гей, 2017; Гей, Клещенко, Юнкин, 2017]. В процессе исследований в кургане 2 было открыто 12 погребений. Древнейшая группа из трех могил

относилась к эпохе ранней бронзы и была связана с первой насыпью. Все последующие досыпки производились за короткий промежуток времени и были связаны с группой из трех катакомбных захоронений эпохи средней бронзы. Четыре могилы эпохи поздней бронзы относились к срубной культуре и были впущены с полу последней насыпи у самого ее края. Два плохо сохранившихся погребения более позднего времени в культурном отношении не поддавались определению. Наиболее интересными особенностями памятника являются антропоморфная стела из перекрытия основного погребения в кургане, а также устройство в его насыпи в эпоху средней бронзы своеобразного святилища – обвалованной площадки с расположенной в центре глубокой могилы-кенотафа катакомбной конструкции. Перед самым входом в ее камеру был установлен каменный блок с обмазанной светлой глиной и расписанной геометрическим узором лицевой поверхностью. По мнению автора, роспись имеет много общего с узорами кеми-обинских каменных ящиков Крыма. Значительные результаты получены также в ходе исследования находившегося восточнее кургана 1, в котором выявлено девять захоронений различной степени сохранности. Наиболее древние относились к эпохе бронзы. Центральное погребение содержало останки взрослого человека, уложенного в скорченной позе на левом боку, что характерно для многих курганов Таманского полуострова в эпоху ранней бронзы. В двух детских погребениях того же времени были найдены небольшие лепные плоскодонные сосудики, сферосидерит, кости мелкого рогатого скота. Одно погребение эпохи средней бронзы было совершено в катакомбе, содержавшей останки двух взрослых индивидов. Единственное захоронение позднего бронзового века было идентично серии срубных могил из кургана 2. Остальные погребальные комплексы относились к средневековой эпохе. Среди них выделяется захоронение V–VI вв., совершенное в узком подбое, в инвентаре которого присутствовали набор бронзовых пряжек, пряслице из многоцветного стекла, гончарный кувшин и краснолаковая миска с оттиснутым на внутренней поверхности дна изображением бегущего козла. Открытые захоронения ямной, катакомбной и срубной культур по многим признакам отличаются от таких же комплексов с нижнего течения Кубани и из Восточного Приазовья, зато имеют целый ряд общих черт с синхронными материалами Степного Крыма и южных областей Украины. Особенный интерес представляет и подкурганное святилище катакомбной культуры в кургане 2, к сожалению, сильно поврежденное раскопками XIX в. [Арх. ИА: № 53162].

В 2016 г. Институтом археологии РАН были произведены подводные разведки в Керченском проливе на проектируемых объектах морского порта Тамань и наблюдение за строительством подводного перехода газопровода Краснодарский край – Крым. Исполнителем этих заданий, оформленных отдельными Открытыми листами, являлся сотрудник института А.В. Степанов. На подготовительной стадии разведок было установлено, что в границах заданной акватории расположен участок, куда в 2014–2015 гг. были перемещены выявленные на соседних участках минные тележки, а также детали и механизмы сторожевого катера. В результате разведки в акватории

выявлен ряд судовых якорей и объектов периода Второй мировой войны. Все обследованные объекты оставлены на месте обнаружения. В процессе наблюдения за строительством газопровода было поднято более 100 фрагментов сосудов и строительной керамики. В охранной зоне «Поселения античного времени Корокондама» признаки археологического памятника не зафиксированы [Арх. ИА: № 52688; №52850].

В 2015–2016 гг. отделом сохранения археологического наследия ИА РАН совместно с ИИМК РАН и АНО «НИЦ» на территории памятника археологии «Городище и поселение Ильичевка» (поселение Ильич-1) были произведены охранные раскопки, связанные со строительством кабельного перехода через Керченский пролив. Общая площадь землеотвода под строительство составила около 3 га, на которых было заложено и исследовано несколько раскопов. Раскопы 1 (2130 кв. м), 2 (11268 кв. м) и 3 (11520 кв. м) разрабатывались экспедицией ИА РАН по Открытому листу на имя А.В. Бонина. Краткая информация об исследованиях опубликована в институтских изданиях [Бонин, 2017; 2018], научный отчет о раскопках пока не сдан.

В течение всего рассматриваемого времени (2013–2016 гг.) не прерывались исследования ИИМК РАН на памятнике античной эпохи – поселении и грунтовом могильнике Артющенко-2. Основные усилия Таманского отряда Боспорской экспедиции ИИМК под руководством С.В. Кашаева были направлены на охранные раскопки разрушаемого грабителями и береговой аброзией выдающегося памятника – некрополя Артющенко-2. Обобщенные сведения о работах отряда регулярно публиковались в «Археологических открытиях» [Кашаев, Виноградов, Павлова, Цинько, 2015; Кашаев, Виноградов, Цинько, 2016; Кашаев, Огарков, Цинько, 2017; 2018]. Последовательно, от одного сезона к другому, увеличивались исследованная площадь памятника и общее количество выявленных могил – от 126 погребений (2012г.) до 163 (2016 г.). К последней цифре следует добавить 12 захоронений, доследованных за грабителями. Всего в 2003–2016 гг. на некрополе Артющенко-2 было исследовано 175 погребений. Общая площадь могильника, охваченная раскопками, составила 4451 кв. м. Не повторяя всего сказанного о памятнике выше, при анализе исследований предшествующего хронологического этапа, следует тем не менее отметить несколько его характерных черт. Датировка большинства исследованных в нем погребений укладывается в хронологические границы V–I вв. до н.э. Самые ранние захоронения относятся к рубежу VI–V вв. до н.э., самые поздние датируются II–III вв. н.э. (погребение 146) и VI –VII вв. (погребения 155, 156). Таким образом, в исследованном секторе некрополя захоронения совершались в течение более 1 тыс. лет. Все погребения были впущены в материковый суглинок, контуры могильных ям практически не читались. Глубина их от современной поверхности до дна составляла около 1–1,5 м. В большинстве случаев погребенные были уложены в могилы в вытянутой позе, на спине, головой к востоку и северо-востоку, с вытянутыми вдоль тела руками. Инвентарь в могиле располагался слева от погребенного, у южной стенки могильной ямы, а также в ногах или за его головой. В некрополе выявлены погребальные сооружения нескольких типов: простые грунтовые ямы без перекрытий,

грунтовые ямы, перекрытые деревом или каменными плитами, сырцовые склепы, большие сырцовые гробницы, перекрытые деревянными плахами, подбойные могилы. Следует особо отметить, что многие погребения были повреждены землеройными зверьками. Некоторые погребения повреждены очень сильно: кости сдвинуты, на глиняных сосудах имеются следы зубов, оставленные грызунами, фрагменты инвентаря, например, раздавленного сосуда, иногда находились за пределами могильных ям. Среди публикаций, освещающих исследование некрополя Артющенко-2, следует указать статьи общего характера, подводящие итоги и оценивающие результаты работ [Кашаев, Павлова, Цинько, 2013; Кашаев, 2019], а также статьи, в которых рассматриваются особенности обряда: парные погребения, сравнение погребальных обрядов сельских некрополей Артющенко-2 и Панское-1, традиция погребения в сырцовых гробницах в некрополях Таманского полуострова [Кашаев, 2016; 2018; Кашаев, Сударев, 2020]. Отдельные работы посвящены анализу различных групп инвентаря из погребений, ойнохоям и их значению в погребальном обряде, амфорам из детских погребений, сосудам из финикийского стекла [Кашаев, 2013; 2014; 2017; 2018а; 2020; Арх. ИА: № 40721; № 45577; № 45735; № 50648]. В 2013 и 2014 гг. небольшие по объему исследования проводились также на поселении Артющенко-2 (в полевом сезоне 2014 г. ими руководил Ю.А. Виноградов). В 2013 г. разрабатывались раскоп 3, где было открыто 6 ям, суммарно датирующихся третьей четвертью V – IVвв. до н.э., и новый раскоп 6, где обнаружен алтарь в виде воронки из придонных частей двух амфор и яма последней четверти VI – начала V в. до н.э. с захоронением собаки, имевшим, возможно, культовый характер. В 2014 г. на раскопе 6 было вскрыто 77 кв. м, на которых исследован котлован полуземлянки. У ее западного борта сохранился развал глинобитного очага, а вдоль южного и восточного бортов были устроены приступки. Котлован был засыпан в конце IV – первой четверти III в. до н.э. На раскопе 7, площадью 95 кв. м, строительных остатков и ям не обнаружено. Немногочисленные находки из слоя относились к V – IV вв. до н.э. [Кашаев, Виноградов, Павлова, Цинько, 2015. С. 371; Кашаев, Виноградов, Цинько. 2016. С. 186; Арх. ИА: № 40721; № 45577].

Почти весь полевой сезон 2013 г. Таманский отряд Боспорской экспедиции ИИМК был занят охранными раскопками известного с 1982 г. поселения Вышестеблиевская-3. Исследования проводились по отдельному Открытому листу, выданному на имя С.В. Кашаева, и были связаны с реконструкцией железнодорожной станции Вышестеблиевская. Раскопкам предшествовало обследование памятника отрядом ООО «Археологическое общество Кубани» под руководством А.А.Козорезова, проводившееся в том же сезоне. По его результатам были уточнены границы и скорректированы хронологические рамки существования поселения, датированного А.А. Козорезовым в пределах V в. до н.э. – IV в. н.э. [Арх. ИА: №45780. Л. 46–47]. Раскопки Таманского отряда ИИМК носили масштабный характер. В них принимали участие А.С. Цинько, М.С. Павлова, Е.Ю. Драчева, А.Е. Терещенко (определение монет), Н.А. Павличенко (определение керамических клейм и эпи-

графических материалов). Исследованная площадь составила 3000 кв. м. Раскопки затронули периферийную часть памятника, близкую к его южной границе. Раскоп, представлявший собой траншею длиной 500 и шириной 6 м, был вытянут вдоль линии железной дороги с запада на восток. В процессе исследований выявлены 31 хозяйственная яма и объект, условно названный «Ров». Коллекция находок составила 44 тыс. фрагментов керамики и других артефактов. Основную массу составляли обломки амфор ионийских и южнопонтийских центров, преимущественно Хиоса, Лесбоса, Фасоса, Гераклеи и Синопы. В небольшом количестве присутствовали фрагменты лепных сосудов, гончарной столовой посуды и чернолаковой керамики, а также кости животных. Открытые комплексы датированы V – II вв. до н.э. Суммарно находки из культурного слоя охватывают период с V в. до н.э. по I в. н.э. включительно, самые ранние из них могут быть отнесены к концу VI или рубежу VI – Vвв. до н.э. Среди материалов из раскопок поселения следует отметить коллекцию амфорных клейм различных греческих центров, насчитывающую около 70 экземпляров, значительную серию бронзовых монет IV в. до н.э. – I в. н.э. (более 40 штук), терракотовые статуэтки Деметры и Афродиты, предметы вооружения и быта – бронзовые наконечники стрел, свинцовое ядро пращи, точильные камни, фрагменты светильников. Найдена синопская амфора с исполненной краской надписью на горле. К числу наиболее важных находок следует отнести два многострочных граффити на стенках амфор. Одно из них является частным письмом второй половины 4 в. до н.э., касающимся межевания земельного участка [Кашаев, Павличенко, 2014; 2016]. Сведения о работах Таманского отряда на поселении Вышестеблиевская-3 содержатся в упомянутых статьях, «Археологических открытиях» [Кашаев, Виноградов, Павлова, Цинько, 2015. С. 372] и научном отчете о раскопках [Арх. ИА: № 40621]. Отдельные публикации посвящены некоторым находкам – краснофигурному килику и коллекции амфорных клейм [Кашаев, 2015; Кашаев, Павличенко, 2019].

В 2015–2016 гг. Бугазским отрядом Боспорской экспедиции ИИМК РАН под руководством Ю.А. Виноградова после двухлетнего перерыва были возобновлены и продолжены раскопки охранного характера на поселении античного и средневекового времени Артющенко-1 (Бугазское). В первом сезоне (2015) исследования проводились на участке I, где было вскрыто около 90 кв. м. Основные усилия были сосредоточены на изучении глинобитной площадки – так называемого молотильного тока, открытого в 2012 г. Кроме того, были исследованы 2 строительных комплекса (помещения XIX и XX) и серия ям II – III вв. н.э. В 2016г. раскапывались участки I (в западной части памятника) и II (в восточной). На участке I была выявлена западная граница глинобитной площадки и исследовано 9 ям. Среди них особое значение имела яма 80, в заполнении которой на разных уровнях были обнаружены скопления костных остатков животных. По мнению исследователя, эта яма была связана с совершением жертвоприношений, в связи с чем выдвинуто предположение о том, что глинобитная площадка являлась частью сельского святилища. На участке II была сделана небольшая приреz-

ка, где раскрыта полуземлянка XIV, относящаяся к концу VI – первой трети V в. до н.э. [Виноградов, 2018; 2019; 2020; Арх. ИА: № 49243; № 52442].

В 2015 г. Ильичевской экспедицией ИИМК РАН, возглавлявшейся О.В.Шаровым, были проведены масштабные охранные исследования поселения античного и средневекового времени Ильич-1. Раскоп Берег-IV общей площадью 5675 кв. м был заложен в западной части памятника, на высоком берегу Керченского пролива, в зоне нивелировки склона и сооружения инженерной защиты кабельного перехода через пролив. Важнейшее значение для общей характеристики памятника имеют результаты этих исследований, осветившие неизвестные ранее этапы жизни поселения. По мнению автора раскопок, самым неожиданным было открытие комплексов эпохи поздней бронзы, предварительно отнесенных к протомеотской эпохе (IX – VIII вв. до н.э.), но позднее определенных как принадлежащие сабатиновской культуре XII–X вв. до н.э. (окончательно из всей керамики к протомеотской были отнесены лишь два лепных сосуда – ковш с высокой ручкой и кружка с верхним выступом на ручке). К этим комплексам, имевшим, возможно, характер длительного накопления, относятся материалы 8 каменных колодцев и 20 объектов, где, как хронологический индикатор, была встречена специфическая лепная керамика: ковши с петлевидными ручками, ковши с выступами на ручках, чернолощеная керамика с выделенной шейкой и чернолощеные сосуды с двумя ручками. Исследованные сооружения – колодцы, каменное «водохранилище» и несколько больших (до 5–6 м глубиной и 6–10 м в диаметре) ям, вырубленных в слое железистого песчаника, скорее всего, представляли какую-то часть системы водоснабжения поселения позднебронзового века, датируемого XII–IX вв. до н.э., относящегося к сабатиновской культуре и, возможно, к началу протомеотской эпохи. В северной части раскопа был исследован ряд комплексов эллинистического времени. К ним относились материалы двух зольников, трех хозяйственных ям и нескольких погребений младенцев в амфорах. Большая часть найденных здесь монет (23 из 28) датирована IV–II вв. до н.э., что соответствует данным предшествующих исследований соседних участков памятника. Мощный слой зольника в северо-восточном секторе раскопа Береговой-IV и данные об исследованных ранее постройках эллинистического времени позволили предположить, что поселение IV – II вв. до н.э. располагалось к востоку и северу от границ раскопа 2015 г. Среди материала эпохи эллинизма попадались и редкие фрагменты амфор VI – V вв. до н.э., корреспондирующие с находками в центральной и юго-восточной частях памятника, однако большая часть материала и большинство исследованных объектов относились к раннеримскому периоду и датировались сравнительно узкими хронологическими рамками (I в. до н.э. – I в. н.э.). Многочисленные материалы (массовые и индивидуальные находки) были выявлены при исследовании большой античной усадьбы площадью около 450 кв. м, трех виноделен и более 200 хозяйственных и производственных ям. Краткие сведения об исследованиях Ильичевского отряда Боспорской экспеди-

ции ИИМК приведены в нескольких публикациях, посвященных комплексам протомеотской эпохи, амфорным клеймам из раскопок, палеоэтническим реконструкциям, крепостям-батарейкам Таманского полуострова, городищу и поселению у мыса Ахиллеон [Шаров, 2016; Шаров, Павличенко, 2017; Сударев, Соловьев, Шаров, 2018; Бонин, Шаров, 2016. С. 60–61; Бонин, 2017. С. 30; 2018. С. 204]. Подробно эти работы освещены в научном отчете о раскопках [Арх. ИА: № 52362].

В том же 2015 г. на поселении Ильич-1 осуществлялись еще более масштабные охранные раскопки, производившиеся совместной Античной археологической экспедицией ИИМК РАН под руководством С.Л. Соловьева и ООО «Археологическое общество Кубани». Исследовались участки поселения общей площадью 5580 кв.м и грунтового могильника Ильичевка площадью 19260 кв. м, попадавшие в зону строительства энергомоста Российская Федерация – республика Крым. В ходе раскопок на поселении были выявлены разновременные скопления камней – остатки фундаментов и цоколей сельскохозяйственных построек, 6 безынвентарных погребений, вероятно, античного времени (в одном был найден лепной горшок V – III вв. до н.э.), 56 хозяйственных ям различной формы и глубины, датирующиеся большей частью раннеантичным временем, а также эпохой поздней бронзы, эллинистическим и римским временем. В составе находок, насчитывавших почти 8 тыс. керамических обломков, представлены фрагменты амфор и больших хозяйственных сосудов, столовой красноглиняной и сероглиняной посуды, лепной керамики, иногда орнаментированной. Из всей массы находок выделено более 1 тыс. профильных фрагментов (венчиков, донцев и ручек). Найдены орудия из кремня, поделки из керамики, кости и камня, наконечник стрелы и браслет из бронзы. Особо следует отметить находку протофасосской амфоры, вторично использованной для транспортировки или хранения нефти – скорее всего, местного продукта одного из грязевых вулканов. Значительную часть материала составляли кости домашних животных. Стратиграфия поселения была представлена двумя слоями: пахотным, являвшимся нарушенным культурным слоем, содержавшим большинство находок, и нестратифицированным лессовидным суглинком (в западной части памятника) или гумусированным суглинком (в восточной), постепенно переходящими в материковый суглинок. Культурный слой постепенно уменьшался от центра к периферии поселения. Полученные в ходе раскопок данные позволили предположительно определить памятник как своего рода сельскохозяйственные угодья с местами для временного хранения и переработки продукции земледелия, по всей видимости, на протяжении всего времени существования поселения, начиная с эпохи поздней бронзы вплоть до раннего Средневековья. В ходе раскопок на огромном пространстве «могильника» были открыты объекты поселенческого характера: 26 хозяйственных ям (2 из которых, вероятно, служили колодцами) и 2 развала керамики. В составе находок из ям и культурных напластований насчитывалось не более 500 керамических обломков (фрагментов тарной, столовой и кухонной посуды), из которых выделено около 100 профильных частей. Найдены поделки из керамики, ко-

сти и камня, фрагменты зернотерок, терракотовая статуэтка. Выявленные объекты в основном относились к раннеантичному времени – концу VI – первой четверти V в. до н.э. По мнению исследователя, полученные в ходе раскопок данные ставят под сомнение ранее предложенную интерпретацию этого сектора памятника как грунтового могильника. Функции исследованной площади определяются им как сельскохозяйственные угодья, бывшие, судя по незначительному числу находок и объектов, на целый порядок (или на два порядка) пустыннее описанных выше [Соловьев, 2017; Арх. ИА: № 48421].

В первом квартале 2016 г. совместной Античной археологической экспедицией ИИМК РАН и ООО «Артефакт», возглавлявшейся С.Л. Соловьевым, были произведены охранные раскопки на поселении Баланка-2, расположенном в 3,9 км к северу от окраины станицы Вышестеблиевская и 1,08 км к востоку от железнодорожного переезда на автодороге Вышестеблиевская – Сенной, выявленном, по сведениям С.Л. Соловьева, в 2011 г. под руководством Н.И. Сударева. Раскопки были связаны со строительством шоссе Новороссийск – Керченский пролив. Исследования осуществлялись на площади 10623 кв. м. Их результатом стала фиксация культурного слоя IV – III вв. до н.э. и выявление двух хозяйственных ям этого времени. В ходе работ была собрана коллекция, насчитывающая 6195 предметов античной эпохи, из которых выделено 344 профильных фрагмента и обломков керамики с орнаментом. Массовый материал представлен большей частью керамической тарой, среди которой чаще встречаются фрагменты амфор Хиоса, Гераклеи, Синопы, Фасоса, реже – Менды, Пепарета, Книда и Коса, датирующиеся второй половиной IV – первой половиной III в. до н.э. (исключение составляет единичный фрагмент лесбосской амфоры конца VI – второй половины V в. до н.э.). Среди обломков столовой и кухонной посуды присутствовали фрагменты красноглиняных и сероглиняных кувшинов, мисок, тарелок, реже встречалась чернолаковая и краснолаковая керамика, лепные сосуды были представлены фрагментами горшков и мисок. Основываясь на анализе находок, поселение предварительно датировано исследователем серединой IV – второй половиной III в. до н.э. [Арх. ИА: № 52855].

В 2016 г. Приазовской экспедицией ИИМК РАН под руководством С.А. Кулакова было возобновлено исследование уникального памятника раннего палеолита Русской равнины и Восточной Европы – стоянки Богатыри/Синяя Балка, находящейся у поселка За Родину. Работы состоялись благодаря финансовой поддержке РФФИ и РГНФ. Их целью было продолжение комплексного исследования памятника и проведение неотложных охранных мероприятий в связи с угрозой его полного разрушения в результате активной эрозии береговой линии Азовского моря. В рассматриваемом полевом сезоне производились разборка и изучение культуросодержащих и костеносных отложений на всей площади раскопа 1 и прирезок к нему (более 30 кв. м), а также последующая консервация раскопа с укреплением его стен и краев [Арх. ИА: № 54215].

В течение всего рассматриваемого времени (2013–2016 гг.) не прерывали сво-

ей деятельности стационарные экспедиции Государственного исторического музея – Боспорская археологическая экспедиция под руководством Д.В. Журавлева и Таманская экспедиция, возглавлявшаяся Г.А. Ломтадзе. Основные усилия первой из названных – Боспорской экспедиции – были направлены на исследование двух памятников: поселения античного и средневекового времени Голубицкая-2, находящегося на западной оконечности Голубицкого острова, и укрепленного поселения античной эпохи Стрелка-2, расположенного на высоком берегу древней поймы Кубани; большое внимание (по мере возможности) уделялось работам разведочного характера – обследованию нескольких привлекавших особое внимание памятников античного времени. В полевых исследованиях и обработке материала принимали участие А.В.Батасова, И.Ю. Булкин, И.Е. Зайцева, Е.В. Захаров, Г.А. Камелина, А.В.Ковальчук, Ю.Н. Кузьмина, Е.Ю. Новикова, М.В. Саблин, А.А. Строков, К.Б.Фирсов, немецкие ученые К. Хеллстрём и У. Шлотцауер. Информация о работах экспедиции регулярно помещалась в «Археологических открытиях» [Журавлев, Шлотцауер, Камелина, Строков, Фирсов, Батасова, 2015; Журавлев, Шлотцауер, Батасова, Фирсов, Хеллстрём, 2015; Журавлев, Батасова, Строков, Фирсов, 2016; Журавлев, Батасова, Строков, Фирсов, 2017; Журавлев, Батасова, Кудряшова, Фирсов, Шлотцауер, 2018]. В первый из указанных сезонов (2013) на поселении Голубицкая-2 разрабатывались два участка: раскоп 2 (81,5 кв. м) и раскоп 5 (200кв.м). На раскопе 2 завершились исследования внутренней территории поселения. На раскопе 5 изучались слои раннеантичного и классического времени, там были выявлены 10 ям, получен материал, среди которого присутствовали фрагменты восточно-греческой керамики конца первой – начала второй четверти VI в. до н.э., найдена целиком покрытая росписью клазоменская столовая амфора. В следующем 2014 г. на этом раскопе было вскрыто 175 кв. м, на которых выявлены 10 хозяйственных ям. Одна из них содержала отходы бронзоделательного производства (включая фрагменты литейных форм), датируемые второй половиной VI в. до н.э. В том же сезоне на раскопе 4 (75 кв. м) впервые были обнаружены остатки наземной постройки с сырцовыми стенами, относящиеся ко второй половине III – началу II в. до н.э. В дальнейшем работы на памятнике были сосредоточены на раскопах 4 и 5. На раскопе 4 (2015, 150 кв. м) была продолжена разборка фундамента и стен дома второй половины III в. до н.э., на раскопе 5 (75 кв. м) исследовано 10 хозяйственных ям, одна из которых представляла собой склад амфорной тары второй половины V в. до н.э. В 2016 г. раскоп 4 расширился на 300 кв. м, что позволило выявить контуры оборонительного рва и начать исследование верхнего горизонта его заполнения, относившегося, как это было установлено, к середине – третьей четверти III в. до н.э. На раскопе 5 (75 кв. м) были изучены 9 ям раннеантичного – эллинистического времени (VI – II вв. до н.э.). На поселении Стрелка-2 в рассматриваемое время основные работы производились на валу, с исследования которого в 2010–2012 гг. началось изучение памятника. На площади 120кв. м в 2013г. было продолжено изучение остатков фортификации V в. до н.э. – стен башни или пилонов ворот. При расширении раскопа (2014, 75 кв. м) были выявлены каменные

кладки, не связанные с открытыми ранее оборонительными сооружениями, относившиеся к более позднему времени (III в. до н.э.). В 2015 г. на площади 50 кв. м раскрыто продолжение кладок 2014 г. В следующем полевом сезоне (2016) на площади 150 кв. м производились работы по исследованию слоя второй половины VI – V в. до н.э., подстилающего каменные конструкции оборонительных сооружений: выявлено 7 ям, датирующихся тем же временем, впервые получен многочисленный материал, включающий крупные фрагменты амфор (в том числе хиосских), обломки ионийских сосудов и лепной керамики. Кроме исследований на валу, в 2014–2015гг. были оконтурены и зафиксированы внешние границы оборонительного рва, в засыпи которого выявлены материалы III – II вв. до н.э. В 2013 г. разведочным отрядом экспедиции под руководством А.В.Батасовой были произведены топографическая съемка и сбор подъемного материала на поселениях Стрелка-2, Старотитаровская-14 и Виноградный-2. В силу различных обстоятельств, работы не были завершены [Арх. ИА: № 38886; № 44851; № 49389; № 53315]. Ряд публикаций посвящен итогам работ Боспорской археологической экспедиции ГИМ [Журавлев, Шлотцауер, 2014; 2016], главному объекту исследований – поселению Голубицкая-2 [Журавлев, Шлотцауер, 2014а], изучению остатков древних оборонительных и хозяйственных сооружений [Журавлев, Батасова, Шлотцауер, 2019; Журавлев, Фирсов, 2013], а также материалов из раскопок и таких особенностей памятника, как захоронения собак на его территории [Журавлев, Ломтадзе, Строков, 2019; Журавлев, Саблин, Строков, 2016]. Комплексный характер экспедиции, ее ориентация на мультидисциплинарные исследования нашли отражение в материалах Международного круглого стола, проходившего в 2016 г. под эгидой ГИМ и Евразийского отдела Германского археологического института (научные редакторы Д.В. Журавлев, У. Шлотцауер) [Азиатский Боспор и Прикубанье…, 2016].

В 2013–2016 гг. Таманской археологической экспедицией ГИМ под руководством Г.А. Ломтадзе были продолжены исследования укрепленного поселения античного времени Ахтанизовская-4 и разведочные работы на вершине горы Бориса и Глеба – одном из самых известных грязевых вулканов Таманского полуострова, находящемся на мысу Рахманова, глубоко выступающем в Ахтанизовский лиман южнее станицы. Обобщенные сведения о результатах раскопок и разведок экспедиции опубликованы в «Археологических открытиях» [Ломтадзе, 2015; 2017; 2018]. В рассматриваемое время, как и с первых шагов исследования памятника, основное внимание было уделено главной по своему значению части – укреплению (крепости-батарейке). В 2013г. работы проводились на раскопе III, где разрабатывалось 6 квадратов общей площадью 150кв. м. На этом участке был выявлен культурный слой VI –I вв. до н.э. мощностью до 3 м. В дальнейшем исследуемая площадь увеличивалась. В 2014, а также в 2015 гг. она составила 275 кв. м, в 2016 г. – 250 кв. м. Ввиду значительной толщины культурных напластований некоторые квадраты разрабатывались в течение двух или нескольких полевых сезонов. На всех исследуемых участках был встречен материал, датируемый в указанных выше пределах, однако следует отметить, что наибольшее

количество находок встречено в слоях и объектах II – I вв. до н.э. – времени существования основного изучавшегося на раскопе объекта – остатков оборонительных сооружений позднеэллинистического времени. В керамическом комплексе этого хронологического периода отмечены краснолаковый лагинос, найденный в одной из хозяйственных ям, буролаковая ойнохоя, по наблюдениям исследователя – аналогия находкам Н.И. Сокольского в «резиденции Хрисалиска», а также один из светильников I в. до н.э., внутри которого были обнаружены остатки органического вещества, являвшегося, по данным специальных лабораторных исследований, жиром жвачных животных. По целому ряду признаков можно было заключить, что последним этапом существования античного поселения на изучаемом участке памятника являлась цитадель позднеэллинистического – раннеримского времени, от которой сохранились четыре массивные каменные кладки, конструктивно связанные между собой. Исследования последних сезонов позволили сделать вывод о том, что оборонительные стены были возведены не ранее третьей четверти I в. до н.э. и не позднее рубежа I в. до н.э. – I в. н.э. Вероятнее всего, к этому же периоду относились выявленные хозяйственные ямы. В сезонах 2014–2016 гг. был также открыт и исследован так называемый сырцовый дом раннеэллинистического времени. Необходимо отметить, что работы на поселении античного времени были в значительной мере осложнены расположенным на этом участке памятника кладбищем позднесредневекового времени (XVI– XVII вв.). Еще в 2010–2013 гг. здесь было вскрыто 19 погребений, по антропологическим данным, принадлежавших ногайскому населению, что подтверждал и мусульманский обряд совершения захоронений. В 2016 г. было выявлено уже 36 погребений. В течение двух сезонов (2013, 2014) продолжились исследования на вершине горы Бориса и Глеба, проходившие при активном участии сотрудников Боспорской экспедиции ГИМ, вместе с которыми в 2013 г. были доследованы 4 квадрата общей площадью 100 кв. м, заложенные в предыдущем сезоне; в 2014 г. – проведено георадарное обследование вершины [Арх. ИА: № 40302; №45160; № 49607; № 52898]. Отдельные статьи посвящены комплексу находок архаического времени из раскопок поселения Ахтанизовская-4, вопросу о датировке оборонительных сооружений, обзору работ Таманской экспедиции ГИМ на античных памятниках Азиатского Боспора, некоторым особенностям керамического комплекса II–I вв. до н.э. [Ломтадзе, 2013; 2015а; 2016; Клемешова, Ломтадзе, 2018].

В рассматриваемое время раскопками экспедиции ГМИИ им. А.С. Пушкина на городище Гермонасса – Тмутаракань руководили поочередно С.И. Финогенова (2013, 2015 гг.) и Т.А. Ильина (2014 г.). В первом из указанных сезонов разрабатывалось 9 площадей раскопов Северный, Нагорный и «Перемычка», исследовался средневековый горизонт городища. На указанных площадях было доследовано помещение № 2, начатое в 2012 г., раскопаны основание гончарной двухкамерной печи, участок водостока, строительные остатки помещения № 3, а также около 30 ям мусорного и хозяйственного характера. По значительному преобладанию в массовом материале краснолаковой керамики V – VI вв., выявленные объекты были отнесены к этому времени.

Среди находок присутствовали изделия из бронзы и свинца: амулетницы, фибулы, браслеты, предметы поясного набора, трехлопастные наконечники стрел, ключи, подвески и гирьки. Предметы из кости были представлены инструментами: проколками, лощилами, а также поделками – заготовкой для дудочки, подвеской. В золистом сбросе на северном обрыве раскопа зафиксированы скелеты двух собак. На западной границе одной из площадей были выявлены два больших зольника: первый представлял собой выброс крупной гончарной печи IX в., расчищенной ранее на 0,4–0,5 м выше, второй являлся мусорным слоем раковин мидий [Финогенова, Ильина, 2015. С. 433; Арх. ИА: № 41593].

В 2014 г. раскопки ГМИИ на Таманском городище проводились под руководством Т.А. Ильиной, финансирование осуществлялось из внебюджетных средств музея. На Северном раскопе, в его центральном и северном секторах, были исследованы остатки городского квартала второй половины IV – середины V в. н.э., открыты три линии застройки, образованные зданиями, ориентированными по странам света, прослежены вымостки, подходившие непосредственно к дверным проемам. Поверх кладок фундаментов-цоколей прослежены остатки сырцовых стен, внутри помещений – участки пола и рухнувшего потолка. Вдоль южной границы раскопа расчищена северная стена здания, исследованного ранее (№ 1). В юго-западной части Нагорного раскопа доследована западная половина винодельни № 1 (1981 г.). В ходе работ расчищены печи и очаги, выбрано и исследовано заполнение 32 ям хозяйственного и мусорного характера с керамикой и мидиями. Здесь найдено большое количество фрагментов позднеантичных амфор, стеклянные кубки, костяной византийский гребень, изделия из бронзы: фибулы, браслеты, детали поясных наборов, идоловидная подвеска, трехлопастные стрелы, гирьки. Статеры Фофорса и Рискупорида VI (самый поздний – 329 г.) служат, по мнению автора раскопок, нижней датой возникновения данного горизонта. В его напластованиях присутствовал также и более ранний материал, происходивший из перекопов: клейма на черепице и ручках эллинистических амфор, граффити на чернолаковой посуде, фрагмент краснофигурной «керченской» пелики, глазчатые бусы, наряду с которыми встречались сероглиняные светильники и курильницы. О традиционных ремеслах и промыслах свидетельствовало большое количество глиняных биконических пряслиц, находки костяных наждаков, якорей для рыболовных сетей и жерновов. Датирующим материалом для изучавшегося периода являлась керамическая тара, красный лак и стеклянные сосуды, однако массовый материал составляли фрагменты столовой красноглиняной и сероглиняной посуды, кухонная посуда была представлена как гончарными, так и лепными горшками, чашками и мисками, говорившими о присутствии в составе населения представителей местных племен [Ильина, Чхаидзе, 2013; Ильина, 2016. С. 53–55; 2018; Арх. ИА: № 49593].

В 2015 г. раскопки ГМИИ на Таманском городище осуществлялись по Открытому листу, выданному на имя С.И. Финогеновой. В этом полевом сезоне практически на тех же площадях, которые разрабатывались в 2014 г., в центральном и северном сек-

торах Северного раскопа исследовались строительные остатки городского квартала первой половины IV в. н.э. Среди них открыто 6 помещений и примыкавшие к ним участки вымосток. По всей площади были выявлены горизонты обмазки рухнувших потолков, завалившихся стен и полов. Обнаруженные в западной части раскопа строительные остатки находились в еще более разрушенном виде. Отдельные обрывки каменных кладок не позволяли составить представление об их связях и назначении. В ходе работ было исследовано заполнение 40 хозяйственных и мусорных ям, относившихся к указанному и более позднему времени. Характер заполнения некоторых ям давал возможность судить о деятельности жителей исследуемого квартала: остатки зерна, раковины мидий, вкопанные тулова амфор, скелеты собак и лошадей, находившиеся в ямах. Большая часть керамического комплекса являлась продукцией боспорских и понтийских мастерских, о чем свидетельствовали фрагменты красноглиняных амфор позднеримского времени и характерных форм краснолаковой посуды. Значительное число обломков фанагорийских и танаисских амфор, амфор типа Делакеу, светлоглиняных узкогорлых амфор типа C–I (E и F), а также фрагментов сирийских стеклянных кубков с накладным орнаментом позволило датировать слой рубежом III – IV – первой половиной IV в. н.э. Среди домашней утвари доминировала лепная посуда: разнообразные горшки и горшочки, чаши, миски. Индивидуальные находки были большей частью представлены изделиями античного ремесла: костяная накладка с изображением Эрота, атташ ручки бронзового сосуда в виде бюста бородатого мужчины, большая бусина из разноцветной стеклянной пасты, две подвески, бронзовая фибула. Разнообразные изделия из бронзы по типам и формам были близки находкам из раскопок 2014 г. То же самое следует сказать о предметах, связанных с традиционными ремеслами и промыслами [Ильина, 2016. С. 55–56; Арх. ИА: № 52261].

В 2013 г. отрядом НИИ археологии Кубанского госуниверситета под руководством В.В. Бочкового были проведены детальные археологические разведки «методом шурфов» на участках 6 поселений, расположенных в зоне строительства железной дороги Вышестеблиевская – Волна. Исследования затронули поселения Виноградный-7, Гора Чиркова-1, Чирково-1, Чирково-2, Балка Хреева-1 и Балка Лисовицкого-1, на территории которых было размечено 40 контрольных шурфов размерами 2 х 2 м [Арх. ИА: № 38654].

В 2014 г. археологической экспедицией Южного федерального университета, возглавлявшейся В.Г. Житниковым, проводились охранные раскопки 3 курганов, состоявших на государственном учете и находившихся в зоне строительных работ, к западу и юго-западу от поселения Волна-1. В результате исследований в одном из курганов было выявлено 5 погребений эпохи бронзы (первая насыпь возведена в эпоху ранней бронзы) и 3 кенотафа. Во втором кургане захоронений не обнаружено. Третий курган являлся естественным возвышением, использовавшимся в период Великой Отечественной войны в качестве наблюдательного пункта или огневой точки [Арх. ИА: № 54835].

В следующем, 2015 г. охранными раскопками курганов вблизи поселка Волна была занята археологическая экспедиция того же университета (ЮФУ) под руководством С.М. Ильяшенко. Ею были исследованы курганы Волна-13 (Тамань-34) и Волна-14, незадолго перед этим обследованные И.В. Цокур и сразу же включенные в число выявленных памятников. В первом кургане были найдены 3 погребения. Его насыпь была сооружена в эпоху бронзы над погребением 1. Впущенные позднее погребения 2 и 3 были, по всей видимости, разграблены. Одно из них относилось, вероятно, к эпохе Железа или Средневековья, культурно-хронологическая принадлежность третьего погребения не поддавалась определению в силу степени разрушения. В кургане Волна-14 захоронений не было обнаружено [Арх. ИА: № 49566].

В полевом сезоне 2015 г. под эгидой Института природного и культурного наследия им. Д.С. Лихачева и Русского географического общества в двух районах акватории Керченского пролива проводились подводные археологические разведки, возглавлявшиеся А.В. Окороковым. Исследования, оформленные двумя Открытыми листами, охватывали районы у мыса Панагия (в юго-восточном направлении, до гряды Трутаева) и около мыса Тузла (в коридоре прокладки магистрального газопровода Краснодарский край – Крым). Акватория у мыса Панагия обследовалась методом гидроакустического сканирования дна. Ограниченные средства экспедиции и технические трудности позволили провести лишь рекогносцировочные геофизические работы. Выявлено 6 объектов, по мнению исследователя, имевших признаки остатков древних строений [Арх. ИА: № 45127]. Подводные археологические разведки в акватории магистрального газопровода охватили значительную площадь, в итоге составившую 6,031 кв. км. Возможно, в связи с этим, исследования были продолжены в 2016 г. по новому (третьему) Открытому листу, выданному А.В. Окорокову. В научных отчетах за оба года (2015 и 2016) главные выводы совпадают. В результате проведенного комплекса подводно-археологических исследований на дне Керченского пролива в створе прокладки магистрального газопровода Краснодарский край – Крым объектов археологического наследия выявлено не было. Кроме того, существование стоящего на учете в Краснодарском крае объекта археологического наследия «Античное поселение Корокондама» в створе прокладки газопровода не подтвердилось [Арх. ИА: № 48509; № 50620].

В 2016 г. археологической экспедицией Краснодарского музея-заповедника им.Е.Д. Фелицына под руководством Н.Ф. Шевченко были проведены охранные раскопки курганов 6, 7 «Курганной группы (8 насыпей)», расположенной в 1,8 км к югу – юго-западу от окраины станицы Курчанской. Необходимо отметить, что оба кургана были обследованы Разведочным отрядом ВБАЭ ИА РАН в 2007 г. В отчете о разведках они описаны как курганы Курчанская-8 и 9 [Арх. ИА: № 29019. Л. 31, 32]. Обе насыпи попадали в зону земельного отвода под строительство газопровода. В кургане 6 (Курчанская-8) было исследовано 5 погребений, датированных эпохой бронзы. В кургане 7 (Курчанская-9) в общей сложности было открыто 10 захоронений (9 погребений являлись древними, десятое – современным, периода

Второй мировой войны): 3 погребения (2, 7, 9) относились к эпохе бронзы, 4 (1, 3, 6, 8) – к раннему железному веку. Время совершений погребений 4, 5 не установлено [Арх. ИА: № 51550].

Выше были представлены основные итоги археологических исследований на Таманском полуострове, проводившихся в 2013–2016 гг. экспедициями и отрядами, организованными научными и образовательными учреждениями (43 экспедициями и отрядами было сдано 69 научных отчетов). Рассмотрим главные итоги работ археологических коллективов, действовавших в те же годы от различных обществ, центров и ассоциаций. Отделом полевых исследований ИА РАН от 49 подобных коллективов было принято 53 отчета об исследованиях. Из этого числа 10 отчетов отражают работы 2013 г., 7 – 2014 г., 19 – 2015 г. и 17 отчетов содержат материалы исследований 2016 г.

Полевой сезон 2013 г. для экспедиций различных обществ и ассоциаций может быть назван разведочным годом: 8 из 10 отчетов за этот сезон являются отчетами об археологических разведках и обследовании землеотводов, только 2 отчета отражают раскопки памятников. От ООО «Археологическое общество Кубани» в указанный полевой сезон на Таманском полуострове работали 3 коллектива. 2 из них возглавлялись Д.Д. Водолажским и были заняты обследованием земельных участков, отводившихся под строительство и другие виды использования. Работы проводились по отдельным Открытым листам, автором были представлены 2 отчета. Первый отражал обследование земельных участков в районе мыса Тузла и у поселка Волна [Арх. ИА: № 38807], второй – обследование земельных участков только в районе мыса Тузла [Арх. ИА: № 38805]. В первом отчете приведены данные о поселениях Тузла-1 и Тузла-11, обследованных и поставленных на учет в 2011 г. С.А.Буравлевым. Во втором отчете Д.Д. Водолажского приведены сведения о поселениях Тузла-10, Тузла-13, Тузла-14, Тузла-22, некрополе Тузла-21 и курганной группе Тузлинская-6, также обследованных в 2011 г. С.А. Буравлевым, однако до настоящего времени не введенных в научный оборот, так как научный отчет об их исследовании не сдан. Третий отряд ООО «Археологическое общество Кубани» под руководством А.А. Козорезова в марте 2013 г. проводил разведки (с постановкой шурфов) в зоне реконструкции железнодорожной станции Вышестеблиевская. В ходе работ была обследована территория около 50 га, по подъемному материалу и находкам из шурфов уточнены размеры и датировка поселения античного времени Вышестеблиевская-3 [Арх. ИА: № 45780].

В течение полевого сезона 2013 г. коллективом сотрудников ООО «Южно-Российский центр археологических исследований», возглавлявшимся Д.А. Карповым, производилось обследование земельных участков, попадавших в зоны хозяйственного освоения на территории 4 административных единиц Краснодарского края. В Темрюкском районе разведками разного характера (от исследований с шурфовкой до простого наблюдения за земляными работами) было охвачено более 10 участков в поселках Ильич, Кучугуры, Приморский, Сенной, в районе мыса Тузла, в станице Тамань и городе Темрюк [Арх. ИА: № 45521].

В 2013 г. по заданию Управления государственной охраны объектов культурного наследия Краснодарского края коллективом сотрудников ОАО «Наследие Кубани» под руководством А.А. Горошникова было обследовано поселение античного и позднесредневекового времени Белый-1. Разведочные работы были предприняты с целью уточнения границ памятника, его культурно-хронологической принадлежности и выяснения стратиграфии культурных напластований [Арх. ИА: № 39120].

В 2013 г. отрядом некоммерческого партнерства «Южархеология», возглавлявшимся Ю.В. Абояном, было проведено археологическое обследование земельного участка, отведенного под газопровод высокого давления в поселке Юбилейный. Трасса газопровода непосредственно затронула территорию поселения античного и средневекового времени Юбилейный-7. Попутно были обследованы охранные зоны поселений Юбилейный-6, Юбилейный-2, Юбилейный-8 в местах прокладки проектируемого трубопровода [Арх. ИА: № 37369].

В течение 2013–2014 гг. археологической экспедицией ООО «Ирида» под руководством В.Г. Житникова проводились исследования разведочного характера на территории земель поселков Волна, Сенной, Приморский, а также станиц Вышестеблиевская и Тамань. Работами были охвачены 7 земельных участков, отводившихся под проектирование и строительство различных объектов, расположенных вблизи указанных населенных мест. Общая обследованная площадь составила 316,4 га. В процессе работ исследовано 280 шурфов, раскопана площадь 1152 кв. м. Обследованные земельные участки затрагивают непосредственно или находятся в границах охранных зон 6 поселений (Волна-1, Волна-4, Волна-5, Волна-6, Волна-9, Волна-12), курганной группы Волна-27В и кургана Зеленской-I/I. В ходе проведенных разведок обнаружено несколько объектов бронзового века и античного времени, уточнены границы и произведена корректировка местоположения поселения Волна-6 [Арх. ИА: № 39179].

В апреле 2013 г. сотрудником ООО «Гермонасса» А.В. Баранюком проводились археологические разведки в рамках землеотвода под коттеджный поселок. Исследуемый земельный участок находился в 2,1 км к западу от окраины станицы Тамань и 0,2 км к югу от берега Таманского залива [Арх. ИА: № 33979]. В результате разведочных работ А.В. Баранюка была обследована территория площадью 45 га и, согласно его отчету, уточнены данные по поселениям Тузла-4 и Тузла-5, выявленным и поставленным на учет в 2011 г. С.А. Буравлевым. Следует отметить, что до настоящего времени эти памятники не введены в научный оборот, так как научный отчет об их исследовании в 2011 г. не сдан.

В 2013–2014 гг. археологической экспедицией ООО «ЮРЦАИ» под руководством В.Ю. Кононова были произведены охранные раскопки 4 курганов: «№ 98» (За Родину-3), «Гос. № 4885» (За Родину-7), Гора Тиздар (За Родину-2), Курган-1, а также произведены траншейные разведки предполагаемого средневекового могильника. В первом кургане (№ 98 – За Родину-3) было выявлено 9 погребений эпохи бронзы, во втором (Гос. № 4885 – За Родину-7) – 15 погребений, 7 из которых относились, по

мнению автора, к эпохе бронзы, 3 – к эллинистическому времени, 3 – к Средневековью, 2 – не поддавались хронологическому и культурному определению. В третьем кургане (Гора Тиздар – За Родину-2) выявлено 11 погребений, 9 из которых, по мнению автора, относились к эпохе бронзы, 2 – к Средневековью. Курган №-1 оказался естественным возвышением, в стратиграфии которого погребенная почва и насыпь отсутствовали. Археологических объектов и материалов при его раскопках не обнаружено. Предполагаемый средневековый могильник, в поисках которого были заложены 5 разведочных траншей размерами 15 х 4 м, не был выявлен [Арх. ИА: №40767].

В 2013–2015 гг. были проведены охранные раскопки поселения позднего средневековья – нового времени Волна-12, попадавшего в зону строительства Таманского терминала навалочных грузов. С июня по ноябрь 2013 г. археологической экспедицией ООО «Кубаньархеология», возглавлявшейся О.В. Шаровым, и Панагийским отрядом Боспорской экспедиции ИИМК РАН на памятнике разрабатывался раскоп площадью 9000 кв. м. Многочисленный остеологический материал, полученный в процессе раскопок, дал важнейшую информацию о характере хозяйственной деятельности жителей поселка – преимущественном выпасе крупного и мелкого рогатого скота и лошадей. Массовый материал позволил датировать памятник концом XVI – XVIII вв. В ходе исследований были выявлены отдельные детали планировки поселения, говорившие о достаточно свободном расположении его усадеб на расстоянии от 50 до 100 и более метров друг от друга. По мнению автора отчета, данный памятник относится к одному из небольших поселений ногайцев конца XVI – XVIIIвв., занимавшихся отгонным скотоводством в пределах западной части Таманского полуострова [Арх. ИА: № 41663]. С мая по ноябрь 2014 г. экспедицией того же общества «Кубаньархеология» под руководством А.А. Горошникова были продолжены охранные раскопки поселения Волна-12. На памятнике были заложены 2 раскопа общей площадью 13350 кв. м. В результате исследований было выявлено не менее 9 усадебных комплексов, объединявших сохранившиеся участки кладок, хозяйственные ямы, траншеи и другие объекты; получена большая коллекция керамического материала и других бытовых предметов, орудий труда и украшений. Одним из итогов работ 2014 г. было определение северной, юго-западной и юго-восточной границ поселения [Арх. ИА: № 42001]. В 2015 г. той же экспедицией, возглавлявшейся А.А.Горошниковым, были завершены охранные исследования поселения Волна-12. На его территории были заложены 2 раскопа общей площадью 9300 кв. м. Полученные материалы позволили уточнить датировку памятника, ограничив ее периодом со второй половины XVII до конца XVIII в. Исследование поселения в полном объеме позволило также уточнить его внутреннюю структуру. По мнению автора отчета, поселок состоял из 7 отдельных хозяйств, условно называемых усадьбами или усадебными комплексами [Арх. ИА: № 49491]. В течение полевых сезонов 2013–2015 гг. было проведено полное исследование поселения Волна-12 на общей площади 31850 кв. м. За время раскопок на памятнике зафиксировано 480 хозяйственных ям, 116 объектов и 4 погребения. Коллекция костей домашних и диких животных составляла свыше 32 тыс.

экземпляров. Коллекция керамического материала, бытовых предметов, орудий труда и украшений насчитывает около 10 тыс. единиц [Белов, Горошников, Раев, Шаров, 2016; Горошников, Шаров, 2017; Кладченко, Горошникова, 2017].

В течение полевого сезона 2014 г. экспедиции и отряды, организованные различными обществами, центрами и ассоциациями, проводили преимущественно охранные раскопки памятников: 6 из 7 отчетов за этот год являются отчетами об исследованиях, связанных с землеотводами участков под строительство или хозяйственную деятельность. Во второй половине 2014 г. отдельным отрядом ООО«Археологическое общество Кубани» под руководством Ш.О. Давудова были продолжены охранные раскопки поселения Чубово, а также исследован курган Камышеватый. Оба памятника находились в зоне реконструкции железной дороги на участке Старотитаровская – Стрелка, к юго-востоку от станицы. На поселении Чубово были разбиты раскопы 3 и 3А общей площадью 7650 кв. м, однако в 2014 г. раскапывался лишь участок 1 на раскопе 3, площадь которого составляла 2648 кв. м. На исследованном участке были выявлены 74 объекта (землянки, хозяйственные ямы, развалы керамики). Среди находок в заполнении ям и культурном слое преобладали фрагменты амфор античного времени (в том числе с клеймами), найдены фрагменты гончарных столовых и лепных кухонных сосудов, бронзовые наконечники стрел, монеты, керамические пряслица и грузила, фрагменты светильников, лощила из амфорных ручек, обломки зернотерок, кости животных. В ряде ям были расчищены скелеты собак. По перечисленному материалу поселение датировано концом VI – III в. до н.э. Курган Камышеватый содержал, по мнению исследователя, 2 могилы. Основное погребение было разрушено при прокладке водопровода. Второе захоронение, полностью ограбленное, по фрагментам гончарного сосуда из заполнения ямы отнесено предположительно к эпохе Средневековья [Арх. ИА: № 44644].

В июле – октябре 2014 г. экспедиция того же «Археологического общества Кубани», возглавлявшаяся В.В. Матаевым, проводила охранные исследования поселения «Белое Юго-Восточное», расположенного в зоне проектируемого строительства, к востоку от поселка Белый, на оползневой террасе правобережного мыса, обращенного к пойме Старой Кубани. Общая площадь раскопа составила 1931 кв.м. Мощность культурных напластований достигала 2–2,2 м. В стратиграфии памятника выделены 3 хронологических горизонта: конца VI – начала IV в. до н.э., II в. до н.э. – II в. н.э., а также XVIII в. н.э. С раннеантичным горизонтом был связан объект, представлявший собой, скорее всего, обустроенный родник или водный источник и 18 ям различного назначения. Среди находок конца VI – начала IV в. до н.э. наиболее репрезентативны фрагменты хиосских и протофасосских амфор. К горизонту позднеэллинистического – римского времени принадлежали 10 колодцев с каменными кладками и каменные вымостки, а также 31 яма. Находки II в. до н.э. – II в. н.э. были представлены многочисленными фрагментами гончарной столовой и кухонной посуды (в основном кувшинов с витыми и профилированными ручками), фрагментами южнопонтийских амфор (прежде всего синопских), коричневоглиня-

ных колхидских и амфор неустановленных центров производства. Найдено большое количество монет III в. до н.э. – I в. н.э. Материалы XVIII в. включали большое количество фрагментов поливных и неполивных сосудов, кухонной посуды и керамической тары (в том числе урн с горизонтальными ручками), монеты Крымского ханства, предметы военного быта. С горизонтом нового времени были связаны три ямы хозяйственного назначения, заполненные фрагментированными костями животных (преимущественно рыбы и свиньи) и керамикой [Гайдашев, Каргин, Мамонтов, Матаев, Сурков, 2017. С. 218–219; Арх. ИА: № 62849].

В течение последнего квартала 2014 г. Краснодарская археологическая экспедиция ООО «ЮРЦАИ» под руководством Д.А. Яцюка производила охранно-спасательные раскопки четырех памятников: трех курганных могильников и отдельно стоящего кургана, находившихся на госохране и расположенных к юго-западу от окраины станицы Старотитаровской, вблизи пескокарьера. Работы были предприняты в связи с планировавшимся возобновлением добычи песка. В состав участников экспедиции (специалистов) входили А.В. Иванов, С.А. Буравлев, С.А. Ермолин. Всего предстояло раскопать 13 курганов. Один из них не был выявлен. Раскоп, разбитый на месте его расположения, не показал наличия насыпи. В 12 курганах было исследовано 149 погребений различных эпох: 24 погребения относились к эпохе энеолита – раннебронзового века, 49 погребений – к различным периодам эпохи бронзы, 3 погребения – к раннему железному веку и античному времени, 48 погребений – к эпохе Средневековья, 25 захоронений не поддавались культурному и хронологическому определению. Наиболее ранний курган представлял собой выдающееся явление. В нем была прослежена одна насыпь, опоясанная каменным кромлехом, найдено 68 погребений и 9 археологических объектов. Среди погребений выделялись 24 захоронения майкопской культуры, относившиеся к эпохе энеолита – ранней бронзы, совершенные в каменных ящиках или в ямах, частично обложенных камнем, расположенные по кругу под кромлехом. К эпохе бронзы относились 5 погребений, к Средневековью – 30, 9 захоронений не поддавались определению [Арх. ИА: № 52310]. Следует отметить, что экспедицией «ЮРЦАИ» были раскопаны курганы Старотитаровская-87–91 и Старотитаровская-120–126 [Паромов, 1992. С. 862. № 228, 229; Арх. ИА: № 23096. Л. 6, 7].

В течение двух полевых сезонов 2014–2015 гг. совместной археологической экспедицией ООО «Кубаньархеология» и ООО «Ирида», возглавлявшейся В.В.Бочковым, было полностью исследовано попадавшее в зону проектируемого строительства поселение Волна-6 ногайской культуры (XVII – начало XIX в.) и участок грунтового могильника эллинистического времени (IV – I вв. до н.э.), выявленного в процессе охранных исследований поселения в северо-восточной части раскопа. Ежегодно в археологических раскопках и камеральной обработке материалов принимали участие не менее 13–14 специалистов, художников и лаборантов. В июле–октябре 2014г. на памятнике было исследовано 11332,75 кв. м [Арх. ИА: № 42170. Л. 5], в мае–декабре 2015 г. на нем было вскрыто 47944,25 кв. м [Арх. ИА: № 48932. Л. 4]. Таким

образом, общая исследованная площадь составила, вероятно, 59277 кв. м. Мощность культурного слоя была невелика: от 0,1 м – на периферии до 0,65 м – в центральной и северо-восточной части поселения. Всего за два сезона раскопок было выявлено 33 хозяйственные ямы, 2 колодца, 1 полуземлянка и 7 объектов (скопления костей животных, развалы керамики). В процессе исследования культурного слоя найдено 33490 фрагментов красноглиняных, коричневоглиняных и сероглиняных поливных и неполивных сосудов и мисок ногайской культуры. В остеологическом материале (6999 фрагментов) преобладали кости коровы, овцы и лошади. На участке грунтового могильника эллинистической эпохи было выявлено 50 погребений, 13 из которых являлись захоронениями младенцев в амфорах. Среди 3766 фрагментов керамики IV – I вв. до н.э. преобладали обломки синопских, хиосских, родосских, гераклейских и косских амфор, а также амфор неустановленных центров производства, среди фрагментов кухонной и столовой посуды наиболее многочисленными были обломки красноглиняных кувшинов и мисок [Бочковой, Булах, 2016; Арх. ИА: № 42170; № 48932; № 48934].

В декабре 2014 – апреле 2015 г. археологической экспедицией ООО «Ирида» под руководством И.В. Цокур были проведены завершающие охранные раскопки поселения античного времени Волна-4. Целью работ было полное доследование культурного слоя памятника. На поселении был заложен раскоп общей площадью 1454 кв. м. Мощность культурных напластований в его пределах составляла от 0,2 до 0,4 м. Наибольшей величины слой достигал в восточном секторе, который примыкал к исследованной в 2006–2012 гг. большей части памятника. Следует отметить, что культурный слой проявлялся локально, вокруг открытых археологических объектов, сходил на нет и исчезал к западной и юго-восточной границе исследуемого участка. Среди находок представлены материалы IV –III вв. до н.э. В процессе исследования остатков памятника выявлено 16 ям и 1 погребение, возможно, связанное с выявленными в 2009 г. погребениями, предположительно относившимися к разрушенным курганам эпохи бронзы [Волкодав, Устаева, Шевченко, 2016. С. 45–46; Арх. ИА: № 46315].

В марте–ноябре 2014 г. группой сотрудников ООО «Кубаньохранкультура», состоявшей из 12 человек (специалистов-археологов, лаборантов и художника) и возглавлявшейся Д.С. Крюковым, были проведены археологические разведки охранного характера на территории 20 районов и городов Краснодарского края, связанные с проектированием и прокладкой сети волоконно-оптических линий связи. На территории Темрюкского района было обследовано 16 памятников (поселений античного и средневекового времени) в районе поселков Юбилейный, Волна Революции, Гаркуша, Кучугуры и станицы Фонталовской. Абсолютное большинство включенных в отчет древних поселений проектируемой сетью ВОЛС не затрагивалось [Арх. ИА: № 47851].

В 2015 г. число археологических экспедиций и отрядов, работавших на Таманском полуострове от различных обществ, ассоциаций и центров возросло почти втрое – с

7 до 19. Большинство отчетов (14 из 19) содержало сведения о раскопках памятников, исследования разведочного характера представлены в 5 научных отчетах. В апреле–мае 2015 г. отрядом ООО «Археологическое общество Кубани» под руководством Р.В. Прокофьева были произведены раскопки кургана Камышеватая-II, находившегося в 3,5 км к востоку – юго-востоку от окраины станицы Старотитаровской, в зоне строительства высоковольтной линии электропередачи. В кургане, возведенном в один прием, было выявлено 10 погребений. Основным, по мнению исследователя, являлось почти полностью уничтоженное (остались обломки человеческих костей и фрагменты лепного сосуда), не заглубленное в материк погребение майкопской культуры. К эпохе бронзы относились также безынвентарное погребение катакомбной культуры и 3 погребения срубной культуры; 5 погребений античного времени обобщенно датированы IV в. до н.э. – II в. н.э. [Арх. ИА: № 45932]. В сентябре следующего 2016 г. Р.В. Прокофьевым, действовавшим от того же общества, был раскопан один из самых заметных в ландшафте одиночный курган Могила Хуторяцкая (Старотитаровская-101, Могила Хуторницкая), находившийся в 2,65 км к юго-юго-востоку от окраины станицы, в зоне строительства энергомоста Российская Федерация – Крым. В XIX в. памятник исследовался профессиональными археологами, а также неоднократно подвергался грабительским раскопкам. В 2016 г. в кургане выявлены 2 погребения. Основное, по предположению автора, относилось к майкопской культуре, было совершено на естественном природном возвышении и не сопровождалось насыпкой кургана. Возведение земляной насыпи связано автором с более поздним захоронением катакомбной культуры, в котором двое умерших подростков были погребены в камере в обнимку, лицом друг к другу. Инвентарь составляли каменное полированное навершие булавы, астрагал с отверстием, бронзовые и костяные бусы [Прокофьев, 2018; Арх. ИА: № 53029].

В течение полевого сезона 2015 г. еще одной экспедицией ООО «Археологическое общество Кубани», которая возглавлялась О.В. Сергеевой, были произведены масштабные исследования охранного характера нескольких памятников археологии: курганной группы у поселка Красноармейский, двух поселений эпохи бронзы и античного времени у Юбилейного и поселения эпохи поздней бронзы в районе станицы Старотитаровской. Около поселка Красноармейский было раскопано 4 кургана: «№ 3328» (Красноармейский-6) и Курганная группа-8 (курганы-1, 2, 4) (Красноармейский-9–11). Курганы «№ 3328» и «к. 1» содержали по 2 погребения, курганы «к. 2» и «к. 4» – по одному. Все погребения были ограблены. По остаткам инвентаря – фрагментам хиосских, фасосских, мендийских амфор, расписной и чернолаковой керамике, фрагментам железных копий, мечей, бронзовым и железным наконечникам стрел, S-овидным псалиям и другим находкам погребения в первых трех курганах отнесены к античной эпохе и обобщенно датированы концом VI – первой половиной IV в. до н.э. Датировка и культурная принадлежность четвертого кургана, где найдены лишь 3 фрагмента лепного сосуда, не определены [Арх. ИА: №52696. Л. 23–38]. Поселение Старотитаровская-20 (Старотитаровская-28) нахо-

дится в 2,2км к юго-востоку от железнодорожного переезда у юго-западной окраины станицы Старотитаровская. Памятник выявлен и локализован по результатам разведочных работ ООО «Археологическое общество Кубани» под руководством А.В.Шефа (2014 г., научный отчет об исследованиях не сдан). Общая площадь двух раскопов, заложенных в полосе землеотвода по трассе энергомоста Российская Федерация – Крым, – 2304 кв. м. В наиболее насыщенном находками условном пласте 3 выявлены фрагменты лепной керамики кострового обжига. Внешняя поверхность серого или красного цвета, толщина черепка 0,3–1 см. Сосуды горшковидной формы, без орнамента, с высоким отогнутым венчиком с плоским или округлым краем, днища плоские, иногда с закраиной. По результатам исследований поселение датировано эпохой поздней (?) бронзы [Арх. ИА: № 52696. Л. 39–47]. Поселение Юбилейное-14 (Юбилейный-15) находится в 2,2 км к востоку-северо-востоку от окраины поселка. Выявлено и локализовано А.В. Шефом, проводившим в 2014 г. разведочные работы по трассе энергомоста Российская Федерация – Крым (научный отчет не сдан). Размеры поселения, по данным О.В. Сергеевой, 204 х 185 м, площадь около 3,7 га. Два раскопа общей площадью 7398 кв. м прошли через весь памятник в меридиональном направлении. Абсолютное большинство находок содержалось в условных пластах 3 и 4 (глубина 0,4–0,8 м). В результате раскопок выявлено 78 объектов (хозяйственные ямы, скопления керамики и печины, развалы сосудов), собрана большая коллекция лепной керамики и орудий труда из кости и камня. По предварительному заключению, культурный слой, относящийся к финальной бронзе, принадлежит поздней сабатиновской и белозерской культурам. Ориентировочная датировка памятника XIV– X вв. до н.э. [Арх. ИА: № 52696. Л. 47–84]. Переходя к поселению, названному в отчете О.В. Сергеевой Юбилейное-9, необходимо сказать, что это название ошибочно дано памятнику А.В. Шефом, годом раньше проводившим здесь разведки (2014 г., научный отчет не сдан). В действительности в 2015 г. О.В. Сергеева исследовала западный участок поселения Юбилейный-3, находящийся в 2,3 км восточнее поселка Юбилейный (бывший Прогресс). Общая площадь двух раскопов, заложенных в полосе землеотвода по трассе энергомоста Российская Федерация – Крым, составляет 6030 кв. м. В обоих раскопах исследован культурный слой античного времени, включавший в себя многочисленные фрагменты гончарной и лепной керамики, кости животных, различные индивидуальные находки. Предварительная широкая датировка поселения по массовому материалу определяется в пределах Vв. до н.э. – IV в. н.э. С учетом статистики по хронологическим данным находок, в широкой датировке выделяются два временных периода: конец V – IVв. до н.э. и II–III вв. н.э. [Арх. ИА: № 52696. Л. 85–113].

В 2015 г. ОАО «Наследие Кубани» было организовано три масштабных мероприятия по охране памятников археологии Таманского полуострова. А.В. Дмитриевым, главным специалистом названного общества, была произведена детальная археологическая разведка на территории земельного участка протяженностью 42 км (при средней ширине полосы отвода 70 м) по трассе строительства автодороги

Новороссийск – Керченский пролив. В процессе работ было заложено 174 шурфа общей площадью 367,14 кв. м. По результатам разведки, в границах землеотвода зафиксировано 19 памятников археологии (поселений и курганных могильников), расположенных вблизи поселков Соленый и Виноградный, станиц Вышестеблиевская и Тамань, а также около мыса Тузла [Арх. ИА: № 49331].

В том же полевом сезоне 2015 г. А.В. Дмитриев руководил отрядом ООО «Наследие Кубани», в задачу которого входили охранные раскопки северной части поселения Балка Хреева-1 в зоне реконструкции железнодорожных путей, производившиеся по двум Открытым листам. Общая исследованная площадь составила 40425 кв. м. В разрушенном и переотложенном культурном слое памятника было выявлено 3478 находок: фрагментов керамических сосудов нового и новейшего времени, эпохи Средневековья, поздней бронзы, изделий из камня и костей животных. На исследованной площади была открыта 1 «ситуация» (развалы двух высокогорлых кувшинов с плоскими ручками второй половины IX – начала XII в.), в юго-западной части раскопа обнаружена хозяйственная яма с фрагментами амфоры, предположительно датированной IV в. н.э. Участок средневекового поселения с переотложенным и поврежденным культурным слоем перекрывал 11 хозяйственных ям и 3 объекта, предварительно датированных эпохой поздней бронзы, расположенных на всей исследованной территории (более 4 га) [Арх. ИА: № 49311]. В 2015–2016 гг. охранные раскопки поселения Балка Хреева-1 были продолжены отрядом ООО «Наследие Кубани», возглавлявшимся О.Ф. Жупаниным. Исследования производились «методом археологических наблюдений» в юго-восточной части памятника, где был раскопан участок площадью 13900 кв. м. В разрушенном и переотложенном культурном слое было выявлено 3080 находок: фрагментов керамических сосудов, строительной керамики, костяных, железных, бронзовых изделий, стеклянных сосудов, медных и томпаковых монет, костей животных. На исследованной площади было обнаружено 8 объектов, датирующихся последней третью XIX – началом XX в. – остатков хутора, существовавшего здесь в указанное время [Арх. ИА: № 50631]. В тот же период (2015–2016 гг.) под эгидой того же общества «Наследие Кубани» О.Ф. Жупаниным по отдельному Открытому листу была исследована юго-западная часть поселения Балка Хреева-1. Раскопки были связаны с реконструкцией автомобильной дороги Новороссийск – Керченский пролив. Общая исследованная площадь составила 8925 кв. м. В процессе работ были выявлены 353 хозяйственные ямы и 57 объектов: 140 ям относилось к средневековому времени, датировано X – XI вв., 79 принадлежали новому и новейшему времени, 134 – не содержали археологических материалов. На раскопанной площади было открыто также 17 погребений X в. В культурном слое, погребениях, ямах и на объектах обнаружены 20652 находки различных хронологических периодов (от эпохи бронзы до новейшего времени), 4458 единиц остеологического материала [Арх. ИА: № 53177; № 53178].

В течение 2015–2016 гг. археологической экспедицией ООО «Ирида» под руководством И.В. Цокур производились охранные раскопки выдающегося памятни-

ка античного времени – грунтового могильника Волна-1, расположенного в 4,5 км к северо-западу от поселка Волна. Памятник был открыт И.В. Цокур в процессе разведочных работ 2014 г., однако следует отметить, что еще до начала этих разведок В.Г.Житниковым было сделано предположение о наличии на этой территории могильника. За два сезона И.В. Цокур на некрополе было исследовано 192 погребения VI – IIIвв. до н.э., которые в большинстве представляли собой ямы прямоугольной формы с закругленными углами или овальные ямы, сырцовые гробницы и подбойные могилы (зафиксировано несколько ям трапециевидной и круглой формы). Все захоронения были выполнены по обряду трупоположения. В могилах находилось от 1 до 6 погребенных, лежавших в вытянутой позе, на спине, ориентированных головой чаще всего на восток (иногда с небольшим отклонением к северу). Погребальный инвентарь, как правило, был расположен слева от погребенного, вдоль южной стенки ямы, или в ногах и включал в себя керамические и бронзовые сосуды, оружие, украшения, монеты. В некоторых погребениях в мисках находились остатки заупокойной пищи в виде костей животных. Следует отметить, что материалы могильника Волна-1 находят многочисленные аналогии с обрядом захоронений и погребальным инвентарем некрополя Артющенко-2, который исследуется в настоящее время С.В.Кашаевым. Обобщенные сведения о раскопках грунтового могильника Волна-1 помещены в ряде публикаций [Цокур И.В., 2016; Цокур, Селивантьев, Шереметьева, 2016; Цокур, Аликаева, Редикульцева, Метелькова, Молева, Тихонова, Ширинин, 2017; Волкодав, Устаева, Шевченко, 2016]. Отдельные статьи посвящены предметам вооружения [Цокур Д.В., 2017; Цокур, Селивантьев, Горболь, 2016], железным ножам [Гараев, Цокур, 2017], бронзовой посуде [Селивантьев, Цокур, 2017], антропологическим исследованиям [Абрамова, 2017]. Наиболее полно материалы раскопок грунтового могильника Волна-1 представлены в научном отчете об исследованиях [Арх. ИА: № 50661].

В апреле–июле 2015 г. сотрудниками ООО «Кубаньохранкультура», возглавлявшимся держателем Открытого листа А.А. Глуховым, производились охранные раскопки на поселении Балка Хреева-2, расположенном в 8,3 км восточнее станицы Тамань, в зоне строительства железнодорожных путей к морскому порту. Общая площадь раскопа составила 7600 кв. м. Памятник, по мнению исследователя, является двуслойным. Древнейший горизонт относится к последним этапам эпохи поздней бронзы. Аналогии многим предметам находятся в белозерской культуре «Левобережья Украины и Крыма» (XII–X вв. до н.э.). Этому времени принадлежали 8 хозяйственных ям. Второй хронологический период относится к эпохе раннего Средневековья. Амфорный материал и некоторые формы сероглиняной гончарной посуды позволили датировать этот период второй половиной VI – IX вв. н.э. В составе керамического материала средневекового периода преобладает тарная посуда (амфоры, крупные трехручные кувшины, корчаги). К средневековой эпохе отнесены 5 хозяйственных ям. На поселении был собран представительный остеологический материал (4880 ед.), в котором преобладали кости крупного рогатого скота и лошади [Арх. ИА: № 49421].

В октябре 2015 г. работы охранного характера на поселении Балка Хреева-2 были продолжены отрядом ООО «Инженерно-технический центр специальных работ и экспертиз» (ИТЦСРЭ) под руководством Д.В. Кутукова. Площадь раскопа составила 1084 кв. м. В процессе исследований были выявлены 3 хозяйственные ямы и 57 погребений, по характерным признакам обряда и нескольким находкам (серьги, бусы) датированных XVII–XVIII вв. Рассматриваемый участок памятника был квалифицирован как грунтовый могильник [Арх. ИА: № 46341].

В течение того же полевого сезона (2015) обществом ИТЦСРЭ были организованы еще четыре масштабных мероприятия по охране памятников археологии Таманского полуострова. Два из них – спасательные раскопки поселений Балка Лисовицкого-1 и Чирково-II производились сотрудниками общества под руководством Ю.К. Гугуева по двум отдельным Открытым листам. С марта по август 2015г. исследовалось поселение Балка Лисовицкого-1, попадавшее в зону строительства железнодорожных путей к морскому порту Тамань. На памятнике был заложен раскоп общей площадью 30250 кв. м, выявивший слои античного времени (III в. до н.э. – V в. н.э.) и Средневековья (VII – конец XI в.). В юго-западной части поселения были расчищены остатки помещений с глинобитными стенами на каменных цоколях и вымостки из крупных плоских плит, относившиеся к римскому времени (II – III вв. н.э.). Всего на раскопе было исследовано более 130 хозяйственных ям, а также 16 погребений (2 – эпохи бронзы, 1 – раннего железного века, 13 – неопределенных). В ходе раскопок получена коллекция античной и средневековой керамики, включая целые экземпляры красноглиняных амфор и кувшинов, гончарных сероглиняных и лепных сосудов (кувшинов, горшков, светильников), найдены более 10 бронзовых античных монет эллинистического и римского времени, бронзовые украшения (подвески, фибулы, фигурка человечка), предметы быта (жернова, оселки, пряслица, ткацкие и рыболовные грузила), собран многочисленный палеозоологический материал, среди находок обнаружены фрагменты венчиков и ручек лепных сосудов эпохи бронзы, обломок кремневого орудия [ОПИ ИА РАН: Научный отчет о раскопках]. С мая по сентябрь 2015 г. Ю.К. Гугуевым исследовалось поселение Чирково-II, также попадавшее в зону строительства железнодорожных путей к морскому порту Тамань. На памятнике был заложен раскоп общей площадью 18750 кв. м, выявивший слабо насыщенные археологическим материалом средневековые слои X – XII вв., поврежденные современной хозяйственной деятельностью. На исследованном участке поселения были выявлены 64 хозяйственные ямы, остатки хлебопекарной (?) печи, следы сырцовой постройки на каменном цоколе и 8 погребений, среди которых выделяется парное захоронение в каменном ящике, в котором найдено серебряное подражание милиарисию Константина VIII и Василия II. В процессе раскопок была получена сравнительно небольшая коллекция средневековой керамики, включающая целые экземпляры кувшинов тмутараканского типа, воротничковых амфор и лепных горшков. В остеологическом материале преобладали кости крупного рогатого скота и лошади [Арх. ИА: № 49406].

Под совместным руководством двух сотрудников ООО «ИТЦСРЭ» И.Н.Наумова и Е.П. Мыськова были произведены охранные раскопки курганной группы Таманская-3, состоявшей из двух насыпей (курганы-1 и 2) и одиночного кургана Вышестеблиевская-17. Исследования производились по отдельным Открытым листам, памятники находились в зоне строительства железнодорожных путей к морскому порту Тамань. Обе насыпи курганной группы Таманская-3 были зафиксированы и отмечены в научной литературе [Соколов, 1919. С. 56. № 119, 120]. Курган-1 (Тамань-84) в 1993 г. раскопан Краснодарской экспедицией Кубанского госуниверситета. В нем выявлено 9 погребений (4 – эпохи ранней и средней бронзы, 5 – античного времени). В одном из захоронений эпохи бронзы лицом друг к другу, «тесно обнявшись», лежали скелеты двух подростков. Погребения античного времени носили черты местного погребального обряда [Лимберис, Бочковой, 1993. Л. 114–121]. Курган-2 (Тамань-83), раскопанный И.Н. Наумовым и Е.П. Мыськовым, содержал 6 безынвентарных погребений, 3 из которых, по мнению исследователей, относились к бронзовому веку, 2 – к эпохе Средневековья, 1 захоронение не поддавалось определению [Арх. ИА: № 50280]. В кургане Вышестеблиевская-17, исследованном теми же сотрудниками Научно-технического центра, был выявлен сложный поминально-жертвенный комплекс середины II в. до н.э., «насыпь которого содержала следы огненного ритуала», две «обильные тризны», а также скелет взнузданного коня, найденный под северным краем кургана, на уровне погребенной почвы [Арх. ИА: № 50568].

Экспедицией ООО «ПрофЭксперт» под руководством А.В. Иванова в декабре 2015 г. были проведены охранные раскопки кургана Сенной-43, находившегося в 1,1км к северо-востоку от окраины поселка Сенной, на склоне горы Цымбалы, в зоне расширения пескокарьера. В ходе раскопок было выявлено 7 погребений и 8 объектов, охватывающих, по словам автора, период от эпохи бронзы до античной эпохи. Все исследованные погребения относились к античному времени и были совершены не ранее V – IV вв. до н.э. Эпохой поздней бронзы датированы 6 объектов: 4 лепных горшка, найденных в насыпи, кострище и хозяйственная яма. Горшки по своему облику могут относиться как к переходному периоду от поздней бронзы к раннему железному веку, так и только к раннему железному веку [Иванов, Сударев, 2017; Арх. ИА: № 49999]. Еще одна археологическая экспедиция ООО «ПрофЭксперт», возглавлявшаяся А.А. Крайневой, работала в июне 2015 г. в зоне расширения песчаного карьера у оз. Соленого. Ее целью являлось проведение охранных раскопок кургана Артющенко-24, обследованного Е.Я. Роговым и Я.М. Паромовым в 1998 г. и в 2002г. включенного в списки объектов культурного наследия Краснодарского края. Ко времени начала работ А.А. Крайневой курган был уже уничтожен пескокарьером [Арх. ИА: № 21640. Л. 7; № 47841].

В августе–сентябре 2015 г. сотрудниками ООО «Георесурс–КБ» под руководством А.В. Суркова были проведены археологические разведки охранного характера, связанные с проектированием и строительством газопроводов в юго-западных районах Краснодарского края. В ходе работ было установлено, что на территории

Темрюкского района в зону разрушения при строительстве газопровода попали 12 памятников археологии (5 поселений и 7 курганных групп) [Арх. ИА: №48661]. Из числа памятников 2 поселения (Старотитаровская-16 и поселение у отд. №3 свх Радуга) исследовались позже, в 2016 г. О.В. Сергеевой, еще 2 поселения (Виноградный Северо-Восточный-2, Виноградный Северо-Восточный-3) и 2 кургана, находившиеся северо-восточнее поселка Виноградный, исследовались Д.А. Карповым также в 2016 г. [Арх. ИА: № 53941].

В августе 2015 г. сотрудниками ООО «Археологическая экспедиция», возглавлявшимися В.И. Мамонтовым, были проведены разведки в зоне реконструкции железной дороги и строительства автомобильного путепровода, расположенного к юго-западу от станицы Старотитаровской. В процессе исследований выяснилось, что в земельный отвод под строительство попадает поселение античного времени Старотитаровская-20, выявленное в 2000 г. Е.Я. Роговым и Я.М. Паромовым. Для уточнения его границ сотрудниками «Археологической экспедиции» было заложено 8 шурфов размерами 1 х 2 м [Гайдашев, Каргин, Мамонтов, Матаев, Сурков, 2017. С. 221; Арх. ИА: № 23096. Л. 8; № 45294].

В 2015 г. сотрудниками ООО «Арх Гео Юг» под руководством К.А.Крутоголовенко производились археологические разведки на 18 земельных участках, находившихся на территории двух городских муниципальных образований и трех районов Краснодарского Края. Исследования были связаны с обустройством электроосвещения автомобильных дорог. В Темрюкском районе они коснулись поселков Сенной, Юбилейный, Батарейка, Светлый Путь Ленина и Красный Октябрь. Наибольшего внимания исследователей потребовал археологический комплекс Красный Октябрь-1, западная окраина которого попадала в границы земельного отвода одного из обследуемых участков. В процессе работ были уточнены северная и южная границы западной части поселения Красный Октябрь-1. Зачистки обрывов по обеим сторонам шоссе Светлый Путь Ленина – Варениковская показали отсутствие культурного слоя и каких-либо находок в этом месте, однако шурфы, заложенные к северу от известных по архивным данным границ поселения, позволили значительно увеличить площадь памятника. Вывод автора отчета, что рассматриваемое поселение требует отдельного детального и всестороннего изучения, представляется совершенно справедливым [Арх. ИА: № 52043].

Общее число археологических экспедиций и отрядов, работавших на Таманском полуострове в 2016 г. от различных обществ, ассоциаций и центров, сохранилось на уровне предыдущего года и составило 17 (против 19 – в 2015 г.). Близким (почти совпадающим) было также соотношение числа коллективов, занятых раскопками памятников и коллективов, проводивших исследования разведочного характера (12:5 против 14:5 – в 2015 г.). От общества «Наследие Кубани» в 2016 г. работали 3 коллектива: отряд О.Ф. Жупанина – на поселении Балка Хреева-1 (исследования описаны выше), экспедиция В.П. Мокрушина и Д.В. Кутукова – на поселении Балка Хреева-3 и отряд И.Б. Тищенко – на курганном могильнике Балка Хреева. Охранные

раскопки поселения Балка Хреева-3, расположенного в 7 км к востоку от станицы Тамань, были связаны со строительством автомобильной дороги Новороссийск – Керченский пролив и производились по двум Открытым листам, выданным на имя В.П. Мокрушина и Д.В. Кутукова. Общая исследованная площадь составила 36580 кв. м. Раскоп представлял собой единое целое, без разделения на участки между исследователями. В процессе раскопок было выявлено около 100 различных объектов, 7 из которых являлись погребениями разного времени (от эпохи бронзы до Средневековья), 2 – очагами. Подавляющее большинство объектов представляло собой ямы хозяйственного назначения. Массовый материал, представленный в основном керамикой, отнесен авторами к двум обширным хронологическим периодам – эпохе бронзы и Средневековью. Слоев, достаточно уверенно относимых к той или иной эпохе, на раскопе выявить не удалось. К условному горизонту эпохи поздней бронзы отнесены скорченные погребения, круглодонный лепной сосуд, набор кремневых орудий (наконечник, ножевидная пластина, скребки), многочисленные фрагменты лепной керамики с пальцевыми вдавлениями по венчику. К эпохе Средневековья отнесены захоронения с бронзовой пряжкой, лощеными сосудами, ряд ям с фрагментами сероглиняной со следами лощения посуды и амфор «с перехватом». Материал, отнесенный авторами к Средневековью, датирован ими периодом от V – VI до IX – XI вв. н.э. Обращает на себя внимание практически полное отсутствие каких-либо строительных остатков, за исключением 2 объектов, интерпретированных как очаги [Мокрушин, Кутуков, 2018; Арх. ИА: № 61741; № 61743]. Отчет представлен в 40 томах. В процессе охранных раскопок кургана 2 группы Балка Хреева, проводившихся в июне 2016 г. отрядом под руководством И.Б. Тищенко, были исследованы 4 погребения и 4 объекта (раскопки производились в связи со строительством автомобильной дороги Новороссийск – Керченский пролив). По мнению исследователя, все погребения относились к эпохе бронзы, а основное, над которым была сооружена курганная насыпь, принадлежало майкопской культуре. Следует отметить, что его яма была перекрыта каменными плитами, одна из которых с двумя вырезанными кругами на лицевой стороне, двумя углублениями и пазом сбоку имела «схожесть с надгробной плитой, устанавливаемой вертикально» [Гей, 2017. С. 107; Арх. А: № 50549].

В период с 14 по 30 ноября 2016 г. экспедицией ООО «Кубаньархеология», возглавлявшейся А.А. Горошниковым, были произведены охранные раскопки участка поселения Виноградный-7, попавшего в зону строительства автомобильной дороги Новороссийск – Керченский пролив. Общая площадь раскопа составила 6650 кв. м. В процессе исследований было выявлено 5 хозяйственных ям и 3 объекта (остатки помещений хозяйственного назначения и каменных конструкций). Найдено более 7600 фрагментов стенок средневековых сосудов, более 460 фрагментов античных амфор, кости домашних и диких животных (855 ед.). Материалы подтвердили датировку поселения эпохой Античности (V – середина IV в. до н.э., II – III вв. н.э.) и Средневековья (VIII – XI вв.) [Арх. ИА: № 52174]. В том же полевом сезоне экспеди-

цией А.А. Горошникова по отдельному Открытому листу были проведены археологические разведки в зоне строительства второй нитки водовода от резервуара чистой воды на горе Чиркова до станицы Тамань. Общая протяженность водовода составляла 16,52 км, ширина полосы отвода – 20,5 м, обследуемая площадь – 33,9 га. В ходе работ было заложено 40 шурфов размером 1 х 2 м. В итоге были уточнены границы поселения античного и средневекового времени Тамань 14 [Арх. ИА: № 52168].

В 2016 г. экспедиция НП «Южархеология» под руководством В.В. Цыбрия произвела раскопки нескольких курганов в урочище Чеботарева Могила и югу от станицы Тамань. Исследования были связаны со строительством газопровода и угрозой разрушения кургана-2 группы 208, кургана-3 группы 210» и кургана-1 группы 211 (Тамань-36). В кургане-3 группы 210 выявлено 4 ограбленных и разрушенных погребений. Его первая насыпь была сооружена в виде каменной наброски над погребением, датированным эпохой бронзы. Вторая (земляная) насыпь была возведена над погребением раннего железного века. В кургане-1 группы 211 (Тамань-36) обнаружено 3 погребения; 2 из них – основное одиночное и впускное парное («сидящие на корточках»), по мнению исследователя, были совершены в эпоху энеолита, еще одно погребение, разрушенное в древности, представляло собой Т-образную катакомбу эпохи средней бронзы. В позднесредневековое время курганная насыпь использовалась как кладбище. На ее склонах и за пределами кургана было выявлено 29 погребений этого периода. Курган-2 группы 208 оказался недействующим грязевым вулканом [Арх. ИА: № 50381].

В марте–июне 2016 г. сотрудниками ООО «Кубаньохранкультура», возглавлявшимися Р.А. Корниенко, проводились археологические изыскания на территории Темрюкского района, связанные со строительством высоковольтной линии электропередачи протяженностью 51 км. Обследованная площадь составила 517,07 га. В процессе работ было заложено 69 шурфов общей площадью 276 кв. м, выявлен новый памятник – поселение Старотитаровская-21, 27 известных поселений и 4 кургана нанесены на картографический материал [Арх. ИА: № 55191].

В ноябре 2015 – мае 2016 г. археологическим отрядом ООО «Инженерно-технический центр специальных работ и экспертиз», под руководством Э.Д.Зиливинской, были проведены охранные исследования поселения и могильника Соленый-2. Территория памятника попадала в зону реконструкции автомобильной дороги Новороссийск – Керченский пролив. В ходе работ было обследовано 5 участков памятника общей площадью 33394,95 кв. м. Из них 9188,96 кв. м – методом археологического наблюдения и 24205,99 кв. м – методом археологических раскопок. Наиболее древним на исследованной территории был могильник эпохи ранней бронзы. К античному времени относились отдельные ямы и скопления керамики в культурном слое. В раскопы попала периферия поселения хазарского времени, зафиксированная хозяйственными ямами, двухкамерным гончарным горном и полуземлянкой. Названные хронологические горизонты перекрыл могильник XVII–XVIIIвв. Исследовано 163 погребения, совершенных по мусульманскому

обряду. Среди находок следует отметить значительную коллекцию турецких курительных трубок и небольшой клад из 15 серебряных испанских монет 1596–1625 гг., относящихся в большинстве ко времени правления Филиппа III [Зиливинская, 2018; Арх. ИА: № 51411; № 51412]. В мае 2016 г. тем же археологическим отрядом под руководством Э.Д. Зиливинской по отдельному Открытому листу проводилось наблюдение за строительными работами на участке автомобильной дороги Новороссийск – Керченский пролив, проходящем вдоль границы поселения Тузла-8. Изучаемый участок площадью 650 кв. м находился на самой окраине поселения. Культурный слой здесь не прослеживался. Выявлена 1 хозяйственная яма, обнаруженные материалы крайне немногочисленны и разнородны. Из 63 находок (преимущественно стенок сосудов) для датировки памятника имели значение ручка родосской амфоры II в. до н.э. и фрагмент горла амфоры римского времени. Найдены также 2 фрагмента стенок сосудов с зеленой поливой, которые могут быть датированы XV– XVIII вв. [Арх. ИА: № 50190]. Еще одним археологическим отрядом «Инженерно-технического центра», возглавлявшимся С.М. Ильяшенко, с ноября 2015 г. по июнь 2016 г. производились охранные раскопки поселения Балка Лисовицкого-2. Исследования были связаны со строительством автомобильной дороги Новороссийск – Керченский пролив. Общая площадь двух раскопов составила 19030 кв. м. Выявлены слои античного (I – III вв. н.э.) и средневекового (VII – конец XI в.) времени, открыты строительные остатки I –III вв. н.э. – помещения с глинобитными стенами на каменных цоколях и вымостки из плит, 2 комплекса, связанных с гончарным производством. На вскрытом участке памятника было исследовано около 150 хозяйственных ям и 16 погребений. В процессе раскопок получена представительная коллекция античной и средневековой керамики, лепных сосудов (кувшинов, горшков, светильников), найдены бронзовые монеты римского времени, украшения (подвески, фибулы), предметы быта (жернова, оселки, пряслица, ткацкие и рыболовные грузила, серпы), собран многочисленный палеозоологический материал. Было выявлено также несколько комплексов и предметов бронзового века – погребений, сосудов, фрагментов лепной керамики, кремневых изделий [Арх. ИА: № 52001].

В начале 2016 г. археологической экспедицией ООО «Георесурс–КБ» под руководством О.В. Сергеевой были проведены охранные исследования на двух поселениях, попадавших в полосу землеотвода под строительство газопровода. Работы производились по отдельным Открытым листам, выданным на имя О.В. Сергеевой, итоги исследований представлены в двух отчетах. В декабре 2015 – январе 2016 г. раскопки шли на поселении Старотитаровская-16, расположенном в 4,7 км к югу – юго-востоку от окраины станицы Старотитаровской. Было исследовано 6600 кв.м площади памятника, выявлено 87 хозяйственных ям, 6 котлованов построек, 2 очага, 3 погребения. Находки представлены фрагментами гончарной и лепной керамики, орудиями из камня, кости, железа, остеологическими материалами, относящимися к различным хронологическим периодам. Культурный слой поселения был

слабо насыщен. Наиболее ранние находки (фрагменты лепной керамики, орнаментированные валиком), представлявшие эпоху поздней бронзы, датировались XIV– X вв. до н.э. Немногочисленные находки античного времени (фрагменты хиосских, фасосских и гераклейских амфор) относились к V– IV вв. до н.э. Находками раннесредневекового времени являлись фрагменты двуручных амфор и лепных сосудов VI –VIII вв., орнаментированных защипами или пальцевыми вдавлениями. Наиболее многочисленные находки принадлежали турецкому времени (вторая половина XVII – начало XVIII в.) и представляли собой фрагменты поливных чаш, мисок, тарелок, кутахийских полуфаянсовых чашек, а также глиняные курительные трубки [Арх. ИА: № 52736]. В феврале–марте 2016 г. О.В. Сергеевой исследовалось поселение Радуга (поселение у отд. № 3 свх Радуга), расположенное в 3,2 км к западу-юго-западу от поселка Белый, выявленное А.В. Сурковым в 2015 г. в ходе разведок по трассе проектируемого газопровода. В раскопе, общая площадь которого составляла 9000 кв. м, был исследован слабонасыщенный культурный слой. В процессе работ выявлено 116 объектов: многочисленные хозяйственные ямы, 5 землянок, 4 санитарные ямы, колодец, 2 погребения. Находки представлены фрагментами гончарной керамики и лепных сосудов, орудиями из камня, кости, железа, остеологическими материалами. Немногочисленными находками античного времени были фрагменты греческих амфор (преимущественно хиосских, синопских и амфор Северной Эгеиды), датируемых второй половиной V – IV в. до н.э. Более многочисленными являлись находки турецкого периода (конец XVII – XVIII вв.): фрагменты поливных чаш, мисок, тарелок, а также глиняные курительные трубки. К этому периоду относились практически все хозяйственные ямы, землянки и оба тандыра, один из которых был устроен в яме [Арх. ИА: № 52716].

В 2016 г. под эгидой ЗАО «ОКН–проект» было организовано три коллектива сотрудников, занимавшихся археологическим обследованием земельных участков, попадавших в зону проектируемых строительных работ. Экспедиция под руководством М.А. Деняева проводила разведки по трассе высоковольтной линии электропередачи на территории 5 районов и города-курорта Анапа. Протяженность трассы в пределах Темрюкского района составляла 15,165 км, ширина полосы отвода – 28м, площадь обследуемого участка – 42, 46 га. На этой площади был выявлен и занесен в реестр памятников новый курган Камышеватый-1, а также обследован известный ранее памятник этого типа, названный в отчете «Курган» (Белый-3) [Арх. ИА: №53201]. Коллектив, возглавлявшийся М.В. Дмитриенко, занимался обследованием землеотводов под различное промышленное строительство на территории 6 районов Краснодарского края. В границах Темрюкского района археологическое обследование было проведено вблизи поселка Белый, в зоне реконструкции автомобильной дороги Новороссийск – Керченский пролив. В результате шурфовочных работ в 1 км к юго-востоку от центра поселка Белый было выявлено поселение Белое Восточное, имеющее, по мнению исследовательницы, широкие хронологические рамки – от эллинистического времени (IV–III вв. до н.э.) до Средневековья (VIII–X вв.) [Арх. ИА:

№ 51584]. Под руководством Н.С. Щербаковой, работавшей в Ростовской области и Краснодарском крае, осенью 2016 г. было проведено археологическое обследование 4 земельных участков, отводимых под строительство нефтяных скважин вблизи станицы Старотитаровской. Землеотводы находились в охранных зонах поселений Старотитаровская-9 и Старотитаровская-10, расположенных в 1–1,3 км к северу от окраины станицы. Общая обследованная площадь составила 6,77 га. В процессе работ было заложено 6 шурфов размерами 1 х 2 м [Арх. ИА: № 51964].

В 2016 г. коллективом сотрудников ООО «Центр реставрации и сохранения памятников» (ЦРСП), возглавлявшимся А.Л. Исаковым, были произведены охранные раскопки поселения Тузла-23, кургана 2 группы Тузлинская-5 и кургана 2 группы «Таманская юго-западная», расположенных в зоне строительства газопровода в юго-западных районах Краснодарского края. Визуальное обследование территории поселения, находившегося в 3,8 км к западу от окраины станицы Тамань, не выявило на его поверхности подъемного материала. Для проведения исследований был разбит раскоп, площадь которого с прирезкой составила 534 кв. м. На вскрытой площади зафиксированы 2 «жилищные конструкции», относившиеся к позднему Средневековью. По заключению автора отчета, поселение было изучено полностью. Курган 2 группы Тузлинская-5 был уничтожен в 2004 г. при заборе грунта для отсыпки косы Тузла. Курган 2 группы Таманская юго-западная (выявлена в 2015 г.) оказался естественной возвышенностью [Арх. ИА: № 50624].

Такова общая картина археологических исследований на Таманском полуострове в 2013–2016 гг. Никогда в предшествующее время они не достигали столь широкого размаха, что объясняется чрезвычайно большим увеличением новостроечных и хоздоговорных работ. В 2013 г. общая раскопанная площадь на памятниках поселенческого характера и грунтовых могильниках составила 12000 кв. м, в 2014 – 30735, в 2015 – 290712, в 2016 – 261821 кв. м. За четыре полевых сезона было раскопано 595248 кв. м, или 59,52 га. Трудно представить себе эту площадь. Переводя ее на язык бытовой образности, можно сказать, что она равна 79 футбольным полям (с дополнительной 1/3 поля). Если эти 79 футбольных полей выстроить вереницей, получится взлетно-посадочная полоса шириной 75 и длиной 7936 м. Усилия и труды более ста исследовательских коллективов (экспедиций и отрядов) принесли настолько огромное количество материала различных эпох, что сейчас представляется преждевременным говорить о его научном анализе и обобщениях. Можно лишь в самом предварительном виде отметить явления и тенденции, проявившиеся при раскопках курганных и грунтовых могильников и древних поселений. Прежде всего это относится к памятникам эпохи бронзы. Если еще недавно о курганах этого времени говорилось с целью привлечения к ним внимания, то после исследований 2013–2016 гг. стало очевидным, что большинство курганов Таманского полуострова было возведено в эпоху ранней и средней бронзы. Об этом свидетельствуют раскопки 3 курганов у поселка За Родину (В.Ю. Кононов, 2013–2014), 2 курганов в урочище Колодькова Могила (П.С. Успенский, 2014), 2 курганов у поселка Волна (В.Г.Житников, 2014;

С.М.Ильяшенко, 2015), 12 курганов у станицы Старотитаровской (Д.А.Яцюк, 2014), курганов Камышеватая-II и Могила Хуторницкая (Р.В. Прокофьев, 2015), кургана Тамань-83 (И.Н. Наумов, Е.П. Мыськов, 2015), кургана Сенной-43 (А.В.Иванов, 2015), кургана у поселка Виноградный (Д.А.Карпов, 2016), 2 курганов у станицы Вышестеблиевской (А.Н. Гей, 2016), 2 курганов у станицы Курчанской (Н.Ф.Шевченко, 2016), кургана у балки Хреева (И.Б. Тищенко, 2016) и 2 курганов в урочище Чеботарева Могила (В.В. Цыбрий, 2016). Среди этих исследований следует отметить открытие А.Н. Геем в курганах у Вышестеблиевской погребений ямной, катакомбной и срубной культур, по многим признакам отличающихся от таких же комплексов с нижнего течения Кубани и из Восточного Приазовья, зато имеющих целый ряд общих черт с синхронными материалами степного Крыма и южных областей Украины, а также открытие Д.А.Яцюком в одном из курганов у Старотитаровской каменного кромлеха и расположенных под ним по кругу 24 погребений майкопской культуры, совершенных в каменных ящиках или в ямах, частично обложенных камнем.

Новая глава в археологии Таманского полуострова, посвященная поселениям эпохи поздней бронзы и переходного периода от поздней бронзы к античному времени, была открыта на предыдущем этапе исследованиями В.Г. Житникова, С.И.Безуглова и Н.С. Морозовой поселения Волна-1. Содержание этой главы в рассматриваемое время было наполнено материалами из раскопок новых поселений этой эпохи: Старотитаровская-20 и Юбилейный-14 (О.В. Сергеева, 2015), Ильич-1 (О.В.Шаров и С.Л. Соловьев, 2015), Балка Хреева-1 (А.В. Дмитриев и О.Ф. Жупанин, 2015–2016), Балка Хреева-2 (А.А. Глухов, 2015), Балка Хреева-3 (В.П. Мокрушин и Д.В. Кутуков, 2016), Старотитаровская-16 (О.В. Сергеева, 2016). Следует отметить открытие О.В.Шаровым в западной береговой части поселения Ильич-1 объектов и комплексов поздней бронзы, представлявших собой каменное «водохранилище», несколько колодцев и больших ям, вырубленных в слое железистого песчаника, являвшихся, скорее всего, частью системы водоснабжения поселения, которое датируется XII–IX вв. до н.э. и относится к сабатиновской культуре и, возможно, к началу протомеотской эпохи.

Исследования в 2013–2016 гг. ряда грунтовых могильников античного времени может существенно изменить и дополнить традиционные представления о погребальном обряде и общем укладе жизни на Таманском полуострове в ту эпоху. Первыми среди этих памятников являются два выдающихся могильника – некрополь Артющенко-2, открытый и исследуемый С.В. Кашаевым, и могильник Волна-1, открытый И.В. Цокур, раскапывавшийся ею (2015–2016) и П.С. Успенским (2016). Оба памятника прежде всего выделяются присутствием в них большого числа раннеантичных погребений VI–V вв. до н.э. И ранние некрополи, и могильники эллинистического времени отличаются разнообразием погребальных сооружений, характерных черт обряда и инвентаря. К последним относятся грунтовый могильник IV–I вв. до н.э. на поселении Волна-6 – раскопки В.В. Бочкового, 2014–2015; некрополь IV–Iвв. до н.э. на поселении Виноградный-7 (Гора Чиркова-1) – раскопки Н.И. Сударева

(2015–2016) и А.Н. Свиридова (2016); Грунтовый могильник Виноградный северо-восточный-2 IV–II вв. до н.э. – раскопки Д.А. Карпова (2016).

Выше были приведены цифры общего объема охранных исследований 2013–2016гг. Столь масштабные раскопки, казалось бы, могли очень многое прояснить относительно внутренней структуры памятников поселенческого характера. Однако в этой области имеется лишь два примера: открытие большого района сплошной застройки конца V – II в. до н.э. на поселении Волна-1, явившееся ярким эпизодом в археологии Таманского полуострова античного времени [Житников, 2016], а также полностью изученное поселение позднего Средневековья – нового времени Волна-12, «рыхлая» структура которого выразительно характеризует небольшую пастушескую деревню, какие видел и описывал Эвлия Челеби (раскопки О.В. Шарова и Б.А. Раева в 2013 г. и А.А. Горошникова в 2014, 2015 гг.). В этом нет ничего удивительного. Колоссальные размеры исследованных площадей и накопленного материала требуют много времени и труда на их обработку и осмысление. Вероятно, итоги работ 2013–2016 гг. еще очень нескоро станут полноценным источником и достоянием науки. Введение их в научный оборот замедляется также ограниченными публикационными возможностями. В этом аспекте в выгодном положении находятся традиционные коллективы, такие как Фанагорийский научный центр, экспедиции ИА и ИИМК РАН, центральных музеев, исследования которых по числу публикаций многократно (не менее чем в 10 раз) превосходят новостроечные исследования. Однако по объему исследования традиционных коллективов в рассматриваемое время (10973 кв. м) в 54 раза уступают объему новостроечных и хоздоговорных работ. Таким образом, общая диспропорция в соотношении объемов исследований к публикациям превышает пятисоткратную. Такова реальность. Не будем касаться некоторых тенденций, проявившихся в несданных отчетах, перекраивании археологической карты и других подобных явлений, связанных в ряде случаев с низким уровнем ответственности и профессиональной подготовки исследователей. Эти тенденции основаны на конъюнктурных соображениях и рыночных подходах к исследованию памятников, они не связаны с нашей темой и требуют особого рассмотрения. Основная задача данной статьи имеет собирательный характер. Напомним, что главной ее целью является создание общей картины археологических исследований на Таманском полуострове в совершенно особые годы (2013–2016), целиком преобразившие их характер. Можно сказать, что после этих лет ни сама археология, ни отношение к памятникам, ни методы их исследования уже не будут прежними.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Абрамзон М.Г. Фанагория, Эгеида и Малая Азия накануне I Митридатовой войны (по данным монетных кладов) // XIV БЧ. 2013. С. 5–10.

Абрамзон М.Г., Сударев Н.И. Древнерусские и византийские монеты X–XI вв.из некрополя

поселения Виноградный-7 // Средневековая нумизматика Восточной Европы. М. 2018. С. 81–90.

Абрамова А.Н. Предварительные результаты антропологического исследования населения, оставившего некрополь Грунтовый могильник Волна-1 // Археологические исследования на территории строящегося терминала СУГ и Таманского терминала навалочных грузов. Краснодар. 2017. С. 33–35.

Азиатский Боспор и Прикубанье в доримское время. Материалы Международного Круглого стола 7–8 июня 2016 г. / Науч. ред. Д.В. Журавлев, У Шлотцауер. М., 2016.

Белов М.А., Горошников А.А., Раев Б.А., Шаров О.В. Опыт комплексного исследования пастушеских поселений нового времени на Таманском полуострове (по материалам раскопок аула Тереклыкой // Охрана и сохранение археологического наследия Тамани при реализации строительства Таманского терминала СУГ и нефтепродуктов. Краснодар, 2016. С. 16–31.

Бонин А.В. Городище и поселение Ильичевка (Краснодарский край, Темрюкский район) // Города, поселения, некрополи. Раскопки 2016. Материалы спасательных археологических исследований. Том 19. М., 2017. С. 26–31.

Бонин А.В. Охранно-спасательные работы на городище и поселении Ильичевка в Темрюкском районе // АО 2016. М., 2018. С. 203–205.

Бонин А.В., Шаров О.В. Н.И. Сокольский и его батарейки (от укреплений к поселениям) // XVII БЧ. 2016. С. 57–62.

Бочковой В.В., Булах Е.Н. Предварительные результаты исследования поселения Волна-6 за 2014–2015 гг. // Охрана и сохранение археологического наследия Тамани при реализации строительства Таманского терминала СУГ и нефтепродуктов. Краснодар, 2016. С. 32–42.

Виноградов Ю.А. Исследования античного поселения Артющенко-1 // АО 2016. М., 2018. С. 205–207.

Виноградов Ю.А. Основные итоги изучения священного участка поселения Артющенко-1 (Таманский полуостров) // XX БЧ. 2019. С. 110–115.

Виноградов Ю.А. Новые исследования на западной окраине поселения Артющенко-1 // БИ. Вып. XL. 2020. С. 64–85.

Волкодав Н.В., Устаева Э.Р., Шевченко Н.П. Археологические объекты и раскопки в зоне строительства Таманского терминала навалочных грузов ЗАО «Таманьнефтегаз» // Охрана и сохранение археологического наследия Тамани при реализации строительства Таманского терминала СУГ и нефтепродуктов. Краснодар, 2016. С. 43–56.

Ворошилов А.Н., Ворошилова О.М. О новых находках эллинистических каменных «ящиков» в Фанагории // ТГИМ. Вып. 201. М., 2014. С. 23–28.

Ворошилов А.Н., Ворошилова О.М., Гарбузов Г.П., Завойкин А.А., Кузнецов В.Д., Кузьмина Ю.Н., Ольховский С.В. Археологические исследования в Фанагории // АО 2014. М., 2016. С. 168–171.

Ворошилов А.Н., Ворошилова О.М., Жуковский М.О., Кузнецов В.Д. Курган Боюр-Гора (Буерова Могила) – усыпальница элиты столицы Азиатского Боспора // БФ. Элита Боспора и Боспорская элитарная культура. СПб., 2016. С. 147–164.

Ворошилова О.М., Ворошилов А.Н. Об организации пространства некрополя Фанагории // XIV БЧ. 2013. С. 111–116.

Ворошилова О.М., Ворошилов А.Н. Новые материалы о планиграфии некрополя Фанагории // Шестая Международная Кубанская археологическая конференция. Краснодар. 2013а. С. 76–78.

Гайдашев А.В., Каргин Ю.Ю., Мамонтов В.И., Матаев В.В., Сурков А.В. Охранные раскопки и разведки на территории Краснодарского края и Ростовской области в 2014–2015 гг. // АО 2015. М., 2017. С. 216–222.

Гараев И.А., Цокур И.В. Ножи. Типология погребального инвентаря из погребений Грунтового могильника Волна-1 (предварительный анализ) // Археологические исследования на территории строящегося терминала СУГ и Таманского терминала навалочных грузов. Краснодар. 2017. С. 44–57.

Гарбузов Г.П. Земельные ресурсы Боспора // XVI БЧ. 2015. С. 77–87.

Гей А.Н. Схематическая антропоморфная стела с Таманского полуострова // КСИА. Вып. 249. Ч. I. 2017. С. 102–111.

Гей А.Н., Клещенко А.А., Юнкин Д.А. Курганы в зоне строительства подъездных путей к Керченскому мосту (Краснодарский край, Темрюкский район) // Города, поселения, некрополи. Раскопки 2016. Материалы спасательных археологических исследований.Том 19. М., 2017. С. 50–53.

Горошников А.А., Шаров О.В. Исследования поселения Волна-12 в 2013–2015 гг. // Археологические исследования на территории строящегося терминала СУГ и Таманского терминала навалочных грузов. Краснодар, 2017. С. 87–89.

Гунчина О.Л. Исследование металлов в Фанагорийском научном центре // XVII БЧ. 2016. С. 140–142.

Добровольская Е.В. Археологические объекты Фанагории в контексте времени // XIV БЧ. 2013. С. 128–136.

Добровольская Е.В., Завойкин А.А. Костные остатки зверей и птиц из объектов на «Верхнем городе» Фанагории // XV БЧ. 2014. С. 119–130.

Житников В.Г. Некоторые итоги археологических исследований поселения Волна-1 в 2012–2014 гг. // Охрана и сохранение археологического наследия Тамани при реализации строительства Таманского терминала СУГ и нефтепродуктов. Краснодар, 2016. С. 57–65.

Журавлев Д.В., Батасова А.В., Кудряшова А.И., Фирсов К.Б., Шлотцауер У. Раскопки поселений Голубицкая-2 и Стрелка-2 на Таманском полуострове // АО 2016. М., 2018. С. 210–212.

Журавлев Д.В., Батасова А.В., Строков А.А., Фирсов К.Б. Работы на Таманском полуострове // АО 2014. М., 2016. С. 181–183.

Журавлев Д.В., Батасова А.В., Строков А.А., Фирсов К.Б. Работы на северо-востоке Таманского полуострова // АО 2015. М., 2017. С. 224–226.

Журавлев Д.В., Батасова А.В., Шлотцауер У. Оборонительный ров поселения Голубицкая-2 // XX БЧ. 2019. С. 183–192.

Журавлев Д.В., Ломтадзе Г.А., Строков А.А. Комплекс амфорной тары второй половины V в. до н.э. с поселения Голубицкая-2 // ДБ. Т. 24. 2019. С. 218–231.

Журавлев Д.В., Саблин М.В., Строков А.А. Захоронения собак на поселении Голубицкая-2 // Азиатский Боспор и Прикубанье в доримское время. Материалы Международного круглого стола. М., 2016. С.34–37.

Журавлев Д.В., Фирсов К.Б. Котлован для добычи глины (?) в районе поселения Голубицкая-2 // Шестая Международная Кубанская археологическая конференция. Краснодар. 2013. С. 123–128.

Журавлев Д.В., Шлотцауер У. Некоторые итоги работ Боспорской археологической экспеди-

ции на Таманском полуострове. 2006–2013 гг. // ТГИМ. Вып. 201. М., 2014. С. 150–186.
Журавлев Д.В., Шлотцауер У. О дате основания поселения Голубицкая-2 //XV БЧ. 2014а. С. 139–148.
Журавлев Д.В., Шлотцауер У. 10 лет Боспорской археологической экспедиции // Азиатский Боспор и Прикубанье в доримское время. Материалы Международного круглого стола. М., 2016. С. 5–6.
Журавлев Д.В., Шлотцауер У., Батасова А.В., Фирсов К.Б., Хеллстрём К. Исследования на северо-востоке Таманского полуострова // АО 2010–2013. М., 2015. С. 357–359.
Журавлев Д.В., Шлотцауер У., Камелина Г.А., Строков А.А., Фирсов К.Б., Батасова А.В. Раскопки поселения Голубицкая-2 на Таманском полуострове // АО 2010–2013. М., 2015. С. 359–361.
Завойкин А.А. Амфоры Хиоса в Фанагории // Шестая Международная Кубанская археологическая конференция. Краснодар, 2013. С.129–134.
Завойкин А.А. Амфоры Хиоса в контексте истории Фанагории // ДБ. Т. 17. 2013а. С. 132–152.
Завойкин А.А. Амфоры «самос/милет» в Фанагории: некоторые проблемы хронологии (краткие тезисы доклада) // XV БЧ. 2014. С. 160–167.
Завойкин А.А. Природный фактор и физический облик поселений Азиатского Боспора // XVI БЧ. 2015. С. 121–129.
Завойкин А.А., Кузнецов В.Д. Некоторые проблемы урбанистики Фанагории в V в. до н.э. // XIV БЧ. 2013. С. 162–169.
Завойкина Н.В. Антропонимия Фанагории как исторический источник // XIVБЧ. 2013. С. 170–175.
Завойкина Н.В. Граффити на керамике позднеархаического времени из Фанагории // Азиатский Боспор и Прикубанье в доримское время.М., 2016. С. 42–45.
Завойкина Н.В. Новое торговое граффито из Фанагории // XVIII БЧ. 2017. С.151–158.
Завойкина Н.В. Список пожертвований с упоминанием Фанагора третьей четверти VI в. до н.э. из Фанагории // БФ. Общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира. Ч. 1. СПб., 2018. С. 292–299.
Застрожнова Е.Г. Археологические раскопки Фанагории в 1852–1855 гг. (по материалам полевого журнала К.Р. Бегичева) // XIV БЧ. 2013. С. 176–181.
Застрожнова Е.Г. Об одном типе кремации некрополя Фанагории (к вопросу о датировке археологических комплексов из раскопок XIX в. // XV БЧ. 2014. С. 168–171.
Застрожнова Е.Г. Извержения грязевых вулканов Таманского полуострова в контексте археологического изучения региона (конец XVIII – первая половина XIX вв.) // XVI БЧ. 2015. С. 130–135.
Захаров Е.В. Раскопки на поселении Гаркуша-1 (Патрей) // АО 2014. М., 2016. С. 183–184.
Захаров Е.В., Чижиков В.В. Исследования на поселении Гаркуша-1 (Патрей) в 2012–2013 гг. // АО 2010–2013. М., 2015. С. 361–363.
Зиливинская Э.Д. Спасательные работы на поселении и могильнике Соленый-II на Таманском полуострове // АО 2016. М., 2018. С. 212–214.
Иванов А.В., Сударев Н.И. Курган 44/45 некрополя Кеп и его место среди других погребальных памятников Азиатского Боспора // ДБ. Т. 21. 2017. С. 160–189.
Ильина Т.А. Результаты исследования Таманского городища (по материалам 2005–2015 гг.) // Азиатский Боспор и Прикубанье в доримское время. М., 2016. С. 51–56.
Ильина Т.А., Чхаидзе В.Н. Результаты исследований Таманского городища (по материалам

2005–2012 гг.) // Шестая Международная Кубанская археологическая конференция. Краснодар. 2013. С. 154–156.

Карпов Д.А., Сударев Н.И. Виноградный северо-восточный-2, Виноградный северо-восточный-3, курганная группа (10 насыпей) (Краснодарский край, Темрюкский район) // Города, поселения, некрополи. Раскопки 2016. Материалы спасательных археологических исследований. Том 19. М., 2017. С. 74–87.

Кашаев С.В. Анализ различных групп инвентаря из некрополя Артющенко-2 // XIV БЧ. 2013. С. 230–235.

Кашаев С.В. Ойнохои в погребальном обряде некрополя Артющенко-2 //Погребальная культура Боспорского царства. Материалы Круглого стола, посвященного 100-летию со дня рождения Михаила Моисеевича Кубланова. СПб., 2014. С. 114–121.

Кашаев С.В. Краснофигурный килик с поселения Вышестеблиевская-3 // БИ. Вып. XXXI. 2015. С. 268–285.

Кашаев С.В. Парные погребения в некрополе Артющенко-2 // Элита Боспора и Боспорская элитарная культура. Материалы Международного круглого стола. СПб., 2016. С. 173–181.

Кашаев С.В. Амфоры из детских погребений на некрополе Артющенко-2 // XVIII БЧ. 2017. С. 238–244.

Кашаев С.В. Погребальные обряды сельских некрополей Артющенко-2 и Панское-1 // БФ. Общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира. Ч. 1. СПб., 2018. С. 265–270.

Кашаев С.В. Амфоры из детских погребений на некрополе Артющенко-2 // БИ. Вып. XXXVI. 2018а. С. 177–189.

Кашаев С.В. Некрополь Артющенко-2. Результаты работ 2003–2018 гг. // XX БЧ. 2019. С. 284–293.

Кашаев С.В. Стеклянные сосуды из раскопок некрополя Артющенко-2 // XXI БЧ. 2020. С. 166–174.

Кашаев С.В., Виноградов Ю.А., Павлова М.С., Цинько А.С. Работы Таманского отряда Боспорской экспедиции ИИМК РАН в 2010–2013 гг. // АО 2010–2013. М., 2015. С. 371–372.

Кашаев С.В., Виноградов Ю.А., Цинько А.С. Работы Таманского отряда Боспорской экспедиции ИИМК РАН // АО 2014. М., 2016. С. 184–186.

Кашаев С.В., Огарков К.А., Цинько А.С. Работы Таманского отряда Боспорской экспедиции ИИМК РАН // АО 2015. М., 2017. С. 226–228.

Кашаев С.В., Огарков К.А., Цинько А.С. Работы Таманского отряда Боспорской экспедиции ИИМК РАН // АО 2016. М., 2018. С. 214–215.

Кашаев С.В., Павличенко Н.А. О датировке письма на остраконе с поселения Вышестеблиевская-3 // XV БЧ. 2014. С. 219–225.

Кашаев С.В., Павличенко Н.А. Новый источник о землепользовании на Азиатском Боспоре в IV в. до н.э. // БИ. Вып. XXXII. 2016. С. 12–32.

Кашаев С.В., Павличенко Н.А. Коллекция керамических клейм с поселения Вышестеблиевская 3 // АВ. № 25. 2019. С. 77–94.

Кашаев С.В., Павлова М.С., Цинько А.С. Пятнадцать лет Таманскому отряду Боспорской экспедиции ИИМК РАН // БФ. Греки и варвары на Евразийском перекрестке. СПб., 2013. С. 775–779.

Кашаев С.В., Сударев Н.И. Традиция погребения в сырцовых гробницах в некрополях Та-

манского полуострова Артющенко-2 и Виноградный-7 // БИ. Вып. XL. 2020. С. 26–46.

Кладченко О.В., Горошникова З.В. Опыт применения классификации керамики поселения Волна-12 на материалах керамического комплекса поселения Кенегез Восточный (Респ. Крым) // Археологические исследования на территории строящегося терминала СУГ и Таманского терминала навалочных грузов. Краснодар, 2017. С. 90–94.

Клемешова М.А., Ломтадзе Г.А. Некоторые особенности керамического комплекса II–I вв. до н.э. поселения Ахтанизовская-4 // БФ. Общее и особенное в культурно-историческом пространстве античного мира. Ч. 2. СПб., 2018. С. 310–317.

Кореневский С.Н. Разведки культурного слоя поселения Тузла 15 // АО 2014. М., 2016. С. 186–188.

Кореневский С.Н., Сударев Н.И. Разведочные раскопки поселения Тузла-15 в 2012 г. // Шестая Международная Кубанская археологическая конференция. Краснодар, 2013. С. 198.

Кузнецов В.Д. Раннесредневековый дом в Фанагории // ДБ. Т. 20. 2016. С. 308–319.

Кузнецов В.Д. Архаический дом из Фанагории // Причерноморье в античное и раннесредневековое время. Вып. 2. Сборник научных трудов, посвященный 70-летию профессора В.П. Копылова. Ростов-на-Дону, 2018. С. 99–106.

Кузнецов В.Д., Ворошилов А.Н., Гарбузов Г.П., Завойкин А.А., Ольховский С.В., Шорунова Ю.Н. Открытия в Фанагории // АО 2015. М., 2017. С. 230–233.

Кузнецова Е.В. К вопросу о торговых связях Фанагории в VI–V вв. до н.э. // Шестая Международная Кубанская археологическая конференция. Краснодар, 2013. С. 219–223.

Кузнецова Е.В. Исследования на поселении Тамань-3 в 2015–2016 гг. // АО 2016. М., 2018. С. 215–217.

Кузьмина Ю.Н., Камелина Г.А. Лепная керамика Фанагории из комплексов конца VI – начала V вв. до н.э. // Азиатский Боспор и Прикубанье в доримское время. М., 2016. С. 61–63.

Ломтадзе Г.А. Комплекс находок архаического времени из раскопок поселения Ахтанизовская 4 // ДБ. Т. 17. 2013. С. 216–231.

Ломтадзе Г.А. Исследования Таманской археологической экспедиции Исторического музея в 2010–2013 гг. // АО 2010–2013. М., 2015. С. 384–386.

Ломтадзе Г.А. К вопросу о датировке оборонительных сооружений поселения Ахтанизовская-4 // С Митридата дует ветер. Боспор и Причерноморье в Античности. К 70-летию В.П. Толстикова. М., 2015а. С. 151–163.

Ломтадзе Г.А. Работы Таманской археологической экспедиции Исторического музея на античных памятниках Азиатского Боспора // Азиатский Боспор и Прикубанье в доримское время. М., 2016. С. 71–75.

Ломтадзе Г.А. Исследования античного памятника Ахтанизовская-4 на Таманском полуострове // АО 2015. М., 2017. С. 235–236.

Ломтадзе Г.А. Исследования античного памятника на северо-востоке Таманского полуострова – Ахтанизовская-4 // АО 2016. М., 2018. С. 220–222.

Медведев А.П. О начале римской эпохи в культуре Фанагории // Шестая Международная Кубанская археологическая конференция. Краснодар, 2013. С. 278–281.

Медведев А.П. Погребальные комплексы на территории Восточного некрополя Фанагории // Причерноморье в античное и раннесредневековое время. Сборник научных трудов, посвященный 65-летию профессора В.П. Копылова. Ростов-на-Дону, 2013а. С. 174–186.

Медведев А.П. Склеп погребения 54 Восточного некрополя Фанагории // Причерноморье в античное и раннесредневековое время. Вып. 2. Сборник научных трудов, посвящен-

ный 70-летию профессора В.П. Копылова. Ростов-на-Дону, 2018. С. 198–207.

Мимоход Р.А., Успенский П.С. Античность Тамани и средний бронзовый век на юге Среднего Подонья // Города, поселения, некрополи. Раскопки 2016. Материалы спасательных археологических исследований. Том 19. М., 2017. С. 120–125.

Мокрушин В.П., Кутуков Д.В. Археологические исследования на территории Краснодарского края // АО 2016. М., 2018. С. 222–223.

Ольховский С.В. Дистанционные исследования в акватории Фанагории // Азиатский Боспор и Прикубанье в доримское время. М., 2016. С. 82–83.

Пантикапей и Фанагория. Две столицы Боспорского царства. М., 2017.

Паромов Я.М. Археологическая карта Таманского полуострова // Деп. ИНИОН РАН. № 47103 от 1.10.1992. М., 1992.

Прокофьев Р.В. Большой курган у Кизилташского лимана (Могила Хуторницкая, 2016 г.) // Материалы Международной научной конференции, посвященной 75-летию ученого-кавказоведа Ю.Н.Воронова. Сухум, 2018. С. 99–106.

Свиридов А.Н., Язиков С.В., Суханов Е.В. Новые средневековые погребения с Таманского полуострова // БИ. Вып. XXXVIII. 2019. С. 256–298.

Свиридов А.Н., Язиков С.В., Топоривская М.А. Поселение Гора Чиркова-1 (Краснодарский край, Таманский полуостров) // Города, поселения, некрополи. Раскопки 2016. Материалы спасательных археологических исследований. Том 19. М., 2017. С. 174–177.

Селивантьев О.А., Цокур И.В. Бронзовая посуда в погребениях некрополя Грунтовый могильник Волна-1 // Археологические исследования на территории строящегося терминала СУГ и Таманского терминала навалочных грузов. Краснодар, 2017. С. 58.

Соколов В.В. Карта древних поселений и могильников в районе станицы Таманской // ИТУАК. № 56. Симферополь, 1919. С. 39–59.

Соловьев С.Л. Охранная археология в зоне мостового перехода через Керченский пролив (из опыта работы Античной новостроечной экспедиции ИИМК РАН) // Бюллетень ИИМК РАН: (охранная археология). № 6. СПб., 2017.

Сударев Н.И. Погребения некрополя Виноградный-7 (раскопки 2015–2016 гг.) // Элита Боспора и Боспорская элитарная культура. Материалы Международного круглого стола. СПб., 2016. С. 333–340.

Сударев Н.И. Погребения некрополя Виноградный-7 (Краснодарский край, Темрюкский район) // Города, поселения, некрополи. Раскопки 2016. Материалы спасательных археологических исследований. Том 19. М., 2017. С. 182–189.

Сударев Н.И., Кашаев С.В. История исследования поселения Виноградный-7 и работы на памятнике в 2015 г. // XVII БЧ. 2016. С. 471–480.

Сударев Н.И., Кашаев С.В. Импортные мегарские чаши из некрополя у поселения Виноградный-7 // XVIII БЧ. 2017. С. 536–543.

Сударев Н.И., Кашаев С.В. Импортные мегарские чаши из некрополя у поселения Виноградный-7 // БИ. Вып. XXXVII. 2018. С. 197–224.

Сударев Н.И., Кашаев С.В. Традиция погребения в сырцовых гробницах в некрополях Таманского полуострова Артющенко-2 и Виноградный-7 // XIX БЧ. 2018а. С. 476–484.

Сударев Н.И., Кашаев С.В. Результаты исследований поселения Виноградный-7 в 2015–2016гг. // XX БЧ. 2019. С. 555–563.

Сударев Н.И., Соловьев С.Л., Шаров О.В. Население северо-западной части Таманского полуострова накануне и в период греческой колонизации // XXX КЧ. Карачаевск, 2018. С. 263–265.

Супренков А.А. Поселение Гора Чиркова-1 – история исследований и новейшие раскопки // XVII БЧ. 2016. С. 481–485.

Супренков А.А., Дмитриева Е.Н. Серебряный перстень с инталией и другие античные находки из раскопок на поселении Гора Чиркова-1 в 2015 г. // ДБ. Т. 21. 2017. С. 364–370.

Супренков А.А., Науменко В.Е., Пономарев Л.Ю. Раскопки на поселении Гора Чиркова-1 // АО 2015. М., 2017. С. 243–245.

Супренков А.А., Науменко В.Е., Пономарев Л.Ю. Поселение VIII–IX вв. Гора Чиркова-1 на Таманском полуострове (краткий обзор по результатам раскопок 2015 г.) // Хазарский альманах. Том 15. М., 2017а. С. 236–280.

Супренков А.А., Науменко В.Е., Пономарев Л.Ю. Северо-восточный участок поселения VIII–Хвв. Гора Чиркова-1: хозяйственные комплексы группы 3 (по итогам раскопок 2015 г.) // БИ. Вып. XXXVII. 2018. С. 263–301.

Супренков А.А., Науменко В.Е., Пономарев Л.Ю. Поселение VIII–X вв. Гора Чиркова-1 на Таманском полуострове: хозяйственные ямы группы 4 (по итогам раскопок 2016 г.) // История и археология Крыма. Вып. X. Симферополь, 2019. С. 205–249.

Супренков А.А., Рукавишникова И.В., Требухина Н.Ю. Предметы искусства из раскопок раннесредневекового поселения Гора Чиркова-1 // XXI БЧ. 2020. С. 342–348.

Терещенко А.Е. Ранняя чеканка Фанагории // БИ. Вып. XXXI. 2015. С. 296–308.

Успенский П.С., Мимоход Р.А. Раскопки курганных могильников на Таманском полуострове // АО 2014. М., 2016. С. 208–211.

Финогенова С.И., Ильина Т.А. Результаты исследования Таманского городища (по материалам 2010–2013 гг.) // АО 2010–2013. М., 2015. С. 431–433.

Цокур Д.В. О предметах вооружения в погребениях некрополя Грунтовый могильник Волна-1 (по материалам 2015–2016 гг.) // Археологические исследования на территории строящегося терминала СУГ и Таманского терминала навалочных грузов. Краснодар, 2017. С. 59–61.

Цокур И.В. Грунтовый могильник Волна-1 // ДБ. Т. 20. 2016. С. 493–500.

Цокур И.В., Аликаева Л.В., Редикульцева Н.В., Метелькова И.А., Молева Т.М., ТихоноваА.И., Ширинин Е.А. Грунтовый могильник Волна-1 – античный некрополь, расположенный в юго-западной части Таманского полуострова Краснодарского края. Результаты работ на памятнике в 2017 г. // Археологические исследования на территории строящегося терминала СУГ и Таманского терминала навалочных грузов. Краснодар, 2017. С. 62–67.

Цокур И.В., Селивантьев О.Н., Горболь Н.Ю. Мечи-акинаки из грунтового могильника Волна-1 (Темрюкский район Краснодарского края) // XXIX КЧ. Грозный, 2016. С. 119–120.

Цокур И.В., Селивантьев О.Н., Шереметьева Н.А. Грунтовый могильник Волна-1 // Охрана и сохранение археологического наследия Тамани при реализации строительства Таманского терминала СУГ и нефтепродуктов. Краснодар, 2016. С. 118–130.

Чхаидзе В.Н. Две группы византийской поливной керамики XIII–XIV вв. из раскопок Таманского городища // Историко-археологический альманах. Вып. 12. Армавир, Краснодар, М., 2013. С. 134–145.

Чхаидзе В.Н. Чаши с изображением змей и цапли, выполненные в технике сграффито, с Таманского городища // Поливная керамика Причерноморья – Средиземноморья, как источник по изучению Византийской цивилизации. Тезисы докладов. Севастополь, 2014. С. 127–129.

Чхаидзе В.Н. Византийские печати из Тамани. М., 2015.
Чхаидзе В.Н. Исследования Таманского городища (раскоп Нагорный) в 2010–2013 гг. // АО 2010–2013. М., 2015а. С. 437–440.
Чхаидзе В.Н. Исследования Таманского городища // АО 2014. М., 2016. С. 214.
Чхаидзе В.Н. Строительные комплексы и городская планировка Матархи–Тмутаракани (последняя треть X – первая треть XIII вв.) // Сугдейский сборник. Вып. VI. Киев, 2016а. С. 340–367.
Чхаидзе В.Н. Исследования Таманского городища (раскоп Нагорный) // АО 2015. М., 2017. С. 245–246.
Чхаидзе В.Н. Исследования на Таманском городище // АО 2016. М., 2018. С. 226–227.
Шаров О.В. Новые комплексы протомеотской эпохи на Тамани // XXIX КЧ. Грозный, 2016. С. 127–129.
Шаров О.В., Павличенко Н.А. Предварительные итоги исследований амфорных клейм, происходящих из раскопок береговой части поселения Ильич 1 // XVIII БЧ. 2017. С. 627–633.

АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ

АРХИВ ИА. Ф. 1. Р-1

№ 21640. Рогов Е.Я. Отчет о полевых работах Бугазского отряда Боспорской экспедиции ИИМК РАН на Таманском полуострове в 1998 г.
№ 23096. Рогов Е.Я. Отчет о полевых работах Таманского отряда Боспорской экспедиции ИИМК РАН в 2000 г.
№ 29019. Чевелев О.Д. Отчет разведочного отряда ВБАЭ ИА РАН об исследованиях в Темрюкском районе в 2007 г.
№ 33979. Баранюк А.В. Отчет о проведении археологических разведок западнее ст. Тамань в 2013 г.
№ 37369. Абоян Ю.В. Отчет о проведении археологической разведки на участке строительства газопровода в пос. Юбилейный в 2013 г.
№ 38654–38656 (3 т.). Бочковой В.В. Отчет Краснодарской археологической экспедиции по обследованию поселений Балка Лисовицкого-1, Балка Хреева-1, Виноградный-7, Гора Чиркова-1, Чирково-1, Чирково-2 в Темрюкском районе в 2013 г.
№ 38805–38806 (2 т.). Водолажский Д.Д. Отчет об археологическом обследовании на земельных участках на памятниках Тузла-10, Тузла-13, Тузла-14, Тузла-22, некрополя Тузла-21 и курганной группы Тузлинская-6 в 2013 г.
№ 38807. Водолажский Д.Д. Отчет об археологическом обследовании на земельных участках в Темрюкском районе в 2013 г.
№ 38886–38887 (2 т.). Журавлев Д.В. Отчет о работах Боспорской археологической экспедиции ГИМ по раскопкам поселений Голубицкая-2 и Стрелка-2 и разведкам на территории Темрюкского района в 2013 г.
№ 39120. Горошников А.А. Отчет об итогах археологических разведок с целью уточнения границ поселения Белый-1 в 2013 г.
№ 39179–39184 (6 т.). Житников В.Г. Отчет об археологических разведках в зоне проектируемого строительства в окрестностях Тамани, Вышестеблиевской, Сенного и Приморского в 2013–2014 гг.
№ 39849. Захаров Е.В. Отчет о проведении археологических раскопок на территории поселения Гаркуша-1 (Патрей) в 2013 г.

№ 40302. Ломтадзе Г.А. Отчет о работах Таманской археологической экспедиции Исторического музея в районе станицы Ахтанизовской в 2013 г.

№ 40621–40628 (8 т.). Кашаев С.В. Отчет о результатах археологических исследований Таманского отряда Боспорской экспедиции ИИМК РАН в 2013 г. на поселении Вышестеблиевская-3.

№ 40721. Кашаев С.В. Отчет о результатах археологических исследований Таманского отряда Боспорской экспедиции ИИМК РАН в 2013 г. на поселении и некрополе Артющенко-2.

№ 40750. Кореневский С.Н. Отчет о раскопках поселения Тузла-15 в 2013 г.

№ 40767. Кононов В.Ю. Отчет о раскопках курганов у пос. За Родину и разведках средневекового могильника в межкурганном пространстве в 2013–2014 гг.

№ 40811–40817 (7 т.). Кузнецов В.Д. Отчет о работе Фанагорийской экспедиции в 2013 г.

№ 40818. Кузнецов В.Д. Отчет о полевой археологической съемке на участке к юго-западу от пос. Сенной Фанагорийской экспедиции ИА РАН в 2013 г.

№ 41311–41313 (3 т.). Сударев Н.И. Отчет о проведении археологических разведок на территории Темрюкского района и г.-к. Анапа в 2013 г.

№ 41361–41362 (2 т.). Сударев Н.И. Отчет об археологических работах на поселении Тамань-3 в 2013 г.

№ 41593. Финогенова С.И. Отчет о раскопках на территории городища Гермонасса–Тмутаракань в 2013 г. (станица Тамань).

№ 41663–41671 (9 т.). Шаров О.В. Отчет об охранных раскопках поселения Волна-12 в 2013 г.

№ 41676. Чхаидзе В.Н. Отчет об исследованиях на территории Таманского городища (Гермонасса–Тмутаракань). Раскоп Нагорный в 2013 г.

№ 42001–42011 (11 т.). Горошников А.А. Отчет об охранных раскопках поселения Волна-12 в 2014 г.

№ 42170–42176 (7 т.). Бочковой В.В. Отчет об охранных археологических раскопках на поселении Волна-6 в 2014 г.

№ 44644–44650 (7 т.). Давудов Ш.О. Отчет об охранных исследованиях поселения Чубово и кургана Камышеватый в Темрюкском районе в 2014 г.

№ 44851–44852 (2 т.). Журавлев Д.В. Отчет о работах Боспорской археологической экспедиции ГИМ по раскопкам поселений Голубицкая-2 и Стрелка-2 и разведкам на территории Темрюкского района в 2014 г.

№ 44976. Захаров Е.В. Отчет о проведении археологических раскопок на территории поселения Гаркуша-1 (Патрей) в 2014 г.

№ 45130. Ольховский С.В. Отчет о подводной археологической разведке близ мыса Панагия в 2014 г.

№ 45160. Ломтадзе Г.А. Отчет о работах Таманской археологической экспедиции Исторического музея в районе станицы Ахтанизовской в 2014 г.

№ 45294. Мамонтов В.И. Отчет об археологических разведках в зоне строительства автомобильного путепровода у ж.-д. ст. Старотитаровская в 2015 г.

№ 45521–45523 (3 т.). Карпов Д.А. Отчет об археологических разведках в Темрюкском и Крымском районах, городах Анапе и Новороссийске в 2013 г.

№ 45554–45560 (7 т.). Кузнецов В.Д. Отчет о работе Фанагорийской экспедиции ИА РАН в 2014 г.

№ 45577–45578 (2 т.). Кашаев С.В. Отчет о результатах археологических исследований Таманского отряда Боспорской экспедиции ИИМК РАН в 2014 г. на поселении и некрополе Артющенко-2.

№ 45621. Кузнецов В.Д. Отчет о полевой археологической съемке на участке к юго-западу от пос. Сенной Фанагорийской экспедиции ИА РАН в 2014 г.

№ 45723. Кореневский С.Н. Отчет о разведках культурного слоя на поселениях Тузла-15 и Чекон-1 Майкопским отрядом ВБАЭ в 2014 г.

№ 45735. Кашаев С.В. Отчет о результатах археологических раскопок Таманского отряда Боспорской экспедиции ИИМК РАН в 2015 г. на поселении и некрополе Артющенко-2.

№ 45780. Козорезов А.А. Отчет о разведках в зоне реконструкции ж.-д. станции Вышестеблиевская в 2013 г.

№ 45932. Прокофьев Р.В. Отчет об археологических раскопках кургана Камышеватая-II на Тамани в 2015 г.

№ 46189. Чхаидзе В.Н. Отчет об исследованиях на территории Таманского городища (Гермонасса–Тмутаракань). Раскоп «Нагорный» (ст.Тамань) в 2014 г.

№ 46315–46317 (3 т.). Цокур И.В. Отчет об охранных раскопках на поселении Волна-4 в 2014–2015 гг.

№ 46341. Кутуков Д.В. Отчет о раскопках поселения Балка Хреева-2 в Темрюкском районе в 2015 г.

№ 46421–46432 (12 т.). Сударев Н.И. Отчет об археологических разведках на территории Темрюкского, Славянского, Абинского, Крымского районов, г.-к. Анапа, г.-к. Геленджик, г. Новороссийск и г. Краснодар в 2014 г.

№ 46649–46650 (2 т.). Сударев Н.И. Отчет о проведении археологических работ на территории археологического комплекса Гермонасса-Тмутаракань (ст. Тамань) в 2013 г.

№ 46834–46839 (6 т.). Сударев Н.И. Отчет о результатах археологических исследований Темрюкского, Славянского, Абинского, Крымского районов, г.-к. Анапа, г.-к. Геленджик, г. Новороссийск, г. Краснодар в Краснодарском крае, г. Керчь и Ленинского района в Крыму в 2014 г.

№ 47481–47486 (6 т.). Кузнецов В.Д. Отчет о работе Фанагорийской экспедиции ИА РАН в 2015 г. (пос. Сенной).

№ 47576. Кузнецова Е.В. Отчет о проведении археологических исследований на поселении Тамань-3 в 2015 г.

№ 47626. Кореневский С.Н. Отчет о разведках культурного слоя на поселении Тузла-15 Майкопским отрядом ВБАЭ в 2015 г.

№ 47841. Крайнева А.А. Отчет об итогах археологических работ на кургане Артющенко-24 в 2015 г.

№ 47851–47858 (8 т.). Крюков Д.С. Отчет об археологических разведках на участках строительства в 20 районах Краснодарского края (в т.ч.Темрюкском), г.-к. Анапа и г. Краснодар в 2014 г.

№ 48421–48424 (4 т.). Соловьев С.Л. Охранные археологические раскопки на северо-восточной окраине поселка Ильич в 2015 г.

№ 48509. Окороков А.В. Отчет о подводной археологической разведке в южной части Керченского пролива в 2015 г.

№ 48661–48663 (3 т.). Сурков А.В. Отчет об археологической разведке в зонах строительства на территории Темрюкского района, г.-к. Анапа и г. Новороссийск в 2015 г.

№ 48932–48940 (9 т.). Бочковой В.В. Отчет об охранных археологических раскопках на поселении Волна-6 в 2015 г.

№ 49243. Виноградов Ю.А. Отчет о работе Бугазского отряда Боспорской экспедиции ИИМК РАН на поселении Артющенко-1 в 2015 г.

№ 49311–49319 (9 т.). Дмитриев А.В. Отчет об охранных исследованиях на поселении Балка Хреева-1 в Темрюкском районе в 2015 г.

№ 49331–49338 (8 т.). Дмитриев А.В. Отчет об археологических разведках реконструируемого шоссе Новороссийск – Керченский пролив в Темрюкском районе в 2014–2015 гг.

№ 49389–49390 (2 т.). Журавлев Д.В. Отчет о работах Боспорской археологической экспедиции ГИМ по раскопкам поселений Голубицкая-2 и Стрелка-2 в 2015 г.

№ 49406–49408 (3 т.). Гугуев Ю.К. Отчет о раскопках поселения Чирково-II в Темрюкском районе в 2015 г.

№ 49421–49425 (5 т.). Глухов А.А. Отчет о проведении раскопок на поселении Балка Хреева-2 в Темрюкском районе в 2015 г.

№ 49491–49495 (5 т.). Горошников А.А. Отчет об охранных раскопках поселения Волна-12 в 2015 г.

№ 49566. Ильяшенко С.М. Отчет об охранных раскопках курганов Волна-13 и 14 в 2015 г.

№ 49593. Ильина Т.А. Отчет о раскопках на территории городища Гермонасса-Тмутаракань в 2014 г.

№ 49607. Ломтадзе Г.А. Отчет о работах Таманской археологической экспедиции Исторического музея в районе станицы Ахтанизовской в 2015 г.

№ 49999. Иванов А.В. Отчет о раскопках кургана из комплекса Кепы у пос. Сенной в 2015 г.

№ 50190. Зиливинская Э.Д. Отчет о раскопках поселения Тузла-8 в 2016 г.

№ 50213. Ольховский С.В. Отчет о подводной археологической разведке близ мыса Панагия в 2015 г.

№ 50280. Наумов И.Н., Мыськов Е.П. Отчет о раскопках курганной группы Таманская-3 в 2015 г.

№ 50381. Цыбрий В.В. Отчет об охранных раскопках курганов у ст. Тамань в 2016 г.

№ 50441–50447 (7 т.). Супренков А.А. Охранные раскопки на поселении Гора Чиркова-1 (Темрюкский район) в 2015 г.

№ 50460. Чхаидзе В.Н. Отчет об исследованиях на территории Таманского городища (Гермонасса-Тмутаракань). Раскоп Нагорный (ст. Тамань) в 2015 г.

№ 50549. Тищенко И.Б. Отчет об охранных раскопках кургана № 2 курганной группы Балка Хреева в Темрюкском районе в 2016 г.

№ 50568. Наумов И.Н., Мыськов Е.П. Отчет о раскопках кургана Вышестеблиевская-17 в 2015 г.

№ 50620. Окороков А.В. Отчет о подводной археологической разведке в прибрежных частях Ленинского района Республики Крым и Темрюкского района Краснодарского края в 2016 г.

№ 50624. Исаков А.Л. Отчет о раскопках поселения Тузла-23, кургана 2 из группы Таманская юго-западная в 2016 г.

№ 50631–50634 (4 т.). Жупанин О.Ф. Отчет об охранных исследованиях (археологических наблюдениях) на юго-восточном участке поселения Балка Хреева-1 в Темрюкском районе в 2015–2016 гг.

№ 50648. Кашаев С.В. Отчет о результатах археологических раскопок Таманского отряда Боспорской экспедиции ИИМК РАН в 2016 г. на поселении и некрополе Артющенко-2.

№ 50661–50670 (10 т.). Цокур И.В. Отчет об охранных раскопках грунтового могильника Волна-1 в 2015–2016 гг.

№ 50681–50698 (18 т.). Язиков С.В. Отчет об археологических раскопках поселения Тамань-12 в 2016 г.

№ 50750. Язиков С.В. Отчет о проведении археологических разведок на территории строительства морского порта Тамань и ж.-д. путей к нему в 2016 г.

№ 50821–50834 (14 т.). Сударев Н.И. Отчет об археологических раскопках поселения Виноградный-7 в рамках проекта по развитию ж.-д. путей в направлении морского порта Тамань в 2015 г.

№ 50865–50867 (3 т.). Успенский П.С. Отчет об охранных раскопках курганов 306А, 306Б и курганной группы Волна-307 в 2014 г.

№ 51411–51426 (16 т.). Зиливинская Э.Д. Отчет о раскопках поселения и могильника Соленый-2 в 2016 г.

№ 51550. Шевченко Н.Ф. Отчет о раскопках поселения Натухаевское-6 в г. Новороссийске и курганов 6, 7 курганной группы 8 насыпей в Темрюкском районе в 2016 г.

№ 51584. Дмитриенко М.В. Отчет о проведении археологического обследования землеотводов в Абинском, Крымском, Славянском, Темрюкском и Анапском районах в 2016 г.

№ 51816. Кузнецова Е.В. Отчет о проведении археологических исследований на поселении Тамань-3 в 2016 г.

№ 51943–51951 (9 т.). Кузнецов В.Д. Отчет о работе Фанагорийской экспедиции ИА РАН в 2016 г. (пос. Сенной).

№ 51964. Щербакова Н.С. Отчет об археологических разведках на территории г. Донецка и хутор Беляевка Ростовской области, а также Темрюкского района Краснодарского края в 2016 г.

№ 52001–52008 (8 т.). Ильяшенко С.М. Отчет о раскопках поселения Балка Лисовицкого-2 в Темрюкском районе в 2016 г.

№ 52043. Крутоголовенко К.А. Отчет об археологических разведках на 18 участках освещения автодорог в г.-к. Анапа, г. Новороссийск, Темрюкском, Кореновском и Кущевском районах Краснодарского края в 2015 г.

№ 52076–52078 (3 т.). Ермолин С.А. Отчет об археологических исследованиях на территории транспортного перехода через Керченский пролив в 2015 г.

№ 52168–52169 (2 т.). Горошников А.А. Отчет о проведении разведок по трассе водоводов на горе Чиркова и в районе станицы Тамань в 2016 г.

№ 52174–52177 (4 т.). Горошников А.А. Отчет об охранных раскопках на поселении Виноградный-7 в 2016 г.

№ 52261. Финогенова С.И. Отчет о раскопках на территории городища Гермонасса–Тмутаракань в 2015 г. (станица Тамань).

№ 52310–52314 (5 т.). Яцюк Д.А. Отчет о проведении археологических раскопок курганных могильников в Темрюкском районе в 2014–2015 гг.

№ 52362–52368 (7 т.). Шаров О.В. Отчет о спасательных археологических раскопках на территории поселка Ильич в 2015 г.

№ 52424–52438 (15 т.). Свиридов А.Н. Отчет об археологических раскопках поселения Гора Чиркова-1 в Темрюкском районе в 2016 г.

№ 52442. Виноградов Ю.А. Отчет о работах Бугазского отряда Боспорской экспедиции ИИМК РАН на поселении Артющенко-1 в 2016 г.

№ 52567–52573 (7 т.). Свиридов А.Н. Отчет об археологических раскопках поселения Виноградный-7 в 2016 г.

№ 52688. Степанов А.В. Отчет о подводной разведке на объектах проектирования морского порта Тамань в 2016 г.

№ 52696–52711 (16 т.). Сергеева О.В. Отчет о проведении раскопок кургана № 3328 по госпоиску, поселений Юбилейное-9, Юбилейное-14 и Старотитаровская-20 в 2015 г.

№ 52716–52721 (6 т.). Сергеева О.В. Отчет об археологических исследованиях поселения у отд. № 3 свх Радуга в Темрюкском районе в 2016 г.

№ 52736–52741 (6 т.). Сергеева О.В. Отчет об археологических исследованиях поселения Старотитаровская-16 в 2016 г.

№ 52850. Степанов А.В. Отчет о наблюдениях за строительством подводного перехода магистрального газопровода Краснодарский край – Крым в Керченском проливе в 2016 г.

№ 52855–52856 (2 т.). Соловьев С.Л. Археологические раскопки на поселении Баланка-2 в Темрюкском районе в 2016 г.

№ 52898. Ломтадзе Г.А. Отчет о работах Таманской археологической экспедиции Исторического музея в районе станицы Ахтанизовской в 2016 г.

№ 53029. Прокофьев Р.В. Отчет об археологических раскопках кургана Могила Хуторницкая в Темрюкском районе в 2016 г.

№ 53089. Ворошилов А.Н. Отчет о результатах исследований некрополя Фанагории в 2016 г.

№ 53162–53163 (2 т.). Гей А.Н. Отчет о раскопках курганных групп Тузлинская-V и Вышестеблиевская-XXI в 2016 г.

№ 53177–53199 (23 т.). Жупанин О.Ф. Отчет об охранных раскопках юго-западного участка поселения Балка Хреева-1 в Темрюкском районе в 2015–2016 гг.

№ 53201–53206 (6 т.). Деняев М.А. Отчет об археологических разведках в Тимашевском, Калининском, Красноармейском, Славянском, Темрюкском районах и г.-к. Анапа в 2016 г.

№ 53302. Жуковский М.О. Отчет о проведении спасательных археологических раскопок на некрополе Фанагории в зоне обустройства музея-заповедника (пос. Сенной) в 2016 г.

№ 53315–53316 (2 т.). Журавлев Д.В. Отчет о работах Боспорской экспедиции ГИМ по раскопкам поселений Голубицкая-2 и Стрелка-2 в 2016 г.

№ 53941–53953 (13 т.). Карпов Д.А. Отчет о проведении в 2016 г. охранных археологических раскопок на поселениях Виноградный Северо-Восточный-2, Виноградный Северо-Восточный-3, курганов № 1 и № 2 курганной группы (10 насыпей) в 2016 г.

№ 54215. Кулаков С.А. Отчет о проведении работ на стоянке Богатыри/Синяя Балка в Темрюкском районе Приазовской экспедицией ИИМК РАН в 2016 г.

№ 54497. Чхаидзе В.Н. Отчет об исследованиях на территории Таманского городища (Гермонасса-Тмутаракань). Раскоп Нагорный (ст.Тамань) в 2016 г.

№ 54835. Житников В.Г. Отчет об охранных работах на курганных группах 27А и 27Б у поселка Волна в 2014 г.

№ 55191–55193 (3 т.). Корниенко Р.А. Отчет об археологических разведках в Темрюкском районе в 2016 г.

№ 59755–59759 (5 т.). Кузнецов В.Д. Отчет об археологических разведках Фанагорийской экспедиции ИА РАН в 2015 г.

№ 60581–60587 (7 т.). Успенский П.С. Отчет о раскопках участка грунтового могильника Волна-1 в 2016 г.

№ 61741–61780 (40 т.). Мокрушин В.П., Кутуков Д.В. Отчет о проведении раскопок поселения Балка Хреева-3 в Темрюкском районе в 2016 г.

№ 62849–62856 (8 т.). Матаев В.В. Отчет об археологических раскопках поселения Белое Юго-Восточное в Темрюкском районе в 2014–2015 гг.

Без номера:

Гугуев Ю.К. Отчет о раскопках поселения Балка Лисовицкого-1 в Темрюкском районе в 2015г. (7 т.).

Лимберис Н.Ю., Бочковой В.В. Отчет о работах Краснодарской археологической экспедиции на Тамани в 1993 г. (7 т.).

REFERENCES

Abramzon M.G. Fanagoria, Egeida I Malaia Aziia nakanune I Mitridatovoi voiny (po dannym monetnykh kladov).*XIV BCh.* 2013, pp. 5–10.

Abramzon M.G., Sudarev N.I. Drevnerusskie i vizantiiskie monety X – XI vv. iz nekropolia poseleniia Vinogradnyi-7. *Srednevekovaia numizmatika Vostochnoi Evropy.* M. 2018, pp. 81–90.

Abramova A.N. Predvaritel'nye rezul'tatu antropologicheskogo issledovaniia naseleniia, ostavivshego nekropol' "Gruntovyi mogil'nik "Volna 1". *Arkheologicheskie issledovaniia na territorii stroiashchegosia terminala SUG i Tamanskogo terminala navalochnykh gruzov.* Krasnodar. 2017, pp. 33–35.

Belov M.A., Goroshnikov A.A., Raev B.A., Sharov O.V. Opyt kompleksnogo issledovaniia pastusheskikh poselenii novogo vremeni na Tamanskom poluostrove (po materialam raskopok aula Tereklykoi). *Okhrana i sokhranenie arkheologicheskogo naslediia Tamani pri realizatsii stroitel'stva Tamanskogo terminala SUG i nefteproductov.* Krasnodar, 2016, pp. 16–31.

Bochkovoi V.V., Bulakh E.N. Predvaritel'nye rezul'taty issledovaniia poseleniia Volna 6 za 2014–2015 gg. *Okhrana i sokhranenie arkheologicheskogo naslediia Tamani pri realizatsii stroitel'stva Tamanskogo terminala SUG i nefteproductov.* Krasnodar, 2016, pp. 32–42.

Bonin A.V. Gorodishche i poselenie Il'ichevka (Krasnodarskii krai, Temrikskii raion). *Goroda, poseleniia, nekropoli.Raskopki 2016. Materialy spasatel'nykh arkheologicheskikh issledovanii.* vol 19. M., 2017, pp. 26–31.

Bonin A.V. Okhranno-spasatel'nye raboty na gorodishche i poselenii Il'ichevka v Temriukskom raione. *AO 2016.* M., 2018, pp. 203–205.

Bonin A.V., Sharov O.V. N.I.Sokol'skii i ego batareiki (ot ukreplenii k poseleniiam) *XVII BCh.* 2016, pp. 57–62.

Chkhaidze V.N. Dve gruppy vizantiiskoi polivnoi keramiki XIII–XIV vv. Iz raskopok Tamanskogo gorodishcha. *Istoriko-arkheologicheskii almanakh.* vol. 12. Armavir, Krasnodar, M., 2013, pp. 134–145.

Chkhaidze V.N. Chashi s izobrazheniem zmei i tsapli,vypolnennye v tekhnike sgraffito, s Tamanskogo gorodishcha. *Polivnaia keramika Prichernomor'ia-Sredizemnomor'ia, kak istochnik po izucheniiu Vizantiiskoi tsivilizatsii.Tezisy dokladov.* Sevastopol', 2014, pp. 127–129.

Chkhaidze V.N. *Vizantiiskie pechati iz Tamani.* M., 2015.

1. Chkhaidze V.N. Issledovaniia Tamanskogo gorodishcha (raskop «Nagornyi») v 2010–2013 gg. *AO 2010–2013.* M., 2015a, pp. 437–440.
2. Chkhaidze V.N. Issledovaniia Tamanskogo gorodishcha. *AO 2014.* M., 2016, pp. 214.
3. Chkhaidze V.N. Stroitel'nye kompleksy i gorodskaia planirovka Matarkhi-Tmutarakani (posledniaia tret' X – pervaia tret' XIII vv.). *Sugdeiskii sbornik.* vol. VI. Kiev, 2016a, pp. 340–367.
4. Chkhaidze V.N. Issledovaniia Tamanskogo gorodishcha (raskop Nagornyi). *AO 2015.* M., 2017, pp. 245–246.
5. Chkhaidze V.N. Issledovaniia na Tamanskom gorodishche. *AO 2016.* M., 2018, pp 226–227.
6. Dobrovol'skaia E.V. Arkheologicheskie ob'ekty Fanagorii v kontekste vremeni. XIV BCh. 2013, pp. 128–136.

7. Dobrovol'skaia E.V., Zavoikin AA. Kostnye ostatki zverei i ptits iz ob'ektov na "Verkhnem gorode" Fanagorii. *XV BCh.* 2014, pp. 119–130.
8. Finogenova S.I., Il'ina T.A. Rezul'taty issledovaniia Tamanskogo gorodishcha (po materialam 2010–2013 gg.). *AO 2010–2013*. M., 2015, pp. 431–433.
9. Ivanov A.V., Sudarev N.I. Kurgan 44/45 nekropolia Kep i ego mesto sredi drugikh pogrebal'nykh pamiatnikov Aziatskogo Bospora. *DB*. vol. 21. 2017, pp 160–189.
10. Il'ina T.A. Rezul'taty issledovaniia Tamanskogo gorodishcha (po materialam 2005–2015 gg.). *Aziatskii Bospor i Prikuban'e v dorimskoe vremia.* M., 2016, pp. 51–56.
11. Il'ina T.A., Chkhaidze V.N. Rezul'taty issledovaniia Tamanskogo gorodishcha (po materialam 2005–2012 gg. *Shestaia Mezhdunarodnaia Kubanskaia arkheologicheskaia konferentsiia.* Krasnodar 2013, pp. 154–156.
12. Gaidashev A.V., Kargin Iu.Iu., Mamontov V.I., Mataev V.V.,Surkov A.V. Okhrannye raskopki i razvedki na territorii Krasnodarskogo kraia i Rostovskoi oblasti v 2014–2015 gg. *AO 2015*. M., 2017, pp. 216–222.
13. Garaev I.A., Tsokur I.V. Nozhi.Tipologiia pogrebal'nogo inventaria iz pogrebenii "Gruntovogo mogil'nika"Volna 1" (predvaritel'nyi analiz). *Arkheologicheskie issledovaniia na territorii stroiashchegosia terminala SUG i Tamanskogo terminala navalochnykh gruzov.* Krasnodar, 2017, pp. 44–57.
14. Garbuzov G.P. Zemel'nye resursy Bospora. *XVI BCh.* 2015, pp. 77–87.
15. Gei A.N. Skhematicheskaia antropomorfnaia stela s Tamanskogo poluostrova. *KSIA*. vol. 249. Part. I. 2017, pp. 102–111.
16. Gei A.N., Kleshchenko A.A., Iunkin D.A. Kurgany v zone stroitel'stva pod'ezdnykh putei k Kerchenskomu mostu (Krasnodarskii krai, Temriukskii raion). *Goroda, poseleniia, nekropoli. Raskopki 2016. Materialy spasatel'nykh arkheologicheskikh issledovanii.* Vol.19. M., 2017, pp. 50–53.
17. Goroshnikov A.A., Sharov O.V. Issledovaniia poseleniia Volna-12 v 2013–2015 gg. *Arkheologicheskie issledovaniia na territorii stroiashchegosia terminala SUG iTamanskogo terminala navalochnykh gruzov.* Krasnodar, 2017, pp. 87–89.
18. Gunchina O.L. Issledovaniie metallov v Fanagoriiskom nauchnom tsentre. *XVII BCh*. 2016, pp. 140–142.
19. Karpov D.A., Sudarev N.I Vinogradnyi severo-vostochnyi 3, kurgannaia gruppa (10 nasypei) (Krasnodarskii krai,Temriukskii raion). *Goroda, poseleniia,nekropoli. Raskopki 2016. Materialy spasatel'nykh arkheologicheskikh issledovanii.* Vol. 19. M., 2017, pp. 74–87.
20. Kashaev S.V. Analiz razlichnykh grupp inventaria iz nekropolia Artiushchenko-2. *XIV BCh*. 2013, pp. 230–235.
21. Kashaev S.V.Oinokhoi v pogrebal'nom obriade nekropolia Artiushchenko-2 *Pogrebal'naia kul'tura Bosporskogo tsarstva. Materialy Kruglogo stola, posviashchennogo 100-letiiu so dnia rozhdeniia Mikhaila Moiseevicha Kublanova.* SPb., 2014, pp. 114–121.
22. Kashaev S.V. Krasnofigurnyi kilik s poseleniia Vyshesteblievskaia-3. *BI.vol. XXXI.* 2015, pp. 268–285.
23. Kashaev S.V. Parnye pogrebeniia v nekropole Artiushchenko-2. *Elita Bospora i Bosporskaia elitarnaia kul'tura. Materialy Mezhdunarodnogo Kruglogo stola.* SPb., 2016, pp. 173–181.
24. Kashaev S.V. Amfory iz detskikh pogrebenii na nekropole Artiushchenko-2. *XVIII BCh.* 2017, pp. 238–244.
25. Kashaev S.V. Pogrebal'nye obriady sel'skikh nekropolei Artiushchenko-2 i Panskoe-1. BF.

Obshchee i osobennoe v istoriko-kul'turnom prostranstve antichnogo mira. Part. 1. SPb., 2018, pp. 265–270.
26. Kashaev S.V. Amfory iz detskikh pogrebenii na nekropole Artiushchenko 2. *BI.vol. XXXVI*. 2018a, pp. 177–189.
27. Kashaev S.V. Nekropol' Artiushchenko-2. Rezul'tatu rabot 2003–2018 gg. *XX BCh.* 2019, pp. 284–293.
28. Kashaev S.V. Stekliannye sosudy iz raskopok nekropolia Artiushchenko-2. *XXI BCh.* 2020, pp. 166–174.
29. Kashaev S.V., Vinogradov Iu.A., Pavlova M.S., Tsin'ko A.S. Raboty Tamanskogo otriada Bosporskoi ekspeditsii IIMK RAN v 2010–2013 gg. *AO 2010–2013*. M., 2015, pp. 371–372.
30. Kashaev S.V., Vinogradov Iu.A., Tsin'ko A.S. Raboty Tamanskogo otriada Bosporskoi ekspeditsii IIMK RAN. *AO 2014*. M., 2016, pp. 184–186.
31. Kashaev S.V., Ogarkov K.A., Tsin'ko A.S. Raboty Tamanskogo otriada Bosporskoi ekspeditsii IIMK RAN. *AO 2015*. M., 2017, pp. 226–228.
32. Kashaev S.V., Ogarkov K.A., Tsin'ko A.S. Raboty Tamanskogo otriada Bosporskoi ekspeditsii IIMK RAN. *AO 2016*. M., 2018, pp. 214–215.
33. Kashaev S.V., Pavlichenko N.A. O datirovke pis'ma na ostrakone s poseleniia Vyshesteblievskaia-3. *XV BCh.* 2014, pp. 219–225.
34. Kashaev S.V., Pavlichenko N.A. Novyi istochnik o zemlepol'zovanii na aziatskom Bospore v IV v.do n.e. BI. vol. *XXXII*. 2016, pp. 12–32.
35. Kashaev S.V., Pavlichenko N.A. Kollektsiia keramicheskikh kleim s poseleniia Vyshesteblievskaia 3. *AV.* № 25. 2019, pp. 77–94.
36. Kashaev S.V, Pavlova M.S., Tsin'ko A.S. Piatnadtsat' let Tamanskomu otriadu Bosporskoi ekspeditsii IIMK RAN. BF.*Greki i varvary na Evraziiskom perekrestke*. SPb., 2013, pp. 775–779.
37. Kashaev S.V., Sudarev N.I. Traditsiia pogrebeniia v syrtsovykh grobnitsakh v nekropoliakh Tamanskogo poluostrova Artiushchenko-2 I Vinogradnyi-7. *BI. vol. XL.* 2020, pp. 26–46.
38. Kladchenko O.V., Goroshnikova Z.V. Opyt primeneniia klassifikatsii keramiki poseleniia Volna 12 na materialakh keramicheskogo kompleksa poseleniia Kenegez Vostochnyi (Resp. Krym). *Arkheologicheskie issledovaniia na territorii stroiashchegosia terminala SUG i Tamanskogo terminaal navalochnykh gruzov.* Krasnodar, 2017, pp. 90–94.
39. Klemeshova M.A., Lomtadze G.A. Nekotorye osobennosti keramicheskogo kompleksa II–I vv.do n.e. poseleniia Akhtanizovskaia 4. *BF. Obshchee i osobennoe v kul'turno-istoricheskom prostranstve antichnogo mira.* Part 2. SPb., 2018, pp. 310–317.
40. Korenevskii S.N. Razvedki kul'turnogo sloia poseleniia Tuzla 15. *AO 2014*. M., 2016, pp. 186–188.
41. Korenevskii S.N., Sudarev N.I. Razvedochnye raskopki poseleniia Tuzla-15 v 2012 g. *Shestaia Mezhdunarodnaia Kubanskaia arkheologicheskaia konferentsiia.* Krasnodar, 2013, pp. 198.
42. Kuznetsov V.D. Rannesrednevekovyi dom v Fanagorii. *DB*. Vol. 20. 2016, pp. 308–319.
43. Kuznetsov V.D. Arkhaicheskii dom iz Fanagorii. *Prichernomor'e v antichnoe i rannesrednevekovoe vremia. Sbornik nauchnykh trudov, posviashchennyi 70-letiiu professor V.P.Kopylova.* vol. 2. Rostov-na-Donu, 2018, pp. 99–106.
44. Kuznetsov V.D., Voroshilov A.N., Garbuzov G.P., Zavoikin A.A., Ol'khovskii S.V., Shorunova Iu.N. Otkrytiia v Fanagorii. *AO 2015*. M., 2017, pp. 230–233.
45. Kuznetsova E.V. K voprosu o torgovykh sviaziakh Fanagorii v VI–V vv.do n.e. *Shestaia*

Mezhdunarodnaia Kubanskaia arkheologicheskaia konferentsiia. Krasnodar, 2013, pp. 219–223.
46. Kuznetsova E.V. Issledovaniia na poselenii Taman' 3 v 2015–2016 gg. *AO 2016*. M., 2018, pp. 215–217.
47. Kuz'mina Iu.N., Kamelina G.A. Lepnaia keramika Fanagorii iz kompleksov kontsa VI – nachala V vv.do n.e. *Aziatskii Bospor i Prikuban'e v dorimskoe vremia.* M., 2016, pp. 61–63.
48. Lomtadze G.A. Kompleks nakhodok arkhaicheskogo vremeni iz raskopok poseleniia Akhtanizovskaia 4. *DB*. vol. 17. 2013, pp. 216–231.
49. Lomtadze G.A. Issledovaniia Tamanskoi arkheologicheskoi ekspeditisii Istoricheskogo muzeia v 2010–2013 gg. *AO 2010–2013*. M., 2015, pp. 384–386.
50. Lomtadze G.A. K voprosu o datirovke oboronitel'nykh sooruzhenii poseleniia Akhtanizovskaia 4. *S Mitridata duet veter.Bospor i Prichernomor'e v antichnosti. K 70-letiiu V.P.Tolstikova.* M., 2015a, pp. 151–163.
51. Lomtadze G.A. Raboty Tamanskoi arkheologicheskoi ekspeditsii Istoricheskogo muzeia na antichnykh pamiatnikakh Aziatskogo Bospora. *Aziatskii Bospor i Prikuban'e v dorimskoe vremia.* M., 2016, pp. 71–75.
52. Lomtadze G.A. Issledovaniia antichnogo pamiatnika Akhtanizovskaia 4 na Tamanskom poluostrove. *AO 2015*. M., 2017, pp. 235–236.
53. Lomtadze G.A. Issledovaniia antichnogo pamiatnika na severo-vostoke Tamanskogo poluostrova –Akhtanizovskaia 4. *AO 2016*. M., 2018, pp. 220–222.
54. Medvedev A.P. O nachale rimskoi epokhi v kul'ture Fanagorii. *Shestaia Mezhdunarodnaia Kubanskaia arkheologicheskaia konferentsiia.* Krasnodar, 2013, pp. 278–281.
55. Medvedev A.P. Pogrebal'nye kompleksy na territorii Vostochnogo nekropolia Fanagorii. *Prichernomor'e v antichnoe i rannesrednevekovoe vremia. Sbornik nauchnykh trudov, posviashchennyi 65-letiiu professor V.P.Kopylova.* Rostov-na-Donu, 2013a, pp. 174–186.
56. Medvedev A.P. Sklep pogrebeniia 54 Vostochnogo nekropolia Fanagorii. *Prichernomor'e v antichnoe i rannesrednevekovoe vremia. Sbornik nauchnykh trudov, posviashchennyi 70-letiiu professor V.P.Kopylova.* vol. 2. Rostov-na-Donu, 2018, pp. 198–207.
57. Mimokhod R.A., Uspenskii P.S. Antichnost' Tamani i srednii bronzovyi vek na iuge Srednego Podon'ia. *Goroda, poseleniia, nekropoli. Raskopki 2016. Materialy spasatel'nykh arkheologicheskikh issledovanii.* vol 19. M., 2017, pp 120–125.
58. Mokrushin V.P., Kutukov D.V. Arkheologicheskie issledovaniia na territorii Krasnodarskogo kraia. *AO 2016*. M., 2018, pp. 222–223.
59. Ol'khovskii S.V. Distantsionnye issledovaniia v akvatorii Fanagorii. *Aziatskii Bospor i Prikuban'e v dorimskoe vremia.* M., 2016, pp. 82–83.
60. *Pantikapei i Fanagoriia.* Dve stolitsy Bosporskogo tsarstva. M., 2017.
61. Paromov Ia.M. Arkheologicheskaia karta Tamanskogo poluostrova. *Dep. INION RAN.* № 47103 ot 1.10.1992. M., 1992.
62. Prokof'ev R.V. Bol'shoi kurgan Kiziltashskogo limana (Mogila Khutornitskaia, 2016 g.). *Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 75-letiiu uchenogo-kavkazoveda Iu.N. Voronova.* Sukhum, 2018, pp. 99–106.
63. Selivant'ev O.A., Tsokur I.V. Bronzovaia posuda v pogrebeniiakh nekropolia "Gruntovyi mogil'nik"Volna1". *Arkheologicheskie issledovaniia na territorii stroiashchegosia terminala SUG i Tamanskogo terminaal navalochnykh gruzov.* Krasnodar, 2017, pp. 58.
64. Sharov O.V. Novye kompleksy promeotskoi epokhi na Tamani. *XXIX KCh.* Groznyi, 2016,

pp. 127–129.
65. Sharov O.V., Pavlichenko N.A. Predvaritel'nye itogi issledovanii amfornykh kleim, proiskhodiashchikh iz raskopok beregovoi chasti poseleniia Il'ich 1. *XVIII BCh.* 2017, pp. 627–633.
66. Sokolov V.V. Karta drevnikh poselenii i mogil'nikov v raione stanitsy Tamanskoi. *ITUAK.* № 56. Simferopol', 1919, pp. 39–59.
67. Solov'ev S.L. Okhrannaia arkheologiia v zone mostovogo perekhoda cherez Kerchenskii proliv (iz opyta raboty Antichnoi novostroechnoi ekspeditsii IIMK RAN). *Biulleten' IIMK RAN: (okhrannaia arkheologiia).* № 6. SPb., 2017.
68. Sudarev N.I. Pogrebeniia nekropolia Vinoradnyi 7 (raskopki 2015–2016 gg.). *Elita Bospora i Bosporskaia elitarnaia kul'tura.Materialy mezhdunarodnogo Kruglogo stola.* SPb., 2016, pp. 333–340.
69. Sudarev N.I. Pogrebeniia nekropolia Vinoradnyi 7 (Krasnodarskii krai, Temriukskii raion). *Goroda, poseleniia, nekropoli. Raskopki 2016. Materialy spasatel'nykh arkheologicheskikh issledovanii.* Vol. 19. M., 2017, pp. 182–189.
70. Sudarev N.I., Kashaev S.V. Istoriia issledovaniia poseleniia Vinoradnyi 7 i raboty na pamiatnike v 2015 g. *XVII BCh.* 2016, pp. 471–480.
71. Sudarev N.I., Kashaev S.V. Importnye megarskie chashi iz nekropolia u poseleniia Vinoradnyi 7. *XVIII BCh*. 2017, pp. 536–543.
72. Sudarev N.I., Kashaev S.V. Importnye megarskie chashi iz nekropolia u poseleniia Vinoradnyi 7. *BI. vol. XXXVII.* 2018, pp. 197–224.
73. Sudarev N.I., Kashaev S.V. Traditsiia pogrebeniia v syrtsovykh grobnitsakh v nekropoliakh Tamanskogo poluostrova Artiushchenko-2 i Vinogradnyi-7. *XIX BCh.* 2018a, pp. 476–484.
74. Sudarev N.I., Kashaev S.V. Rezul'taty issledovanii poseleniia Vinogradnyi-7 v 2015–2016 gg. *XX BCh.* 2019, pp. 555–563.
75. Sudarev N.I., Solov'ev S.L., Sharov O.V. Naselenie severo-zapadnoi chasti Tamanskogo poluostrova nakanune i v period grecheskoi kolonizatsii. *XXX KCh.* Karachaevsk, 2018, pp. 263–265.
76. Suprenkov A.A. Poselenie Gora Chirkova 1 – istoriia issledovanii i noveishie raskopki. *XVII BCh.* 2016, pp. 481–485.
77. Suprenkov A.A., Dmitrieva E.N. Serebrianyi persten' s intaliei i drugie antichnye nakhodki iz raskopok na poselenii Gora Chirkova 1 v 2015g. *DB.* vol. 21. 2017, pp. 364–370.
78. Suprenkov A.A., Naumenko V.E., Ponomarev L.Yu. Raskopki na poselenii Gora Chirkova 1. *AO 2015*. M., 2017, pp. 243–245.
79. Suprenkov A.A., Naumenko V.E., Ponomarev L.Yu. Poselenie VIII–IX vv. Gora Chirkova 1 na Tamanskom poluostrove (kratkii obzor po rezul'tatam raskopok 2015 g.). *Khazarskii al'manakh.* vol 15. M., 2017a, pp. 236–280.
80. Suprenkov A.A., Naumenko V.E., Ponomarev L.Yu. Severo-vostochnyi uchastok poseleniia VIII–X vv. Gora Chirkova 1: khoziaistvennye kompleksy gruppy 3 (po itogam raskopok 2015 g.). *BI. vol. XXXVII.* 2018, pp. 263–301.
81. Suprenkov A.A., Naumenko V.E., Ponomarev L.Yu. Poselenie VIII–X vv. Gora Chirkova-1 na Tamanskom poluostrove: khoziaistvennye iamy gruppy 4 (po itogam raskopok 2016 g.). *Istoriia i arkheologiia Kryma.* vol. X. Simferopol', 2019, pp. 205–249.
82. Suprenkov A.A.,Rukavishnikova I.V., Trebukhina N.Iu. Predmety iskusstva iz raskopok

rannesrednevekovogo poseleniia Gora Chirkova 1. *XXI BCh.* 2020, pp. 342–348.
83. Sviridov A.N., Iazikov S.V., Sukhanov E.V. Novye srednevekovye pogrebeniia s Tamanskogo poluostrova. *BI. vol. XXXVIII.* 2019, pp. 256–298.
84. Sviridov A.N., Iazikov S.V., Toporivskaia M.A. Poselenie Gora Chirkova-1 (Krasnodarskii krai, Tamanskii poluostrov). *Goroda, poseleniia, nekropoli. Raskopki 2016. Materialy spasatel'nykh arkheologicheskikh issledovanii.* Vol.19. M., 2017, pp. 174–177.
85. Tereshchenko A.E. Ranniaia chekanka Fanagorii. *BI. vol. XXXI.* 2015, pp. 296–308.
86. Tsokur D.V. O predmetakh vooruzheniia v pogrebeniiakh nekrolpolia "Gruntovyi Mogil'nik "Volna 1" (po 2015–2016 gg.). *Arkheologicheskie issledovaniia na territorii stroiashchegosia terminala SUG i Tamanskogo terminala navalochnykh gruzov.* Krasnodar, 2017, pp. 59–61.
87. Tsokur I.V. Gruntovyi mogil'nik Volna 1. *DB*. vol. 20. 2016, pp. 493–500.
88. Tsokur I.V., Alikaeva L.V., Redikul'tseva N.V., Metel'kova I.A., Moleva T.M., Tikhonova A.I., Shirinin E.A. "Gruntovyi mogil'nik "Volna-1" – antichnyi nekropol', raspolozhennyi v iugo-zapadnoi chasti Tamanskogo poluostrova Krasnodarskogo kraia. Rezul'taty rabot na pamiatnike v 2017 g. *Arkheologicheskie issledovaniia na territorii stroiashchegosia terminala SUG i Tamanskogo terminala navalochnykh gruzov.* Krasnodar, 2017, pp. 62–67.
89. Tsokur I.V.,Selivant'ev O.N., Gorbol' N.Iu. Mechi-akinaki iz gruntovogo mogil'nika Volna-1 (Temriukskii raion Krasnodarskogo kraia). *XXIX KCh.* Groznyi, 2016, pp. 119–120.
90. Tsokur I.V.,Selivant'ev O.N., Sheremet'eva N.A. Gruntovyi mogil'nik "Volna-1". *Okhrana i sokhranenie arkheologicheskogo naslediia Tamani pri realizatsii stroitel'stva Tamanskogo terminala SUG i nefteproductov.* Krasnodar, 2016, pp. 118–130.
91. Uspenskii P.S., Mimokhod R.A. Raskopki kurgannykh mogil'nikov na Tamanskom poluostrove. *AO 2014*. M., 2016, pp. 208–211.
92. Vinogradov Yu.A. Issledovaniia antichnogo poseleniia Artiushchenko 1. *AO 2016*. M., 2018, pp. 205–207.
93. Vinogradov Yu.A. Osnovnye itogi izucheniia sviashchennogo uchastka poseleniia Artiushchenko-1 (Tamanskii poluostrov). *XX BCh.* 2019, pp. 110–115.
94. Vinogradov Yu.A. Novye issledovaniia na zapadnoi okraine poseleniia Artiushchenko-1. *BI. vol. XL.* 2020, pp. 64–85.
95. Volkodav N.V., Ustaeva E.R., Shevchenko N.P. Arkheologicheskie ob'ekty I raskopki v zone stroiyel'stva Tamanskogo terminal navalochnykh gruzov ZAO "Taman'neftegaz. *Okhrana i sokhranenie arkheologicheskogo naslediia Tamani pri realizatsii stroitel'stva Tamanskogo terminal SUG i nefteproductov.* Krasnodar, 2016, pp. 43–56.
96. Voroshilov A.N., Voroshilova O.M. O novykh nakhodkakh ellinisticheskikh kamennykh "iashchikov" v Fanagorii. *TGIM.* vol. 201. M., 2014, pp. 23–28.
97. Voroshilov A.N., Voroshilova O.M., Garbuzov G.P., Zavoikin A.A., Kuznetsov V.D., Kuz'mina Iu.N., Ol'khovskii S.V. Arkheologicheskie issledovaniia v Fanagorii. *AO 2014.* M., 2016, pp. 168–171.
98. Voroshilov A.N., Voroshilova O.M., Zhukovskii M.O., Kuznetsov V.D. Kurgan Boiur-Gora (Buerova Mogila) – usypal'nitsa elity stolitsy Aziatskogo Bospora. *BF. Elita Bospora i Bosporskaia elitarnaia kul'tura.* SPb., 2016, pp. 147–164.
99. Voroshilova O.M., Voroshilov A.N. Ob organizatsii prostranstva nekropolia Fanagorii. *XIV BCh.* 2013, pp. 111–116.
100. Voroshilova O.M., Voroshilov A.N. Novye materialy o planigrafii nekropolia Fanagorii. *Shestaia Mezhdunarodnaia Kubanskaia arkheologicheskaia konferentsiia. Krasnodar.* 2013a,

pp. 76–78.
101. Zakharov E.V. Raskopki na poselenii Garkusha 1 (Patrei). *AO 2014*. M., 2016, pp. 183–184.
102. Zakharov E.V., Chizhikov V.V. Issledovaniia na poselenii Garkusha 1 (Patrei) v 2012–2013 gg. *AO 2010–2013.* M., 2015, pp. 361–363.
103. Zastrozhnova E.G. Arkheologicheskie raskopki Fanagorii v 1852–1855 gg. (po materialam polevogo zhurnala Begicheva K.R.). *XIV BCh.* 2013, pp. 176–181.
104. Zastrozhnova E.G. Ob odnom tipe krematsii nekropolia Fanagorii (k voprosu o datirovke arkheologicheskikh kompleksov iz raskopok XIX v. *XV BCh.* 2014, pp. 168–171.
105. Zastrozhnova E.G. Izverzheniia griazevykh vulkanov Tamanskogo poluostrova v kontekste arkheologicheskogo izucheniia regiona (konets XVIII –pervaia polovina XIX v.). *XVI BCh.* 2015, pp. 130–135.
106. Zavoikin A.A. Amfory Khiosa v Fanagorii. *Shestaia Mezhdunarodnaia Kubanskaia arkheologicheskaia konferentsiia.* Krasnodar, 2013, pp.129–134.
107. Zavoikin A.A. Amfory Khiosa v kontekste istorii Fanagorii. *DB*. Vol. 17.2013a, pp. 132–152.
108. Zavoikin A.A. Amfory "samos/milet» v Fanagorii: nekotorye problemy khronologii (kratkie tezisy doklada). *XV BCh.* 2014, pp. 160–167.
109. Zavoikin A.A. Priridnyi faktor i fizicheskii oblik poselenii aziatskogo Bospora. *XVI BCh.* 2015, pp. 121–129.
110. Zavoikin A.A., Kuznetsov V.D. Nekotorye problemy urbanistiki Fanagorii v V v.do n.e. *XIV BCh.* 2013, pp. 162–169.
111. Zavoikina N.V. Antroponimiia Fanagorii kak istoricheskii istochnik. *XIV BCh.* 2013, pp. 170–175.
112. Zavoikina N.V. Graffiti na keramike pozdnearkhaicheskogo vremeni iz Fanagorii. *Aziatskii Bospor i Prikuban'e v dorimskoe vremia.* M., 2016, pp. 42–45.
113. Zavoikina N.V. Novoe torgovoe graffito iz Fanagorii. *XVIII BCh.* 2017, pp.151–158.
114. Zavoikina N.V. Spisok pozhertvovanii s upominaniem Fanagora tret'ei chetverti VI v.do n.e. iz Fanagorii.BF. *Obshchee i osobnnoe v istoriko-kul'turnom prostranstve antichnogo mira.* Part. 1. SPb., 2018, pp. 292–299.
115. Zhitnikov V.G. Nekotorye itogi arkheologicheskikh issledovanii poseleniia Volna-1 v 2012–2014 gg. *Okhrana i sokhranenie arkheologicheskogo naslediia Tamani pri realizatsii stroitel'stva Tamanskogo terminaa SUG i nefteproductov.* Krasnodar, 2016, pp. 57–65.
116. Zhuravlev D.V., Batasova A.V., Kudriashova A.I., Firsov K.B., Shlottsauer U. Raskopki poselenii Golubitskaia 2 i Strelka 2 na Tamanskom poluostrove. *AO 2016.* M., 2018, pp. 210–212.
117. Zhuravlev D.V., Batasova A.V., Strokov A.A., Firsov K.B. Raboty na Tamanskom poluostrove. *AO 2014.* M., 2016, pp. 181–183.
118. Zhuravlev D.V. Batasova A.V., Strokov A.A., Firsov K.B. Raboty na severo-vostoke Tamanskogo poluostrova. *AO 2015*. M., 2017, pp. 224–226.
119. Zhuravlev D.V., Batasova A.V., Shlottsauer U. Oboronitel'nyi rov poseleniia Golubitskaia-2. *XX BCh.* 2019, pp. 183–192.
120. Zhuravlev D.V., Lomtadze G.A., Strokov A.A. Kompleks amfornoi tary vtoroi poloviny V v.do n.e. s poseleniia Golubitskaia 2. *DB*. Vol.24. 2019, pp. 218–231.
121. Zhuravlev D.V., Sablin M.V., Strokov A.A. Zakhoroneniia sobak na poselenii Golubitskaia 2. *Aziatskii Bospor i Prikuban'e v dorimskoe vremia. Materialy Mezhdunarodnogo kruglogo stola.* M., 2016, pp.34–37.
122. Zhuravlev D.V., Firsov K.B. Kotlovan dlya dobychi gliny (?) v raione poseleniia Golubitskaia

2. *Shestaia Mezhdunarodnaia Kubanskaia arkheologicheskaia konferentsiia.* Krasnodar, 2013, pp. 123–128.
123. Zhuravlev D.V., Shlottsauer U. Nekotorye itogi rabot Bosporskoi arkheologicheskoi ekspeditsii na Tamanskom poluostrove. 2006–2013 gg. *TGIM.* vol. 201. M., 2014, pp. 150–186.
124. Zhuravlev D.V. Shlottsauer U. O date osnovaniia poseleniia Golubitskaia 2. *XV BCh.* 2014a, pp. 139–148.
125. Zhuravlev D.V. Shlottsauer U. 10 let Bosporskoi arkheologicheskoi ekspeditsii. *Aziatskii Bospor i Prikuban'e v dorimskoe vremia. Materialy Mezhdunarodnogo kruglogo stola.* M., 2016, pp. 5–6.
126. Zhuravlev D.V. Shlottsauer U., Batasova A.V., Firsov K.B., Heestrem K. Issledovaniia na severo-vostoke Tamanskogo poluostrova. *AO 2010–2013.* M., 2015, pp. 357–359.
127. Zhuravlev D.V., Shlottsauer U., Kamelina G.A., Strokov A.A., Firsov K.B., Batasova A.V. Raskopki poseleniia Golubitskaia-2 na Tamanskom poluostrove. *AO 2010–2013.* M., 2015, pp. 359–361.
128. Zhuravlev D.V., Shlottsauer U. (Ed.) *Aziatskii Bospor i Prikuban'e v dorimskoe vremia. Materialy Mezhdunarodnogo Kruglogo stola 7–8 iiunia 2016 g.* M., 2016.
129. Zilivinskaia E.D. Spasatel'nye raboty na poselenii i mogil'nike Solenyi II na Tamanskom poluostrove. *AO 2016. M.*, 2018, pp. 212–214.

Резюме

В статье рассматривается третий этап постсоветского периода археологических исследований на Таманском полуострове (2013–2016 гг.), для которого было характерно резкое увеличение новостроечных и хоздоговорных работ. Никогда в предшествующее время исследования не достигали столь широкого размаха. В 2013 г. общая раскопанная площадь на поселениях и могильниках составила 12 тыс. кв. м, в 2014 г. – ок. 31 тыс., в 2015 – 291 тыс., в 2016 – ок. 262 тыс. кв. м. За 4 полевых сезона было раскопано 595,2 тыс. кв. м, или 59,52га. Труды более 100 экспедиций и отрядов принесли столь огромный материал, что в данное время еще рано говорить о его научном анализе и обобщениях. Можно лишь наметить некоторые тенденции, проявившиеся при исследовании памятников. Сегодня стало очевидным, что большинство курганов Таманского полуострова было возведено в эпоху ранней и средней бронзы, о чем свидетельствуют раскопки 31 памятника в разных частях полуострова. Новую главу в археологии этого региона открывает исследование 8 поселений эпохи поздней бронзы и переходного периода от поздней бронзы к раннему железному веку. Раскопки ряда грунтовых могильников античного (прежде всего раннеантичного) времени могут существенно изменить традиционные представления о погребальном обряде и общем укладе жизни на Таманском полуострове в эту эпоху. Вместе с тем, несмотря на масштабные исследования, которые могли бы многое прояснить относительно внутренней структуры поселений, этого не произошло. Исключение составляют лишь два памятника: поселение Волна-1, где был открыт большой район сплошной застройки V–II вв. до н.э., и поселение позднего Средневековья – нового времени Волна-12, на котором «рыхлая» структура выразительно характеризует пастушескую деревню, какие видел и описывал Эвлия Челеби. Колоссальные размеры исследованных площадей и накопленного материала потребуют много времени и труда для их обработки и осмысления. Введение их в научный оборот замедляется также ограниченными публикационными возможностями. В этом отношении в более выгодном положении находятся такие коллективы, как Фанагорийский научный центр, экспедиции академических ин-

ститутов и столичных музеев. Не касаясь некоторых негативных тенденций (перекраивание археологической карты, несданные отчеты и другие), необходимо отметить, что они связаны с конъюнктурными соображениями, рыночными подходами к исследованию памятников и не связаны с нашей темой напрямую. Основная задача данной статьи имеет собирательный характер, ее главной целью является создание общей картины археологических исследований на Таманском полуострове в совершенно особые годы, целиком преобразившие их характер. Можно сказать, что после них ни сама археология, ни отношение к памятникам, ни методы их исследования уже не будут прежними.

Ключевые слова: Таманский полуостров, городища, поселения, курганы, могильники, эпоха камня, эпоха бронзы, античное время, Средневековье, охранные раскопки, новостроечные исследования, спасательные работы.

Summary

The article examines the third stage of the post-Soviet period of archaeological research on the Taman Peninsula (2013–2016), which was characterized by a sharp increase in new construction and contractual work. Research has never reached such a wide scale in the past. In 2013, the total excavated area at settlements and burial grounds was twelve thousand square meters, in 2014 - approximately thirty one thousand, in 2015 – two hundred ninety one thousand, in 2016 – about two hundred sixty two thousand square meters. For four field seasons, 595.2 thousand square meters (59.52 hectares) were excavated.

The works of more than one hundred expeditions and teams have brought such a huge amount of material that at this time it is still too early to talk about its scientific analysis and generalizations. One can only outline some of the tendencies that emerged in the study of the archaeological sites. Today it has become obvious that most of the burial mounds of the Taman Peninsula were erected in the Early and Middle Bronze Age, as evidenced by excavations of thirty-one sites in different parts of the peninsula. A new chapter in the archaeology of this region is opened by the study of eight settlements of the Late Bronze Age and the transition period from the Late Bronze Age to the Early Iron Age. Excavations of a number of earthen burial grounds of ancient (first of all, early antique) times can significantly change the traditional ideas about the funeral rite and the general way of life on the Taman Peninsula in that era. At the same time, despite large-scale studies that could clarify a lot about the internal structure of settlements, this has not happened. The only exceptions are two sites: the settlement of Volna-1, where a large area of continuous development of the V – II centuries BC was discovered, and the settlement of the late Middle Ages - modern times Wave-12, where the «loose» structure expressively characterizes the shepherd's village, which Evliya Çelebi saw and described. The colossal dimensions of the investigated areas and the accumulated material will require a lot of time and labor to process and comprehend them. Their introduction into scientific circulation is also slowed down by limited publication capabilities. In this respect, such groups as the Phanagoria Scientific Center, expeditions of academic institutes and metropolitan museums are in a more advantageous position. Without touching on some negative tendencies (redrawing of the archaeological map, not submitted reports, and others), it should be noted that they are related to opportunistic considerations, market approaches to the study of archaeological sites and are not directly related to our topic. The main task of this article is of a collective nature. Its main goal is to create a general picture of archaeological research on the Taman Peninsula in very special

years, which completely transformed the character of the research. We can say that after it, neither archaeology, nor the attitude to archaeological sites, nor the methods of their research will be the same.

Key words: The Taman Peninsula, fortified settlements, settlements, burial mounds, burial grounds, the Stone Age, the Bronze Age, ancient times, the Middle Ages, rescue excavations, new construction research, rescue operations.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ
Паромов Яков Максимович, к.и.н.,
научный сотрудник Института
археологии РАН (Москва).
+ 7(495) 936-56-85
kukuoba@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR
Paromov Iakov Maximovich, CSc,
Researcher, Inctitute
of Archaeology RAS (Moskov).
+ 7(495) 936-56-85
kukuoba@yandex.ru

Д. А. ЛОМАКИН
D. A. LOMAKIN

«ЧЕТЫРЕ СТОЛПА ГОСУДАРСТВЕННОГО ТРОНА»: ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ МАТЕРИАЛЬНЫХ ПАМЯТНИКОВ СУФИЙСКИХ РАННЕИСЛАМСКИХ ЦЕНТРОВ В КРЫМУ[1]

«FOUR PILLARS OF THE STATE THRONE»: THE HISTORY OF RESEARCHES AND THE MODERN STATE OF MATERIAL MONUMENTS OF SUFI EARLY ISLAMIC CENTERS IN CRIMEA

Тема первоначального распространения ислама на территории Крымского полуострова до настоящего времени остается практически неисследованной. Частично объяснением этому может служить фрагментарность, а по отдельным вопросам – полное отсутствие исторических источников. Разработки ряда отечественных историков последних десятилетий наметили общие направления перспективных научных поисков по данному сюжету, создав определенную фактологическую базу.

Н. Абдульваап считает, что основными проводниками ислама в Крыму являлись представители различных суфийских групп, проникавших на полуостров начиная с середины XIII в. Среди них отмечены выходцы из двух суфийских школ: среднеазиатской (тюркской) и иракской. При этом наибольшую активность проявляли представители первой из них, введя значительный ареал в круг своей миссионерской деятельности [Абдульваап, 2008, с. 22]. Установлено расположение основных на территории полуострова суфийских центров, за которыми в отечественной историографии закрепилось название «четырех столпов государственного трона и блюстителей окна правительственных дел» [Смирнов, 1913, с. 144]: селения Чоюнджи, Колеч (Коледж), Качы (Эфенди-кой) и Ташлы-Шейх-эли (Эдилер). Вполне вероятно, что все были основаны в начальный период распространения ислама в Крыму [Абдульваап, 2014, с. 13]. Ф. А. Хартахай, опираясь на народные предания, связал «четыре очага» с потомками первых татарских завоевателей Крыма, которые одновременно принадлежали к духовному сословию [Хартахай, 1866, с. 189]. Пейсонель указал на четыре старинных рода «людей закона», «которых можно причислить к знати, дворянам. Они обладали землями, на которых находились монастыри дервишей – текие и могилы некоторых лиц, считающихся святыми, и которых татары посещают из набожности. <…> Это четыре великих шейха – шейх Катши [Качы – авт.], Гелеш [Колеч – авт.], Тшовунше [Чоюнджи – авт.], Ташелу [Ташлы – авт.]»

[1] Работа выполнена в рамках реализации проекта РНФ № 20-18-00076 «Эволюция городов на Внутренней гряде Крымских гор в Средние века и Новое время».

[Peyssonel, 1787]. С полной уверенностью можно утверждать, что суфизм сыграл важнейшую роль в истории государственности Крымского ханства. К XVII в. суфийские братства функционировали во всех значимых центрах полуострова, «Крым был регионом достаточно широкого распространения суфийских идей и располагал довольно разветвленной сетью соответствующих организационных структур» [Абдульвапов, 2005, с. 180]. Наибольшее число обителей находилось в Бахчисарае, Кафе, Карасубазаре [Бахревский, 1997, с. 399]. К середине XVIII в. в Крыму их насчитывалось, по меньшей мере, 50 [Абдульвапов, 2005, с. 185]. Неоднократно отмечена приверженность суфийскому учению представителей ханской династии.

Село Чоюнджи (с. 1946 г. – Брусилово, с 1953 г. – Урожайное) располагалось в Центральном Крыму, в 17 км к северу от Симферополя. Каких-либо архитектурно-археологических памятников на его территории не выявлено. Посетивший селение во второй половине XVII в. турецкий путешественник Эвлия Челеби отметил, что «здесь живет Мехмед-эфенди – первый человек среди тех, чья молитва услышана» [Челеби, 2017, с. 264]. В. Х. Кондараки указал на наличие в селении захоронения шейха, которое местные жители почитали в качестве святого места [Кондараки, 1875а, с. 8]. Обращают на себя внимание располагавшиеся неподалеку села Барак-Эли[2] («Селение Барака») и Шейх-Кой[3] («Селение Шейха»). Есть основания предполагать, что ранее они составляли единый крупный религиозный комплекс. Подтверждением этому, кроме местной топонимики, могут служить руинированные остатки мечети, расположенные около последнего из упомянутых сел на левом берегу р. Бештерек. Они представлены уцелевшими почти на всю высоту остатками южной стены с михрабом, разрозненными архитектурными деталями и крупным обломком купола. Скрытые культурным слоем части здания четко прослеживаются на поверхности земли. Постройка была взорвана в 50 годах прошлого века [Абдульваап, 2014, с. 12].

Первые сведения о памятнике в отечественной историографии относятся к концу 20-х гг. XX в. О.-Н. А. Акчокраклы в отчете о научно-исследовательской работе за 1928 г. упомянул научную разведку в с. Шейх-Кой, которая была проведена совместно с Б. Н. Засыпкиным и У. А. Боданинским. Им был выполнен перевод резной надписи на арабском языке, расположенной над дверным проемом: «Сын султана Гыяс-эд-Дина/Бирди-Бик хан, да будет вечным царство его/Построено это здание для хафизов (знающих Коран/наизусть) в дни правления великого эмира/Кутлуг-Темур-бека, сына Туляк-Тимур-/Бека, сына Хаджи ... (?)». Над вторым входом в мечеть, расположенным позади подножия минарета, в западной стене основного объёма

[2] **Барак-Эли** (с 1948 г. – Бараки) – упраздненное село в Симферопольском районе Республики Крым, в период с 1954 по 1968 год включено в состав с. Урожайного. Есть основания предполагать связь топонима с личностью последователя шейха Сейид Сары Салтука (умер в 1293/96) – Барака Бабы (убит в 1308). Оба – легендарные «борцы за веру», проповедники ислама в Крыму.

[3] **Шейх-кой** (с 1948 г. – Давыдово) – поселок сельского типа в Симферопольском районе Республики Крым, входит в состав Донского сельского поселения. По данным на 2014 г., в поселке проживало 7 человек.

здания, также была выявлена и переведена надпись с датой постройки: «15-го дня благословенного месяца Шаабана 760 г. (1358 г.)». Участниками было отмечено, что «надпись хорошо сохранилась над входом в строение» [Акчокраклы, 2016, с. 116]. Присутствовало указание на функциональное назначение здания – школу Хафизов (чтецов и знатоков Корана) [Акчокраклы, 2006, с. 253].

Качественный прорыв в исследовании памятника произошел за последнее десятилетие. Своеобразным катализатором возрождения интереса к объекту культурного наследия послужили публикации Н. Абдульваапа в 2006 [Абдульвапов, 2006] и 2014 [Абдульваап, 2014] годах, в последней из которых не только был упомянут памятник, но и размещен неопубликованный до этого момента фотоснимок 1928 г. с его изображением. При этом автор «фрагмент прекрасного михраба местной мечети-обители», без сомнения, датировал концом XIV в., что, по его мнению, «может свидетельствовать о наличии здесь в своё время крупного религиозно-суфийского центра» [Абдульвапов, 2006, с. 144]. Н. Абдульваап также предположил, что Мевляна Реджеб[4], получивший почетный титул наставника чтецов-рецитаторов, мог быть выпускником школы Хафизов в с. Шейх-Кой [Абдульваап, 2014, с. 13]. Ссылаясь на датировку памятника 1358 г. О.-Н. А. Акчокраклы, «образцом золотоордынской культовой архитектуры» памятник был назван Э. И. Сейдалиевым [Сейдалиев, 2014, с. 67].

Фундаментальные исследования памятника связаны с научными изысканиями В. П. Кирилко и С. Г. Бочарова. Начиная с 2015 г. ими была опубликована серия статей, посвященных истории изучения мечети, выполнен архитектурный анализ, сделан ряд предположений относительно ее датировки и функционирования. Авторами введен в научный оборот выявленный в Государственном научно-исследовательском музее архитектуры им. А. В. Щусева (ГНИМА) обмерный план мечети в масштабе 1:50, выполненный в 1929 г. на основании кроки, составленного Б. Н. Засыпкиным [Кирилко и др., 2015, с. 118, рис. 7]. При этом отмечено, что при возведении здания были вторично использованы многочисленные архитектурные детали золотоордынского периода, в частности сталактитовые консоли портала и посвятительная надпись на арабском языке, ранее переведенная О.-Н. А. Акчокраклы [Кирилко и др., 2015, с. 112], михраб. Были проведены параллели между оформлением последнего и орнаментикой архитектурного убранства мечети Узбека и медресе Инджибей Хатун в Старом Крыму. Шейхкойская мечеть авторами была отнесена «к одному из основных провинциальных типов османских культовых сооружений», а ближайшими аналогиями названы утраченная к настоящему моменту мечеть в селении Колеч и Куршумлу-Джами в г. Пазарджик (Болгария) [Кирилко и др., 2015, с. 113].

Авторами предпринята заманчивая попытка отождествить Шейх-Кой с Азизлером, описанным Эвлией Челеби. По свидетельству турецкого путешественника, селение находилось на полпути между Акмесджидом и Карасубазаром. Он же

---

[4] **Мевляна Реджеб бин Ибрахим** (?–1386) – мастер в деле чтения Корана. Получил титул «шейх-уль-курра», т.е. наставник профессиональных чтецов Корана.

указал на наличие здесь «постоялого двора – дворца для гостей», «рядом с этим постоялым двором – место паломничества Баба Ядикяр» и «подобное райскому саду текке, где тюрбедар Баба Хинди живет со своей семьей» [Челеби, 2017, с. 158]. В.П.Кирилко и С. Г. Бочаров заключили, что «если предположение правильно, то во времена Крымского ханства мечеть действительно находилась в селении Азизлер и являлась важной составной частью комплекса, включавшего в себя разновременные сооружения» [Кирилко и др., 2015, с. 114]: место поклонения и паломничества (погребение или мавзолей) святого Баба Ядикяра, текие, в качестве которого вполне могли выступать многочисленные пристройки к мечети и хан. Таким образом, данное предположение соответствует выводам Н. Абдульваапа о существовании в данной местности суфийского центра. Возведение мечети с использованием архитектурных фрагментов постройки 1358 г. авторами связано с активной строительной политикой Менгли-Герая.

Отдельная публикация В. П. Кирилко посвящена изучению михраба шейхкойской мечети [Кирилко, 2016]. Автором введены в научный оборот кроки плана, фасада и вида фрагмента михраба 1928 г. из фондов ГНИМА [Кирилко, 2016, с. 139]. Определенный интерес представляют сохранившиеся заметки на полевом обмерном чертеже. В частности, указано, что михраб «окрашен грубо масл.[яной] краской: тем. [но-]зеленой, ультрамарин и сурик», многослойные остатки которой повсеместно сохранились до настоящего времени. В. П. Кирилко отметил, что «цветовая гамма является традиционной и имеет параллели в позднесредневековом художественном убранстве михраба т.н. мечети Узбека в г. Старый Крым, где в качестве основных использованы аналогичные колера» [Кирилко, 2016, с. 147]. Предварительные итоги исследования позволили автору утверждать, что «михраб мечети в Шейх-Кой является сполией и прежде находился в ином, не локализованном пока строении. Он действительно имеет характерные для сельджукской декоративной пластики формы и в своем первоначальном виде уверенно может быть датирован 1358 г., но наряду с этим в нынешнем состоянии демонстрирует признаки весьма неумелого восстановления конхи, обусловленного низким профессиональным уровнем мастера и утратой отдельных элементов, равно как изменением при сборке исходного плана сооружения – прямоугольного на семигранный» [Кирилко, 2016, с. 148].

Результатом продолжавшейся совместной работы В. П. Кирилко и С. Г. Бочарова стала публикация «Исторические и архитектурные метаморфозы Шейх-Коя» в 2016г. [Бочаров и др., 2016]. Авторами были выделены основные ареалы золотоордынской оседлости в Крыму: юго-восточный с центром в Солхате, юго-западный (Эски-Юрт, Кырк-Ер) и центральный (Карасубазар, Ак-Мечеть). Отмечено, что последний является наименее изученным. Авторами выдвинута идея о размещении золотоордынских поселений вдоль крупных торговых караванных путей. Одна из таких магистралей, бесспорно, связывала в XIV в. юго-западный и юго-восточный центры через Карасубазар и Ак-Мечеть. Суфийская обитель (текие) Шейх-коя, по мнению авторов, могла возникнуть в качестве промежуточной станции (яма), рас-

полагавшейся на полпути между Ак-Мечетью и Карасубазаром – в пределах одного дневного перехода [Бочаров и др., 2016, с. 375].

Авторами был выполнен детальный анализ архитектоники здания, представлен ряд сведений о внутреннем обустройстве мечети. Подчеркнуто, что обе ранее переведенные О.-Н. А. Акчокраклы надписи являются вторично использованными архитектурными деталями и прежде принадлежали совершенно другой, более ранней постройке. Было высказано предположение, что они могли ранее являться частями одного текста [Бочаров и др., 2016, с. 378]. Отмечено, что, учитывая отсутствие археологических работ на памятнике, все выводы носят предварительный характер. При этом, по мнению В. П. Кирилко и С. Г. Бочарова, «уверенно можно утверждать, что данная мечеть была возведена в XVI – XVII вв., а украсившие её михраб и фрагменты портала с посвятительной надписью являются сполиями и прежде находились в ином, не локализованном до сих пор, строении, причём они могли быть как местного происхождения, так и доставлены из удалённого источника» [Бочаров и др., 2016, с. 390].

К моменту публикации статьи ее авторами был выявлен ряд представляющих значительный интерес документов в Государственном архиве Республики Крым (ГАРК), в частности, дело о ремонте памятника в конце XIX в. [Бочаров и др., 2016, с. 376]. Из документа следует, что состоявшие при шейхкойской мечети хатип Абдурешид Абдуллаоглу и имам Абдуль Керим Челеби 10 марта 1898 г. обратились к Таврическому губернатору с просьбой о необходимости ремонта здания: «Мечеть эта и находящееся при ней текие и в особенности минарет пришли в ветхость и требуют существенного ремонта и, кроме того, согласно духу времени, необходимо сделать некоторые изменения и улучшения в текие»[5]. Проект ремонта памятника был разработан архитектором А. Карапетовым, емко охарактеризовавшим постройку: «Мечеть села Шейх-Кой Симферопольского уезда каменное многолетнее здание; сначала состояла из главной 4-стенной части с купольным покрытием; затем к ней был пристроен минарет и поздние помещения, находящиеся впереди и по бокам. ...Пристройки сложены из бутового камня, но на глине. Крыши их покрыты черепицею, и потолки также пришли в ветхость; полы земляные. Все эти помещения очень низки, <…> на высоту 2,5 аршин и потому в этих помещениях едва можно стоять. Окна и двери очень малы, так что в них темновато, и входить в дверь надо значительно нагибаясь, и потому небезопасно, кроме того, они и ветхи»[6].

Очередная совместная публикация авторов [Бочаров и др., 2017], завершившая (на данный момент) серию статей о мечети близ с. Давыдово, стала своеобразным итогом многолетней работы по изучению памятника. Работа аккумулировала все ранее изложенные в трех предыдущих публикациях В. П. Кирилко

[5] ГАРК. Ф. 27. Оп. 13. Д. 3016. Л.1, 48.
[6] ГАРК. Ф. 27. Оп. 13. Д. 3016. Л.1, 49.

и С. Г. Бочарова выводы и предположения. Представлены выявленные авторами в архивохранилищах материалы по истории функционирования здания.

Второй «опорой государственного трона» в ранний период ислама в Крыму принято считать религиозный центр, располагавшийся в юго-восточной части полуострова в селении Колеч (Колечь, Колеч-Мечеть, Коледж), которое в предвоенные годы было включено в состав Новопокровки[7] и в настоящее время является его юго-восточной частью. Как и в предыдущем случае, информативные сведения содержит местная топонимика. В 5 км от Новопокровки расположено село Журавки[8], которое до 1945 г. имело название Сейт-Эли (Сеййид-Эли), что можно перевести как «Селение (край) Сейида». На основании этого можно предположить, что в данной местности какое-то время проживал упоминавшийся выше Сейид Сары Салтук. В 6 км от с. Журавки и в 10 км от с. Новопокровка расположено с. Партизаны[9], до 1948 г. носившее название Шейх-Эли[10], что является еще одним доводом в пользу последнего тезиса. Вполне вероятно, что компактно расположенные села, образуя условный треугольник, ранее составляли единое целое и являлись одним из крупнейших мусульманских религиозно-духовных центров Крыма. В этой же местности расположено село Синицыно[11] (до 1948г. – Барак), возможно, также связанное с личностью легендарного последователя Сейид Сары Салтука – Барака Бабы.

Из четырех упомянутых сел материальные подтверждения размещения в этом районе религиозного центра выявлены в Новопокровке. В конце 50-х гг. XX в. в селе на строительные нужды при возведении переселенческих жилых домов была разобрана мечеть, в которой, по свидетельству местных жителей, до этого попеременно располагались амбар, кузница, сельский клуб. При проведении строительных работ на частном землевладении по адресу ул. Советская, 35, М. Минзатовым был обнаружен фундамент, сложенный из крупных камней на известковом растворе с примесью толченой керамики, предположительно представляющий собой остатки мечети. Рядом располагалось кладбище с множеством надгробий, утраченных в настоящее время [Гаврилов, 2008, с. 359]. В 0,65 км к юго-востоку от выявленных остатков мечети рядом с курганом № 2134 находился мавзолей. При обследовании данного места было обнаружено небольшое количество мелких бутовых известняковых кам-

---

[7] **Новопокровка** – село в Кировском районе Республики Крым, входит в состав Журавского сельского поселения.

[8] **Журавки** – село в Кировском районе Республики Крым, центр Журавского сельского поселения.

[9] **Партизаны** – село в Кировском районе Республики Крым, центр Партизанского сельского поселения.

[10] Селение **Шейх-Эли** находилось в 0,7 м к северо-востоку от с. Партизаны. Территория подвергается распашке. Подъемный материал представлен фрагментами красноглиняной поливной керамики с различными вариантами геометрического и растительного орнаментов, выполненных в технике сграффито, монетами золотоордынской чеканки. На основании археологического материала селение датировано XIV – XV вв. Шурфовки и раскопки не проводились.

[11] **Синицыно** – село в Кировском районе Республики Крым, центр Синицынского сельского поселения.

ней, фрагментов черепицы и поливной керамики. Ныне территория занята мусульманским кладбищем, частными огородами и пахотным полем. Подъемный материал представлен фрагментами поливной керамики с различными вариантами геометрического и растительного орнаментов. На основании археологического материала поселение датировано XIV – XVIII вв. Археологические исследования не проводились [Гаврилов, 2008, с. 359]. Территория бывшего поселения занята жилой застройкой, бывшей молочно-товарной фермой и пахотными полями.

Селение Колеч и мечеть в нем упомянул Э. Челеби: «…Остановка Колеч-Саласы. Она расположена недалеко от крепости Кефе. Там 200 татарских домов, соборная мечеть с высоким куполом и каменным минаретом, баня и строения, крытые свинцом. Там имеются сады и виноградники, это благоустроенная деревня. Здесь жил шейх – святой Ахмед-эфенди из Коледжа, предсказатель и великий султан. Теперь у него сорок тысяч мюридов из родов носящих рубище живут в Крыму, это верные влюбленные. На его могиле безграничны благодеяния приходящим и уходящим, богачам и нищим, ночью и днем» [Челеби, 2017, с. 226]. Последнее свидетельство турецкого путешественника можно расценивать в качестве описания святого места или Азиза, который, скорее всего, был расположен близ мечети. Согласно сведениям Н.Абдульваапа, в селении Коледж находилась могила шейха ордена хальветийе святого Ахмеда-эфенди Куледжского [Абдульвапов, 2005, с. 189].

Дальнейшие сведения о мечети получены благодаря подвижничеству членов Таврической ученой архивной комиссии (ТУАК) и выявлены на страницах ИТУАК. Установлено, что в 1897 г. был поднят вопрос о необходимости ремонта здания, на что тогда требовалось 500 рублей. Императорской археологической комиссией (ИАК) ремонт был признан желательным, но по неустановленным причинам не состоялся. В сентябре 1914 г. ТУАК вновь уведомила ИАК о плачевном состоянии памятника. Отмечалось, что «в разных местах здания появились трещины, штукатурка обвалилась, нет запоров, никто не заботится об охране мечети» [протоколы.., 1915, с. 220]. В ответ на обращение в начале 1915 г. из Петербурга поступил запрос Таврическому губернатору с просьбой предоставить проект ремонта здания и его смету.

В мае 1915 г. по предложению Н. А. Княжевича был произведен осмотр мечети комиссией ТУАК в составе Л. П. Колли, Л. Н. Папарупа и исполняющего обязанности Таврического губернского архитектора И. В. Ларионова с целью определения необходимых действий для «поддержания здания в прочном и безопасном состоянии» [протоколы.., 1915, с. 220]. В результате был намечен рад первоочередных мер, который включал в себя: «1. Восстановить разрушенную часть облицовки северной стены восьмигранника под куполом мечети; 2. Исправить, а частью перекрыть заново каменными плитами крышу купола мечети; 3. Сделать черепичную кровлю над входом в мечеть; 4. Расшить все швы в кладке стен, а также и имеющиеся незначительные трещины; 5. Оштукатурить заново <…> стены в тех местах, где штукатурка обвалилась или плохо держится; 6. Сделать две новые двери с обивкой наружной двери железом; 7. Сделать во все окна железные переплеты с остеклением

их; 8. Расшить и залить цементом швы в плиточном полу; 9. Побелить стены и свод внутри мечети; 10. Покрасить масляной краской хоры» [протоколы.., 1915, с. 220]. И. В. Ларионовым была составлена смета, которая 21 июля отправлена на заключение в ИАК. В октябре получен ответ, в котором сообщалось, что ремонтные работы должны быть проведены с соблюдением следующих условий: «1. Каменную крышу над входом в мечеть только ремонтировать, не прикрывая черепицей; 2. Сохранить существующие дверные створы, поправив их; 3. Оконные рамы вставить только в верхние окна, так как нижние окна хорошо закрыты внутренними ставнями, а если их застеклить, то стекла будут скоро разбиты; 4. Сохранить существующие в окнах решетки и каменный резной наличник у второго окна, считая от минарета; 5. Внутри мечети не белить, но только обтереть от пыли и паутины и сохранить замечательные орнаменты и сталактиты, которыми украшен михраб; 6. Не красить хоры» [протоколы.., 1915, с. 221]. Учитывая замечания ИАК, И. В. Ларионовым были внесены необходимые корректировки в смету, которая в конечном итоге составила 2561 рубль 63 копейки. О выделении необходимой суммы из вакуфного капитала было подано прошение губернатора в Министерство внутренних дел.

Согласно протоколу заседания ТУАК от 9 декабря 1915 г. Л. П. Колли и И.В.Ларионовым был сделан совместный доклад «К реставрации мечети в д.Кулеч-Мечеть Феодосийского уезда». Сообщение, кроме общих сведений о памятнике, содержало ряд деталей, не отмеченных авторами дальнейших работ. В частности, было указано, что «нижние окна мечети закрываются внутренними ставнями», «в самой мечети пол выстлан гончарными шестигранными плитками, а в боковых частях входа – кирпичом, в средней части входа пол земляной» [Протоколы…, 1915, с. 219]. Отмечено, что «михраб украшен прекрасными орнаментами и сталактитами. Сталактитами же украшена и внутренняя дверь в мечеть со стороны входа. <…> Мечеть построена из твердого известняка, частью штучного, а частью бутового камня, а минарет весь из штучного чисто тесаного камня. Крыша мечети покрыта каменными плитами» [протоколы.., 1915, с. 220].

Из протокола заседания ТУАК от 25 июня 1920 г. следует, что памятник был отремонтирован в 1917 г., но уже вскоре «варварски разгромлен. Массивная деревянная входная дверь снята и унесена. Плиты с фресками частью перебиты. Деревянная приставная лестница хор унесена. В решетке окна некоторые прутья выломаны. Решетки на хорах нет. С минарета сброшено около десяти массивных плит, скрепленных проволокой и составлявших бордюр его. Великолепный могильный памятник у мечети и другой памятник разбиты. Необходимо немедленно замуровать вход и окна камнем, на что, по исчислению председателя Феодосийской земской управы Я. Р. Журавлева и земского техника А. Н. Галанина, требуется 40–50 тысяч рублей» [протокол.., 2004, с. 124]. В письме на имя председателя ТУАК В. Д. Гейман, осмотревший мечеть вместе с земским техником Галаниным, дополнил сообщенные ранее сведения: «В левом углу мечети лежат обломки чаши и балдахина с рисунками, а также остатки статуи. В середине михраба имеются следы от пуль. В правом углу

сбит карниз каменной лестницы, лежат остатки плит с фресками, решетка сломана. Перила хор и лестница унесены, и хода наверх нет. Свод мечети дал трещину в двух местах. Снаружи мечети валяются плиты с балкона минарета. Плиты памятников возле мечети разбиты. Полумесяц на куполе мечети сбит выстрелом» [протокол.., 2004, с. 124].

В 1927 г. Б. Н. Засыпкин описал памятник следующим образом: «В основе план мечети представляет правильный квадрат, перекрытый куполом, на сферических парусах, четыре стены имеют по четыре больших стрельчатых окна, расположенных в два яруса, и вверху по центральной оси – круглое <…>. Михраб в южной стене представляет двойную нишу <…>. Является богато и разнообразно орнаментированным и, несмотря на то, что нижние его части разрушены, а он безвкусно раскрашен яркими красками, производит интересное впечатление <…>. Не менее интересен по аналогичной обработке вход в мечеть[12], в настоящее время выходящий в <…> пристроенную северную часть <…>. Тимпан был заполнен растительным орнаментом <…>. Стены выложены из тесаного камня, купол и крыши выстланы плитами. В юго-западном углу внутри сохранился в полуразрушенном состоянии каменный мембер. Мечеть требует срочного ремонта обвалившейся восточной стенки барабана» [Засыпкин, 1927, с. 145–146]. Об архитектурной стилистике и датировке памятника Б. Н. Засыпкин подчеркнул, что вместе с Карагозской она отражает тип купольной османской мечети, который получил распространение на полуострове [Засыпкин, 1927, с. 146].

Здание мечети пострадало в результате землетрясения 1927 г.: образовался ряд трещин и разрывов кладки восьмигранного барабана, в результате которых произошел обвал его трех граней, частично нарушилась кладка примыкающих граней. Разрушился притвор мечети, остались лишь части восточной и западной стен [Отчет.., 2008, с. 91–92]. С 12 августа по 10 сентября 1932 г. на памятнике проводились реставрационные работы, осуществлявшиеся согласно распоряжению архитектора Центральных государственных реставрационных мастерских Д. Н. Сухова группой феодосийских каменотесов под руководством турецкого мастера Яни Фока и наблюдением Н. С. Барсамова. Согласно отчету последнего о работах на памятнике, «все рекомендации, отмеченные в акте обследования разрушений, составленном архитектором Д. Н. Суховым, были полностью выполнены. <…> Все работы сделаны добросовестно с соблюдением характера первоначальной кладки». После окончания работ на стене была сделана надпись краской: «На основании Декретов Советского правительства эта мечеть, как древнейший исторический памятник, ценный для науки о прошлом Крыма, состоит на особом учете и находится под охраной Крымсовнаркома.

[12] Аналогии портала мечети в селении Колеч Е. А. Айбабиной были выявлены на городище Чуфут-Кале, где во время археологических исследований в 1929 г. был обнаружен архитектурный фрагмент, на котором также был применен прием очерчивания ниши с целью усиления декоративного эффекта [Айбабина, 2018, с. 160].

Разрушение мечети карается как уголовное преступление» [Отчет.., 2008, с. 91–92].

Из утраченных архитектурных памятников исследуемых духовных центров наилучшая возможность реконструкции архитектурного облика имеется при рассмотрении стилистики мечети селения Колеч. Выявлено значительное количество иллюстративного и фотографического материала, не только зафиксировавшего памятник с разных сторон, но отразившего различные детали его внутреннего декора.

Наиболее ранним выявленным изображением мечети является рисунок середины XIX века феодосийского художника В. О. Руссена. Работа, в настоящее время являющаяся частью фондов Феодосийского музея древностей [Петрова, 2015, с. 135], представляет собой подготовительный эскиз для запланированных литографий, которые так и не были выполнены. Мечеть изображена с северо-востока, вокруг нее хорошо заметны следы многочисленных захоронений, находящихся в заброшенном состоянии, о чем свидетельствуют частично разрушенные покосившиеся надгробия. Здание мечети архитектурно целое, следов серьезных разрушений не выявлено. У южной стены мечети изображен надгробный памятник в виде открытой арочной беседки: «Сооружение прямоугольное, с высоким цоколем и шестью арками стрельчатого профиля. Арки поддерживаются невысокими круглыми колоннами, пяты арок опираются на квадратные плиты капителей. Монотонность плоскостей арок оживляется широким срезом по краю и карнизом по верху. Арки соединены железными связями. Вероятно, памятник был перекрыт куполом, который не сохранился». [Ломакина, 2020, с. 92; Ломакина, 2019, с. 220]. Наличие значительного количества захоронений и надгробных сооружений различных форм свидетельствует о продолжительном функционировании некрополя вокруг мечети.

В середине 20 годов XX века по инициативе КрымОХРИС была начата зарисовка крымских памятников, порученная феодосийскому художнику К.Ф.Богаевскому. В фондах Феодосийского музея древностей и Феодосийской картинной галереи им. И.К. Айвазовского выявлены три акварели художника с видами мечети[13]. Их детальный анализ представлен в публикациях М.А.Ломакиной [Ломакина, 2020, с. 86–95; Ломакина и др., 2019]. Работы, выполненные с большой точностью и с разных ракурсов, являются существенным дополнением к имеющимся фотографическим снимкам.

Сохранившегося иллюстративного и фотографического материала достаточно, чтобы говорить об общей архитектонике здания. Фотоснимки 20 годов XX века, большая часть которых отложилась в Отделе письменных источников Государственного исторического музея (ГИМ ОПИ, Москва)[14] и фондах Бахчисарайского историко-культурного археологического музея-заповедника (БИКАМЗ)[15] [Мечети Крыма.., 2016, с. 35; Мирас-Наследие, 2016, с. 468–469, рис. 466–467, с. 473, рис. 471, с.478–480, рис. 476–478, с. 483–484, рис. 481–482, с. 503–504, рис. 501–502, с. 512, рис.510,

[14] ГИМ ОПИ. Ф. 598. Д. 45. Л. 55, 57, 63, 66–68, 74.
[15] БИКАМЗ. Ф-514, Ф-515, Ф-524, Ф-527–Ф-531.

с. 515–519, рис. 513–517; 23, с. 211] зафиксировали памятник с разных сторон и ракурсов, что позволило полностью реконструировать его облик. Основанием мечети служил квадрат со стороной 14,2 м (согласно плану Б. Н. Засыпкина [Мирас-Наследие, 2016, с. 519, рис. 517]). Стены возведены из обработанного камня. Массивный кубический объем нижнего яруса мечети с помощью угловых скосов под прямым углом переходил в восьмигранный барабан, который завершался полусферическим граненым куполом. Купол, покрытый каменными плитами, венчал алем из двух разноразмерных шаров на стержне. Оконные проемы располагались в два яруса, нижний представлен прямоугольными окнами, симметрично расположенными по два в каждой стене постройки. Снаружи они были обрамлены узким выступающим бордюром, образующим над ними стрельчатую арку, глухие люнеты которой украшались резьбой. Окна второго яруса – проемы со стрельчатым арочным завершением, между ними – круглые окна, находящиеся по оси фасадов.

Портал располагался в центре северной стены, над ним, видимо, находился тарих, текст которого не зафиксирован. Дверной проем был богато украшен резьбой, его детальное описание выполнено Б. Н. Засыпкиным [Засыпкин, 1927, с. 145]. К северо-западному углу здания примыкал минарет. Вход в него располагался в восточной части квадратного в плане цоколя высокой прямоугольной формы, который при помощи четырех скошенных граней переходил в восьмигранник. На призматической части видны треугольные грани, имитирующие трompы. Ствол минарета граненый, в верхней его части находился шерфе, поддерживаемый тремя сталактитовыми поясами. Высокий конический купол венчал алем из трех разноразмерных шаров и полумесяца.

У северного фасада размещался большой притвор со щипцом по центру кровли и двумя низкими куполами по бокам, входной портал оформлен в виде глубокой ниши с полуциркульной аркой. Вероятно, пристройка появилось позже основного здания мечети. Она была прямоугольной в плане и закрывала нижнюю часть северной стены вплоть до окон верхнего яруса. Двумя поперечными арками помещение было разделено на три части. В средней находился проход в основное здание, в восточной – вход в минарет, в южной была устроена дополнительная михрабная ниша.

Во внутренней части южной стены мечети размещался михраб, украшенный резным декором, также детально описанный Б. Н. Засыпкиным [Засыпкин, 1927, с.145]. С внешней стороны по оси южной стены здания располагалась внешняя сторона михраба в виде прямоугольного выступа, находящегося между двух стрельчатых окон. Резные декоративные элементы мечети селения Колеч выполнены в сельджукской стилистике. Источник ранних архитектурных фрагментов не выявлен, но исходя из письменных свидетельств о расположении здесь суфийского духовного центра, можно предполагать, что он также находился в этой местности, возможно, и в этом поселении. Не исключено, что дошедшая до нас на многочисленных фотоснимках 20 годов XX века мечеть османского периода была возведена на основе более ранней, воплощавшей в себе черты сельджукской архитектуры. Ближайшей аналогией

рассматриваемого сооружения является также утраченная к настоящему моменту мечеть в селении Карагоз (ныне – с. Первомайское Кировского района Республики Крым). Оформление портала и михрабной ниши может быть сопоставимо с аналогичными элементами, также вторично использованными, мечети Узбека в Старом Крыму. Прямых свидетельств о дате возведения памятника не выявлено. Исходя из его архитектурных особенностей, можно предположить, что мечеть была построена в XVI – XVII веках.

Мечети в селениях Шейх-Кой и Колеч В. П. Кирилко и С. Г. Бочаровым были отнесены «к одному из основных провинциальных типов османских культовых сооружений» [Кирилко и др., 2015, с. 113]. Авторами отмечено, что «подобно шейх-койскому строению в мечети Колеча также вторично используются остатки более раннего, неизвестно откуда перемещённого михраба сельджукского типа, которые здесь были дополнены новыми, но близкими по времени архитектурными и декоративными деталями, существенно изменившими первоначальный вид сооружения» [Кирилко и др., 2015, с. 113] В. П. Кирилко и С. Г. Бочаров предположили возможную относительную синхронность возведения обеих построек, а также подчеркнули, что оба памятника объединяет их предполагаемое назначение – они могли являться главными культовыми сооружениями религиозно-суфийских центров [Кирилко и др., 2015, с. 113].

Третий «очаг» был расположен в юго-западном Крыму в селении Качы (Качи), современное название – Айвовое[16]. Село расположено на западе Бахчисарайского района, в нижнем течении р. Кача, по обоим её берегам, на левом склоне долины, в устье балки Зелинской. Село лежит в стороне (0,5 км южнее) от проходящего по долине шоссе Т-2701 Бахчисарай–Орловка. До 1948 г. называлось Эфенди-кой, когда было переименовано в Комсомольское. Позднее, между 1954 и 1968 гг., название было изменено на Айвовое. Слово «эфенди» (тур. efendi) – греческого происхождения, в турецком языке означает «господин», также используется как вежливое обращение к человеку, имя которого неизвестно (аналог русского «сударь»). В крымскотатарском языке используется в качестве обращения к учёным, образованным людям, в частности – к священнослужителям. Таким образом, историческое название села можно перевести как «селение мудреца». Впервые упоминается под названием Качи в труде Э. Челеби: «Это деревня на берегу реки Качи с тремя сотнями домов, садами и виноградниками, с двумя древними мечетями, с одной баней, одним постоялым двором. Она похожа на красивое касаба[17]. Мы гостили там в текие святого Хызр Шаха-эфенди. <…> Ночью и днем мы наблюдали круговой зикр

[16] **Айвовое** – село в Бахчисарайском районе Республики Крым, входит в состав Тенистовского сельского совета.

[17] **Касаба** – местечко, большое село с мечетью и постоялым двором, обычно резиденция кадия. Э. Челеби не проводит строгой разницы между касаба и селом или деревней, часто употребляя эти термины к одному и тому же населенному пункту.

идущих по мистическому пути, постигали Всеединство и поминали имя Божие. У этого азиза сейчас в Крымской стране сорок тысяч мюридов. Там большой мавзолей в огромном здании с куполами каменной кладки» [Челеби, 2017, с. 67]. Э. Челеби обратил внимание на наличие погребений местных святых: «Действительно, Хызр-эфенди – это святой, молитва которого услышана, великий воин и храбрец, в равной степени, как аскет, так и муджахид, великий султан святых нищих суфиев. И его отец – святой Мухаммед-эфенди, и его дед – Хусейн-эфенди похоронены рядом с текие. Теперь это – место поклонения благородных и простолюдинов, мужей сердца» [Челеби, 2017, с. 67]. Таким образом, перед нами в средневековом селении Качы, исходя из рассказа Э. Челеби, предстает стандартный набор строений, характерный для крупного духовного религиозного центра: хан, две мечети, мавзолей, текие Хызр Шаха-эфенди, рядом с ним – место захоронения святых, уже к середине XVII в. превращенное в широко почитаемый Азиз. Присутствуют прямые указания на распространение в селении суфизма, причем как минимум на протяжении нескольких поколений и пользующегося успехом среди жителей окрестных центров. Э. Челеби указывает на значительное количество учеников (хотя цифра в сорок тысяч явно завышена). В окрестностях крепости Инкерман турецкий путешественник обнаружил захоронение Якуба-эфенди, бывшего наставником упомянутого Хусейна-эфенди. Могила располагалась возле местной соборной мечети: «На площадке возле этой древней обители похоронен шейх тариката хальвети Якуб-эфенди. Говорят, он достиг степени кутба. Этот Якуб-эфенди был наставником Хусейна-эфенди из Сиваса, похороненного в селении Качи» [Челеби, 2017, с. 71].

В настоящее время в с. Айвовое расположен мавзолей Уч-Азиз («Три святых»). В последней четверти XIX в. памятник в качестве Азиза упомянул В. Х. Кондараки, указавший на наличие в селении у местного шейха святой реликвии: «Уч-азиз около Бахчисарая при д. Эфендикой. Последним приписывают доставку из Мекки волос Магомета, которые по настоящее время сохраняются у местного шейха в серебряном футляре и показываются однажды в год, в десятый день лунного месяца Ашыра» [Кондараки, 1875б, с. 82]. Памятник расположен в с. Айвовое по адресу ул. К.Маркса, 16, на правом берегу р. Кача, в 25 м на запад от реки. Решением Крымского областного исполнительного комитета от 15 апреля 1986 г. № 164 взят на учет, границы охранной зоны не определены. Находится на территории частного домовладения, у западной стены расположены современные хозяйственные постройки. Мавзолей возведен из тесанного и бутового камня-известняка и ракушечника на известковом растворе. Внутри и снаружи стены оштукатурены, без орнаментации. Высота 7,5 м, толщина стен до 0,8 м. Имеет квадратную основу. Вход в помещение расположен в нижней части южной стены. Пол не вымощен, купол в настоящее время покрыт металлом, первоначальное покрытие не сохранилось (возможно, было черепичным). После установления советской власти в Крыму использовался в качестве складского помещения для сельхозинвентаря 4 бригады 3 отделения колхоза им. В. И.Ленина [Свод памятников.., 2016, с. 11]. Частично пострадал во время землетрясения 1927 г.

и в годы Великой Отечественной войны от разрыва снаряда. В послевоенный период был произведен ремонт памятника. В 1995 г. проведены работы по перекрытию купола. Во время осмотра памятника в 2003 г. выявлены трещины под куполом, вздутие западной и восточной стен. Осенью 2004 г. Бахчисарайским ПМК-2 произведены ремонтные работы [Свод памятников.., 2016, с. 12]. К сожалению, в распоряжении исследователей пока недостаточно аргументов, чтобы с уверенностью утверждать, что именно о нем идет речь в рассказе турецкого путешественника. Не исключено, что в дюрбе покоился прах шейхов местной дервишской обители, упомянутых Э.Челеби: дед – отец – сын Хусейн, Мухаммед и Хызр-шах. Вероятная дата сооружения – XVII в.

Отрывочные сведения выявлены о несохранившихся до настоящего времени текие, медресе и мечети, некогда составлявших вместе с дюрбе Уч-Азиз единый культовый комплекс. Установлено, что к концу XIX в. текие в селении Эфенди-кой продолжало функционировать и владело вакуфным имуществом в Бахчисарае. Шейхом заведения являлся Сеит Селямет-эфенди. Медресе к 1862 г. находилось в руинированном состоянии, в дальнейшем не восстанавливалось, когда прекратило работу – не ясно. Здание мечети использовалось по своему прямому назначению до 1930 г., когда 5 ноября Президиумом ЦИК Крымской АССР было принято постановление о ее ликвидации и об использовании здания в культурно-просветительских целях [Свод памятников.., 2016, с. 12].

Последний, четвертый из «очагов» находился в степном Крыму в селении Ташлы-Шейх-эли, располагавшемся на территории современного Красногвардейского района. В настоящее время село не существует, во второй половине XX в. до ликвидации носило название Беседино[18]. Наименее изученный центр из четырех представленных. Это обусловлено рядом объективных факторов, важнейший из которых – отсутствие материальных свидетельств на территории поселения. При этом археологические разведки не проводились, затруднены регулярной распашкой территории. В историографической традиции конкретные сведения о возможных архитектурно-археологических памятниках, составлявших характерный набор для крупных духовных центров, которым, вероятно, являлся и Ташлы, практически отсутствуют. Все это вынуждает говорить о теоретическом архитектурном комплексе исключительно на основе гипотез и предположений, лишь частично подкрепленных достоверными фактами.

В «Списке населённых мест Таврической губернии по сведениям 1864 г.», составленном по результатам ревизии 1864 г., Ташлы-Шейх-эли – деревня в ведении мусульманского духовного правления с четырьмя дворами, четырнадцатью жителями и соборной мечетью. Видимо, вследствие эмиграции крымскотатарского населе-

[18] Беседино (до 1948 г. – Ташлы-Шейх-Эли) – исчезнувшее село в Красногвардейском районе Республики Крым, располагавшееся на севере района, в степном Крыму, примерно в 2 км к западу от села Новоэстония. В 1950 г. девять колхозов, в том числе и местный, объединили в колхоз «Дружба народов». Ликвидировано в период с 1968 по 1977 г.

ния, особенно массовой после Крымской войны в Турцию, деревня опустела, и на карте 1865 г. на её месте обозначена одна соборная мечеть. О какой именно мечети идет речь – не ясно, поэтому говорить о предполагаемом периоде ее строительства также не представляется возможным. До настоящего времени памятник не сохранился.

Отрывочные сведения содержит «Универсальное описание Крыма» В.Х.Кондараки: «…Все почти деревни имеют свои Азизы, к которым стекаются на молитву расслабленные и одержимые различными недугами. Из них признаны первенствующими три брата Орден-кельме, при останках которых сохраняется в серебряном футляре частица бороды Магомета, и неизвестные, покоящиеся в д. Эдилер-Шейх-эли» [Кондараки, 1875в, с. 35–36]. Здесь же находились и семь погребений, известные как могилы «святых азизов», возможно, принадлежавшие шейхам – наставникам местной суфийской обители [Абдульвапов, 2005, с. 190].

Исходя из полученных сведений о «четырех очагах», есть основания утверждать, что ранее в каждом из этих селений (ввиду практически полного отсутствия информации данный тезис к селению Ташлы-Шейх-эли применим лишь условно) существовал определенный набор архитектурных строений, свойственный мусульманским духовным религиозным центрам. К таковым относятся прежде всего: мечеть (согласно указанию Э. Челеби, в Качы их было две), текие, постоялый двор. Обязательным атрибутом являлось наличие «святых мест» или Азизов, что в очередной раз подтверждает тезис о распространении идей суфизма в этих центрах, т.к. культ святых являлся его важнейшей составляющей [Абдульвапов, 2005, с.189]. В селении Чоюнджи «широко почитаемой» являлась могила шейха, имя которого народная традиция не сохранила, в Колеч – могила шейха Ахмеда-эфенди Коледжского, в Качы – дюрбе Уч-Азиз, в Эдилер – могилы «святых азизов».

Начиная с последней четверти XVIII в. число суфийских обителей в Крыму непрерывно уменьшалось. С установлением советской власти на полуострове процесс кардинально ускорился, и уже к началу 30-х гг. XX в. можно с уверенностью говорить о прекращении функционирования сети обителей как организационной системы. К середине прошлого века в рамках борьбы с «чуждой» религиозной идеологией был уничтожен ряд культовых зданий, в том числе и имеющих непосредственное отношение к суфизму и к т.н. «четырем очагам»: взорвана шейхкойская мечеть, разобрана мечеть в селении Коледж. Материальными свидетельствами некогда крупных духовных центров, с которых, вполне вероятно, началось распространение ислама в Крыму, являются лишь поздние постройки периода Крымского ханства: мавзолей в с. Айвовое и руинированные остатки мечети в с. Давыдово.

В настоящий момент сведения по истории функционирования центров и архитектурных комплексов на их территории малочисленны и крайне фрагментарны. Перспективным направлением представляются археологические исследования, которые до настоящего времени не проводились ни в одном из селений. Значительным подспорьем может стать качественная архивная эвристика, причем не только в цен-

тральных архивохранилищах Российской Федерации, но и Турецкой Республики, под протекторатом которой долгое время находилось Крымское ханство.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Абдульваап Н. К истории науки, образования и литературы в Крыму в период Золотой Орды // Qasevet. 2014. № 42. С. 2–23.

Абдульваап Н. Суфизм и начальный этап активного распространения ислама в Крыму // Qasevet. 2008. № 34. С. 12–27.

Абдульвапов Н. Актуальные проблемы изучения истории суфизма в Крыму // Ученые записки Таврического национального университета, сер.: «Филология». 2005. Т. 18(57), № 3. С. 179–192.

Абдульвапов Н. Суфизм и начальный этап активного распространения ислама в Крыму // Культура народов Причерноморья. 2006. № 79. С. 140–149.

Айбабина Е. А. Резные камни городища Чуфут-Кале // Поволжская археология. 2018. № 2. С. 150–167.

Акчокраклы О. 1928 сенеси ичинде къырымда фенний ве тарихий экспедициялар // Эсерлер топламы. Симферополь, 2006. С. 252–256.

Акчокракли О. Науково-дослідча робота по історії матеріяльної культури у Криму за 1928 рік // Акчокраклы О. Н. Избранные сочинения по истории, археологии, этнографии / Крымский научный центр Института истории им. Ш. Марджани АН РТ; под ред. С.Р.Хакимова. Симферополь: Форма, 2016. С. 115–117 (Сер.: «Наследие Крыма»).

Бахревский Е. В. Суфизм в Крыму: по материалам «Книги путешествия Эвлии Челеби» // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Вып. 1. Симферополь: Таврия, 1997. С. 395–402.

Бочаров С. Г., Кирилко В. П. Исторические и архитектурные метаморфозы Шейх-Коя // Stratum plus. 2016. № 6. С. 371–392.

Бочаров С. Г., Кирилко В. П. Мечеть в Шейх-Кой: интерпретационные возможности научных источников в исследовании памятника // Научные ведомости Белгородского государственного университета, сер.: «История. Политология». 2017. № 15(264), вып. 43. С. 64–69.

Гаврилов А. В. Средневековые памятники Юго-Восточного Крыма (материалы к археологической карте) // Сугдейский сборник. 2008. Вып. 3. С. 331–384.

Засыпкин Б. Н. Памятники архитектуры крымских татар // Крым. 1927. № 2(4). С. 113–168.

Кирилко В. П. Михраб мечети в Шейх-Кой // Поволжская археология. 2016. № 2(16). С. 138–150

Кирилко В. П., Бочаров С. Г. Малоизвестная средневековая мечеть в Центральном Крыму (Шейх-кой) // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2015. № 4, ч. 2. С. 111–118.

Кондараки В. Х. Универсальное описание Крыма: в 17-ти ч. СПб.: Типография В. Виллинга, 1875а, ч. 11. 87 с.

Кондараки В. Х. Универсальное описание Крыма: в 17-ти ч. СПб.: Типография В. Виллинга, 1875б, ч. 12. 90 с.

Кондараки В. Х. Универсальное описание Крыма: в 17-ти ч. СПб.: Типография В. Виллинга, 1875в, ч. 14. 146 с.

Ломакина М. А. Крымские древности в акварелях К. Ф. Богаевского: к 150-летию со дня рож-

дения художника / Под ред. Е. А. Айбабиной, Д. А. Ломакина. Симферополь: Н. Оріанда, 2020. 448 с. (Серия «Биобиблиография крымоведения»; вып. 30).

Ломакина М. А., Ломакин Д. А. Две несохранившиеся мечети Восточного Крыма в акварелях феодосийского художника К. Ф. Богаевского // IV международный конгресс археологии евразийских степей «Кочевые империи Евразии в свете археологических и междисциплинарных исследований», посвященный 100-летию российской академической археологии, г. Улан-Удэ, 16–21 сентября 2019 г. / Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН; отв. ред. Б. В. Базаров, Н. Н. Крадин: в 2-х кн. Кн. 1. Улан-Удэ: изд-во БНЦ СО РАН, 2019. С. 218–222.

Мечети Крыма на старых фотографиях. Из фондов Бахчисарайского историко-культурного археологического музея-заповедника: к 750-летию образования Золотой Орды / Бахчисарайский историко-культурный археологический музей-заповедник; сост. И. В. Зайцев, Ш. С. Сейтумеров, Р. Р. Эминов. М.: Центр книги Рудомино, ИД «Медина», 2016. 112 с.

Мирас-Наследие. Татарстан-Крым. Город Болгар и изучение татарской культуры в Татарстане и Крыму в 1923–1929 годах: в 3-х т. / Сост. и отв. ред. С. Г. Бочаров, А. Г. Ситдиков. Т. 2. Казань: Издат-Принт, 2016. 572 с.

Отчет Н. С. Барсамова о ремонте древней мечети в деревне Колечь-Мечеть // Охрана и изучение памятников истории и культуры в Крымской АССР: исследования и документы / Авт.-сост. А. В. Хливнюк; под ред. А. А. Непомнящего. Симферополь: СГТ, 2008. С. 91–92. (Сер.: «Биобиблиография крымоведения»; вып. 11).

Петрова Э. Б. Исторический и художественный альбом Таврида Евгения де Вильнёва и Викентия Руссена / Пер. с фр. А. В. Карпенко. Феодосия: ИД Коктебель; Симферополь: Н.Ореанда, 2015. 240 с. (Сер.: «Палитра времени»; вып. 2).

Протокол заседания ТУАК 25 июня 1920 г. // Филимонов С. Б. Хранители исторической памяти Крыма: о наследии Таврической ученой архивной комиссии и Таврического общества истории, археологии и этнографии (1887–1931). Симферополь: ЧерноморПресс, 2004. С. 122–125.

Протоколы заседаний ТУАК: 9 декабря 1915 года // Известия Таврической ученой архивной комиссии. 1915. № 53. С. 219–221.

Свод памятников истории и культуры крымских татар. Т. 2: «Бахчисарайский район» / Крымский научный центр; под ред. Р. С. Хакимрова. Симферополь: Форма, 2016. 184 с.

Сейдалиев Э. И. Мусульманские культовые памятники Крыма периода Золотой Орды. Современное состояние проблемы // Актуальные проблемы изучения и сохранения исламского наследия Крыма: сборник тезисов международной научно-практической конференции, посвященной 700-летию мечети хана Узбека (г. Старый Крым), 14–18 октября 2014 г. / Крымский инженерно-педагогический университет; Крымскотатарский музей искусств. Симферополь, 2014. С. 65–71.

Смирнов В. Д. Крымско-ханские грамоты // Известия Таврической ученой архивной комиссии. 1913. № 50. С. 140–178.

Хартахай Ф. Историческая судьба крымских татар // Вестник Европы. 1866. Т. 2, отд. 1. С. 182–236.

Эвлия Челеби. Книга путешествия. Крым и сопредельные области: извлечение из сочинения турецкого путешественника XVII в. / Пер. и комм. Е. В. Бахревского. Симферополь: Медиацентр им. И. Гаспринского, 2017. 312 с.

Peyssonel M de. Traité sur le commerce de la Mer Noire. Paris. 1787. 340 s.

REFERENCES

Abdul'vaap N. K istorii nauki, obrazovaniya i literatury v Krymu v period Zolotoy Ordy [To the history of science, education and literature in Crimea during the period of the Golden Horde]. *Qasevet,* 2014, no. 42, pp. 2–23. (In Russian).

Abdul'vaap N. Sufizm i nachal'nyy etap aktivnogo rasprostraneniya islama v Krymu [Sufism and the initial stage of the active spread of Islam in Crimea]. *Qasevet*, 2008, no. 34, pp. 12–27. (In Russian).

Abdul'vapov N. Aktual'nye problemy izucheniya istorii sufizma v Krymu [Actual problems of studying the history of Sufism in Crimea]. *Uchenye zapiski Tavricheskogo natsional'nogo universiteta, ser.: «Filologiya»* [Scientific notes of the Taurida National University, series: «Philology»], 2005, vol. 18(57), no. 3, pp. 179–192. (In Russian).

Abdul'vapov N. Sufizm i nachal'nyy etap aktivnogo rasprostraneniya islama v Krymu [Sufism and the initial stage of the active spread of Islam in Crimea]. *Kul'tura narodov Prichernomor'ya* [Culture of the peoples of the Black Sea region], 2006, no. 79, pp. 140–149. (In Russian).

Aybabina E. A. Reznye kamni gorodishcha Chufut-Kale [Carved stones of the Chufut-Kale settlement]. *Povolzhskaya arkheologiya* [The Volga River Region Archaeology], 2018, no. 2, pp. 150–167. (In Russian).

Akchokrakly O. 1928 senesi ichinde k»yrymda fenniy ve tarikhiy ekspeditsiyalar [Scientific expeditions in Crimea in 1928]. *Eserler toplamy* [Collection of publications]. Simferopol', 2006, pp. 252–256. (In Crimean Tatar).

Akchokrakli O. Naukovo-doslidcha robota po istoriï materiyal'noï kul'turi u Krimu za 1928 rik [Research work on the history of material culture in Crimea in 1928]. *Izbrannye sochineniya po istorii, arkheologii, etnografii* [Selected works on history, archeology, ethnography]. Simferopol', Forma Publ., 2016, pp. 115–117. (In Ukrainian).

Bakhrevskiy E. V. Sufizm v Krymu: po materialam «Knigi puteshestviya Evlii Chelebi» [Sufism in Crimea: Based on the Materials of the «Travel Book of Evliya Chelebi»]. *Bakhchisarayskiy istoriko-arkheologicheskiy sbornik* [Bakhchisarai Historical and Archaeological Collection], vol. 1. Simferopol', Tavriya Publ., 1997, pp. 395–402. (In Russian).

Bocharov S. G., Kirilko V. P. Istoricheskie i arkhitekturnye metamorfozy Sheykh-Koya [Historical and architectural metamorphoses of Sheikh Koy]. *Stratum plus*, 2016, no. 6, pp. 371–392. (In Russian).

Bocharov S. G., Kirilko V. P. Mechet' v Sheykh-Koy: interpretatsionnye vozmozhnosti nauchnykh istochnikov v issledovanii pamyatnika [Mosque in Sheikh-Koy: interpretive possibilities of scientific sources in the study of the monument]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta, ser.: «Istoriya. Politologiya»* [Scientific Bulletin of Belgorod State University, series: «History. Political science»], 2017, no. 15(264), vol. 43, pp. 64–69. (In Russian).

Gavrilov A. V. Srednevekovye pamyatniki Yugo-Vostochnogo Kryma (materialy k arkheologicheskoy karte) [Medieval monuments of the South-Eastern Crimea (materials for the archaeological map)]. *Sugdeyskiy sbornik* [Sugdeya collection], 2008, vol. 3, pp. 331–384. (In Russian).

Zasypkin B. N. Pamyatniki arkhitektury krymskikh tatar [Architectural monuments of the Crimean Tatars]. *Krym* [Crimea], 1927, no. 2(4), pp. 113–168. (In Russian).

Kirilko V. P. Mikhrab mecheti v Sheykh-Koy [Mihrab of the mosque in Sheikh Koy]. *Povolzhskaya arkheologiya* [The Volga River Region Archaeology], 2016, no. 2(16), pp. 138–150. (In Russian).

Kirilko V. P., Bocharov S. G. Maloizvestnaya srednevekovaya mechet' v tsentral'nom Krymu (Sheykh-koy) [Little-known medieval mosque in central Crimea (Sheikh-koy)]. *Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of Kazan State University of Culture and Arts], 2015, no. 4, part 2, pp. 111–118. (In Russian).

Kondaraki V. Kh. *Universal'noe opisanie Kryma* [Universal description of Crimea]. St. Petersburg, V. Villing Publ., 1875, part 11. 87 p. (In Russian).

Kondaraki V. Kh. *Universal'noe opisanie Kryma* [Universal description of Crimea]. St. Petersburg, V. Villing Publ., 1875, part 12. 90 p. (In Russian).

Kondaraki V. Kh. *Universal'noe opisanie Kryma* [Universal description of Crimea]. St. Petersburg, V. Villing Publ., 1875, part 14. 146 p. (In Russian).

Lomakina M. A. *Krymskie drevnosti v akvarelyakh K. F. Bogaevskogo: k 150-letiyu so dnya rozhdeniya khudozhnika* [Crimean antiquities in K.F.Bogaevsky's watercolors: to the 150th anniversary of the artist's birth]. Simferopol', N. Orianda Publ., 2020. 448 p. (In Russian).

Lomakina M. A., Lomakin D. A. Dve nesokhranivshiesya mecheti Vostochnogo Kryma v akvarelyakh feodosiyskogo khudozhnika K. F. Bogaevskogo [Two unpreserved mosques of the Eastern Crimea in watercolors by the Feodosia artist K.F.Bogaevsky]. *IV mezhdunarodnyy kongress arkheologii evraziyskikh stepey «Kochevye imperii Evrazii v svete arkheologicheskikh i mezhdistsiplinarnykh issledovaniy»* [IV International Congress of Archeology of the Eurasian Steppes «Nomadic Empires of Eurasia in the Light of Archaeological and Interdisciplinary Research»]. Book 1, Ulan-Ude, Buryat Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences Publ., 2019, pp. 218–222. (In Russian).

Mecheti Kryma na starykh fotografiyakh. Iz fondov Bakhchisarayskogo istoriko-kul'turnogo arkheologicheskogo muzeya-zapovednika: k 750-letiyu obrazovaniya Zolotoy Ordy [Crimean mosques in old photographs. From the funds of the Bakhchisarai Historical and Cultural Archaeological Museum-Reserve: to the 750th anniversary of the formation of the Golden Horde]. Moscow, Medina Publ., 2016, 112 p. (In Russian).

Miras-Nasledie. Tatarstan-Krym. Gorod Bolgar i izuchenie tatarskoy kul'tury v Tatarstane i Krymu v 1923–1929 godakh [Miras-Heritage. Tatarstan-Crimea. The city of Bolgar and the study of Tatar culture in Tatarstan and Crimea in 1923-1929]. Vol. 2. Kazan', Izdat-Print Publ., 2016, 572 p. (In Russian).

Otchet N. S. Barsamova o remonte drevney mecheti v derevne Kolech'-Mechet' [Report by N.S.Barsamov on the repair of an ancient mosque in the village of Kolech-Mechet]. *Okhrana i izuchenie pamyatnikov istorii i kul'tury v Krymskoy ASSR: issledovaniya i dokumenty* [Protection and study of historical and cultural monuments in the Crimean ASSR: research and documents]. Simferopol', SGT Publ., 2008, pp. 91–92. (In Russian).

Petrova E. B. *Istoricheskiy i khudozhestvennyy al'bom Tavridy Evgeniya de Vil'neva i Vikentiya Russena* [Historical and artistic album of Tavrida by Evgeny de Villeneuve and Vincent Russen]. Simferopol', N. Oreanda Publ., 2015, 240 p. (In Russian).

Protokol zasedaniya TUAK 25 iyunya 1920 g. [Minutes of the meeting of the Taurida Scientific Archive Commission on June 25, 1920]. *Filimonov S. B. Khraniteli istoricheskoy pamyati Kryma: o nasledii Tavricheskoy uchenoy arkhivnoy komissii i Tavricheskogo obshchestva istorii, arkheologii i etnografii (1887–1931)* [Keepers of the historical memory of Crimea: on the legacy of the Taurida Scientific Archive Commission and the Taurida Society of History, Archeology and Ethnography (1887–1931)]. Simferopol', ChernomorPress Publ., 2004, pp. 122–125. (In Russian).

Protokoly zasedaniy TUAK: 9 dekabrya 1915 goda [Minutes of meetings of the Taurida Scientific Archive Commission: December 9, 1915]. *Izvestiya Tavricheskoy uchenoy arkhivnoy komissii* [News of the Taurida Scientific Archival Commission], 1915, no. 53, pp. 219–221. (In Russian)

Svod pamyatnikov istorii i kul'tury krymskikh tatar [The collection of monuments of history and culture of the Crimean Tatars]. Vol. 2: «Bakhchisarai district». Simferopol', Forma Publ., 2016, 184 p. (In Russian).

Seydaliev E. I. Musul'manskie kul'tovye pamyatniki Kryma perioda Zolotoy Ordy. Sovremennoe sostoyanie problemy [Muslim religious monuments of Crimea of the Golden Horde period. Current state of the problem]. *Aktual'nye problemy izucheniya i sokhraneniya islamskogo naslediya Kryma: sbornik tezisov mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy 700-letiyu mecheti khana Uzbeka* [Actual problems of studying and preserving the Islamic heritage of Crimea: a collection of abstracts of the international scientific and practical conference dedicated to the 700th anniversary of the mosque of Khan Uzbek]. Simferopol', 2014, pp. 65–71. (In Russian).

Smirnov V. D. Krymsko-khanskie gramoty [Crimean-khan letters]. *Izvestiya Tavricheskoy uchenoy arkhivnoy komissii* [News of the Taurida Scientific Archival Commission], 1913, no. 50, pp. 140–178. (In Russian).

Khartakhay F. Istoricheskaya sud'ba krymskikh tatar [The historical fate of the Crimean Tatars]. *Vestnik Evropy* [Bulletin of Europe], 1866, vol. 2, part 1, pp. 182–236. (In Russian).

Evliya Chelebi. *Kniga puteshestviya. Krym i sopredel'nye oblasti: izvlechenie iz sochineniya turetskogo puteshestvennika XVII v.* [Travel book. Crimea and adjacent regions: extract from the work of the Turkish traveler of the 17th century]. Simferopol', Mediatsentr im. I.Gasprinskogo Publ., 2017, 312 p. (In Russian).

Peyssonel M de. *Traité sur le commerce de la Mer Noire* [Black Sea Trade Agreement]. Paris, 1787. 340 p. (In French).

Резюме

Воссозданы основные этапы истории исследования ранних суфийских центров на территории Крыма, вошедших в отечественную историографическую традицию в качестве «четырех столпов государственного трона и блюстителей окна правительственных дел», располагавшихся на территории средневековых поселений Чоюнджи, Колеч (Коледж), Качы (Эфенди-кой) и Ташлы-Шейх-эли (Эдилер) в разных частях полуострова. В результате проведенных исследований выявлено достаточно оснований, чтобы утверждать, что в каждом из рассматриваемых поселений располагался крупный религиозный центр, о чем свидетельствуют прежде всего характерные «наборы» архитектурных сооружений: мечеть (в Качы их, вероятно, было две), текие, постоялый двор. Учитывая, что культ святых являлся важнейшей составляющей суфизма, неотъемлемым атрибутом каждого из духовных центров были Азизы или «святые места». В селении Чоюнджи широко почитаемой являлась могила одного из шейхов, в Колеч – могила шейха Ахмеда-эфенди Коледжского, в Качы – дюрбе Уч-Азиз, в Эдилер – могилы «святых азизов». В настоящее время сохранившиеся материальные памятники имеются лишь на территории двух селений – дюрбе (Качы) и руинированные остатки мечети (Шейх-Кой). Относительно недавно (после окончания Великой Отечественной войны) была разобрана до фундаментов мечеть в с. Колеч, взорвана мечеть в с. Шейх-Кой. Ни в одном из центров археологические раскопки не проводились, поэтому это направление для про-

должения исследований является наиболее перспективным. Автором широко использован обширный комплекс источников: проанализированы научные труды второй половины XIX – начала XXI века, применены выявленные архивные материалы из фондов центральных и ведомственных архивохранилищ (ГНИМА, ГИМ, Москва; БИКАМЗ, Бахчисарай; ГАРК, Симферополь). Важным дополнением к фотографическому материалу стали акварельные работы феодосийского художника К. Ф. Богаевского середины 20 годов XX века из фондов Феодосийского музея древностей и Феодосийской картинной галереи им. И. К. Айвазовского. Фрагментарная информация об исследуемых памятниках была получена путем анализа протоколов заседаний Таврической ученой архивной комиссии. (Библиогр. 24 назв.).

Ключевые слова: Крым, архитектурно-археологический памятник, мечеть, дюрбе, распространение ислама, суфизм, исторический источник, история изучения.

Summary

Research objective: to recreate, on the basis of an extensive set of sources, the main stages of history of the study of the early Sufi centers in Crimea, which entered the national historiographic tradition as «the four pillars of the state throne and the guardians of the window of government affairs», located on the territory of the medieval settlements of Choyunji, Kolech (Coledzh), Kachy (Efendi-koy) and Tashly-Sheikh-eli (Ediler) in different parts of the peninsula. As a result of the studies carried out, sufficient grounds were obtained to assert that in each of the settlements under consideration there was a large religious centre, as evidenced, first of all, by the typical «sets» of architectural structures: a mosque (in Kachy there were probably two), a tekie and an inn. Given that the cult of saints was the most important component of Sufism, Azizes or «holy places» were an integral attribute of each of the spiritual centers. In the village of Choyunji, the tomb of one of the sheikhs was widely revered, in Kolech – the tomb of Sheikh Akhmed-Effendi Koledzhsky, in Kachy – the Uch-Aziz dyurbeh, and in Ediler – the resting places of the «holy Azizes». At present, the preserved material landmarks can be found only in two villages. They are the dyurbeh (Kachy) and the ruined remains of a mosque (Sheikh-Koy). No archaeological exploration and excavations were carried out in any of the centers, so this direction is the most promising for further studies. (Refs 24).

Key words: Crimea, architectural and archaeological landmark, mosque, dyurbeh, spread of Islam, Sufism, historical source, history of study.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ
Ломакин Дмитрий Анатольевич – к.и.н.,
старший научный сотрудник,
Институт археологии Крыма РАН,
Российская Федерация, 295007, Симферополь,
проспект Академика Вернадского, 2.
LomakinDA@mail.ru.

ABOUT THE AUTHOR
Dmitriy A. Lomakin – CSc in History,
Senior Researcher,
Institute of Archaeology of Crimea RAN
2, V. I. Vernadsky Avenue, Simferopol, 295007,
Russian Federation.
LomakinDA@mail.ru.

M E M O R I A

ПАМЯТИ ЕВГЕНИЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА МОЛЕВА
IN MEMORY OF EVGENY ALEKSANDROVICH MOLEV

16 августа 2021 г., когда завершалась подготовка этого номера «Боспорских исследований», пришла печальная весть: на 75 году ушел из жизни Евгений Александрович Молев, известный российский историк-антиковед, археолог, доктор исторических наук, профессор, декан исторического факультета (2002 – 2012), заведующий кафедрой археологии, искусствоведения и музеологии (2010 – 2014) Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, специалист по античной истории и археологии Северного Причерноморья.

Памяти Евгения Александровича Молева

Е.А. Молев родился 18 января 1947 г. в городе Пинске Брестской области в семье военного. В 1964 г. поступил на историко-филологический факультет Горьковского государственного университета, где его учителем был В. Г. Борухович. После окончания университета до 1976 г. работал в Керченском историко-археологическом музее научным сотрудником и заведующим отделом. С 1975 г. возглавил Китейскую археологическую экспедицию и затем долгие годы исследовал этот боспорский город. В 1977 г. переехал в Анапу, работал научным сотрудником Анапского краеведческого музея. В 1992 году вернулся в Нижний Новгород и преподавал в Нижегородском государственном университете. Однако он не порывал связи с Керчью, где ежегодно проводил археологические исследования. С 2001 г. Евгений Александрович вошел в редакционную коллегию «Боспорских исследований» и на протяжении всех последующих лет плодотворно участвовал в работе этого издания, опубликовал многочисленные статьи и две монографии по результатам раскопок Китея. Он был неизменным участником ежегодных международных конференций «Боспорских чтений», а с 2015 по 2019 г. – членом попечительского совета Благотворительного фонда «Деметра». Мы помним его как очень эрудированного ученого и доброжелательного человека, всегда готового к научной дискуссии и просто к дружескому общению.

Редколлегия.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВ	– Археологические вести. СПб.
АДСВ	– Античная древность и средние века.
АО	– Археологические открытия. М.
БИ	– Боспорские исследования.
БФ	– Боспорский феномен. СПб.
БЧ	– Боспорские чтения. Материалы международной научной конференции. Керчь.
ГАИМК	– Государственная академия истории материальной культуры. Л.
ГИМ	– Государственный исторический музей.
ГМИИ	– Государственный музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина.
ДБ	– Древности Боспора. М.
ЗООИД	– Записки Одесского общества истории и древностей
ИА РАН	– Институт археологии Российской академии наук. М.
ИГАИМК	– Известия Государственной академии истории материальной культуры.
ИИМК РАН	– Институт истории материальной культуры Российской академии наук. СПб.
ИНИОН РАН	– Институт научной информации общественных наук Российской академии наук. М.
ИТУАК	– Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь.
КСИА	– Краткие сообщения Института археологии РАН. М.
КЧ	– Крупновские чтения.
МАИЭТ	– Материалы по археологии, истории и этнографии Таврики.
МАО	– Московское археологическое общество.
МГУ	– Московский государственный университет.
МИА	– Материалы и исследования по археологии СССР.
ОПП	– Общая пропорциональность.
РА	– Российская археология. М.
РАНИОН	– Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук. М.

РО НА ИИМК РАН	– Рукописный отдел научного архива Института истории материальной культуры Российской академии наук.
СА	– Советская археология. М.
СКОАИЭ	– Северокавказское общество археологии, истории и этнографии. Ростов-на-Дону.
ТГИМ	– Труды Государственного исторического музея. М.
ХСб.	– Херсонесский сборник.
BAPD	– База данных расписных ваз Архива Бизли, Classical Art Research Center, University of Oxford, https://www.cvaonline.org/XD/ASP/default.asp
CVA	– Corpus Vasorum Antiquorum. Union Académique Internationale,1914.
DNP	– Der neue Pauly : Enzyklopädie der Antike. Stuttgart, 1996–2003.
LIMC	– Lexicon Iconographicum Mythologiae Classicae. Vol. I–VIII. Zürich, München, Düsseldorf, 1981–2009.

СОДЕРЖАНИЕ

Виноградов Ю.А.
Е.Я. Рогов, человек, которого забыть невозможно …… 3

Зинько В.Н.
Вспоминая Евгения …….. 17

СТАТЬИ

Зинько В.Н.
Из ранней истории Тиритаки……..…….. 22

Букина А.Г.
Мифологические изображения
на чернофигурной керамике из Тиритаки…….. 44

Гарбузов Г.П.
Поселенческий потенциал Таманского полуострова …… 74

Шонов И.В.
Монограммы правителей на золотых и серебрянных
монетах Пантикапея 175 – 122 гг. до н.э. …….. 92

Сидоренко В.А.
Штемпельный метод в нумизматике Боспора и Крыма ……..…… 116

Ганцев В.К.
Средневековые скальные виноградодавильни
Юго-Западного Крыма: источниковая база и основные
направления современных исследований ……..… 133

Суханов Е.В.
Культурные традиции создания форм горшков
в VIII – IX веках в Причерноморье ……. 154

Айбабина Е.А., Антипенко А.В., Ломакин Д.А.,
Сейдалиев Э.И.,Сейдалиева Д.Э.,Спивак И.А.
Распространение ислама в Юго-Восточном Крыму
в золотоордынский период: комплексный подход…… 174

ПУБЛИКАЦИИ

Котина А.В., Симонов В.В.
Новый сакральный объект из Тиритаки…….…… 205

Симонов В.В., Скляренко И.В.
Исследования кладбища 383
стрелковой дивизии в районе высоты 82,5
(итоги сезонов 2020 – 2021 гг.)…… 220

Симонов В.В., Скляренко И.В.
Некоторые замечания в связи
с переносом вновь выявленного кладбища
339 стрелковой дивизии в Керчи ……. 249

ИСТОРИЯ НАУКИ

Паромов Я.М.
Очерк развития археологической картографии
в России (XVIII – начало XXI в.) …… 267

Виноградов Ю.А.
Этюд к истории Керченского музея
на грани эпох (1918 – 1921) …… 277

Паромов Я.М.
История археологических исследований
на Таманском полуострове.
Часть 4 (2013 – 2016 гг.) …….. 306

Ломакин Д.А.
«Четыре столпа государственного трона»:
история изучения и современное состояние
материальных памятников суфийских
раннеисламских центров в Крыму …… 386

MEMORIA

Памяти Евгения Александровича Молева …… 407

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ…….. 409

CONTENTS

Vinogradov Iu.A.,
E.Ya. Rogov, the man, who
is impossible to forget …… 3

Zin'ko V.N.
Remembering Eugene.…… 17

ARTICLES

Zin'ko V.N.
From the early history of Tyritake …… …… 22

Bukina A.G.
Mythological paintings of the Black
figure pottery found in Tyritake……..…… 44

Garbuzov G.P.
Settlement potential of the Taman Peninsula …….. 74

Shonov I.V.
Monograms of Rulers on gold and silver
coins Pantikapey 175 – 122 gg. BC. ……..…… 92

Sidorenko V.A.
Mint-stamp method in numismatic
of Bosporos and Crimea ……. 116

Gantsev V.K.
Medieval rock-cut wine presses
of South-Western Crimea: source base and
main directions of modern research …… 133

Sukhanov E.V.
Cultural traditions of creating pot shares
in the 8th – 9th centuries in the Black
Sea region …….. 154

Aibabina E.A., Antipenko A.V., Lomakin D.A.,
Seydaliev E.I., Seydalieva D.E., Spivak I.A.
The spread of Islam in the South-Eastern
Crimea during the Golden Horde period:
a comprehensive approach ……..……..…… 174

PUBLICATION

Kotina A.V., Simonov V.V.
A new sacral object from Tyritake ……..… 205

Simonov V.V. Sklyarenko I.V.
Studies of the cemetery of the 383
infantry division in the area of height 82.5
(results of the 2020 –2021 seasons)……..….. 220

Simonov V.V. Sklyarenko I.V.
Some comments in connection with
the transfer of the newly identified cemetery
of the 339 infantry division to Kerch …….. 249

HYSTORY

Paromov Ya.M.
An outline of the development
of archaeological cartography in Russia
(XVIII – beginning of the XXI century) …… 267

Vinogradov Iu.A.
Etude to the history of the Kerch
museum on the border of epochs (1918 – 1921) …… 277

Paromov Ya.M.
History of archaeological research
on the Taman peninsula. Part 4 (2013–2016)..…… 306

Lomakin D.A.
«Four pillars of the State throne»:
the History of researches and the modern
state of material monuments
of Sufi early islamic centers in Crimea …… 386

MEMORIA

In memory of Evgeny Aleksandrovich Molev…… 407

LIST OF ABBREVIATIONS……. 409

Научное издание

Боспорские исследования

Вып. XLIII

Журнал основан в 2001 году, выходит 2 раза в год
Сайт журнала: http://bospor-issled.cfuv.ru

Учредитель: ФГАОУВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»

Редакция: 295007, Россия, Республика Крым, г. Симферополь,
проспект Академика Вернадского, д. 4, НИЦ истории и археологии Крыма

Главный редактор: А. И. Айбабин

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-61808 от 18.05.2015 г. выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Журнал индексируется в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ)

Журнал входит в перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук (список научных журналов ВАК МОиН РФ) по специальности 07.00.00 – исторические науки и археология

Перевод на английский *Н.М. Красина*
Корректор *Г.Н. Хлебникова*
Компьютерная верстка *Г.В. Воробьева*

Подписано в печать 09.12.2021 г.
Формат 70х100 1/16. Усл. печ. л. 33,8+0,16 вкл.
Тираж 300 экз. Заказ 589.
Распространяется БЕСПЛАТНО.

Издательство: ООО «Керченская городская типография»
298300, Республика Крым, г. Керчь, ул. Кирова, 13, офис 1.

Отпечатано в ООО «Керченская городская типография»
298300, Республика Крым, г. Керчь, ул. Кирова, 13, офис 1.